

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
кафедра истории и теории государства и права**

МАТЕРИАЛЫ

III Всероссийской научно-практической конференции с международным
участием
профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов,
**«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ»**
(19 – 20 апреля 2018 г.)

г. Симферополь
2018

УДК 34

Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов /. Симферополь: «КФУ имени В.И. Вернадского», 2018. 877 с.

Настоящий сборник составлен по материалам III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. **«Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект»**, состоявшейся 19-20 апреля 2018 г. в г. Симферополе.

В материалах конференции отражены проблемные аспекты, связанные с исследованием современных правовых институтов и процессов в условиях постоянного взаимовлияния – глобализации. С помощью методов сравнительного правоведения и комплексного исследования были проанализированы различные юридические категории в сфере прав человека, функционировании публичной власти, отдельных институтов отраслей права.

Исследованы и проанализированы сферы правовой жизни с различных точек зрения и видения правовых школ, результаты могут быть применимы не только в практической деятельности, но также способствовать развитию теоретических дискуссий и дальнейшему научному исследованию современных правовых явлений.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

СОДЕРЖАНИЕ	
ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	
Корнев А. В. ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	15
Комарова В.В. КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ	21
Несмеянова С. Э. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	30
Архипов С. И. ИНДИВИД В ГЛОБАЛЬНОМ ПРАВОВОМ МИРЕ.	35
Васильев С.А. ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ	39
Фадеева Е.С. ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ПОДХОДЫ	44
СЕКЦИЯ 1 ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ПРАВА В РОССИИ	
Чеботарева Г.В. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ/	51
Харченко Е.С., Рыбкина М.В. К ВОПРОСУ О РОЛИ СУДА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ/	57
Каменков В. С. МЕДИАТОР - ХОРОШИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ?	60
Рябина А.С., Оганесян С.М. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	73
Ерёмина И. С. ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.	78
Титаренко А.В. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В	

УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	84
Воронцова Е.В. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.	89
Воронцов А.Л. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ В РОССИИ.	94
Рябинин И.М, Грызунова Е.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАРТЕРНОЙ ПЕРЕВОЗКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	98
Березина Е.А. ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.	105
Дмитриенко А.Я., Черткова Ю.В. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРОЦЕССЫ ГАРМОНИЗАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ.	112
Путренко А.Н. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.	118
Оганесян С. М. Чернов Ю.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВЕННОЙ МАССЫ.	124
Алимов З.А. ОТКАЗ ОТ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ.	130
Гуменюк Е.В. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВО РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВОСОЗНАНИЯ.	135
Бассараб Л. В. НОРМЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЭКИПАЖА ТОРГОВОГО СУДНА, ПО ПРОЕКТУ УЛОЖЕНИЯ О ТОРГОВОМ МОРЕПЛАВАНИИ.	140
Благодатная Е. Ю. ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК В СССР В 1937 ГОДУ.	147
Сорокин Г. А. ПРИНЯТИЕ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ НОРМ МОРСКОГО ПРАВА В ОТНОШЕНИИ МОРСКОЙ АВАРИИ.	152
Островский А.А. ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО НАД АРЕСТАНСКИМИ РОТАМИ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ.	158
Лукьянишина В.Н. ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА	

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СССР ПОСЛЕ 50-Х ГОДОВ.	163
Дмитриев Л. В. ДЕЛИКТНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: ИСТОРИКО - ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.	167
Путренко Н. А. К ВОПРОСУ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА.	173
Родина А.С. АВТОРЫ КАК ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.	179
Клешнев Г.А. РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ.	185
Бугара Е. И. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	190
Гайдар Т.А. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	195
Киреева К. А. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	199
Зитулаева Д.А. ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	204
Мещеряков Д.В. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	212
Щуковский А.В. ВОТУМ НЕДОВЕРИЯ КАК ФОРМА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	216
Булгакова Я.А., Козловцева О.А. ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ.	221
Баландина В.П. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ В РФ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	225
Юзумджю С.Ч. ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ВЛИЯЮЩЕЕ НА НАКАЗАНИЕ.	231
Бузоева А.Ю. ВЛИЯНИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	235
Тишин А.С. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ	

ПРЕЮДИЦИЕЙ.	242
Кравцова А.А. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.	247
Манучарян Т.В. НРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.	253
Власенко О.В. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ «КИБЕРТЕРРОРИЗМА» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ.	258
Мовровян А.А. СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА: СООТНОШЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАК ИСТОЧНИКА ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ.	263
Борjak А.Ю. ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ВЛИЯНИЕ И РАЗВИТИЕ.	267
Глушко М. И. РАЗВИТИЕ ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ).	272
Яковлева А.А. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ.	278
Попова Л.А., Клюковская И.В., Черниенко Н.Р. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ.	285
СЕКЦИЯ 2 ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ	
Скакун О.Ф. ПРАВОВАЯ СИСТЕМА, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК, МИРОВОЙ ПРАВОПОРЯДОК: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ.	289
Анохин А.Н. О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА.	295
Регушевский Э.Е. ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТАБИЛЬНОСТЬ И УРОВЕНЬ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ	

НОРМ.	301
Смирнова Е.В. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ (НАЧАЛО XXI ВЕКА)	306
Кузьмин А.В. СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.	312
Енилеева А.Э. ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В УСЛОВИЯХ СБЛИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ.	318
Цыбанова Я.О. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО.	324
Якименко П.И. ПРАВО ПОЖИЗНЕННОГО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ И ПРАВО ПОСТОЯННОГО (БЕССРОЧНОГО) ПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ.	328
Воловикова А. А. ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СУВЕРЕНИТЕТ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	334
Сидоренко О. А. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	339
Фролова О. А. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	345
Фурмамбетова З.Э. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА.	352
Нестеренко А. А. ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ И ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	357
Сидоренко О. А. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ, КАК СОСТАВНУЮ ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.	363
Кошман В.А. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ТИПОЛОГИЙ.	369
Харакчиева Э.Э.ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО» И ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ.	377
Ефанова А.С.СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ОБ ОБРАЩЕНИЯХ ГРАЖДАН ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX	

ВЕКА В КРЫМСКОЙ АССР И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 02 МАЯ 2006 Г. № 59-ФЗ «О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».	381
Миронюк О.В. РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.	387
Луговский С. С. ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	392
Говоркова Д.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОРОЛЕВСТВА ШВЕЦИЯ	398
СЕКЦИЯ 3 СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
Кашенко С.Г. КОНСТИТУЦИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН.	405
Змерзлый Б. В., Таран П. Е. О СУДАХ СОКРАЩЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.	413
Пашнева В.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МОРСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.	422
Антонова О.А. О ПРИНЦИПАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.	427
Шутаева Е.А., Адельсеитова Э.Б. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.	432
Халецкая Т.М. РАСПИСКА ЗАЕМЩИКА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ.	439
Телятицкая Т.В. ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.	444
Мовсисян А.М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КОРОЛЕВСТВА НОРВЕГИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ.	450
Анциферова Э.Ю. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ,	

РАЗУМНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ.	456
Ротина Е.И. ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО – ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.	461
Борзенко Д.В. СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА И СМЕЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.	466
Шило М.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	472
Гавриков А.В. ПРАВОВАЯ ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ БЕЛАРУСИ 1990 – Н.В. (историко-юридический аспект).	476
Гринько Ю.А. ПРАВООЗАЩИТНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ	482
Сухова М.И. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ.	487
Полгар М.А. ВЛИЯНИЕ НОВОГО КУРСА РУЗВЕЛЬТА НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО США.	492
Майшева К.В. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИИ.	495
Холодов М.В. СВОБОДА СОБРАНИЙ: ПРАВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.	501
Коваль А. В. УПРАВЛЕНИЕ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО СВОДУ МОРСКИХ ТОРГОВЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ 1871 Г.	506
Любинецкий А. Н. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВЫМИ МОРСКИМИ ПОРТАМИ ИТАЛИИ ПО УСТАВУ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ 1865 Г.	517
Умерова В.Э. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В САУДОВСКОЙ АРАВИИ.	526

Хлыстова П. Н. МЕСТО ДОКТРИНЫ ЭСТОПШЕЛЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	532
Данько Т. Г. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	539
Бессмертная А.И. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА ПРАВ РЕБЕНКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.	545
Яралова А.А. ИМЕЕТ ЛИ КАТАЛОНИЯ ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ?	553
Нестеренко А. А.ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И РФ.	559
СЕКЦИЯ 4 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
Скворцова О.В. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,	565
Макриди Д.А. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНО- ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ В СТРАНАХ СНГ.	572
Антрушина Д.А. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.	576
Астафьева А.С. ЗНАЧЕНИЕ МОДЕЛЬНЫХ ЗАКОНОВ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СНГ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.	582
Кошкин А.С. ПРОБЛЕМА РАЗНОРОДНОСТИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ О ПРИМЕНЕНИИ РАЗНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ К ДОГОВОРАМ ФРАХТОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА.	588
Фирсов В.В., Соболев Д.В.ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОВЕТА ЕВРОПЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.	594
Алания Н.А. AMICUS CURIAE В МЕЖДУНАРОДНОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.	599

Имамов А.А. ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.	605
Котолупова Е.И. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ.	608
Калугин Д.А. РОССИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	612
СЕКЦИЯ 5 ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
Шевченко В.И. ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ШТАТОВ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БРАЗИЛИИ	620
Сибилева А.Ю. ИНСТИТУТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	628
Татьянина А.Н. ПРОБЛЕМА УЧЕТА МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ПРЕОБРАЗОВАНИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.	634
Коропова А.А. ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.	640
Лановенко Ю.С. О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА МУНИЦИПАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ.	646
Тансыкова А.Ш. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ.	652
СЕКЦИЯ 6 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	
Севостьянова И.Е. ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	658

Гарчева Л.П. ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	664
Адельсеитова А.Б. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАНИНА В СТРАНАХ ЕС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	671
Тимохин А.М. ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	678
Кузьмина Е.А. ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.	684
Толочко О.Н. КОНТРАКТНАЯ ФОРМА НАЙМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ТРУДОВОГО ПРАВА	689
Паршичева И.Е. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ.	694
Аблаева Д.С. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА.	701
Феттаева С.Ф. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	709
Евдокимова И.С. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	715
Туркина Т.Г. МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	723
Латышева Ю. Я. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.	729
Денисенко Н. В. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВ РЕБЕНКА.	734
Ковалева Н.П. СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.	738
Трушко К.М. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИСКРИМИНАЦИЮ В АДМИНИСТРАТИВНО-	

ДЕЛИКТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.	744
Сильванович Ю.Н. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ МИГРАНТОВ.	750
Сулименко Н. С. ПРОЦЕСС УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.	758
Шереметьева Т. С. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИМПЛЕМЕНТАЦИЮ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН.	764
Раменская А.А. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ.	769
Роттина Е.И. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ.	773
Гринёва О.И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОДЫ ОБОСТРЕНИЙ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.	779
Чудесенко А. В. ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ АБСОЛЮТНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ.	785
Медведева А.М. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ.	791
Милых Э.В. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН.	798
Сеитбекирова У. Э. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВА ЖЕНЩИН В САУДОВСКОЙ АРАВИИ	803
Логманова Э. Л. ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА.	811
Никитин Ф. И. ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	816
СЕКЦИЯ 7 ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО (ГЛОБАЛЬНОГО) ПРАВОПОРЯДКА	
Клименко П. М., Клименко Е. П. ГЛОБАЛЬНАЯ ТАБАЧНАЯ ЭПИДЕМИЯ: МЕРЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.	822

Зацепа Е.И. СТРЕМЛЕНИЕ США К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ: ИДЕИ И ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН СРЕДНЕГО ВОСТОКА.	827
Сулименко Н. С.ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА.	832
Ковалева И.Н. ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА СУБЪЕКТАМИ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАТАЛОНИИ).	838
Шимко И. Н. СИСТЕМА ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА С ПОЗИЦИЙ «THIRD WORLD APPROACHES TO INTERNATIONAL LAW».	841
Шумиленко А. П. «ПОДРАЗУМЕВАЕМАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.	846
Аблязова Ф.М. ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	852
Данько Т.Г.ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ КАК ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА.	855
Юсупов А.Л. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.	861
Питолин В.А. О НЕОБХОДИМОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ВАЛЮТ (КРИПТОВАЛЮТ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	867
Василевич Г.А. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ОРГАНАМИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.	871
Струнский А.Д. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФОРМУЛЫ РАДБРУХА В ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ	878

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК. 34.01

Корнев А.В.

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории
государства и права

*ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина» (МГЮА)*

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИИ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация – слишком сложный, противоречивый и объективный процесс. Его можно рассматривать под углом зрения политики, экономики, культуры и проч. Кроме того, глобализация, так или иначе, касается интересов личности, общества и государства. В этом смысле, глобализационные процессы могут способствовать интересам конкретной личности (гражданина), но противоречить интересам государства, равно как и наоборот. Можно провести не одну сотню конференций, но исчерпать проблемы, которая она порождает, нельзя. Глобализация есть то, что касается каждого, кто живет, и будет жить на нашей планете.

Полагаю, что именно экономика лежит в основе всего того грандиозного проекта, что принято именовать глобализацией. В этом контексте хочу посоветовать всем прочесть хотя бы двух авторов, которые, на мой взгляд, лучше других иллюстрируют то, что принято именовать теневой стороной любого проекта, в данном случае, глобализации. Это, прежде всего, книга нобелевского лауреата в области экономики Дж. Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции» и Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы».

Что характерно, оба автора – американцы, известные экономисты. США – та страна, которая и стоит во главе этого грандиозного проекта. Именно это государство совершенно открыто заявляет о строительстве глобальной империи, в которой будет один хозяин, а другим уготована роль вассалов. Хотя они предпочитают именовать себя союзниками. Сегодня транснациональные корпорации со своими колоссальными бюджетами могут просто покупать национальные государства. Так они и делают. Но покупают они не граждан этих государств, а тех, кто ими управляет, то есть власть. Все очень просто и старо как мир.

Глобализация – это не только открытость границ, диалог, распространение неких стандартов, которые должны стать общепринятыми. Глобализация, в первую очередь, борьба между четко обозначившимися, во многом непримиримыми геополитическими проектами.

Былой романтизм 80-х годов XX века тает на глазах. «Общечеловеческие ценности», «открытое общество», «новое мышление», «демократия» - эти и другие категории никуда не исчезли из современного политического лексикона. Другое дело, что они произвольно наполняются разным содержанием. Да и потом, многие убедились, что, собственно говоря, крупные игроки в мировой политике прибегали к услугам этих идеологов исключительно для отстаивания своих прагматических целей. Теперь совершенно очевидно, что СССР и социалистический лагерь с его промышленной и военной инфраструктурами, разрушался вполне сознательно для конструирования нового мирового порядка, где все остальные должны играть по правилам, установленным победителем. Но у «победителей» обнаружился явный дефицит возможностей.

В современном мире четко обозначились четыре глобальных конкурирующих проекта: американский, исламский, китайский и европейский. Не исключено, что первый и последний проекты будут вынуждены сближаться, хотя и без особого энтузиазма. «Старые демократии» Европы, прежде всего

ФРГ и Франция, имея за спиной колоссальный геополитический опыт, не хотят терять своего лица и в будущем. «Младоевропейцы», то есть страны восточной Европы настолько сервильны, что они принимают фактические любые условия единственной на сегодняшний момент супердержавы – Соединенных Штатов Америки. Европейское Сообщество сознательно маргинализировано США, ибо они протолкнули туда большое количество стран, которые за отсутствием экономического и политического потенциала платят своему политическому хозяину абсолютной лояльностью. По большому счету, сегодня существует две Европы – атлантистская (Англия и страны восточной Европы) и континентальная Европа. Выход Англии здесь по сути ничего не меняет. Пока она, «старая» Европа позволяет себе иметь собственное мнение, будь то американское вторжение в Ирак или расширение НАТО за счет республик бывшего СССР. Во всяком случае, так вело себя не так уж и давно руководство ФРГ и Франции – стран с некогда серьезными имперскими традициями. По большому счету для США - ЕС и Россия сейчас являются геополитическими конкурентами. Самые очевидные причины этой конкуренции – углеводородное сырье. В США считают, что покупка углеводородов и газа из России укрепляет её экономическое положение и право голоса в общеевропейских делах. Но есть и много других.

А вот у китайского и исламского проектов нет никаких резонансов для сближения в силу абсолютно различной цивилизационной парадигмы и разнопорядковых целей. Китай сегодня это атомное оружие, огромные демографические возможности и рост технологической мощи. Исламский мир – это атомная бомба (Пакистан), огромные запасы углеводородного сырья и стремительно растущее население.

Россия, в прошлом одна из великих империй в истории, занята поиском собственной идентичности. Прошлое не позволяет присоединиться к кому-то, настоящее не дает пока оснований для самостоятельных серьезных амбиций.

Опять же, все упирается, в конечном счете, в экономику. Сталинский СССР производил около 20 % мировой продукции. На этом фоне российский потенциал выглядит более чем скромно. Поэтому России уже прямо говорят о несоответствии амбиций и возможностей.

Термин «империя» в качестве главного идеологического проекта в одинаковой степени используют как теоретики глобального мирового господства США типа покойного З. Бжезинского, так и другие, противоположные по взглядам авторы. Дж. Къеза, депутат Европарламента, политолог и журналист с именем, одну из своих книг без обиняков назвал так «Война империй. Восток – Запад. Раздел сфер влияния». Да и в России многие интеллектуалы либерального направления сменили политико-цивилизационную ориентацию, став убежденными державниками с явно выраженными имперскими амбициями. Запущены даже специальные книжные сери «Пути русского имперского сознания» и «Империи». Кто-то, напротив, остался на прежних позициях. В основном это «младореформаторы» 90-х годов, которые с помощью подконтрольных им средств массовой информации, призывают раз и навсегда признать геополитическое поражение и занять отведенное, желательно комфортное (в силу заслуг) место в американском имперском проекте. Характерно, что эти политические маргиналы на прошедших парламентских и президентских выборах все вместе набрали голосов в рамках статистических погрешностей.

Но маргиналы они только в выборных процессах. Будучи незначительной социальной общностью (самоназвание – элита - А.К.), эта группа контролирует огромные промышленные и финансовые ресурсы, средства массовой информации, значительную часть публичного пространства: газеты телеканалы, радио и проч. Задают они тон и в культуре. Сильно их влияние в образовании. Номинантами престижных литературных премий являются представители так называемой либеральной интеллигенции. На международных кинофестивалях,

как водится, побеждают те, с позволения сказать, художники, которые выставляют Россию и ее политическое руководство в негативном свете. Что интересно, свои «шедевры» они делают, как правило, на бюджетные деньги. И кто после этого может упрекать Россию в отсутствии демократии.

Теперь, что касается политической составляющей глобализации. Глобализация требует стандартизации политических моделей. Условно назовем их демократическими: свободные выборы, политическая конкуренция, отсутствие цензуры и проч. Все это выглядит неплохо. Но это только с одной стороны. Пророчески сказано, что демократия, решив какие-то проблемы, со временем сама станет колоссальной проблемой (П.И. Новгородцев).

В контексте глобализации демократические политические системы предоставляют главному планетному игроку и его вассалам (в другой терминологии – союзникам) легко устранять неудобные режимы с помощью легальных процедур. Если нужно сменить власть, то чаще всего используют один и тот же политический сценарий: объявление выборов нелегитимными, инициирование «народных» волнений и затем, повторные, но уже вполне «легитимные». Апробировано не раз.

С авторитарными, тем более авторитарными политическими режимами не все так просто. В них сложнее запустить механизмы смены власти. Впрочем, сменить власть извне в любой суверенной стране трудно. Отсюда проистекает озабоченность США существованием «недемократических» режимов. Если вы не выступаете против нашего желания господствовать, то вы – наш. И не важно, как там у вас обстоит дело с демократией. Таковы реалии и от них никуда не уйти.

Если рассматривать глобализацию с точки зрения культуры, то и здесь речь идет о стандартизации. Появление «среднего» во всех смыслах человека предсказал еще К. Леонтьев. Сегодня мы наблюдаем быстрый рост

«усредненности, неразмысляющего населения» (К. Ясперс). Общекультурные стандарты стремительно распространяются в мире.

Природа ли, Создатель сделали нас разными. Глобализация перемалывает различия, стремясь к «эталону, норме».

Глобализация как всякий процесс имеет как очевидные плюсы, так очевидные минусы. Как впрочем, и все в этом подлунном мире.

Колониальный мир как бы ушел в прошлое. Прежние империи, даже Британская, сильно мешали США. СССР рушил колониальный мир исходя из идеологических соображений. США действовал, исходя из экономических интересов. Ему на смену пришла глобализация – новая форма мирового господства. Она обеспечивается всеми факторами одновременно – от хитроумно выстроенной глобальной финансовой системы до прямой военной агрессии без всяких санкций и соблюдения норм международного права.

Право порождено экономикой и всегда будет следовать за теми процессами, которые происходят в сфере производства и обмена. Китай вступил в ВТО на своих условиях. Россия это сделала на условиях организации. Мы наивно думали, что рынок – европейский, мировой и всякий другой действует исключительно на тех постулатах, которые теоретически разрабатывались представителями либеральной экономической школы. Все оказалось иначе. Нужно делать выводы.

Прежде всего, необходимо смотреть на мир таким, каким он есть, а не таким, каким нам хочется его видеть. Правовая система России должна быть адаптирована к мировой экономической системе, но как? Идея об интеграции национальных правовых систем в условиях глобализации – трюизм.

Правовая система формировалась в нашей стране в постперестроечное время как раз из желания войти в мировую экономику. Произошли серьезные изменения практически во всех отраслях национального права. Но, увы, этот «вход» так и не состоялся. Политика изоляции и санкций диктует

необходимость использовать правовые средства для защиты суверенитета страны – экономического, политического, культурного. Проще всего сказать, что культура не имеет границ. Но мы видим, что большинство стран не хотят утраты своей культурной идентичности. Тем более, что политика мультикультурализма потерпела фиаско. России нужна не изоляция, а собственная роль и место в этом мире.

УДК. 342.417

Комарова В.В.

профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, почетный работник высшего образования России

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА)

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Конституционная экономика в России, появившись усилиями передовых ученых, благодаря научному предвидению и с легкой руки О.Е. Кутафина, медленными шагами, но прочно завоевывает последователей в отраслевых науках [8, с.4-17]. Не смотря на то, что из государственного рубрикатора научно-технической информации 0.15.27: «Экономическая основа государства» исключена с 2003 г., интерес к конституционной экономике постоянно возвращается в силу сложившейся социально-экономической ситуации, практике Конституционного Суда России, научным достижениям коллег, появлением новых институтов, правовых явлений, и т.д. Анализ конституционной экономики невозможен без сравнительно-правового анализа

нормативного регулирования зарубежной практики, практики субъектов Российской Федерации; истории становления и современных реалий правовой действительности в разрезе их влияний на структуру, субъектный состав конституционной экономики.

Анализируя конституционную методiku закрепления экономических основ в зарубежных странах, выделим формальный метод – выделение в главы, разделы норм регламентирующих основы экономической системы; и содержательный.

С точки зрения характеристики формальной составляющей отметим, что каждая из Конституций нашей страны в той или иной мере регламентировали экономические вопросы. В каждой российской Конституции были закреплены нормы, регулирующие экономические аспекты: в Конституции РСФСР 1918 г. отменена частная собственность на землю, а банки, транспорт и средства производства отнесены к собственности государства; в Конституции РСФСР 1937 г. выделена отдельная глава об экономической системе (экономика составляет единый народнохозяйственный комплекс); такая же глава имелась и в Конституции РСФСР 1978 г.

Содержательный аспект базируется, по мнению автора, на конституционном закреплении социального государства и механизма реализации его принципов в современном государстве [10, с.71-78]..

В работах О.Е. Кутафина, Е.И.Козловой названа задача социальной государственности: «Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное человека существование» [3, с. 156].

Социальное государство, по мнению Л. В. Лазарева, выполняет специфические функции, осуществление которых имеет целью создать систему социальной

защиты в самом широком смысле слова, сгладить социальное неравенство. В частности, осуществляется государственное регулирование трудовых отношений, социальное обеспечение граждан, обеспечение доступного здравоохранения и образования, содействие полной занятости и защита от безработицы, предоставление социальных услуг [2]. М.В. Баглай в своих работах пишет о социальном государстве: «Так называется государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности» [4, с.118].

Для содержательного раскрытия конституционные законодатели зарубежных стран используют различные направления: закрепление в виде целей использования национальных богатств в общих интересах независимо от вида собственности; закрепление социальной функции собственности, функции служения общему благу при реализации права собственности, независимо от форм собственности; закрепление экономической политики страны или экономической политики в отдельных отраслях; закрепление планирования экономического развития, его направлений.

По мнению Г.А. Гаджиева, принципы, устанавливающие основы экономической системы в Российской Федерации, являясь частью основ конституционного строя, представляют собой системообразующий центр подсистемы конституционных норм, которые условно можно считать «экономической конституцией» [7, с.5].

Таким образом, по мнению автора, нормы действующей Конституции России, так или иначе, прямо или косвенно регулирующие отношения собственности, труда, финансов, полномочий публичной власти в обозначенной сфере в совокупности можем назвать конституционной экономикой, нашедшей свое дальнейшее закрепление в отраслевом законодательстве в виде механизмов реализации конституционных принципов и норм.

Конституционная экономика представляет собой сумму межотраслевых научных знаний о том, как конституционные нормы и принципы должны формировать принятие важнейших экономических решений.

К числу практических задач конституционной экономики относятся выявление конституционно-правовых предпосылок эффективного развития экономики, анализ воздействия экономики на государство, изучение кризисного воздействия экономики на государство и наоборот, влияния глобализации мировой экономики на конституционные процессы в конкретных странах.

Основным стержнем для выработки конституционно обоснованной экономической политики современной России, по мнению автора, должна стать реализация того демократического и либерального потенциала, который заложен в Конституции РФ. Целесообразно учитывать и новые направления: прежде всего теорию социально ориентированной экономики, «экономики гражданского общества», повышение конкурентоспособности национальной экономики и обеспечение экономической безопасности, социальное партнерство и социальную ответственность, социальную справедливость и социальное благополучие.

В зарубежных и отечественных научных исследованиях благополучие рассматривалось в следующих аспектах [5, с. 8-84]:

- воплощение нравственных добродетелей, духовной гармонии, счастья, блаженства (Аристотель, И. Бентам, Т. Гоббс, И. Кант, Дж. Локк, Платон, Ж.-Ж. Руссо, Вл. Соловьев, Б. Спиноза, С.Л. Франк, Э. Фромм, Э. Шефтсбери и др.);

- стратегическая цель политики государства (Аристотель, И. Бентам, Т. Гоббс, Т. Джеферсон, Дж. Локк, Н. Макиавелли, К. Маркс, Ш.Л. де Монтескье, Р. Оуэн, Платон, Ж.-Ж. Руссо, К.А. де Сен-Симон, Б. Спиноза, Г. Шмоллер, Ч. Фурье и др.);

- материальный достаток, благосостояние, богатство (Д. Белл, З. Бжежинский, Дж. Гэлбрейт, Дж. Кейнс, Х. Ламперт, Т. Мальтус, К. Менгер, В.

Ойкен, А.С. Пигу, Д. Риккардо, У. Ростоу, П. Самуэльсон, А. Смит, Э. Тоффлер, Ф. Хайек, Э. Хансен, Л. Эрхард и др.);

- позитивное эмоциональное состояние (Ф. Герцберг, У. Джеймс, Дж. Дьюи, П. Конверс, А. Кэмбелл, А. Маслоу, Ч. Пирс, Ф. Роджерс, Э. Фромм и др.);
- физическое, психическое и социальное здоровье (Н.М. Амосов, И.А. Аршавский, А.Г. Бусыгин, А.Л. Бусыгина, И.А. Гундаров, В.П. Казначеев, Б.А. Классов, Н.М. Ковалева, С.А. Мезенцев, Н.Л. Русинова и др.);
- гармоничные отношения человека и окружающей природной среды (У. Бек, И.В. Бестужев-Лада, Л. Браун, Г. Гендерсон, Дж. Гэлбрейт, Д.Л. Медоуз и др.);
- идеальное социальное устройство (Платон, Аристотель, Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, Л. Козер, О. Конт, К. Маркс, Р. Мертон, Т. Парсонс, П.А. Сорокин, Г. Спенсер и др.);
- результат согласованного социального поведения и эффективного межличностного взаимодействия (П. Блау, М. Вебер, Дж. Мид, Дж. Хоманс и др.).

Анализ доктринальных источников позволил выявить следующие виды благополучия за рубежом:

1. Социальное благополучие.
2. Экономическое благополучие.
3. Духовное благополучие.
4. Физическое благополучие.
5. Профессиональное благополучие.
6. Средовое благополучие.
7. Семейное благополучие.

Для сравнения отметим, что в современной России законодательно закреплены такие виды благополучия как санитарно-эпидемиологическое; экологическое; психологическое; материальное; эмоциональное.

Термин социальное благополучие впервые употребляется в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения в 1948 г. В нем говорится, что здоровье - это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие.

Однако статья 23 Всеобщей декларации прав человека, статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и статья 4 части II Европейской социальной хартии (пересмотренной), принятой в городе Страсбурге 3 мая 1996 года не называя социальным благополучием, тем не менее, по твердому убеждению автора, раскрывают основной его механизм достижения, закрепляя право каждого работающего на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи.

Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" здоровье - состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма [1, с.6727].

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года стратегическими целевыми ориентирами названы высокие стандарты благосостояния человека, социальное благополучие и согласие, взаимодействие государства, частного бизнеса и общества как субъектов инновационного развития. В качестве особого направления выделено развитие человеческого потенциала, в том числе посредством развития социальных институтов и социальной политики, молодежной политики, экологии человека.

Более 50 актов на федеральном уровне упоминают термины «социальное благополучие», «благополучие», создана и действует Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

В Постановлениях Конституционного суда России благополучие страны неоднократно упоминалось:

как цель правового, социального государства, исходящего из ответственности перед нынешним и будущим поколениями, что определяет политику страны: Постановление Конституционного суда РФ 4-П 2007 года, 31-П 2012 года, 4-П 2015 года, 38-П 2017 года;

как конституционная обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан: Постановление Конституционного Суда РФ 11-П от 2012 года, 21-П 2016 года, 10-П от 2007 года, 17-О от 2005 года, 20-П от 1997 года;

как основная задача: в Постановлении Конституционного Суда РФ 12-П от 2015 года конституционным судом сформулирована основная задача России как Гарант экологического благополучия ...: «достижения баланса частных и публичных интересов экономической сфере в сфере....».

Российский законодатель на федеральном уровне и в субъектах федерации закрепил различный круг субъектов – носителей права на социальное благополучие. Их можно условно разделить на группу индивидуальных и группу коллективных субъектов: это человек (гражданин, Герой Социалистического Труда, Герой Труда Российской Федерации, полный кавалер ордена Трудовой Славы, ребенок). К коллективным субъектам отнесем население (субъекта федерации, муниципального образования); страну; нынешнее и будущее поколение.

Существуют объективные стандарты (нормы и оценки) благополучия самим человеком. Оценивание собственной жизни с точки зрения благополучия может происходить в двух системах измерения:

1. Официально признанная для данной культуры на данном временном историческом отрезке система измерения.

2. Субъективная система измерения, которая опирается на субъективную иерархию жизненных ценностей и представление о субъективном социальном благополучии.

Компонентами социального благополучия в теории названы элементы из экономической, социальной, политико-правовой, культурно-духовной сфер; социальная безопасность, уровень и качество жизни.

Разработаны и повсеместно применяются самые различные критерии социального благополучия [5, с.8-84].

Например, Happy Planet Index, впервые рассчитанный в 2006 г. среди 178 стран мира [6, с. 12-48]. Этот индекс включает четыре группы показателей:

- 1) субъективное благополучие (используются результаты всемирного опроса Gallup, вопрос «Лестница жизни»;
- 2) ожидаемую продолжительность жизни;
- 3) степень неравенства населения одной страны по продолжительности жизни и субъективным оценкам благополучия;
- 4) экологическую нагрузку / экологический след (измеряется в гектарах земли (в расчете на жителя страны), необходимую для устойчивого поддержания уровня потребления в стране.

Критерии социального благополучия Gallup World Poll включены следующие индексы: индекс правопорядка; индекс пищи и крова; индекс личной экономической ситуации; индекс личного здоровья; индекс гражданской вовлеченности; индексы благополучия: процветания, затруднений, страданий; индексы благополучия: позитивные события; индексы благополучия: негативные события; индекс доверия к национальным институтам (армия, правосудие, система выборов и др.); индекс коррупции; индекс развития молодежи; индекс базовых нужд сообщества; индекс многообразия; индекс

оптимизма; индекс использования респондентами электронных средств коммуникации; индекс насилия; индекс религиозности.

Организация экономического сотрудничества и развития составляет собственный рейтинг «Индекса лучшей жизни» («OECD Better Life Index») по 11 параметрам: жилье; доход; работа; сообщество; образование; окружающая среда; вовлеченность в гражданскую активность; здоровье; удовлетворенность жизнью; безопасность; баланс работы и отдыха.

В завершении отметим, что конституционная экономика и социальная государственность в современной Российской Федерации, находится в процессе своей модернизации, ориентируясь на передовой международный опыт и цели цивилизации выстраивает свою национальную теорию и нарабатывает практику учитывая национальную самобытность, историческое наследие и современные потребности российского народа.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 28.11.2011, N 48, ст. 6724.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации/Под общ.ред. Лазарева Л.В. Информационно-справочная система «Гарант»
3. Конституционное право России: учеб. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. – М., 2008.- С. 156.
4. Конституционное право России: учеб. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н.- М.,1996.- С. 118
5. Артюхов, И.П. Теоретические основы анализа проблемы социального благополучия : учеб. пособие / И.П. Артюхов, Н.А. Демина, Н.В. Тихонова. – Красноярск: тип. КрасГМУ, 2014. стр. 8.– 84 с.

6. Современные теории социального благополучия: учебно-методическое пособие / А.А. Власова, Е.В. Дворникова, А.В. Кошелева. Ярославль, 2017. стр. 12 -48 с.
7. Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 года / отв. ред. ГЛ. Гаджиев. М., 2009. С. 5.
8. Баренбойм П.Д., Кутафин О.Е. Конституционная экономика и Центральный банк // Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2000. С. 4–17;
9. Баренбойм П.Д., Кутафин О.Е. Статус Центрального банка как основной вопрос конституционной экономики в России // Банк России в XXI веке. Сборник статей. – М.: Юстицинформ, 2003. - С. 12–22.
10. Комарова В.В. Публичная власть и принцип гуманизма В сборнике: Гуманистический фактор в современном праве. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: Сошникова Тамара Аркадьевна. 2016. С. 71-78.

УДК. 342

Несмеянова С.Э.

*д.ю.н., профессор, профессор кафедры конституционного права
Уральский государственный юридический университет,
директор Института государственного и международного права,
г. Екатеринбург, Россия*

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация как процесс влияния различных факторов политического, экономического, культурного содержания со стороны международного

сообщества, должна способствовать экономическому развитию государств, созданию новых технологий, решению социальных проблем, разрешению конфликтов, защите прав и свобод человека. С другой стороны, глобализация предполагает взаимное влияние различных цивилизаций друг на друга. Поэтому данное явление предполагает, как горизонтальное, так и вертикальное воздействие на различные сферы. Процесс глобализации касается всех стран, независимо от желания участвовать в нем. При этом, глобализация несет и определенные угрозы, прежде всего связанные с потерей государственной идентичности, национальной, культурной самобытности, традиций. Необходимо также иметь в виду, что процесс глобализации касается стран с разным экономическим, политическим, социальным потенциалом, с противоречивыми процессами национальной трансформации, реформирования государственности. Учитывая это, следует признать, что каждое государство получит свои результаты от участия в глобальных процессах и они не всегда будут положительными.

Процесс глобализации оказывает огромное влияние на развитие права, правовую универсализацию, причем как на международном, так и на национальном уровне. Это, прежде всего, проявляется в международной правовой интеграции, т.е. в единообразном регулировании тех процессов, которые происходят в процессе глобализации, в развитие права в одном русле, и как следствие в проведении схожих конституционных реформ. В данной сфере многие государства проявляют особую активность, например, имплементируя в национальное законодательство нормы международного права, создавая международные судебные органы для единообразного правоприменения, вводя организационно-правовые механизмы сотрудничества и взаимодействия национальных судов.

Тем не менее, глобализация несет и определенные угрозы, прежде всего связанные с потерей государственной идентичности, национальной, культурной

самобытности, традиций. Необходимо также иметь в виду, что процесс глобализации касается стран с разным экономическим, политическим, социальным потенциалом, с противоречивыми процессами национальной трансформации, реформирования государственности. Следовательно, каждое государство получит свои результаты от участия в глобальных процессах, и они не всегда будут положительными.

Безусловно, большую роль в интеграционных процессах играют органы конституционного контроля, созданные в большинстве современных государств. Именно через органы конституционного контроля, современные государства, признавая свое участие в глобализационных процессах, предпринимают различные действия по сохранению своей самобытности, защите своих национальных интересов, через различные механизмы и институты.

Однако, следует признать, что органам конституционного контроля, созданным на территории бывшего Союза свойственны одни и те же особенности. Прежде всего это достаточно молодые государственные структуры, которые вынуждены функционировать во время становления институционализации общества, развития конституционных институтов власти, системной социальной нестабильности, сразу проявившимися противоречиями между органами конституционного контроля и иными институтами власти. Молодые государства, появившиеся на постсоветском пространстве, приняв конституции закрепили в них конституционные ценности, конституционные принципы, свойственные правовому, демократическому государству не имели условий их адекватного понимания, полноценной реализации. Поэтому, на органы конституционного контроля были возложены обязанности внедрения в реальные правоотношения конституционных положений, создания предпосылок для обеспечения самодостаточности конституций.

Говоря о всех органах конституционного контроля, необходимо выделить их исключительную роль в установлении конституционной демократии, в создании гарантий стабильного конституционного развития общества, а также обеспечения защиты прав и свобод человека. Таким образом, предназначением этих органов в настоящих условиях является обеспечение верховенства права, конституционализация общества и государства.

Именно органы конституционного контроля призваны защищать конституционные ценности, направленные на ограничение власти, на четкое разграничение полномочий в соответствии с функциональным предназначением различных органов власти, усиление мер конституционной ответственности, реализацию демократических институтов, в том числе институтов самоуправления.

Сегодня все более очевиден тот факт, что процессы глобализации продолжатся и будут углубляться, хотим мы этого или нет. Процессы все возрастающего воздействия различных факторов международного значения на национальные реалии, становятся безусловными. Это воздействие требует своего правового регулирования, причем, как со стороны международного права, так и национального. В процессе глобализации происходит правовая унификация различных сфер. В таких условиях важной становится роль органов конституционного контроля по самозащите конституционной самобытности.

Учитывая значимость органов конституционного контроля в современных условиях, необходимо создать условия для их развития. Прежде всего, следует совершенствовать само законодательство об органах конституционного контроля, в том числе об объеме полномочий этих органов. Не менее важным является более четкое урегулирование вопросов содержания взаимоотношений между органами конституционной юстиции и иными органами государственной власти.

Как уже было отмечено выше, главным направлением глобализации является экономическое развитие, создание центров мирового хозяйства, экономическая интеграция. Для этого необходимо формирование унифицированного правового пространства, особенно в части сближения гражданского, трудового, таможенного права, сфер касающихся, прав человека, статуса мигрантов, вопросов собственности, предпринимательской деятельности, возникает потребность в защите прав человека в рамках сообщества, а также проверке соответствия национального законодательства актам межгосударственных объединений.

Глобализация, в том числе правовая предполагает поиск разных механизмов сочетания международных интересов с национальными традициями и особенностями. Органы конституционного контроля и, Конституционный Суд РФ, в частности, чья деятельность направлена на сохранение конституционных ценностей играют все более возрастающую роль в развитии национальных правовых систем и призваны обеспечить реализацию глобализационных процессов без ущерба национальным интересам.

Резюме. Процесс глобализации оказывает огромное влияние на развитие права, правовую универсализацию, причем как на международном, так и на национальном уровне. Большую роль в интеграционных процессах играют органы конституционного контроля, созданные в большинстве современных государств. Защищая конституционные ценности, органы конституционного правосудия способствуют формированию конституционной идентичности.

Abstract.

The globalization has dramatic effect on the development of law, on national and international legal unification. Undoubtedly, nowadays in most states the organs of constitutional control play an important role in this process. Defending the constitutional values, the organs of constitutional justice contribute to the formation of a constitutional identity.

УДК. 340.1

Архипов С.И.

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и
права

«Уральский государственный юридический университет»

(Екатеринбург), профессор «Университет Paris Ouest Nanterre La Défense»

(Франция)

ИНДИВИД В ГЛОБАЛЬНОМ ПРАВОВОМ МИРЕ

В статье обсуждаются происходящие в мире глобальные процессы, место и роль в них индивида как субъекта права. Высказывается и аргументируется позиция автора, что необходимо критически переосмыслить традиционные представления о праве, разграничить правовую и политическую формы социальной коммуникации, развить кантовские идеи «вечного мира» и мирового гражданства.

Ключевые слова: субъект права, индивид, правовая личность, гражданство, коммуникация, глобализм.

The article discusses the global processes taking place in the world, the place and role of the individual as a subject of law. The author's position is expressed and argued that it is necessary to critically rethink the traditional ideas of law, to distinguish the legal and political forms of social communication, to develop Kant's ideas of "eternal peace" and world citizenship.

Key words: subject of law, individual, legal personality, citizenship, communication, globalism.

Глобальные процессы, которые происходят в настоящее время в мировой экономике, связанные с преодолением национально-государственных границ, развитием инновационных технологий, особой востребованностью «человеческого капитала», предполагают повышение правовой роли личности в социуме. Государство в формирующемся новом мире постепенно утрачивает свой статус единственного эмитента права, юридических норм, правового сверхсубъекта; его суверенитету все чаще противопоставляется «суверенитет» личности. Человек в послевоенные годы вырвался из юридических оков государства, его права и свободы провозглашены в целом ряде международно-правовых актов незыблемыми, получили всеобщее признание, стали основным критерием оценки правового состояния общества, степени его культурного развития. В зарубежной и российской литературе произошедшие в планетарном масштабе изменения нередко оцениваются как правовая революция в человеческом сознании и социально-правовых отношениях.

Учитывая меняющиеся отношение к человеку как высшей правовой ценности, признанию его в качестве правового Абсолюта в постиндустриальном мире, юридическому сообществу необходимо кардинально пересмотреть свои подходы к пониманию права, месту в нем правовой личности. Традиционное восприятие права, где исходным пунктом является «ее величество» юридическая норма, понимаемая как приказ суверенного государства, следует критически переосмыслить. Главная ось в правовой системе координат постепенно смещается в сторону первичного субъекта права – индивида; правовая доктрина должна учитывать данную тенденцию.

Необходимо разграничить правовую и политическую формы социальной коммуникации; отношения, в основе которых лежат идеи свободы и равенства, с одной стороны, и отношения, основанные на

принципах власти и подчинения, с другой. Первичным субъектом правовой коммуникации является свободный индивид, он формирует государство, созидает социум. Нормы, правоотношения, акты применения права, субъективные права и обязанности не имеют для него самостоятельного значения, не являются самоценными сущностями, они есть элементы создаваемого им собственного правового мира. Первичным звеном, центром политической коммуникации, напротив, выступает субъект власти, он навязывает свою волю гражданам, принимает обязательные для них правила, нормы. Как справедливо отмечал Н. Луман, закон, а равно конституция относятся в большей мере к политической форме коммуникации, чем к правовой; процесс же эволюции права идет в направлении создания операционно закрытой системы, способной репродуцировать себя через свои собственные элементы [1, с. 24, 230-234]. В самом деле, для юристов важно разделить право и политику, добиваться того, чтобы закон становился средством правовой коммуникации индивидов, служил праву, а не политике. Данный подход предполагает принципиально иное понимание правотворчества, его цели, задач, роли в нем юристов, принципов организации и осуществления правотворческого процесса.

Учитывая стремление человечества к созданию открытого, свободного экономико-правового пространства, глобального правового мира, есть смысл вернуться к обсуждению идей И. Канта о «вечном мире» и мировом гражданстве. Кантовский проект «вечного мира» имел конечной целью искоренение причин войн, установление такого состояния международных отношений, когда военные конфликты становятся невозможными. Он полагал, что для достижения этих целей необходимо создать единое общемировое государство народов, но поскольку на пути к достижению искомой цели он видел непреодолимое препятствие в виде суверенных

государств, то, «чтобы не все было потеряно», соглашался на «меньшее» - создать федерацию государств как «негативный суррогат союза, устраняющего войны» [2, с. 22-23].

Кантовская идея «вечного мира» получила дальнейшее развитие в современной литературе. Так, Ю. Хабермас предлагает скорректировать кантовский проект с учетом современных реалий. Он подвергает сомнению возможность создания долгосрочного союза во имя мира, когда он не предполагает ограничение независимости, суверенитета государств. Объединение государств должно строиться на взаимно обязывающем юридическом документе (уставе или конституционном акте). Главными источниками единения в этом союзе должны быть не государства, а индивиды, т.е. оно должно быть объединением граждан мира. Правовые отношения, связи в рамках данного антивоенного союза должны формироваться минуя государства – непосредственно между гражданами как членами глобальной правовой ассоциации. Лишь демократическое гражданство, по мнению Ю. Хабермаса, может создать необходимый фундамент для утверждения статуса гражданина мира, при этом национальное гражданство и мировое гражданство должны составлять «единый континуум, который в своих основных чертах несмотря ни на что уже начинает вырисовываться» [3, с. 245].

Также в целях обеспечения всеобщего мира Ю. Хабермас советует осуществить реформу ООН, предоставить дополнительные полномочия (с учетом предложений, сформулированных несколько десятилетий назад Г. Кельзеным) Международному суду ООН. Кроме того, он предлагает не ограничиваться лишь юридическими ограничениями, запретами инициировать международные вооруженные конфликты, а создавать такие социальные условия, которые в принципе устраняют саму возможность войны, препятствуют применению насильственных способов разрешения

существующих противоречий в сфере международных отношений [4, с. 295-310].

Сегодня для многих юристов философские идеи установления «вечного мира», мирового гражданства, создания правового государства (гражданско-правового состояния) представляются запредельными, оторванными от реальной жизни проектами, однако без этих идеалов, стратегических ориентиров, без стремления достичь их утрачивается сам смысл юридической профессии.

Литература:

1. Luhmann N. Law as a social system. Oxford, 2004.
2. Кант И. К вечному миру. Философский проект // Соч. В 8-ми т. Т. 7. М., 1994.
3. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность.
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М., 2001.

УДК. 342

Васильев С.А.

Заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»

Севастопольский государственный университет

**ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА
РОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ
АТТЕСТАЦИИ**

Аннотация: Современное российское правовое регулирование системы государственной научной аттестации находится в стадии постепенного реформирования, следствием чего является изменение нормативного правового регулирования. Исторически сложилось, что такого рода трансформирование происходит с существенной и пристальной оглядкой на передовые зарубежные страны. Реформы в России завершались с разной степенью успеха. Современная юриспруденция мало внимания уделяет локальному правотворчеству, хотя оно подчас влечет за собой серьезное воздействие на правоотношения. С 2016 года в России отдельным организациям разрешили самостоятельно присуждать ученые степени, что обусловило стремление передовых ученых в именитых образовательных и научных организациях максимально соответствовать международным образцам и стандартам.

Ключевые слова: научная аттестация; ученые степени; зарубежное право; кадры высшей квалификации; самостоятельное присуждение ученых степеней; образовательные организации; научные организации; наука.

Abstract: Modern Russian legal regulation of the system of state attestation is in the stage of gradual reform, which results in a change in the regulatory legal regulation. Historically, this kind of transformation takes place with a significant and close look at the advanced foreign countries. Reforms in Russia were completed with varying degrees of success. Modern jurisprudence pays little attention to local lawmaking, although it sometimes entails a serious impact on legal relations. Since 2016 in Russia, individual organizations have been allowed to award academic degrees on their own, which determined the aspiration of advanced scientists in eminent educational and scientific organizations to conform to international standards and standards as much as possible.

Keywords: scientific attestation; academic degrees; foreign law; highly qualified personnel; independent awarding of academic degrees; educational organizations; scientific organizations; the science.

Многих современных российских ученых без преувеличения беспокоят вопросы модернизации системы государственной научной аттестации в связи общемировой интеграцией науки, сформированной на территории самых разных государств. Так, для того, чтобы стать членом диссертационного совета установлено требование опубликование работ в международных базах научного цитирования, а для того, чтобы претендовать на участие в большинстве конкурсов Российского научного фонда необходимо иметь, как минимум, 5 таких публикаций за последнее пятилетие.

Описанными примерами вовсе не ограничиваются последние тенденции ужесточения организационно-научной составляющей в нашем государстве. Так, Федеральным законом от 23 мая 2016 года № 148-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» ряду российских образовательных и научных организаций было предоставлено право самостоятельного присуждения ученых степеней с условием, что требования к результатам научной деятельности не должны быть ниже установленных общей системой государственной научной аттестации [1]. В рамках реализации такого законодательного требования организации, получившие право присуждения ученых степеней вовсе не замкнулись внутри своих научных интересов, а, напротив – в большей степени выразили свою готовность интегрироваться в международное научное пространство. Предваряя дальнейшее изложение заявленного вопроса, отмечу, что видные специалисты в области публичного права С.В. Нарутто и Е.С. Шугрина еще при обсуждении проекта указанного закона выражали опасение относительно его реализации и отсутствия контрольных функций со стороны органов государственной власти [5, С. 225].

Например, Положение о присуждении ученых степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» от 22 декабря

2017 года (далее – Положение) предполагает присуждение ученых степеней «кандидат наук НИУ ВШЭ (PhilosophydoctorHSE, PhDHSE)» и «доктор наук НИУ ВШЭ (DoctorofScienceHSE, DSHSE)» [4], что явно выражает российское стремление уравнивать в правах отечественные и большинство зарубежных ученых степеней.

Очевидно, авторы данного документа поспешили по целому ряду юридических причин. Система государственной научной аттестации, урегулированная Федеральным законом от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [2], как и Положение о присуждении ученых степеней, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842[3] не предусматривают такой возможности.

Так, ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» определяет, что оценка научной квалификации научных работников и иных лиц, осуществляющих научную (научно-техническую) деятельность, обеспечивается государственной системой научной аттестации. В ч. 2 ст. 4 этого же нормативного правового акта отмечено, что государственная система научной аттестации предусматривает присуждение ученых степеней кандидата наук и доктора наук[2]. Никаких других вариантов действующее законодательство не предусматривает. Исходя из этого, следует, что «кандидат наук НИУ ВШЭ» или иные формулировки наименования ученых степеней выходят за пределы государственной научной аттестации и не могут быть признаны в иных организациях, помимо НИУ ВШЭ в данном случае.

В подтверждение этого тезиса также необходимо отметить, что ч. 3.1 Федерального закона от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» определяет помимо всего прочего в качестве полномочия, в том числе НИУ ВШЭ, устанавливать форм

дипломов об ученых степенях, технические требования к таким документам, порядок их оформления и выдачи[2], но никак ни к самим ученым степеням.

Более того, в п. 11.4 Положения предусматривается фактически еще один вид ученой степени – «cumlaude» (с отличием) [2], что также противоречит не просто законодательству и подзаконному нормативному правовому регулированию, но и логике самой государственной научной аттестации, т.к. диссертацию в НИУ ВШЭ можно защитить с оценкой «отлично» или без таковой. По предварительной информации похожим образом изменения будут предложены от СНГ для дальнейшего трансформирования, в том числе, российской системы государственной научной аттестации посредством ресурсов и потенциала международных организаций.

Свойственное российскому человеку подражание Западу во всем, считая его лучше «нашего брата», далеко не всегда дает положительные результаты. Скоропалительные меры, направленные на то, чтобы быть ближе во всем Европе и США приводят к подобному рода казусам, наводят дополнительное ненужное беспокойство в отечественной научной среде. Безусловно, интеграция российской системы государственной научной аттестации нуждается в международной коммуникации, но делать это необходимо планомерно, постепенно и взвешенно под чутким контролем со стороны компетентных государственных органов.

Литература:

1. О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»: Федеральный закон от 23 мая 2016 года № 148-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 года) // СЗ РФ. 2016. 30 мая. № 22. Ст. 3096.

2. О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ (ред. от 23 мая 2016 года) // СЗ РФ. 1996. 26 августа. № 35. Ст. 4137.
3. О порядке присуждения ученых степеней: Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 28 августа 2017 года) // СЗ РФ. 2013. 7 октября. № 40 (часть III). Ст. 5074.
4. Положение о присуждении ученых степеней в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» от 22 декабря 2017 года. – М.: Высшая школа экономики, 2018.
5. Нарутто С.В., Шугрина Е.С. О проекте по предоставлению университетам права самостоятельно присуждать ученые степени // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 221-225.
6. Сергеева О.Л., Самарина Ю.С., Шкварова А.С. Изменения законодательства в научно-технической сфере за 2016 год // Наука. Инновации. Образование. 2017. № 2. С. 157-173.

УДК. 341.64

Фадеева Е.С.

ассистент кафедры теории и истории государства и права, аспирант,
ведущий менеджер основных образовательных программ
«Балтийский федеральный университет им. И. Канта»
Юридический институт

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ПОДХОДЫ

Аннотация: Рассматриваются принципы правового мониторинга мировой юстиции. На основе анализа нормативных актов, а также источников

отечественной и зарубежной литературы, сделан вывод о различиях в подходах к определению принципов правового мониторинга мировой юстиции. Предложена классификация принципов правового мониторинга мировой юстиции.

Ключевые слова: правовой мониторинг, мировая юстиция, принципы.

Abstract: The principles of legal monitoring of the justice of the peace are considered. Based on the analysis of regulatory acts and domestic and foreign literature, a conclusion about the differences in approaches to determining the principles of legal monitoring of justice of the peace is formulated. A classification of principles of legal monitoring of justice of the peace is offered.

Key words: legal monitoring, justice of the peace, principles.

Правовой мониторинг, то есть деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о состоянии и функционировании правовой системы и ее отдельных элементов, является актуальным направлением юриспруденции. Объектом правового мониторинга могут быть не только нормативные акты и практика их применения, но и иные явления правовой реальности, в том числе и государственно-правовые институты, каковым является институт мировой юстиции. Соответственно, в качестве специального вида правового мониторинга можно выделить правовой мониторинг мировой юстиции, то есть деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке информации об организации и деятельности мировых судов, мировых судей и органов мирового судебного управления.

Правовой мониторинг мировой юстиции является деятельностью, которая осуществляется на основе определенных исходных положений – принципов. Для того, чтобы определить, какие принципы должны быть положены в основу мониторинговой деятельности в сфере мировой юстиции, обратимся к

нормативным правовым актам, регулирующим отдельные вопросы правового мониторинга, а также к отечественной и зарубежной литературе.

В настоящее время в Российской Федерации правовое регулирование вопросов правового мониторинга построено таким образом, что нормативно урегулированным видом правового мониторинга выступает лишь мониторинг правоприменения. На федеральном уровне нормативными актами, регуливающими вопросы мониторинга правоприменения, выступают два подзаконных нормативных правовых акта – указ Президента РФ [1] и принятое на его основе постановление Правительства РФ [2]. Однако указанные нормативные акты не устанавливают принципов осуществления регулируемой деятельности. Тем не менее, некоторые принципы правового мониторинга установлены на уровне субъектов РФ. Так, например, соответствующим законом Московской области [3] установлены такие принципы правового мониторинга, как непрерывность, системность, комплексность, плановость, целенаправленность, гласность. Примерно аналогичный перечень принципов мониторинга закреплены в законах Республики Татарстан [4], Пермского края [5], Калужской области [6]. Стоит заметить, что, в основном, региональные законодатели не раскрывают содержание указанных принципов.

В отечественной юриспруденции значительная часть научного знания о правовом мониторинге касается мониторинга нормативных актов и правоприменительной практики. Соответственно, принципы правового мониторинга рассматриваются учеными в указанном ракурсе.

Например, Н.Н. Черногор к числу принципов правового мониторинга, относит принципы законности, обязательности, программной обеспеченности, полноты информационной базы, объективности и достоверности информации, транспарентности и оснащенности [7, с. 37-38]. В концепции правового мониторинга, разработанной учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, выделяются следующие

принципы: легитимность и объективность, обязательность, информационная всеохватность, информационная открытость, программно-целевое и плановое обеспечение, финансовая обеспеченность [8, с. 37-38]. О.В. Козловская к принципам правового мониторинга относит принципы законности, гласности, комплексности, плановости, системности, непрерывности, всесторонности исследования, объективности, профессионализма [9, с. 45-47]. Предложена также классификация принципов мониторинга правоприменения на общеправовые и специальные [10, с. 157-158]. Проанализировав указанные идеи, нетрудно заметить, что все эти работы объединяет наличие следующих ключевых принципов правового мониторинга: объективность, законность, гласность, плановость, информационная всеохватность и оснащенность. Полагаем, названные принципы могут быть положены и в основу правового мониторинга мировой юстиции.

В мониторинговых исследованиях мировой юстиции не всегда уделяется внимание принципам мониторинга. Полагаем, мониторинговые процессы основаны на принципах, сформулированных в науке и нормативных актах. В редких случаях субъекты мониторинга выделяют иные принципы. В качестве примера можно привести исследование мировой юстиции в Санкт-Петербурге, где был сделан акцент на принципе подбора экспертов, то есть включении в их число лиц, которые в силу своих должностных обязанностей регулярно взаимодействуют с мировыми судами [11, с. 6]. Данное положение близко к ранее упомянутому принципу профессионализма.

Принципы мониторинговой деятельности, указанные в зарубежной литературе носят более прикладной характер. Это связано, на наш взгляд, с тем, что исследователи уделяют больше внимания изучению конкретных видов мониторинга в сфере права и разработке практических рекомендаций, нежели чем созданию универсальной концепции правового мониторинга.

Большое внимание вопросу принципов мониторинга уделяется в работе по мониторингу прав человека [12, р. 87-93]. В качестве особенностей изложения принципов мониторинга в работе отметим разнообразие принципов, которые могут быть положены в основу мониторинга, а также сочетание базовых положений об объективности, беспристрастности и открытости со специальными принципами обеспечения конфиденциальности, безопасности, а также проявления терпения и настойчивости.

Кроме того, в свете правового мониторинга мировой юстиции актуальной, по нашему мнению, является работа, посвященная вопросам мониторинга судебных процессов [13, р. 20-23]. В данной работе выделены три базовых положения, которые должны быть положены в основу мониторинга: 1) принцип невмешательства в судебный процесс; 2) принцип объективности; 3) принцип согласия (со стороны органов власти на проведение мониторинга). В данном случае важнейшим принципом мониторинга выступает принцип невмешательства в судебный процесс, который основан на понимании того, что судебная власть является независимой и ее независимость должна уважаться в рамках мониторинга посредством его организации и действий наблюдателей.

Таким образом, рассмотрев отечественный и зарубежный подходы к пониманию принципов правового мониторинга, необходимо отметить, что в российской науке, законодательстве и практике его применения, большое внимание уделяется общим принципам, характерным для всей системы юридической деятельности. Зарубежный подход к определению принципов правового мониторинга основан на сочетании как общих, так и специальных (прикладных) принципов мониторинговой деятельности. По нашему мнению, в основу определения принципов правового мониторинга мировой юстиции может быть положен второй подход, что позволит классифицировать принципы правового мониторинга мировой юстиции на общие (характерные для всех видов правового мониторинга) и специальные (используемые при проведении

правового мониторинга мировой юстиции). Общими принципами в данном случае выступают принципы объективности, законности, гласности, плановости, информационной всеохватности и оснащенности. Специальными принципами правового мониторинга мировой юстиции являются принципы невмешательства в деятельность мировых судей, уважения к суду, знания законодательства в сфере мировой юстиции, профессионализма, а также конфиденциальности используемой в мониторинге информации.

Литература:

1. О мониторинге правоприменения в РФ: указ Президента РФ № 657 от 20.05.2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
2. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: постановление Правительства РФ № 694 от 19.08.2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35. Ст. 5081.
3. О правовом мониторинге в Московской области: закон Московской области № 46/2012-ОЗ от 04.05.2012 [Электрон. ресурс] Доступ из СПС «Гарант».
4. О мониторинге законов Республики Татарстан: закон Республики Татарстан № 49-ЗРТ от 03.07.2010 [Электрон. ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
5. О правовом мониторинге в Пермском крае: закон Пермского края № 163-ПК от 04.02.2013 [Электрон. ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
6. О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Калужской области: закон Калужской области № 407-ОЗ от 28.03.2013 [Электрон.ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
7. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н.Н. Черногора. М., 2010. – 232 с.
8. Горохов Д.Б., Спектор Е.И., Глазкова М.Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25-38.

9. Козловская О.В. О необходимости законодательного закрепления принципов правового мониторинга // Мониторинг правоприменения. 2013. № 2. С. 44-48.
10. Прокопьева Н.В., Иванов И.В. Понятие и принципы мониторинга правоприменения: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 155-160.
11. Мировой суд: доступность и эффективность. Социологическое исследование мировой юстиции в Санкт-Петербурге. СПб. 2007.
12. Training Manual on Human Rights Monitoring // United Nations. New York and Geneva. 2001. 485 p.
13. Trial Monitoring: A Reference Manual for Practitioners. Revised edition // OSCE/ODIHR. Warsaw. 2012. 234 p.

СЕКЦИЯ 1
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ
ПРАВА В РОССИИ

УДК. 343.2/.7

Чеботарева Г.В.

профессор кафедры уголовного права и криминологии
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Рассматриваются проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью в условиях глобализации, реализация норм международного уголовного права в национальной юрисдикции, основные направления совершенствования российского уголовного законодательства в области противодействия международным преступлениям, преступлениям международного характера.

Ключевые слова: борьба с преступностью, глобализация, международные преступления, национальное уголовное законодательство.

Annotation: The problems of international cooperation in combating crime in the context of globalization, the implementation of the norms of international criminal law in national jurisdiction, the main directions of improving Russian criminal legislation in the field of countering international crimes, crimes of an international character are considered.

Keywords: fight against crime, globalization, international crimes, national criminal legislation.

Глобализация является всеобъемлющим процессом, затрагивающим экономические, политические, информационные, культурные, социальные и правовые тенденции. Термин «глобализация» имеет различное по объему толкование, которое в целом можно свести к широкому распространению какого-либо процесса, явления и выходу их за определенные границы, прежде всего границы одного государства [1, с. 72].

Открытие рынков, появление новых коммуникационных технологий привело к тому, что характер, масштабы и влияние преступности заметно изменились. Преступность распространилась на многие страны, поэтому обнаружение преступников затрудняется, а международное сотрудничество становится как никогда важным. Происходит расширение сферы деятельности организованной преступности как в географическом, так и в отраслевом отношении. В результате этого транснациональная преступность, ориентированная на конкретную деятельность, постепенно приобретает характер трансконтинентальной и многопрофильной преступности – современные преступные организации занимаются контрабандой всего, что приносит прибыль, начиная с наркотиков, культурных ценностей, ядерных материалов и оружия и заканчивая людьми [2]. Особой разрушительной мощью обладают террористические организации. Международный терроризм представляет реальную угрозу внутренней и внешней безопасности государств, мирным взаимоотношениям между ними, развитию и функционированию демократических институтов и принципов.

Международная преступность, представляющая собой глобальную проблему, обуславливает необходимость в правовой глобализации, которая реализуется в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью и необходимостью научных исследований в этой сфере. Правовой базой таких исследований являются уголовно-правовые аспекты международного права и международно-правовые аспекты национальных уголовно-правовых систем.

Необходимость развития международного сотрудничества государств и других субъектов в борьбе с различными видами преступности для поддержания международного мира и безопасности неоднократно подчеркивалась в резолюциях Организации Объединенных Наций. Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями проводятся каждые пять лет начиная с 1955 года. Это крупные события мирового значения. Они закладывают основы для нормотворческой деятельности путем разработки стандартов более совершенной национальной практики и документов для более эффективного сотрудничества между странами, для проведения практических исследований, включая мировые обзоры преступности и анализ стратегии борьбы с ней.

От степени взаимодействия государств по вопросам предупреждения преступных деяний, расследования преступлений и осуществления уголовного судопроизводства, в том числе исполнения приговора, зависит эффективность противодействия различным преступлениям. Одной из форм реализации такого сотрудничества является имплементация норм международного уголовного права в национальное уголовное законодательство.

В теории российского уголовного права до настоящего времени не выработана единая концепция механизма имплементации норм международного уголовного права в отечественное уголовное законодательство, что само по себе создает реальные проблемы нормотворчества и затрудняет практику реализации соответствующих международных обязательств Российской Федерации по обеспечению уголовного преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений, преступлений международного характера.

О взаимосвязи международного и внутреннего уголовного права имеется прямое указание в Конституции РФ, которая закрепляет положение: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные

договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15). Это положение касается и норм международного уголовного права, поскольку согласно ч.2 ст.1 УК РФ действующий Уголовный кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права.

Однако часть 1 ст. 3 УК РФ гласит о том, что преступность деяния, а также его наказуемость определяются только настоящим Кодексом. Поэтому по уголовному законодательству РФ исключается прямая ссылка на нормы международного договора Российской Федерации при квалификации преступления.

Указанное положение не тождественно содержанию ч.4 ст. 15 Конституции РФ, что вызывает большие споры среди ученых. В этой ситуации можно согласиться с мнением Г. В. Игнатенко, о том, что отсутствие в УК РФ указания на применение правил международного договора Российской Федерации не вполне корректно, потому что такое «официальное решение как бы противопоставляет отдельную отрасль права общему конституционному принципу» [3, с. 13].

Для преодоления правовых пробелов и качественного приведения национального уголовного закона в соответствие с нормами международного уголовного права профессор А. В. Наумов предлагает более широко использовать в уголовном законе Российской Федерации бланкетные нормы [4, с. 22]. Действительно в УК РФ имеются статьи с бланкетными диспозициями, при применении которых возможен учет ряда международных уголовно-правовых норм. Есть все основания отнести статьи УК РФ о международных преступлениях и преступлениях международного характера к статьям с бланкетными диспозициями. Поэтому, когда в УК РФ признаки состава

международного преступления (преступления международного характера) раскрываются в общем, и они имеют отношение к общепризнанным принципам и нормам международного права либо предусмотрены международным договором РФ, то вполне допустимо ссылаться на последние при толковании такого преступления. Так, в диспозиции ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» не раскрываются все средства и способы, отнесенные к запрещенным. Для уяснения объективной стороны данного преступления необходимо обращаться к 4-м Женевским Конвенциям о защите жертв войны 1949 г., двум Дополнительным протоколам к этим Конвенциям 1977 г., Римскому Статуту Международного уголовного суда 1998 г. и другим международным документам, ратифицированным Российской Федерацией или являющимся общепризнанными.

Верховный Суд Российской Федерации, изложил свою позицию по данному вопросу в п.6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Так, в соответствии с Постановлением «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.)»[5].

В тоже время международным уголовным правом за ряд тягчайших преступлений против мира и безопасности человечества установлена уголовная

ответственность независимо от того, являются ли таковые деяния преступлениями по внутреннему праву государства, где деяния были совершены, или не признаются таковыми. Впервые такое положение было закреплено в Уставе Нюрнбергского трибунала. Сам Нюрнбергский трибунал в приговоре закрепил преимущество международного уголовного права над национальным правом. Названный принцип воспроизведен в ст. 1 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества:

«Преступления против мира и безопасности человечества являются преступлениями по международному праву и наказываются как таковые, вне зависимости от того, наказуемы ли они по внутригосударственному праву»[6].

В заключении следует отметить, что в условиях глобализации преступности внутригосударственное уголовное право может и должно быть подвержено гармонизации. Угроза, которую несет в себе международная преступность, настоятельно требует проявления политической воли и готовности к межгосударственному взаимодействию. По нашему мнению, необходимо провести комплексный и детальный мониторинг уголовного законодательства России с точки зрения его соответствия международным стандартам криминализации. Каждый законопроект о внесении изменений в уголовное законодательство должен проходить научную экспертизу на соответствие его международным уголовно-правовым стандартам.

Литература:

1. Кадырова, Н. Н. Влияние глобализации на современные отношения в уголовно-правовой сфере / Н. Н. Кадырова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 1, вып. 1. С. 72 — 77.
2. Укрепление Программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, в частности ее

потенциала в области технического сотрудничества. Доклад Генерального секретаря – UN Doc A/59/205. – П. 54.

3. Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: НОРМА, 1999. 584 с.

4. Наумов А. В. Влияние норм и принципов международного права на сближение уголовного права различных систем / А. В. Наумов // Уголовное право в XXI веке: материалы Междунар. науч. конф. на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 18-22.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Электронный ресурс. Режим доступа - <http://base.garant.ru/12132854/>

6. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Электронный ресурс. Режим доступа - <http://docs.cntd.ru/document/902042724>

УДК. 347.97/.99

Харченко Е.С.

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Рыбкина М.В.

Д.ю.н., профессор кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургский университет технологий управления и

К ВОПРОСУ О РОЛИ СУДА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в статье раскрываются вопросы о значении роли суда при рассмотрении споров в условиях реализации принципа состязательности в

гражданском процессе. А втор приводит различные подходы к этому вопросу и приходит к выводу, что пассивная роль и уменьшение роли суда в процессе соби́рания доказательств не должны означать, что значение суда в гражданском процессе нивелируется.

Annotation: the article reveals the questions about the significance of the role of the court in the consideration of disputes in the conditions of the implementation of the principle of adversarial activity in the civil process. A second leads different approaches to this issue and concludes that a passive role and a diminishing role of the court in the process of collecting evidence should not mean that the value of the court in the civil process is leveled.

В результате судебной реформы в нашей стране, гражданское судопроизводство претерпело множество существенных изменений. Одним из направлений такого изменения законодатель избрал принцип состязательности в гражданском процессе. Именно поэтому указанный правовой институт остается в поле зрения ученых процессуалистов и сегодня. Вопросы сущности, особенностей и пределов состязательности остаются актуальными для исследователей.

Принцип состязательности сторон закреплен в ч.1 ст. 12 ГПК РФ: «правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [1].

Очевидно, что состязательность в гражданском процессе предусматривает пассивную роль суда, при высокой активности сторон. Не имея возможности собирать доказательства, суд так же не имеет возможности и обязать стороны их предоставить, роль суда сводится в данном случае к предложению предоставить доказательства по делу. В сущности, исход дела в состязательном процессе зависит от того как и какие доказательства предоставили стороны, и от

того как суд оценит представленные доказательства будет и разрешен исход дела.

Нельзя не согласиться, что принцип состязательности в гражданском процессе является важнейшим и этот принцип является ключевым при рассмотрении спорных вопросов. Указанное обуславливает необходимость для сторон представлять доказательства наиболее полными и своевременно. При этом, каждый аспект спора, любое фактическое обстоятельство, имеющее или не имеющее пока силу юридического факта, любое притязание сторон обязательно должны быть доказаны.

Однако, в процессуальной науке существует мнение, что главной чертой принципа состязательности является активная роль суда в осуществлении состязания сторон, которые имеют равные возможности отстаивать свои права. Именно суд руководит процессом, оценивает доказательства и обстоятельства дела, применяет юридические нормы. Поэтому классическое «состязание» невозможно рассматривать без активной деятельности суда [2, с. 388-393].

Действительно, сегодня большое значение придается организующей роли суда, суд фактически обеспечивает контроль за соблюдением процессуального законодательства, тем самым стремясь к возможности разрешить дело.

На основании изложенного можно сделать вывод, что пассивная роль и уменьшение роли суда в процессе собирания доказательств не должны означать, что значение суда в гражданском процессе нивелируется.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. (в ред. от 28 декабря 2017 г. № 421-ФЗ)//Российская газета от 20 ноября 2002 г. № 220
2. Шаманова, Р.А. О некоторых проблемах принципа состязательности в гражданском судопроизводстве.//проблемы реализации норм, регулирующих

доказывание и доказательства в гражданском, арбитражном и административном производстве- сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. 2015.

УДК. 347.91/.95

Каменков Виктор Сергеевич

заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности

Белорусского государственного университета, медиатор, доктор юридических наук, профессор,

МЕДИАТОР - ХОРОШИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ?

Аннотация: В статье рассмотрены актуальные и современные проблемы правового регулирования, функции и задачи в смысле их совпадения и несовпадения, в отношении медиаторов и управляющих по делам об экономической несостоятельности и банкротстве, в деле их профессиональной подготовки в деле защиты прав и законных интересов кредиторов, должника, иных участников банкротных процессов.

Ключевые слова: медиатор, управляющий в деле о банкротстве, должник, кредитор, экономическая несостоятельность, банкротство, санация, ликвидация.

Annotation: Head of the department of the financial right and legal regulation economic activity of the Belarusian state university, mediator, doctor of jurisprudence, professor, 220030 of Minsk, Nezavisimosti Avenue, 4.

In article actual and modern problems of legal regulation, function and a problem that is of their coincidence and discrepancy, concerning mediators and

managing directors on cases of economic insolvency and bankruptcy, in their vocational training in protection of the rights and legitimate interests of creditors, the debtor, other participants of bankrupt processes are considered.

Keywords: a mediator, the managing director in the case of bankruptcy, the debtor, the creditor, economic insolvency, bankruptcy, sanitation, elimination..

Актуальность темы настоящего исследования имеет высокую степень, поскольку от успешного внедрения медиативных навыков при подготовке управляющих по делам об экономической несостоятельности и банкротстве (далее – дела о банкротстве), а также использование управляющими медиативных процедур с самых ранних стадий развития дела о банкротстве до самых последних, можно получить значительно лучшие результаты по этим делам.

Поэтому настоящая статья должна быть интересна, в первую очередь, для всех кто занимается стратегией, тактикой института банкротных управляющих и их подготовкой (например, Департамент по санации и банкротству Министерства экономики Беларуси), для тех, кто готовит управляющих и медиаторов, для самих управляющих по делам о банкротстве и медиаторов. Не менее она будет полезна для руководителей на производстве, для любых субъектов предпринимательской деятельности, для всех юристов, и т.д. Не говоря уже о тех, кто занимается научными исследованиями в данной области.

Ведь, с одной стороны, медиатор только посредник между конфликтующими, спорящими сторонами, он не располагает какими-либо властными полномочиями. «Посредничество (медиация) – урегулирование конфликта с помощью независимого, нейтрального посредника, который содействует сторонам в достижении соглашения; это метод, при котором стороны управляют и владеют как самим процессом, так и его результатом. То есть, при медиации ничего не решается без согласия сторон. Кроме того,

посредник не обладает полномочиями для принятия решения» [1]. Одновременно «...задача медиатора – построить переговоры таким образом, чтобы на первый план вышли интересы сторон, которые зачастую не являются диаметрально противоположными, в отличие от позиций. Только тогда решение может удовлетворить интересы обеих сторон – комбинация win-win» [2]. Разве не такая же задача стоит перед управляющим в деле о банкротстве?

Не менее значимо понимание роли медиативного участия по делам о банкротстве, как и по другим делам, в смысле упреждения судебного разбирательства. «...важно помнить, что в любом случае переговорный процесс должен предшествовать судебному разбирательству. Не только положительный, но и отрицательный результат – тоже результат: четко определяются позиции сторон, предмет, пределы и границы спора, доказательственные аргументы и прочее. И от того, как будут подготовлены и проведены переговоры, какими аргументами будут оперировать стороны, как будет составлен протокол переговоров, во многом будет зависеть и исход дальнейшего судебного разбирательства. Если, конечно, таковое состоится. Бывает, даже при «плохом» результате переговоров сторона – инициатор спора в суд не идет» [3].

Чтобы не было сомнений о потенциальной востребованности медиативных навыков управляющих по делам о банкротстве, приведем нормы Закона о банкротстве [4], указывающие на «изобилие» конфликтов и споров в делах о банкротстве:

«...в процедурах экономической несостоятельности (банкротства) споры, вытекающие из трудовых и связанных с ними отношений, рассматриваются общими судами.

Споры об отнесении субъектов права к должникам или заинтересованным лицам в отношении должника, кредитора (конкурсного кредитора), управляющего рассматриваются хозяйственными судами» (ст. 7);

...споры о привлечении к ответственности (ст. 11);

...заявления управляющего, в том числе о разногласиях, возникших между ним и кредиторами, а также жалобы кредиторов, иных лиц, участвующих в деле об экономической несостоятельности (банкротстве) (ст. 54);

...оспаривание сделок (ст. 77);

...споры о признании требований (ст. 96);

...хозяйственные споры с участием должника (ст. 103);

...споры при продаже имущества должника (ст. 127);

...споры, связанные с деятельностью временной администрации банка (ст. 192) и т.п.

Лучше разобраться с вопросом, поставленным в названии настоящей статьи, поможет метод сравнительного анализа. Объектами для такого анализа вполне могут быть цели, функции и задачи, права и обязанности, как управляющих по банкротным делам, так и медиаторов. Причем мы будем вести речь о медиаторах и управляющих, имея в виду только физических лиц. В соответствии с Законом о медиации [5, ст. 4] медиаторами могут быть только физические лица: «...медиатор – физическое лицо, отвечающее требованиям настоящего Закона...». Управляющими же по делам о банкротстве могут быть и юридические лица [4, ст. 62].

К сожалению, дефиниция понятия «управляющий», имеющаяся в Законе о банкротстве [4, ст. 1], не содержит указания на какие-либо функции и задачи управляющего по делу о банкротстве. Но в главе 5 и иных нормах указанного закона [4] содержится достаточно положений, указывающих на схожесть полномочий управляющего по делу о банкротстве и медиатора.

Например, несмотря на то, что в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) управляющий выступает от имени должника, его основными задачами являются:

восстановление платежеспособности должника;

обеспечение максимально возможной защиты прав и законных интересов должника и коллектива работников должника, а также кредиторов и иных лиц;

урегулирование взаимоотношений должника и кредиторов;

максимально возможное удовлетворение требований кредиторов в соответствии с установленной очередностью;

содействие производству по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) [4, ст. 66]. То есть, банкротный управляющий в силу объективных причин должен максимально учитывать и защищать интересы не только должника, но и коллектива работников должника, а также кредиторов и иных лиц. Он должен прилагать усилия к урегулированию взаимоотношений должника и кредиторов. Объективность причин заключается в том, что управляющий, выступая от имени должника, только заботясь одновременно об интересах и должника, и кредиторов, сможет достичь желаемого всеми участниками банкротного процесса: восстановления платежеспособности должника и полное удовлетворение требований кредиторов, либо ликвидация должника и максимально возможное удовлетворение требований кредиторов. Даже на обывательском уровне понятно, что без согласованных действий управляющего с кредиторами спасти должника невозможно. Иначе нет смысла в самой процедуре экономической несостоятельности и банкротства.

Следовательно, для продолжения нормальных деловых контактов управляющего с кредиторами, которые заинтересованы в быстрейшем получении от должника только «своей» доли, для ведения успешных переговоров с ними, навыки переговорщика, навыки медиатора управляющему не только не будут лишними, но, наоборот, необходимыми. Ведь и «...в специальной литературе переговоры определяются как процесс поиска соглашения между людьми через согласование их интересов. Переговоры представляют собой неформальный процесс общения двух или более сторон с целью урегулирования разногласий или спора. По своей природе переговоры

являются наглядным примером процедур альтернативного разрешения споров, поскольку они осуществляются сторонами добровольно. Переговоры являются также добровольной и необязательной процедурой, поскольку никто не может принудить стороны к их ведению» [6]

Некоторые исследователи прямо указывают на формирование медиативной компетенции арбитражных управляющих в целях сглаживания конфликтов, возникающих в процессе банкротства и выработки мирового соглашения, как на одно из двух основных направлений применения медиации при проведении процедур банкротства [7]. Однако согласиться с таким достаточно узким видением роли медиатора в деле о банкротстве вряд ли можно. Медиативные навыки управляющего должны использоваться значительно шире, а не только для выработки мирового соглашения.

Кроме того, имеется хорошее юридическое и фактическое основание для сравнения правового статуса банкротного управляющего и медиатора.

Начнем с того, что «...управляющим может быть физическое лицо, имеющее высшее преимущественно экономическое или юридическое образование, необходимый опыт хозяйственной (предпринимательской) деятельности, не имеющее судимости, аттестованное на соответствие профессионально-квалификационным требованиям, предъявляемым к управляющему в производстве по делу об экономической несостоятельности (банкротстве), и получившее аттестат управляющего» [3, ст. 62].

Сравним и найдем схожие моменты. «Медиатором может быть физическое лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации..., либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившее свидетельство медиатора, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации [5, ст. 4].

Кроме того, подчеркивая повышенные требования к объективности и беспристрастности управляющего Закон о банкротстве [4, ст. 62] не допускает даже возможности осуществлять деятельность управляющего ни работникам Департамента по санации и банкротству, ни судьям экономических судов, ни работникам аппаратов экономических судов. Управляющий не может быть заинтересованным лицом в отношении должника и (или) кредиторов (конкурсных кредиторов).

Сравниваем с требованиями к медиатору. «Медиатор не вправе быть представителем какой-либо стороны» [5, ст. 4].

И даже более жесткие требования Закона о медиации. «Медиатором не может быть физическое лицо:

являющееся государственным служащим, в том числе осуществляющее полномочия судьи в суде, если иное не предусмотрено законодательными актами;

признанное в установленном порядке недееспособным или ограниченно дееспособным;

имеющее судимость;

полномочия которого в качестве судьи суда, прокурорского работника, сотрудника Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, органов внутренних дел, государственной безопасности, пограничной службы, работника органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь, налоговых, таможенных органов, иного государственного служащего, нотариуса, частного нотариуса, адвоката были прекращены в порядке, установленном законодательными актами, по основаниям, связанным с совершением проступков, несовместимых с его профессиональной деятельностью, - в течение трех лет со дня принятия соответствующего решения, если иное не предусмотрено законодательными актами» [5, ст. 4].

Более того, Закон о банкротстве [4, ст. 63] устанавливает некий дополнительный критерий, которым должен обладать будущий управляющий – доверие со стороны экономического суда, рассматривающего дело о банкротстве, а также кредиторов (конкурсных кредиторов) и должника. Сама процедура рассмотрения дела об экономической несостоятельности и банкротстве предполагает наличия такого доверия между названными участниками. Наоборот, отсутствие доверия, выстраивание отношений только на соблюдении формальных требований максимально затруднит оперативное рассмотрение всего комплекса вопросов по делу или вообще делает их невозможными.

В судебной практике встречались примеры, когда экономические суды различных инстанций давали оценку критерию доверия к управляющему. В частности, по одному из дел о банкротстве, где обжаловалось назначение конкретного управляющего, в постановлении Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь указано, что доверие суда к назначенному управляющему формировалось с учетом следующих обстоятельств. «В данном случае при рассмотрении вопроса о назначении управляющего суд первой инстанции учитывал, что индивидуальный предприниматель «П» исполнял функции управляющего по 14 делам о банкротстве, 6 из которых – с имуществом, находившимся в городе. Суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу, что санированное предприятие требовало постоянного нахождения управляющего на предприятии, а иногородний управляющий не смог обеспечить данного условия.

При таких обстоятельствах для отмены вступивших в законную силу судебных постановлений и удовлетворения кассационной жалобы оснований не имелось» [8].

Аналогичный критерий (критерий доверия) имеется и в Законе о медиации. «Медиация основывается на доверии, которое стороны оказывают

медиатору как лицу, способному обеспечить эффективное ведение переговоров [4, ст. 3]. А соглашением о применении медиации могут устанавливаться дополнительные требования, предъявляемые к медиатору [5, ст. 4].

Рассматривая функции медиатора и управляющего в деле о банкротстве, мы также обнаружим определенное тождество.

Некоторые авторы прямо указывают на организационную функцию медиатора. «Выполнение организационной функции в процедурном аспекте предполагает, во-первых, создание посредником условий для конструктивного диалога всех участников медиации, во-вторых, организацию переговоров сторон согласно избранной (с учетом специфики спора) модели. Для этого медиатор использует приемы эффективной коммуникации, а также знания теории переговоров и навыки управления переговорным процессом.

В случае если соответствующие условия не оговорены в соглашении о проведении медиации, тип переговоров будет зависеть от профессионального выбора медиатора, его навыков и персонального подхода к примирительной процедуре. Основными инструментами, используемыми для осуществления обозначенной выше функции, являются техники активного слушания и обработки информации, вопросные техники, в том числе техники постановки вопросов с целью стимулирования стороны к поиску новых нестандартных решений урегулирования спора. Таким образом, медиатор, не вмешиваясь в содержательную часть спора, управляет конфликтом, что в конечном итоге приводит к его разрешению» [1].

А для управляющего в деле о банкротстве характерна такая же функция. Некоторые исследователи называют ее управленческой функцией (наряду со стабилизирующей, защитной, представительской, контрольной функциями управляющего). «Управленческая. Безусловно, это основная его функция. Она заключается в непосредственном управлении антикризисным управляющим предприятием, находящимся в процессе экономической несостоятельности либо

банкротства» [9].

Другие только при заключении мирового соглашения по делу о банкротстве усматривают несколько групп функций управляющего [10]. В том числе, функции по подготовке мирового соглашения (обеспечение сохранности имущества должника, проведение его инвентаризации и оценки, а также экспертизы его финансово-хозяйственной деятельности и т.п.). Без выполнения этих функций нельзя реально приступить даже к составлению текста мирового соглашения, поскольку невозможно будет сформулировать условия мирового соглашения.

Далее – функции по определению размера требований кредиторов второй очереди, составлению текста проекта мирового соглашения, проведению предварительных переговоров с кредиторами, разделив их на группы по различным критериям и т.д.

Потом, функции по созыву и проведению собрания кредиторов, предоставлению информации о финансовом состоянии должника (вплоть до представления бизнес-плана по выводу должника из кризиса) и о возможном нарушении прав третьих лиц и т.д. На данном этапе многое зависит от организаторских качеств управляющего, его умения вести переговоры и само собрание, налаживать контакты и быть убедительным. Высшая цель управляющего здесь заключается в приведении веских аргументов для кредиторов, которые бы захотели не получить хотя бы частично причитающийся им долг, а еще дополнительно инвестировать в бизнес должника, чтобы позже получить весь долг.

Объединяющим фактором исследуемые субъекты (управляющего и медиатора) является и их правовой статус в смысле не отнесения их законодателем к числу лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью. Такой статус данных субъектов характерен не только для Беларуси, России, но и для иных европейских государств. «...профессиональная

деятельность, регулируемая отдельным федеральным законом, к субъекту которой не предъявляются требования регистрации в качестве предпринимателя в связи с тем, что его деятельность не признается предпринимательской (арбитражный управляющий, оценщик, патентный поверенный, медиатор). Европейское законодательство аналогичным образом регулирует деятельность «лиц свободных профессий», к которым относятся лица, осуществляющие деятельность в области науки, искусства, преподавания, а также самостоятельная трудовая деятельность врачей, адвокатов, нотариусов, патентных поверенных, геодезистов, архитекторов, аудиторов, консультантов по налогам, консультирующих экономистов, уполномоченных по налоговым вопросам, и иных лиц. Такие лица не регистрируются в качестве предпринимателей, применяют иную систему налогообложения, в ряде случаев обязаны состоять в «профессиональных объединениях» (ордина врачей, ордина архитекторов, коллегии адвокатов и др.), контролирующих их профессиональную деятельность и содействующих ее развитию» [11].

В отдельных государствах медиация, возможности медиатора уже используются в банкротных процедурах, что реально подтверждает выводы настоящей статьи. «Так, например, процедура медиации, предшествующая подаче муниципалитетом петиции, согласно положениям гл. 9 Кодекса США о банкротстве, подробно урегулирована законодательством штата Калифорния. Законодательный акт 506 (AB 506 CA) предписывает муниципалитетам штата, имеющим намерение подать в суд петицию, предусмотренную положениями гл. 9 Кодекса США о банкротстве, пройти обязательную процедуру медиации (neutral evaluation process). Альтернативой процедуре медиации может быть только объявление чрезвычайного финансового положения (fiscal emergency). Муниципалитет может инициировать процесс, уведомив все заинтересованные стороны о необходимости медиации. К заинтересованным сторонам закон относит: доверительного управляющего, комитет кредиторов, доверенное лицо,

представляющее интересы держателей облигаций, пенсионный фонд, держателей облигаций, объединения муниципальных служащих» [12].

Обобщая изложенный материал, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, процедура признания должника экономически несостоятельным или банкротом содержит в себе большое количество конфликтов и правовых споров, которые потенциально можно урегулировать с помощью медиации, переговоров, посредников. Таких специалистов целесообразно также привлекать собственникам, учредителям должника на более ранних стадиях, т.е. до возбуждения дела о банкротстве.

Во-вторых, по своим целям, функциям, правовому статусу медиатор и управляющий в деле об экономической несостоятельности (банкротстве) имеют много общего, но не являются идентичными фигурами.

В-третьих, медиативные навыки для управляющего можно признать не только рекомендацией, но и желательными, а через закрепление в соответствующем акте законодательства – обязательными для управляющих в деле об экономической несостоятельности (банкротстве).

В-четвертых, использование медиативных механизмов в процедуре экономической несостоятельности и банкротства может реально повлиять на увеличение санационной статистики в делах о банкротстве.

Литература:

1. Николукин С.В. Правовые технологии посредничества (медиации) в Российской Федерации: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2013. 240 с.
2. Бессонова В.В. Медиация как способ проведения переговоров в конструктивном духе // Юридический мир. 2012. N 1. С. 65 - 66.
3. Сергеев В.И. Адвокат на переговорах: о внесудебных способах защиты предпринимателей и юридическом обеспечении споров по хозяйственным

договорам//Право и экономика, N 10, 1999.

4. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 N 415-3 (ред. от 04.01.2014)//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.07.2012, 2/1967.

5. О медиации: Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 N 58-3//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 23.07.2013, 2/2056.

6. Колобашкина С.С. Проблемы использования адвокатом переговоров и медиации как внесудебных средств разрешения спора // Адвокат. 2011. N 2. С. 18 – 24; Адвокат: навыки профессионального мастерства / Е.Ю. Булакова, Л.А. Воскобитова, М.Р. Воскобитова и др.; под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. 592 с.

7. Рондарь Н.В., Рондарь В.Н. Медиация и эффективность института банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. N 4. С. 108 - 113.

8. Постановление Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 20.09.2012 (дело N 47-10Б/2010/164А/715К).

9. Пантелеева Н.В., Авсейкова Е.С. Значение и функции антикризисного управляющего в сфере экономической несостоятельности(банкротства)//КонсультантПлюс 2012.

10. Каменков В.С. Роль управляющего при заключении мирового соглашения в деле о банкротстве//Исполнительное право, 2009, N 2.

11. Мрясова Ю.Р. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2014. N 2. С. 40 – 43; Дрибноход Т.П. Проблемы подоходного налогообложения в Германии (на примере физических лиц - нерезидентов) // Налоги и налогообложение. 2006. N 5; Коммерческий кодекс Франции. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 94 (Постановление Европейского суда по делу «Ле

Конт, ван Левен и де Мейер против Бельгии» (Le Compte, Van Leuven and De Meuere v. Belgium), р. 26 - 27, § 64 - 65; решение Европейской Комиссии по делу «Ревер и Легаллэ против Франции» (Revert and Legallais v. France), жалобы N 14331/88 и 14332/88, DR 62, р. 309; решение Европейской Комиссии по делу «А. и другие против Испании» (A. and Others v. Spain), жалоба N 13750/88, DR66, р. 188).

12. Малышева С.А., Шишмарева Т.П. Санация неплатежеспособных муниципальных образований по законодательству РФ и США: сравнительный аспект // Цивилист. 2013. N 4. С. 91 - 95.

УДК.347.63

Рябинина А.С.

Специалист по переводам и восстановлению

Государственный университет морского и речного флота имени

адмирала С.О. Макарова

г. Санкт-Петербург

Оганесян С.М.

Д.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса

Санкт-Петербургский университет технологий управления и

экономики

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**

Аннотация: в статье авторы раскрывают основные правовые аспекты института суррогатного материнства в России, анализируют

несколько основных правил, касающихся суррогатного материнства, рассматривают невозможность одинокому мужчине прибегнуть к услугам суррогатной матери. В итоге авторы делают вывод о том, что российское законодательство в большой степени стоит на защите прав суррогатной матери.

Annotation: in the article the authors reveal the main legal aspects of surrogacy in Russia, analyze several basic rules concerning surrogacy, study the inability of a single man to resort to the services of a surrogate mother. As a result, the authors conclude that the Russian legislation stands to protect the rights of a surrogate mother.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в России 33 миллиона семей, из которых более 18 миллионов не имеют детей. По итогам на 2016 год 10 миллионов людей репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет) бесплодны. Из них 4 миллиона мужчин и 6 миллионов женщин. Около 5 миллионов семей не могут иметь детей по состоянию здоровья. Таким образом, порядка 40% супружеских пар репродуктивного возраста, могут стать родителями через суррогатное материнство или усыновление/удочерение.

Первому ребенку, который был рождён по программе суррогатного материнства в России, исполнилось 23 года.

«Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям»[1].

Россия относится к ряду таких стран, в которых суррогатное материнство разрешено на законодательном уровне, и регулируется следующими нормативно-правовыми актами: Семейный Кодекс РФ (ст. 51-52); Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ст. 55 «Применение вспомогательных репродуктивных технологий»); Федеральный закон "Об актах гражданского состояния" от 15.11.1997 N 143-ФЗ (ст. 16 «Заявление о рождении ребенка»); Приказ Минздрава РФ от 26.02.2003 N 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» и др.

Так же следует отметить, что за время существования ЭКО сложилось несколько основных правил, регулирующих данные правоотношения. Первое правило заключается в том что, все права в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью, возникают у генетических родителей только с момента внесения записи их в качестве таковых в акт о рождении ребенка.

Второе правило, гласит о том, что только с согласия суррогатной матери супружеская пара, заключившая с ней договор суррогатного материнства, может быть записана в качестве родителей ребенка.

Второе правило закреплено в Семейном кодексе Российской Федерации в п. 4 ст. 51, согласно которому «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства» [2].

Третье правило так же закреплено в Семейном кодексе Российской Федерации в п. 3 ст. 52, согласно которому «супруги, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать (часть вторая пункта 4 статьи 51 настоящего Кодекса) не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства» [3].

В России реализуются правила, согласно которым матерью ребенка признается та женщина, выносившая и родившая, а не его биологические родители.

Суррогатная мать будет записана в качестве матери ребенка, если выразит такое желание. Биологические родители никакими правовыми способами не смогут принудить её дать согласие на запись их в качестве родителей ребенка.

Существует ошибочное мнение, что одинокие женщины не вправе воспользоваться программой суррогатного материнства. В соответствии с п.77 Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 августа 2012 г. N 107 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» одинокая женщина, которая не может иметь детей по определенным медицинским показаниям, может воспользоваться услугами суррогатной матери.

В России в настоящее время одинокий мужчина не может прибегнуть к услугам суррогатной матери. Поэтому, даже на медийных личностей это правило тоже распространяется. Примером тому, является то, что поп-королю российской эстрады Филиппу Киркорову пришлось обратиться с проблемой суррогатного материнства в организации, не подпадающие под юрисдикцию Российской Федерации.

Дело в том, что п. 9 ст. 55 «Применение вспомогательных репродуктивных технологий» Федерального закона от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" устанавливает то, что одинокий мужчина не может выступать одной из сторон договора о суррогатном материнстве. Еще до недавнего времени, а именно до принятия вышеуказанного федерального закона, одинокий мужчина имел такую возможность и судебная практика показывает то, что суды в случае возникновения спорных вопросов принимали решения в пользу одиноких мужчин.

Большинство врачей репродуктологов предполагают, что программа суррогатного материнства доступна только для пар, которые состоят в официальном браке. В соответствии с п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ пара, прибегающая к услугам суррогатной матери, должна состоять в браке.

Хотя, например, в Белоруссии все совсем наоборот. Следуя ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о Браке и Семье «матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства.

Суррогатная мать, женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, а также их супруги, давшие в установленном порядке согласие на заключение договора суррогатного материнства, не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, рожденного суррогатной матерью, за исключением случая, когда имеются доказательства того, что суррогатная мать забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий» [4].

Таким образом, российское законодательство в большой степени стоит на защите прав суррогатной матери. В России действует принцип «мать

всегда известна», то есть та женщина, которая ребенка вынашивает, является с точки зрения закона его матерью, если она не волеизъявила иное.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ п.9 ст. 55 [Электронный ресурс] – Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.11.2011.
2. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) п.4 ст.51 "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 16, "Российская газета", N 17, 27.01.1996.
3. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) п.3 ст.52 "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 16, "Российская газета", N 17, 27.01.1996.
4. Кодекс Республики Беларусь о Браке и Семье 278-3 от 9.07.1999 г.ст.52 [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://kodeksy-by.com/kodeks_rb_o_brake_i_semje.htm (дата обращения 14.03.2018).

УДК 342.24

Ерёмина И. С.

Д.пед.н., к.ю.н., зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин
*Крымский филиал Российского государственного университета
правосудия*

**ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА
КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

Аннотация: В статье рассмотрены особенности формирования конституционно-правового статуса Республики Крым как субъекта Российской Федерации. Проводится терминологический анализ понятий «правовой статус», «конституционно-правовой статус», «государственно-правовой статус».

Ключевые слова: Конституция Республики Крым; правовой статус, конституционно-правовой статус, государственно-правовой статус; субъект федерации.

Annotation: In the article features of formation of the constitutional-legal status of the Republic of Crimea as a subject of the Russian Federation are considered. Terminological analysis of the concepts of "legal status", "constitutional-legal status", "state-legal status" is carried out.

Key words: Constitution of the Republic of Crimea; legal status, constitutional and legal status, state legal status; subject of the federation.

Глобализация как многоплановый процесс, комплекс социальных явлений, способствует эволюции и видоизменению локальных проблем в глобальные, трансформации государственного устройства, правовой системы. Процесс глобализации проявляется и в форме интеграции. Так, интеграционным процессом можно назвать демократизацию в форме реализации права народов на самоопределение: «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава» [1]. 16 марта 2014 года состоялся референдум, по результатам которого было определено желание большинства, проживающих в Автономной Республике Крым войти в состав Российской Федерации.

Республика Крым (далее – РК) как субъект Российской Федерации была образована 18 марта 2014 года, на основании подписанного в тот же день договора о присоединении Крыма к России, оформившего осуществленное в феврале-марте 2014 года присоединение Крыма к Российской Федерации в рамках законодательства Российской Федерации.

Формирование конституционно-правового статуса РК как субъекта Российской Федерации играет важную роль для установления характера федеративных отношений между Россией и новым субъектом федерации.

Для определения статуса республики, входящей в состав Российской Федерации следует раскрыть конституционно-правовую характеристику республики как субъекта федерации и определить ее правовые основания.

Следует отметить, что понятие «конституционно-правовой статус» и «правовой статус» не равнозначны и имеют ряд отличий. Так, последнее понятие шире по своему объему и включает в себя не только элементы статуса предусмотренные Конституцией Российской Федерации и Конституцией РК, но и включают в себя элементы, предусмотренные другими правовыми актами.

Характеристика конституционно-правового статуса РК включает в себя как права и обязанности самой республики, так и права и обязанности ее должностных лиц и органов государственной власти. Закрепленные Конституцией Российской Федерации [2] и Конституцией РК [3] положения о месте республики в системе федеративных отношений, особенностях взаимодействия с федеральным центром первичны по отношению к правам и обязанностям высших органов государственной власти РК, так как являются производными от них.

Анализ правоприменительной практики показывает, что республика как субъект федерации может иметь права и нести обязанности, вытекающие не только из конституционно-правовых отношений. К примеру, федеральные органы исполнительной власти могут по взаимной договоренности передать на

некоторое время органам исполнительной власти республики права и обязанности в какой-либо сфере (и наоборот). Временная передача функций от федеральных органов власти органам государственной власти республики не меняет и не умаляет ее конституционно-правовой статус как республики, а в какой-то мере расширяет ее правовой статус. Это особенно актуально для понимания конституционно-правового статуса РК и ее становления как субъекта Российской Федерации. Интеграция РК в правовое, экономическое, политическое пространство России может временно предполагать передачу полномочий между федеральным центром и республикой.

Исходя из общих положений правового статуса (Н.В. Витрук) [4] помимо прав и обязанностей правовой статус включает в себя гарантии предусмотренных прав и ответственность за несоблюдение или неисполнение обязанностей.

В теории права гарантии подразделяются на общие (материальные, политические, социально-культурные и т.п.) и специальные (правовые). Соответственно, для характеристики правового статуса республики имеют значение правовые гарантии. К примеру, Конституция РК содержит ряд норм содержащих соответствующие гарантии: ст. 1- 6, 8, 9, 11 [3]. Остальные же гарантии являются основой укрепления и стабильности правового статуса республики.

Что касается ответственности республики, как субъекта Российской Федерации она находит свое выражение в ответственности ее высших органов государственной власти. Например, Конституция РК предусматривает отрешение от должности высшего должностного лица республики и досрочный роспуск органа законодательной власти [3]. Ответственность же федеральных органов государственной власти и должностных лиц в правоотношениях с субъектами федерации законодательно не оформлена.

Думается, что законодательное оформление ответственности федеральных органов государственной власти в отношениях с субъектами Российской Федерации способствовало бы только дальнейшему благополучию и процветанию нашего государства.

В частности, необходимо закрепить следующие основания для возникновения ответственности федеральных органов государственной власти:

- нарушение конституционных положений, устанавливающих предметы исключительного и совместного ведения Федерации и ее субъектов;
- частичное или полное неисполнение собственных нормативно-правовых актов.

Конституция Российской Федерации закрепляет равенство всех субъектов федерации [2]. Существенных различий конституционно-правового статуса (права, обязанности, гарантии и ответственность) республик и других субъектов нет. Исключение составляют предусмотренные для республик возможности принимать свою конституцию, устанавливать государственные языки наряду с русским языком. Указанные дополнительные положения для республик носят формальный характер и связаны исключительно с сохранением и развитием культуры и языка, проживающей на территории республики титульной нации.

Как видим, конституционно-правовой статус республики имеет равный характер по отношению к другим субъектам федерации. Однако правовой статус у субъектов федерации различен.

В соответствии со ст. 5 Конституции РФ [3] республики определены как «государство». Поэтому их статус можно назвать и государственно-правовым. В данной ситуации различия в конституционно-правовом и государственно-правовом статусе республики отсутствуют.

В Конституции РК отсутствует глава о государственно-правовом статусе республики. Нормы, определяющие статус РК содержатся в главах об основах конституционного строя и государственном устройстве (глава 1 и 3

Конституции) [3]. С нашей точки зрения это достаточно большой дефект как в содержательном плане, так и в нарушении законодательной техники.

Обратим внимание, что глава посвященная характеристике государственно-правового статуса республики должна быть размещена первой, так как от ее исходных положений будут формироваться принципы ее внутренней жизни, т.е. основы конституционного строя.

Для полной характеристики государственно-правового строя республики следует включать как положения федерального законодательства в данной сфере, так и элементы характеризующие статус конкретной республики.

Анализ влияния интеграционных процессов на конституционное развитие РК позволяет сделать ряд выводов:

- основные положения Конституции РК схожи с нормами Конституции Российской Федерации и закрепляют РК как демократическое, правовое государство в составе Российской Федерации и равноправный субъект Российской Федерации. Источником власти в РК является ее народ - часть многонационального народа Российской Федерации. РК имеет три государственных языка - русский, украинский и крымско-татарский. Высшим должностным лицом является глава республики;

- Республика Крым имеет свою конституционно-правовую систему, включающую в себя конституцию республики, республиканские законы и другие нормативные правовые акты, изданные в пределах ее компетенции;

- Республика Крым самостоятельно определяет систему органов государственной власти республики в соответствии с основами конституционного строя, общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации и законодательством республики.

Из вышесказанного, можно сделать вывод, что конституционно-правовой статус РК не имеет существенных различий с установленным федеральным

законодательством статусом других субъектов Российской Федерации. Думается, что изложенное выше предложение о включении новой главы в Конституции РК лишь обогатит ее конституционно-правовой статус.

Литература:

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года
2. Конституция Российской Федерации (с изм. по состоянию на 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1691
3. Конституция Республики Крым // Российская газета. 2014, 13 апреля.
4. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук; Российская академия правосудия. - М.: НОРМА, 2008. - 448 с.

УДК. 343.352

Титаренко А.В.

к.п.н., доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе

Крымский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В НЕФТЕГАЗОВОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В данной статье рассмотрена законодательная база, с помощью которой на сегодняшний день осуществляется противодействие коррупции в экономической сфере, в том числе в нефтегазовом ее секторе. Освещен ряд проблем противодействия коррупции в нефтегазовом секторе экономики, которые в значительной мере влияют на формирование теневой экономики в государстве. Указаны меры противодействия коррупционным проявлениям в условиях глобализации.

Ключевые слова: коррупция, нефтегазовый сектор экономики, прозрачная политика, резервный фонд.

Annotation: This article examines the legislative framework through which anti-corruption measures are being implemented in the economic sphere, including in the oil and gas sector. A number of problems of counteracting corruption in the oil and gas sector of the economy are highlighted, which largely influence the formation of the shadow economy in the state. The measures of counteraction to corruption manifestations in conditions of globalization are indicated.

Key words: corruption, oil and gas sector of economy, transparent policy, reserve fund.

Очень часто державы, которые имеют в национальном достоянии обширные запасы природных ресурсов, неспособны эффективно ими распорядиться, а именно направлять доходы от реализации природных ресурсов на развитие собственной экономики. Одним из ярких примеров таких видов ресурсов является нефтегазовый ресурс. Существует определенное экономическое понятие как «Ресурсное проклятие», которое применимо к случаям, когда наличие огромных природных богатств ведет к внутригосударственной борьбе между конкурирующими группами за эти ресурсы с целью получения частной выгоды, что, как правило, ведет к неэффективному использованию недр и истощению нефтегазового потенциала

страны. При этом исследователи отмечают, что особенно резко возрастает уровень коррупции в странах, имеющих неразвитое гражданское общество и слабую политическую структуру [1].

Российская Федерация обладает большими запасами углеводородных ресурсов, что, в свою очередь, создает высокий риск потенциальных коррупционных проявлений в данном секторе, а при условии наличия коррупции в таком прибыльном и государствообразующем секторе, формируются все условия для благоприятного развития теневой экономики. Таким образом, изучение существующих методов борьбы с коррупцией, а также развитие и разработка новых методов по противодействию данному явлению становится крайне актуальным.

Формы коррупционных проявлений могут быть очень разнообразны. Наиболее распространенные – это дача и получение взятки, уклонение от уплаты налогов, совершение иных коррупционных действий должностными лицами или надзирающими органами.

Руководствуясь данными научных и статистических исследований преступлений в экономической сфере Российской Федерации, связанной с коррумпированностью некоторых ее составляющих, можно выделить несколько факторов, способствующих развитию теневой экономики:

- неэффективность действующего законодательства, что ставит вопрос о необходимости совершенствования правовой базы;
- отсутствие политической воли высшего руководства страны;
- нетранспарентность финансовой документации и отчетности в частном секторе, закрытость информации финансового характера по многим частным компаниям [2].

Государственная политика по противодействию коррупции определяется Президентом Российской Федерации, это закреплено в пункте 1 части 1 статьи 5 Федерального закона от 25.12.2008 года №273-ФЗ «О противодействии

коррупции» [3]. С позиции практики данный принцип реализуется путём подготовки и принятия Национального плана противодействия коррупции, который утверждается Президентом сроком на два года.

Действующий Национальный план противодействия коррупции на 2016-2017 годы [4] условно можно разделить на шесть составляющих, содержащих нормы о принятии мер по противодействию коррупции на всех её стадиях: меры по защите заявителей, меры по урегулированию конфликтов интересов, меры по повышению прозрачности, меры по антикоррупционному просвещению, меры по повышению эффективности противодействия коррупции, меры по разработке законодательства о лоббизме.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации наибольшее количество коррупционных преступлений, связанных с нефтегазовой отраслью, совершается в сфере реализации государственных и региональных программ, проведения торгов, а также контрольно-ревизионной и правоохранительной деятельности [5].

Все эти данные носят далеко не полный характер, поскольку основываются на вскрытых правоохранительными органами фактах коррупции. С учетом такой ее наиболее характерной особенности, как латентность, они лишь обрисовывают контуры сложившейся ситуации [6].

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что одной из доминирующих современных проблем противодействия коррупции в нефтегазовой сфере, является латентность совершаемых преступлений. Субъекты, которые стали жертвами коррупционных посягательств со стороны должностных лиц, а также уполномоченных контролирующих или надзорных органов, зачастую не обращаются в соответствующие органы для защиты своих законных интересов и восстановления своих конституционных прав.

Можно предположить, что причины такого замалчивания могут быть разными: нежелание наступления более тяжелых последствий нежели те,

которые последуют за дачей взятки; нежелание упустить экономическую выгоду; правовой нигилизм и незнание законодательных норм, предусматривающих ответственность как за получение взятки, так и за её дачу; недоверие к контролирующим органам.

Ведение прозрачной отчетности с публикацией регулярных докладов является необходимым фактором для восприятия доходов от использования нефтегазовых ресурсов не как основу теневой экономики, а как общественные средства, составляющие большую часть бюджета государства для повышения благосостояния населения на сегодняшний день, а также гарантированную финансовую платформу для благосостояния будущих поколений граждан государства.

Таким образом, для выполнения функции катализатора экономического развития государства, принципами ведения фонда благосостояния должны быть прозрачность и открытость.

Литература:

1. Халилова Т.В., Леонтьева Л.С., Гайнуллина Л.Ф. Коррупционность отношений в сфере природопользования, или «Проклятие природных ресурсов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. №1. С. 26-34.
2. Халилова Т.В., Леонтьева Л.С., Гайнуллина Л.Ф. Коррупционность отношений в сфере природопользования, или «Проклятие природных ресурсов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. №1. С. 26-34.
3. О противодействии коррупции. Федеральный закон от 25.12.2008 г. №273-ФЗ. // Российская газета. – Федеральный выпуск №4823 (0). – 30.12. 2008.
4. О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.2016 №147 // Российская газета. – Федеральный выпуск №6946 (78). – 13.04.2016.
5. Доклад Генерального прокурора на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законности и

правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению». [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-723904>. Дата обращения: 07.11.2017.

6. Бочарников И.В. Состояние и современные тенденции развития коррупции в Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://nic-pnb.ru/analytics/sostoyanie-i-sovremennye-tendentsii-razvitiya-korruptsii-v-rossii>. Дата обращения: 07.11.2017.

7. Халилова Т.В., Леонтьева Л.С., Гайнуллина Л.Ф. Корруптированность отношений в сфере природопользования, или «Проклятие природных ресурсов» // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. №1. С. 26-34.

УДК. 346.6

Воронцова Е.В.

к.ю.н., доцент кафедры финансового права, конституционного,
гражданского и административного судопроизводства

Юго-Западный государственный университет

г.Курск

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Аннотация: статья посвящена актуальным вопросам правового обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях нарастающего влияния процессов мировой глобализации. Отмечая объективный характер глобализационных процессов, в т.ч. в сфере

производства продуктов питания, автор обращает внимание на негативные последствия, которые могут повлечь данные процессы для нашей страны. В фокусе его внимания находятся угрозы российскому продовольственному рынку, возникающие под влиянием процессов глобализации: зависимость России от внешних источников продовольствия; угрозы качеству и безопасности потребляемой пищевой продукции; формирование иной структуры пищевого потребления (как угроза здоровью населения). Автор делает вывод о том, что перечисленные выше вредные последствия глобализационных процессов в области производства и оборота пищевой продукции могут представлять угрозу национальной безопасности России. Акцентируется внимание на необходимости совершенствования правовых механизмов обеспечения продовольственной безопасности.

Ключевые слова: глобализационные процессы, глобализация, продовольственный рынок, качество и безопасность пищевой продукции, фальсификат, правовое обеспечение, здоровье, продовольственная безопасность.

Abstract: The article is devoted to topical issues of legal support for the food security of the Russian Federation in the context of the growing influence of global globalization processes. Noting the objective nature of globalization processes, incl. in the sphere of food production, the author draws attention to the negative consequences that these processes may cause for our country. The focus of his attention is the threats to the Russian food market, arising under the influence of globalization processes: Russia's dependence on external sources of food; threats to the quality and safety of food products consumed; formation of a different structure of food consumption (as a threat to the health of the population). The author concludes that the above harmful effects of globalization processes in the production and turnover of food products may pose a threat to Russia's national security. Attention is focused on the need to improve the legal mechanisms for ensuring food security.

Keywords: globalization processes, globalization, food market, quality and safety of food products, falsification, legal provision, health, food security.

Глобализация как общемировое явление по своей сути представляющее глубокую интеграцию экономических, политических, правовых, культурных и иных процессов, а соответственно унификацию стандартов данных видов деятельности, подходов к их осуществлению, несет в себе помимо положительных последствий и целый ряд отрицательных. Основополагающая причина последних кроется в объективной невозможности учесть все многообразие национальных интересов и особенности экономического и политического развития отдельных стран и регионов, их культурные, правовые и религиозные традиции. При этом глобализационные процессы получают все большее распространение и в настоящее время данные процессы стали несомненным трендом мирового развития. Имея место во многих областях общественной жизни, данные процессы не обошли стороной и те сферы, которые априори являются основополагающими в системе жизнеобеспечения социума. Одной из таких жизнеобеспечивающих сфер является сфера производства и оборота пищевой продукции.

Анализ динамики и тенденций глобализационных процессов на мировом продовольственном рынке позволяет сделать неутешительный вывод о том, что монополизация пищевого производства несколькими странами (как результат глобализации в этой сфере) создает реальную угрозу продовольственной независимости России, а следовательно и независимости нашей страны в других областях с учетом важности фактора продовольственной обеспеченности для реального суверенитета любого из государств.

Предметное рассмотрение негативных факторов глобализации на российском продовольственном рынке позволяет выделить основные угрозы, имеющие существенное значение для его безопасности. По нашему мнению,

такими угрозами являются: - зависимость нашей страны от зарубежных источников продовольствия в обеспечении населения продуктами питания (до конца двухтысячных годов Россия импортировала до 60% продовольствия); - недостаточные качество и безопасность потребляемой пищевой продукции (широкая распространенность фальсификата и контрафакта); - формирование иной структуры пищевого потребления (в результате деятельности иностранных сетей быстрого питания – Макдоналдс и др., а также агрессивной рекламе зарубежных продуктов (хот-дог, чипсы, кока-кола и т.д.) происходило формирование пищевых пристрастий, которые могли создать угрозу здоровью нынешнего и будущего поколений (ожирение, сахарный диабет и др.)). В своей совокупности данные угрозы могут нанести существенный урон национальной безопасности.

Наиболее эффективным способом противостояния угрозам, возникающим на российском рынке пищевой продукции, показала себя политика импортозамещения, под которой понимают рассчитанную на долгосрочную перспективу систему мер, обеспечивающих достижение намеченных целей по объемам и структуре производства отечественной продукции при одновременном снижении потребления импортных товаров [1, с.17-24]. Данная система экономических и организационно-правовых мер была введена в ответ на введенные в отношении нашей страны санкции и представляет собой один из механизмов обеспечения продовольственной безопасности. Однако еще задолго до введения санкций анализ ситуации, сложившейся на мировых рынках продовольственных ресурсов, а также на внутрироссийском продовольственном рынке, побудили нашу страну к принятию ряда мер, которые нашли свое концептуальное отражение в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации. Помимо этого, некоторые важные аспекты обеспечения продовольственной безопасности получили нормативную регламентацию в Земельном кодексе Российской Федерации, Федеральном

законе от 02.12.1994 № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд», Федеральном законе от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», Федеральном законе от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», Федеральном законе от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года, Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и др.

Следует отметить, что нормотворческая и законодательная работа по обеспечению продовольственной безопасности активно ведется как на федеральном, так и на региональном уровнях, например, Закон г. Москвы от 12.07.2006 № 39 «О продовольственной безопасности города Москвы», Закон Курской области от 27.11.2009 № 95-ЗКО «О продовольственной безопасности Курской области», Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2015 № 841-168 «Об обеспечении продовольственной безопасности и поддержки сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербурге» и др.

В комплексе всех правовых мер, направленных на обеспечение безопасности российского продовольственного рынка, правовое обеспечение качества и безопасности пищевых продуктов представляет собой наиболее сложную задачу, поскольку нормативно-правовая база в этой сфере не является вполне совершенной. В частности, Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» соответствие продукции техническим регламентам (т.е. нормам безопасности) закрепляет в качестве обязательного требования, а соответствие национальным стандартам (т.е. нормам качества) обязательным требованием не признает. При этом не следует забывать, что

обеспечение качества и безопасности пищевых продуктов на практике требует слаженных действий не только участников производственно-технологической цепочки, но и контролирующих органов государства.

Вместе с тем, результаты предпринимаемых российским государством мер позволяют надеяться на то, что безопасность российского продовольственного рынка в ближайшее время перестанет быть уязвимым местом национальной безопасности российского государства.

Литература:

1. Юрьев В.М., Карпунина Е.К., Колесниченко Е.А. Реальные модели и инструменты импортозамещения в экономике России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. №2(142). С.17-24.

УДК. 34.096

Воронцов А.Л.

к.и.н., доцент кафедры административного и трудового права

Юго-Западный государственный университет

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ В РОССИИ

Аннотация: в статье анализируется влияние общемировых процессов глобализации на российскую сферу образования. Автором акцентируется внимание на негативных последствиях механического воспроизведения зарубежных образовательных стандартов в отечественной системе образования. По мнению автора, подобная практика представляет угрозу суверенным

интересам Российской Федерации в сфере образования и требует формирования правовых механизмов их защиты.

Ключевые слова: глобализация современного образования, национальная самобытность в образовании, образование, образовательная сфера, образовательные стандарты, правовые механизмы, правовое регулирование образовательной сферы.

Abstract: The article analyzes the influence of global globalization processes on the Russian education sector. The author focuses attention on the negative consequences of the mechanical reproduction of foreign educational standards in the domestic education system. In the author's opinion, such practices pose a threat to the sovereign interests of the Russian Federation in the sphere of education and require the formation of legal mechanisms for their protection.

Keywords: globalization of modern education, national identity in education, education, educational sphere, educational standards, legal mechanisms, legal regulation of the educational sphere.

Глобализационные процессы в настоящее время затронули практически все сферы общественной жизни. Не осталась в стороне от них и российская научно-образовательная сфера. И если собственно академические исследования в нашей стране еще сохраняют известную автономность в силу самой специфики данного вида деятельности, то образование, как определенным образом урегулированный и стандартизированный процесс, подвергается глобализации в значительно большей степени.

Образовательная практика современной России представляет собой широкий спектр разнонаправленных тенденций, обусловленных стремлением нашей страны войти в общемировое экономическое и культурное пространство. Данное стремление в своей основе имеет объективную причину, связанную с

развитием глобализационных процессов в мировом сообществе, что предполагает более тесное взаимодействие государств в различных сферах общественной деятельности, в том числе и в сфере образования.

С учетом того, что «процесс глобализации есть следствие эволюции государственно оформленных рыночных систем»[2], а «основным средством этого является мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты капитала, рабочей силы, производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран»[1, с.6-31], вполне естественным становится вопрос о необходимости создания единой (или максимально приближенной) системы подготовки профессиональных кадров. Речь идет об интеграции национальных систем образования, которая закономерно предполагает внедрение единых для всех стран ступеней образовательных циклов, форм подготовки научно-педагогических кадров и систем их аттестации, взаимное признание дипломов об образовании и т.д. Разумеется, данная задача может быть реализована только путем реформирования образовательных систем различных стран. Но необходимо отметить сразу, что именно глобализация является доминирующим фактором в данном процессе. Именно глобализация как объективное явление рождает общемировые тренды в развитии образования и науки.

Влияние глобализационных процессов на правовое регулирование образовательной сферы в России в первую очередь проявилось в попытках приведения российских образовательных стандартов к некоему общему «европейскому» стандарту. Здесь необходимо заметить, что такого стандарта как юридически оформленного документа не существует. При этом с самого начала образовательная политика Российской Федерации была направлена на унификацию своих образовательных стандартов с подобными стандартами стран Евросоюза. Данная политика затронула внешние формы образовательной

деятельности в нашей стране, в первую очередь в системе высшего образования. В России по образцу зарубежных стран была введена двухуровневая система подготовки: бакалавр-магистр, что не соответствовало национальной самобытности российского образования. Помимо установления унифицированных форм образовательных циклов, глобализация российского образования нашла свое выражение и в непосредственном содержании самого образования. Гуманизация образования (проводимая часто в рамках образовательных программ, финансируемых из-за рубежа), введение единого государственного экзамена для выпускников школ, широкое развитие дистанционных образовательных технологий и когнитивных методик обучения, внедрение в образовательный процесс балльно-рейтинговой системы и многое другое – все это явилось итогом распространения зарубежного образовательного опыта, как части единого процесса образовательной глобализации. Однако не все из перечисленного было полезным для российского образования и учитывало его национальные традиции и особенности развития.

С учетом вышеизложенного, насущной потребностью развития российского образования становится разработка правовых механизмов защиты суверенных интересов Российской Федерации в данной сфере.

Литература:

1. Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет. // История и современность. №1. 2005. С. 6-31.
2. Новикова И. В. Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. 218 с.

УДК. 347.763

Рябинин И.М.

советник по юридическим делам ООО «Эверест»

Грызунова Е.В.

к.ю.н., доцент кафедры гражданского процесса

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и
экономики*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАРТЕРНОЙ ПЕРЕВОЗКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Аннотация: В статье авторы рассматривают основные правовые аспекты регулирования договора чартера в Российской Федерации, его характеристику и основные положения в российском законодательстве. Авторы предполагают, что в российском праве недостаточно полно раскрыт договор чартера. В итоге авторы делают выводы о том, что необходимо внесение в российское законодательство поправок, которые дополнят положения о договоре чартера и расширят представления о договорах чартера. А также внести в законодательство новые виды договора чартера, которые используются по всему миру. Данные решения помогут избежать пробелов в праве.

Annotation: In the article the authors consider the main legal aspects of Charter contract regulation in the Russian Federation, its characteristics and main provisions in the Russian legislation. The authors suggest that the Charter agreement is not fully disclosed in Russian law. As a result, the authors conclude that it is necessary to amend the Russian legislation, which will complement the provisions of the Charter contract and expand the understanding of Charter

contracts. And also to introduce into the legislation new types of Charter contracts, which are used around the world. These solutions will help to avoid legal gaps.

На международном уровне регулирование договорных отношений в области перевозки груза по чартеру не производится. Из этого вытекает, что данные отношения на международном уровне регулируются нормами национального законодательства. Международные конвенции, в сфере международной перевозки грузов по договору чартера или по реализации данного договора, отсутствуют.[1]

Регулирование договора чартера, его содержание и условия зависят от того, какое национальное законодательство будет выбрано для его регламентации. В Российской Федерации договору чартера посвящены лишь 3 нормативно правовых акта: Гражданский кодекс Российской Федерации, Кодекс Торгового Мореплавания Российской Федерации и Кодекс Внутреннего Водного Транспорта Российской Федерации. Эти НПА раскрывают только три формы чартера: рейсовый чартер, тайм-чартер и бербоут-чартер.

По ГК РФ договор чартера квалифицируется как договор фрахтования судна без разделения его на виды. По договору фрахтования (чартер) одна сторона (фрахтовщик) обязуется предоставить другой стороне (фрахтователю) за плату всю или часть вместимости одного или нескольких транспортных средств на один или несколько рейсов для перевозки грузов, пассажиров и багажа.[3] Это представляет собой договор рейсового чартера. После этого регламентация договора чартера в ГК РФ заканчивается. Последнее что он делает, это отсылает к нормам специального транспортного права Российской Федерации (уставам и кодексам), отмечая что именно они регулируют порядок заключения и форму договора.

Статья 787 ГК РФ находится в главе 40 "Перевозка", но ни одна статья в данной главе не дает больше определений фрахтовщика, фрахтователя и

договора фрахтования (чартера). Исходя из определения, приведенного в ГК РФ, предметом данного договора является предоставление вместимости транспортного средства для целей перевозки.

Юридическая природа данного договора позволяет произвести соотношение с договором перевозки и об ограничении его от договора аренды. Договор фрахтования в торговом мореплавании сложился в средневековье еще до договора перевозки груза. В XX в. Данный договор соотносили с договором имущественного найма.[6] Главным различием морской перевозки груза и перевозкой груза по фрахтованию является, что при фрахтовании капитан судна обязан предоставить судно к месту назначения, а при перевозке груза – доставить товар в место назначения. Анализируя это, при фрахтовании судна капитан не несет ответственности за сохранность груза, а при перевозке груза несет за него ответственность, так как груз находится под «исключительным надзором» капитана.[6] С течением времени фрахтование судна приобрело две разновидности: аренда судна и перевозка груза. Основным критерием стало то, как заключается данный договор: фрахтование целого судна или части его вместимости.

При фрахтовании всего судна, эксплуатация которого требует целого экипажа, данный договор соотносится с договором аренды транспортного средства.[2] Целями может служить перевозка грузов или пассажиров. Если арендатор (фрахтователь) перевозит свои грузы, то отношения, складывающиеся по перевозке груза, не возникают, но если арендатор (фрахтователь) перевозит не свои грузы, то такие отношения возникают, но в роле перевозчика выступает сам арендатор, а не судовладелец (фрахтовщик).

Если фрахтуется не все судно, а только его часть, в целях перевозки груза, то он бесспорно будет являться разновидность договора перевозки груза, но с большими специфическими особенностями. Такими особенностями являются:

1. этот договор консенсуальный. Обязательства перевозчика начинаются с момента заключения договора и охватывают собой все действия, связанные с предоставлением транспортного средства под погрузку.

2. договор фрахтования связан с индивидуальным морским судном.

3. договор заключается не только между грузоотправителем и перевозчиком, а также между грузополучателем, который фрахтует часть вместимости судна, и перевозчиком.

4. Оформление договора происходит специальным документом – чартером. При этом не исключено, что могут выдаваться и обычные транспортные документы (коносамент).

Так же существуют и внеправовые особенности данного договора. Договор фрахтования заключается в отношении тех судов, у которых нет заранее определенных маршрутов следования и расписания движения. Так еще одним существенным условием является указание места погрузки судна и место назначения.[5]

По КТМ РФ данный вопрос так же не решается однозначно. В соответствии с пунктом 1 статьи 115 КТМ РФ фрахтователь определяется как плательщик по договору, а фрахт – плата за услуги перевозчика по договору морской перевозки груза. Так же обязанность доставки груза в порт назначения возложена не на фрахтовщика, а на перевозчика. Груз должен быть выдан уполномоченному лицу – получателю.

Договором чартера по 1 пункту 2 статьи 115 КТМ РФ признается договор морской перевозки, который заключен с условием предоставления для перевозки груза всего судна, его части или определенных судовых помещений. Данное определение не дает конкретной квалификации юридической природы договора чартера, кроме того, что он именуется договором перевозки.

Если бы в определении чартера значилось обязательное предоставление всего судна для целей перевозки груза, то налицо было бы сочетание двух договоров: перевозки и имущественного найма (аренды).[4] Но в определении речь идет также о предоставлении для морской перевозки груза части судна или определенных судовых помещений. Но при любой морской перевозке, оформленной, например, по коносаменту в линейном сообщении, грузу предоставляется помещение на судне. Иначе груз не сможет быть перевезен и выдан перевозчиком получателю в порту назначения.

С другой стороны, договор чартера определяется в главах X «Договор фрахтования судна на время (тайм-чартер)» и XI "Договор фрахтования судна без экипажа (бербоут-чартер)" КТМ РФ. Данные главы квалифицируют договоры тайм-чартер и бербоут-чартер как разновидность договора аренды.

Договор тайм-чартера является одним из видов договора имущественного найма - аренды транспортного средства с экипажем. Поэтому данные отношения вытекающие из данного договора регулируются разделом 1 § 3 главы 34 ГК. Так же особенностями регулирования аренды такого транспортного средства, отражены в главе 10 КТМ.

Определение договора дает нам понятие сторон договора. Сторонами договора являются судовладелец и фрахтователь. В соответствии со ст. 8 КТМ РФ под судовладельцем понимается лицо, эксплуатирующее судно от своего имени, независимо от того, является ли оно собственником судна или использует его на ином законном основании.

Судовладелец отфрахтовывает судно на срок другому лицу - фрахтователю. Последнему необходимо судно, и он фрахтует его на определенный срок для осуществления целей торгового мореплавания.

Так как в статье 198 КТМ РФ употребляются понятия присущие торговому мореплаванию ("судовладелец", "фрахтователь") это ограничивает его общегражданских договоров имущественного найма.

Условия договора тайм-чартера, в своем большинстве, определяются соглашением сторон. Это означает то, что соглашение сторон имеет приоритет перед нормами X главы КТМ РФ. Они подлежат применению только тогда, когда не противоречат соглашению сторон или регулируют те вопросы, которые остались не решенные или не до конца решенные.

Что касается договора бербоут-чартера – по договору фрахтования судна без экипажа (бербоут-чартеру) судовладелец обязуется за обусловленную плату (фрахт) предоставить фрахтователю в пользование и во владение на определенный срок не укомплектованное экипажем и не снаряженное судно для перевозок грузов, пассажиров или для иных целей торгового мореплавания.[5] Регулирование отношений в области договора бербоут-чартера производится разделом 2 § 3 главы 34 ГК и нормы главы XI КТМ.

Договор бербоут-чартера очень часто соотносят с договором димайз-чартера. Эти два понятия в большинстве случаев употребляют как синонимы. Но договор бербоут-чартера представляет собой только переход судна во временное пользование, в формировании экипажа судовладелец не принимает никакого участия, а договор димайз-чартера – это совокупность двух договоров: по одному договору предоставляется судно во временное пользование, а по-другому предоставляется экипаж или его часть на это судно.

Предметом такого договора является передача фрахтователю судна на время без предоставления услуг экипажа. Так к фрахтователю переходят права пользования и владения судном.

Бербоут-чартер, как и тайм-чартер — это договор консенсуальный, возмездный, срочный, так как судовладелец обязуется предоставить судно фрахтователю за обусловленную плату на определенный срок.

Подводя итог, можно сделать вывод, что для регулирования чартерных перевозок необходимо расширение законодательства. Конкретно это касается Кодекса Торгового Мореплавания и Кодекса Внутреннего Водного Транспорта, как специального транспортного законодательства. На мой взгляд, поверхностное регулирование в данных НПА недопустимо. Для более правильного регулирования в КТМ и КВВТ необходимо внести положения, которые значительно расширяют представление о чартере: о сторонах договора, об их ответственности, их правах и обязанностях, определение всех существенных условий. Так же необходимо расширить представление о видах чартера, так как в Российском праве присутствует только три вида договора чартера, а по всему миру используется еще порядка 6-ти различных видов (генеральный контракт, чартер-тай-ин, чартер-бек, слот-чартер, дейли-чартер). Данные виды договора чартера появились, по отношению косновным, недавно, но пользуются большой популярностью по всему миру. Тем самым, появляется необходимость внести их в Российское законодательство, для регулирования их на национальном уровне. Это поможет избежать пробелов в праве и возникновения проблем с регулированием данного вопроса.

Литература:

1.Белоусов Л.Н., Корхов Я.Г. Технология морских перевозок грузов. Издательство Транспорт, 2010г. - 304 с.

2.Витрянский Е.В. Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг. - М.: Статут, 2007. - 258 с

3.Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. N 146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2006 г. N 230-ФЗ; URL адрес: <http://base.garant.ru>

4.Иванов Г.Г. Правовое регулирование морского судоходства в Российской Федерации / Г.Г. Иванов - М.: Спарк, 2008. - 496 с.

5.Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [от 30.04.1999 N 81-ФЗ]; URL адрес: <http://base.garant.ru>

6.Учебник русского гражданского права. Т. 1, Шершеневич Г. Ф. Издательство: М.: Статут ,2005. С.264

УДК. 347.44

Березина Е.А.

к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права
Уральский государственный юридический университет
г.Екатеринбург

ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация :Работа посвящена сравнительно-правовому анализу правил толкования договоров, существующих в РФ, международном праве и праве зарубежных стран.

Ключевые слова: толкование договора, общая действительная воля сторон договора, буквальное значение слов и выражений, законодательно закрепленные правила толкования договоров.

Annotation: The work is devoted to comparative legal analysis of the rules of interpretation of contracts in the Russian Federation, international law and the law of foreign countries.

Keywords: interpretation of the contract, common intention of the parties of contract, literal meaning of the words, legal rules of interpretation of contract.

12 марта 2018 г. исполнилось 155 лет со дня рождения великого русского и советского ученого и мыслителя Владимира Ивановича Вернадского. Как отмечают одни из организаторов Международного научного конгресса «Глобалистика-2013» И.В. Ильин и А.С. Розанов, именно В.И. Вернадским были заложены основы глобальных исследований в России [1, с. 170].

С каждым годом проблеме глобализации в Российской Федерации и во всем мире уделяется все большее внимание. Происходящие изменения, направленные на превращение мира в единое целое, затрагивают не только экономические и экологические отношения, они касаются также и социально-культурной, и идеологической, и политической сфер. Затронули они и право: глобализация в данном случае подразумевает образование единого международного правопорядка, который базируется на общности нормативно-правовой основы всех государств.

Это единство обеспечивается наличием в правовой системе каждого из государств, наряду с тем или иным основным источником права (нормативно-правовым актом, судебным прецедентом, правовым обычаем, религиозной доктриной), общей для всех правовых систем формы выражения права.

В этой связи можно говорить об универсальном, общем для всех государств источнике права, – нормативном договоре, который характерен как основной способ закрепления правовых норм в международном праве.

Именно нормативный договор регулирует все сферы общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования международного права, одной из которых являются договорные отношения, получившие широкое распространение как во внутригосударственных, так и в международных отношениях.

В любом государстве существуют правовые нормы, регулирующие порядок заключения, исполнения и толкования договоров. В международном же праве эти отношения регулируются рядом норм права, закрепленных в таких источниках, как Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.[2], Принципы УНИДРУА-2016[3], Правила толкования торговых терминов Инкотермс -2010[4].

Особую значимость имеет договор и возникающие на его основе договорные отношения в настоящее время – в «эпоху глобализации» экономики, мировых финансовых, людских и природных ресурсов, социальной сферы жизни общества и политики[5, с. 270].

Для правильной реализации положений договора необходимо, чтобы они исполнялись в точном соответствии с их условиями, что прежде всего зависит от правильной интерпретации договора.

Существует два основных подхода к толкованию договора: либо при толковании условий договора приоритет отдается общей действительной воле сторон, либо их волеизъявлению, иначе говоря, «духу», сущности договора или его «букве».

Конфликт данных точек зрения имеет давнюю историю: еще в 93 г. до н.э. он был наглядно продемонстрирован на примере известного дела о наследовании *Causa Curiana*, на которое неоднократно ссылается Цицерон в своей работе «Три трактата об ораторском искусстве»[6, 1. 39, 56, 57; 2. 32.]. Суть дела такова: некий гражданин оставил завещание следующего содержания: "Если у меня родится сын и он умрет, не достигнув совершеннолетия, то я желаю, чтобы Курион был моим наследником". Дело представляло интерес потому, что в качестве адвокатов с одной стороны выступал известный юрист Квинт Муций Сцевола, он отстаивал позицию, согласно которой необходимо толковать завещание в соответствии с его текстом, с другой же стороны - известный оратор Красс, который доказывал, что приоритет имеет воля

завещателя.«Ну, а знаменитая тяжба Мания Курия и Марка Копония...— Квинт Сцевола, держась буквы закона, отстаивал силу завещаний и утверждал, что кто назначен наследником после сына, который родится по смерти отца, и умрет до вступления в совершеннолетие, тот может быть наследником лишь в том случае, если сын действительно родится по смерти отца и действительно затем умрет; я же настаивал, что цель завещателя при составлении завещания заключалась просто в том, чтобы в случае отсутствия совершеннолетнего сына Маний Курий был наследником»[6, 1.39.].

Сцевола говорил о том, что «было бы ловушкой для народа, оставив в пренебрежении писанный текст, заниматься розыском воображаемой воли завещателя» и тем самым «с помощью красноречивых адвокатов извращать писания простых людей». Противоположное мнение защищал Красс, доказывая, что «в словах-то и кроется ловушка (для народа), если оставить без внимания волю». «Справедливость требует,- заявил оратор,- чтобы мысли и воля соблюдались»[7, с.10].

К сторонникам теории воли можно отнести и Помпония с его выражением: «В договоре купли-продажи нужно больше обращать внимание на то, что имелось в виду, чем на то, что было сказано» (D. 18. 1. 6. 1. Pomponius), и Папиниана: «В условиях завещаний следует принимать в соображение волю в большей степени, чем слова» (D. 35. 1. 101), «В соглашениях договаривающихся сторон было признано важным обратить внимание больше на волю, чем на слова». (D. 50. 16. 219)[8, с.378-380].

Проблема противопоставления сказанного и желаемого, слова и его значения, формы и содержания, волеизъявления и воли проходит через всю классическую юриспруденцию, находя сегодняшнее свое выражение в противопоставлении правил толкования договоров, существующих в Российской Федерации и в международном праве.

Согласно тексту ст. 431 ГК РФ[9], при осуществлении толкования судьи должны руководствоваться прежде всего буквальным значением слов и выражений, то есть отдавать приоритет буквальному толкованию, а действительную общую волю сторон с учетом цели договора выяснять лишь при невозможности осуществления буквального толкования.

В свою очередь, в международном праве при толковании договора приоритет отдается действительной воле сторон, тому, что хотели выразить стороны в договоре, а не форме выражения их воли. Данный подход закреплен в ряде международных актов, регулирующих процесс заключения, исполнения и толкования внешнеэкономических договоров. Согласно ст. 8 Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980г., «заявления и иное поведение сторон толкуются в соответствии с ее намерением, если другая сторона знала или не могла не знать, каково было это намерение»[2, с. 29]. Аналогичное правило, предусматривающее, что толкование договоров должно осуществляться в соответствии с намерениями сторон, содержится и в п.1 ст.4.1 Принципов УНИДРУА[3, с. 137], глава IV которых полностью посвящен правилам толкования договоров[3, с. 137-150].

Приоритет намерениям сторон при осуществлении толкования условий договора отдается и во внутригосударственном законодательстве зарубежных стран: так, ст. 1188 ГК Франции гласит: «Договор следует интерпретировать в соответствии с общим намерением сторон, а не останавливаться на буквальном смысле его выражений». До 2016 г. данное правило толкования договора было закреплено в ст 1156 ГК Франции «в соглашениях следует стремиться к определению общего намерения договаривающихся сторон, а не обращать внимание на буквальное значение терминов». В 2016 г. в ГК Франции было внесено дополнение: «Когда это намерение не может быть обнаружено, контракт интерпретируется в том смысле, который будет придаваться ему разумным человеком в той же ситуации»[10], ст. 1425 ГК Квебека, вступившего

в силу в январе 1994г, предусматривает, что «при осуществлении толкования договора должно быть выявлено скорее общее намерению сторон, чем буквальное значение слов»[11], ст. 1370 ГК Филиппин содержит положение: «если условия контракта ясны и не оставляют сомнения в намерениях сторон, в этом случае необходимо руководствоваться буквальным смыслом слов, содержащихся в соглашении. Если слова противоречат очевидному намерению сторон, последнее должно преобладать над формой»[12]. Таким образом, именно намерения сторон должны быть выяснены при толковании договоров, сам же текст договора, форма выражения воли сторон являются лишь средством установления их намерений.

Аналогичные правила, отдающие приоритет сторонникам теории воли, содержатся и в ч. 2 ст. 265 Закона о гражданских сделках (Гражданском кодексе) ОАЭ[13]. Этого правила придерживается и правоприменитель. Например, в решении № 125 Дубайского кассационного суда от 2007 г. была приведена следующая мотивировка: «в соответствии с традицией этого суда и положениями статей 258, 265(2) Закона о гражданских сделках цель договора определяется истинными намерениями и значениями [сторон], а не формулировкой или синтаксисом»[14].

Представляется, что позитивным влиянием глобализационных процессов на развитие права в России могло бы стать внесение изменений в ст.431 ГК, предусматривающих установление приоритета воли перед волеизъявлением при толковании условий договора, основанном на положительном правовом опыте других государств и международного права в целом.

Литература:

1. Ильин И. В., Розанов А. С. Глобальные исследования: новые подходы. // Век глобализации. 2014. № 1. С.170-181.

2. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. М.: «Юрид. литература», 1994.
3. Unidroit Principles of International commercial contracts. 2016. International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), Rome. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016>, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.
4. Правила Инкотермс 2010. Публикация ICC №715. [Электронный ресурс]. URL: <http://incoterms.iccwbo.ru/>, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.
5. Марченко М.Н. Источники права.- М.: Проспект, 2005.
6. Марк Туллий Цицерон. Об ораторе Книга 1. 39, 56, 57; Книга 2. 32.// Три трактата об ораторском искусстве./ Под ред. М. Л. Гаспарова. Москва, Издательство «Наука», 1972. [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1423777001>, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.
7. Бартошек Милан. Римское право: (Понятия, термины, определения): пер. с чешск. – М.: «Юрид. литература», 1989.
8. Римское частное право. /Под ред. И.Б.. Новицкого, И.С. Перетерского_М.: «Юриспруденция». 2005.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 5 декабря. № 32. Ст. 3301
10. Гражданский Кодекс Франции в ред. от 10 февраля 2016 г.(изменения внесены Законом № 2016-131 «О реформе договорного права, об общих положениях и доказывании обязательств» // (Ordonnance № 2016-131 du 10 février 2016 portant réforme du droit des contrats, du régime général et de la preuve des obligations. [Электронный ресурс].

URL:https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=05BEAADED3942620D41B3FAD30BBF88F.tplgfr29s_2?cidTexte=LEGITEXT000006070721&idSectionTA=LEGISCTA000032041275&dateTexte=20180403&categorieLien=id#LEGISCTA000032041275, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.

11. The Civil Code of Québec. Book V. Obligations. [Электронный ресурс]. URL: <http://legisquebec.gouv.qc.ca/en/showdoc/cs/CCQ-1991>, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.

12. The Civil Code of the Philippines.. Book IV. Obligations and contracts [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chanrobles.com/civilcodeofthephilippinesbook4.htm>, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.

13. Civil Transactions Law of the United Arab Emirates // Federal Law No. (5) of 1985 On the Civil Transactions Law of the United Arab Emirates [Электронный ресурс]. URL: // <https://legaladviceme.com/legislation/126/uae-federal-law-5-of-1985-on-civil-transactions-law-of-united-arab-emirates>, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.

14. Abobakr Dafalla. The Interpretation of Contracts under the Civil Code. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tamimi.com/law-update-articles/the-interpretation-of-contracts-under-the-uae-civil-code>, режим доступа свободный. Дата обращения: 30.03.2018.

УДК. 341.9

Дмитриенко А.Я.

преподаватель кафедры гражданского и трудового права
*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.
Вернадского»*

Таврическая академия (структурное подразделение)

Черткова Ю.В.

доцент кафедры гражданского и трудового права, кандидат юридических наук

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.

Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРОЦЕССЫ ГАРМОНИЗАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация: В силу объективных причин темпы глобализации постоянно нарастают. Вследствие чего она влияет практически на все сферы общественной жизни. В статье анализируется взаимодействие процессов глобализации и гармонизации и их влияние на международное частное право.

Ключевые слова: глобализация, гармонизация, интеграция, международное частное право.

Annotation: For objective reasons the pace of globalization is increasing steadily. Consequently, it has a great impact on almost every sphere of social life. The article analyzes the reciprocity of globalization and harmonization processes and their impact on private international law.

Key words: globalization, harmonization, integration, private international law.

Глобализационные процессы оказывают воздействие на все сферы жизни общества, в том числе и на развитие национальных правовых систем. Не остается в стороне и правовая система Российской Федерации. Одной из

наиболее подверженных влиянию глобализации отраслей является международное частное право.

Исследования глобализации давно ведется в российской и международной доктрине. Можно по-разному оценивать их результаты. Трудно не согласиться с И.В. Ткачевым, который обосновал введение понятия «правовой глобализации», понимаемой как «процесс создания единых юридических норм, на основе которых будут развиваться отношения не только между странами, но и между физическими и юридическими лицами разных государств» [1].

Экспоненциальный рост трансграничных частноправовых отношений сопровождается увеличением числа споров с иностранным элементом. А с учетом различий в модели регулирования однородных отношений в законодательстве разных государств, на первый план выходят проблемы снижения противоречий в таком регулировании.

Решением такой проблемы становится усиление процессов гармонизации законодательства. Под гармонизацией принято понимать процесс сближения права различных государств, устранение или уменьшение различий между нормами разных государств [2]. При этом идея конвергенции не предусматривает в конечном итоге слияния правовых систем с утратой их индивидуальности. Впрочем, и быстрое их сближение невозможно. Более или менее быстрый процесс конвергенции идет в рамках региональных объединений государств.

Стоит отметить, что процесс правовой интеграции значительно выше в тех областях, которые связаны с международным товарным или информационным обменом, таких, как торговое и коммерческое право, право интеллектуальной собственности.

Институт права собственности - один из наиболее подверженных воздействию глобализации. Меняются объекты права собственности,

увеличивается количество трансграничных имущественных сделок, возрастает потребность в однородном правовом регулировании. Так, в области права интеллектуальной собственности процессы гармонизации проявляются в усилении правовой охраны результатов творческой деятельности, принятии международно-правовых стандартов охраны тех или иных объектов собственности. В Европейском союзе активно гармонизируется законодательство об охране литературных, художественных, кинематографических произведений, объектов смежных прав, а также средств индивидуализации.

В сфере договорного права процессы гармонизации и унификации осуществляются в двух основных направлениях: уточнение и выработка единого понимания основополагающих принципов частного права, таких как «свобода договора», «автономия воли», «добросовестность участников»; урегулирование и регламентация вопросов, связанных с отдельными видами договора (формы сделки, признания ее действительной, способы обеспечения исполнения обязательств, понятие «надлежащего исполнения» и т.д.).

Если первое направление реализуется скорее посредством применения мер гармонизации, то регулирование отдельных видов договорных отношений в международном частном праве на сегодняшний день осуществляется посредством установления унифицированных правовых норм.

Гармонизация норм торгового права проявляется в выработке общих моделей регулирования частных торговых отношений. В качестве примеров гармонизации торгового права выступают рекомендации Женевской конференции ООН по торговле и развитию 1964 года, которые установили режим преференциальных таможенных льгот для развивающихся стран. Можно также утверждать, что гармонизация режима международной торговли проявляется в установлении различных правовых режимов для иностранных

физических и юридических лиц: национального режима, режима наибольшего благоприятствования, недискриминации.

Гармонизация позволяет устранить неопределенность в правовом регулировании отношений, осложненных иностранным элементом, а также снизить количество возможных споров.

Во многих случаях основой гармонизации становится международный договор, нормы которого имплементируются в дальнейшем в национальное законодательство каждого из государств-участников указанного договора. Гармонизация права может проводиться также посредством односторонней имплементации правовых норм других государств, устранения коллизий и пробелов в той или иной отрасли национального права с учетом общемировых стандартов и тенденций развития.

В то же время стоит отметить, что гармонизация действующего национального законодательства должна проходить с учетом анализа последствий внедрения тех или иных норм, своевременности реформирования, текущего состояния правовой системы государства, а также правосознания общества.

В мировой практике сегодня трудно найти более эффективный способ гармонизации законодательства, чем модельные правовые акты. Примером тому может служить законодательство Европейского Союза. Так, Комиссией по Европейскому договорному праву разработаны Принципы европейского договорного права, модельные правила Европейского частного права, свод принципов правил и требований *LexmercatoriaCentral*.

Модельные нормативные акты являются комплексом прогрессивных правовых принципов и норм, которые в будущем станут основой для отраслей частного права большинства государств. Их основное преимущество - рекомендательный характер.

В отличие от принятия унифицированных международно-правовых норм, принятие модельного акта не требует, чтобы государство связало себя строгими обязательствами, поступилось частью суверенитета, а дает возможность реформировать национальное законодательство более «мягко», постепенно, что в значительно большей мере способствует сближению правовых систем. Важно помнить, что в отличие от унифицированных материально-правовых норм, гармонизированные нормы не снимают коллизионную проблему, оставляя возможность для различного толкования таких норм разными государствами при регулировании отношений с иностранным элементом, но позволяют устранить один из наиболее существенных недостатков коллизионного регулирования - отсутствие единообразного правового регулирования.

В качестве примера нормативно-правовых актов рекомендательного характера нельзя не упомянуть Принципы УНИДРУА, а также модельные нормативные документы по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

Несмотря на положительный опыт Европейского Союза, те модельные нормативные акты, которые принимаются межпарламентской Ассамблеей СНГ, оказываются на практике неэффективными и плохо применимыми.

В научной литературе встречается точка зрения о том, что неостребованность таких актов обусловлена рекомендательным характером. С этим сложно согласиться ввиду того, что рекомендательный характер дает возможность осуществлять гармонизацию, сближение законодательств государств-участников таких союзов более гибко, с возможностью адаптировать гармонизируемые нормы и органично включить их в национальную правовую систему. Несовершенный механизм их применения является, с одной стороны, причиной малой эффективности модельных законов, принимаемых СНГ, с другой - препятствует успешной гармонизации.

Таким образом, различные виды гармонизации требуют тщательного анализа своевременности принятия тех или иных актов, текущего состояния

законодательства, целесообразности применения мер гармонизации в конкретной области, а также учет потенциальных финансовых затрат на реализацию принятых нормативных актов, необходимости создания эффективного механизма действия гармонизированных норм.

Своевременная и продуманная гармонизация законодательства способствует формированию единого правового пространства, конвергенции правовых систем, увеличению эффективности правового регулирования. Процессы гармонизации, развивая и совершенствуя правовые системы, оказывают стимулирующее воздействие и на развитие международных частноправовых отношений.

Литература:

1. Ткачев И.В. Понятие и особенности правовой глобализации // Философия права. – 2009. – № 6. – С. 170-173.
2. Международное частное право / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М.: Проспект, 2015. – 392 с.

УДК. 347.191

Путренко А.Н.

к.ю.н., заведующий кафедрой теоретических и публично-правовых дисциплин

Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с банкротством юридических лиц, социально-экономические основания деления несостоятельности и банкротства, исследуется дефиниция понятий «несостоятельность» и «банкротство».

Annotation: The article deals with issues related to the bankruptcy of legal entities, the socio-economic grounds for dividing insolvency and bankruptcy, examines the definition of "insolvency" and "bankruptcy".

Анализируя законодательство о банкротстве и судебную практику можно увидеть, что в России до сих пор не сформирован основной подход к правовому регулированию законодательства о банкротстве. Либо законодатель защищает кредитора и его интересы, либо должника. Когда арбитражный суд в одном решении поддерживает позицию должника, а в другом - оказывается на стороне кредитора, то эффективность самого конкурсного процесса существенно снижается и значимость правового института банкротства, по сути, нивелируется.

Актуальность темы обусловлена тем, что переход к рыночной экономике, демократизация государственной и общественной жизни в числе важнейших проблем обеспечения закрепления предусмотренной Конституцией РФ свободы экономической деятельности и единства экономического пространства предусматривают необходимость наиболее полного правового регулирования несостоятельности (банкротства) юридических лиц.

На сегодняшний день остаётся дискуссионным вопрос относительно того, является ли понятие «несостоятельность» синонимом понятия «банкротство». Это подтверждают и слова Г.Ф. Шершеневича, который говорил: «Основным положением в учении о несостоятельности является понятие о несостоятельности» [7, с.125].

Существует мнение, что понятие «несостоятельность» является гражданско-правовым, а понятие «банкротство» - понятием уголовного права. Согласно дореволюционному российскому законодательству банкротством признавалось «неосторожное или умышленное причинение несостоятельным должником ущерба кредиторам посредством уменьшения или сокрытия имущества. Банкротство, таким образом, является уголовной стороной того гражданского отношения, которое называется несостоятельностью. Оно не представляется необходимым и постоянным спутником последней, но только случайным усложнением» [7, с. 126].

Следует отметить, что в 1800 году был принят законодательный акт, именуемый «Устав о банкротах», в последствие в 1832 переименованный в «Устав о торговой несостоятельности». Таким образом, понятие «несостоятельность» понималось в гражданско-правовом значении, а «банкротство» переведено в область уголовного права. Предполагается, что причиной отказа дореволюционного российского законодательства от понятия «банкротство» послужил пример французского гражданского и торгового законодательства о несостоятельности, где несостоятельность понималась как гражданско-правовое понятие, а банкротство как уголовно-правовое.

В советском законодательстве не упоминалось понятие «банкротство».

В настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации [2], а именно в статьях 195, 196, 197 используется понятие банкротство. Данный факт обосновывает уголовно-правовую природу этого понятия.

Существует также мнение, что «несостоятельность» и «банкротство» связаны диалектически. Несостоятельность выступает в качестве предпосылки банкротства. Данные понятия рассматриваются как причина и следствие, то есть «несостоятельность» - причина, а «банкротство» - следствие. Для деления несостоятельности и банкротства существуют социально-экономические

основания. В таком случае банкротство представляет гражданско-правовое понятие и его уголовно-правовой стороне внимание не уделяется.

Интересной позиции придерживается российский юрист, профессор С. Жилинский. Он считает, что всё начинается с неплатёжеспособности. «Если она оказывается вовсе непосильной для должника и последний теряет всякую возможность рассчитаться с кредиторами, то такой неплательщик тем самым приобретает новое качество - становится несостоятельным. Третье и завершающее качество на тернистом пути незадачливого предпринимателя - банкрот. Им его наделяет арбитражный суд» [6, с.104].

В нынешнем Федеральном законе от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] также нет чёткого разграничения данных терминов. Как в названии, так и в самом тексте употребляется понятие «несостоятельность» и в скобках употребляется термин «банкротство». Тем самым законодатель даёт понять, что данные термины следует понимать, как синонимы.

Так, в соответствии со статьёй 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ, под несостоятельностью (банкротством) понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [3].

Как видно из определения, понятия «несостоятельность» и «банкротство» рассматриваются как синонимы. Такая же ситуация наблюдается и в англосаксонской правовой системе, где данные понятия тождественны. Законодательство и судебная практика стран англосаксонского права оказано значительное влияние на российское правотворчество. Данное влияние прослеживается, начиная с 1992 г., после того как был принят Указ Президента

РФ от 14 июня 1992 г. «О мерах по поддержке несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применении к ним специальных процедур» понятия несостоятельности и банкротства стали использоваться как синонимы. Данный подход законодателя прослеживался в Законах 1992 г. [4] и 1998 г. [5], а также прослеживается до сих пор в действующем Законе.

Следует отметить, что Федеральный закон не разграничивает несостоятельность физических лиц и несостоятельность юридических лиц, применяется общее понятие несостоятельности.

Юридическое лицо может быть признано должником, в случае если, оно не способно удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение трёх месяцев с момента наступления даты их исполнения.

Таким образом, в основе несостоятельности лежит положение, в соответствии с которым юридическое лицо, не оплачивающее товары, услуги и работы, полученные им от контрагентов, а также не уплачивающее налоги, а также другие обязательные платежи в течение трёх месяцев, не способно погасить свои обязательства перед кредиторами. Для того чтобы избежать банкротства, юридическому лицу - должнику необходимо погасить свои обязательства, либо доказать суду необоснованность требований кредиторов.

Помимо Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» положения о несостоятельности юридических лиц содержит в себе Гражданский кодекс Российской Федерации [1].

Статья 65 ГК РФ содержит в себе указание на то, какие юридические лица могут быть признаны несостоятельными. Ими могут быть коммерческие юридические лица, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации. Государственная корпорация

или государственная компания может быть признана несостоятельной (банкротом), если это допускается федеральным законом, предусматривающим ее создание. Фонд не может быть признан несостоятельным (банкротом), если это установлено законом, предусматривающим создание и деятельность такого фонда. Публично-правовая компания не может быть признана несостоятельной (банкротом). Признание юридического лица банкротом судом влечёт его ликвидацию.

Основания признания судом юридического лица несостоятельным (банкротом), порядок ликвидации такого юридического лица, а также очередность удовлетворения требований кредиторов устанавливается Федеральным законом от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3]. Однако, очередность удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица, в том числе и при признании юридического лица несостоятельным, установлена статьёй 64 гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, анализируя российское законодательство, регулирующее отношения несостоятельности юридических лиц можно сделать вывод, что понятия «несостоятельность» и «банкротство» равноценны и их следует воспринимать как синонимы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), Часть 1 от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 28 марта 2017 г.) // СЗ РФ. - 1994. - №32. - Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17 апреля 2017 г.) // Российская газета. - 1996. - 13 июня.

3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 03 июля 2016 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 января 2017 г.) // СЗ РФ. - 2002. - №43. - Ст. 4190.
4. Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Российская газета. - 1992. - 19 ноября. (утратил силу),
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 08 января 1998 г. № 6-ФЗ // СЗ РФ. - 1998. - №2. - Ст.222. (утратил силу),
6. Жилинский С. Э. Правовая основа предпринимательской деятельности (предпринимательское право): Курс лекций / С. Э. Жилинский. - М.: Норма-Инфра, 2013. - 723 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. - М., 2013. - 663 с.

УДК. 347.626

Оганесян С. М.

Д.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса

Чернов Ю.А.

*Санкт-Петербургский университет технологий управления и
экономики*

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА
СУПРУГОВ ПРИ ОФОРМЛЕНИИ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВЕННОЙ
МАССЫ**

Аннотация: В статье акцентируется внимание на вопросах имущественной массы супругов, подлежащих разделу на основании досудебной и судебной процедуры.

Ключевые слова: имущественные права, совместная собственность, раздел, имущество, статус, супруги.

Annotation: The article focuses on the issues of the estate of the spouses, subject to division on the basis of pre-trial and judicial procedure.

Keywords: property rights, joint property, division, property, status, spouses

В России в соответствии с Конституцией Российской Федерации 1993 г. начало активно обновляться и законодательство о семье и браке. Семейный кодекс Российской Федерации вступил в силу с 1 марта 1996 г. Его появление и общее реформирование семейного законодательства связаны с коренными изменениями в политической, социальной и экономической жизни страны, прямо воздействующими на такие важные социальные институты общества, как брак и семья.

Регулирование семейных отношений с принятием Семейного кодекса Российской Федерации приведено в соответствие с Конституцией Российской Федерации, другими федеральными законами и, прежде всего, с новым Гражданским кодексом Российской Федерации, дополнено положениями других международно-правовых актов, ратифицированных Россией.

Еще Кодексом законов о браке и семье РСФСР 1926 г. было введено понятие «ведение совместного хозяйства», как дающее определить наличие фактических брачных отношений без регистрации брака.[2]. Тогда такие отношения имели такие же правовые последствия как заключенный в установленном порядке брак. И хотя Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. данное положение было отменено, термин прочно обосновался в юридическом лексиконе на долгие годы.[4].

Ведение совместного хозяйства в целом основано на тех же принципах, что и законный режим имущества супругов, предусмотренный главой 7 СК РФ.

Это и неудивительно, ведь законодатель, вводя в Семейном кодексе понятие законного режима, исходил из сложившихся в обществе реалий.

Имущественные права супругов выступают основой семейного уклада и существования института брака и в силу действия Семейного кодекса РФ имеют деление на 2 основные группы: имущественные отношения в силу законного режима и имущественные отношения по договорному режиму распоряжения.

В силу действия ст. 256 ГК РФ законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности, включающий в себя имущество, нажитое в период брака или являющееся общей собственностью, а именно: доходы супругов от трудовой, предпринимательской и интеллектуальной деятельности, пенсии и пособия, денежные вклады, которые не имеют специального назначения, движимые и недвижимые вещи, приобретённые за счёт общих доходов супругов, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесённые в кредитные учреждения или коммерческие организации в период пребывания в браке, любое другое нажитое имущество в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства. Указанные обстоятельства, входящие в состав совместной собственности, не являются исчерпывающим перечнем, они могут быть дополнены в силу приобретения имущества законным путём.

Однако, доходы супруга от интеллектуальной деятельности принадлежат автору произведения и не могут выступать объектом общей совместной собственности супругов.

Зачастую при разделе имущества супругов встает вопрос об определении участия супругов в материальном составе семьи, определение их долей в процентном составе семейного бюджета, которые вызывают много споров в той части, если один из супругов не занимается трудовой или предпринимательской деятельностью и не наполняет семейный бюджет

материальными ценностями. На это обстоятельство, содержится норма, указанная в семейном законодательстве, которая четко определяет, что супруги, осуществляющие ведение домашнего хозяйства, исполняющие обязанности по уходу за детьми или по другим уважительным причинам и не имевшие самостоятельного дохода, при разделе совместного имущества имеют равные права с супругами, который содержал не работающего супруга. 3 ст.34 СК РФ)[3]. Таким образом, указанная норма основывается на содержании Конституции РФ, а именно ч.3 ст.19 «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации»[1].

При прекращении брачных отношений споры имущественного характера сводятся к разделу имущества, который может произойти как в период брака, путем заключения брачного соглашения о разделе имущества, путем подписания брачного договора, определяющего вопросы имущества и порядка его пользования, распоряжения и раздела и при судебной процедуре раздела.

По общему правилу доли супругов признаются равными, однако данное правило может быть изменено на основании применения равенства долей с учётом интересов несовершеннолетних детей и (или) заслуживающего внимания интереса одного из супругов.

Спор об имуществе может возникнуть в период сохранения брака, при его расторжении и завершиться утвержденным судом соглашением или решением суда, где будут расставлены все точки в возникшем споре. Это обстоятельство не исключает ситуацию, когда развод по какой-либо причине не состоится – супруги помирились, продолжают увеличивать свой имущественный багаж. Тогда к совместной собственности будет относиться лишь вновь нажитое обоими имущество. Не исключено, что супруги разделят не всё имущество, а лишь его часть.

В подобных ситуациях они могут впоследствии подвергнуть разделу то, что оказалось не поделенным. Существует ещё один вариант усложнения

ситуации, связанного с разделом совместного имущества. Речь идёт о случаях, когда при разводе не было потребности делить совместно нажитое имущество. Тогда, согласно п.4 ст.38 СК РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них[3].

Если же брак расторгнут, но при разводе вопрос о разделе не ставился, то имущественные притязания могут быть предъявлены в течении трёх лет с момента расторжения брака. Таков единственный случай применения исковой давности к семейно-правовым отношениям.

При возникновении спорных ситуаций и при определении, что является собственностью супругов, законодательно определено, что имущество, которое принадлежало супругам до вступления в брак или получено во время брака в дар либо по наследованию является собственностью супруга, не подлежащее разделу.

Сложности при определении статуса этого имущества возникают, при получении подарков в дар вновь созданной (квартира, автомашина, мебель и т.д.), и в этих случаях приходится прибегать к помощи доказательства по делу, используемых в судебном процессе:

- полученное в порядке наследования как по закону, так и по завещанию;
- полученное по иным безвозмездным сделкам, в числе которых сделки, направленные на безвозмездную передачу имущества в собственность (например, квартиры в порядке бесплатной приватизации);
- в виде пожертвования, которое по сути дела является дарением, но в общепользовательных целях;
- в виде вещи индивидуального пользования, даже если они приобретены в браке за счёт общих средств;
- в виде награды либо поощрительной премии, носящих индивидуальный характер, поскольку они предназначены определённому лицу за его услуги.

Исключение составляют драгоценности и другие предметы роскоши, которыми пользовался один из супругов, даже если они приобретены в период брака за счёт общих средств супругов. Что же касается предметов роскоши, то их признаки индивидуальны и во многом зависят от уровня материальной обеспеченности.

При разделе имущества супругов могут возникнуть проблемы, связанные с погашением долгов, обращением взыскания по обязательствам супругов. Согласно п.3 ст.39 СК РФ общие долги супругов при разделе их общего имущества распределяются между супругами пропорционально принадлежащим им долям[3]. Что же касается ответственности супругов по обязательствам, то взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. Взыскание обращается на общее имущество супругов по их общим обязательствам, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что всё полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г.http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995N 223-ФЗ (принят ГД ФС РФ 08.12.1995) (ред от 29.12.2017)
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4500.htm

УДК. 349.412.3

Алимов З. А.

ст. преподаватель кафедры предпринимательского и экологического
права

*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

**ОТКАЗ ОТ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ**

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию относительно отказа от категориально принадлежности как основы формирования правового режима земель в современных условиях глобализации в пользу установления принципа разрешённого использования. В работе делается попытка дать правовую оценку, как сегодняшнему состоянию, так и дальнейшим перспективам такого развития.

Ключевые слова: земля, земли, земельные участки, разрешённое использование, целевое использование, правовой режим.

Annotation: This work is devoted to research on the rejection of categorically belonging as the basis for the formation of the legal regime of lands in the current conditions of globalization in favor of establishing the principle of permitted use. An attempt is made to give a legal assessment of the current state and future prospects of such development.

Key words: land, land, land, permitted use, target use, legal regime.

Земля представляет собой основу для жизни и деятельности человека, является компонентом окружающей природной среды, сферой производства, выступает в качестве источника получения природных ресурсов и нематериальных благ, тем самым выполняя экологическую, экономическую, эстетическую, культурную, и рекреационную функции.

Согласно ст. 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В силу указанной нормы государство закрепило землю как основу жизнедеятельности народов проживающих на территории Российской Федерации, что в свою очередь позволило поставить под особую правовую охрану общественные отношения, связанные с использованием земли[1].

С целью реализации конституционных положений относительно охраны и использования земли, государство, на всех уровнях (международный, национальный и региональный) принимает правовые акты, заключает различного рода международные соглашения.

Так в апреле 2006 года Российская Федерация подписала соглашение о сотрудничестве с ООН-ХАБИТАТ[3], тем самым поддержала Стамбульскую декларацию по населенным пунктам Хабитат II Стамбул, 1996 год[4], которая, устанавливала концепцию устойчивого развития населённых пунктов.

В ходе осуществления данной концепции Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2012 г. № 297-р были утверждены «Основы государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 - 2017 годы»[5], в соответствии с которыми одним из основных направлений государственной политики по управлению земельным фондом является, совершенствование порядка определения правового режима земельных участков путем исключения из земельного законодательства принципа деления земель по целевому назначению на категории.

В этой связи становится актуально и своевременно рассмотреть концептуальные положения отказа от категориально принадлежности как основы формирования правового режима земель в современных условиях глобализации, тем самым дать правовую оценку, как сегодняшнему состоянию, так и дальнейшим перспективам такого развития.

На сегодняшний день, деление земель на категории продолжает выступать в качестве одного из основных принципов земельного законодательства, установленного в п. п. 8 п.1 ст. 1 Земельного Кодекса Российской Федерации(далее по тексту ЗК РФ) в соответствии с которым правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории. Отнесение земель к той или иной категории достигается с помощью одного из важнейшего принципа земельного законодательства как принципа дифференцированного подхода к установлению правового режима земель, в силу которого при определении их правового режима должны учитываться природные, социальные, экономические и иные факторы, а также интересы общества и граждан п. п. 10 п.1 ст.1 ЗК РФ[2].

Однако, исходя из того, что большинство земель по своему внутреннему содержанию разнообразны, и могут использоваться для разных видов деятельности, при этом отвечая требованиям целевого назначения всей категории земель, то в такой связи, законодателем было установлено требование согласно которого, правовой режим земель устанавливается исходя из не только их принадлежности к той или иной категории, но и как территориального, так и функционального зонирования. Так например в соответствии с ЗК РФ на территории населённого пункта устанавливаются функциональные зоны, которые при этом устанавливают конкретные виды разрешённого использования в пределах отдельной функциональной зоны.

В тоже время следует подчеркнуть, что в силу п.2 ст. 7 ЗК РФ правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной

категории, а также разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий. Исходя из указанных положений, формирование правового режима земель на основе категориально принадлежности уходит на второй план. Более того, правовой режим земельных участков относящихся к отдельным категориям невозможно установить без установления функциональной зоны и определения разрешенного использования конкретного земельного участка. Так, например установление правового режима земель особо охраняемых природных территорий, лечебно-оздоровительных местностей и курортов, природоохранного и рекреационного назначения, в пределах населённого пункта возможно как не иначе на основе установления особо охраняемой функциональной зоны.

Вышеприведённые примеры говорят о необходимости перехода с категориальной принадлежности на установление правового режима земель на основе разрешённого использования.

Реализуя «Основы государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 - 2017 годы» Правительством Российской Федерации 4 марта 2014 года был внесён проект федерального закона «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части перехода от деления земель на категории к территориальному зонированию». Вышеуказанный законопроект был направлен на изменение принципа целевого использования как основы формирования правового режима земельного участка, на принцип разрешённого использования в соответствии с функциональным, зонирование территорий. Данный законопроект прошел лишь первое чтение, и в дальнейшем был отклонён. Однако на сегодняшний день вновь подымается вопрос по поводу внесения изменений в действующий ЗКРФ относительно перехода от деления земель на категории к территориальному зонированию.

Вышеизложенный материал позволяет прийти к соответствующим выводам, в частности:

во-первых, разрешённое использование земельного участка играет одну из ключевых ролей при определении правового режима земельного участка, так как в конечном итоге в отношении каждого отдельного земельного участка устанавливается один либо несколько видов разрешённого использования, которые в свою очередь должны соответствовать классификатору видов разрешенного использования земельных участков;

во-вторых, установление принципа разрешённого использования взамен целевого использования позволит конкретизировать правовой режим земельного участка, тем самым даст возможность использовать земельный участок с максимально приближенным его природным характеристикам и свойствам, что в дальнейшем приведёт к усилению охраны относительно использованию земель.

Таким образом, реализация вышеприведённых положений позволит должным образом сформировать правовой режим земель, который на сегодняшний день является один из основных способов позволяющих обеспечить конституционные права граждан на землю в Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос.газ. – 1993. – 25 дек.
2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25.10.2001 №136-ФЗ // СЗ РФ. - 2001 г. - № 44. – ст. 4147.
3. Стамбульская декларация по населенным пунктам [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/habdecl.shtml Дата обращения: 09.04.2018 г.

4. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. О программе ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат). Справка. [Электронный ресурс] // URL: http://www.mid.ru/centr-oon-po-naselennym-punktam-habitat-//asset_publisher/JR6aXXucvq2M/content/id/191114

Дата обращения: 09.04.2018 г.

5. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2012 г. № 297-р «Об утверждении Основ государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012 - 2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012 г. – № 12. – ст. 1425.

УДК. 340.114.5

Гуменюк Е.В.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВО РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация: в статье анализируется влияние глобализационных процессов на право Российской Федерации, ключевое внимание уделяется вопросу влияния глобализации на правосознание, как элементу формирования права и правового государства.

Ключевые слова: глобализация, глобализационные процессы, правосознание.

Abstract: In the article the author analyzes the influence of globalization processes on the law of the Russian Federation. The main attention is paid to the

question of the influence of globalization on the legal awareness, as an element of the formation of law and legal state.

Keywords: globalization, globalization processes, legal awareness.

В настоящее время в Российской Федерации достаточно важной является проблема создания правового государства, одним из необходимых компонентов которого выступает надлежащее формирование правосознания.

Вопрос влияния глобализации на сферу права является актуальным, кроме того, дискуссионным и требующим детального изучения.

Целью данной статьи является раскрытие ключевых моментов влияния глобализации на право Российской Федерации, в том числе, и через влияние на правосознание.

Правосознание представляет собой сферу сознания, которая отражает правовую действительность в форме правовых знаний и оценочного отношения к праву и практике его реализации, иными словами это социально-правовые установки и ценностные ориентации, которые регулируют поведение людей в социуме в юридически значимых ситуациях.

Под глобализацией следует понимать процесс, в ходе которого мир превращается в единую глобальную систему, следуя единым тенденциям развития и совершенствования. Как отмечает Дмитриев Ю.А. в своей работе, процессы глобализации затрагивают как отдельных индивидов, так и народы, государства, цивилизации в той или иной степени [1]. Глобализация, выступая объективной реальностью, непосредственно влияет на все аспекты жизнедеятельности человека, группы лиц, общества и государства.

Право, являясь продуктом общественного развития, выражением воли государства и регулятором общественных правоотношений, оказывает непосредственное влияние на формирование правосознания. В то же время, правосознание, как совокупность идей, представлений и убеждений о праве

действующем и праве желаемом формирует право и отношение к основополагающим нормам права, а также к пониманию его ценности.

Современные ученые связывают развитие правового государства в Российской Федерации с развитием уровня правосознания граждан. Одним из важнейших путей становления и развития индивидуального и общественного правосознания является создание действующего правового поля, подкрепленного четким механизмом его реализации, направленного на формирование у людей высокого уровня правосознания и правовой культуры.

Данное становление и создание правового поля непосредственно происходят под влиянием процессов глобализации. Постараемся на примере раскрыть вышеуказанный тезис.

Российская Федерация, согласно норм действующей Конституции, признала, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства[2].

Ярким примером влияния глобализации и, в частности, международного законодательства, сделавшим большой прорыв, как в правосознании общества, так и в правотворческой деятельности, стала ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод и иных документов Совета Европы.

Россия на протяжении длительного времени после ратификации международных документов стремилась к приведению национального законодательства, а также к выработке судебной практики в соответствии с международно-правовыми стандартами судебной защиты. Так, одним из таких проявлений стал факт того, что 09.12.2010 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» № 353-ФЗ, который изменил суть апелляционного, кассационного и надзорного производства, а также пересмотр судебных постановлений по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Поводом для внесения данных

изменений послужил ряд постановлений Европейского суда по правам человека, а в частности, постановление по делу Рябых против России, содержащее критику системы пересмотра судебных актов в Российской Федерации. Кроме того, произведенная в России реформа кассационного производства была проанализирована в деле Абрамян и Якубовских против Российской Федерации, которым Европейский суд по правам человека показал, что новая процедура является ординарным средством проверки законности судебных актов, а неопределенность, связанная с надзорным производством в его предыдущей форме, была устранена.

С развитием глобализационных процессов, появлением и широким распространением различной информации в сети интернет и средствах массовой информации, прослеживалась тенденция увеличения количества подаваемых жалоб против России в Европейский суд по правам человека. Данное обстоятельство было спровоцировано несколькими факторами, с одной стороны, свободный доступ к информации и возможность анализа и ориентации на практику развитых стран, с другой стороны недоверие к действующей на тот момент национальной правовой системе, которое привело впоследствии к огромному числу жалоб поданных в Европейский суд по правам человека против России.

По состоянию на 1 января 2018 года в Европейском суде по правам человека находилось 9 777 жалоб против России. В 2017 году данным Судом было рассмотрено 8 042 заявлений в отношении России. Для сравнения в 2011 году было подано 12 475 жалоб.

Следует отметить, что за последнее время, статистические данные показывают тенденцию снижения количества подаваемых жалоб, что связано как с субъективным фактором, выраженным в повышении правосознания, выработке большего уровня доверия к национальной правовой системе, так и с

объективной стороной процесса, проявляющейся в ужесточении процедуры принятия жалоб и признанием Россией нарушений в одностороннем порядке.

Вышеуказанный пример, иллюстрирует двойственный характер влияния глобализационных процессов на право Российской Федерации.

С одной стороны, адаптация национального права международному, совершенствование механизмов регулирования правоотношений и следование передовым тенденциям развития иных государств позитивно влияет на развитие права Российской Федерации.

С другой стороны, плюрализм правопонимания, размытие границ национального права, а также «неотфильтрованная» информация средств массовой информации и сети интернет, содержащая, в том числе, и антигосударственные и антиобщественные настроения, позволяет манипулировать общественным мнением и негативно влияет на формирование представлений о праве, о необходимости его соблюдения, о его ценности и о роли государства в данном процессе.

По нашему мнению, с целью недопущения влияния негативных аспектов глобализации на право и правосознание российских граждан государство должно проводить соответствующий комплекс мероприятий, направленный на выработку четкой гражданской позиции и формирование надлежащего уровня правосознания, при котором человек осознанно сможет принимать законные и юридически значимые решения и действовать добросовестно по отношению к государству и обществу.

На современном этапе развития нашей страны основными задачами правового воспитания населения является обеспечение формирования правильного понимания сущности основных правовых категорий (понятий); знания основных положений Конституции Российской Федерации и иных основополагающих нормативно-правовых актов нашего государства; убеждения в необходимости неукоснительного соблюдения требований

правовых норм; негативной реакции на каждое правонарушение, независимо от того кто его совершил; уважения к правоохранительным органам и готовность содействовать им в раскрытии и пресечении правонарушений.

В современных условиях государство должно уделять значительное внимание правовому образованию граждан, вести работу по ознакомлению граждан с действующим законодательством, основными направлениями его развития, а также разъяснять правовую политику, проводимую государством, что позволит сформировать надлежащий уровень правосознания как отдельно взятого индивида, так и общества, что, в свою очередь, приведет к формированию правового государства, одной из основных ценностей которого будет являться право, которое будет гармонично развиваться в современных условиях и впитывать позитивные тенденции глобализационных процессов.

Литература:

1. Дмитриев Ю.А. Юридическая педагогика и процессы глобализации [Электронный ресурс] / – Режим доступа: www.law-n-life.ru/arch/147/147-1.doc.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

УДК 347/644

Бассараб Л. В.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

НОРМЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЭКИПАЖА ТОРГОВОГО СУДНА, ПО ПРОЕКТУ УЛОЖЕНИЯ О ТОРГОВОМ МОРЕПЛАВАНИИ РОССИИ

Аннотация: Статья посвящена изучению основных положений в отношении экипажа торгового судна, изложенных в проекте уложения о торговом мореплавании Российской империи 1909 г. издания. Рассмотрены права и обязанности моряков, требования к их профессиональным навыкам.

Ключевые слова: проект, уложение, судовой экипаж, команда.

Annotation: The article is sanctified to the study of substantive provisions in regard to the crew of merchantman, expounded in the project of code of law about the trade seagoing of the Russian empire 1909 editions. The right and duties seamen, requirements are considered to their professional skills.

Keywords: project, code of law, ship crew, command.

Как известно, в начале XX в. в России разрабатывалось уложение о торговом мореплавании. Первые проекты и части будущего уложения начали публиковаться для ознакомления в этот же период [1]. Не секрет, что в этом процессе серьезное внимание уделялось изучению зарубежного опыта стран, уже имеющих собственные консолидированные акты [2–6]. В наиболее полном виде проект был издан в 1909 г. [7]. Особое место в нем заняли положения, относящиеся к команде торгового судна.

Устанавливалось, что судовой экипаж составляют: капитан, другие старшие лица судового экипажа и судовая команда, или судовые служители (ст. 74).

Права и обязанности лиц судового экипажа должны были определяться наемным договором. Из установленных в проекте правил могли изменяться

договором лишь те, в которых указывалось, что от них допускается отступление по соглашению сторон (ст. 75).

Предусматривалось, что судовая команда состоит: 1) из палубной команды, 2) из машинной команды и 3) из всех остальных лиц, служащих на судне, в том числе из судовой прислуги (ст. 148) [7, с. 42]. Отдельно определялось количество лиц в составе экипажа не российскоподданных (ст. 149).

К службе в палубной команде допускаются лица, достигшие четырнадцатилетнего возраста, а в машинной команде – в машинном отделении – лица, достигшие пятнадцатилетнего, а в кочегарном отделении – восемнадцатилетнего возраста (ст. 152).

Вся палубная команда разделялась на такие разряды: юнги; матросы 3-го класса; матросы 2-го класса; матросы 1-го класса; боцманы (ст. 153).

Юнги принимались на судно, даже без практических знаний (154¹); матросы 3-го класса должны были уметь отдавать и крепить паруса и брать рифы у парусов, знать названия бегучего и стоячего такелажа, завязывать узлы, лонга-сплесень и обыкновенный сплесень, знать румбы компаса и уметь править рулем и грести одним или двумя веслами (155¹) [7, с. 42–43]; матросы 2-го класса, кроме указанного в ст. 155, должны уметь привязывать паруса, поднимать и спускать верхние реи и стенги, знать марки на лотлине, уметь бросать лот и управлять лодками, завозить верпы и причала (156¹); матросы 1-го класса, кроме указанного в ст. 155 и 156, должны были уметь поднимать все стенги и реи и починять весь такелаж и паруса, управлять паровой лебедкой и красить судно (157¹); боцман, кроме указанного в ст. 155-157, должен был знать производство всех такелажных работ, подъем тяжестей, уборку якорей, все, касающееся вооружения судна, компас, управление рулем и парусами (ст. 158¹).

Машинная команда разделялась на угольщиков и кочегаров. Угольщики принимались без особых практических знаний по машинной части (ст. 159). А

вот кочегар при вступлении на службе обязан был знать, как держать пар и поддерживать указанное давление пара, быть знакомым с водомерным прибором в котлах, с манометром, уметь управлять грузовыми машинами и питательной помпой грузового котла (ст. 160¹).

Ст. 161–168 устанавливали условия найма членов экипажа, а ст. 169 – обязанности судовых служителей, они были такими

1) беспрекословно подчиняться распоряжениям капитана и других начальствующих на судне лиц, по исполнению служебных действий (ст. 135 и 137) и в особенности по охране и спасанию судна и его принадлежностей, груза, пассажиров и их багажа, по отливке прибывающей на судне воды и т.п., причем исполнение распоряжений указанных лиц, касающихся служебных действий судовых служителей, обязательно как на судне, так и в лодках его, в лихтерах и на суше;

2) не отлучаться на судне без дозволения капитана или заменяющего его лица;

3) вести себя прилично и трезво;

4) осторожно обращаться с огнем и легко воспламеняющимися предметами;

5) давать и подтверждать присягой показание, когда это необходимо для составления акта морского протеста, даже если договор прекратился; но в последнем случае с возмещением им за счет хозяина судна понесенных по сему предмету расходов;

6) оказывать помощь начальствующим лицам в устранении беспорядков на судне;

7) держать по очереди или по распоряжению капитана вахту или стражу.

В ст. 170–172 устанавливался порядок несения вахты на судах [с. 47].

Особенно подробно в проекте уложении расписано в каких случаях капитан мог уволить судового служителя (ст. 174), порядок увольнения,

выплаты в таком случае жалования, доставку члена экипажа в порт найма (ст. 175–177) [7, с. 50].

Отдельно устанавливалось, в каких случаях служитель был в праве отказаться от исполнения наемного договора, и способы исполнения этого (ст. 181–186).

Важно и то, что в Проекте, во многих статьях защищались трудовые права моряков. Так, например, устанавливалось, что если состав судовой команды во время плавания сократится, и вследствие этого значительно увеличится количество работы, приходящейся на каждого судового служителя, то образовавшийся резерв в расходах по уплате жалования команде подлежит распределению между наличными судовыми служителями, соответственно увеличению работы каждого из них и размеру получаемого каждым из них жалования (ст. 187).

Также, требовать от судовых служителей, когда судно стоит в порту или на рейде, работы свыше 10 часов в сутки, принимая в расчет и вахтенную службу, разрешалось только в крайнем случае.

В воскресенье и праздничные дни капитан мог потребовать от судовых служителей работы по нагрузке и разгрузке судна только в том случае, когда судно, в силу договора перевозки, следовало нагружать или разгружать даже в воскресенье и праздничные дни, или же если судно совершало регулярные рейсы [7, с. 52], или если подлежащие разгрузке товары составляли почту, пассажирский багаж или принадлежали к легко портящимся.

За работу в порту или на рейде, свыше 10 ч. в день, а за работу в воскресные и праздничные дни, если работа была нужна не для загрузки или разгрузки судов, совершающих регулярные рейсы, не для безопасности и плавания судна, обслуживания машины, просушки парусов, службы на шлюпках, а также если работа не состояла в оказании каютной или буфетной прислужкой личных услуг находящимся на судне лицам и не была мерой

дисциплинарного взыскания, полагалось вознаграждение, которое определялось, за отсутствием соглашения, в размере половинной поденной платы за каждые 2 часа сверхсрочной работы.

Определение дней, считающихся для цели этой статьи праздничными, по разным морям и за границей предоставлялось министру торговли и промышленности (ст. 188).

Кроме того, судовой служитель, нанятый на плавание за определенную плату, в праве требовать соразмерного увеличения этой платы, если, вследствие изменения направления пути, перемены порта назначения или какой-либо задержки, как-то: войны, блокады, задержания судна по распоряжению властей, воспрещения вывоза или ввоза, замерзания портов или ледохода, препятствий при нагрузке или разгрузке и т.п., на окончание плавания потребовалось восемь или более дней сверх времени, которое требовалось на совершение плавания при обычных обстоятельствах (ст. 189) [7, с. 53].

Ст. 191–197 регламентировали порядок увольнения судовых служителей и окончательного расчета с ними, а ст. 199–203 посвящались порядку подачи и рассмотрения жалоб членов экипажа [7, с. 54–56].

Кроме того, в приложении к Проекту были размещены «Правила реорганизации моряков в морских конторах».

В общем же можно указать, что в Проект были включены нормы весьма характерные для этого времени. На первом месте стояло регулирование прав и обязанностей капитанов, так как это важно для внешней стороны – сохранности судна, груза, экипажа, выполнения международных правил и обычаев портов. Прочие же члены экипажа были менее важны, т.к. отвечал за все капитан. Кроме того, распределение обязанностей между моряками было условным, так как на практике оно происходило в зависимости от размеров, оснащения, технических характеристик судна и числа членов экипажа. Также следует помнить и том, что существовали и такие взаимоотношения, которые

складывались между экипажами судов и частными парходствами, в которые государство практически не вмешивалось.

Литература:

1. Проект уложения о торговом мореплавании. Выпуск 7. С объяснениями. – СПб., 1903 г. – 91 с.
2. Свод морских торговых постановлений издания 1871 г. Перевел с английского лейтенант Андрей Деливорн. – СПб., 1872. – 412.
3. Английский закон о торговом мореплавании 25 августа 1894 г. Под редакцией Члена-Делопроизводителя С. П. Веселаго. – СПб., Типография В. Киршбаума, 1903. – 439 с.
4. Приватное морское коммерческое право на основании существующего шведского законодательства. Сочинение Хамбрэ. 1870 года. Перевел Коллежский советник Головачов. – СПб.: типография Морского министерства, 1872. – 209 с.
5. Норвежский закон о мореплавании (Nersk Lov om Sjøfarten). 20 июля 1893 г. Под редакцией Члена Сопещания В. С. Садовского. – С.-Петербург, типография В. Киршбаума, 1902. – 149 с.
6. Итальянские законы о торговом мореплавании. – С.-Петербург, типография В. Киршбаума, 1903. – 350 с.
7. Уложение о торговом мореплавании (проект). – С.-Петербург, Типография В. Ф. Киршбаума, 1909. – 222 с.

УДК 347.7 : 652.612

Благодатная Е. Ю.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК В СССР В 1937 Г.

Аннотация: В работе исследуется правовая организация процесса морской перевозки в СССР на основании приказа народного комиссара внешней торговли СССР и народного комиссара водного транспорта №18/11 от 5 января 1937 г. «О порядке планирования морских перевозок и заключения договоров на перевозки и перевалки на 1937 г.».

Ключевые слова: морская перевозка, правовая организация, приказ.

Legal organization of process of marine transportation is in-process investigated in the USSR on the basis of order of folk commissar of foreign trade and folk commissar of water-carriage №the USSR 18/11 from January, 5 1937 "About the order of planning of marine transportations and entering into contracts on transportations and transloadings on 1937 gs".

Keywords: marine transportation, legal organization, order.

Проблемам организации фрахта в СССР в 1920-1930-х гг. в отечественной научной литературе, к сожалению, посвящено весьма мало работ. Более того, фактически малоисследованной является проблема правовой организации и деятельности всесоюзного общества Совфрахт в этот период, за исключением, разве что наших отдельных работ (1–3). В тоже время, раскрыв в них отдельные вопросы организации и деятельности Совфрахт в 1933–1937 гг., следует обратиться к изучению организации морской перевозки в этот период. Основой

его стал приказ народного комиссара внешней торговли СССР и народного комиссара водного транспорта №18/11 от 5 января 1937 г. «О порядке планирования морских перевозок и заключения договоров на перевозки и перевалки на 1937 г.».

В нем устанавливался строгий порядок планирования, порядок заключения договоров и их условия, а также порядок перевалки грузов морскими торговыми портами.

Так, в частности, приказом предписывалось, чтобы Наркомвнешторг представлял в Наркомвод планы экспортных и импортных перевозок к 12 часам 14-го числа месяца, предшествующего планируемому. К этому же числу Наркомвнешторг через Совфрахт должен был предоставлять в Наркомвод все имеющиеся ордера на фрахтование судов. Копии всех ордеров, полученных Совфрахтом до 25 числа месяца, предшествующего планируемому, следовало направлять Совфрахтом в Наркомвод немедленно, по получении их от экспортеров, для принятия или отказа в перевозке груза, указанного в ордерах (п. 1).

На основе этих планов и выдаваемых экспортным объединением Совфрахту фрахтовых ордеров, Наркомвод при участии представителя Наркомвнешторга составлял план расстановки судов под экспортные и импортные грузы и 16-го числа к 12 часам дня должен был передать их Наркомвнешторгу (п. 2).

В свою очередь, 17-го числа Наркомвнешторг совместно с экспортными и импортными объединениями с Совфрахтом, Внештрансами, Наркомводом рассматривал проект обеспечения тоннажем вывоза экспортных и импортных грузов и 19 числа к 12 ч. дня передавал проект со своими замечаниями на окончательное рассмотрение и утверждение заместителю наркомвода на совещании 19-го числа с представителями Наркомвнешторга (п. 3) [4, л. 19].

После рассмотрения плана расстановки судов для перевозок внешнеторговых грузов на совещании при заместителе наркома водного транспорта, Наркомводом составлялся план перевозки и с визой Наркомвнешторга и предоставлялся 20-го числа на утверждение правительства (п. 4).

Наркомвод также обязан был представить Наркомвнешторгу к 10 числу месяца, предшествующего планируемому, позиции судов, представляемых под экспорт на следующий месяц (п. 5).

Закрепление судов под массовые грузы следовало производить и до 19-го числа предпланируемого месяца, по мере предъявления Наркомвнешторгом ордеров Наркомводу с последующим включением выделенных судов в составляемый график. Наркомвод обязан был через 24 часа после получения ордеров сообщить, обеспечивается ли ордер советским тоннажем и каким пароходством. В случае неполучения ответа от Наркомвода о принятии ордера через 24 ч., Совфрахт имел право выпустить ордер на иностранный рынок.

Если Наркомвод принял к исполнению ордер, а затем не обеспечил его тоннажем, то соответствующее пароходство несло ответственность перед экспортером, как за неподачу парохода по графику, со всеми вытекающими последствиями.

Если же Совфрахт выдал Наркомводу ордер и последний принял его, а экспортное объединение затем вовремя составления графика отказалось от него, то экспортер нес перед соответствующим пароходством ответственность как за не предъявление груза по графику, со всеми вытекающими последствиями (п. 6).

План расстановки судов на каждый планируемый месяц, подписанный представителями Наркомвода и НКВТ, являлся обязательным как для организаций Наркомвода, так и для организаций Наркомвнешторга. Пароходство и внешнеторговые организации в хозяйственных договорах

должны были предусмотреть ответственность сторон за выполнение этого плана расстановки судов (п. 7).

Порядок заключения договоров и их условия устанавливался такой. Договоры на морскую перевозку заключались между экспортными объединениями по массовым грузам и Внештрансам по экспортным грузам и импорту, с одной стороны, и морскими пароходствами – с другой (п. 8). Срок заключения договоров устанавливался на 15 января 1937 г. (п. 9) [4, л. 20].

Предусматривалось, что, как правило, погрузка и выгрузка производится в одном порту погрузки и в одном порту выгрузки. Пароходство обязано было предоставить заход в дополнительный порт погрузки или выгрузки судну с генеральным грузом при условии географической ротации, а также если количество грузов, принимаемого или выгружаемого в данном порту, было не менее 400 т. по весу или 25 000 м³ по объему. Заход в более чем в два порта погрузки или выгрузки или за меньшим количеством груза допускался лишь по согласованию между грузоотправителями и пароходствами (п. 10).

Планирование импорта следовало оформлять планом расстановки судов также, как и по экспорту, с правом отклонения в подаче срочных и биржевых импортных грузов в данном порту на 20% в сторону повышения против количеств, показанных в плане.

Наркомвод и Наркомвнешторг должны были устанавливать главные иностранные порты, через которые было выгодно для народного хозяйства направлять импортные грузы (п. 11).

Замена судна, предусмотренного по графику, допускалась только в исключительных случаях и лишь с обоюдного согласия Наркомвнешторга и Наркомвода (п. 12).

При перевозке генеральных грузов и импорта лейдейс и канцелинг для советских судов [5], за исключением судов срочной регулярной линии,

устанавливался с разрывом в 4 суток, причем по Черноморским портам позиции указывались по каждому порту погрузки (п. 13).

Извещение (нотис) о готовности к погрузке в советском порту полагалось давать за 5 суток до фактической готовности судна к погрузке. За неподачу судна к этому сроку, пароходство несло материальную ответственность по договору (п. 14).

Если по вине экспортера или импортера судно задерживалось в порту погрузки или выгрузки сверх существующих норм и в результате этого опаздывало к канцелингу следующего рейса, то экспортные или импортные объединения кроме штрафа, должны были оплачивать доказанные убытки пароходства, вызванные этой издержкой (п. 16).

Фрахтовые ставки за перевозку устанавливались Наркомводом и Наркомвнешторгом, причем представление сепарационных материалов по генеральным грузам лежало на обязанности пароходства, по остальным грузам в соответствии с распоряжением Наркомвода и Наркомвнешторга от 11.08.1935 г. №6/438 и договорам, действовавшим на 1936 г. (п. 17) [4, л. 21].

По советским судам, погрузка которых производится портами, расчеты по диспачу и демереджу производились пароходствами непосредственно с портами (п. 18).

Советские суда могли направляться исключительно в адрес агентов и стивидоров пароходств. Исключения допускались только с разрешения НКВТ и при согласии НКВода (п. 19).

И, наконец, взаимная ответственность пароходства и экспортно-импортных объединений Наркомвнешторга определялись постановлением СТО от 29 сентября 1934 г. (п. 20) [4, л. 22].

Таким образом, рассмотренный нами Приказ установил порядок планирования и заключения договоров морской перевозки, фрахтования

иностранных судов, взаимоотношения различных заинтересованных ведомств и организаций.

Литература:

1. Благодатная Е. Ю. Правовые основы организации всесоюзного объединения «Совфрахт» в 1930-х гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Том 3 (69). №2. С. 3–14.

2. Благодатная Е. Ю. Деятельность советских органов фрахтования в 1929–1933 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Том 3 (69). №1. С. 3–14.

3. Благодатная Е. Ю. Планирование и проведение В/О «Совфрахт» кампаний по фрахтованию в 1933–1934 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Том 3 (69). №3. С. 3–11.

4. РГАЭ, ф. 407, оп. 1, д. 18.

Самойлов К. И. Морской словарь. М. Л.: Государственное Военно-морское Издательство НКВМФ Союза ССР, 19

УДК 347.644/462

Сорокин Г. А.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**ПРИНЯТИЕ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ НОРМ МОРСКОГО ПРАВА В
ОТНОШЕНИИ МОРСКОЙ АВАРИИ**

Аннотация: В работе указано, что в ходе перехода от событий гражданской войны к мирной жизни советское государство с 1920 г. начинает инкорпорировать международно признанные нормы морского торгового права в собственное законодательство. в 1920–1921 гг. декретами «О производстве расчетов по общей и частной аварии (диспаш)» и «О производстве расчетов по общей аварии (диспаш)» советская власть обратилась к общемировой практике и праву в деле установления как самого термина авария в морском праве, так и его применения.

Ключевые слова: авария, морское право, декрет, применение.

Annotation: It is in-process indicated that during a transition from the events of civil war to peaceful life the soviet state with 1920 begins to incorporate the internationally confessed norms of naval trade law in an own legislation. in 1920-1921 by decrees "About the production of calculations on a gross and private average(dispaches) " and "About the production of calculations on a gross average(dispaches) " soviet power appealed to world practice and right on business of establishment of both term accident in a naval law and his application.

Keywords: accident, naval law, decree, application.

В процессе завершения основных этапов гражданской войны в бывшей Российской империи и с пониманием того, что мировая революция, как минимум откладывается, советская власть вынуждена была занять прагматическую позицию в отношении тех вопросов, где ее интересы пересекались с остальным миром. Учитывая острую нужду возрождения не только экономики, но и внешней торговли, часть таких мер была направлена на признание существовавших в мире норм, регулирующих отдельные вопросы торгового мореплавания. Не стали исключениями и нормы, в той или иной мере относящиеся к морским авариям и столкновениям судов.

Так, уже 29 октября 1920 г. был принят декрет СНК РСФСР от «О производстве расчетов по общей аварии (диспаш)», в котором мировая практика переносилась на советские реалии. Им устанавливалось, что определение и распределение убытков от общей аварии следовало производить в русских портах по заявлению капитана, судовладельца или его представителя или других заинтересованных лиц диспашером (сведущим лицом по определению и распределению аварийных убытков), назначаемым народным судом (пар. 1).

Общей аварией предписывалось считать ущерб, намеренно причиненный судну или грузу, или тому и другому, по распоряжению капитана, ради спасения судна и груза от грозившей морской опасности, а также повреждения и издержки, явившиеся прямым последствием принятых мер спасения.

Убытки от общей аварии следовало распределять между судном, грузом и фрахтом по правилам и постановлениям, указанным в § 7 данного Положения (пар. 2).

Заявление о производстве аварийного расчета полагалось подавать Народному Суду того порта, в котором пострадавший корабль заканчивал свое плавание.

Заявления и протесты капитана по поводу происшествий во время плавания также следовало подавать в народный суд портового района, на который возлагалось также и исполнение необходимых нотариальных действий. При этом суд мог поручить исполнение этих действий диспашеру (пар. 3).

В свою очередь, суд, по рассмотрении поступившего к нему заявления о производстве аварийных расчетов, или мог признать его не заслуживающим уважения, о чем сообщал заявителю, или же назначал диспашера для составления аварийного расчета (п. 4). Иных вариантов суду декрет не оставлял.

При этом, капитан и все заинтересованные лица должны были сообщать диспашеру по его требованию все имеющиеся в их распоряжении и касающиеся аварии сведения и документы (пар. 5).

При этом, если между всеми заинтересованными лицами состоялось соглашение относительно размера и способа покрытия убытков от аварии, то оно могло быть представлено непосредственно в подлежащий суд для засвидетельствования. Начатое же диспашером производство диспаша в этом случае прекращалось (пар. 6).

Если же между заинтересованными лицами не состоялось соглашения о применении в случае аварии других правил или положений, то диспашерам следовало руководствоваться при производстве аварийного расчета «обычаями торгового мореплавания, поскольку они не противоречат декретам Советской власти» (пар. 7).

В данном случае имелись ввиду не столько собственно обычаи, а уже общепризнанные и установленные международные нормы, которые в 1920 г., в связи с непризнанием мировым сообществом новой власти, а также невыработанностью советского законодательства в данных вопросах советская власть соглашалась принять де-факто. В том числе и, к примеру, о деятельности тех же диспашеров.

Устанавливалось, что по просьбе заинтересованных лиц суд мог назначить диспашеру срок, до истечения которого должен быть составлен расчет. Удлинение этого срока допускалось лишь при наличии «достаточных оснований», а за несоблюдение срока диспашер «подвергается законной ответственности» (пар. 8).

При этом, что понимать под «достаточными основаниями» и «законной ответственностью» декрет не уточнял.

Отличие правового статуса судов с советским и иностранными флагами в Декрете устанавливалась в п. 9, которым предусматривалось, что по просьбе заинтересованных лиц суд мог разрешить судам, потерпевшим аварию, отплыть до окончания расчета, а также разрешать выдачу грузов. Однако, такое разрешение давалось лишь судам, не принадлежащим РСФСР, и частным

грузовладельцам лишь по представлении обеспечения, форма и размер которого определялись судом (пар. 9).

Составленный диспашером расчет вместе с заявленными против него возражениями представлялись в суд. В случае, когда со стороны заинтересованных лиц не было заявлено никаких возражений против произведенного расчета, то суд утверждал его и выдавал заинтересованным лицам по их просьбе удостоверенную копию или выписку из него с надписью об утверждении. В ином случае для рассмотрения расчета и заявленных возражений назначалось заседание суда, в которое вызывались для дачи заключения по всем спорным вопросам один или несколько диспашеров (см. п. 13) (пар. 10).

Решения суда об отклонении просьбы о производстве расчета, об его утверждении или изменении могли быть обжалованы заинтересованными лицами в установленном порядке (пар. 11).

Утвержденный судом расчет следовало сообщать портовому управлению в копии, которая немедленно вывешивалась на видном месте с указанием числа и месяца вывешивания.

Заинтересованные лица, не имевшие возможности представить свои возражения во время производства диспаша, получили право в двухмесячный срок со дня вывешивания расчета предъявить иск об изменении состоявшегося расчета в касающейся их части. Иск следовало предъявлять в том же суде и разбирать с соблюдением порядка, указанного в § 7 (пар. 12).

Список диспашеров, на которых могло быть возлагаемо исполнение предусмотренных этим положением обязанностей, должен был составляться Народным комиссариатом путей сообщения (далее – НКПС) на основании сведений, затребованных от всех портовых учреждений, и сообщался суду портовых городов. Список мог пополняться, по мере надобности, тем же порядком.

При этом подчеркивалось, что за уклонение от исполнения возложенных на них обязанностей без уважительной причины виновные диспашеры подвергались ответственности (пар. 13).

В отличие от имперского законодательства, где диспашер получал оговоренный процент за свои труды, декрет установил, что размер вознаграждения диспашеров определяется судом. При этом нужная для уплаты вознаграждения сумма взыскивалась со всех лиц, заинтересованных в распределении аварийных убытков, пропорционально долям их участия в убытках (пар. 14) [1].

Кроме того, следует упомянуть и о том, что 17 октября 1921 г. был принят декрет СНК РСФСР от «О производстве расчетов по общей и частной аварии (диспаш)». В нем советский законодатель еще более попытался интегрироваться в международные нормы. В частности устанавливалось, что аварийный расчет должен производиться по Йорк-Антверпенским правилам, в редакции 1890 г. [2], с последующими к ним дополнениями, а в случаях, не предусмотренных этими правилами – по общепринятым обычаям торгового мореплавания (пар. 1).

Убытки от частной аварии распределению не подлежали, а их нес тот, кого они постигли, или, по решению подлежащего суда, виновник убытков (пар. 2).

Возвращение убытков, происшедших от столкновения морских судов или морского судна с судном внутреннего плавания, независимо от того, в каких водах произошло столкновение, полагалось производить согласно ст. ст. 1–13 Брюссельской конвенции об установлении однообразных правил на случай столкновения судов, заключенной от 23 сентября 1910 г. (пар. 3).

В примечании устанавливалось, что впредь до издания НКПС особой инструкции по этому вопросу, технические правила для предупреждения столкновения судов в море, утвержденные Вашингтонской Конференцией 1889 г., оставались в силе [3]. В этом случае не совсем понятно обращение к

Вашингтонским правилам, так как они весьма мало отличались от правил конвенции 1910 г. [4].

Таким образом, уже в 1920–1921 гг. декретами «О производстве расчетов по общей и частной аварии (диспаш)» и «О производстве расчетов по общей аварии (диспаш)» советская власть обратилась к общемировой практике и праву в деле установления как самого термина авария в морском праве, так и его применения. Был воссоздан институт диспашеров, а само расследование аварий возлагалось на местные народные суды.

Литература:

1. Декрет СНК РСФСР от 29 октября 1920 г. «О производстве расчетов по общей аварии (диспаш)». Собр. Узак., 1920, N 87, ст. 443

2. Йорк-Антверпенский правила 1890 г. Перевод с английского Я. А. Тикстона. Основные положения о больших или общих авариях. – С.-Петербург, типография Н. Н. Клобукова, 1903. – 36 с.

3. Декрет СНК РСФСР от 17 октября 1921 г. «О производстве расчетов по общей и частной аварии (диспаш)». Собр. Узак., 1921, N 70, ст. 567.

4. История правил предупреждения столкновений судов в море.
<http://flot.com/publications/books/shelf/mppss72guide/3.htm>

УДК 351.713

Островский А.А.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО НАД АРЕСТАНСКИМИ РОТАМИ И
ИСПРАВИТЕЛЬНЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ**

Аннотация: Статья посвящена изучению вопроса правовых основ создания и деятельности института попечителей при арестантских ротах гражданского ведомства. Установлено, что этот процесс был оформлен положением от 15 августа 1845 г. о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства и утвержденными 28 февраля 1864 г. временными правилами для управления арестантскими ротами гражданского ведомства.

Ключевые слова: арестантские роты, попечительство, социализация.

Annotation: The article is sanctified to the study of question of legal frameworks of creation and activity of institute of trustees at the prisoner companies of civil department. It is set that this process was executed by position from August, 15 1845 about the correctional prisoner companies of civil department and ratified on February, 28 1864 by temporal rules for a management by the prisoner companies of civil department.

Keywords: prisoner companies, patronage, socialization.

Как известно, одной из форм социализации заключенных в Российской империи стало введение института попечительства. Попечители выполняли важные функции по привлечению заключенных к работам, обеспечению нормальных условий содержания, контролю за деятельностью администрации пенитенциарных учреждений и т.д. Институт попечительства был задействован и в арестантских ротах.

Согласно положению от 15 августа 1845 г. о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства (19285), руководству каждой роты вменялось в обязанность заботиться о нравственном исправлении арестантов (п. 44). С этой целью, строительные комитеты, сохраняя и по этому предмету права высшего надзора, вверяли ближайшее за тем наблюдение и попечение особым членам Тюремных комитетов, которые принимали на себя звание попечителей

арестантских рот (п. 45) [1, с. 1021]. Попечители роты (2) избирались тюремным комитетом на 1 год (п. 46) и утверждались главноуправляющими путями сообщения и публичными зданиями (п. 47). При этом устанавливалось, что попечители роты занимали такую должность без жалования, но пользовались всеми преимуществами гражданской службы, кроме права на пенсию (п. 48). Там, где не было тюремных комитетов, вверяемый попечителям надзор мог принять на себя вице-губернатор, или предводитель дворянства того уезда, в котором находилась рота. Во всяком случае о назначении попечителей начальник губернии должен был представлять главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями на утверждение (п. 49).

В качестве важнейшей задачи, возлагаемых на попечителей изначально, было обращение к местной духовной власти для назначения священника в качестве духовного отца роты (п. 50). Устанавливалось, что утренняя и вечерняя молитва должны были ежедневно читаться перед всем собранием арестантов. К чтению назначались грамотные арестанты удостоиваемые этого отличия священником (п. 51). В праздничные дни арестанты должны были посылаться в церковь для слушания литургии (п. 52). Во время Великого Поста арестанты православного исповедания обязывались говеть. При этом, для безостановочного между тем производства работ они разделяются на 7 частей, из которых каждой назначалась неделя поста для говенья (п. 53).

Для возбуждения и поддержания в арестантах стремления к исправлению им от времени до времени полагалось читать наставление о обязанностях Христианина и подданного, о степенях наказаний и о постепенном облегчении участи раскаивающегося в своей вине преступника, указывая, когда нужно, на статьи сего положения, которыми определялись эти облегчения для арестантов, отличающихся хорошим поведением (п. 56) [1, с. 1022].

28 февраля 1864 г. царем были утверждены «Временные правила для управления арестантскими ротами гражданского ведомства» (40643).

Ближайшее наблюдение за нравственным исправлением арестантов, постоянным занятием их работами и поиском их [2, с. 193], а также за благоустройством вообще рот, под высшим надзором начальников губерний и губернских правлений, согласно уставу о содержащихся в арестантских ротах, возлагалось на особое попечительство над ротами, в состав которого, кроме назначаемых, на основании действующих постановлений, 2 попечителей из директоров Тюремных комитетов, входил и городской голова, как лицо, которому близко известны нужды города и средства его, с предоставлением начальнику губернии права назначать, для содействия попечительству: а) полицмейстера, для сохранения порядка во время производства арестантами работ в городе, и б) городского архитектора, как распорядителя самого производства работ.

Кроме них, начальник губернии должен был приглашать к попечительству командиров местных батальонов Внутренней стражи или же предполагаемых, в замене их, местных губернских воинских начальников, как инспекторов воинских чинов в ротах и блюстителей военной дисциплины в них, и назначать техников для указания способов при производстве работ и определения уроков, если, по роду работ, это будет возможно (п. 7).

Каждый из попечителей арестантских рот, наблюдая, в кругу своих обязанностей, за точным исполнением порядка, определенного уставом о содержащихся в арестантских ротах, и в случае замеченных отступлений, исправление которых превысит его власть, и вообще по предметам, относящимся к открытию новых работ, постройки каких либо вещей или приобретения инструментов и тому подобного, должен был вносить записку вице-губернатору, а в более важных случаях начальнику губернии.

По этим запискам они должны были давать разрешение надписью, или исполнительным порядком, что передавалось к исполнению командиру арестантской роты, или для обсуждения в попечительстве, которое собиралось

под председательством вице-губернатора, и постановление которого представлялось на утверждение начальника губернии. При назначении работ, особенно следовало обращать внимание на ответственность их и мест, где работы будут производиться, на основании последовавших предписаний. Для производства дел попечительства начальник губернии или градоначальники должны были назначать одного из чиновников губернских правлений и их канцелярий (п. 8) [2, с. 194].

17 апреля 1864 г. губернский попечительный о тюрьмах комитет в Симферополе принял решение об открытии попечительства над местной арестантской ротой [168, л. 3]. В его состав вошли председатель – вице-губернатор, директора тюремного комитета купец Носов и купец Берг. Командир Таврического батальона внутренней стражи и непременный член строительной и дорожной комиссии Янушевский, а также отставной майор Степанов, как директор комитета [3, л. 5].

30 мая 1864 г. состоялось первое заседание комитета по таким вопросам:

1) о производимой арестантами бесплатной очистки ретриградных мест и дымовых труб, 2) об исправлении нар в здании роты; 3) о доставлении в роту книг для чтения арестантов; 4) об устройстве для увеличения доходов роты кружек. По первому вопросу работы проводились в остроге, полиции, здании губернских присутственных мест, кордегардии, в гарнизонной роте и канцелярии начальника губернии. Попечительство установило плату за эту работу, так как арестанты не могли работать бесплатно [3, л. 9]. Для чтения майор Степанов пожаловал духовные книги. Командир роты назначил из батальона внутренней стражи сапожников для обучения арестантов сапожному мастерству [3, л. 10].

22 декабря 1881 г. вице-президент симферопольского попечительного о тюрьмах комитета сообщил в попечительство над симферопольским арестантским отделением о том, что им на 1882 г. избраны попечителями

отделения потомственный почетный гражданин Михаил Вульф и симферопольский купец Ануфрий Питьков [4, л. 28; 5, л. 4].

Так в Крыму получило развитие дела общественного попечительства над заключенными арестантских рот, а затем и арестантских отделений.

Литература:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIX. 1844 г. Отделение первое. – СПб., 1845. – 921 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. – СПб., 1867. – 573 с.
3. Государственный архив республики Крым, ф. 38, оп. 1, д. 5. Правила управления арестантскими ротами для гражданского ведомства. 16.04.1864 – 12.07.1866 г.
4. Там же, ф. 38, оп. 1, д. 58. Дело о запрещении посылки арестантов на работу к попечителям роты, об осмотре исправительного отделения роты губернатором. 14 марта 1878 г. – 18.12.1878 г.
5. Там же, ф. 38, оп. 1., д. 52. Определения заседаний попечительства о распределении работ между арестантами. Ведомость о состоянии арестантской роты. 6.01.1874 – 1.10.1874 г.

УДК 341.241.1 : 340.134 (47+57)

Лукьянишина В.Н.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СССР ПОСЛЕ 50-Х ГОДОВ**

Аннотация: В статье анализируется влияние международного права на внутригосударственное право в СССР в период Холодной войны.

Ключевые слова: СССР, международное право, Организация Объединённых Наций, декларация, право, взаимодействие.

Annotation: The influence of international law on the USSR's domestic law in the period of Cold War is analyzed in this article.

Keywords: USSR, international law, United Nations, declaration, law, cooperation.

С образованием Организации Объединённых Наций и созданием Декларации по правам человека роль международных правотворческих организаций, которые осуществляли влияние на политику отдельных государств во второй половине XX века возросло: «Международное право играет все более важную роль в различных национальных правовых системах»[1], но с СССР ситуация была сложнее из-за устоявшейся идеологии. Первоначально Советское государство отвергало мысль о верховенстве международного права и считало, что внутригосударственное право должно превосходить над международным, но постепенно такое отношение было пересмотрено. Это нашло отражение в Гражданском праве: «Статья 129. ГК СССР. Международные договоры.

Если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора»[2].

Такой же порядок применяется в отношении гражданского законодательства союзной республики, если в международном договоре союзной республики установлены иные правила, чем предусмотренные гражданским законодательством этой союзной республики. (с изм. и доп.,

внесенными Указом Президиума ВС СССР от 30.10.1981). А позднее и в Конституции 1977 года: статья 29 «сотрудничества между государствами; добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров»[3].

23 сентября 1960 года на 15-ой сессии ООН Советское государство внесло на рассмотрение Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, которая была одобрена и принята на той же 15 сессии.

Хлестов О.Н. и Кузнецов М.Н. в 1974 г. пишут, «из ... законодательных актов Советского союза явно следует, что в случае коллизии между нормами международного права, содержащимися в международном договоре, участником которого является СССР, и нормами внутреннего права Советского союза, относящимися к одним и тем же вопросам, приоритет имеют нормы, содержащиеся в международном договоре, участником которого является СССР».[4,101]

Закон о правовом положении иностранных граждан в СССР от 1981 г. устанавливал: «Правовое положение иностранных граждан в СССР может определяться также на основании международных договоров СССР»[5]

Были внесены на законодательном уровне некоторые изменения в работу компаний, они начали с указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 года: «О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления».

Но бывало такое, что Советское государство не поддавалось влиянию международного права и международных организаций. Долгое время в Международной организации труда ставилось под сомнение демократичность трудового права СССР, в 1959 году Международное бюро труда выпустило

книгу: «Профсоюзная свобода», в которой осуждалось огосударствление профсоюзных организаций в Советском Союзе.[1, 27]«В 70–80-е гг. прошлого века в советской доктрине международного трудового права получили обоснование концепция о компромиссном характере норм международного права как результата борьбы и согласования антагонистических волей международного труда и капитала».[6, 566-571]

В заключении можно сказать, что законодательная система в рассмотренном периоде не была закрыта от международного права, но также Союз Советских Социалистических Республик с настороженностью и скрупулезностью подходил к ратификации и внедрения международного права во внутригосударственное.

Литература:

1. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос.акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: ВолтерсКлувер, 2005 – 432 с.
2. Гражданский кодекс РСФСР Утвержден Законом РСФСР от 11 июня 1964 г., введен в действие с 1 октября 1964 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1964, № 24, ст. 406
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, 1977 года
4. Хлестов О.Н., Кузнецов М.Н. Соотношение внутригосударственного и международного права // Становление и развитие советской науки международного права. - М., МГИМО, 1975. – С. 101
5. Постановление Верховного Совета СССР «О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНА СССР "О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В СССР» от 24 июня 1981 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 24.06.1981. — N 5153-X

6. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курстарудового права: В 2 т. Т. 1// М., 2009– С. 566–571

7. Восканов С.Г. Доктрина советских юристов-международников в вопросе о соотношении международного и национального права. законодательство зарубежных государств и международная правовая система[Электронный ресурс] /Виртуальный Клуб Юристов «ЮрКлуб».–Журнал «Право: Теория и Практика».–URL:<http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0403/3.html>

УДК. 347.51

Дмитрий Л. В.

студент магистратуры 1 курс

Институт экономики и права (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

г. Севастополь

ДЕЛИКТНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: В работе рассматривается вопрос о становлении института деликтного обязательства, основания, порождающие возникновение данных обязательств. Проанализирована тенденция развития термина delictum, определен фундамент института деликта в римском праве.

Annotation: The paper considers the establishment of the institution of a tort obligation, the grounds that give rise to these obligations. The tendency of development of the term delictum is analyzed, the foundation of the institution of tort in Roman law is determined.

Большинство договорных и внедоговорных правоотношений известны только несколько последних лет, однако, одновременно этот институт как обязательство вследствие причинения ущерба был знаком со времен Древней Месопотамии. Самые ранние записи месопотамских царей не представляли из себя законы в современном понимании этой дефиниции, они только обращали внимание на благородство царей через распространение информации об их настоящих и придуманных благодеяниях.

Наизначительнейшими из известных нам правовых документов Месопотамии являются Законы царя Хаммурапи (1792-1750 г.г. до н.э.). Они характеризуются казуистическим способом юридического влияния, символичностью наказаний за определенные действия. Из-за отсутствия четкой структуры данного свода правил, можно найти положения, содержащие прототипы сегодняшних норм, которые регулируют обязательства вследствие причинения вреда, в любой части данного свода [4, с.84].

При этом неоспоримым остается тот факт, что основное место в процессе развития суждений об обязательствах принадлежит римскому праву.

Обязательства (*obligation*) в соответствии с определением позднего римского права и по сегодняшнему представлению являет собой юридические отношения между двумя лицами, согласно которым один из них - *creditor* - управомочен требовать от другого - *debitor* - исполнения чего-либо в свою пользу: «*obligatio est juris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus solvendae rei secundum nostrae civitatis jura*» [10, с. 76].

Обязательственные правоотношения возникают по различным причинам. Многие, из которых устанавливает непосредственно закон - *obligatio ex lege*; но большая часть – результат частной деятельности, при том такие деяния будут либо правонарушениями, деликтами (грабеж, уничтожение чужой вещи и пр.), либо же юридическими актами (к примеру, договор поставки и т.д.) [2, с. 22].

В общей истории эволюции римских обязательств выделяют два исторических этапа: старое гражданское право и систему позднейшего времени. Но темпорально данные этапы не отделяются друг от друга резкой границей, поэтому вышеуказанное деление довольно условно.

Сферой, в которой зародились обязательства, была сфера правонарушений (деликтов).

Дефиниция «delictum» происходит от глагола delinquo, отождествлявшийся издревне с глаголом deficio (отсутствовать) [4, с.46].

В первый раз определение delictum упоминается в текстах комедий Плавта «Амфитрион», «Вакхиды», «Купец», которые написаны, скорее всего, в конце III - начале II в. до н.э. Ни одна из комедий не проясняет содержание данной конструкции, но употреблена она в значении «проступок». У Теренция в «Адельфах» как синоним дефиниции «delictum» употреблен термин «reccatum» [9, с.84].

В известных нам трудах Варрона понятие delictum было употреблено только один раз, в произведении «О латинском языке». Наибольшее количество упоминаний о деликтах содержали произведения Марка Туллия Цицерона, где delictum определен то как легкий проступок, который возник по итогам обязательств, то как тяжкий проступок в результате нарушений обманным способом обязательств по опеке, товарищества или залога [3, с.12].

Четко определена тенденция развития термина delictum в труде Авла Геллия «Аттические ночи», который был написан два века спустя. К примеру, Геллий конкретно определяет delictum как наказуемое правонарушение, которое нарушает закон, а необходимым условием назначения наказания указывает желание сделать это умышленное правонарушение.

Труды Гая и юристов следующих поколений понятие delictum несколько видоизменяют и использования для определения правонарушений в общем [7, с.54].

Следовательно, ведя речь о классическом римском праве, следует упомянуть, что оно так и не сформировало общего определения деликта, так как римские юристы избрали путь не обобщения права, а накопления юридических казусов, это разнит их с цивилистами современности и имеет много общего с английскими юристами, которые создали основы прецедентного права.

У истоков деликта лежит институт кровной мести: личность преступника была объектом мести, при этом несущественным была суть преступления – нанесение вреда здоровью, личное оскорбление, ущерб, нанесенный собственности. В вышеуказанном варианте появилось понятие ответственности (*haftung*) одного лица перед другим. Однако оно еще не представляло из себя обязательство: есть ответственность (*haftung*), но еще нет долга (*schuld*). Но поступательно государство вмешивается в данную сферу и, во-первых, ограничивает месть; вместо нее устанавливают частные (т.е. предназначенные для потерпевших) штрафы. С данного времени и появляется правовой институт обязательств.

Скажем, законы Двенадцати таблиц выделяли три частных проступка, в сумме составившие фундамент института деликта в римском праве: кража (*furtum*), уничтожение или повреждение чужих вещей (*damnum injuria datum*), посягательство на личность (*injuria*).

Кражи разделялись на тайные и явные, которые были более тяжкими правонарушениями относительно первых.

Ведя речь о классическом римском праве, необходимо подчеркнуть, что в нем поступательно прочерчивается идея, что ответственность за действия и обязанность по возмещению ущерба обусловлена не только фактом нанесения вреда, а наличием вины. Конкретно в данный отрезок времени так называемые преторские эдикты сделали возможным для юриспруденции развить и расширить саму дефиницию проступка частного характера - деликта (*delictum*). Но сильная разрозненность общественного порядка в последнем столетии

республики вогнала преторов к формированию новых типов деликтов: грабежа, угроз, мошенничества [6, с.46].

Грабеж со стороны цивилистики не был выделен из кражи. С целью ужесточения репрессий претор ввел особый вид исков - иск относительно грабежа имущества, который был направлен на возмещение в четверном размере (*actio vi bonorum raptorum in quadruplum*).

В случае обмана и мошенничества претором был создан инфамирующий иск (*actio doli*): обычное возмещение ущерба.

Вышеперечисленные иски исчерпали полностью деликтную систему позднейшего римского права, построенную не на общей и единой дефиниции деликта, а на нескольких его видах. Для подачи иска о возмещении вреда его нужно было подводить под один из этих видов [5, с.245].

Одним из первых важных моментов в ходе улучшения цивилистики стало появление формы стипуляции (*stipulatio*). В какое время она появилась – неизвестно: законы Двенадцати таблиц не содержали упоминаний о ней, но Аквилев закон (*lex Aquilia*) 287 г. до н.э., ее закреплял. По своей сути *stipulatio* на первый взгляд, это договор формальный, как *nexum*, однако, своей формой базируется уже на простом абстрактном обещании должника, что наделяет *stipulatio* абсолютно новыми, старому праву неизвестными чертами.

Следовательно, в доклассическом периоде отсутствовала понятийная система римского права. В известных нам памятниках римской литературы IV в. до н.э. - I в. н.э. с целью определения правонарушения употребляли семь базовых дефиниций: *crimen*, *delictum*, *flagitium*, *facinus*, *scelus*, *maleficium*, *peccatum*.

К классическому периоду обстановка кардинально видоизменяется. В вышеуказанное время, эпоху Принципата, формируется профессиональная юридическая латынь, образуются основоположные видовые группы деликтного права, используется классический термин кражи и оскорбления, их

классификация, написаны пространные разъяснения к применению Аквиллиевого закона (*legis Aquiliae*), который регулировал противоправный ущерб и порядок его возмещения. В указанный исторический период ясно прослеживаются составляющие частных деликтов: 1) нанесение объективного ущерба незаконными действиями одних лиц другим; 2) виновность лиц, совершивших проступок; 3) отношение объективного права к конкретному действию как к частноправовому деликту [8, с. 121].

Согласно статье 8 ГК одной из причин возникновения обязательств является факт нанесения ущерба [1]. Исходя из вышеизложенного, деликтным является обязательство, в соответствии с которым лица, причинившие ущерб личности или имуществу граждан, или юридических лиц, обязаны данный ущерб компенсировать.

Деликтное обязательство – один из типов гражданско-правовых обязательств, потому оно содержит аналогичные составляющие и структурные элементы, характеризующие какие-либо обязательственные правоотношения.

Дефиниции и категории, сформированные римским правом, являются основаниями многим новейшим юридическим конструкциям. Например, основываясь на публичном деликте в новейшей уголовной отрасли разработана дефиниция преступления, на основании частного сформулировано понятие гражданского правонарушения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 03.07.2016)// Собрание законодательства РФ. – 1994, - № 32. - Ст. 3301.
2. Абрамов В. А. Сделки; Договоры; Обязательства: юридический комментарий; юридические факты; юридические сделки; представительство; доверенность; общие положения о

договоре; общие положения об обязательствах; сроки; исковая давность; арбитражная практика: учеб. /В. А. Абрамов. – 6 - е изд., перераб. и доп. - М.: Ось-89, 2004. – С. 22.

3. Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения/ С.С. Алексеев // Правоведение. - 1958. - № 1. – С.12-14.

4. Баринова М. А. Римское частное право: учебное пособие для ВУЗов / М.А. Баринова, С.Т. Максименко – М.: Юстицинформ, 2006. – С.208.

5. Гражданское право: в 4-х томах/ под ред. Суханова Е.А. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2008. — Т.4 - С.544.

6. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник пособие для ВУЗов./ Под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсесянца. - 2-ое изд., изм. и доп. - М.: Норма, 2006. – С. 46.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/ под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. - Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 2010. – С. 54

8. Ларионов А.А. Субъектный состав обязательств вследствие причинения вреда ребенком / А.А. Ларионов //Семейное и жилищное право. - 2006, №1. – С.121-123.

9. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин. - М.: Юрид. лит. 2005. – С. 84.

10. Маслов И. С. Римское право учеб. пособие / И.С. Маслов. - М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2012. – С. 76.

УДК. 347.51

Путренко Н. А.

студент магистратуры 1 курс

Институт экономики и права (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

К ВОПРОСУ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В работе рассматривается вопрос о становлении института компенсации морального вреда в России, основания, порождающие возникновение обязательств по компенсации морального вреда, анализируется судебная практика по данному вопросу.

The paper considers the establishment of the institution of compensation for moral harm in Russia, the grounds that give rise to the obligation to compensate for moral harm, the judicial practice on this issue is analyzed.

Институт компенсации морального вреда фактически не был известен ни дореволюционному российскому закону, ни советскому закону. В юридической литературе, конечно, шла дискуссия вокруг целесообразности компенсации и возможных оснований ее применения, но компенсация морального вреда так и не нашла своего закрепления. До революции данный институт попросту не успели должным образом оформить, хотя, в проектах гражданского уложения и фигурировало возмещение вреда аналогичного вреду моральному. В советский же период государства и права, считалось, что институт морального вреда ведет к неосновательному обогащению и развращает массы и правовое сознание советского человека.

Впервые понятие «компенсация морального вреда» было введено Законом «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990г. (в настоящее время Закон уже прекратил свое действие), а затем институт компенсации получил свое закрепление в Основах Гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г., где моральный вред

был определен как - физические или нравственные страдания. Моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме и в размере, определяемых судом, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда (ст.131 Основ).

Согласно пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 года №10, моральный вред - это физические или нравственные страдания, испытываемые гражданином, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Обязательство по компенсации морального вреда возникает при наличии следующих условий:

- страданий, т.е. морального вреда как последствия нарушения личных неимущественных прав или посягательства на иные нематериальные блага;
- неправомерного действия (бездействия) причинителя вреда;

- причинной связи между неправомерным действием и моральным вредом;

- вины причинителя вреда.

Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя, в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Статья 151 ГК РФ и судебная практика (Постановление Пленума ВС РФ N 10 от 20 декабря 1994 г.) относят к моральному вреду также и физические страдания. В этой связи возникает проблема отграничения морального вреда от вреда, причиненного жизни и здоровью. Как представляется, редакция ст. 151 ГК РФ неудачна, поскольку дает основания для неверного вывода о том, что моральный вред включает в себя также вред здоровью. Судебная практика не дала ответа на вопрос о критериях, которыми необходимо руководствоваться при разграничении морального вреда и вреда, причиненного здоровью. Попытки разграничить указанные виды вреда были предприняты на доктринальном уровне. Так, А. Эрделевский предложил классифицировать вред на имущественный, органический (вред, причиненный здоровью) и психический (моральный).

Кроме того, в ст. 151 ГК РФ дается разграничение понятий "вред, причиненный здоровью" и "физические страдания" как один из видов морального вреда. При причинении вреда здоровью возникают имущественные потери, и возмещение вреда осуществляется только путем взыскания убытков в виде утраченного потерпевшим заработка (дохода) и дополнительно понесенных им расходов (п. 1 ст. 1085 ГК РФ). Физические же страдания могут быть и не сопряжены с органическими повреждениями (травмами, увечьями),

имеют субъективную природу и в силу этого не могут быть оценены по каким-либо объективным критериям.

Как следует из норм ст. 151 и 1099 ГК РФ, действия, совершение которых порождает право потерпевшего на компенсацию морального вреда, должны нарушать неимущественные права (блага) гражданина. Действительность нарушения каких-либо неимущественных прав, повлекшего психические страдания, сложно, а зачастую и невозможно определить в силу их субъективной природы. Возникает вопрос: входит ли в предмет доказывания по делам о компенсации морального вреда действительное умаление нематериальных благ как следствие противоправного действия правонарушителя?

Представляется более правильным подход, в соответствии с которым для возникновения у потерпевшего права на компенсацию морального вреда достаточно, чтобы действия правонарушителя создавали реальную угрозу умаления нематериального блага. Это в полной мере соответствует ст. 151 ГК РФ, где в качестве основания возникновения права на компенсацию морального вреда указаны действия, посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага.

Представляется, что данная позиция не только не соответствует общей конструкции морального вреда, установленной в ст. 151 ГК РФ, как вреда нематериального, касающегося только психической сферы потерпевшего, но и вступает в противоречие со ст. 1099 ГК РФ, в соответствии с которой компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Иски о компенсации морального вреда являются по своей сути требованиями материального характера, однако применительно к уплате государственной пошлины они отнесены к категории "требований неимущественного характера" и оплачиваются пошлиной в размере 300 рублей

(подп. 3 п. 1 ст. 333.19 НК РФ). Символический размер пошлины способствует подаче большого числа неосновательных исков о компенсации морального вреда, в том числе и явному злоупотреблению правом.

Существует два способа борьбы с такими недобросовестными истцами. Во-первых, возможна подача встречного иска о возмещении убытков, связанных с участием в рассмотрении необоснованного иска. Во-вторых, согласно ст. 99 ГПК РФ со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени.

Таким образом, если вред причинен жизни, либо здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, обязанностей военной службы, службы в милиции и т.п., он возмещается по правилам ГК РФ, если законом или договором не предусмотрена повышенная ответственность.

Законом или договором объем и размер возмещения вреда, причитающегося потерпевшему, могут быть увеличены. Гражданское законодательство РФ содержит нормы, касающиеся возмещения вреда причиненного здоровью (ст. 1085 ГК РФ), закрепляет порядок расчета заработка (дохода), потерянного из-за повреждения здоровья (ст. 1086 ГК РФ), определяет перечень лиц, имеющих право на возмещение вреда со смертью кормильца (ст. 1088 ГК РФ).

Возмещение морального вреда в современном праве – один из методов защиты прав граждан и поэтому к нему применимы общие правила возмещения вреда. Также, защищая свои нарушенные права всегда необходимо заявлять требования о компенсации не только прямого ущерба и упущенной выгоды, но и требование о компенсации морального вреда.

Положения Гражданского кодекса РФ определяют основания, сроки возмещения вреда вследствие обозначенной в разделе причины, а также основания освобождения от ответственности за такой вред. В целом,

законодательство, в данной части, за последние годы претерпело значительные преобразования, однако для формирования стабильной практики требуются еще определенные усовершенствования.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 № 117-ФЗ (ред. от 07.03.2018)// Собрание законодательства РФ. - 07.08.2000. - № 32. - Ст. 3340.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002г. № 138-ФЗ (в ред. от 03.07.2016)// Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

3. Братусь С. Н. Некоторые вопросы учения о субъектах права / С.Н. Братусь // СГиП. - 1949. - № 11. - С. 23-24.

4. Эрделевский А.М. Моральный вред: соотношение с другими видами вреда/ А.М. Эрделевский // Российская юстиция. - 2008. № 6. – С. 218-219.

5. Постановление Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного суда РФ. - 1994. - №12.

6. Постановление Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного суда РФ. - 1994. - №12.

УДК. 347

Родина А.С.

магистрант 1 курса

Институт экономики и права (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

г. Севастополь

АВТОРЫ КАК ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация: В статье ставится задача рассмотреть авторов как основных субъектов интеллектуальной собственности. В результате анализа автор выявляет признаки субъектов авторских прав, а также разграничивает такие понятия как «автор», «правообладатель» и «субъект авторского права».

Ключевые слова: автор; результат интеллектуальной деятельности; правообладатель; субъект авторского права.

Abstract: The article aims to consider the authors as the main subjects of intellectual property. As a result of the analysis, the author reveals the features of copyright subjects, as well as differentiates such concepts as «author», «copyright holder» and «copyright subject».

Keywords: author; intellectual property; copyright holder; copyright.

Авторское право, способствуя созданию условий для занятия творческим трудом и обеспечивая правовое признание и охрану достигнутых творческих результатов, закрепляя за авторами и соавторами права на пользование, распоряжение и получение доходов от созданных ими произведений, одновременно создает условия для использования результатов интеллектуальной деятельности в интересах общества.[5, с. 9]

В соответствии со ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее - ГК РФ) автором признается лицо, творческим трудом которого создано произведение, а также указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом. Установление лица,

выступающего автором произведения, происходит в соответствии с законодательством, актуальным на момент создания произведения[2]. Действующая редакция закрепляет презумпцию авторства лица, указанного на оригинале или экземпляре произведения.

Следует отметить, что автором может являться гражданин РФ, иностранец, апатрид. Кроме того, творцом также могут быть недееспособные граждане, малолетние, лица, не достигшие шести лет. Безусловно, что в силу объективных причин говорить о полном осознании такими лицами собственных действий не представляется возможным, что в некоторой степени может отразиться и на квалификации труда в качестве творческого. С одной стороны, в силу презумпции творческого характера деятельности, потребуется наличие каких бы то ни было доказательств, опровергающих творческий характер деятельности таких лиц. Полагаем, что на практике опровергнуть её вряд ли представляется возможным. С другой стороны, возможные проблемы, связанные с признанием таких лиц авторами, нивелируются посредством разграничения возможности иметь права автора и возможности эти права самостоятельно осуществлять. [4, с. 70] Последняя признаётся за лицами в возрасте от 14 лет (ст. 26 ГК РФ). До достижения указанного возраста к недееспособным лицам, а также лицам, ограниченным в дееспособности, применяется конструкция опосредованного осуществления прав автора - через родителей, усыновителей и опекунов [6, с. 13].

П.В. Степанов особо подчёркивает различие, заложенное ст. 1255 между автором и лицом, осуществляющим авторские права: право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права автора неотчуждаемы и непередаваемы (как это следует из ст. 1228 ГК РФ) – они могут возникнуть и существовать у любого лица, создавшего произведение; исключительные права первоначально возникают только у автора, однако впоследствии в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть переданы иным лицам [7, с. 77]. Таким

образом, возраст и вменяемость не являются теми критериями, которые подлежат оценке при установлении авторства. Другой вопрос, что их надлежит учитывать при установлении правомерного способа осуществления прав автора.

Не так давно в зарубежной практике рассматривался вопрос о том, может ли являться автором произведения, а конкретно, фотографического произведения, животное [3]. Так, фотограф направился в Индонезию, чтобы осуществить фотосъемку особей хохлатых павианов. Когда тот отвернулся, животное подобралось и нажало на кнопку, сделав несколько снимков. По возвращении из поездки фотограф передал права агентству, далее общественности, каким-то образом, стало известно кто именно сделал фото, после чего организация защиты прав животных (PETA) обратилась в суд с иском.

1) высказывалось мнение, что автором и правообладателем следует считать фотографа, который произвёл всю подготовительную к созданию фотографии работу, а значит, чисто техническое действие, коим является нажатие кнопки, не может существенным образом повлиять на признание авторства;

2) утверждалось, что поскольку по действующему законодательству животное не может рассматриваться в качестве субъекта авторского права, созданная им фотография должна находиться в общественном достоянии.

3) позиция, отстаиваемая PETA, заключалась в признании автором павиана, который, однако, не может предъявить иск ввиду «недоступности и недееспособности». В итоге, суд все же не признал упомянутое животное в качестве субъекта авторского права. На данный момент животные авторами произведений, как в российском, так и в зарубежных правовых порядках выступать не могут.

По общему правилу юридические лица авторами произведений быть не могут. Е.А. Павлова отмечает, что подход отечественного законодателя к

решению данного вопроса не является универсальным, и в ряде стран, например, в США, допускается авторство юридических лиц [6, с. 13].

Тем не менее, как указывает Э.П. Гаврилов, существует два исключения из данного правила и на территории РФ: 1) это те результаты интеллектуальной деятельности, которые были созданы за рубежом и охраняются на территории РФ на основе национального законодательства России или на основе международных договоров (ст. 7 ГК РФ); 2) это некоторые результаты интеллектуальной деятельности, созданные до 3 августа 1992 г.[4, с. 25].

Подводя итог вышесказанному, авторами произведения могут быть только лица (физические, а в строго ограниченном перечне случаев – и юридические), вне зависимости от объема дееспособности, гражданства (но с учётом места инкорпорации и деятельности, времени создания произведения для юридических лиц). Помимо авторов необходимо также выделять лиц, осуществляющих авторские права – объём и сущность прав, порядок их осуществления будет для них различным.

Таким образом, можно обнаружить противоречивость в приведённых выше мнениях учёных. Предлагается, разграничить такие понятия как «автор», «обладатель авторского права (правообладатель)» и «субъект авторского права».

Думается, что автор – это физическое лицо, которое в силу своих творческих способностей создало произведения науки, литературы или искусства. Автором может быть исключительно физическое лицо, то есть человек, который с помощью своих способностей и вдохновения создаст произведение. Юридическое лицо, полагаем, априори не может быть автором. Ведь у такого лица нет творческих способностей и определенных качеств, которым наделен человек, чтобы создать произведение. Однако, заметим, что юридическое лицо является субъектом авторского права и может быть правообладателем.

В свою очередь правообладателем (обладателем авторского права) являются как физические (авторы и их наследники), так и юридические лица, которым на законных основаниях принадлежит исключительное право на произведение.

Субъект авторского права – это авторы произведений науки, литературы или искусства, а также их правопреемники, работодатели и другие лица, приобретающие авторские права по закону или договору.

Так как понятие правообладатель часто используется в законодательстве, предлагается внести дополнение в главу 69 ГК РФ, а именно дополнить её статьёй 1228.1 *«Правообладатель результата интеллектуальной деятельности»* и изложить её в следующей редакции: *«Правообладателем результата интеллектуальной деятельности является лицо, которое на законном основании является обладателем исключительного права на результат интеллектуальной деятельности. Правообладателем может являться сам автор результата интеллектуальной деятельности, а также его наследники, другие правопреемники. Правообладателями результата интеллектуальной деятельности могут быть физические и юридические лица».*

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) // Собрание законодательства РФ. - 25.12.2006. - № 52 (1 ч.). - Ст. 5496.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» // Российская газета. - № 137. - 28.06.2006.

3. Будылин С. Дело о павиане-правообладателе, или О копирайте со звериной серьезностью // [Электронный ресурс] – Режим доступа – Закон.ру: https://zakon.ru/blog/2015/10/07/delo_o_pavianepravoobladatele(дата обращения 01.04.18 г.).

4. Гаврилов Э.П. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э.П. Гаврилов, В.И. Еременко. – М.: Проспект, 2009. – 770 с.

5. Доцик Н.Н. Авторское право в России: XVIII - начало XX вв.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Доцик. – М, 2008. – 14 с.

6. Крашенинников П.В. Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / П.В. Крашенинников. – М.: Окно, 2014. – 613 с.

7. Степанов П.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / П.В. Степанов. – М.: Инфра, 2009. – 678 с.

УДК 342.5

Клешнёв Г.А.

студент 2 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация: В статье поднимается проблема несовершенства существующей системы лоббистской деятельности в России и предлагаются варианты её усовершенствования.

Ключевые слова: лоббизм, коррупция, изменение общества, законодательное регулирование лоббизма.

Abstract: The article raises the problem of imperfection of the existing system of lobbying activities in Russia and suggests options for its improvement.

Keywords: lobbyism, corruption, change in society, legislative regulation of lobbyism.

Тема лоббизма в России неоднократно поднималась с самых первых попыток принятия закона о лоббизме в 1990-х годах. Лоббизм стал способом защиты определёнными слоями общества своих интересов путем воздействия на органы власти и органы местного самоуправления с целью принятия или непринятия ими определённых решений. К сожалению, наличие теневого, скрытого от общественности, а потому неконтролируемого лоббизма порождает разного типа злоупотребления и коррупцию в органах власти, приводит к нарушению принципов демократии в государстве [1]. Лоббизм в России в его настоящем виде является хорошо оплачиваемой пропагандой интересов большого бизнеса. В связи с этой неструктурированной, полуполюгальной, неподконтрольной ни одному общественному или государственному институту и во многом граничащей с коррупцией системой тема лоббизма так актуальна на сегодняшний день.

Что такое лоббизм? Существует множество определений от самых разных авторов. Американский политолог Э. Лэдд считал, что: «Лоббизм – это организация определённых групп людей для реализации своих интересов. Английский политолог С.Е. Файнер утверждал, что: «Лоббизм – это любая деятельность организаций, влияющая на органы государственной власти в целях содействия собственным интересам». Оригинальное толкование термина дается руководителем первой рабочей группы по разработке законопроекта «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах

государственной власти» Владимиром Лепехиным [2]. В книге «Лоббизм» он приводит такое определение термина: «Лоббизм – есть процесс приведения формальной власти в соответствие с властью фактической». В России существует два взгляда к толкованию термина «лоббизм». В широком смысле – это любая деятельность организованных групп давления направленная на отстаивание своих интересов. Его последователи допускаю лоббизм Президента, Правительства, депутатский лоббизм. Сторонники другого подхода считают недопустимым подобное толкование термина «лоббизм». По их мнению, расширение состава участников лоббистской деятельности лишает термин присущей ему специфики. Они выступают против зачисление в лоббисты «партийные фракции», «депутатские группы», государственных должностных лиц. Одни из сторонников данного подхода А. Автономов предлагает не путать понятия и четко определить термин лоббизм, как «действие представителей негосударственных организаций в ходе контактов с представителями государственных органов и органов местного самоуправления с целью добиться принятия (или непринятия) органами власти решений в соответствии с интересами специальных групп, выражаемыми указанными организациями» [3].

Во многих западных странах лоббизм регламентируется законами, по этому их опыт без сомнения необходим для анализа и применения в России с целью предотвращения его негативных последствий. Для начала разберем опыт лоббизма в США, который считается сторонниками законодательного регулирования лоббизма наилучшим примером для подражания. Для того чтобы американская модель лоббизма заработала в России необходимо либо полностью скопировать структуру американского государства, либо внести существенные изменения с судебную и избирательную системы, порядок работы всех государственных структур. Это связано с тем, что за понятием «регулирование лоббизма» стоит множество нормативных актов, принятых за

последние 70 лет, среди них Закон о регистрации лоббистов (1946 г.), об иностранном лоббизме (1937 г.), о федеральных избирательных кампаниях (1972 г.) [3].

С другой стороны - Великобритания, в которой нет четких законов регулирующих работу лоббистов. Однако, они имеют жесткий свод законов о противодействии коррупции, который эффективно и практически полностью устраняет все негативные эффекты лобби. В то же время характерным признаком регулирования лоббистской деятельности в Великобритании является – особый акцент законодателей на финансовых интересах самих членов парламента. Основным нормативно-правовым актом можно назвать Свод законов о государственной и гражданской службе, на базе которого каждый департамент принимает свой Кодекс управления, т.е. члены парламента и сами часто выступают лоббистами, хотя они должны заявлять, что финансово заинтересованы [4].

Данное сравнение было необходимо для того чтобы показать возможности регулирования лоббистской деятельности в России. Не достаточно издать один закон для решения всех вопросов связанных с лоббирование, термин «регулирование лоббистской» деятельности подразумевает комплексный подход к вопросам, связанным с этой деятельностью и её теневой стороной. Для успешного регулирования лоббистской деятельности необходимо разработать эффективную систему антикоррупционного законодательства.

Что касается законов о регулировании лоббистской деятельности в России, то попытки урегулировать практику лоббизма предпринимались неоднократно с 1990-х годов. Однако, П. Толстых считает, что с тех пор произошли изменения и государство заинтересованно в сообществе по связям с государственными органами [5], но закон пока не реализован из-за неудовлетворительной правовой базы, не адаптированности к рыночным

реалиям и отсутствию политической воли ведущих финансово-промышленных групп [6].

Кроме антикоррупционного законодательства и законов о регулировании лоббистской деятельности не обойтись и без качественных изменений в обществе. Так существует несколько проблем, из-за которых на данный момент лоббизм в России ассоциируется с коррупцией. Во-первых, наличие фактической монополии интереса у крупного бизнеса, который вкладывает значительные средства в лоббирование. Во-вторых, отсутствие у государственных чиновников ощущения, что источником их власти является народ. В-третьих, отсутствие в России открытости правящей элиты. В-четвертых, в более развитых странах интересы и проблемы отдельных групп как правило регулируются и решаются самими группами и сообществами. В-пятых, отсутствие в политической культуре равноправного положения власти и общества [7].

В заключение отметим, что без качественных изменений в обществе, без разработки эффективной системы антикоррупционного законодательства закон регулирующий лоббистскую деятельность если и будет принят, то встретит сопротивление, либо попросту не будет работать.

Литература:

1. Чебыкин И.В. Институционализация лоббистской деятельности (конституционно правовой аспект): дисс. канд. юрид. наук. – СПб., 2004 . С. 4.
2. Проект федерального закона «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» // Государство и право. 1998. № 1.
3. Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель П.А. Толстых) // Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти, Москва, 2009. – URL - http://www.lobbying.ru/dictionary_word.php?id=1

4. Государственная служба основных капиталистических стран / Завражнов И.И., Крылова Н.С., Крылова И.С., Ледях И.А., и др.; Отв. ред.: Туманов В.А. - М.: Наука, 1977. - 291 с.
5. Вавочкина И.Д. К истории регулирования лоббизма в США // Новая и новейшая история. - 2007. - №1 – С. 35–47
6. В РАНХиГС обсудили правовое регулирование лоббизма // Официальный сайт РАНХиГС. – URL: <http://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/2675-lobbizm>
7. Красинский В.В. Правовая оценка российского лоббизма // Юридический мир. М.: Юридический мир ВК, 2004. №8-9. С. 86-89.
8. Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. – М.: Мысль, 2000. – 254 с.

УДК 342.33

Бугара Е. И.

студентка 2 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В данной статье проанализирован принцип разделения властей. Автор приходит к выводу, что для конституционной организации современных правовых демократических государств принцип разделения властей является базисной фундаментальной общедемократической основой.

Ключевые слова: принцип разделения властей, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, правовое государство.

Abstract: In this article, the principle of separation of powers was analyzed. The author concludes that for the constitutional organization of modern legal democratic states, the principle of separation of powers is the basic fundamental general democratic basis.

Keywords: principle of separation of powers, legislative power, executive power, judicial power, rule of law.

Принцип разделения властей в истории юридической мысли появилась еще во времена древнегреческих мыслителей - Платона, Аристотеля, Полибия. Исходным же началом для зарождения и развития в привычном классическом варианте теории разделения властей являются работы Дж. Локка и Ш.Л. Монтескье.

Исторический опыт государственности показывает, что данная конструкция государственного управления является наилучшей из имеющихся. За всю многовековую историю Россия не использовала ее в полной мере, как в десятилетия советской власти, так и в историческом прошлом при монархах.

В настоящее время принцип разделения государственной власти нашел закрепление в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя, предусматривающей механизм взаимодействия органов разных ветвей власти. Уточнение данного механизма отражено в федеральных законах, которые меняются и совершенствуются.

В условиях федеративного устройства российского государства модель разделения властей имеет свои особенности, выражающиеся в действии системы «сдержек и противовесов», как в горизонтальном направлении, так и в вертикальном. В данном случае федеральные органы власти одной из ветвей

действуют как государственные органы власти двух других ветвей, так и органы государственной власти субъектов федеративного государства.

На сегодняшний день разделение властей является общепризнанным признаком правового демократического государства, основополагающим принципом организации и осуществления своих функций государственного аппарата.

Разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти представляет собой один из самых важных принципов функционирования правового демократического государства и организации государственной власти. Сущность принципа разделения властей заключается в том, что законодательную деятельность осуществляют законодательные (представительные) органы, исполнительно-распорядительную деятельность осуществляют органы исполнительной власти, судебную деятельность – суды. Наряду с этим все три ветви власти являются самостоятельными и относительно независимыми.

Политическим обоснованием принципа разделения государственной власти является сбалансированное распределение властных полномочий между разными органами государственной власти, чтобы исключить концентрацию всех властных полномочий или их наибольшей части в едином государственном органе власти либо у должностного лица, чем предотвратить своевластие и произвол[1].

Принцип разделения властей закреплён в ст. 10 Конституции Российской Федерации [2]. Его смысл заключается в предотвращении неограниченности, диктатуры одного лица или группы лиц, в построении системы «сдержек и противовесов» против возможного возвышения одной власти над другими и таким образом гарантируется соблюдение демократических начал в управлении обществом [3].

Общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации регламентированы главой IV.1. Закона № 184-ФЗ [4].

Россия является федеративным государством. В федеративном государстве принцип разделения властей затрагивает три аспекта: первый – распределение власти между органами законодательной, исполнительной и судебной власти; второй – разграничение властных полномочий и предметов ведения между органами уровня федерации и субъектов федерации; третий – разграничение компетенций между государственными органами власти и органами местного самоуправления.

Основным содержанием законодательной власти является законотворческая деятельность.

Федеральное Собрание – Парламент РФ, является высшим законодательным и представительным государственным органом власти, который состоит из двух палат – Государственной Думы и Совета Федерации. Государственная Дума является палатой общенародного представительства, а Совет Федерации реализует представительство субъектов Федерации.

Остальные законодательные органы, которые функционируют на территории Российской Федерации, являются региональными, осуществляющими свою деятельность в границах соответствующего субъекта Российской Федерации.

Содержание исполнительной власти представляет осуществление исполнительно-распорядительной деятельности по непосредственному управлению общественно значимыми делами и сторонами жизни страны.

Федеральные органы исполнительной власти представляют собой основанную на принципах субординации и ответственности систему ведомств (министерств, агентств, служб, комитетов и т.д.), подчиненных в своей

деятельности высшему коллегиальному органу исполнительной власти – Правительству РФ, возглавляемому председателем, при непосредственном надзоре и контроле со стороны Президента РФ [5].

Проявлением судебной власти является правосудие, которое осуществляется только судом. Согласно нормам Конституции РФ, судебная власть реализуется при помощи гражданского, конституционного, административного, а также уголовного судопроизводства. Система федеральных органов судебной власти включает Конституционный Суд, Верховный Суд, иные федеральные суды.

Конституция Российской Федерации не утверждает определенную систему органов государственной власти для субъектов Федерации. Субъекты Российской Федерации могут самостоятельно создавать свои органы государственной власти, избирают своих президентов или глав администрации, создают собственные правительства.

При этом субъекты обязаны действовать согласно принципам Конституции Российской Федерации и исходить из федеральной модели взаимоотношений органов законодательной и исполнительной власти.

Одним из проблемных вопросов разделения власти в Российской Федерации является место Президента РФ в данной системе. Президент РФ не входит прямо, непосредственно ни в одну из ветвей власти, а скорее условно становится над ними, координирует их. На практике Президент возглавляет всю систему исполнительной власти.

Литература:

1. Заикин А.В. Теория разделения властей и современность // Юридическая мысль. – 2014. – № 4. – С. 48-51.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г.

3. Комбарова Е.В. Принцип разделения властей в конституционном механизме власти России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 1. – С. 98-101.

4. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

5. Козлова, Е. И. Конституционное право России: учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. - М.: Проспект, 2015. - 592 с.

УДК 344.705.71: 005.44

Гайдар Т.А.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается сущность глобализационных процессов, их влияние на образование и реализацию права. Автором были выявлены закономерности развития правовой системы России, а также позитивные и негативные последствия глобализации для страны в целом.

Ключевые слова: глобализация, сфера права, глобализационные процессы, договорное право, международное право.

Abstract: The article considers the nature of globalization processes, their influence on the law formation and implementation. The author has identified the development patterns of the Russian legal system as well as the positive and negative globalization effects on the country in question.

Keywords: globalization, law, globalization processes, contract law, international law.

Глобализация – по своей сути многоплановое явление. Она сопутствует всем социальным явлениям, а потому может быть культурной, экономической, правовой и т.д.

В настоящее время в мире происходят стремительные изменения. По большей мере они связаны с деятельностью человека, которая вызывает значительные изменения социальных регуляторов, в первую очередь юридических.

На сегодняшний день перед правом как самой мощной регулятивной системой встает задача – управление глобализацией, гармонизация ее процессов. Право выступает в качестве инструмента глобализации и одновременно в качестве средства управления ее процессами.

Процессы глобализации по своей структуре противоречивы и сложны, поэтому в некоторых случаях достаточно трудно отделить тенденции в развитии правовой системы Российской Федерации, вызванные глобализацией, от процессов, которые представляют продукт внутреннего развития того или иного общества.

Тем не менее, воздействие процессов глобализации на нормативный компонент правовой системы проявилось в ряде направлений. В первую очередь процессы глобализации вызвали углубление взаимодействия внутригосударственного и международного права, обусловившие тенденции стандартизации и интернационализации в праве. Другой важной тенденцией

развития права, является углубление и расширение правового регулирования. Это привело, к появлению новых и изменению существующих нормативных образований в системах российского права и законодательства.

Однако, не всегда подобные изменения приводят к позитивному эффекту. Заимствование мировых достижений в правовой сфере, как, впрочем, и других, должно всегда происходить с учетом национальных особенностей.

Необходимость укрепления связей с международным сообществом, и стремление Российской Федерации стать ее полноправным членом путем построения социального правового государства определили и обратную тенденцию – активное вторжение публичного права в сферу частного права.

Это наблюдается, например, в изменении договорного права в сторону все большей регламентации всех аспектов договорных отношений, что ведет к отходу от классических принципов договорного права: ограничению свободы договоров, равенства сторон в договоре, к стандартизации их содержания.

В условиях глобализации право собственности утрачивает свой абсолютный характер. Исключительные полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом подвергаются существенным юридическим ограничениям: принудительные отчуждения некоторых видов собственности, установление обязательного порядка их эксплуатации. Российское законодательство отражает эту тенденцию, устанавливая в частности, возможность принудительного изъятия имущества для государственных нужд, регулирование использования некоторых объектов собственности.

Таким образом, в современных условиях все более расширяется сочетание публично-правовых и частноправовых методов регулирования в различных отраслях российского законодательства.

Можно долго рассуждать о том, позитивны или негативны последствия глобализации для Российской Федерации, но нельзя отрицать, что глобализация

неизбежна на данном этапе развития общества, и является закономерностью этого развития.

Глобализация становится закономерным этапом развития человеческой цивилизации и, несмотря на имеющее место возражения, представляет собой компонент общемировой действительности, являясь преобладающей цивилизационной тенденцией.

Ее процессы «не оставляют выбора практически ни одному государству, кроме посильного участия в решении глобальных проблем, в укреплении мирового порядка» [2, с. 281].

Исходя из этого, право – общечеловеческое явление, оно едино по своей сущности как мера свободы воли. Это один из важнейших факторов интеграционного процесса, который благодаря своим качествам способствует взаимопониманию и сотрудничеству людей, принадлежащих к различным религиозным, идеологическим, социально-политическим системам. Данные качества права позволяют взаимодействовать нормам международного и внутригосударственного права в формировании мирового правопорядка.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время весьма неблагоприятно как внутреннее положение Российской Федерации, так и международное. Для того чтобы страна устояла в условиях глобализации, необходима солидарность всех слоев населения, осознание неразрывной связи государства и народа с преодолением отрицательных процессов, неизбежно возникающих в условиях резкого изменения всех сфер жизни общества. Создание и функционирование эффективной правовой системы Российской Федерации в условиях глобализации является одним из важнейших факторов, способных оказать воздействие на нормализацию жизнедеятельности людей всей страны в целом.

Литература:

1. Пожарский, Д. В. Охранительная функция российского государства в условиях глобализации[Текст] /Д.В. Пожарский // Государство и право. - 2011. – № 11. – с. 42-48.

2. Чистяков, Н. М. Теория государства и права: учеб. пособие[Текст] / Н.М. Чистяков. – М.: КноРус, 2010. – 288 с.

УДК 340.14:343.288

Киреева К. А.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПА
ГУМАНИЗМА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: в научной статье раскрываются итоги влияния глобализации на гуманность наказаний, объясняется сущностный аспект принципа гуманизма и глобализации в целом.

Ключевые слова: глобализация, принцип гуманизма, критерии гуманизма, наказание, преступление, равенство.

Abstract: In the present article are discovered the results of globalization influence on the punishments humanity, it is explained the essential aspect of the principle of humanity and globalization in general.

Keywords: globalization, principle of humanism, criterion of humanism, punishment, crime, equality.

В современном мире глобализация играет существенную роль. Она затрагивает все сферы общественной жизни: политическую, экономическую,

культурную и, конечно, правовую. Глобализация – это объективный процесс, который носит системный характер. Немецкий социолог и политический философ Ульрих Бек в своей книге [2, с. 12] отмечает: «Глобализация является наименее вероятным и проясненным, самым запутанным и непонятым политически эффективным словом последних лет и останется таковым в ближайшее время». Она влечет за собой существенную трансформацию правотворческой деятельности в законодательстве. Правовое осмысление данного термина приводит нас к такому понятию, как «глобализация в праве» [2, с. 17]. Глобализация в праве – придание новых очертаний праву, универсализация. К числу современного глобализма относится ее влияние на реализацию принципа гуманизма при назначении наказания [6, с. 47]. В статье мы раскроем как именно глобализация влияет на гуманизацию наказаний в РФ.

Принцип гуманности предусматривает создание оптимальных условий для интеллектуального и социального развития социума, выявление глубокого уважения к человеку, признание естественного права каждой личности на свободу, социальную защиту, развитие способностей и проявление индивидуальных качеств. Данный принцип закреплен в ст. 7 УК РФ [1, с. 8]: «1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека; 2. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.» Гуманизм выражает уважение достоинства и прав человека, уважение его интересов и всестороннего развития. В условиях современной глобализации уголовное законодательство Российской Федерации начинает ориентироваться на обеспечение интересов не только преступника, но и потерпевшего. В данном направлении принцип гуманизма развивается с помощью охранительных норм уголовного закона.

Обращаясь к истории, можно выявить однозначные расхождения в наказаниях за совершение преступлений в XVII- XIX вв. и современности. Например, согласно Соборному Уложению 1649 года, лица, совершившие кражу, подвергались наказанию в виде членовредительства: отрезание ушей, кистей рук и т.д. или же ссылки. Сейчас, благодаря глобальному прогрессу законодательства и, в частности, глобализации, за тайное хищение имущества лицо наказывается штрафом в определенном размере или же лишением свободы сроком не более двух лет. За умышленное убийство по Уложению 1649 года назначалось наказание в виде казни или же отсечения руки, а в Российской Федерации – лишение свободы.

Если обратить внимание на Свод законов Российской империи 1832 года, то и здесь можно найти различия в применении наказаний. Уголовные преступления, в большей степени, карались смертной казнью, поселением в Сибирь или же полным лишением правосостояния.

Что касается влияния глобализации на гуманизм наказаний в уголовном праве РФ, следует отметить отмену Борисом Ельциным 16 мая 1996 года смертной казни. В современной России смертная казнь как вид уголовного наказания находит свое отражение в ст. 59 УК РФ, но на нее наложен мораторий уже как 22 года. Если сравнивать наше время со средневековьем, то мы достигли значительного прогресса в данном аспекте. Ранее смертная казнь была основным видом наказаний в уголовном и гражданском праве, она применялась как к мужчинам, так и женщинам без разделения правовых особенностей полов. В наше время в порядке помилования она может быть заменена пожизненным лишением свободы или же лишением свободы на срок двадцать пять лет, а также данное наказание не назначается женщинам, лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет и мужчинам, которые к моменту приговора достигли шестидесятилетнего возраста.

В действующем Уголовном Кодексе РФ прослеживается четкая грань влияния процесса глобализации на гуманизацию наказаний. Примером является ст. 116 УК РФ побои, которая была декриминализована. Данные поправки вывели побои из состава уголовных преступлений и закрепили административную ответственность за их нанесение или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. Санкцией за такой вид правонарушения выступает административный штраф в размере от 5 до 120 тысяч рублей либо арест на срок от 10 до 15 суток, или же исправительные работы. К статьям, попавшим под декриминализацию, относятся ст. 157 УК РФ (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) и статья 158 УК РФ (Кража). В следствии декриминализации статьи 157 УК РФ и перенесения проступка в виде неуплаты алиментов в разряд административных нарушений, стало очевидно, что вопрос взыскания присужденных алиментов будет стоять острее, чем прежде. Теперь наиболее важно будет суметь договориться спорящим между собой родителям малолетнего (несовершеннолетнего) ребенка относительно его содержания. Оба родителя, независимо от того, в каких отношениях они остались друг с другом после развода, должны понимать, что их общий ребенок не должен испытывать каких - либо негативных последствий. Поэтому после состоявшегося развода или в процессе него, родители могут составить между собой письменное соглашение, определяющее способ и порядок предоставления родителями содержания своему ребенку. Таким образом, проведенная декриминализация ст. 157 УК РФ не ставит крест на содержании малолетних (несовершеннолетних) детей.

Процесс декриминализации, по словам российских законодателей, отвечает принципам установленного гуманизма, он направлен на сокращение судимости за незначительные проступки, а также способствует разрешению возникающих между людьми споров путем гражданского судопроизводства.

На основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, благодаря глобализации, наказания в Российской Федерации приобрели гуманность и равную долю справедливости. Данный процесс привел к значительному прогрессу в уголовном праве, а человечество перешагнуло черту первобытности. При назначении наказания начали обращать внимание на моральную сторону совершенного преступления. Однако, несмотря на влияние этого процесса, существуют государства, где сохраняются элементы старых мер принуждения, а также такой вид наказания, как смертная казнь: Индия, Индонезия и многие другие. Глобализация дала значительный толчок в эволюции современного права. Благодаря процессам глобализации правовая система Российской Федерации видоизменяется, приобретает черты гуманизма и демократии, а права и свободы личности получают верховенство.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации - 17 июня 1996 г. - № 25 - Ст. 2954.
2. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М.: Прогресс Традиция, 2001.
3. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право XXI век / И. И. Лукашук. – М., 2000.
4. Соборное уложение 1649 г. М., 1964.
5. Основные законы и учреждения государственные // Свод законов Российской империи: в 15 т. Изд. 1832 г. —СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1832. —Т. 1.— 1061 с. 11.
6. Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски / ред.: Т. Т. Тимофеев, К. Денчев, Ю. С. Оганисян, М. Эмар. – М., 2002.
7. Лейст О. Э. Сущность права. – М.: Дело, 2011.

УДК. 34.096

Зитулаева Д.А.

студентка 2 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАБЛЮДАТЕЛЕЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация: В данной статье проведен анализ влияния глобализации на формирование институтов национального права. Определены характерные черты наблюдателя как субъекта избирательного процесса, установлена правовая база статуса общественного наблюдателя в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов РФ на примере Республики Крым.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, общественный контроль, общественный наблюдатель, избирательное право, избирательный процесс.

Abstract: This article analyzes the influence of globalization on the formation of the institutions of national law. The characteristic features of the observer as the subject of the electoral process are determined, the legal base of the status of the public observer in the federal legislation and the legislation of the constituent entities of the Russian Federation is established on the example of the Republic of Crimea.

Key words: globalization, integration, public control, public observer, suffrage, electoral process.

Российская Федерация, следуя положениям Конституции 1993г. [1, с.3], определяется как демократическое правовое государство, что предопределяет широкое участие населения в формировании институтов гражданского общества, а также соблюдение прав и свобод человека и гражданина, которые, в соответствии со статьей 2 Основного закона, признаются высшей ценностью. Несмотря на формальное закрепление избирательных прав граждан, как на уровне федерального законодательства, так и на уровне законодательства субъектов РФ, одной из наиболее уязвимых категорий прав человека и гражданина, подвергающихся всевозможным нарушениям при их реализации на практике, являются избирательные права и свободы граждан, позволяющие осуществлять народовластие на всей территории РФ.

Изменение воли народа, выраженной при принятии решений на референдуме и свободных выборах – формах высшего непосредственного выражения власти народа, не только нарушает его права как источника власти, но и подрывает основы легитимности сформированных органов государственной власти и местного самоуправления. В связи с этим в целях обеспечения свободы выбора и открытости избирательного процесса в РФ формируется институт общественного контроля, который призван выявлять нарушения активного избирательного права граждан и обеспечивать законность формирования представительных органов публичной власти.

Институт общественного контроля РФ формируется в условиях глобализации и влияния международного права на национальную правовую систему. В первую очередь, это связано с постепенной многоуровневой интеграцией правовых ценностей, на основе которой, как отмечает И. В. Ткачев [2, с.9-10], формируется система законодательства, единое правовое пространство, общий мировой правопорядок, создается система всеобщего управления политическими, экономическими, культурными, социальными, иными общественными отношениями на основе юридических норм, правовых

механизмов и технологий. Анализируя нормативную базу РФ, можно заметить, что в результате универсализации правового регулирования в национальной правовой системе появляются новые отрасли права, новые правовые институты, которые способствуют укреплению мирового правопорядка, в рамках которого права и свободы человека становятся наивысшей ценностью. При этом, говоря о тенденциях развития внутригосударственного публичного права с учетом интернационализации правовых норм, не стоит забывать о сохранении государственного суверенитета, о защите и охране национальных интересов как основ государственности.

Говоря об избирательном процессе в рамках международного сообщества, следует отметить, что принцип открытых и гласных выборов является одним из международных избирательных стандартов, закрепленным в международных актах и признанным ведущими международными межправительственными организациями, в сферу деятельности которых входят вопросы прав человека и демократических выборов.

Статья 21 Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина 1948 г. [3, с.11] утверждает, что воля народа должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования

Статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [3, с.14] гласит, что каждый гражданин должен иметь без ограничений право и возможность, голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей.

Государства – участники Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1990г. [4], определили, что присутствие наблюдателей, как иностранных, так и

национальных, может повысить авторитетность избирательного процесса для государств, в которых проводятся выборы. Поэтому они приглашают наблюдателей от любых других государств – участников Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и любых соответствующих частных учреждений и организаций, которые пожелают этого, наблюдать за ходом их национальных выборов в объеме, допускаемом законом.

Частью 5 статьи 7 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках предусмотрено, что соблюдение принципа открытости и гласности выборов должно обеспечивать создание условий для осуществления общественного и международного наблюдения за выборами. Особое внимания Конвенция уделяет правовому статусу и полномочиям национальных наблюдателей: в ч.1 ст. 14 указано, что каждый кандидат, каждая политическая партия (коалиция), иное общественное объединение (общественная организация), группа избирателей, другие субъекты выборов, указанные в конституции, законах, вправе в порядке, установленном законами или нормативными актами, принимаемыми органами, организующими выборы, назначить национальных наблюдателей.

Правовую базу деятельности по общественному контролю в России составляет, в первую очередь, Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который определяет цели и задачи общественного контроля. В статье 5 законодатель закрепляет в качестве целей общественного контроля: 1) обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных НКО; 2) обеспечение учета общественного мнения граждан, общественных объединений и иных НКО при принятии решений органами государственной власти, органами МСУ, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 3) общественная

оценка деятельности органов государственной власти, органов МСУ, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений. В качестве задач законодатель выделяет следующие направления деятельности субъектов общественного контроля: 1) формирование и развитие гражданского правосознания; 2) повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества; 3) содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов; 4) реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений; 5) обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 7) повышение эффективности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций.

Анализируя указанные положения, можно определить, что основным направлением деятельности субъектов общественного контроля является обеспечение соблюдения прав и свобод человека, формирование органов публичной власти и органов местного самоуправления с учетом мнения населения, борьба с нарушением приоритетных прав и законных интересов граждан.

Деятельность наблюдателя как субъекта общественного контроля регламентируется в Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации» [5], Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской

Федерации» [6]. Трактуя нормы указанных нормативно – правовых актов, можно определить, что наблюдателем выступает гражданин Российской Федерации, обладающий активным избирательным правом и уполномоченный осуществлять наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов, референдума, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов или референдума. Наблюдатели могут быть назначены инициативной группой по проведению референдума, политическими партиями, иными общероссийскими общественными объединениями, инициативными агитационными группами.

Правовой статус наблюдателя тщательно регламентирован законодателем путем наделения его правами и обязанностями в части осуществления им оценки избирательного процесса на предмет его соответствия законодательству Российской Федерации и международным избирательным стандартам. Немаловажное значение имеет наделение наблюдателя правом обжалования решения и действия участковой или иной комиссии референдума, в которую он направлен, в непосредственно вышестоящую комиссию референдума или в суд.

До 2017 г. в РФ существовала проблема с назначением общественных наблюдателей на избирательные участки, что было вызвано отсутствием федеральных законодательных гарантий права общественных объединений на направление наблюдателей на выборах непосредственно на избирательные участки с предоставлением им соответствующего правового статуса. При этом федеральные выборы демонстрировали необходимость общественного наблюдения за выборами, не преследующего политических целей. В связи с этим, а также в целях обеспечения гласности избирательного процесса Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» [7] было установлено, что наблюдателей вправе

назначить субъекты общественного контроля, которыми являются Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. При этом, сам механизм назначения наблюдателей на избирательные участки и мероприятия по осуществлению ими общественного контроля в день голосования возложены на законодательные органы субъектов в части, не противоречащей федеральному законодательству. Так, в Законе Республики Крым «О порядке организации и осуществления общественного контроля на территории Республики Крым» определяются права и обязанности субъектов общественного контроля, порядок участия граждан, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений. Для осуществления общественного контроля могут создаваться: общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля, иные организационные структуры общественного контроля. Основными формами участия граждан являются участие в роли общественного эксперта или общественного инспектора. Однако, несмотря на закрепление формулы «участия граждан лично» как в федеральном законодательстве, так и в законодательстве Республики Крым, в указанном перечне форм осуществления общественного контроля отсутствует понятие «гражданина» как индивида. Однако наблюдатель осуществляет возложенные на него полномочия лично, без привлечения лиц, назначивших его в избирательную комиссию. Таким образом, целесообразно внести поправки в Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», обозначив, что «граждане вправе участвовать в осуществлении общественного контроля в качестве общественных инспекторов, общественных экспертов, а также в иных

формах, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами». На наш взгляд такая поправка необходима, поскольку законодатель опосредует участие граждан в общественном контроле только двумя формами контрольной деятельности, в то время, как существующие общественные отношения требуют расширения границ такого правового регулирования и определения статуса общественного наблюдателя, в первую очередь, как индивида, целью деятельности которого является надзор за осуществлением соблюдения прав и свобод человека и гражданина при проведении выборов.

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Маркетинг, 2001. – 39 с.
2. Ткачев И. В. Глобализация в сфере частного права. Дис. канд. Юр. Наук. Ростов н/Д, 2011. С. 144
3. Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина от 9 декабря 1948 г. // Права человека. Сб. международных договоров. Нью-Йорк, 1998.
4. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) от 29 июня 1990 г. [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. N 5-ФКЗ "О референдуме Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. - 5 июля 2004г. - №27. - Ст. 2710
6. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. - 17 июня 2002г. - №24. - Ст. 2253.

7. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171; с послед. изм. и доп. СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2391

УДК. 321.011

Мещеряков Д.В.

студент 2 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Актуальность исследования социальной политики РФ в условиях продолжающейся глобализации определяется значимостью социального обеспечения для продуктивной деятельности государства, так и необходимостью осмыслить те изменения, которые произошли в социальной политике благодаря глобализации.

Ключевые слова: Глобализация, процессы глобализации, социальная политика, социальное обеспечение, социальное государство, здравоохранение, экологическая безопасность.

Abstract: The urgency of the study of Russia's social policy in the context of the ongoing globalization is determined by the importance of social security for the productive activity of the state, and by the need to comprehend the changes that have occurred in social policy through globalization.

Key words: Globalization, globalization processes, social policy, social security, social state, health, environmental safety.

Происходящие сейчас в мире процессы глобализации крайне противоречивы и неоднозначны, у таких процессов есть ряд последователей и противников. Глобализация приносит существенные преобразования в различные сферы жизнедеятельности человека, общества и государства.

Процессы глобализации принимают всеобъемлющий и необратимый характер. Это происходит вследствие выдвижения на первый план тех проблем, которые имеют значимость для всех народов мира и большинства государств. Социальная политика является важнейшим направлением деятельности внутренней и внешней политики государства и одновременно, прямо или косвенно зависит от процессов глобализации.

Право на социальное обеспечение со стороны государства закреплено в Конституции Российской Федерации в ст.7 ч.1 «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»[1]. Главной задачей социального государства является развитие социально-демографических показателей, улучшение качества жизни, повышение уровня оказания медицинских услуг и др.

Велико влияние процессов глобализации на мировую и национальную систему здравоохранения. Межнациональные достижения в фармакологии показывают эффективность использования международного сотрудничества. Сейчас более 2/3 используемых в России лекарств изготовлены с использованием методов и средств, которые стали возможны только благодаря глобализации. До этого лишь 5% медицинских препаратов производилось международными компаниями. «Значительные успехи достигнуты в производстве внутренних органов, развиваются методы помощи престарелым людям, создается необходимое оборудование для поддержки их жизнедеятельности» [2]. Например, в рамках всемирной программы профилактики ВИЧ и СПИДа, происходит более полное просвещение населения

именно благодаря организации всемирного дня борьбы со СПИДом. Ведущим российским специалистам предоставлена возможность обмена опытом с зарубежными коллегами. На данный момент мы можем наблюдать некоторые положительные моменты в изменении национального здравоохранения благодаря процессам глобализации.

На положение социальной сферы прямо и косвенно влияет уровень экологической безопасности. Данная сфера является объектом активного международного регулирования. Вопросы соблюдения государствами основных принципов экологического права закреплены в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. «Декларация развивает положения, содержащиеся в декларации по проблемам окружающей среды, принятой в Стокгольме 16 июня 1972 года и содержит в себе 27 принципов экологически корректного поведения мирового сообщества» [3, с.47]. В соответствии со статьей 42 Конституции Российской Федерации «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [1]. Понятие качества жизни напрямую связывают с решением экологических проблем и снижением рисков для здоровья граждан. Некомпетентность государства в экологических вопросах может привести к экономическому упадку страны, увеличению смертности, уменьшению количества безопасных продуктов. Сейчас урегулирование вопросов экологии не просто вектор развития мирового сообщества, а скорее условие выживания всего человечества. Экоциальная безопасность все больше рассматривается как фундаментальная ценность в системе мировоззрения современного общества и основополагающая потребность для индивида.

Российская социальная политика в области экологии имеет свою специфику: влияние достижений глобализации в сфере экологии не учитывается

Российской Федерацией в полной мере. Большинство населения не осознает масштаб влияния экологии на социальное обеспечение общества. Также не происходит активизация мощных политических сил (зеленых партий в представительном органе РФ), которые имеют своей основной целью решение экологических проблем. В основном правительством решаются острые локальные экологические проблемы, недавний пример, проблема свалки «Ядрово», хотя по всей стране нависает такая же угроза со стороны тысяч свалок, до которых пока что никому нет дела. Исходя из всего вышесказанного, можем отметить, что происходящие в мире процессы глобализации сильно положительного эффекта воздействия на социальную политику Российской Федерации не имеют.

Пенсионные и иные социальные выплаты наиболее полно характеризуют отношение государства к социальной политике и определяют уровень жизни наиболее незащищенных слоев населения. В соответствии со статьей 39 ч.1 Конституции Российской Федерации «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом». Опыт стран западных стран, которые более подвержены процессам глобализации дает весьма важные направления формирования социальной политики в России. Традиционное количество пенсионных выплат относительно всего бюджета составляет 7-9%, данный показатель отстает от наиболее развитых стран Европы. «Увеличение процентного составляющего нельзя механически трансформировать на российскую почву» [4, с.23], так как данный показатель имеет множество региональных и национальных аспектов.

Следует отметить, что потребности государств и их граждан с каждым годом изменяются. Благодаря успехам глобализации, люди начинают претендовать на более высокий уровень социального обеспечения со стороны государства. Глобализация дает осознать высокую ценность экологии,

соблюдение требований которой является условием выживания всего человечества. Социальная политика Российской Федерации требует серьезной модернизации. Остается чрезмерной социальная дифференциация доходов, а уровень социальных расходов в относительном выражении (доля в ВВП) ниже, чем в развитых странах. Одна из основных проблем состоит и в том, что в Российской Федерации не сформирована равновесная и эффективная система распределения доходов между социальными группами, между отраслями экономики.

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Маркетинг, 2001. – 39 с.
2. Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2025г.). – М., 2001. – 210с.
3. Выстробец Е.А. Атлас международного природоохранного сотрудничества. На русском и английском языках. - Москва, Гаага 2001, 52 С:
4. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке // Бизнес Атлас. М., 2012

УДК 342.534

Щуковский А.В.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВОТУМ НЕДОВЕРИЯ КАК ФОРМА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной работе речь идет о вотуме недоверия как форме парламентского контроля за деятельностью правительства в Российской Федерации, а так же пути усовершенствования.

Ключевые слова: вотум, парламентский контроль, правительство, недоверие.

Annotation. In this work we are talking about a vote of no confidence as a form of parliamentary control over the activities of the government in the Russian Federation, as well as ways to improve.

Keywords: vote, parliamentary control, government, distrust.

Институт парламентского контроля не обозначен в Конституции РФ как самостоятельное специальное направление деятельности представительного органа. Речь идет лишь об отдельных аспектах: отчеты Правительства РФ, информация об исполнении бюджета, выражение недоверия Правительству РФ [1, с.282]. Совершенствование конституционно-правового закрепления контрольных полномочий парламента приобретает особую актуальность. Под парламентским контролем понимается – механизм в системе сдержек и противовесов, заключающийся в конституционной возможности законодательного органа осуществлять проверку и корректировку деятельности исполнительной власти, иных государственных органов и должностных лиц в пределах предоставленных парламенту полномочий [2, с.91].

Создатели Конституции РФ 1993 г., как отмечает С.А. Авакьян, «все сделали для того, чтобы в ней не была видна функция парламентского контроля...» [3, с.22]. В соответствии с частью 3 и 4 статьи 117 Конституции РФ [4], Государственная Дума решает вопрос о доверии Правительству РФ: она вправе выразить недоверие Правительству по собственной инициативе, а также в случае, когда вопрос о доверии Правительству ставит его Председатель. Это разные конституционные процедуры, имеющие свои особенности. Статья 149

Постановления ГД ФС РФ[5], определяя порядок рассмотрения данных вопросов, предусматривает, что предложение о недоверии Правительству, исходящее от депутатов, должно быть мотивированным. Его может вносить только группа численностью не менее одной пятой от общего числа депутатов палаты. Государственная Дума принимает постановление о недоверии Правительству большинством голосов от общего числа депутатов открытым или тайным (по решению палаты) голосованием. В случае если Президент не согласится с решением Государственной Думы о недоверии Правительству и палата в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству, Президент объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу.

Мотивированным должно быть и представление Председателя Правительства, в котором он ставит вопрос перед палатой парламента о доверии Правительству. При этом Совет Государственной Думы вправе определить срок, необходимый для проведения правовой экспертизы и изучения фактических обстоятельств, послуживших основанием для постановки вопроса о доверии Правительству. Статья 153 Постановления ГД ФС РФ[5] также предусматривает, что если Председатель Правительства поставит перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству в период внесения либо рассмотрения депутатами инициированного ими предложения о выражении недоверия Правительству, то первым рассматривается предложение депутатов о выражении недоверия Правительству. Если в этом случае Государственная Дума выразит недоверие Правительству, а Президент не согласится с ее решением, то представление Председателя Правительства рассматривается палатой по истечении трех месяцев со дня его внесения. Часть 3 статьи 109 Конституции РФ [4] предусматривает некоторые гарантии от произвольного роспуска Государственной Думы, закрепляя, в частности, что

она не может быть распущена по указанным выше основаниям в течение года после ее избрания.

Несмотря на вероятность роспуска, Государственная Дума несколько раз рассматривала вопрос о недоверии Правительству РФ. Так, 27 октября 1994 г. не набралось достаточного для объявления недоверия голосов, а 21 июня 1995 г. большинство депутатов высказались за недоверие Правительству РФ, однако Президент РФ заявил о своем доверии Правительству и его поддержке.

В то же время, существует мнение, что механизм ответственности Правительства Российской Федерации характеризуется как слабый, поскольку окончательное решение об отставке Правительства принимает Президент Российской Федерации. С учетом этого авторами делается вывод о том, что конституционная процедура выражения недоверия Правительству, с одной стороны, ограничивает парламентский контроль в РФ, с другой стороны, недостаточно обеспечивает систему сдержек и противовесов между Государственной Думой и Правительством РФ [6, с.27]. Нельзя не согласиться с этой точкой зрения. Однако, рассматривая вопросы развития парламентского контроля в России, исследователи подходят к данной проблеме односторонне. В частности, немедленный отказ от существующей модели, базирующейся сегодня на признании доминантной роли Президента в государственном механизме, означает, по сути, принятие новой Конституции, ибо только в ее рамках можно по-новому решить многие вопросы организации публичной власти в Российской Федерации. Поэтому, как справедливо отмечает В.И. Фадеев, наиболее оптимальным путем совершенствования процедуры вотума недоверия является путь постепенный, не изменяющий конституционный баланс ветвей власти сразу и резко [7, с.118].

В связи с этим российские исследователи видят следующие пути усовершенствования процедуры выражения вотума недоверия правительству. Во-первых, повторное в течение трех месяцев выражения парламентом

недоверия правительству является основанием для подачи правительства в отставку, которая принимается или отклоняется Президентом с указанием мотивов принятия им своего решения. Во-вторых, в случае отклонения Президентом отставки правительства, парламент может выразить недоверие правительству по истечении года после принятия решения Президентом об отклонении его отставки. В-третьих, парламент же, в случае отправления в отставку правительства, которое не пользуется его доверием, должен определить кандидатуру нового Премьер-министра. Подобные поправки позволят решить несколько важных проблем, связанных с роспуском парламента, избранием нового премьер-министра и т.д. [6, с.26; 8, с.30]. Процедура выражения недоверия правительству не должна ни чрезмерно ограничивать полномочия главы государства, ни предоставлять ему чрезмерно широкую свободу действий. В первом случае результатом могут стать длительные правительственные кризисы, во втором – президентский авторитаризм. Существующая модель выражения недоверия правительству в Российской Федерации не обеспечивает на достаточном уровне баланс исполнительной и законодательной власти в системе сдержек и противовесов.

Литература:

1. Институты Конституционного права / отв. ред. д.ю.н., проф. Л.В. Андриченко, д.ю.н., проф. А.Е. Постников. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. – 496с. – С. 282-285.
2. Демидов М.В. Парламентский контроль в Российской Федерации: современное состояние и проблемы реализации // Государство и право. - 2009. - № 4. - С. 86-91.
3. Авакьян С.А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы // Вест. Москов. ун-та. Серия 11. Право. - 2011. - № 1. - С. 22-25.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
5. Постановление от 22 января 1998 г. N 2134-П ГД «О Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».
6. Козлов, А.И. Институт парламентского контроля в Российской Федерации и государствах Центральной и Восточной Европы: сравнительно правовой анализ // Современное право: научно-практический журнал. - 2011. - № 4. - С. 26-29.
7. Фадеев, В.И. Парламентский контроль в системе разделения властей в Российской Федерации // Конституционное развитие России и Украины: сб. науч. тр. / Национальный университет "Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого", Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина. - Х.: Право, 2011. - Вып. 1. - С. 108-134.
8. Чопяк, А.П. Парламентский контроль исполнительной власти в России: состояние и пути совершенствования // Современное право: научно-практический журнал. - 2012. - № 11. - С. 29-31.

УДК. 34.096

Булгакова Я.А., Козловцева О.А.

студенты 2 курса очной формы обучения

*Крымский юридический институт (филиал) Академии Генеральной
Прокуратуры Российской Федерации*

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТЕНДЕНЦИИ
РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ**

Аннотация. На современном этапе процесс глобализации оказывает значительное влияние на развитие различных процессов, в том числе прав человека. Появляется вопрос о характеристике глобализации как правового явления в развитии прав человека, особенно права на образование.

Ключевые слова: глобализация, права человека, обеспечение прав человека, право на образование.

Annotation. At the present stage of the process of globalization has a significant influence on the development of various processes, including human rights. There is a question about the characteristics of globalization as a legal phenomenon in the development of human rights, especially rights to education.

Keywords: globalization, human rights, human rights ensuring, right for education.

В современном мире под влиянием глобализации происходят социальные, экономические, культурные и политические изменения, затрагивающие все сферы деятельности общества. Данное явление характеризуется тем, что испытывает определенное влияние субъективных факторов, его развитие не зависит от воли отдельных людей, социальных групп, государств. Глобализация - результат объективного, закономерного развития общества.

Процесс глобализации является предметом пристального внимания многих ученых, в число которых входят Р. Робертсон, Ж. Аттали, Н. И. Иванов, Дж. Ю. Стиглица. Однако единого понятия в научной литературе не выработано до сих пор. Так, Р. Робертсон, определяет глобализацию как процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена[2]. Иванов Н. И., в свою очередь, утверждает, что глобализация - это исторический процесс превращения мира в единую систему, обладающую едиными

характеристиками[1].

Популярность изучения глобализации обусловлена ростом понимания о действительности влияния данного явления на социум. Положительная сторона проявляется в расширении прав человека и гражданина на территории Российской Федерации в целом, а также в сфере образования детей-инвалидов. В современной России отношение к инвалидности под воздействием процесса глобализации постоянно улучшается, по сравнению со временами СССР, когда дети с ограниченными возможностями были изолированы от общества, находясь в специализированных учреждениях. Советская власть придерживалась позиции - «В стране инвалидов нет»[3, с.53].

На 2017 год в России проживало более 12 млн. людей с ограниченными возможностями, из которых 600 тысяч составляли дети [6, с.248], зачастую лишенные приобретения социальных навыков из-за отсутствия нужных условий для адаптации в обществе. Однако, действующий Федеральный Закон «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 года, закрепил положение о внедрении инклюзивного образования в образовательный процесс. Инклюзивное образование предоставляет возможность детям-инвалидам обучаться в образовательном учреждении совместно с детьми, у которых наблюдается «нормальное» развитие [4, с.12]. Данный образовательный процесс исключает любую дискриминацию детей с ограниченными возможностями, и, как следствие, позволяет успешнее адаптироваться к реалиям. Инклюзивное образование воплощает в жизнь принцип доступности и качества образования для детей с инвалидностью.

Несмотря на положительные стороны глобализации, во многих странах, в том числе и в Российской Федерации, существует проблема построения системы, которая бы удовлетворяла потребности всех обучающихся. В 2017 году прокуратурой было выявлено 3,2 миллиона нарушений прав и свобод граждан, из них около 5 процентов составляет несоблюдение прав детей-

инвалидов в образовательной сфере[5].Анализируя акты прокурорского реагирования, в ходе реализации образовательных прав детей-инвалидов возникают следующие проблемы:

1. обеспечения инфраструктуры доступа детей-инвалидов к образовательным учреждениям (установление в здании специальной общеобразовательной школы-интерната пандуса и поручней у лестниц согласно СНиП 35-01-2001);

2. нежелание администрации данного образовательного учреждения видеть детей с ограниченными возможностями в их учебном учреждении;

3. подготовка учителей, работающих в средних школах, не позволяет им работать с детьми с ограниченными возможностями из-за отсутствия специальных профессиональных навыков;

4. отсутствие адаптированной образовательной программы для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, рассмотрение примеров актов прокурорского реагирования по вопросам защиты прав детей-инвалидов в сфере образования свидетельствует о необходимости совершенствования нормативного правового регулирования в данной сфере. По нашему мнению, следует разработать единую концепцию инклюзивного образования, которая регулировала бы общественные отношения в данной сфере и позволила бы детям с ограниченными возможностями в полной мере пользоваться своими конституционными правами. Целесообразным является проведение дополнительного обучения, повышения квалификации, а также стажировки учителей по обретению компетенции в работе с детьми-инвалидами.

Литература:

1. Усов А. А. Плюсы и минусы глобализации // Научные записки молодых исследователей. - 2017. - №1. //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plyusy-i->

minusy-globalizatsii2

2. Аналитический центр НА-МАКОН: портал [Электронный ресурс] - URL: <http://www.namakon.ru/articles.php?id=175&p=1>
3. Фефёлов В. «ВСССР инвалидов нет!». - London: Overseas Publications Interchange Ltd., 2016. - С. 53.
4. Егорова Т.В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями. Балашов, - 2017. - С. 5.
5. Новости «LENTA.RU» ([// https://lenta.ru/news/2016/03/23/narushenia](https://lenta.ru/news/2016/03/23/narushenia))
6. Российский статистический ежегодник. - 2017: Стат. сб./Росстат. - P76 М., 2018 – 725 с.

УДК. 343.221.51

Баландина В.П.

*Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ:
НЕОБХОДИМОСТЬ ВВЕДЕНИЯ В РФ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОЦЕССОВ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация: В данной работе рассматривается необходимость введения в российском уголовном законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц, обусловленная процессами мировой унификации и интеграции. В статье подчеркивается, что данная проблема стоит перед законодательными органами с самого принятия УК РФ 1996 года, и до сих пор она не разрешена, в отличие от зарубежных стран, в которых это явление распространено практически повсеместно. Кроме того, в работе сопоставляется предполагаемая уголовная ответственность юридических лиц

с уже существующей гражданско-правовой и административной ответственностью. В конечном итоге, мы приходим к выводу, что введение уголовной ответственности крайне необходимо для выявления, предупреждения, пресечения и противодействия в кооперации с иностранными государствами транснациональным преступлениям, которые все чаще имеют место в современном мире.

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридическое лицо, законопроект, вина, преступление, субъект преступления, транснационализация преступности.

Abstract: In this paper, the need to introduce in the Russian criminal legislation the institution of criminal liability of legal entities, conditioned by the processes of world unification and integration, is considered. The article emphasizes that this problem is facing the legislature since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996, and it is still not allowed, unlike foreign countries, in which this phenomenon is widespread almost everywhere. In addition, the work compares the alleged criminal liability of legal entities with existing civil and administrative responsibilities. Ultimately, we come to the conclusion that the introduction of criminal responsibility is extremely necessary to identify, prevent, suppress and counteract, in cooperation with foreign states, transnational crimes, which are increasingly taking place in the modern world.

Key words: criminal liability, legal entity, bill, fault, crime, subject of crime, transnationalization of crime.

Проблема привлечения юридических лиц к уголовной ответственности в российской уголовно-правовой науке не является новой, она обсуждается с начала 90-х годов XX в. Для нашей страны, в отличие от государств континентальной и англо-саксонской правовых семей, данный институт стал концептуальной новеллой. В официальных проектах Уголовного кодекса РФ

1996 г. содержались положения о привлечении юридических лиц к уголовной ответственности, однако одобрены Государственной Думой РФ и включены в действующий УК РФ они не были. Таким образом, в ст. 5 УК РФ была закреплена уголовная ответственность лишь физических лиц.

Позже предпринималось несколько попыток принять законопроект о введении такого института в УК РФ, ни один из которых утвержден не был, стоит отметить, что совершенно справедливо, т.к. они были не проработаны с точки зрения юридической техники. Наконец, в марте 2015 г. в Думу депутатом Ремезковым А.А. был внесен законопроект Федерального закона [1], который до сих пор не рассмотрен. Уже по этому факту можно судить, что проблема является настолько противоречивой и многоаспектной, что даже Федеральное Собрание РФ не может прийти к единому мнению и принять решение. Предлагаю рассмотреть эту тему подробнее с точки зрения необходимости введения института уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве РФ уже на современном этапе развития России.

Необходимо сказать о том, что «сегодня из стран континентальной правовой системы только Россия и Германия не имеют законодательства об уголовной ответственности юридических лиц, однако и в последней этот вопрос «живо» обсуждается»[2,59]. Поэтому многие сторонники введения уголовной ответственности для юридических лиц ссылаются на то, что Россия ратифицировала ряд конвенций и соглашений, которые обязывают нашу страну установить такой вид ответственности для юридических лиц. Неужели Российская Федерация нарушает международные соглашения, которые, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, являются частью ее правовой системы? Конечно же, нет. Дело в том, что одна из них, а именно Конвенция ООН против коррупции[3] в части возможной ответственности юридических лиц, её форм носит альтернативный характер, а ряд других – и вовсе рекомендательный характер. Таким образом, если Российская Федерация все же решит принять

закон об установлении уголовной ответственности юридических лиц, то мировое сообщество в форме международных соглашений рекомендует, но не обязывает, принять зарубежный опыт и наиболее оптимально урегулировать такие правоотношения. Кроме того, процессы глобализации и унификации, характерные для современного мира, позволяют наиболее продуктивно модернизировать национальное право, в том числе и уголовное.

Важным в этой теме является вопрос о том, как вообще юридическое лицо может быть субъектом преступления. В данном контексте следует говорить о вине юридического лица, так как многие противники данного нововведения ссылаются на то, что юридическое лицо является фикцией, и оно не может самостоятельно руководить своими действиями, а значит и привлекаться к ответственности. Но, тем не менее, самостоятельность юридического лица - это одна из составляющих его правового статуса, не стоит забывать, что данный субъект «лично» подлежит гражданско-правовой и административной ответственности. Это значит, что юридические лица признаются специфическим субъектом права, и они могут подлежать и уголовной ответственности. Но в этом случае приходится говорить не о вине юридического лица, а об объективном вменении, которое запрещается ч.2 ст.5 УК РФ, но которое приобретает смысл законного в данной ситуации. Такой концепции придерживаются те зарубежные страны, которые не расшифровывают содержания вины юридических лиц (например, УК Франции, УК штата Нью-Йорк).

Что касается причины введения института уголовной ответственности юридических лиц, то таковой является то, что правонарушения, совершаемые юридическими лицами, не всегда укладываются в рамки гражданско-правовых или административных правонарушений, и в ряде случаев существующая ответственность за них оказывается неэффективной. Действительно это так. Те штрафы, которые закреплены в КоАП, ничтожно малы для юридических лиц,

прибыль которых является заоблачной. Для сравнения американские суды в рамках уголовного судопроизводства могут назначать штрафы, исчисляемые миллионами, а то и миллиардами долларов, что несет, собственно, и карательную, и компенсационную функцию. Кроме того, предполагается, что юридических лиц будут привлекать не просто за совершенные правонарушения, а именно за преступления, которые в соответствии с причиненным обществу вредом обладают большей степенью общественной опасности. Поэтому мы должны согласиться с тем, что такая деятельность должна криминализироваться и влечь за собой уголовную ответственность.

Кроме того, нельзя забывать и про процессуальную сторону вопроса, ведь сейчас за одно деяние физическое лицо может привлекаться к уголовной ответственности, а юридическое - к административной, что приводит к ведению двух параллельных процессов, которые можно было бы объединить в один - уголовный. Введение уголовной ответственности для юридических лиц будет выгодно им самим, так как это позволит им пользоваться большими уголовно-процессуальными гарантиями от необоснованного привлечения к ней [4, 35].

Наиболее весомым аргументом «за» введение уголовной ответственности юридических лиц можно рассматривать следующий. В последнее время можно говорить об устойчивых тенденциях транснационализации организованной, экстремистской, террористической, экономической, а так же коррупционной преступности, что требует международного сотрудничества правоохранительных и судебных органов. «Такие преступления, совершаемые в интересах и от имени юридических лиц, представляют собой реальную угрозу безопасности государства, в частности, они оказывают негативное влияние на инвестиционную привлекательность России, что обуславливает отток из страны капитала»[2, 61]. Прежде уже отмечалось, что во многих иностранных государствах юридические лица подлежат уголовной ответственности. Причем существуют страны, в которых уголовный закон применяется в отношении

юридических лиц не только по поводу совершения перечисленных выше преступлений, а вообще за все преступления, предусмотренные уголовным законом определенной страны. К таким странам в частности относятся Венгрия (ст. 2 Закона Венгрии «О мерах, применяемых к юридическим лицам в рамках уголовного права» 2001 г.) и Дания (ст.25 УК). Этим и продиктована в большинстве своем необходимость введения и в России для юридических лиц именно уголовной, а не какой-либо иной ответственности. Ведь это сделает взаимодействие между странами в области противодействия международной преступности более согласованным, а значит обеспечивающим безопасность не только отдельной страны, но и в целом мира.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отсутствие уголовной ответственности юридических лиц в РФ – это один из показателей того, что вопрос о реформировании Уголовного кодекса РФ стоит сейчас как нельзя остро. Однако, как мы видим, нужно тщательно проработать ряд принципиально важных вопросов, которые необходимы для успешного функционирования данного института в рамках российской правовой системы.

Литература:

1. Проект Федерального закона N 750443-6 "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц"
2. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // журнал "Lex Russica", N 7, июль 2015 г., стр 57-63
3. "Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции" // "Бюллетень международных договоров", 2006, N 10, октябрь, с. 7 – 54 (и др.)
4. Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // журнал "Lex Russica", N 12, декабрь 2016 г., стр 32-40

УДК. 343.93

Юзумджю С.Ч.

магистрант 1 курса

*Крымский юридический институт (филиал) Академии Генеральной
Прокуратуры Российской Федерации*

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ВЛИЯЮЩЕЕ НА НАКАЗАНИЕ

Аннотация: в статье рассмотрены генетические предпосылки человека к совершению преступлений и влияние данных обстоятельств при назначении наказания (на примере зарубежных исследований).

Ключевые слова: «ген агрессии», биотехнологическая революция, «неправильный индивид», глобальный правопорядок.

Annotation: the article examines the genetic preconditions for the person to commit crimes and the impact of these circumstances when imposing punishment (on the example of foreign research)

Keywords: «aggression gene», biotechnological revolution, «wrong individual», global law and order.

Актуальность темы исследования обуславливается тем, что вопрос, связанный с эволюционным изменением генома человека, а также проблема соотношения биологических и социальных факторов были и остаются на сегодняшний день одними из наиболее спорных. Индивид как центральный субъект жизни общества является собирательным понятием для различных подвидов разумных существ, чем и вызывает множество споров о его сущности и причинах его поведения, в частности девиантного, а далее и преступного. Большинство споров о данном соотношении как предпосылки преступного

поведения сводятся к тому, что количественный показатель преступности несопоставим по своим темпам с генетической эволюцией человека, что в свою очередь, влияет на глобальный правопорядок. Вследствие чего, возникают вопросы: может ли повлиять биологическая предрасположенность на совершение преступлений, и стоит ли учитывать данное обстоятельство при назначении наказания?

Изучая преступность как отдельную составляющую социальной жизни, необходимо выделить преступника в качестве отдельного подвида человека разумного. Так, двадцать первый век ознаменуется биотехнологической революцией, главный вопрос которой: почему человек совершает преступления, что имеется в его природе такого, что толкает его на преступное поведение – совершение антисоциального действия? Это во многом приводит криминологов к мысли о том, что преступления совершают не все люди, а только те, которые склонные к этому, у кого это заложено в генах. Таким образом, исследования трансформировались в поиск так называемого «неправильного индивида», чьи характеристики связаны с врожденной склонностью к совершению преступлений [1].

На протяжении 20 лет проводилось множество различных экспериментов, с помощью которых ученые пытались выделить теорию о том, что некоторые люди рождаются с так называемым «геном агрессии», который побуждает к преступному поведению. В подтверждение данной теории проводится немало исследований, направленных на выявление «гена агрессии» и «гена преступности» в генетическом коде человека. Финские ученые исследовали несколько семей в Голландии, в которых из поколения в поколение мужчины рождались с определенным геном и отличались склонностью к насилию. Также, ученые из Института психиатрии при лондонском Королевском колледже обнаружили закономерность, в соответствии с которой мальчики из неблагополучных семей, имеющие разновидность одного из генов, становятся

хулиганами в десять раз чаще, чем их сверстники, которые росли в таких же условиях, но при отсутствии данных генов [2].

Кроме того, Британский Совет по биоэтике также обнаружил «ген преступности», в связи с чем, выступил с заявлением, что у судей должна быть возможность изучения генетической структуры обвиняемых перед вынесением приговора, а изучение генетической предрасположенности человека к преступному поведению обязательным наравне с судебно-психиатрической экспертизой. Что выделяло бы данную предрасположенность в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания [3].

Следует подчеркнуть, что на «ген агрессии» указывает и российский специалист, один из участников проекта «Геном человека» профессор В.З. Тарантул. Он полагает, что судьи в будущем при вынесении решений должны учитывать результаты генетического анализа. Ярким примером служит случай, когда, адвокаты обвиняемого в американском суде (штате Флорида) помогли избежать своему клиенту смертного приговора, подтвердив с помощью генетического анализа наследственную склонность подсудимого к убийствам [4].

В настоящее время ученые продолжают активно развивать теорию использования свойств личности при раскрытии и расследовании преступлений. Была разработана база данных биометрии человека. Материальным носителем информации о человеке выступает его биологический материал, содержащий информацию о ДНК, отпечатки пальцев рук в дактилокарте или следовой материал и прочее. В соответствии с п. 9.17. приказа МВД России № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации»: при наличии необходимости, соответствующего организационно-штатного и материально-технического обеспечения в экспертно-криминалистических подразделениях может осуществляться учет иных объектов, поступающих в установленном

законодательными и нормативными правовыми актами порядке. Данное положение может обеспечить и генетический анализ, для того, чтобы определить предрасположенность к преступному поведению [5].

С учетом вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что человек является продуктом сочетания как биологических, так и социальных факторов, в целом направляемый генетической основой. Безусловно, нельзя исключать генетическую предрасположенность из комплекса детерминант, обуславливающие преступное поведение. Также следует учитывать, что совместная работа генетиков, криминологов, психиатров, юристов может усовершенствовать деятельность правоохранительных органов как при назначении наказания, так и по профилактике совершения преступлений в дальнейшем, что повлияет на правопорядок в целом.

Литература:

1. Piers Beirne. *Inventing Criminology: Essays on the Rise of «Homo Criminalis»* [Электронный ресурс: https://books.google.com/books?id=LNO16Fvd2WEC&pg=PA43&lpg=PA43&dq=homo+criminalis&source=bl&ots=5U1ABVlikA&sig=P2KY7ywcs4qDIGZteQ-bZJxfQ_s&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj djevNy-fPAhXGFZoKHf1vA3cQ6AEIRzAH#v=onepage&q=homo%20criminalis&f=false]
2. Ученые нашли ген, заставляющий, людей становится преступниками.// Компания «Пресс Экспресс» 2002.
3. Фукуяма Ф. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. Farrar, Straus and Giroux, 2002.
4. Tarantul V.Z, Nikolaev A.I, Hannig H., Kalmyrzaev B.B, Muchoyan I., Maximov V.V, Nenasheva V.V., Dubovaya V.I., Hunsman G., Bodemer W. *Detection of abundantly transcribed genes and gene translocation in human*

immunodeficiency virus associated non-Hodgkin's lymphoma. Neoplasia, 2001, 3, № 2, 132-142.

5. Приказ МВД РФ от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации».

УДК. 347.98

БУЗОЕВА А. Ю.

кафедра Конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

**ВЛИЯНИЕ ЮВЕНАЛЬНОСТИ ЮСТИЦИИ НА
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье анализируется вопрос влияния ювенальной юстиции на законодательство Российской Федерации в условиях глобализации. Рассматриваются механизмы защиты прав ребенка, материнства, детства. Приводятся аргументы о недостатках ювенальной юстиции.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, детство, материнство презумпция виновности родителей, опека и попечительство.

Abstract. The article analyzes the issue of the influence of juvenile justice on the legislation of the Russian Federation in the context of globalization. The mechanisms of protection of the rights of the child, motherhood, childhood are considered. Arguments are given about the shortcomings of juvenile justice.

Keywords: juvenile justice, childhood, motherhood, presumption of guilt of parents, custody and guardianship.

Серьезный общественный резонанс в последнее время получила попытка введения механизма ювенальной юстиции в Российской Федерации, а также принятие соответствующих нормативно-правовых актов. Полемика по данному вопросу не прекращается и в нынешнее время. Данное понятие, активно используемое в юридической практике Запада, включает в себя целый ряд положений, связанных с реализацией политики в отношении несовершеннолетних и функционированием ряда общественных и государственных норм и институтов. Созданная изначально в целях защиты прав ребенка, ювенальная юстиция, за последние годы превратилась в систему разрушения семейных устоев и принципов.

Прежде чем перейти к анализу новых законодательных положений, важно сделать оговорку. Сам термин «ювенальная юстиция» как таковой не фигурирует в анализируемых нами законопроектах. В тоже время указанная категория заимствована из европейских стран, и она определяется как деятельность различных органов (государственных, общественных), задачами которых является решение проблем ребенка, попавшего в трудную жизненную ситуацию. Исходя из этого, мы считаем возможным использовать данное словосочетание, когда речь идет об антисемейном законодательстве.

В условиях современного развития России и складывающихся в ее недрах новых видов общественных отношений, приоритетное место занимают права и свободы человека, с особой актуальностью встает проблема защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних. Конституция РФ закрепила в статье 2, что " человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита-обязанность государства; статья 38 говорит о том, что: "материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – это равное право и обязанность родителей".[1].

Детство – важнейшая стадия в развитии личности, которая обуславливает особые подходы к человеку, находящемуся в этом этапе развития. Деятельность

по обеспечению благополучия несовершеннолетних должна носить специализированный и комплексный характер. Одним из наиболее радикальных путей в этом направлении - создание и дальнейшее развитие ювенальной юстиции.

На сегодняшний день существует немалое количество актов как национальных, так и международных, целью которых является защита прав и интересов детей: "Декларация прав детей", "Всеобщая декларация прав и свобод" и т.д. Все документы в равной степени защищают права и интересы детей, но споры о введении в России ювенальной юстиции продолжаются. Что входит в содержание понятия ювенальной юстиции? Для чего его хотят ввести?

Сторонники ювенальной юстиции в РФ говорят о необходимости особой заботы государства и общества о детях. Как отмечалось выше - это деятельность различных органов (государственных, общественных), задачами которых является решение проблем ребенка, попавшего в трудную жизненную ситуацию.

Целью введения ювенальной юстиции являются защита прав ребенка, благополучие, интеграция ребенка в общество. На первый взгляд все кажется идеальным. Так ли это? Почему количество противников по данному вопросу в разы превышает количество сторонников? И главный вопрос, который интересует юристов в первую очередь: соответствуют ли проекты законов, предусматривающие ювенальную юстицию, Конституции РФ?

Ювенальная юстиция, во-первых, включает в себя систему детских судов, к которым относится суд по делам несовершеннолетних, объединяющая вокруг данного суда разные службы правоохранительных органов, органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также общественных правоохранительных органов. [6].

Во-вторых, это система, начинающаяся с ранней профилактики детского и семейного неблагополучия и заканчивающаяся сопровождением несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание.

Эта система, против которой активно протестуют, построена на следующих принципах: 1) псевдо приоритет прав детей (происходит разращение детей, фактически запрет на воспитание; 2) презумпция виновности родителей (чиновники в первую очередь следят за родителями); 3) право чиновников на вмешательство в дела семьи и навязывание методов воспитания; 4) тотальный контроль за семейной жизнью; 5) право на изъятие ребенка из семьи без решения суда.

В качестве основания введения ювенальной юстиции являются возросшее число безнадзорных и беспризорных детей, случаи лишения родительских прав, увеличение количества административных и уголовных правонарушений, совершенных детьми.

Так в целях «защиты» прав и интересов детей с 1 января 2012года в соответствии с Указом Президента РФ №761 действовала «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017гг». На данный момент она утратила силу, но имеет крайне важное значение. На основе данного акта Указом Президента РФ от 29 мая 2017 года №240 объявляется 2018 - 2027 годы в Российской Федерации Десятилетием детства. [4].

Тезисно обозначу суть Национальной стратегия действий в интересах детей на 2012-2017гг. «Значительная часть преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности детей совершаются в семье, т.е. родителями(раздел 8 п.1), в семье таится настоящая угроза для детей! Профилактика неблагополучных семей основана на его раннем выявлении(раздел 2 п.2)».

Исходя из вышеизложенного, органы опеки и попечительства наделены правом вмешиваться в дела любой семьи, которая, по их мнению, находится в

«социально опасном положении». Из этого также следует презумпция виновности семьи. Данный принцип вступает в противоречии с Конституцией, которая закрепила, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства и что «забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей» (ч.1,2 ст.38 Конституции РФ). Конституционное право родителей самостоятельно воспитывать своих детей без постороннего вмешательства, никак не увязывается с принципом «раннего выявления» нарушений прав ребенка.

Существуют проекты законов, которые активно лоббируются для «защиты» прав детей. Необходимо их проанализировать на соответствии Конституции РФ.

1) ФЗ №42197-6 « О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства» [2].

2) ФЗ №3138-6 «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [3].

К чему могут привести эти законопроекты?

Во-первых, любая семья может быть объявлена находящейся «на социально-опасном положении»(основанием может послужить отсутствие условий для «нормального воспитания и развития ребенка»), во-вторых, над семьей может быть установлен социальный патронат, он может быть установлен и по решению суда, альтернатива которому лишение родительских прав. В-третьих, упрощается процедура передачи ребенка из семьи в детский дом, что может привести к злоупотреблениям. В-четвертых, устанавливается «презумпция виновности» родителей - это катализатор разрушения семейных ценностей.

Приведенные мною начала противоречат положению ст.7 Конституции РФ о социальном государстве, цель которого- защита семьи, материнства

отцовства и детства. Так же усматривается нарушение ст. 38 Конституции РФ, которая гласит о праве родителей на воспитание ребенка, но законопроекты почти не оставляют возможности родителям самостоятельно воспитывать собственных детей.

Ювенальное законодательство также предусматривает сбор информации о неблагополучных семьях и детях, а также право проверять условия жизни детей. Это противоречит ст. 22,25 Конституции РФ, закрепляющих запрет на проникновение в жилище без согласия его владельца, а также запрет сбора информации о личности, его право на личную и семейную тайну

Законопроектом «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот...» устанавливаются организационные и правовые основы осуществления общественного контроля за обеспечением прав детей-сирот..., определяются порядок и условия оказания общественными объединениями и иными негосударственными некоммерческими организациями. Следует отметить, что к негосударственным некоммерческим организациям относятся и международные некоммерческие организации(ст.1).

Таким образом, доступ к решению детских судеб получают международные некоммерческие организации, в том числе и те, которые заняты «экспортом» детей за границу. Это не соответствует национальным интересам. В России много бесплодных семей, желающих иметь детей, но представителями детских домов не предпринимаются необходимые меры для помещения несовершеннолетних в российские семьи. В вышеупомянутом законопроекте также закрепляются основные принципы осуществления общественного контроля (ст. 2) к ним относятся: «приоритет прав и законных интересов детей. Данный принцип неизбежно создаст дискриминацию прав родителей, в частности их права на воспитание детей, установленное в ст.38 Конституции РФ. [5].

В силу ч.3 ст. 55 Конституции РФ не должны издаваться законы, которые умаляют права и свободы человека и гражданина. Они могут быть ограничены в той мере, в какой необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обороны страны, безопасности государства. Однако ни один из перечисленных пунктов не подходит под ограничения, установленные ювенальным законодательством.

Таким образом, введения механизма ювенальной юстиции и принятия законопроектов, которые рассматривались в данной статье, противоречат основному закону, Конституции РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2014 г.) // СПС Консультант Плюс//
2. ФЗ №42197-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства» // СПС Консультант Плюс//
3. ФЗ №3138-6 «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». // СПС Консультант Плюс//
4. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 "Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства"// СПС Консультант Плюс//
5. Сергеев А.Л.. Конституция Российской Федерации и ювенальная юстиция. Виртуальный клуб «Суть времени» 2012.
6. Мельникова Э., Ветрова Г. Российская модель ювенальной юстиции (теоретические концепции) // Правозащитник. – 2006. -№ 1.-С. 22–41.]

УДК 343.3/.7

Тишин А.С.

*Высшая школа экономики, управления и права
«Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В.
Ломоносова»
г. Архангельск*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Аннотация: В работе выявляются проблемы реализации запретов преюдиционного характера в современном уголовном праве России и высказываются предложения, направленные на их разрешение.

Ключевые слова: преступление; административная преюдиция; уголовное право; административная ответственность; уголовная ответственность; принципы уголовного права.

Annotation: The work reveals the problems of using prohibitions with administrative prejudice in the modern criminal law of Russia and makes proposals, which can solve them.

Key words: crime; administrative prejudice; criminal law; administrative responsibility; criminal responsibility; principles of criminal law.

В условиях глобализационных изменений современного мира прослеживается общая тенденция к гуманизации уголовного законодательства. Не обошла такая тенденция и Россию. Осознание отечественным законодателем необходимости смягчения уголовной политики одновременно с потребностью в адекватной реакции на современные вызовы преступности, потребовали принятия новых решений, которые позволили бы вывести деятельность по

противодействию противоправным деяниям на новый уровень. Одним из таких решений явилось законодательное введение и широкое использование в Уголовном кодексе РФ такого признака состава преступления как административная преюдиция.

Законодательное закрепление преюдиционного элемента поставило перед правоприменителем проблемы, значительная часть которых не имеет однозначного решения. Например, определяя нормы с административной преюдицией, законодатель по-разному конкретизирует признаки преступного деяния. Составы различаются по кратности совершения административных правонарушений, после которых следующее аналогичное деяние становится преступным; сроку, в течение которого деяние, являвшееся административно наказуемым может повлечь уголовную ответственность; условию применения санкции, которым является совершение аналогичного деяния лицом, подвергнутым административному наказанию, в одних случаях, либо привлеченным к административной ответственности, в других. Данное обстоятельство идет вразрез с принципом равенства граждан перед законом [1, с.331], ставя сроки и саму возможность привлечения к уголовному наказанию на усмотрение законодателя. Установление единого подхода к конструированию модели составов преступлений преюдиционного характера обеспечит реализацию принципа равной ответственности, не допуская ущемления прав одних граждан перед другими.

Формулируя диспозиции с преюдиционным элементом, законодатель предусмотрел ответственность лица, подвергнутого административному наказанию за аналогичное деяние, не посчитав нужным указать на наличие судимости за аналогичные преступления, что создает ситуацию, при которой правовые последствия судимости являются более мягкими, чем последствия административного наказания [2, с.45].

Проблема двойной ответственности, возникающая при привлечении лица к административному наказанию за неоднократное нарушение установленного запрета и последующем применении санкции статьи с преюдиционным элементом за то же деяние может быть решена путем установления возможности зачета исполненного ранее наказания. До внесения соответствующих изменений наиболее оптимальное решение – применение ст. 1070 ГК РФ, содержащей положение о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [3].

При решении вопроса о виновности лица в совершении преступления преюдиционного характера необходимо обратить внимание судов на то, что моментом, с которого оно считается привлеченным к административной ответственности является не вынесение постановления о назначении административного наказания, а его вступление в юридическую силу.

Деяние, охватываемое ст. 116¹ УК РФ, ставит потерпевших от одних и тех же посягательств в неравные условия: в случае однократного нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, пострадавший может рассчитывать на защиту должностными лицами, закрепленную в КоАП РФ, тогда как у другого лица есть лишь возможность самому восстановить справедливость, выступив частным обвинителем, в соответствии с УПК РФ. Отнесение ст. 116¹ УК РФ к категории дел частного обвинения может создать ситуацию, когда административное правонарушение повлечет за собой наказание, а преступник уйдет от ответственности, что нельзя признать допустимым. Стоит добавить, что наличие в Уголовном кодексе двух составов побоев в некоторых случаях может поставить вопрос об их соотношении. Как поступить правоприменителю, если лицо, будучи административно наказанным по ст. 6.1.1 КоАП РФ, вновь наносит побои из

хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы? Как квалифицировать действия виновного? Необходимо ли здесь воспользоваться ст. 116 УК РФ или назначить наказание по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 116 УК РФ и ст. 116¹ УК РФ? В случае квалификации содеянного по ст. 116 УК РФ не будет учтен факт повторного нанесения побоев, второй вариант вовсе нарушает фундаментальный принцип уголовного права «non bis in idem»: единичное преступление будет квалифицировано дважды, при этом в первом случае оцениваться будет мотив, а во втором – повторность деяния.

Предотвращению ошибок практике реализации ст. 158¹ УК РФ будет способствовать разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросу о возможности привлечения лица к уголовной ответственности, если оно, являясь наказанным по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, совершает мелкое хищение на сумму менее одной тысячи рублей. Кроме того, для признания очередного мелкого хищения чужого имущества преступным целесообразно изложить норму в новой редакции, учитывающей предыдущую административную наказанность как по ч. 1, так и по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Некоторые сложности могут возникнуть при квалификации деяния по ст. 157 УК РФ. Основание привлечения к уголовной ответственности связано с несколькими этапами: при неисполнении обязанностей по уплате средств на содержание детей или родителей возбуждается исполнительное производство; далее, если первый этап ни к чему не привел, лицо привлекается к административной ответственности в соответствии со ст. 5.35.1 КоАП РФ; если и эта мера не дала результатов, возбуждается уголовное дело. Однако, если одним из оснований административной ответственности является двухмесячный срок, исчисляемый с момента возбуждения исполнительного

производства, то в диспозиции статьи Уголовного кодекса указывается лишь на аналогичность данного деяния. Основная проблема состоит в том, что после привлечения лица к административной ответственности по ст. 5.35.1 КоАП РФ исполнительное производство обычно не прекращается. В следствие чего отсутствует юридически значимый момент начала отсчета двухмесячного срока – возбуждение исполнительного производства. По-нашему мнению, двухмесячный срок в рамках статьи Уголовного кодекса РФ, необходимо исчислять с момента привлечения лица к административной ответственности. И все же данную проблему необходимо устранить самому законодателю в целях недопущения у правоприменителей возможных сомнений в правильности выбранной ими трактовки уголовного закона.

Схожий недостаток присутствует и в диспозиции ст. 215⁴ УК РФ. Вопрос состоит в том, что понимать под словосочетанием «аналогичное деяние»? Это деяние должно быть строго тождественное или похожее, хотя и не тождественное? Возможно ли привлечение виновного к ответственности по ст. 215⁴ УК РФ, проникшего на подземный или подводный объект, при условии, что ранее он был наказан по ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ за самовольное проникновение на охраняемый в установленном порядке объект другого рода (не относящийся к категории подземных или подводных)? Стоит согласиться с мнением авторов, которые считают, что в данном случае необходимо применение ограничительного толкования и «аналогичное деяние» следует понимать, как деяние, указанное в ч. 2 ст. 20.14 КоАП РФ [4, с.27]. Однако, как и в случае со ст.158¹ УК РФ, разъяснение компетентных органов устранило бы возникающие сомнения.

Проведенный анализ и сформулированные предложения по модернизации уголовно-правовых норм с административной преюдицией не снимают всех проблемных вопросов, связанных с использованием данных запретов в уголовном праве России. Необходимо дальнейшее исследование и

совершенствование норм подобной конструкции в целях повышения эффективности их применения.

Литература:

1. Сидоренко Э.Л. Сроки административной преюдиции и проблемы согласованности норм уголовного и административного законодательства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27). – С. 328-333
2. Ларкина Е.В. Ответственность за нанесение побоев: комментарий новелл // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 41-45.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – ст. 410.
4. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 2 (31). – С. 24-39.

УДК 347.78

Кравцова А.А.

студентка 2 курса

Крымский филиал ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы охраны и защиты авторских прав, связанные с использованием сети Интернет. Исследованы трудности реализации авторских прав в условиях глобализации.

Ключевые слова: охрана и защита авторских прав; Интернет; правила пользования сайтом; интеллектуальная собственность.

Abstract: the important problems of copyright protection are analyzed. The article provides an investigation of difficulties of establishing copyright protection in the conditions of globalization.

Keywords: copyright protection; the Internet; rules of using the site; intellectual property.

С развитием общества, науки, распространением сети Интернет и ее влиянием на современную жизнь у каждого человека появилось больше возможностей для создания произведений науки, литературы и искусства. Вместе с этим в условиях глобализации Интернет несет и определенные риски, связанные с нарушением авторских прав, особенностями их охраны и защиты, что обуславливает актуальность данной работы.

В соответствии с действующим гражданским законодательством авторскими правами являются интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства, которые включают в себя: исключительное право автора на произведение, право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения [1].

Среди проблем, связанных с охраной и защитой авторских прав в сети Интернет выделяют ключевую – большие затраты времени и сил для их непосредственной реализации в полном объеме. Предпосылками по мнению С.Ц. Цыбиковой выступают два фактора: технический («отсутствие реально действующих средств технической защиты») и юридический («неполноценно действующие нормативно-правовые акты в области защиты авторских прав») [4].

Представляется, что данные факторы имеют место быть, однако, технический находит свое отражение несколько иначе. Проблема заключается в

легкости поиска и копирования информации в сети Интернет, что способствует нарушению авторских прав, но не исчерпывается этим. Средства технической защиты существуют, соответствуют существующему уровню развития науки и техники, они способны гарантировать реализацию охраны авторских прав. Однако, их применение зависит от уровня компьютерной грамотности автора, возможностей защиты непосредственно источника публикации. В случае интернет-сайтов, содержащих в открытом доступе информацию, рассчитанную на неограниченный круг лиц, именно автор решает будет ли он наносить на свое произведение с целью защиты водяной знак, содержащий его имя, псевдоним, либо иную идентифицирующую информацию, будет ли ограничена возможность копирования информации в PDF-файле и т.д. Кроме того, именно автор выбирает источник публикации, например, в случае публикации книги это позволяет ему выбрать то интернет-издание, которое сможет защитить авторские права путем ограничения круга лиц, которым будет доступно произведение, ограничения возможности копирования информации или отсутствия таковой вообще.

Технический аспект содержит другую важную проблему, которая неразрывно связана с глобальным характером сети Интернет. Даже если компьютерные способы защиты будут применены, не исключено, что некоторый субъект не нарушит авторские права в силу своей недобросовестности, и установить такой факт нарушения авторских прав будет достаточно сложно, поскольку автор и правонарушитель могут быть географически значительно отдалены друг от друга, в силу этого автор может не знать о таком нарушении.

С рассмотренными выше проблемами связана следующая проблема, которая существует в информационной среде сети Интернет, которую выделяет Н.Б. Ельчанинова: конфликт права пользователей на свободу доступа к информации и законодательства об авторском праве [2]. В настоящее время

поиск баланса между интересами пользователя и автора является важной задачей правового регулирования, его достижению способствуют юридические гарантии. Например, гарантией права на свободу информации выступает ст. 1274 ГК РФ «Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях» [1]. Интересным представляется пп.3 п.1 ст. 1274 ГК РФ, поскольку в судебной практике имело место разночтение, когда суды первой и апелляционной инстанции считали, что данная норма права подлежит применению только по отношению к статьям, вместе с этим, Суд по интеллектуальным правам занимает следующую позицию: «Изложенная норма права не ограничивается лишь свободным использованием статей по текущим экономическим, политическим, социальным и религиозным вопросам либо переданных в эфир или по кабелю, но и предусматривает свободное использование доведенных до всеобщего сведения произведений такого же характера» [6], подчеркивает, что фотография, как способ выражения произведения в данном контексте не является исключением [6,7]. Гарантиями для автора при применении ст. 1274 ГК РФ выступают следующие условия: «использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях; с обязательным указанием автора; источника заимствования и в объеме, оправданном целью цитирования» [5,6]. Кроме того, гарантией для автора выступают и положения ст. 1300 ГК РФ, в частности, пп.2, п.2 ст. 1300 ГК РФ позволяет защитить автора независимо от того, была ли удалена или изменена именно ответчиком информация об авторском праве, достаточно одного факта использования произведения с таким нарушением [6,7].

Среди проблем юридического характера можно выделить теоретические и организационные. К теоретическим проблемам можно отнести отсутствие единых критериев охраноспособности произведений литературы, науки и искусства, которые позволили бы однозначно отнести произведение к объекту авторских прав. Так, Д.М. Смирнов подчеркивает, что законодательство

выделяет такой критерий, как творческий процесс труда, судебное толкование разъясняет, что отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности не исключает творческую составляющую, в то время как на уровне доктрины данные свойства считаются обязательными для объекта авторских прав [3]. В связи с этим представляется необходимым закрепление легального расширенного понятия объекта авторских прав, которое позволит однозначно устранить неопределенность.

Следующей теоретической проблемой, которую выделяют С.Ц. Цыбикова и Н.Б. Ельчанинова является нечеткость понятия «информационный посредник», они акцентируют внимание на том, что под это понятие подпадает широкий круг лиц: операторы, провайдеры, администраторы, владельцы сайтов, хостинг-провайдеры, создатели поисковых сайтов [2,4]. С одной стороны, каждый из этих субъектов должен добросовестно относиться к размещению информации, чтобы не допустить нарушение авторских прав и логика законодателя верна. С другой стороны, существует риск обратиться с иском к ненадлежащему ответчику. Кроме того, не редко администрация сайта предоставляет пользовательское соглашение, в котором обязывает пользователей не нарушать права и законные интересы других лиц, а за собой оставляет лишь право, но не обязанность, отслеживать наличие контента, нарушающего права иных лиц на сайте [8,9].

К организационным проблемам относится защита авторских прав на произведение, созданное в соавторстве, где в таковой заинтересован только один из авторов. По мнению Д.М. Смирнова способствовать решению данной проблемы может закрепление необходимости участия соавтора в рассмотрении дела о защите авторских прав в качестве соистца, либо предоставления суду мотивированной позиции соавтора по существу дела [3].

Таким образом, гражданское законодательство имеет ряд моментов, нуждающихся в совершенствовании, которые обусловлены быстрыми темпами

развития отношений в сети Интернет, поскольку только практика применения правовых норм позволяет выявить трудности и устранить их в последующем; законодатель в нормах права отражает необходимость баланса между правами пользователей сети Интернет на свободу информации и авторскими правами, что выражается в юридических гарантиях прав каждой из сторон.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изменениями и дополнениями на 1 октября 2017 года. – Москва: Эксмо, 2017. – 608 с.
2. Ельчанинова Н.Б. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет// Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 12. – С. 118-120.
3. Смирнов Д.М. О современных проблемах авторского права в Российской Федерации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. – № 1 (41). – С. 38-45.
4. Цыбикова С.Ц. Проблемы охраны авторских и смежных прав в сети «Интернет» при применении Антипиратского закона // Современные проблемы теории и практики глазами молодых исследователей: материалы XI Всероссийской молодежной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 30-31 марта 2017). Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2017. – С. 197-201.
5. Определении Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2017 № 305-ЭС16-18302 по делу № А40-142345/2015 Режим доступа: «Верховный Суд Российской Федерации». – URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf_es.php?id=1536696 (дата обращения: 20.03.2018)

6. Постановление от 5 июня 2017 г. по делу № А65-12234/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/rRHjNJhYw8LV/> (дата обращения: 20.03.2018)
7. Постановление от 7 сентября 2016 г. по делу № А60-54898/2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/HWBE32fQOZdp/> (дата обращения: 20.03.2018)
8. Правила пользования Сайтом ВКонтакте [Электронный ресурс] // Режим доступа: «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 20.03.2018)
9. Условия использования [Электронный ресурс] // Режим доступа: «Instagram». – URL: <https://help.instagram.com/478745558852511> (дата обращения: 20.03.2018)

УДК. 347

Манучарян Т.В.

магистрант 2 курса Юридического института
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
г. Ставрополь

НРАВСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые принципы гражданского права: добросовестность, разумность, справедливость. Устанавливается, что разумность и справедливость – это признанные начала гражданско-правового регулирования, но их изучение не должно ограничиваться вопросом о принципах (началах) гражданского права.

Ключевые слова: гражданско-правовые принципы; принцип справедливости; принцип разумности; начала права; общепризнанные нормы гражданского права; принцип добросовестности; эквивалентность; мораль и нравственность.

Annotation. The article examines some principles of civil law: conscientiousness, reasonableness, justice. It is established that reasonableness and justice are recognized principles of civil-law regulation, but their study should not be limited to the question of principles of civil law.

Keywords: civil law principles; the principle of justice; principle of reasonableness; the beginning of the right; universally recognized norms of civil law; the principle of good faith; equivalence; morality and ethics.

Законодатель нередко оперирует нравственными принципами в так называемой «совокупности», позволяющей полностью учесть специфику гражданского правового регулирования имущественных отношений. Принципы добросовестности, разумности, справедливости формулируют наиболее важные начала правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, определяют само по себе существо гражданского оборота, одновременно позволяют установить баланс публичного и частного интересов участников этого оборота на определенном историческом этапе развития общества. Как отмечает С.Б. Полич, «в научной литературе последнего времени активно уделяется внимание таким оценочным категориям в праве, как разумность, добросовестность, злоупотребление правом» [4, с.135]. М.Ф. Лукьяненко полагает, что «разумность относится к количественным оценочным понятиям, поскольку подразумевает ту или иную степень соответствия признаков явлений (действий, мер, цены, срока) ценностной ориентации законодателя» [3]. Н.Ю. Голубева приходит к выводу, что принцип разумности еще субъективнее, чем принцип добросовестности, которая является

показателем совестливости человека, обремененного или не обремененного знанием о возможном причинении вреда другому лицу, разумность характеризует объективную сторону действий лица [1]. Также следует отметить, что судебное понимание «разумности и справедливости» находится на кардинально другом уровне и никак не связано ни с экономическими критериями, ни с субъективным пониманием этого вопроса со стороны граждан. Говоря о принципе разумности, следует упомянуть, что тысячи людей ежегодно получают трудовые увечья, лишаются здоровья в результате техногенных катастроф и при исполнении обязанностей воинской службы. Профессиональные юристы понимают, что определение стоимости жизни является насущной правовой потребностью, которая необходима не только для разрешения споров о компенсационных выплатах, но и для безопасной жизни человека. Ведь приравнивание человеческой жизни к нулю приводит к нежеланию вкладываться в ее защиту со стороны как самих людей, так и государства. Для суда эта самая «цена» определяется «требованиями разумности и справедливости» (статья 1101 Гражданского кодекса РФ). В ряде случаев единственный вид компенсации, который может получить пострадавший за потерю здоровья или родственники за потерю своего близкого, - это компенсация морального вреда за жизнь и здоровье человека. В законодательстве отсутствуют объективные критерии «разумности и справедливости», поэтому единственное, чем могут руководствоваться суды при взыскании компенсаций, это субъективное понимание этих критериев. Вариантов, что с этим делать, на самом деле немного. Наш суд де-юре является независимой ветвью власти и свободен в принятии решений. В первую очередь нуждается в изменениях внутреннее правосознание тех, кто принимает описанные выше решения. Еще одним вариантом является четкое законодательное регламентирование в данном вопросе: установить, как ни абсурдно это звучит, четкие критерии разумности и справедливости.

Необходимо обсуждение этого вопроса на всех уровнях, глубокий анализ ситуации.

Представляется нужным отметить, что принцип добросовестности непосредственно предписывает необходимость соблюдения нравственных норм при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей.

Ю.В. Романец считает, что «один из постулатов нравственно ориентированной юриспруденции заключается в прямой зависимости жесткости правового регулирования от степени безнравственности поведения правонарушителя» [5, с. 7]. Автор делает вывод, что в прежней редакции ГК РФ была очень удачная конструкция ст. 169, которая предусматривала изъятие в доход государства имущества, принадлежащего либо причитающегося стороне, умышленно заключившей сделку с целью, заведомо противной основам нравственности. В новой редакции Кодекса это положение поменялось: для сделок, совершенных с целью, заведомо противной основам нравственности, предусмотрена двусторонняя реституция, а изъятие в доход государства возможно только в случаях, предусмотренных законом[2]. Представляется, что такой подход не будет способствовать действенной борьбе со сделками, грубо нарушающими нравственные нормы.

Одной из главных общечеловеческих ценностей является справедливость. Категории «справедливость», «добро», «свобода», «равенство» имеются только в разумном человеческом сообществе и созданы им для обеспечения совместной жизни людей. При этом содержание данного понятия зависит от менталитета того или иного народа.

Необходимо отметить, что справедливое равновесие имущественных выгод и обременений как правило обеспечивается посредством соблюдения эквивалентности.

При этом признавая принцип эквивалентности важнейшим принципом гражданского права, необходимо отметить, что в силу своей нравственной ограниченности он не тождественен принципу справедливости. Применительно к гражданским правоотношениям справедливость выражается не просто в равновесии имущественных выгод и обременений, а в их нравственно обоснованном равновесии, обеспечивающем естественные права, реализуемые в гражданских правоотношениях. Формальная эквивалентность не всегда обеспечивает нравственно обоснованное равновесие.

Когда отступление от эквивалентности в большей степени способствует утверждению справедливого равновесия, чем ее соблюдение, право должно допускать неэквивалентное регулирование.

К сожалению, этому аспекту реализации принципа справедливости в Кодексе не уделено должного внимания. Представляется, что при дальнейшем совершенствовании гражданского законодательства этот пробел будет восполнен.

Говоря о значении ценностей в российском праве, также необходимо упомянуть, что сама по себе идея надёжности закона и права, доверия к ним предусматривает понятие демократического правового государства и верховенства закона. Они устанавливают пределы деятельности власти и государства и в то же время признают и защищают индивидуальные права. С точки зрения личности значение правовых ценностей прежде всего заключается в ее представлении о собственном статусе в национальном сообществе, членом которого она является.

Таким образом, одним из наиболее актуальных и перспективных научно-исследовательских направлений в области гражданского права всегда являлась разработка проблемы сущности его основополагающих начал, ведь именно принципы наиболее ярко отражают направленность и главные особенности

гражданско-правового регулирования, служат исходной базой для толкования гражданско-правовых норм и применения их по аналогии.

Литература:

1. Голубева Н.Ю. К вопросу о некоторых принципах обязательственного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 1.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017)(с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Собрание законодательства РФ. –05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.
3. Лукьяненко М.Ф. Толкование понятия «разумность» в судебной практике // Закон. – 2009. – № 9.–С. 170.
4. Полич С.Б. Принципы гражданского права – оценочные категории? // Проблемы права. – 2015. – № 4 (52). – С. 135-138.
5. Романец Ю.В. Нравственные принципы гражданского права (в свете изменений Гражданского кодекса Российской Федерации) // Гражданское право. - М.: Юрист. – 2014. - № 5. – С. 7-9.

УДК. 343.34

Власенко О.В.

студент 2 курса магистратуры

«Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Крымский юридический институт (филиал)

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ «КИБЕРТЕРРОРИЗМА» В
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Аннотация: В данной работе раскрывается влияние глобализационных процессов на Российское уголовное право. Появляется новый вид преступности – «кибертерроризм», в связи с чем, возникают проблемы квалификации данного деяния, главным инструментом которого является «Интернет».

Кибертерроризм, уголовное право, Россия, проблемы, Интернет, преступность, информация, квалификация.

Annotation: This paper reveals the impact of globalization processes on Russian criminal law. There is a new type of crime - "cyberterrorism", in this connection, there are problems of qualification of this act, the main tool of which is the "Internet".

Cyberterrorism, criminal law, Russia, problems, Internet, crime, information, qualification.

В современных условиях борьба с преступностью в сфере компьютерных технологий существенно сложнее, нежели борьба с традиционными видами преступлений. Практика показывает, что расследование компьютерных преступлений требует от сотрудников правоохранительных органов специальных знаний и практических навыков при проведении следственных действий по такому специфическому виду дел. Существуют законодательные пробелы регулирования данной сферы правоотношений как на международном уровне, так и на региональном.

В Российской Федерации с каждым годом нарастается темп внедрения компьютерных систем для регулирования комфортной жизни граждан, обеспечения безопасности общества и государства. Однако, на этом фоне также активно проявляется новый вид преступности – «кибертерроризм», который представляет собой комплексную акцию, которая выражена в целенаправленной, политически мотивированной атаке объектом которой является информация, либо структура управления информацией,

обрабатываемая компьютером и компьютерными системами, способная создать опасность для жизни или здоровья населения, либо наступления иных тяжких последствий, если такие действия имели целью нарушение общественной безопасности, запугивающее воздействие на население, провокацию военного конфликта, либо подрыва национальной безопасности.[1]

Стремясь следовать в ногу со временем, 26.07.2017 года в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) появляется статья 274.1 [2], которая вводит ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Однако объектом данного деяния является компьютерная информация, при этом в квалифицирующих признаках мотивы не учитываются.

Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 N 187-ФЗ [3] даёт определение объектов критической информационной инфраструктуры, раскрывая его через понятие субъектов данной инфраструктуры. Согласно названного закона к субъектам критической информационной инфраструктуры относятся государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей. Как мы видим, нарушение

деятельности критической информационной инфраструктуры способно повлечь тяжкие последствия, нанести вред обществу, экономике и даже экологии.

Однако, об акте терроризма, либо террористическом умысле злоумышленника речи в данных статьях не идёт. Если таковой возникает, следует обратить внимание на статью 205 УК РФ, которая закрепляет ответственность за террористический акт, устанавливая санкцию в размере лишения свободы от 10 до 15 лет по части первой и более суровое наказание по квалифицирующим признакам, вплоть до рассмотрения вопроса о смертной казни. [3] К такому квалифицирующему признаку относится п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, а именно: если оно сопряжено с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ. Указанный квалифицирующий признак показывает санкцию за данное деяние, которое несёт в себе большую общественную опасность. На наш взгляд, объекты критической информационной инфраструктуры существенно недооценены по глобальности и возможным последствиям воздействия на них, что также несёт в себе большую общественную опасность. Данная недооценка отражена в санкции статья 274.1, которая устанавливает ответственность за данное преступление в виде принудительных работ на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет. Такое наказание за причинение вреда экономикам государств, обществу и экологии в целом, на наш взгляд, не заслуженно.

Видится необходимым выровнять баланс общественной опасности и размера санкции за преступления против критической информационной

инфраструктуры с умыслом на подрыв конституционных основ государств, наведении паники среди населения и склонения государств к принятию решения, угодного злоумышленникам.

Предлагается дополнить п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ новым объектом – критической информационной инфраструктуры и изложить его в новой редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с посягательством на *объект* использования атомной энергии, *критической информационной инфраструктуры* (курсивом выделено дополнение), либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ...».

Данная норма поможет разрешить вопросы квалификации и индивидуального наказания осужденным кибертеррористам с целью их эффективного перевоспитания.

Литература:

1. Томчак Е.В. Из истории компьютерного терроризма.//Новая и новейшая история.2007.№1. С.137.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации/ [Электронный ресурс]:

Режим доступа: URL:_

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/34672bc8c82c4b6f4b7c8cd4e77a9f414fed6cb1/

3. Галкин А.Ю. Проблемы квалификации объективной стороны состава террористического акта // Юрист-Правоведь. – № 6. – 2007. – С. 43 – 45.

УДК. 340.1

Мовроян А.А.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:
СООТНОШЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАК ИСТОЧНИКА
ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ**

Статья посвящена исследованию соотношения, единства и взаимосвязи судебной практики и судебного прецедента. Автор раскрывает признаки правовых категорий судебный прецедент и судебная практика, анализирует условия и тенденции развития судебного прецедента как источника права в странах романо-германской правовой системы.

Ключевые слова: источник права, судебный прецедент, судебная практика, романо-германская правовая система.

The article is devoted to the investigation of the correlation, unity and interrelation of judicial practice and judicial precedent. The author reveals the signs of categories of judicial precedent and judicial practice, analyzes the conditions and development trends of the judicial precedent as a source of law in the countries of the Romano-German legal system.

Keywords: source of law, judicial precedent, judicial practice, Romano-Germanic legal system.

С усилением влияния глобализационных процессов на развитие права в Российской Федерации и других странах романо-германской правовой системы особенно актуальными становятся вопросы правовой природы судебного прецедента и судебной практики как источников права.

В странах континентальной правовой системы дефиниции «судебный прецедент» и «судебная практика» употребляются неопределенно, нередко случаи отождествления учеными и исследователями приведенных понятий.

По нашему мнению, указанная неопределенность во многом является следствием того, что судебные органы указанных стран лишены правотворческой функции, в свою очередь, судебный прецедент официально не признан в качестве источника права.

Вопросом происхождения, развития и правовой природы судебного прецедента и судебной практики как источника права посвящали свои работы российские исследователи и правоведы В.В.Лазарев, В.А.Кряжков, З.Д.Зорькин, П.А.Гук и другие.

В статье автором сделана попытка обобщить многообразные позиции по исследуемому вопросу, выявить соотношение понятий «судебный прецедент» и «судебная практика», сделать вывод о допустимости или недопустимости их причисления к источникам права романо-германской правовой системы и правовой системы современной России.

Судебный прецедент – это решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел, либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющим обязательной силы [1, с.301]. Такое определение судебного прецедента дано Рене Давидом, французским учёным, одним из выдающихся специалистов в областях сравнительного правоведения.

Похожее определение судебного прецедента выдвигает В.С. Нерсисянц, называя судебный прецедент «судебным решением по конкретному делу, имеющим значение общеобязательного правила для решения всех аналогичных дел» [2, с.134].

Близким к судебному прецеденту является понятие «судебная практика».

По мнению В.М.Лебедева, судебная практика представляет собой как деятельность судов, так и итог этой деятельности в виде судебного постановления по конкретному делу [3, с.187].

В свою очередь, В.С. Нерсисянц отмечает, что судебная практика не «источник права» (в смысле судебного правотворчества), а реальность действия, применения и защиты права. Это важно как само по себе, так и для совершенствования и развития права. По его мнению, судебная практика, не будучи правотворчеством, является одним из важных источников для правотворчества [4, с. 38].

В правовой доктрине юридической науки под источником права понимают способ, с помощью которого закрепляются (находят внешнее выражение) нормы права (форма права). Источник права, прежде всего, должен содержать в себе нормы и представлять собой единичное конкретное явление (например, решение по делу). Судебная практика такими признаками не обладает.

По нашему мнению, судебная практика является более обобщенным (общим) понятием, одновременно представляя собой процесс и результат судебной деятельности по применению правовых норм, своеобразная форма правоприменительной деятельности.

Характерными же чертами судебного прецедента являются решение по конкретному делу, решение, содержащее норму права.

Судебный прецедент, наряду с правовым обычаем, является одним из старейших источников права. Прецедентное право исходит корнями из Англии и впоследствии занимает первостепенное место в странах общего права.

В Российской Федерации судебный прецедент не признается в качестве источника права, в то же время, как и во многих странах романо-германской системы права, прецедент приобретает все большее значение в правоприменительной и правотворческой практике.

Однако несмотря на распространяющееся влияние судебной практики в странах романо-германской правовой семьи, существует ряд неразрешенных теоретических вопросов, сдерживающих процесс признания судебного прецедента в качестве одного из источников права в романо-германской правовой системе. Так, судебный прецедент в большинстве стран континентальной правовой системы имеет несамостоятельный вспомогательный характер, зависящий от основного источника права - закона, направлен на его толкование при неясности содержания последнего. Более того, на сегодняшний день в правовой доктрине юридической науки отсутствует однозначное понятие судебного прецедента, так же как и нет четкой позиции о том, какие решения судебных органов могут носить прецедентный характер, а какие лишены таких свойств.

В то же время, невзирая на явные теоретические проблемы юридической природы судебного прецедента в странах романо-германской правовой семьи, бесспорной является тенденция широкого применения прецедента как в правотворческой, так и в правоприменительной практике, которая, по нашему мнению, предопределяет восприятие и признание прецедента в качестве источника права в романо-германской правовой системе.

Литература

1. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1988. – 301 с.
2. Нерсесянц В.С. Теория государства и права. - М., 2007. – 134 с.
3. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. – СПб., 2001.–187 с.
4. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов)//Судебная практика как источник права. – М., 1997. – С. 21 – 38.

УДК. 347

Боряк А.Ю.

«Московский государственный юридический университет им. О.Е.
Кутафина (МГЮА)»

**ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
ВЛИЯНИЕ И РАЗВИТИЕ**

Аннотация

Аннотация: В статье рассматривается воздействие глобализации на российское гражданское право с момента его становления. Заимствование иностранных правовых институтов происходило без учета исторической и экономической обусловленности России. В работе изучаются примеры такого заимствования. Делается вывод о важности сочетания зарубежного опыта с опытом российской правовой системой в современных условиях.

Ключевые слова: зарубежный опыт, глобализация, заимствование зарубежных институтов, российская правовая система, влияние глобализации на право.

Annotation: The article deals with the influence of globalization on Russian civil law from the moment of its formation. Foreign legal constructions were fixed in Russian legislation without taking into account the historical and economic conditionality of Russia. Examples of such borrowing are represented in this article. The conclusion is made about the necessity to combine foreign legal experience in accordance with the experience of the Russian legal system in modern conditions.

Keywords: foreign experience, globalization, borrowing foreign constructions, the Russian legal system, the impact of globalization on law.

На сегодняшний день процессы глобализации протекают не только в таких сферах общественной жизни, как экономика, финансы, средства массовой информации, но и в правовой жизни общества. Допустим, некоторые участники гражданских правоотношений могут иметь разное гражданство, иметь имущество за границей, что приводит к возникновению некоторых препятствий. Это выражено, прежде всего, в различном толковании законов, регулирующих схожие правоотношения, на территории разных стран. А благодаря глобализации происходят трансформация и модернизация норм, отраслей и институтов гражданского права, создаются благоприятные условия практики применения права. Происходят, так называемые, процессы универсализации и унификации права [1, с. 38]. Бесспорно, данные явления, которые выражены в стремлении выработать общие подходы к праву и «ввести в правовые системы государств единообразные нормы», не являются новыми в правовых системах различных государств [2, с. 21]. Однако именно в условиях глобализации данные процессы проявляются наиболее ярко, что значительно облегчает международное сотрудничество, устраняя существующие различия. А это возможно лишь при детальном сравнительном изучении национальных правовых систем. Какие же выделяют направления влияния глобализации на право западные теоретики? Зарубежные ученые придерживаются трех направлений такого воздействия. Первое характеризуется влиянием глобализации на сам характер взаимосвязи национальных правовых систем, которые невозможно рассмотреть обособленно друг от друга в силу их взаимопроникновения и взаимодействия между собой. Другим направлением, по мнению западных специалистов англосаксонского права, является изменение главного назначения данной правовой семьи, где все большее внимание уделяется проблемам глобального масштаба. Третье направление связано с воздействием глобализации не на само право, а на его теорию и методологию. Можно говорить о том, что в современных условиях национальные правовые

системы будут видоизменяться, будут возникать новые «правовые модели», в основу которых будет «заложена» новая правовая культура, идеология и методология познания мира [3, с. 282].

Для наиболее полного представления о современной действительности, о тонкостях становления права и предпосылках его развития необходимо не только знать характер своей национальной правовой системы, но и разбираться в особенностях других правовых семей. Коммерческое право Германии и Франции, унаследовавшее традиции римского права, важно изучать потому, что их право составляет континентальную (романо-германскую) правовую семью, к которой относится и российское право. Коммерческое право Англии и США характеризуется особой системой общего права, которое оказывает все большее влияние на развитие нашего законодательства (корпоративное право, опыт защиты прав потребителей) [4, с. 12]. Институты гражданского права в данных странах формировались не одно столетие. Их содержание приводилось в порядок с законодательством, применялось на судебной практике, анализировалось доктриной, то есть доводилось до совершенства. В гражданском праве России можно найти институты, заимствованные из французского, немецкого и даже англо-американского права. Однако иностранные заимствования должны быть целесообразными, вписываться в существующий правопорядок, отвечать потребностям государства в развитии общественных отношений. Например, такая юридическая конструкция как договор ренты (глава 33 ГК РФ) существует более двадцати лет, но является относительно новой для нашей национальной системы. Данный институт заимствован из Французского гражданского кодекса 1804 г. (раздел XII книги 3: Об алеаторных договорах – игры, пари; пожизненная рента (ст. 1968–1983)). Иным примером воздействия французского права может служить дефиниция недвижимого и движимого имущества (ст. 517–534 ФГК: деление имущества на движимое и недвижимое «по их природе», «в силу их назначения», «вследствие

предмета, принадлежность которого они составляют»). Если говорить о влиянии германского права на российское законодательство, то следует вспомнить о формировании института юридического лица, в котором значительную роль сыграл Закон Германии об обществе с ограниченной ответственностью от 20 апреля 1892 г. Многие институты российского гражданского права такие, как сделка, волеизъявление, представительство, вещное право имеют сходства с германским правом. Хочется привести результат одного интересного исследования, проведенного профессором Кристофером Осакве о «корнях» российского кодекса [5, с. 16]. По результатам работы он пришел к выводу, что российский кодекс на 80% - немецкий, на 13% – французский, на 1% – швейцарский и датский (по 0.5% соответственно), на 3% – советский, на 2% – англо-американский. Влияние англо-американской системы невелико, многие нововведения из данной системы не прижились в российском гражданском праве. Например, англо-американское право не разделяет акции и доли, употребляя общий термин «shares», а к предпринимательским корпорациям – «business corporation» - относит только общества с ограниченной ответственностью – «limited company by shares». Именно незнание тонкостей английского языка стало причиной распространения в России в 90-х годах таких переводов терминов: «shares» как акции, а «corporation» как акционерное общество. Поэтому логично было перевести «closed corporation» как закрытое акционерное общество. Вследствие чего, вместе с ООО возникли ЗАО, которые могли и не выпускать никаких акций. Но в ходе проведенных реформ эти отличия были устранены [6, с. 125]. Также из англо-американского права в российское пришел институт агентирования (ст. 1005–1011 ГК РФ), хотя по факту без него можно обойтись, так как существуют традиционные для нашего права договоры – поручение и комиссия, но он занял определенную нишу в гражданском праве России и успешно применяется на практике наряду с указанными договорами. Примером слепого заимствования является институт

доверительной собственности (траст), о введении которого говорилось в Указе Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)». В Англии этот институт имел все предпосылки для возникновения и развития, поскольку в английской правовой системе допустимо расщепление права собственности между различными субъектами права, а это является явным противоречием основополагающим принципам российского гражданского права: в институте доверительной собственности «собственниками считались и то лицо, в чью пользу было установлено управление, и тот, кто должен был управлять имуществом». Данный институт хотя и не получил своего дальнейшего развития в российском законодательстве, но он послужил неким связующим звеном в появлении самостоятельного института доверительного управления имуществом, относящегося к обязательственному праву.

В современных условиях необходимо следовать не самим конструкциям зарубежного права, а воспринимать и учитывать иностранный опыт, их правовую идею для совершенствования национальной системы. Российское гражданское право должно развиваться в своем традиционном направлении, учитывая историческую и экономическую обусловленность развития права, потребности современного общества.

Литература:

1. Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. №5. – С. 38-47
2. Балытников В.В. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / Отв. ред. С.В. Поленина. М.: Формула права, 2006. – 557 с.
3. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2008. – 200 с.

4. Попондопуло В.Ф., Макарова О.А. Коммерческое (торговое) право зарубежных стран. Учебник для магистров. 2-е издание. 2017. - 571 с.
5. Осаке Кр. Типология современного российского права на фоне правовой карты мира // Государство и право. 2001. № 4. - С. 12 - 22.
6. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. – 456 с.

УДК 349.6

Глушко М. И.

*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

**РАЗВИТИЕ ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в правовом положении животных в России под влиянием глобализации, приравнивание правовых основ отношения к животным в РФ к европейским стандартам. Поднимается вопрос о реальности соблюдения законодательно закрепленного принципа гуманности по отношению к животным. Для проведения анализа используется иностранное законодательство, новостные статьи и др.

Ключевые слова: понятие животного в праве, защита животных, ответственное отношение к животным, права животных, жестокое обращение, запрет на эксплуатацию животных, контактное притравливание.

Abstract. In the article is considered the question about changes in the legal status of animals in Russia under the influence of globalization, equating the legal basis for relation to animals in Russian Federation to European standards. The

question about reality of observing of legislatively fixed principle of humanity in relation to animal is raised. To analyze the question foreign legislation, news articles and another sources were used.

Key words: the concept of an animal in law, protection of animal, responsible attitude to animals, animal rights, cruel treatment, prohibition on the exploitation of animals, contact etching.

Говоря о глобализации, следует отметить, что она оказывает влияние не только на регулирование базовых и фундаментальных отношений, но и на регулирование тех отношений, вопросы которых остро поставлены в определенных странах в современный период. В настоящее время в России общественность выступает за принятие различного рода законов, регулирующих отношения людей к животным и устанавливающих ответственность за жестокое к ним обращение.

Реалии таковы, что на данный момент (апрель 2018 г.) в Российской Федерации ответственность за жестокое обращение к животным на федеральном уровне предусматривается только статьей 245 Уголовного Кодекса РФ, принятой в редакции от 08.12.2003 года, которая гласит, что ответственность наступает только в случае гибели животного или же нанесения ему увечья из хулиганских или корыстных побуждений [1]. Гражданский Кодекс РФ гласит: "При осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности" При этом животное определяется как имущество, а границы, отделяющие гуманное обращение от негуманного не установлены [2]. Исходя из этого, животное нельзя приравнять к вещи, но можно назвать имуществом с особым правовым статусом[3].

Ситуацию в России отнюдь нельзя назвать урегулированной достаточным образом. Во многих странах мира введены иные нормы отношения к животным.

Так, например, в Канаде, США и иных странах животные на законодательном уровне рассматриваются не как имущество, а как живые существа. Конкретно Билль 54 Канады чётко указывает на то, что "животные не являются вещью; они- живые существа и обладают биологическими потребностями" [4]. Несмотря на провозглашенный в РФ принцип гуманности, в том числе и в отношении животных, животное до сих пор воспринимается, как имущество, несмотря на то, что в иных мировых державах это было изменено, благодаря также Кембриджской Декларации о Сознании, согласно которой человек не является единственным живым существом, обладающим сознанием; птицы, млекопитающие, некоторые виды моллюсков и морских жителей также обладают сознанием, и хотя оно не идентично сознанию человека, они очень схожи; нервная система животных реагирует на внешние возбудители аналогично нервной системе человека. Животные испытывают чувства, их деятельность осознанна [6]. В самой Декларации также указано, что издана она скорее для общественности, чем для ученых для того, чтобы обратить внимание на проблему обращения к животным и в качестве попытки изменить его [5]. Результатами публикации данной Декларации стало изменение правовых норм в отношении животных в Швеции, Австрии и иных странах. Но не в России.

Проводя сравнение правовых основ отношения к животным в Австрии и в России также можно выделить ряд особенностей. В Австрии и иных странах Европы предусмотрена ответственность в виде штрафа или/и лишения свободы не только за жестокое обращение напрямую, но и за содержание животного в ненадлежащих условиях; установлены нормы, которые гласят, что животное имеет право на определенное качество питания, его место жительства должно соответствовать санитарным и гигиеническим нормам, устанавливается четкий размер клеток для животных и т.п. И хотя в этих странах предусматривается возможность охоты и рыбалки, закон устанавливает нормы для выращивания определенных пород рыб для рыбалки и, что является актуальной проблемой для

России, полностью запрещает контактное натравливание животных [7]. Суть контактного натравливания заключается в том, что животное (чаще всего дикое) делают полностью или частично неспособным к сопротивлению путём удаления зубов, когтей, изувечения конечностей, связывания зверя и иными способами, а затем на него натравливают охотничьих собак. Нередки случаи, в том числе и в России, когда это действие приводило к мучительной смерти животного. В странах Европы данный вид натравливания запрещен и разрешен лишь бесконтактный вид, не приносящий такого вреда для дикого животного. В России же истории о контактном виде натравливания вызвали резонанс в общественности, благодаря чему в новый законопроект были внесены изменения, предусматривавшие его запрет[8]. В Австрийском законе о благосостоянии животных также прописано то, что в случаях, если ветеринарные операции проводятся не с целью помочь животному или же при операции не используется наркоз, то лицо, проводящее операцию, привлекается к юридической ответственности за это. Акт о благополучии животных запрещает не только наиболее распространенные и опасные виды жестокого обращения, как бои, натравливание, проведение вивисекции, но и участие животных в съемках фильмов, где демонстрируется проявление к ним насилия, использование допинга для увеличения выдержки животного, участвующего в каких-либо спортивных соревнованиях, причем не с целью повышения честности соревнований, а с целью охраны здоровья животного от воздействия допинговых веществ [7].

Жестокое обращение к животным отмечается не только в быту. В РФ нет законов, регулирующих порядок работы цирков. И хотя законопроект «Об ответственном отношении к животным» предусматривает ограничение использования животных в цирках путём требования для этого определенной лицензии, мировые стандарты в данной области гораздо выше [8]. Так, например, в Италии принят закон, согласно которому запрещено использовать

животных для выступлений в цирках; отныне в итальянских цирках могут выступать лишь люди [9]. В Латвии и Румынии запрет на использование животных также предусмотрен, но касается лишь диких животных [10]. Ситуация в России же лишь подлежит регулированию.

Рассматривая ситуацию правового обеспечения благополучия животных в Европе, стоит отметить, что несмотря на недостаток нормативно-правовых актов, регулирующих данные отношения в Российской Федерации, право РФ не стоит на месте и под влиянием глобализации и внутренних проблем государства в данной сфере был разработан законопроект об ответственном обращении с животными, в котором ощущается данное влияние. Согласно законопроекту, животное рассматривается как существо, способное испытывать эмоции и физические страдания. Законопроект перечисляет общие требования к содержанию животных, в числе которых обеспечение достойных условий содержания, своевременной ветеринарной помощи, также, что интересно, уважительное отношение к останкам животных и другие требования. Особое влияние международных стандартов в области защиты прав животных ощущается в статье 12 указанного ранее законопроекта, в которой содержатся нормы, указывающие на запрет натравливания животных на других животных, запрет на проведение ветеринарных процедур, приносящих боль, без применения обезболивающих, запрет на организацию животных боев и иные нормы. Законопроект предусматривает как необходимые нормы для реализации прав животных, так и нормы, обеспечивающие гарантии безопасности человека при взаимодействии с животными [8].

Принятие данного законопроекта, безусловно, станет положительным результатом влияния глобализации и, помимо установления правового регулирования отношения к животным, сделает наше общество более гуманным.

Литература:

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018).
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017)
3. Гогун Д. А. Защита прав животных в современном российском законодательстве / Д. А. Гогун, Ю. Д. Воробьева // НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: НОВОЕ ВРЕМЯ. – 2015. -№3(8). – с. 422-424
Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24109261> (дата обращения: 04.04.2018).
4. Bill №54: An Act to improve the legal situation of animals. [electronic resource] // official website of National Assembly of Quebec – URL: <http://www.assnat.qc.ca/en/travaux-parlementaires/projets-loi/projet-loi-54-41-1.html>(дата обращения: 04.04.2018).
5. О сознании животных [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – National Geographic. – 2013. – Режим доступа: <http://www.nat-geo.ru/nature/46622-o-soznanii-zhivotnykh/>(дата обращения: 04.04.2018).
6. Кембриджская Декларация о Сознании: Электрон. текстовые дан. -2012. – Режим доступа: <http://fcmconference.org/img/CambridgeDeclarationOnConsciousness.pdf>(дата обращения: 04.04.2018).
7. Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Tierschutzgesetz[electronic resource] // official website of Rechtsinformationssystem des Bundes. URL: <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20003541>(дата обращения: 04.04.2018).
8. Federal Act on the Protection of Animals [electronic resource] // official website of Rechtsinformationssystem des Bundes. URL:

http://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/Erv/ERV_2004_1_118/ERV_2004_1_118.pdf(дата обращения: 04.04.2018)

9. Проект Федерального закона N 458458-5 "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (текст ко второму чтению). Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/49858.html/>(дата обращения: 04.04.2018).

10. В Италии принят закон о запрете животных в цирке [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Парламентская газета, 2017. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/v-italii-prinyat-zakon-o-zaprete-zhivotnykh-v-cirke.html>(дата обращения: 04.04.2018).

11. Все больше стран отказываются от цирков с животными. В России их тоже запретят? [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Meduza.io, 2017. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/06/22/vse-bolshe-stran-otkazyvayutsya-ot-tsirkov-s-zhivotnymi-v-rossii-ih-tozhe-zapretyat>(дата обращения: 04.04.2018).

12. Копьяк А.С. К вопросу о защите прав животных // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1915>(дата обращения: 04.04.2018).

13. Короткий, Т. Р. Обеспечение благополучия животных и их защита от жестокого обращения: от этических норм к международно-правовому регулированию / Т. Р. Короткий, Н. И. Зубченко // МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ. – 2014. - № 3. – С. 355-377.

УДК 349

Яковлева А.А.

студент 2 курса Института авиационной техники

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация: В статье анализируется правовое регулирование волонтерской деятельности в целом и правовое положение волонтера в частности. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день сама деятельность более ли менее нашла отражение в национальном законодательстве, но правовой статус волонтера урегулирован слабо. В связи с чем, предлагается разработать положения направленные на конкретизацию прав, обязанностей, гарантий данных лиц.

Ключевые слова: волонтер, доброволец, благополучатели, организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности.

Abstract: In the article legal regulation of volunteer activity in general and a legal status of the volunteer in particular is analyzed. The author comes to the conclusion that whether today activity more has less found reflection in the national legislation, but legal status of the volunteer is settled poorly. As a consequence, it is offered to draft the provisions directed to a specification of the rights, duties, guarantees of these persons.

Keywords: volunteer, voluntary, beneficiaries, organizers of voluntary(volunteer) activity.

Волонтерство - весьма значимое и полезное явление в мире. Оно существует в различных сферах и проявляется в достаточно разнообразных формах, но суть его остается единой — это бескорыстная помощь окружающим. Добровольческая деятельность стала неотъемлемым элементом современного общества. Многие волонтеры и те, кто с ними взаимодействует, интересуются правовой стороной данного вопроса. В связи с этим, необходимость принятия

нормативно-правовых актов, касающихся волонтерской деятельности, проявляется все чаще.

Кто же такой волонтер? Волонтер или доброволец - физическое лицо, осуществляющее благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности). Волонтерство — это широкий круг деятельности, включающий традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданского участия, которые осуществляются добровольно на благо широкой общественности без расчёта на денежное вознаграждение. Благотворители - лица, получающие благотворительные пожертвования от благотворителей, помощь добровольцев[1].

В настоящее время государство испытывает не поддельный интерес к волонтерскому движению. В декабре 2016 года Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию заявил о необходимости снять барьеры для развития волонтерства и подготовить план мер по его поддержке. Более того, 2018 год объявлен годом волонтера. В связи со сложившейся ситуацией и личным интересом представляется целесообразным рассмотреть вопрос о правовом регулировании волонтерской деятельности.

Правовой основой волонтерского движения принято считать Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». В данном акте предприняты попытки юридически закрепить добровольческую (волонтерскую) деятельность. Стоит отметить, что в настоящее время в указанном выше законе понятие волонтер не употребляется, а используется слово доброволец. 5 февраля 2018 года президентом был подписан федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» [2]. В первую очередь изменения коснутся упомянутого выше ФЗ «О благотворительной деятельности и

благотворительных организациях». Анализируя грядущие изменения, хочется отметить, что законодатель вводит слово «волонтер» и предлагает отождествлять его с понятием «доброволец». Кроме того, дается и раскрывается понятие «организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности», а также понятие «добровольческая (волонтерская) организация». Важным на наш взгляд станет то, что законодатель четко определяет форму некоммерческой организации для осуществления волонтерской деятельности. Так, волонтерством можно заниматься в форме общественной организации, общественного движения, общественного учреждения, религиозной организации, ассоциации (союза), фонда или автономной некоммерческой организации. Положительным видится и закрепление идеи о создании единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства). Предполагается, что формирование и ведение единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) в целях реализации государственной политики в сфере добровольчества (волонтерства) будет осуществляться федеральными органами исполнительной власти, которые осуществляют функции по оказанию государственных услуг в сфере государственной молодежной политики. Нововведение поможет желающим ориентироваться в волонтерских организациях, действующих в регионе, что в свою очередь может повлиять на выбор вида волонтерской помощи.

Говоря о других нормативно-правовых актах, где упоминается понятие волонтер, стоит отметить федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [3], а также Модельный закон о добровольчестве (волонтерстве) для государств-участников СНГ содержит общие цели и задачи добровольческого движения, права и обязанности волонтеров, государственные формы поддержки добровольческой деятельности. Данный акт носит рекомендательный характер, так как закрепляет, что определение и правовое регулирование разновидностей

(подвидов) добровольческой (волонтерской) деятельности осуществляются подзаконными и ведомственными актами и стандартами в рамках национального законодательства [4].

В регионах принимаются акты, где встречаются нормы, касающиеся волонтерской деятельности. Самарская область не является исключением, так Самарской Губернской Думой принят закон от 8 декабря 2014 г. № 123-ГД «О физической культуре и спорте в Самарской области», в котором закрепляется порядок привлечения волонтеров к проведению официальных физкультурных мероприятий, спортивных мероприятий, а также спортивно-зрелищных мероприятий [5].

В ходе анализа нормативных актов, так или иначе регулирующих деятельность волонтерского движения, мы пришли к выводу, что на сегодняшний день сама деятельность более или менее нашла отражение в национальном законодательстве. Однако считаем, что правовой статус волонтера в этих актах урегулирован слабо. Деятельность волонтеров разнообразна по характеру, степени сложности и опасности. Волонтеры осуществляют уход за лицами пожилого возраста, оказывают помощь в детских домах и приютах, проводят поиск пропавших людей, участвуют в реставрационных, ремонтных работах, благоустройстве территорий, работают в лесных хозяйствах и заказниках (расчистка лесов, посадка деревьев), принимают участие в организации и проведении физкультурных и спортивных соревнований, ухаживают за памятниками и воинскими захоронениями, осуществляют уход за бездомными животными и пр. Весь перечень целей волонтерской деятельности указан в ст. 2 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». В связи с чем, представляется необходимым, при разработке дополнений в правовое положение волонтера учитывать особенности классификации волонтерской деятельности. Предлагается в частности тем волонтерам, чья деятельность носит не

эпизодический, а постоянный характер, считать это время в трудовой стаж. Возможно так же предусмотреть для активных молодых людей льготы при поступлении в образовательные учреждения высшего и средне профессионального образования на заочную форму обучения.

В связи с тем, что волонтерская деятельность в зарубежных странах давно получила свое развитие, следует обратиться к данному опыту. Многие иностранные государства в своем национальном законодательстве достаточно обстоятельно закрепили основы волонтерства. Так, например, в США в законе «О служении Америке» (Serve America Act) значительно расширяются возможности для американцев в области волонтерства и общественного служения как в рядах официальных организаций, таких как Американский корпус, так и на местном уровне [6, с.12]. Кроме того, существуют отдельные законы, обеспечивающие волонтеров всевозможными льготами: страхованием, правовой защитой и др. В Европе, так же как и в США, труд волонтера приравнивается к трудовому стажу: по закону те, кто отработал волонтером не менее 20 часов в месяц, получают специальный сертификат, а тем, кто отработал не менее 40 часов, заводят волонтерскую книжку по типу трудовой. Предъявляя их при поступлении на учёбу или на работу, волонтер имеет преимущество перед другим кандидатом. Указанное подтверждает целесообразность и применимость вносимых нами предложений о системе предоставления льгот для волонтеров в РФ.

Подводя итог исследованию, отметим, почему нужно уделять больше внимание правовому регулированию волонтерской деятельности в целом и правовому положению волонтера в частности. Закрепляя особенности данной деятельности нормативно, и транслируя эти изменения, возможно, рассчитывать на увеличение числа волонтеров, что поможет во-первых делать больше добрых дел, а во-вторых, молодые люди вовлеченные в данную

деятельность будут меньше времени проводить в виртуальном общении, отдавая предпочтения реальному.

Начало разработке нормативной основы положено. Поддержка государством волонтерского движения позволяет развивать законодательную базу. Возможно принять во внимание зарубежный опыт. Однако Россия должна найти собственную модель регулирования волонтерской деятельности и правового положения волонтеров исходя из своих социальных, культурных и экономических условий.

Литература:

1. Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»//Российская газета, N 159, 17.08.1995.
2. Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)»// Российская газета, N 26, 07.02.2018.
3. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ. 10.12.2007. № 50. ст. 6242,
4. «Модельный закон о добровольчестве (волонтерстве)» (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.04.2015 Постановлением 42-15 на 42-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств участников СНГ) // СПС Консультант Плюс.
5. Закон Самарской области от 08.12.2014 № 123-ГД (ред. от 14.06.2016) «О физической культуре и спорте в Самарской области» (принят Самарской Губернской Думой 25.11.2014)// Волжская коммуна, № 323(29175), 09.12.2014.
6. Данилова Е.В. Международный опыт волонтерской деятельности // Вестник РМАТ - 2015. - № 4 -- С.12.

УДК. 34.096

Попова Л.А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права

«Северо-Кавказский федеральный университет»

Юридический институт

Клюковская И.В.

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права

«Северо-Кавказский федеральный университет»

Юридический институт

Черниенко Н.Р.

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права

«Северо-Кавказский федеральный университет»

Юридический институт

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: Быстро меняющийся мир дает право и возможность России «идти в ногу со временем». От того как Россия встроится в производящие глобализационные процессы зависит ее будущее, которое неразрывно связано с системой образования.

Ключевые слова: глобализационные процессы, система образования, финансовая грамотность.

Annotation: the Rapidly changing world gives Russia the right and the opportunity to "keep up with the times". The future of Russia, which is inextricably

linked with the education system, depends on how Russia will integrate into the globalizing processes.

Key words: globalization processes, education system, financial literacy.

Процесс складывания российской образовательной системы длительный и обусловлен многочисленными факторами. На современном этапе развития одним из таких факторов является глобализация. Процессы глобализации ставят перед Россией новые задачи, и многое зависит от того, какую стратегию оно выберет в области скрепляющего звена – образования.

За последние годы реформы в образовании изменили основательно всю систему. Изменилось и новое понимание сути образования. Так, на протяжении 20 лет образование было направлено на удовлетворение образовательных потребностей населения, взамен специалистов, которые необходимы государству. Произошёл «сбой» в системе, выпала из системы средне-профессиональная подготовка.

Существующее несовершенство возможностей и доступности образования, может не только не уменьшится, но и усилится, а число бесплатных мест, еще больше сократится. Развитые страны выделяют из бюджетов на образование существенные суммы. Опыт индустриально развитых стран показывает, что кредитование и другие формы поддержки студентов усиливаются в зависимости не от успешности сдачи экзаменов, а от социального положения семьи[1]. Необходимо обратить внимание государства на недопущение неравенства прав граждан на образование. Несмотря на некоторые предпринятые шаги правительством в последние несколько лет, работу по подготовке профессиональных кадров - форсировать. Однако, модернизацию столь необходимую в образовании, необходимо проводить продумано, не торопясь.

Особого внимания заслуживает опыт формирования системы образования, позволивший в кратчайшие сроки преодолевать гигантское отставание России на разных исторических этапах ее развития. Почти 20 лет назад ректор Московского государственного университета В.А. Садовничий сказал: «Россия может достойно войти в постиндустриальное общество, опираясь на собственные идеи и отказываясь от приоритетов потребления. Надо восстановить лучшие традиции российского образования... . »[2]. Слепо копируя традиции Запада, была утрачена российская традиция, которая объединяла национальную культуру, образование и науку. Это относительно введения школьной программы Единого государственного экзамена, появлению колледжей, введению двухуровневой системы подготовки специалистов и т.д. Современная многоуровневая система подготовки «бакалавриат-магистратура-аспирантура» несовершенна [4]. До сих пор неясен смысл аспирантуры. Было бы логично ввести завершающий этап - «доктора философии». Весь период становления и развития российское образование находится в противостоянии влиятельных лобби: направленных на Запад и США и на возрождение национальных традиций в образовании.

В русской истории университеты всегда были «опорными вузами»[5] для регионов. Выстроенная система образования в XIX в. и в советский период справлялись с поставленными задачами, в частности, в подготовке кадров для регионов. Университеты являлись центрами науки, культуры, духовности передавая свою миссию в школы и в общество.

Когда-то Джон Кеннеди сказал: «Космос мы проиграли русским за школьной партой. Мы проиграли советскому учителю»[3]. Советская система разрушена, новая не создана. Положительным моментом является введение дошкольного возраста в 2018 году финансовой грамотности. Действительно дети значительно быстрее умнеют и адаптируются к взрослой жизни. Российская Федерация интегрировалась, стала неотделимой от международной

финансовой системы. Повышать финансовую громкость населения в условиях рыночной экономики и глобализации необходимо (как показывает практика) начинать в раннем возрасте.

В мировой экономике происходят глобализационные тенденции, давно ассоциирующиеся с революционными изменениями в электронике, компьютерной технике и связи. Робототехника как обязательный предмет – прямое влияние глобализации. Это будущее России.

Таким образом, воздействие глобализации на все сферы общественной жизни, очевидно. Система образования «на пороге» очередного переломного этапа развития. На её модернизацию выделяются 8,3 миллиарда рублей. От нее будет зависеть положение России среди развивающихся или развитых государств.

Литература:

1. Мельников И. Актуальные проблемы политики в области образования на современном этапе // AlmaMater. Вестник высшей школы. 2000. N 10. С. 14-16. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/negosudarstvennoe-vysshee-obrazovanie-rossii-tendantsii-i-osobennosti-razvitiya-sotsiologich#ixzz5CHjlcFO>
2. Садовничий В.А. Университетское образование в XXI веке // Известие ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 2000. N 2. С. 15-17.
3. «Космос мы проиграли русским за школьной партией // <https://politikus.ru/articles/65700-rossiyu-proigrali-za-shkolnoy-partoy.html>
4. Воротилина Т.В. проблемы и пути повышения качества высшего юридического образования // Черные дыры в российском законодательстве. 2016. N 5. С. 8-11.
5. Нововведения в системе образования 2018 года // <http://obrmos.ru/index.html>

СЕКЦИЯ 2
ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

УДК. 34.01

Скакун О.Ф.

профессор кафедры теории государства и права

*Юридический институт Севастопольского государственного
университета*

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК,
МИРОВОЙ ПРАВОПОРЯДОК: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИХ
ВЗАИМОСВЯЗИ

Аннотация: Анализируется соотношение понятий «правовая система общества», «национальный правопорядок», «мировой порядок», а также «международный правопорядок». Расставлены акценты в вопросе об их системной взаимосвязи (взаимодействии и взаимовлиянии).

Ключевые слова: правовая система общества, национальный правопорядок, международный правопорядок, мировой правопорядок.

Annotation: The correlation of the notions "legal system of society", "national legal order", "world order", as well as "international legal order" is analyzed. The emphasis is placed on the issue of their systemic relationship (interaction and mutual influence).

Key-words: the legal system of society, the national legal order, the international legal order, the world legal order.

Поставленная проблема не нова: в разных аспектах она изучалась в прошлом и ныне устойчиво обсуждается в научной среде государств мира.

Исторические и современные тематические исследования с прогностическим анализом дальнейшего развития мирового порядка, как глобального явления, так или иначе, отталкиваются от уровня развитости национальных правопорядков, как совокупном отражении качества функционирования правовых систем планеты.

Учеными РФ написано немало научных работ, посвященных проблемам как национального правопорядка (Ю.Е. Аврутин, В.М. Артемов, А.В. Виссаров, В.Н. Казаков, В.Я. Кикоть, К.В. Макаров, В.Л. Некишев, П.С. Назаров, О.М. Пакус, Е.С. Папрыгин, Е.В. Рябова, О.П. Сауляк, И.И. Сыдорук и др.), так и мирового правопорядка (Г.М. Азнагулова, Р.М. Валеев, А.А. Громыко, П.С. Кох В.В. Лунев, Е.Г. Ляхов, Е.К. Матевосова, Н.А. Молчанов, В.Д. Перевалов, В.Б. Рыжов, Ю. А. Тихомиров, Н.Е. Тюрина, В.И. Шерпаев, Г.Е. Шинкарецкая и др.). Национальный и мировой правопорядки рассматриваются ими как разноуровневые самостоятельные и взаимосвязанные правовые явления. Справедливо акцентируется внимание на важности стабильности мирового правопорядка для функционирования национальных правопорядков (правовых систем мира) и на обратную зависимость устойчивости национальных правопорядков от прочности мирового правопорядка.

Цель автора статьи – опираясь на научные достижения ученых-предшественников, акцентировать внимание на теоретико-правовом аспекте проблемы взаимосвязи правовых систем мира и их национальных правопорядков, с одной стороны, и мирового правопорядка, как результата качественного взаимодействия национальных правопорядков, с другой.

Указанная цель реализуется путем выполнения поставленных задач:

- 1) кратко описать место национального правопорядка (порядка, основанного на праве) в правовой системе общества и охарактеризовать его сущность;
- 2) раскрыть суть и содержание мирового правопорядка в сравнении с международным правопорядком;
- 3) расставить акценты в вопросе о системной

взаимосвязи между национальными правопорядками (правовыми системами планеты) и мировым правопорядком.

1. Правовая система общества (объединенного в государство) – это цельная система согласованных правовых средств, постоянно используемых людьми и их организациями, как субъектами права, для удовлетворения частных и публичных потребностей и интересов, обеспечения правопорядка в обществе. Если правотворческие, правоприменительные, правоохранительные и судебные органы являются неперенными составными частями правовой системы, то правопорядок – итог действенности права во всем многообразии его проявлений, показатель состояния (режима) законности и налаженной конструктивной взаимосвязи всех элементов правовой системы, уровня ее стабильности и неделимости.

Правапорядок – это составная динамическая часть общественного порядка в государстве, благодаря которой поддерживается равновесие между интересами гражданского общества и государства, создается необходимая безопасность, то есть такое упорядоченное состояние, когда можно предвидеть решения юридических ситуаций и рассчитывать на гарантирование осуществления прав. Правапорядок определяется уровнем профессиональной правовой культуры, качеством правовой деятельности – законотворческой (закладывается в правовых нормах, проявляется в эффективности функционирования законов) и правоприменительной (устанавливается в результате реализации правовых норм, в своевременном выявлении и пресечении любого их нарушения).

Обеспечивает устойчивость правопорядка повсеместный, всеобщий и универсальный контроль граждан и институтов общества, уполномоченных органов государства (экспертиза законопроектов, соответствия им подзаконных актов, результативность юридической практики — деятельности судов, прокуратуры, полиции, адвокатуры и др.), а также базирование на высоких

нравственных устоях, уважении прав человека, его достоинства и чести. В немалой степени уровень национального правопорядка определяется качеством образования, прежде всего, юридического.

Если национальный правопорядок – показатель работы всех элементов правовой системы отдельного государства, то мировой правопорядок отражает специфику взаимопонимания и взаимодействия правовых систем (их правопорядков), иных национальных и социальных образований в масштабе всей планеты.

2. Правовые системы мира (сгруппированные учеными в семьи (типы) на основании сходных признаков), а также регионально-континентальные межгосударственные правовые системы (ЕС, СЕ и др.) объективно призваны соблюдать международный и мировой правопорядки.

Мировой правопорядок (правопорядок мирового сообщества) и международно-правовой порядок (международный нормативный порядок) – не тождественные понятия, хотя близки и взаимозависимы. Эти правопорядки взаимодействуют на планетарном уровне, так как опираются на одинаковое видение ценностей общества, ставших основанием международного права. Однако их нельзя отождествлять, поскольку каждый из правопорядков (международный и мировой) обладает только ему присущими внешнегосударственными правовыми механизмами. Если международный правопорядок раскрывается через механизм действия международного права, в основе которого заложено властное регулирование международных отношений, принудительное соблюдение международно-правовых норм, то мировой правопорядок выявляет себя через сложный процессуальный механизм, субъекты которого различны по юридическому статусу: государства (ныне в мире их 195); международные организации (ООН, Международная организация труда, Всемирная организация здравоохранения, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Всемирная торговая организация,

Международный валютный фонд и др.). Субъектами международного права являются также государственные и профессиональные негосударственные организации в сфере образования, науки, культуры (ЮНЕСКО) и в других сферах, т.е. более 30 организаций (программы, фонды и специализированные учреждения).

Нормативно-правовое обеспечение механизма действия мирового правопорядка осуществляется при помощи системы международно-правовых процессуальных норм, содержащихся в уставах, положениях, конвенциях, договорах. Процессуально обеспечивают функционирование мирового правопорядка международные суды (Международный суд ООН, Европейский Суд по правам человека); международные трибуналы (Международный трибунал ООН по морскому праву); арбитражные коммерческие, экономические суды (Международный арбитражный суд Международной торговой палаты, Экономический суд СНГ), разно-уровневые согласительные комиссии (Международный центр по урегулированию инвестиционных споров) и др.

По сути, мировой правопорядок как сложная и постоянно развивающаяся система отношений различных государств, международных организаций, социальных и национальных общностей, опирается на нормативную базу международного права и результаты процессуальной деятельности международных судов, согласительных комиссий.

3. Реальность мирового правопорядка обусловлена консенсусом правовых систем планеты, стабильностью национальных правопорядков.

Основные социально-правовые вехи движения к мировому правопорядку: становление личности как социального субъекта; наделение личности правовым статусом человека и гражданина; формирование правовой системы общества (государства) и укрепление национального правопорядка как гаранта ее надежности и безопасности; разработка международного права и развитие на

его основе международного правопорядка; укрепление мирового правопорядка на базе процессуального обеспечения взаимопонимания между правовыми системами (их национальными правопорядками), национальными и социальными общностями планеты.

Испытывая объективную потребность во взаимной связи, согласии и сотрудничестве национальный правопорядок и мировой правопорядок влияют друг на друга различными способами. Назовем некоторые из них:

1) принципы права (гуманизм, юридическое равенство, свобода воли и поведения, демократизм, справедливость, законность), выведенные из содержания и смысла национального законодательства и юридической практики, являются планетарными универсальными принципами;

2) при сохранении преемственности укорененных правовых традиций и учете правовой ментальности собственного народа, правовые системы (в формах юридической аккультурации, рецепции права) заимствуют друг у друга правовые нормы, юридическую терминологию, юридические конструкции, способы юридических интерпретаций и др.;

3) нормы права в правовых системах мира, вследствие их внутренней и внешней взаимосвязи, ориентированы на утверждение мировых правовых правил поведения, универсальным кладезем которых служит международное право;

4) заинтересованность национальных правопорядков в развитии мирового правопорядка возрастает в связи с разными угрозами для жизни людей планеты (сохранение экологической безопасности, борьба с такими природными явлениями, как землетрясение, наводнение, урагана, извержение вулкана, истощение энергетических ресурсов и необходимость их рационального использования, предотвращение ядерных, химических и иных войн и др.);

5) потребность национальных правопорядков в упрочении мирового правопорядка диктуется появлением единого, глобального, пространства для экономических, хозяйственных связей – беспрепятственного перемещения капиталов, информационных технологий и др.:

б) растущий спрос на идеологическую, культурную, образовательную адаптацию к происходящим обновлениям общественной жизни планеты.

Правовая система и ее национальный правопорядок как единая социальная и правовая ценность, служит исходным системно-образующим основанием мирового правопорядка. Характеризуясь относительной стабильностью во внутренних связях и отношениях, национальный правопорядок динамичен и многообразен во внешних отношениях, заинтересованный участник поддержания мирового правопорядка.

УДК. 342.565.2

Анохин А.Н.

кандидат юридических наук, доцент

доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Проблемы целенаправленного развития государства и общества всегда являются актуальными для юридической науки и гуманитарных наук в целом. Проводимые исследования основываются на системном познании объективной

реальности, на исследовании системных связей в изучении динамики движения государства и общества [1;2;3]. Применяемые учеными методы формализации и анализа происходящих процессов служат предпосылкой для предоставления обоснованных рекомендаций о необходимости разработки и принятия решений, направленных на эффективное преобразование настоящего состояния объектов для достижения высоких результатов их развития в будущем.

Особое значение в подобных исследованиях имеет так называемая «концепция будущего», выступающая как прогностический образ перспективного состояния объекта. Именно данный прогноз способен стать условием создания правильной стратегии развития государства и общества. Однако и этот прогноз также является следствием, выводимым из официально установленного нормативного ориентира, имеющего характер обязательности и заданности.

В период существования СССР в качестве такого ориентира служили документы КПСС (прежде всего Программа КПСС). На их основе составлялся прогноз и далее стратегия развития советского государства и общества. Именно программные положения коммунистической доктрины определяли прогнозирование и стратегию правового регулирования в СССР [4, с.3,4; 5, с.3-6].

В настоящий период существования Российской Федерации отсутствует разработанный в детализированном и развернутом виде нормативный ориентир для формирования обоснованного прогноза и стратегии развития российского государства и общества. Конституция Российской Федерации, рассматриваемая с таких позиций, содержит весьма обобщенные и абстрактные положения, что препятствует возможности их непосредственного использования для осуществления прогностических и стратегических исследований, представляющих собой «концепцию будущего» Российской Федерации.

Считаем, что в таких условиях именно Конституционный Суд Российской Федерации должен стать тем субъектом, решения которого способны выступить нормативным ориентиром для проведения указанных прогностических и стратегических разработок теоретического и практического характера. Данный подход может быть обоснован с позиций концепции самоуправления народа. В соответствии с ней народ выступает в качестве источника власти, субъекта и объекта самоуправления, способного самостоятельно устанавливать формы организации собственной власти, учреждать сферу государственно-организованного общества, определять перспективы их развития, осуществлять контроль за процессом реализации провозглашаемых целевых ориентиров.

Важно указать, что именно Конституция служит формой учреждения системы самоуправления народа, актом его волеизъявления в статусе социально-исторической общности. Понимание народа в статусе данной общности имеет наиболее широкое смысловое значение, не сводимое к принятому в науке государствоведения и конституционного права отождествлению его с «гражданами государства» и «избирательным корпусом».

В этом контексте Конституционный Суд Российской Федерации раскрывая смысл конституционной формулировки «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» подчеркивает, что народ есть исторически сложившаяся общность. Народ представляет собой в социальном отношении органическое явление, духовное целое. Воля народа, понимаемого в данном смысле составляет основу 1000 – летней государственной бытийности России как высшей формы его социального сознания [6, с.30].

Именно в таком статусе (социально-историческом) народ признается субъектом исторического процесса, наследующим традиции предков (предыдущих поколений), наделенным через существование в настоящем, возможностью воспроизводить себя в будущих поколениях. Подобный историко-стратегический подход наделяет народ качествами самостоятельного

источника и субъекта власти, способного с учетом исторической традиции учреждать целевую стратегию своего развития (будущее состояние), реализовывать целевые установки (достигать будущего состояния), контролировать степень соответствия достигнутых результатов учрежденным целям.

Из этого следует, что закрепленная в Конституции учредительная воля народа Российской Федерации в статусе социально-исторического субъекта является иерархически высшем уровнем проявления его волеизъявления, обладающая приоритетом относительно воли народа в статусе избирательного корпуса при осуществлении предусмотренных Конституцией форм народовластия.

Развитие приведенных положений позволяет исследовать самоуправление народа с позиций системного подхода, где иерархические уровни системы выступают способом дифференциации порядка реализации статуса народа в форме «субъектно-объектных» отношений учредительной, государственной, муниципальной власти.

Поэтому субъекты, наделенные народом правом официально толковать его учредительную волю, устанавливая соответствие Конституции актов органов государственной и муниципальной власти, разрешать иные вопросы конституционного значения, должны быть отнесены к системе учредительной власти. Принадлежность к данной системе выводит таких субъектов из сферы государственной и муниципальной власти, помещая их в высший иерархический уровень общей системы власти народа, наделяя их статусом органов учредительной власти.

Вместе с тем, мировая практика конституционного и государственного строительства идет по пути включения этих субъектов в систему органов государственной власти, помещая их в перечень органов судебной власти либо внесудебных органов, но в любом случае осуществляющих функцию

конституционного контроля со стороны органа государственной власти. [7, с. 391-414].

Однако в теории управления стадия контроля является одной из завершающих процесс управления, следующая после принятия управленческого, в том числе законодательного решения. Таким образом, имеет место противоречие, связанное с помещением органа учредительной власти в конструкцию иерархически подчиненной и производной от нее государственной власти, что искажает логику построения системы самоуправления народа.

В соответствии с изложенным, Конституционный Суд Российской Федерации должен быть наделен статусом органа учредительной власти. Однако действующая Конституция Российской Федерации не содержит характеристики статуса Конституционного Суда. Она дана в статье 1 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации: «Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства» [8]. Как представляется, такая характеристика существенно искажает и ограничивает закрепленный в Конституции статус народа Российской Федерации, учредительную волю которого вправе официально толковать только Конституционный Суд.

Считаем что, Конституционный Суд Российской Федерации в статусе органа учредительной власти народа способен творчески выявлять закрепленную в Конституции волю народа в виде целевых установок стратегии развития государства и общества, определять направленность реализации данных целей, осуществлять конституционный контроль за степенью соответствия достигнутых результатов учредительным целям.

В научной литературе справедливо подчеркивается, что природа деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в своих итогово-

правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством. Специфика «квазиправотворческой», динамически-интерпретационной деятельности Конституционного Суда такова, что его решения, обладая нормативно-доктринальной природой, имеют предметом своего влияния нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня – общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений.

В результате происходит приращение и актуализация нормативного содержания отправных для правовой системы величин, обеспечивается развитие сакрального духа Конституции, который не подвластен законодателю, воплощается в конституционных ценностях, принципах, основах и, как результат – происходит преобразование всей системы национального конституционализма. [9, с. 63].

Таким образом, нормативные основы прогнозирования и стратегии развития государства и общества коренятся в сакральном духе Конституции Российской Федерации, в заложенных в ней ценностях и смыслах, в её идеологической доктрине. И только Конституционный Суд Российской Федерации будучи органом учредительной власти народа вправе официально их выявлять, интерпритировать, и в развернутом, конкретизированном виде провозглашать в своих решениях. Именно эта деятельность Конституционного Суда способна выступить источником динамизма в функционировании всей системы самоуправления народа, придать ей должную целенаправленность и иерархическую слаженность.

Список литературы

1. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.

2. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом (Опыт системного исследования). – М.: Политиздат, 1973. – 390 с.
3. Анохин А.Н. О понимании правового регулирования как особой формы управления обществом // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Том 26(65). 2013. № 1. С.24-29.
4. Бестужев – Лада И.В. Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества. – М.: Издательство «Наука», 1984. – 271 с.
5. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. – М.: Юридическая литература, 1985. -144 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2013. – 1040 с.
7. Шаповал В.Н. Сравнительное конституционное право. – К.: ИД «Княгиня Ольга», 2007. – 416 с.
8. Закон о Конституционном Суде РФ – Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1 – ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447
9. Стратегии правового развития России: монография / коллектив авторов; под ред. О.Ю. Рыбакова. – 3 – е изд., стер. – М. ЮСТИЦИЯ, 2016. – 624с.

УДК 342.4

Регушевский Э. Е.

кандидат юридических наук, доцент

*доцент кафедры истории и теории государства и права юридического
факультета*

«Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СТАБИЛЬНОСТЬ И УРОВЕНЬ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ

Аннотация. В данной работе сделан теоретический анализ характеристик влияния правовой и политической культуры на стабильность и уровень реализации конституционных норм.

Ключевые слова: правовая и политическая культура, правосознание, стабильность, реализация конституционных норм, правовой нигилизм.

Abstract. The article presents the theoretical analysis of the characteristics of the influence of legal and political culture on the stability and level of constitutional norms implementation.

Key words: legal and political culture, legal consciousness, stability, constitutional norms implementation, legal nihilism.

Правовая природа Конституции предопределяет ее одно из важнейших свойств, которым является стабильность. Стабильность – в целом неотъемлемое качество права, которое характеризует устойчивую эффективность системы регулирования общественных отношений. Закон, тем более Основной Закон, не должен быть подвержен быстрым и многочисленным изменениям. Это подрывает авторитет права, снижает его потенциал [1, с.155].

Вместе с тем, стабильность и потенциал, авторитет и эффективность правовых предписаний, прежде всего конституционных норм, зависит от факторов и предпосылок различного характера. Так, безусловно влияющим на степень и уровень реализации основных конституционных принципов и норм, является социально-экономическое положение в обществе и государстве. Оно связано и с финансовыми трудностями, и со слабой социальной

ориентированностью перехода на рыночную экономику, недостаточно эффективным управлением, коррупцией, несоблюдением законодательных предписаний и прочими негативными явлениями социально-экономической жизни общества и государства [2, с.173-174].

Другими по характеру, но не менее важными в эффективности, реальности и стабильности конституционно-правовых предписаний являются правовая и политическая культуры, включающие в себя не только психологические и идеологические элементы (правовая идеология и правовая психология), но и юридически значимое поведение.

Если высокий уровень правовой и политической культуры позволяет говорить и о достаточно высоком уровне правореализации как динамическом и многогранном процессе, то противоположные условия содержат в себе ряд негативных предпосылок. Качественным критерием и показателем уровня правореализации может послужить реализация норм Конституции – Основного Закона государства и общества.

Так, негативное влияние на стабильность и уровень реализации конституционных норм оказывает деформация правосознания. Несмотря на наибольшее распространение правового нигилизма [3, с.445], имеют широкое проявление и иные виды деформации. Среди психологических факторов нередко можно встретить и гипертрофированное представление о роли права (правовой фетишизм [3, с.445]), и небрежное отношение к юридическим ценностям (правовой дилетантизм [3, с.445]), и несформированность правовых знаний при личной уверенности в хорошей юридической подготовке (правовой инфантилизм [3, с.445]). Такое поведение, к сожалению, проявляется во всех социальных группах современного общества и вне зависимости от рода профессиональной деятельности.

Реальность норм Основного Закона, несомненно, зависит от указанных выше форм негативного поведения субъектов применения соответствующих

норм. Быть наделенным правом, поступать в соответствии с нормой Конституции тем или иным образом нередко трактуется субъектом права достаточно вольно, с элементами самоуверенного и небрежного отношения к самим правовым предписаниям. Результатом, как правило, является искажение содержания нормы, что приводит к понижению уровня, а в отдельных случаях, и к полному отсутствию реализации конституционных предписаний. В свою очередь, системность в невозможности реализации нормы, ставит законодателя перед необходимостью внедрения новых механизмов повышения эффективности, а при необходимости, и перед неизбежностью пересмотра нормы.

Реализация Конституции не только как Основного Закона государства, но и основного закона общества предполагает ее реализацию на двух уровнях – реализацию документа в целом и реализацию конкретных конституционных предписаний. Соответственно и оценочные характеристики субъекта в процессе реализации лежат в разных плоскостях. С одной стороны субъект дает оценку Конституции как целостному документу, выступающему регулятором всех общественных отношений в государстве, и имеющему абсолютный авторитет в системе национального законодательства, с другой стороны, субъект критически оценивает правые условия, позволяющие ему реализовать конкретную конституционную норму.

Реализация конституционных норм – динамичный процесс, неразрывный и одновременно подверженный политико-правовым явлениям, происходящим в обществе и государстве, процесс, который непосредственно влияет на формирование мировоззрения, правосознания и правовой и политической культуры в целом. Эффективность реализации конституционных предписаний закладывает соответствующие предпосылки для формирования позитивного восприятия результатов указанного процесса, соответственно ставит субъекта перед неизбежностью успеха и удовлетворенности своей деятельностью, а

значит, порождает желание достигать новых результатов, что в свою очередь приводит к приобретению положительного опыта, повышению авторитета и уровня реализации конституционных норм. Отсутствие же эффективности в процессе реализации конституционных предписаний приводит к накоплению негативного опыта, падению авторитета конституционных норм, их формальности, а значит и необходимости внесения соответствующих изменений – процесса, ставящего под сомнение стабильность.

Процесс формирования правовой и политической культуры и реализация конституционных норм, зависящие друг от друга и взаимодополняющие процессы. Качество реализации конституционных норм находится в прямой зависимости от уровня знаний и понимания ценностей в правовой сфере. Являясь отражением качественного состояния правовой жизни общества [3, с.448], правовая и политическая культура является отображением опыта участия общества в правовой и политической жизни, является транслятором правовых ценностей в процессе становления гражданского общества и укрепления правового государства. Несомненно, развитие правовой и политической культуры, повышение уровня прогрессивной и эффективной реализации конституционных норм, укрепление их стабильности требует соответствующих предпосылок. Среди наиболее значимых предпосылок можно отметить необходимость повышения уровня теоретической и научной мысли в обществе, повышение уровня правосознания граждан и должностных лиц. Большое значение имеет повышение уровня правового воспитания и, соответственно, решения его задач по формированию знаний и уважения к конституции, ее нормам, умения применения конституционных норм на практике и выработке привычки действовать в полном соответствии с их предписаниями.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИД «Юриспруденция». 2013. – 576 с. – С. 155

2. Козлова Е.И. Конституционное право: учеб. для средних профессиональных учебных заведений / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 592 с. – (Ab ovo). – С. 173-174.

3. Рассказов Л.П. Теория государства и права: Учебник для вузов. – 2-е изд. – М.: РИОР, 2009. – 464 с. – (Высшее образование). – С. 445.

УДК. 34.096

Смирнова Е.В.

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории
государства и права

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ
(НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

В статье рассматриваются актуальные вопросы роли национальных государств в современных международных отношениях, Европейского Союза и России. Актуализируется понятие регионализма при всевозрастающем влиянии интеграционных процессов. Автор приходит к выводу о том, что регионализацию необходимо рассматривать в более широком контексте основных тенденций, определяющих развитие и современное положение

Европы. Это, прежде всего, кризис суверенности традиционного национального государства. Цель статьи –показать взаимосвязь этих процессов в Европе, сделав основной акцент на регионализации.

Ключевые слова: глобализация, Евросоюз, интеграция, национальные хозяйства, регионализм.

The article discusses topical issues of the role of national states in contemporary international relations, the European Union and Russia. The notion of regionalism is being updated with the ever-increasing influence of integration processes. The author comes to the conclusion that regionalization should be considered in the broader context of the main trends that determine the development and present situation of Europe. This, above all, is the crisis of sovereignty of a traditional national state. The purpose of the article is to show the interconnection of these processes in Europe, with the main emphasis on regionalization.

Key words: globalization, the European Union, integration, national economies, regionalism.

В начале XXI века изменилась структура взаимоотношений в мировой политике, где роль национальных государств становится менее заметной, появляются новые субъекты – межправительственные организации, транснациональные корпорации и международные неправительственные организации. Активное участие в решении сложных международных проблем принимают также участие коренные народы и отдельные регионы, которые принято называть как административно-территориальные единицы современных национальных государств.

Анализ литературы по данной проблеме свидетельствует о трех основных факторах, которые снижают роль национальных государств в современных международных отношениях: глобализация, интеграция и регионализация. Однако они по-разному влияют на структуру международных отношений в

разных частях земного шара[1]. Это зависит от особенностей политического и социально-экономического развития. Наиболее быстрыми темпами интеграционные процессы проходят в Европе. В тоже время интеграция находится под влиянием глобализации и регионализации. Глобализация путем усиления взаимозависимости национальных хозяйств нескольких государств, создает условия для интеграции, что является одной из целей последней. С другой стороны регионализация стремится снизить различия в экономическом развитии регионов Европейском Союзе, что в конечном результате создает предпосылки для эффективной экономической интеграции. Эти тенденции характерны и для политической, и для культурной интеграции в рамках Европейского Союза.

Данная проблема является актуальной в силу нескольких причин.

Во-первых, Российская Федерация (далее РФ) является сложным федеративным государством, самым большим по площади в мире. В главе 3 Конституции РФ ст. 65 определяет состав субъектов РФ. В нее входят 21 республика, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа – всего 85 субъектов федерации[2].

Во-вторых, территория РФ разделена на 8 федеральных округов, которые были созданы в соответствии с Указом Президента России № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 года[3].

Федеральные округа не являются субъектами или другой конституционной частью административно-территориального деления РФ и были созданы по аналогии с военными округами и экономическими районами, но не совпадали с их количеством и составом. Полномочный представитель Президента РФ в федеральном округе не является руководителем округа или начальником для глав входящих в округа субъектов, а является работником администрации Президента РФ в федеральном округе. И хотя представители

Президента РФ не имеют конституционных полномочий, их создание и роль в управлении свидетельствует о первом этапе регионализации государства.

В этой связи можно утверждать, что актуальность изучения регионализма обусловлена и всевозрастающим влиянием интеграционных процессов в Европейском Союзе на развитие российского государства.

Так, активными участниками трансграничной интеграции на региональном уровне становятся последние годы приграничные регионы Северо-западного федерального округа РФ, образуя еврорегионы с соседними регионами стран Евросоюза, в первую очередь – Северные страны. И хотя экономические санкции несколько затормозили этот процесс – актуальность и своевременность данных вопросов для российского приграничья не вызывает сомнений.

Изучение научных работ современных исследователей дает автору возможность сделать однозначных вывод: регионализацию необходимо рассматривать в более широком контексте основных тенденций, определяющих развитие и современное положение Европы. Это, прежде всего, кризис суверенности традиционного национального государства. Не имеет смысла перечислять труды, посвященные в последнее десятилетие этому явлению, они слишком многочисленны. Почти каждый исследователь, изучающий указанные тенденции, считает своим долгом напомнить о происходящем, внося свой вклад в изменение отношения к устаревающему национальному государству. В задачу настоящей статьи не входит полномасштабный анализ их взаимоотношений [4]. Наша цель – показать взаимосвязь этих процессов в Европе, сделав основной акцент на регионализации.

Если посмотреть на европейскую интеграцию более внимательно, то регионализацию действительно можно считать одной из основ интеграционного процесса.

Регионализация в политической сфере воплощается в привлечении региональной элиты к принятию политических решений на национальном и наднациональном уровнях. Необходимо отметить, что в процессе принятия решений вовлекаются не только политические лидеры или наиболее влиятельные представители региональной экономической элиты. Больше значение в диалоге между государствами и регионами имеют научные, общественные, неправительственные организации.

Благодаря их участию взаимодействие и понимание центральной власти и администраций регионов становится продуктивнее. Исключением является случай каталонского регионального сепаратизма в Испании.

Регионализация в экономической сфере приводит к главному результату – выравниванию уровня развития регионов. С одной стороны, свой вклад вносит региональная политика Евросоюза, с другой стороны, сами регионы, будучи наделенными большими экономическими правами и свободами, способны устанавливать и развивать эффективные и взаимовыгодные кооперативные связи как с регионами внутри государства, так и с зарубежными партнерами.

Регионализация в сфере культуры – это процесс наделения региональных сообществ культурной автономией. Центральные органы власти передают все больше полномочий регионам, что способствует снижению межкультурной напряженности на общегосударственном пространстве. Кроме этого представители различных культурно-лингвистических и этнических сообществ, проживающие по разные стороны государственных границ, получают возможность для культурного «воссоединения» в рамках трансграничных районов.

Фактически это означает, что трансграничный регионализм в рамках Евросоюза, за более чем пятидесятилетний период истории прошел путь развития от частной инициативы местных и региональных властей, а затем сферы ответственности национальных государств до приоритетной инициативы

Сообщества и важной коммунитарной политики сплочения. Если на эти цели в период 2000-2006 гг. Евросоюз потратил 4,9 млрд. евро, то за 2007-2013 гг. – около 13,5 млрд. евро[5]. Следует подчеркнуть, что эта сумма относится лишь к внутренним границам Евросоюза, тогда как некоторые Еврорегионы на внешних границах получают финансирование из бюджета Европейского инструмента соседства и партнерства.

Таким образом, становление системы трансграничного регионального сотрудничества в качестве важнейшего компонента европейской интеграции становится следующей важной тенденцией развития европейского регионализма и регионализации.

Однако помимо описанных выше институтов, можно выделить и другие организации, вклад которых в развитие трансграничной интеграции не менее важный. Их мы разделяем на два типа: правительственные и неправительственные. К правительственным относятся наднациональные, национальные и региональные. К неправительственным – межрегиональные, межмуниципальные и городские. Отметим, что сложность такой типологизации институтов регионализации заключается в том, что многие из них не обладают юридическим статусом и, следовательно, не могут быть отнесены к определенному типу институтов.

В последние годы Евросоюз переживает сложные по своим масштабам и последствиям изменения. Они касаются всех сфер жизни Сообщества, заставляют по-новому смотреть на проблемы и перспективы «Единой Европы». Вместе с тем Евросоюз объективно остается, по мнению многочисленных экспертов, наиболее успешным политико-экономическим образованием.

Литература:

1. Вендт А. Четыре социологии международной политики /П.А. Цыганков. Международные отношения: социологические подходы. М.: Гардарики. 1998. – 135 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
3. Указ Президента России № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 года.http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329
4. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory \ International security. Vol. 23, 2008.

УДК. 342.24

Кузьмин А.В.

руководящий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, кандидат
юридических наук, доцент

*Государственный институт экономики, финансов, права и технологий
(г. Гатчина, Ленинградская область)*

СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

Аннотация: В статье рассматривается юридическая конструкция состава правоотношения с участием субъекта Российской Федерации. Отмечается, что субъектом правоотношения может выступать как собственно субъект Российской Федерации, так и образованный им орган государственной власти. От определения субъектного состава исследуемых правовых отношений зависит объем юридической ответственности соответствующего субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации, субъект правового отношения, юридическая обязанность.

Abstract: The article deals with the legal construction of the legal relationship with the legal participation of the subject of the Russian Federation. It is noted that the subject of the legal relationship can be both a subject of the Russian Federation and an body of state power formed by it. The scope of legal responsibility of the relevant subject of the Russian Federation depends on the definition of the subject composition of the legal relations being studied.

Key words: subject of the Russian Federation, subject of legal relationship, legal duty.

Современная политическая конфигурация федеративных отношений в России предопределила в качестве приоритетной задачу оптимизации осуществления своих функций как государством, так и субъектами федерации.

В этой связи одной из ключевых задач региональной (да и федеральной) власти является нормативное правовое формирование системы взаимодействия региона и федерального центра, которая, в условиях российских политико-правовых реалий, возможна в рамках следующих конфигураций: а) «федерация – субъект федерации»; б) «органы государственной власти федерации – органы государственной власти субъекта федерации»; в) «федерация - органы государственной власти субъекта федерации»; г) «органы государственной власти федерации - субъект федерации». И в каждом из приведённых вариантов взаимодействие строится на основе весьма простой юридической конструкции содержания правоотношения: «права-обязанности».

Отметим при этом, что подобная конструкция присуща и правоотношениям с участием граждан. Дело в том, что субъективному праву граждан, установленному законом субъекта Российской Федерации, корреспондирует обязанность субъекта Российской Федерации или органа

государственной власти такого субъекта. Именно нормативное выражение (точнее, «невывражение») этой обязанности и является фактором, деформирующим понимание теоретической структуры конституционного правоотношения как с участием граждан, так и исключительно в системе межвластного взаимодействия. Техничко-юридические (остаётся надеяться, что не политические) подходы федерального законодателя, отдающего приоритет правам, а не паритету «права-обязанности», - были восприняты и региональным законодателем при нормативном правовом закреплении юридических обязанностей субъекта Российской Федерации.

Так, в Уставе и Законах Санкт-Петербурга обязанности Санкт-Петербурга не закрепляются вообще. К обязанностям органов исполнительной власти Санкт-Петербурга прямо отнесены лишь содержащаяся в ст.53 Устава Санкт-Петербурга обязанность предоставления сведений по депутатскому запросу. Ответ на такой запрос необходимо дать «в письменной форме не позднее чем через 15 дней со дня получения обращения, за исключением информации, которая согласно законодательству Российской Федерации отнесена к категории информации ограниченного доступа».

Обязанности депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга отражены в ст. 25 Устава Санкт-Петербурга. Кроме того, обязанности государственных органов можно вывести из логики ст. 69 Устава Санкт-Петербурга, закрепляющей перечень прав жителей Санкт-Петербурга.

Законы Санкт-Петербурга в основном содержат указания лишь на обязанности государственных органов и должностных лиц. Однако единичные концепты обязанностей Санкт-Петербурга можно найти: «Санкт-Петербург обязан обеспечить полностью или частично потребность в лекарственных средствах 31 категории больных и 11 социальных групп населения...» [1, 2]. «Осуществлять в пределах установленной Правительством Санкт-Петербурга компетенции полномочия по предоставлению в аренду земельных участков без

предварительной публикации в средствах массовой информации и сети Интернет сведений о таких земельных участках в следующих случаях:

...выполнение юридически значимых действий в отношении земельных участков, которые Санкт-Петербург обязан совершить в силу требований гражданского законодательства» [3].

Подобный оборот встречается и в правореализационной (договорной) практике субъекта Российской Федерации: «Санкт-Петербург обязан обеспечить выполнение всех мероприятий, необходимых для подготовки территории Строительства, в порядке и на условиях, предусмотренных Приложением 8 (Перечень мероприятий по подготовке территории строительства)». И далее: «В течение Срока Санкт-Петербург обязан соблюдать следующие положения в связи с Отчуждением акций ОАО «ЗСД», за исключением...» [4]

Представляется очевидным, что упоминание Санкт-Петербурга как субъекта юридической обязанности вряд ли преследовало цель подчеркнуть отличие Санкт-Петербурга от государственных органов, представляющих этот субъект Российской Федерации.

Возникает предположение, что для реализации конкретных правоотношений с участием органов государственной власти как представителей Санкт-Петербурга, указание на титульный субъект правоотношения непринципиально. Однако это не совсем так. Дело в том, что правовое федеративное государство само по себе призвано обеспечивать общественную безопасность как на территории государства, так и на территории субъекта федерации. Во втором случае территориальное образование выступает политическим со-актором такого обеспечения. Причём нелогичность конструкции «федерация - органы государственной власти субъекта федерации» очевидна. Здесь стоит либо говорить о связи «органы государственной власти федерации – органы государственной власти субъекта

федерации», либо «федерация – субъект федерации». В первом из этих случаев очевидна зависимость правоотношения от воли должностных лиц органов власти. Во втором – от воли государства и государственно-территориального образования (субъекта федерации). В первом случае обязанный субъект – должностное лицо государственного органа, во-втором – государство или субъект федерации.

Исходя из схемы представительства интересов государства и территориальных образований разница невелика. Однако в структуре юридической обязанности важное место занимает юридическая ответственность. И, в первом случае, подвергая судебному или дисциплинарному преследованию должностных лиц государственных органов, процесс реализации юридической ответственности можно считать завершённым. Должностное лицо наказано, государственный орган изменил свой персональный состав. Причём, исходя из ссылки на возможные личные мотивы в действиях должностного лица-правонарушителя, можно представить государство или субъект федерации в качестве потерпевшего или субъекта, чей законный интерес нарушен. Но это нонсенс: нарушитель нарушил свой собственный законный интерес. Второй случай наряду с наказанием конкретного виновного лица предполагает ответственность, а значит, претерпевание неблагоприятных последствий (лишений), государства или субъекта федерации. Здесь, между прочим, следует учитывать один из принципов юридической ответственности – принцип неотвратимости наказания.

В этой связи возникает вопрос о мерах наказания в отношении государства или его части. Конечно, государственный суверенитет предполагает верховенство государственной власти. Здесь вопрос о наказании не столь очевиден, однако он и не является предметом данного конкретного исследования. Но в отношении субъектов федерации есть внешний суверен – федерация (как вариант – народ). Именно верховная власть может применить к

территориальным образованиям (субъектам федерации) конкретные санкции, осуществив от имени федерального центра так называемую «федеральную интервенцию»? включая возможность принудительного реструктурирования (реформирования) субъекта федерации. Это и прекращение его существования с включением в состав другого субъекта федерации, и отчуждение части территории в пользу региона с более эффективным управлением.

Таким образом, подводя итог изложенному в рамках настоящей статьи, представляется возможным предположить, что разрешение теоретического концепта «права-обязанности» применительно к правоотношениям с участием субъектов Российской Федерации (как в титульном качестве, так и в лице региональных органов государственной власти), позволит оптимизировать систему юридических обязанностей и юридической ответственности российских регионов.

Литература:

1. Приложение 15 к Закону Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 2000 год». Утверждено распоряжением губернатора Санкт-Петербурга от N 1060-р // URL: <http://docs.cntd.ru/document/8341851> (дата обращения: 22.03.2018)
2. Приложение 15 к Закону Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 2001 год» от 06.12.2000 N 668-75 Утверждено распоряжением губернатора Санкт-Петербурга от 08.11.2000 N 1166-р // URL: <http://docs.cntd.ru/document/8345879> (дата обращения: 22.03.2018)
3. Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 4 июля 2006 года N 82-рп «Об обязательной публикации сведений о земельных участках, предоставляемых в аренду для целей, не связанных с возведением объектов недвижимости // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга URL:<http://gov.spb.ru/law?print&nd=8433387> (дата обращения: 22.03.2018)

4. Соглашение о создании и эксплуатации на основе государственно-частного партнерства автомобильной дороги «Западный скоростной диаметр» // Сайт Регионального отделения партии «Справедливая Россия» в Санкт-Петербурге URL: <http://spb.spravedlivo.ru/depot/object/001/1509710928.pdf> (дата обращения 18.03.2018 г.)

УДК 340.13:340.5

Енилеева А.Э.

ст. преподаватель кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**ПРИНЦИП ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩИХ
ПРИНЦИПОВ ПРАВА В УСЛОВИЯХ СБЛИЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ**

Аннотация. Общие принципа права признанно являются одним из глобальных, сближающих национальные правовые системы мира, источников права. Принцип пропорциональности, многогранность которого сложно охватить, является одним из феноменов права, присущим практически всем правовым системам современного мира.

Ключевые слова: принцип пропорциональности, конституционные права человека, общие принципы права, право ЕС, глобализация.

Abstract. The general principles of law are recognized as one of the global, bringing together the national legal systems of the world, sources of law. The principle of proportionality, the multiple nature of which is difficult to capture, is one of the phenomena of law inherent in virtually all legal systems of the modern world.

Key words: principle of proportionality, constitutional human rights, general principles of law, EU law, globalization.

Классификация и определение содержания общих принципов права является одной из актуальных проблем современной теории права. Признаваемые в качестве источника права, принципы права приобретают характер объединяющего звена всех правовых систем мира, в связи с чем за относительно незначительный период времени юридическая наука и практика совершила большой прогресс в признании нормативного значения принципов и их огромного потенциала для правоприменения. Цель данной работы является дать характеристику распространения практики применения принципа пропорциональности в качестве основной черты современного глобального конституционализма.

В отечественной науке в прошлом сложилась парадигма, согласно которой принципы права применимы лишь в системе англо-саксонского права, а в романо-германской они нормативного значения не имеют, сегодня претерпевает трансформацию. Об этом свидетельствует множество научных публикаций, направленных на исследование природы, значения, форм закрепления и нормативного содержания общих принципов права. К таким работам относятся, в частности, работы Г.А. Гаджиева, М.Л. Давыдовой, Е.В. Скурко, В.Л. Толстых, Д.Г. Шустрова и других авторов.

Ж.Л. Бержель отмечает, что общие принципы права представляются одним из наиболее эффективных катализаторов процесса эволюции правовой системы [1, с. 181]. В настоящее время значительное влияние принципы права оказывают и на правовую систему России. Общие принципы права, и в том числе – принцип пропорциональности, обнаруживаются в Конституции России, уголовном праве России, а также получают интерпретацию и применение в деятельности Конституционного суда РФ.

Принцип пропорциональности – один из общих принципов права, сложность интерпретации которого обусловлена широчайшим кругом правоотношений, к которым он применим. В зависимости от предмета правового регулирования отрасли права, или в зависимости от того, в какой сфере публичной активности государства он применяется – правотворческой, правоприменительной или судебной, принцип пропорциональности приобретает институциональные черты соответствующей отрасли права или управленческой деятельности государства и служит как принципом правотворчества, так и принципом правоприменения и правосудия. Это обуславливает множественность определений принципа пропорциональности, которые более уместно приводить с учетом указания на специфику отношений, ставших предметом конкретного регулирования.

Так, в конституционном праве принцип пропорциональности является важнейшим принципом, обеспечивающим права и свободы человека в рамках вопроса о необходимости их ограничения законом общего действия (вынужденного и, обычно, временного) или правоприменительным решением государства (разовым и направленным на ограничение права конкретного индивида). А. Барак понимает под принципом пропорциональности юридический методологический инструмент, обеспечивающий справедливый баланс между защитой публичных интересов и уважением личных прав и свобод индивидов, в случае решения вопроса о необходимости ограничения последних с целью защиты коллективных конституционных ценностей [2, р. 141]. В данном значении принцип пропорциональности закреплен в ч.3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает требования соразмерности и соответствия ограничений законом действующих прав и свобод человека указанным в данной статье конституционным целям [3]. И если нормативная формулировка ч.3 ст. 55 Конституции вызывает опасения относительно чрезмерно широкого толкования легитимных целей ограничений,

то позиция Конституционного суда, выработанная в его решениях, свидетельствует о приверженности Конституционного суда РФ доктрине прав человека, что в целом соответствует общеевропейской парадигме интерпретации принципа пропорциональности, отраженной в решениях Европейского суда по правам человека, Суда ЕС, Конституционного суда ФРГ, и в праве ЕС в целом. В частности, Конституционный суд РФ определяет, что «публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей» [4], а «принципы определенности и соразмерности требуют установления законодателем четких и разумных временных рамок, допускаемых ограничений прав и свобод» [5].

В сфере административной юридической ответственности принцип пропорциональности означает требование адекватности административной санкции совершенному правонарушению, а в уголовном праве – соответствие меры наказания степени тяжести преступления. В этом ключе КС РФ неоднократно выражал свою позицию в постановлениях и определениях, в частности: «Принцип соразмерности и вытекающие из него требования справедливости, адекватности и пропорциональности используемых правовых средств предполагают установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания. Указанные принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам» [6].

В международном гуманитарном праве принцип пропорциональности служит инструментом определения легальной необходимости применения силы

и соразмерности между достигнутыми военными целями и последствиями боевых действий. Так, если действие приведет к гражданским потерям, оно непропорционально к военным преимуществам [7, p. 136].

В праве Европейского Союза принцип пропорциональности играет ключевую роль в пересмотре на конституционность их актов по отношению к национальному праву стран-участников. Нормативно данный принцип закреплен в п. 3 ст. 5 Договора о создании Европейского Союза, а также развит содержательно в практике Суда ЕС. Критерии применения принципа пропорциональности закладывает присоединенный к Договору Протокол о применении принципов субсидиарности и пропорциональности. Согласно п. 4 ст. 5 Договора о создании Европейского Союза, содержание и форма действий Союза не выходят за рамки того, что необходимо для достижения целей Договоров. Согласно п. 6 ст. 3 Договора, Союз достигает свои цели в пределах компетенции, которая предоставляется ему в Договорах [8]. Внедрение принципа пропорциональности на всех уровнях судебной проверки конституционности, как действий ЕС по отношению к членам Евросоюза, так и в отношении действий стран-участников ЕС по ограничению прав индивидов, рассматривается в качестве «наиболее важного институционального нововведения в истории европейской правовой интеграции» [9, p. 48].

Практика применения принципа пропорциональности национальными судами стран мира (например, Франции, Великобритании, Дании, Германии, Италии, Турции, ЮАР, Израиля, США и др.) и международными судебными инстанциями настолько широка, что суды применяют его напрямую, независимо от наличия или отсутствия прямого нормативного закрепления данного принципа в национальном праве. Для российской правовой системы принцип пропорциональности также является одним из последовательно применяемых Конституционным судом РФ общих принципов права. Обращение к принципу пропорциональности в вопросах соразмерности

ограничения конституционных прав и свобод как к основному принципу, обеспечивающему конституционность ограничительных законов, в настоящее время стало характерной и объединяющей национальные правовые системы чертой современного глобального конституционализма.

Литература:

1. Бержель Жан-Луи. Общая теория права /Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. — М.: Издательский дом NOTA BENE 2000 — 576 с.
2. BarakAharon. Proportionality: Constitutional Rights and Their Limitations. / Aharon Barak. – New York. – Cambridge University Press. – 2012. – 611 p.
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – М. : Юрид. лит., 1993. – 61 с.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собр. законодательства РФ. 1998. № 34. Ст. 4368
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. N 15-П // Собр. Законодательства РФ. 2003. N 44. Ст. 4358.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2009 № 146-О-О [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87218/ Дата обращения: 04.04.2018
7. Brown, Bernard L. (1976) "The Proportionality Principle in the Humanitarian Law of Warfare: Recent Efforts at Codification," Cornell International Law Journal: Vol. 10: Iss. 1, Article 5 [Electronic resource]. – Electronic data. — Available at: <http://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol10/iss1/5> Date of the application: 04.04.2018
8. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union [Electronic resource]. – Electronic data. — Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

<content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> Date of the application:
04.04.2018

9. Stone Sweet, Alec and Mathews, Jud, "Proportionality Balancing and Global Constitutionalism" (2008). Faculty Scholarship Series. Paper 14. [Electronic resource]. — Electronic data. — Available at:
http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/14 Date of the application: 04.04.2018

УДК. 342.156

Цыбанова Я.О.

студентка Института юстиции

«Уральский государственный юридический университет»

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Аннотация: в ходе исследования автором было установлено, что в процессе глобализации наиболее серьезные проблемы испытывает суверенитет национального государства, его органы и функции.

Ключевые слова: национальное государство, государственный суверенитет, глобализация, функции государства, аппарат государства.

Abstract: During the research the author found that in the process of globalization the most serious problems are experienced by the sovereignty of the national state, its organs and functions.

Key words: national state, state sovereignty, globalization, state functions, state apparatus.

В современной научной литературе существует множество дефиниций глобализации. В большинстве случаев под глобализацией подразумевают

современный этап мировой интеграции народов, обществ и государств. Цель процесса глобализации во многом состоит в утверждении «нового миропорядка, основанного на гармонизации национальных интересов и интересов международного сообщества в целом» [1, с. 123]. Под действием глобализации происходят существенные изменения в политике государства, и значительная часть его внутренних функций и задач выходит за пределы государственной границы. Иначе говоря, данный процесс усиления взаимодействия и взаимозависимости приводит к тому, что ни одно государство не может функционировать самостоятельно, без активного сотрудничества с другими национальными государствами и международной системой в целом. В конечном счете, такие тенденции глобализации ведут к многочисленным проблемам и угрозам, от решения которых зависят перспективы развития национального государства.

Для того, чтобы определить основные направления влияния процесса глобализации, а также его последствия, необходимо сначала понять, что же представляет собой национальное государство?

Государство – это единая организация суверенной, политической, публичной власти, которая правовыми средствами и посредством специального аппарата принуждения обеспечивает организацию общественных отношений на строго определенной территории [2, с. 36]. Национальный же характер государства заключается в том, что оно является формулой самоопределения конкретной нации и выражает волю, прежде всего, именно этой нации, народа. Так, по мнению А. Блинова, «под национальным государством понимается сформировавшаяся в индустриальную эпоху политическая организация общества, легитимность которой обеспечивается представлением и защитой интересов, включенных в нее индивидов на основе идей и ценностей социокультурной, духовной, исторической, языковой, территориальной сплоченности и единого уровня экономического развития» [3, с. 7].

К основным признакам государства можно отнести территорию, население, правовую систему, публичную власть, государственный суверенитет, а также наличие аппарата принуждения и др. Однако под воздействием процесса глобализации, происходит существенная деформация в организации публичной власти, и как следствие изменяется порядок политического участия субъектов в управлении государством. Процесс

глобализации приводит к трансформации сущности, задач, целей, а также функций национального государства; создает предпосылки формирования новых объединений публичной власти, со своими признаками и особенностями.

Основываясь на различных мнениях, исследованиях и взглядах современных ученых, можно выделить следующие направления влияния такого феномена, как глобализация на национальное государство:

Во-первых, процесс глобализации оказывает значительное воздействие на государственный суверенитет, что, в конечном счете, приводит к его транснационализации, размыванию, эрозии. Существует мнение, что непосредственно перед угрозой глобальных проблем «отступает суверенитет отдельного государства». Иначе говоря, внутренний суверенитет национального государства выходит за пределы своих границ и превращается в транснациональный. Именно поэтому многие ученые придерживаются мнения о ликвидации государственного суверенитета и укреплении взаимосвязей между народами для решения глобальных проблем общими усилиями. Однако отказ от государственного суверенитета равнозначен отказу от принципа территориальной целостности, а также верховенства государственной власти, что является абсолютно неприемлемым. У каждого народа есть право на самоопределение, поэтому недопустимо принуждать другие нации следовать чужим законам, обычаям, традициям; недопустимо разрушать их устоявшиеся взгляды на мир и свое место в нем.

Во-вторых, активное развитие транснациональных корпораций во многом подрывает эффективность государственного управления и регулирования. Государство теряет значительную долю контроля над своей территорией. В связи с этим, национальному государству как институту управления необходимо постоянно совершенствовать государственный механизм, разрабатывать и применять более действенные, новаторские средства и способы управления. Такое влияние глобализации на государство порождает новые глобальные проблемы такие, как международный терроризм, экологические и миграционные проблемы и др. Решение данных проблем возможно только при участии государства на национальном, региональном, континентальном и международном уровне.

В-третьих, процесс глобализации вносит серьезные изменения во внутренние и внешние функции национального государства. Развитие внутренних функций заключается в их интернационализации, то есть приобретают международный аспект за счет тесного взаимодействия между государствами. Так, политическая функция направлена на всестороннее развитие и распространение демократии, а также утверждения человека как универсальной системы идеологических ориентиров XXI века. А экономическая функция фокусируется на активизации экономического, финансового и торгового сотрудничества государств, углублении международного разделения труда. Влияние процесса глобализации в наибольшей мере сказалось на экологической функции. Ввиду того, что экологические проблемы не могут быть решены в рамках одного государства, необходимо усиленное сотрудничество всех государств в борьбе с негативными последствиями научно-технического прогресса.

Таким образом, под влиянием процесса глобализации национальное государство подвергается серьезной трансформации в самых разнообразных сферах жизни. Вышеперечисленные направления влияния глобализации на

национальные государства не являются исчерпывающими, поскольку глобализация является объективным процессом, который нельзя ни запретить, ни отменить. В связи с противоречивым и сложным характером данного процесса, вопрос о дальнейшей судьбе национального государства продолжает оставаться в горизонте неопределенности.

Литература:

1. Теория государства и права: учебник/ Л.А. Морозова. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 480 с.
2. Теория государства и права: учебник: в 2 книгах / отв. ред. А.С. Шабуров, В.С. Плетников. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. – Книга 1. – 239 с.
3. Блинов А.С. Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовые аспекты : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – М., 2003. – 25 с.

УДК. 347.22

Якименко П.И.

студент магистратуры

«Северо-Кавказский Федеральный Университет»

Юридический институт

ПРАВО ПОЖИЗНЕННОГО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ И ПРАВО ПОСТОЯННОГО (БЕССРОЧНОГО) ПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты нормативного регулирования прав пожизненного наследуемого владения и

постоянного (бессрочного) пользование, а также их место в контексте реформирования законодательства.

Ключевые слова: вещные права, Российская Федерация, реформы законодательства.

This article examines some aspects of the regulatory regulation of the rights of lifelong inheritable possession and permanent (perpetual) use, as well as their place in the context of legislative reform.

Keywords: real rights, Russian Federation, legislative reforms.

Статьей 216 Гражданского кодекса РФ право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования отнесены к ограниченным вещным правам, то есть, вещным правам лиц, которые не являются собственниками. В цивилистике существует позиция, согласно которой рассматриваемые виды вещных прав не относятся к классическим вещным правам, поскольку они были искусственно созданы в период споров, касаясь допустимости и границ частной собственности на землю. Разрабатывались данные виды вещных прав с целью необходимости предоставить гражданам и юридическим лицам прочного права использовать землю, но с сохранением собственности на неё за государством. Именно по этой причине данные права имеют своим объектом земельные участки, находящиеся в публичной собственности, и никак не частной.

Оба ограниченных вещных права совпадают по своему содержанию за небольшим исключением в возможности распоряжения – они предоставляют возможность владеть и пользоваться земельным участком в пределах, установленных законом и актом о предоставлении такого земельного участка, в том числе с возможностью возведения на нём зданий и иных объектов недвижимости (правомочие застройки). Важно заметить, что именно пользователь, а не собственник земельного участка становится собственником

недвижимого имущества (по общему правилу), ибо при государственной собственности на земельный участок действие принципа единства судьбы (*superficies solo cedit*) исключается. Также можно подчеркнуть, что в основе права пожизненного наследуемого владения лежит юридическая конструкция эмфитевзиса, имевшая аналог в дореволюционном отечественном вещном праве (чиншевое право), но классический эмфитевзис мог возникать в отношении земельных участков, которые находились и в частной собственности.

По общему правилу законодательство не допускает владельцам этого права возможности распоряжения земельными участками, однако, оно содержит и некоторые исключения из данного правила, а именно:

– положения статей 267 и 1181 ГК РФ дают возможность передать по наследству земельный участок, находящийся в пожизненном наследуемом владении [1];

– положения статей 269 ГК РФ и 39.10 ЗК РФ позволяют лицу, которому земельные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование, заключать соглашения об установлении сервитута и передавать земельный участок в безвозмездное пользование гражданину в виде служебного надела [2].

Их основное различие заключается в субъектном составе, для права пожизненного наследуемого владения – это исключительно физические лица, а для права постоянного (бессрочного) пользования – это юридические лица, более того, в Земельном кодексе Российской Федерации содержится их исчерпывающий перечень (органы государственной власти и органы местного самоуправления; муниципальные и государственные учреждения; казенные предприятия; центры исторического наследия экс-президентов РФ) [2]. Юридические лица из перечня статьи 39.9 ЗК РФ не могут быть собственниками земельных участков, последние предоставляются им либо на указанном ограниченном вещном праве, либо в аренду [3].

Что касается возникновения рассматриваемых вещных, то фактически получить право пожизненного наследуемого владения земельного участка сейчас невозможно (оно сохранено лишь в объеме «преждепользования»), а получить земельный участок на праве постоянного (бессрочного) пользования допускается на основании решения уполномоченного органа.

Необходимым считаем уделить внимание особой ситуации, сложившейся с земельным законодательством. Первоначально ЗК РФ исключил появление новых прав пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования землей с момента введения его в действие (30 октября 2001 года), хотя в положениях статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» четко сказано, что указанные ограниченные вещные права, которые возникли до введения в действие ЗК РФ, сохраняются. После реформы земельного законодательства в 2014 году, из ЗК РФ были исключены статьи 20 и 21, которые регулировали рассматриваемые виды вещных прав в рамках земельного законодательства [4]. И, если возможность предоставления права постоянного (бессрочного) пользования была вновь отражена в новой статье 39.9 ЗК РФ, то подобная возможность с правом пожизненного наследуемого владения по земельному законодательству в настоящее время отсутствует, несмотря на то, что статья 265 ГК РФ до сих пор указывает возможность приобретения такого права на основаниях и в порядке, предусмотренных земельным законодательством [5]. Выходит, что ГК РФ до сих пор допускает приобретение права пожизненного наследуемого владения земельным участком, а земельное законодательство (на которое ссылается ГК РФ) – нет.

Как известно, именно Указ Президента Российской Федерации № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» и Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, которая предложила глобальную реформу большинства положений ГК РФ

инициировали разработку Проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предлагающего внести в институт вещного права существенные изменения [6]. 27 апреля 2012 года этот Законопроект был принят Государственной Думой в первом чтении, а к октябрю он был подготовлен ко второму чтению. Для принятия Законопроекта во втором и третьем чтениях его разбили на самостоятельные законопроекты, большинство из которых уже приняты и даже введены в действие. А Законопроекту, предусматривающему внесение изменения в нормы ГК РФ о вещных правах, не повезло – он не принят до сих пор.

Так или иначе, предложенные поправки в ГК РФ предполагают существенные и значительные изменения в нормы о вещных правах, которые были разработаны под ощутимым влиянием пандектного права [7]. Согласно мнению известных российских цивилистов, обращение к зарубежному опыту является необходимым, но учитывая отечественные правовые традиции, и определяя баланс допустимости зарубежных юридических конструкций с российскими категориями.

Как показывает анализ положений Проекта федерального закона № 47538-6 (во втором чтении) – проекта ГК РФ, его статья 223 не включает в себя большую часть ограниченных вещных прав из статьи 216 действующего ГК РФ, в том числе, право постоянного (бессрочного) пользования и право пожизненного наследуемого владения. Согласно переходным положениям проекта ГК, обладатели права постоянного (бессрочного) пользования и права пожизненного наследуемого владения будут признаны субъектами права постоянного землевладения (эмфитевзиса) в отношении занимаемых ими земельных участков с момента вступления их в силу.

Учитывая, что реформа вещного права в России задерживается уже на 5 с лишним лет, можно смело говорить, что она находится в подвешенном состоянии. А усложняет всё и тот факт, что многие нормативные акты, принятые совсем недавно, например, Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «О государственной регистрации недвижимости», ориентированный на существующие нормы, придется приводить в соответствие с обновленным ГК РФ. Потому возникает вопрос – оставить действующие недочеты законодательства до реформирования вещного права России, или же привести нормы гражданского и земельных кодексов в соответствие, так как с реформированием вещных прав в России решено повременить. Видимо, ответ на этот вопрос мы получим уже после марта 2018 года.

Литература:

1. Крашенинников П.В. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий. В 3 т. / Т. 1: Комментарий к части первой. – М.: Статут. – 2014. – С. 585.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – ст. 4147.
3. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут. – 2017. – С. 236.
4. Грачева О.С. Новое законодательство об ограниченных вещных правах на земельные участки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 95-100.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301.

6. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внесен Президентом РФ) (во втором чтении) // Режим доступа: <http://base.garant.ru/58064654/>

УДК. 321.011

Воловикова А. А.

студентка 2 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «СУВЕРЕНИТЕТ»
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния глобализации на суверенитет государства. Особое внимание уделено анализу ограничений, которым подвергается суверенитет государства в результате передачи части суверенных прав государства надгосударственным органам международного сотрудничества.

Ключевые слова: суверенное государство, независимость, международное право, глобализация, государственный суверенитет.

Abstract: The article is devoted to studying of the influence of globalization on the state sovereignty. A special attention is paid to the analysis of the restrictions upon the state sovereignty as a result of the transfer of a part of the sovereign rights of the state to supranational bodies of international cooperation.

Keywords: sovereign state, independency, international law, globalization, state sovereignty.

Бурное развитие международных отношений в кон. XX – нач. XXI вв., радикальные перемены на внешнеполитической арене и глобализационные процессы привели к существенным изменениям в международном праве. За последнее десятилетие были заключены сотни международных договоров, повлиявших на развитие норм общего международного права. Но особенно существенные изменения произошли в отрасли международного права прав человека – они привели к ограничению суверенитета государств, которые по собственной воле отказались от части суверенных прав и передали некоторые из них международным органам [1, с. 240].

При анализе положений ст. 2 *Устава ООН* 1945 г. [2], *Декларации о принципах международного права* 1970 г. [3], *Хельсинского заключительного акта* 1975 г. [4] и других международных документов можно сформировать перечень основных прав и обязанностей, являющихся следствием суверенитета государств: юридическое равенство государств, право государства развивать отношения с другими государствами, право государства решать вопросы о его участии в двусторонних и многосторонних договорах, а также международных организациях и пр.

Сегодня сложно уже говорить, что объём государственного суверенитета остаётся постоянным – он зависит от уровня развития государства, от степени его участия в международных отношениях, а также от объёма взятых на себя государством обязательств. Свобода государства ограничена сегодня нормами международного права (к примеру, государство не сможет принять законы, ограничивающие основные права и свободы человека, в нарушении взятых на себя ранее обязательств по международному праву; а в случае совершения государством действий, угрожающих международному миру и безопасности, мировое сообщество может предпринять принудительные меры по отношению к этому государству). По нашему мнению, Дж. Старк вполне обоснованно под

суверенитетом государства понимает «остаточную власть», которой оно обладает в установленных международным правом рамках [5, с. 47].

Заключая сегодня разнообразные международные договоры в условиях глобализации, государства передают часть собственных функций и суверенных прав надгосударственным органам международного сотрудничества. В итоге, государственный суверенитет подвергается серьёзным ограничениям в случаях, когда государство: *а)* по собственной воле принимает на себя определённые международные обязательства; *б)* принимая соответствующие обязательства, вступает в международную межправительственную организацию (далее – ММПО); *в)* становится стороной двустороннего или многостороннего договора; *г)* обязано выполнить адресованное ему решение универсального либо же регионального международного судебного органа; *д)* признаёт верховенство международного права над национальным правом [1, с. 94].

Некоторые исследователи ставят сегодня под сомнение эффективность реализации принципа суверенного равенства государств. Например, профессор Томас Ли считает, что в современном мире невозможно обеспечить суверенное равенство против наиболее мощных государств, если они решат в собственных интересах прибегнуть к войне, а далее в качестве наглядного примера приводит вторжение США в Ирак в 2003 г. [6, с. 156]. Как отмечают некоторые учёные, суверенное равенство свойственно для правоприменительной стадии в большей степени, чем для стадии создания норм международного права.

В то же время особенную значимость на современном этапе приобретают негосударственные участники международных отношений – национальные и транснациональные экономические структуры, а также неправительственные организации и общественные объединения. Их влияние на международной арене сегодня «носит разноректорный характер и зачастую противоречит государственному суверенитету» [7, с. 65].

Как справедливо отмечает Моисеев А. А., появление нового поколения ММПО с нетрадиционно широкими полномочиями и надгосударственными функциями было обусловлено: а) беспрецедентным объёмом и интенсивностью межгосударственного сотрудничества; б) увеличением масштабов и усилением процессов глобализации; в) объективным историческим, экономическим и другим неравенством государств на фоне их гарантированного современным международным правом суверенного юридического равенства [8, с. 215].

Большинство авторов сегодня соглашаются с тем, что смысл концепции суверенитета открыт для перемен во времени и пространстве, и принимают такие изменения, указывая на соответствующие трансформации глобальных институтов [9, с. 463]. Как подчёркивал Д. Бедерман, лишь в начале XX-го века монополии государственного суверенитета был брошен серьёзный вызов [10, с. 191]. По убеждению Моисеева А. А., в современном международном праве суверенитет скорее адаптируется, чем разрушается в условиях глобализации, а вступление государства в ММПО не лишает его суверенитета, а позволяет возложить на ММПО часть функциональных полномочий государства [11, с. 32–33].

В заключение, можно сказать, что в отношении к влиянию глобализации на международное право и институты государства изначально преобладало мнение, что упомянутый процесс несёт в себе лишь позитивные черты (прежде всего, выступая на защиту прав и свобод человека и вытесняя устаревшие институты в коррумпированных диктаторских обществах), но по истечении времени пришло осознание угрозы размывания присущих государству функций в результате глобализационных процессов. По нашему мнению, стабильность современных межгосударственных отношений в условиях глобализации может быть обеспечена не столько уважением принципа суверенного равенства государств, сколько поддержанием баланса сил между наиболее экономически развитыми и сильными в военном отношении государствами.

Литература:

1. Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма ИНФРА-М, 2011. 288 с.
2. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Том 1. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1999. С. 7–33.
3. UN Doc. A/RES/2625(XXV); 24 October 1970. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» от 24 октября 1970 г. // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 80–85.
4. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. (Извлечение) // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 88–92.
5. Карташкин В. А. Права человека и международная безопасность // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 1. С. 33–59.
6. Lee T. International Law, International Relations Theory and Preemptive War: The Vitality of Sovereign Equality Today // Law and Contemporary Problems. 2004. Vol. 67, No. 4. P. 147–167.
7. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. 416 с.
8. Моисеев А. А. Надгосударственность в современном международном праве. М.: Научная книга. 2007. 288 с.

9. Bartelson J. The Concept of Sovereignty Revisited // European Journal of International Law. 2006. Vol. 17, No. 2. P. 463–474.
10. Bederman D. J. Globalization and international law. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 244 p.
11. Моисеев А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: в контексте глобализации: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.10 / Моисеев Алексей Александрович. Москва, 2007. 45 с.

УДК. 34.096

Сидоренко О. А.

Студент 1 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматривается вопрос о влиянии глобализации на формирование информационного законодательства, а также перспективы его развития. Рассматриваются теоретические аспекты такого понятия как «информационное пространство», выявляются нормативно-правовые акты, которые регулируют информационную сферу, на основе изучения законодательной базы Российской Федерации. И, исходя из этого, рассматривается идея о создании кодификационного источника информационного права.

Ключевые слова: глобализация, информационное пространство, информационное законодательство, закон.

This article discusses the impact of globalization on the formation of information legislation, as well as prospects for its development. Theoretical aspects of such concept as "information space" are considered, normative legal acts which regulate information sphere on the basis of studying of legislative base of the Russian Federation are revealed. And, proceeding from this, the idea of creating a codification source of information law is considered.

Key words: globalization, information space, information legislation, law.

Мы должны понимать, что глобализация стала причиной формирования информационного пространства. В свою очередь развитие информационного пространства привело к формированию информационного законодательства, т.к. каждая сфера общественной жизни должна быть подвергнута правовому регулированию. В данной статье мы попробуем разобраться, как глобализация влияет на формирование информационного законодательства в Российской Федерации.

Мы должны понимать, что глобализация – это новый этап в развитии общества. Оно перешло на новый этап своего развития, в котором начали формироваться принципиально новые общественные отношения. Так появилось новое понятие «информационное общество». А все ли понимают его смысл? Кто-то считает, что это общество, которое обладает возможностью свободного доступа ко всей информации мира. А кто-то считает, что это общество, в котором основными объектами и результатами труда большинства являются информация и знания. В любом случае, эти два определения раскрывают нам смысл понятия «информационное общество». На основе этого мы можем сделать вывод, что при формировании информационного общества, сложились новые общественные отношения, которые должны быть подвергнуты правовому регулированию. Так перед государствами стал вопрос о формировании информационного законодательства, которое бы регулировало

данные общественные отношения. Исключением не стала и Российская Федерация.

Так, основная цель нашей работы заключается в том, чтобы изучить, как глобализация влияет на формирование информационного законодательства Российской Федерации, а также рассмотреть перспективы развития информационного законодательства в Российской Федерации.

Актуальность данной темы состоит в том, что активное развитие глобализации началось именно в XX веке и набирает обороты и на сегодняшний день, так как происходит активная интеграция в различные сферы общественной жизни, а соответственно законодательства государств не должны отставать от данных процессов. Исключением не должно являться и информационное законодательство, которое, на наш взгляд, не достаточно развито в Российской Федерации.

Мы должны понимать, что развитие информационного законодательства, не возможно без развития информационного общества, а в большей степени информационного пространства. Понятие «информационное пространство» появилось в Российской Федерации в высказываниях руководящих деятелей и специалистов, отвечавших за ситуацию в российских СМИ примерно в 1992 году. Однако четкого понятия ни тогда, ни потом никто не давал. В большей степени понятие «информационное пространство» употребляется как метафора, чем научный термин, хотя и довольно широко распространено.[1] Мы попробуем рассмотреть данное понятие с двух сторон. С одной как метафору, с другой как научное понятие. Если рассматривать данное понятие, как метафору, то можно выделить несколько смыслов. Первым смыслом является то, что понятие «информационное пространство» определяется как обычное метрическое пространство и порождает смысл «информатизированного» физического пространства, рассматривая его с геополитической точки зрения.[1] При раскрытии второго смыслового момента употребляются такие

категории: «упорядоченная совокупность информационных процессов»; «информационное поле»; «информационно поисковая система» и т.д.[1] И наконец, в третьем смысловом аспекте понятие «информационное пространство» раскрывается как сфера отношений между людьми и общностями по поводу информации.[1] Рассмотрев данное понятие с позиции метафоры, перейдем к рассмотрению его как научного понятия. Информационное пространство можно охарактеризовать как совокупность банков и баз данных, технологий их сопровождения и использования, информационно-телекоммуникационных систем, функционирующих на основе общих принципов и обеспечивающих информационное взаимодействие организаций и граждан и удовлетворение их информационных потребностей. [2] Определив понятие «информационное пространство», выявим его основные признаки. Во-первых, действуют единые принципы и общие правила для всех субъектов информационного воздействия при сочетании государственного регулирования в развитии информационного пространства. Во-вторых, максимально полное удовлетворение информационных потребностей. В-третьих, доступность к информационным ресурсам и их правовое равенство. И наконец-то, обеспечение безопасного информационного воздействия государства, организаций и граждан.[3] Определив понятие «информационное пространство» и выявив его основные признаки, мы можем сказать, что данному понятию присущи следующие свойства: целостность, коммуникативность, динамичность и расширение границ.

При формировании информационного законодательства, учитывались выше перечисленные теоретические аспекты понятия «информационное пространство», т.к. не зная данных признаков и свойств, невозможно создать эффективного информационного законодательства. Первые попытки формирования информационного законодательства относят к 70-м годам прошлого века. Информационное право является самой молодой отраслью

российского права, которая имеет достаточно четко определенный предмет и является комплексной по методам правового регулирования отношений в своей сфере. Информационное право – это отрасль как бы третьего уровня. Она базируется на таких классических отраслях, как конституционное, административное, гражданское, уголовное право. Первым базовым законом Российской Федерации стал Федеральный закон 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации». В его основу были положены Конституция Российской Федерации 1993 г. и результаты наблюдения за развитием правовых проблем в европейской практике. Он стал выполнять базовую роль в процессах информатизации страны.[4] И по своей сути положил начало развитию информационного законодательства. Если анализировать работу органов государственной власти в период с 1990 по 2013 год, то ими было принято около 400 законов, которые регулировали бы информационную сферу. В настоящее время базу информационного законодательства формируют 10 основных Федеральных законов. Например, такие как: Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. От 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»; Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. От 02.07.2013) «Об электронной подписи»; Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. От 02.07.2013) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 19.02.2018) "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" и др. Анализируя практику информационного законодательства, можно сказать, что оно подвержено частым изменениям и дополнениям.

Говоря об информационном законодательстве, возникает идея о том, что для более эффективного регулирования общественных отношений, необходимо

создать кодифицированный и систематизированный нормативно-правовой акт. Но при формировании такого нормативно-правового акта, также стоит учитывать тот факт, что информационное законодательство будет эффективно в том случае, если будет нормальное состояние всей системы нормативной основы, прежде всего наличие закона о нормативно-правовых актах, который в настоящее время в России отсутствует.[4] Если не будет нарушаться баланс между состоянием конституционного, административного и информационного законодательства, а также будут учитываться нормы международного законодательства.[4] На данный момент единого кодифицированного информационного документа не существует. Зарубежная практика имеет опыт составления Кодексов и по отдельным отраслям (например, итальянский кодекс по средствам массовой информации), но даже этот кодекс не регулирует все те общественные отношения, которые складываются в информационном обществе. Российская Федерация должна задуматься и предпринять попытки по созданию единого Информационного кодекса. Необходимость совершенствования информационного законодательства России подчеркивается и тем, что «один из самых серьезных новых коммуникационных вызовов – правовой. Дело в том, что именно с правовой точки зрения положение дел в информационно-коммуникационной среде выглядит наиболее болезненным. Поэтому при разработке единого информационного законодательства, а в частности кодифицированного и систематизированного источника информационного права, следует включить в него ряд следующих вопросов: 1) безопасность, 2) трансграничность, 3) авторское право, 4) соотношение частноправового и публично-правового пространства, 5) достоверность информации в Интернете и ответственности за недостоверность, 6) право на факт 7) субъективность и анонимность в Интернете и ряд других вопросов. [4]

Проанализировав, как и на основе чего формируется информационное законодательство, мы можем сказать, что роль глобализации является

неотъемлемой в данном процессе. На основе глобализации сформировалось информационное общество, а соответственно и общественные отношения, которые должны быть подвергнуты правовому регулированию, что повлекло за собой создание и формирование информационного законодательства.

Литература:

1. Дзялошинский, Й. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции: учеб. пособие / Й. Дзялошинский. – М. : Московский Центр Карнеги, 2001. – 35 с.
2. Килин, А. П. Информационно – аналитическая деятельность в органах государственного управления субъектов Российской Федерации: учеб. пособие / А. П. Килин, Д. В. Колобова, О. В. Чистякова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 154 с.
3. Корнеев, Н. Ю. Признаки информационного пространства в соотношении с деятельностью журналиста: учебно-методический комплекс [Электронный ресурс] / Н. Ю. Корнеев. – Электрон. текстовые дан. – Москва: [б. и.], 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/priznaki-informatsionnogo-prostranstva-v-sootnesenii-s-deyatelnostyu-zhurnalista>, свободный.
4. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И.Л. Бачило – М. : ИГП РАН – Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – с.192

УДК. 343.3

Фролова О. А.

студентка кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Глобализация - процесс, оказывающий огромное влияние на ситуацию во всем мире. Под влиянием данного феномена сформировалась такая всеобщая проблема как международный терроризм, в связи с чем Российская Федерация принимает меры по правовому регулированию терроризма, по формированию и развитию антитеррористического законодательства.

Ключевые слова: глобализация, терроризм, международный терроризм, законодательство.

Annotation. Globalization is a process that has a profound impact on the world. Under the influence of this phenomenon, such a universal problem as international terrorism has emerged, in connection with which the Russian Federation is taking measures to regulate terrorism, to form and develop anti-terrorist legislation.

Keywords: globalization, terrorism, international terrorism, legislation.

Актуальность данной работы заключается в том, что в результате развития процессов глобализации международный терроризм стал одним из самых опасных факторов, угрожающих безопасности современного мира, причиняющих экономический, политический, культурный, нравственный вред его населению. Поэтому антитеррористическая деятельность государства на сегодняшний день является одной из важнейших проблем. В связи с чем органы власти Российской Федерации в настоящее время уделяют много внимания на подавление и искоренение данной угрозы.

Главной целью нашей деятельности является ответ на вопрос: «Как повлияли глобализационные процессы на формирование

антитеррористического законодательства Российской Федерации?». В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие задачи: рассмотреть понятия глобализации и терроризма, влияние первого феномена на ситуацию в мире и на появление такой масштабной проблемы как международный терроризм, проследить связь между глобализационными процессами и изменениями в праве нашего государства, а именно, в антитеррористическом законодательстве РФ.

«Глобализация – процесс всемирной интеграции и унификации жизнедеятельности национальных государств в области политики, экономики и идеологии, обусловленный зависимостью современных национальных экономик от распределения планетарных ресурсов и международной системой разделения труда». Таким образом, глобализация является результатом обмена различных стран мира информацией, товарами и продуктами, знаниями, рабочей силой, культурными ценностями и т.д.

В результате исследования было выявлено, что глобализация носит противоречивый характер. С одной стороны, благодаря данному феномену появляются новые возможности для экономического, культурного и научно-технического прогресса, развития высоких технологий и новых средств коммуникации, расширяется и углубляется международное сотрудничество, однако с другой стороны – создаются препятствия для развития производства отдельных государств, происходит навязывание западных культурных ценностей всему миру, увеличивается разрыв между «богатыми» и «бедными» странами, подрываются национальные валюты и т.д.

Также, в результате вышеупомянутого обмена, проблемы, которые ранее носили локальный характер (на уровне отдельных государств), переросли на международный уровень. Так, глобальными проблемами на сегодняшний день являются: предотвращение угроз новой мировой войны, сокращение отставания развивающихся стран от развитых, стабилизация демографической ситуации на

планете, охрана здоровья, экологии, культурных ценностей и т.д. Ведущей проблемой глобального масштаба является проблема борьбы с международным терроризмом. В Федеральном законе РФ «О Противодействии терроризму» терроризм определяется как «идеология насилия и практика устрашения населения, противоправные насильственные действия в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями»[2, ст. 3].

Важность темы противостояния терроризму продиктована современной реальностью, а именно – масштабностью потерь, понесенных государствами всего мира от многочисленных терактов. «Терроризм в любых формах своего проявления превратился в одну из опаснейших по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно политических и моральных проблем, с которыми человечество вошло в XXI век»[3].

Также следует отметить, что именно в условиях глобализации создаётся благоприятная среда для развития международного терроризма. Каким образом? Во-первых, в условиях современной глобализации складывается такая система мировой экономики, которая приводит к одностороннему обогащению государств. Получается, уровень экономики и без того развитых стран растёт очень быстрыми темпами, что же касается малоразвитых, развивающихся государств, то если рост их экономики и прослеживается, то его уровень невелик. Таким образом, глобализационные процессы только увеличивают разрыв в сфере экономики между развитыми и развивающимися странами. Естественно, что население большинства бедных государств недовольно существующим положением дел. Вот они и становятся целью для пропагандистской деятельности террористов.

Во-вторых, вследствие высокого развития средств массовой коммуникации, средств передачи информации, мы столкнулись с тем, что контролировать эту информацию практически невозможно. В результате чего

террористические организации, опираясь на телевидение, кино, массовое искусство, глобальную сеть, получили более широкие возможности для распространения своей идеологии, пропагандистской деятельности, для манипуляции массовым сознанием людей.

В-третьих, глобализация оказала огромное влияние на техническую оснащенность преступников. В современных условиях поставить оружие или детали для его создания, взрывные устройства – достаточно легкая задача. Поэтому террористические организации в полной мере используют самые новые разработки в области специальных материалов, вооружений, оборудования и средств связи.

Наконец, большое количество людей становятся на путь терроризма ради зарабатывания денег, что упрощается благодаря современным процессам глобализации. На сегодняшний день отправить денежные средства из одной точки мира в другую можно за считанные секунды, что и используется в полной мере для спонсирования террористов, их организаций.

Получается, терроризм – это своеобразный отрицательный ответ на развитие глобализации. Именно с её развитием он становится международным, расширяет масштабы своей деятельности, приобретает глобальные черты.

Мировая общественность всячески ведет борьбу с международным терроризмом. В основном, государства противодействуют данному феномену при помощи правовых мер. Так, начиная с конца XX - начала XXI века Российская Федерация ведёт активную деятельность по созданию и развитию антитеррористического законодательства; в 2006 году образовывается такой государственный орган как Национальный антитеррористический комитет.

Законодательство нашего государства о противодействии терроризму представлено несколькими видами нормативных правовых актов. основополагающим документом в области противодействия террористической деятельности является Конституция Российской Федерации [4]. Помимо этого,

в систему законодательства России входят Законы о ратификации международных договоров. Например, Закон «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» [5], Закон «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [6] (таким образом, глобализация влияет на наше законодательство не только в результате своего негативного влияния на распространение терроризма, но и в результате расширения международных экономических и политических связей, заключения международных договоров и т.д.). Кроме того, частью данного законодательства являются законы и подзаконные акты РФ: Закон «О противодействии терроризму» [2], Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [7], Указ Президента РФ «О мерах по противодействию терроризму» [8], Постановление Правительства РФ «О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых ...» [9] и т.д.

На основании вышеизложенной информации можно сделать вывод: несмотря на положительное воздействие процессов глобализации на многие сферы современной жизни населения всего мира, она вызывает и многочисленные негативные последствия. Так, на сегодняшний день мы столкнулись с такой интернациональной проблемой как терроризм.

Также мы пришли к выводу о том, что законодательство РФ, как и законодательство многих других государств, не может игнорировать новый вид социальной опасности. Поэтому, на протяжении нескольких лет государственные органы принимают, дополняют, изменяют наше законодательство актами, которые касаются борьбы с терроризмом, его уничтожением. То есть, антитеррористическое законодательства РФ – следствие увеличения количества потерь, понесенных государством в результате увеличения актов терроризма, в связи с чем мы можем проследить связь:

глобализационные процессы оказали прямое воздействие на формирование антитеррористического законодательства нашего государства, являются одной из главных причин его становления.

На сегодняшний день остаётся только надеяться, что данные меры, в конечном итоге, приведут к сокращению, а в дальнейшем и к полному устранению такого вида деятельности, как терроризм.

Литература:

1. Боголюбов, Л. Н. Обществознание : учебник для общеобразовательных организаций // под. ред., Л. Н. Боголюбова А. Ю. Лазебниковой, М. В. Телюкиной. Москва, «Просвещение», 2014г. – 352 с.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) "О противодействии терроризму" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Жалилов, М. Терроризм как угроза стабильности в мире, актуальность борьбы с терроризмом // М: Молодой ученый. — 2013. — №7. — С. 281-282.
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок) // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
5. Федеральный закон от 10.07.2002 N 88-ФЗ "О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма" // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. Федеральный закон от 10.01.2003 N 3-ФЗ "О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом" // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
7. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным

путем, и финансированию терроризма" (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.01.2018)
// СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

8. Указ Президента РФ от 15.02.2006 N 116 (ред. от 29.07.2017) "О мерах по противодействию терроризму" (вместе с "Положением о Национальном антитеррористическом комитете") // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

9. Постановление Правительства РФ от 04.05.2008 N 333 (ред. от 22.07.2017) "О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области противодействия терроризму" // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

УДК. 342

Фурмамбетова З.Э.

студентка 2 курса юридического факультета

*«Крымский юридический институт (филиал) Академии Генеральной
Прокуратуры Российской Федерации»*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Дается представление о том, как глобализация влияет на важнейшие функции государства, в частности, анализируется ее влияние на внутренние и внешние функции государства. Приводится авторское понимание того, как государства должны реагировать на обусловленные влиянием глобализации видоизменения

Ключевые слова: глобализация, функции государства, суверенитет

This article gives an idea of how globalization affects essential functions of the state, in particular, examines its impact on internal and external functions of the state.

Author's understanding of how states should respond to globalization due to the effect modification is presented

Key words: globalization, state functions, sovereignty

Функции государства – это главные направления его деятельности. В них выражается его сущность, то есть роль и назначение государства в обществе.

Из-за влияния глобализации функции государства претерпели кардинальные изменения. Государства стремятся увеличить свою долю на мировом рынке за счет экспорта и импорта. Межнародные корпорации играют жизненно важную роль в экономике государств.

Государства постепенно отказываются от экономической и социальной деятельности. Индивидуальная инициатива прослеживается на всех уровнях. Рыночная экономика заменила командную экономику. Императивное планирование было заменено индикативным планированием. Под влиянием глобализации серьезной трансформации подвергается социальная функция государства. Это объясняется кардинальным преобразованием рынка труда и отношений занятости. В связи с появлением новых технологий, в том числе развитием микроэлектроники, искусственного интеллекта, электронного обмена данными и «бума» цифровой телесвязи, уменьшается численность используемой рабочей силы, многие государства переходят на гибкие системы занятости, например частичной или временной занятости, работе по контракту и т. д. В литературе отмечаются следующие особенности под воздействием глобализации рынка труда и занятости во всем мире: а) отсутствие гарантий стабильности занятости; б) изменение технологических условий труда требуют меньшего количества работников, но более высокой их квалификации; в) снижение влияния профсоюзов из-за снижения уровня социального партнерства между предпринимателями и профсоюзами по поводу определения условий труда, заключения коллективных соглашений и т. д.

Указанные особенности заставляют государства пересматривать свою социальную политику, в том числе в области социальной защиты населения. Все большее число стран возвращается к принципу индивидуализма в области социального обеспечения. Это означает, что работа и стабильный доход рассматриваются как достаточное основание накопить определенные сбережения для пенсии по старости и в других случаях утраты трудоспособности. Указанный принцип требует повышения личной ответственности. Другими словами, роль государства в настоящее время ограничивается ролью фасилитатора.

Глобализация подвергается большей критике в развивающихся странах, чем в развитых. В такой развивающейся стране, как Индия, наблюдается большее сокращение, так как сокращение фирм или их слияние с конкурентами. Это происходит в условиях, когда рост валового внутреннего продукта не создает рабочие места. Либерализация торговли привела к увеличению более дешевого импорта, что повредило местным производителям. Скептики сомневаются в том, что ВТО может дать свободно развиваться этим странам.

Более того, с точки зрения экономики сегодня государства сталкиваются с серьезными проблемами в управлении своей экономикой. Другими словами, функция государств в финансовой деятельности теряет верховенство в результате взаимосвязанности мировых рынков. Национальные ресурсы развивающихся стран могут быть исчерпаны. Глобальные события напрямую влияют на экономику страны из-за взаимозависимости и взаимопроникновения экономик.

Затрагивая основные принципы существующего мирового порядка, глобализация в новых условиях выступает проводником транснациональных угроз для международной и национальной систем безопасности, что особенно тревожно в век распространения ядерного и высокоточного оружия. Основной такого негативного влияния глобализации является целый комплекс

политических, экономических, экологических, социокультурных проблем, представляющих в совокупности серьезный вызов всему человечеству, а также безопасному существованию и развитию национальных государств. Одним из рисков, обусловленных процессом глобализации, являются междивизиационные конфликты, подкрепляемые радикализацией религиозных течений. В этой связи особое значение в новой системе обеспечения национальной безопасности приобретает культурная самоидентификация государств, признание собственными гражданами и мировым сообществом уникальности и самобытности культуры страны. Духовная платформа государства как геополитической единицы должна стать компонентом государственной политики, обеспечивающим его целостность и эффективное функционирование в системе международных отношений.

В условиях глобализации здравоохранение и образование становятся более дорогими, и они доступны только богатым.

Глобализация изменила роль государства. Во многом: политически через взаимозависимость и независимость государств, социально через проблемы и угрозы терроризма и смертельных заболеваний, технологически через СМИ и Интернет и экономически через переход от национальной экономики к глобальной. Государство перешло от контрольной к защищающей роли внутри страны, столкнувшись с проблемами, вызванными глобализацией, но также и от авторитетной к зависимой фигуре внешне между суверенным государственным возрастом и текущей неизменной взаимозависимостью.

Глобализация и государственная литература сильно развились в последние годы. Как глобалисты так и антиглобалисты приводят ряд весьма существенных аргументов в доказательство своей позиции. Анализируя эти противоречивые аргументы, трудно сделать прогноз будущего национального государства. Изменения, связанные с глобализацией оказывает значительное влияние на государства. Однако, маловероятно что мы достигнем «полностью

интегрированной» глобальной экономики или «упадка государства». Можно задаваться вопросом сохранится ли государственный суверенитет в будущем, однако не смотря на весьма обширное и массированное влияние глобализации, в начале XXI века национальные государства остаются доминирующей формой политической организации в мире.

Несмотря на то, что существуют проблемы государственного суверенитета и автономии в эпоху глобализации новые силы не решаются подчинить государство. Таким образом, подход к глобализации как к «концу национального государства» слишком не детерминированный. На суверенитет могут повлиять преобразования, происходящие в мире, но он не зависит от неизвестных обстоятельств. Кроме того, существуют структурные препятствия для отмирания государств.

В то же время ясно, что теперь у государств меньше контроля над некоторыми видами деятельности на своей собственной территории. В условиях глобализации границы становятся более размытыми под воздействием электронных и других потоков, таких как денежные переводы, спутниковая связь, компьютерный поток данных, потоки капитала и товарных сделок. Современное государство неспособно контролировать такие явления, как транснациональные компании, мировое производство и торговлю. Государства больше не могут осуществлять монополистический контроль над своими финансовыми рынками. Государственный суверенитет затрагивается многосторонними механизмами в глобальной экономике, такими как МВФ, ГАТТ, О-7, ТНК. Они оказывают воздействие на государства через угрозу трансфертного ценообразования, наложения санкций и иных способов экономического давления. Глобализация также ослабила некоторые важные культурные и психологические основы суверенитета. Например, с помощью глобальных коммуникационных связей были созданы среди населения совершенно различных государств разнообразные группы, от борцов за права

женщин до защитников окружающей среды. Есть убедительные доказательства того, что глобализация бросает вызов суверенному государству. Глобализация не может полностью растворить государства поскольку, прежде всего, существует многообразие среди внутренних и внешних условий становления и развития каждого конкретного государства. Таким образом, национальные государства принимают различные политические решения в ответ на те же глобальные явления. Например, глобальные экономические силы имеют меньшее влияние на политики государств, таких как Соединенные Штаты Америки или Россия. Экономическая глобализация в основном сдерживает меньшие и более слабые государства. Глобализация показывает тенденцию к снижению значимости государства, но, в конечном итоге, государства, которые останутся наиболее успешными в условиях глобализации, это те, которые приспособятся к изменениям своей роли.

Литература:

1. Бойченко, А.В. Глобализация мирового хозяйства / ред. М.Н. Осьмова, А.В. Бойченко. - М.: ИНФРА-М, 2016. - 376 с
2. Гринин Л. Е. Истоки глобализации: мир - системный анализ// Век глобализации. - 2011. № 1. - С. 80-94.
3. Морозова Л. А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. 2006. - № 6.
4. Globerman S., Shapiro D. Global foreign direct investment flows: the role of governance infrastructure / World Dev. - М., 2002.-P.30.

УДК 321.013

Нестеренко А. А.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ И ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам влияния глобализации на функции государства и его роль в наши дни. Проблемы, связанные с изменением роли и функций государства, становятся актуальнее с каждым днем. Целью данной работы является рассмотрение функций и роли государства во внутренней политике и на международной арене в процессе всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации.

Ключевые слова: государство, функции государства, глобализация, международная арена, гражданское общество.

Abstract. The article is devoted to the impact of globalization on the functions of the state and its role in our days. The problems associated with changing the role and functions of the state are becoming more important every day. The purpose of this work is to examine the functions and role of the state in domestic politics and the international arena in the process of world economic, political, cultural and religious integration and unification.

Keywords: state, state functions, globalization, international arena, civil society

Глобализация является принципиально новой вехой развития мирового сообщества, она построена на международных организациях, транснациональных корпорациях, международном праве и международном финансово-политическом взаимодействии. Мир продолжает меняться, таким образом, изменяется роль и место государства в обществе.

Под государством в широком смысле мы подразумеваем набор экономических, политических, юридических и административных институтов, охраняемых армией и полицией, действующих на определенной территории и регулирующих жизнь общества, проживающего на этой территории.

На сегодняшний день мы можем наблюдать тенденцию, когда государственная элита все меньше влияет на контроль общественной, политической и экономической жизни [1, с. 34]. Одной из отличительных черт нынешнего процесса глобализации является то, что все чаще принятие общегосударственных решений переносится из политического центра одного государства на наднациональный уровень. В определенном плане мы можем наблюдать и негатив, поскольку политическая и административная жизнь государства изменяется и становится все менее понятной для общества.

Регулярное проведение общих международных форумов, саммитов, встреч и конференций на разных политических и административных уровнях приводит к формированию взаимозависимой транснациональной политической элиты, которая все больше перестает быть отчетной перед обществом. Часто политическая элита в своих решениях основывается на согласии на наднациональном уровне, что иногда противоречит национальным интересам, вызывает общественное неодобрение и стимулирует рост влияния национальных сил [2, С. 20]. Решения на международной арене все меньше зависят от национальных правительств и все больше зависят от влияния международных структур, таких как Всемирный Банк, Международный валютный фонд и множества других международных структур и организаций. Существование подобных организаций наднационального правления вынуждает национальные государства считаться со своими решениями и проводимой политикой.

Таким образом, происходит передислокация власти от центров национальных правительств к международным организациям, которые не

представляют ни правительство, ни оппозицию, и просто игнорируют политическую структуру национальных государств. Следовательно, роль государства во многих вопросах становится формальной.

Также наблюдается картина, когда государственная власть перераспределяется на региональном и глобальном уровне, поскольку все более усложняются механизмы международного взаимодействия. Тем не менее, нельзя сказать, что национальные государства в наши дни перестали быть актуальными.

На сегодняшний день существует множество глобальных человеческих проблем, для решения которых необходимо взаимодействие национальных государств [3, С. 65]. Обеспечение стабильного развития государства возможно при серьезном переосмыслении всей системы государственного управления в современных условиях. В связи с этим поднимается актуальный вопрос выбора модели государственного реформирования.

Наблюдается тенденция возрастания роли государства в информационной сфере. Информация играет важную роль в политической, культурной и управленческой жизни национального государства. Также важна роль государства как гаранта базовых прав, свобод и ценностей человечества. Актуальным становится языковой вопрос в национальном государстве. Политическая и экономическая жизнь в обществе невозможна без какого-то определенного общего культурного пространства. Государство становится важным субъектом в политике международного общества.

В целом, на сегодняшний день происходят противоречия в вопросах реформирования государственного управления в условиях глобализации.

С одной стороны, возрастает роль государства в международной политике, с другой, государство вынуждено во внутренней политике считаться с международными надгосударственными органами [4, С. 75].

В таких условиях является очень важным развитие институтов гражданского общества для передачи ему части функций для того, чтобы гарантировать сохранение государственного суверенитета и минимизации возможного международного влияния на внутреннюю деятельность государства. Для формирования гражданского общества государство должно стремиться к упрощению государственного управления, прозрачности и регламентации деятельности, доступности для населения участия в политической и административной жизни, поощрять плюралистические тенденции в информационной и политической жизни, а также необходимо развивать институты частной собственности и рыночной экономики, естественно, не исключая государство из экономической жизни.

Глобализация оказывает влияние на изменения функций государства. Так, появляются новые аспекты функций, отмирают уже исчерпавшие себя функции. Кроме того, функции государства могут менять свое положение в зависимости от социальной значимости. Например, в условиях глобализации в социальной функции появляется обеспечение прав граждан на справедливое распределение благ, социальное обеспечение, охрана материнства, детства, отцовства, развивается такой аспект социальной функции, как образование. Исчезли такие функции, как функция контроля за мерой труда и мерой потребления, функция борьбы за мир и мирное сосуществование двух противоборствующих между собой социалистической и капиталистической систем вследствие ненужности этих функций в современных условиях. В основном, можно наблюдать тенденцию слияния внутренних и внешних функций государства. Например, внешняя функция международного сотрудничества диктует условия для внутренней экономической функции.

Объем функций, которые национальное государство станет передавать транснациональным организациям и структурам гражданского общества в условиях глобализации, будет определяться способностью и возможностью

последних брать их на себя, изменив тем самым исторически сложившуюся его роль, как главного института общественного управления.

Таким образом, можно сделать вывод, что глобализация оказывает огромное влияние на роль государства и его функции. Принятие общегосударственных решений переносится из политического центра одного государства на наднациональный уровень, из этого следует, что роль государства во многих вопросах становится формальной. В то же время глобализация влияет на функции государства, появляются новые аспекты функций и исчезают устаревшие, не соответствующие изменяющейся обстановке в мире.

Литература:

1. Баграмов Э.А. - Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов// Вопросы философии/ Э.А. Баграмов. – М. – № 2. – 2010. – С. 34-52.
2. Клинова М.А. - Возвращение” государства: “скорая помощь” в кризисе или устойчивая тенденция?// Мировая экономика и международные отношения./ Клинова М.А. – М. - № 5. 2010 - С. 18-31.
3. Кочетов А.П. – Национальное государство в условиях глобализации// Полис. Политические исследования/ А.П. Кочетов. – М. - № 4. – 2014. – С. 63-75
4. Щербина А.А. – К вопросу о тенденциях трансформации правовых систем в условиях глобализации// Мат-лы всероссийской научной конференции/ Щербина А.А. – Архангельск: ИД САФУ, 2014. – 74

Сидоренко О. А.

Студентка 1 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ КАК СОСТАВНУЮ ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о влиянии глобализации на законодательную власть, а именно каким образом трансформируется институт законодательства. Анализируются основные теоретические аспекты, а также результат деятельности законодательной власти, а именно принятые законы под влиянием глобализации.

Ключевые слова: глобализация, государственная власть, законодательная власть, закон.

Annotation: This article discusses the impact of globalization on the legislature, namely, how the institution of legislation is being transformed. The article deals with the main theoretical aspects, as well as the result of the legislative power, namely the adopted laws under the influence of globalization.

Key words: globalization, state power, legislative power, law.

Глобализация. Законодательная власть. Государственная власть. Казалось бы, какая взаимосвязь между тремя этими понятиями? В данной статье мы попробуем разобраться в этом.

Законодательная власть – одна из ветвей государственной власти, основной задачей которой является издание законов, т.е. формирование нормотворческого процесса в государстве. Нормотворческий процесс – это

сложная процедура, которая состоит из нескольких этапов, и одним из базовых этапов, является законодательная инициатива. Именно с нее начинается рассмотрение и обсуждение какого-либо законопроекта. В свою очередь, возникает вопрос: что именно влияет на то, чтобы субъект законодательной инициативы предложил рассмотреть тот или иной законопроект? Объяснить подобное можно различными причинами. Например, экономический или социальный кризис в стране, или появление новой отрасли технологического или иного развития и много других причин. Так и глобализация выступает той предпосылкой, которая подталкивает субъект законодательной инициативы, внести предложения по рассмотрению нового законопроекта в условиях глобализации.

Рассматривая данный вопрос, попытаемся изучить влияние глобализации, как на законодательный процесс, так и на формирование законодательной власти в целом. Актуальность данной темы заключается в следующем, активное развитие глобализации можно зафиксировать началом XX века, и на сегодняшний день этот процесс набирает обороты. Происходит активная интеграция в различные сферы общественной жизни, а соответственно и законодательства государств не должны отставать в реализации данных процессов. Законодательный процесс Российской Федерации не будет являться исключением.

Известно, что законодательная власть, как разновидность государственной власти, выделена на основе принципа разделения властей. Следует рассмотреть эти понятия исходя из положения «от общего к частному».

Для определения понятия государственной власти, необходимо разобраться в ее особенностях. Обратим внимание на то, что субъект и объект государственной власти обычно не совпадают, властвующий и подвластные чаще всего отчетливо разделены. Кроме того, государственная власть реализуется на основе государственного управления, через целенаправленное

воздействие государства, его органов на общество в целом [1]. Так же, государственная власть является суверенной, что обеспечивает ее независимость во вне и верховенство внутри страны. Верховенство государственной власти проявляется, прежде всего, в том, что выше нее в стране нет другой власти и все обязаны подчиняться власти государства [2].

Выделив данные особенности, можно сформулировать понятие государственной власти. Государственная власть – это публично-политические волевые отношения, складывающиеся в результате руководства государственным аппаратом системами общества и обеспеченные, при необходимости, мерами государственного принуждения.

Проанализировав «общее» понятие «государственная власть», мы можем перейти к «частному» понятию законодательная власть. Как указывалось выше, законодательная власть выделяется из государственной на основе принципа разделения властей. Выдающийся мыслитель, основоположник теории разделения властей Дж. Локк указывал, что «законодательная власть по необходимости должна быть верховной, и все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчинены ей» [3]. Однако на сегодняшний день, все власти равны между собой и ни одна из трех ветвей власти не может доминировать среди них. Законодательная власть представляет собой совокупность полномочий по изданию законов, а также систему государственных органов, осуществляющих эти полномочия [4]. Законодательная власть — это право и способность устанавливать наиболее общие правила поведения, издавать законы и иные нормативно-правовые акты, не противоречащие Конституции. Однако это не означает, что законодательная власть (буквальный перевод - «давать законы»), занимается только изданием законов. Не менее существенной функцией законодательной власти является финансовая, реализуемая в праве ежегодно утверждать государственный бюджет страны. Есть и определенные

«распорядительные» функции, связанные с формированием высших исполнительных и судебных органов[5]. Таким образом, законодательная власть - это делегированная народом своим представителям государственная власть, реализуемая коллегиально путем издания законодательных актов, а также наблюдения и контроля за аппаратом исполнительной власти, главным образом в финансовой сфере[5]. Тем самым мы можем сказать, что через законодательную власть, как вид государственной власти государство может реализовывать часть своих важнейших функций.

Законодательные органы создают объективные условия для реализации важнейших задач, стоящих перед человеческим сообществом, для формирования общественных ценностей и идеалов. Законодательным органом в современных обществах, через которые реализуется законодательная власть, являются парламенты. Место, роль и полномочия парламента зависят от формы государственного правления. Так, если говорить о парламенте в Российской Федерации, то он представлен двумя палатами – Государственной Думой и Советом Федерации[6]. Именно через них проходит законопроект, в дальнейшем закон, который передается на подписание Президенту Российской Федерации, а впоследствии обнародуется в официальном источнике. Именно таким образом происходит принятие законов, и иных нормативно-правовых актов, которые принимаются под влиянием глобализации.

Проанализировав теоретический аспект государственной и законодательной власти, мы можем перейти к анализу того, как глобализация влияет на законодательную власть, а в частности на законодательство в Российской Федерации. Влияние глобализации на право в целом, и на национальные правовые системы очевидно. Появляется возможность выделить основные тенденции их развития. Во-первых, можно указать тенденцию к усилению обеспечения достойной жизнедеятельности человека. Во-вторых, повышенное внимание к регулированию вопросов экологии. В-третьих,

появление новых сфер правового регулирования и, соответственно, новых отраслей права, таких как космическое, информационное, и другие тенденции [7]. Таким образом, появление новых правоотношений, возникших в результате влияния глобализации, стимулирует необходимость в их регулировании на законодательном уровне, что в свою очередь отражается на формировании новых отраслей права, т.е. оказывает прямое влияние на законодательство, соответственно, и на законодательную власть. Российская Федерация является участником глобализационных процессов. Изменения, происходящие в законодательстве России в контексте глобализации, являются столь значимыми, что в некоторой степени определяют трансформацию всей правовой системы государства, его внутренней и внешней политики, а также обнажают целый ряд проблемных вопросов, связанных с развитием российского законодательства на современном этапе.

Федеральным собранием РФ, как непосредственным участником глобализационных процессов в последние годы была сформирована основательная законодательная база. В глобализации можно выделить несколько сфер, к которым будет относиться тот или иной закон. Во-первых, в глобализации можно выделить экономическую составляющую, на основе которой в Российской Федерации принимаются законы, регулирующие сферу экономики. А именно такими законами могут выступать: Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ; Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей»; Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» N 173-ФЗ; Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» N 209-ФЗ и мн. др.

Также в условиях глобализации затрагивается информационная сфера. Данная сфера сейчас наиболее сильно развивается в современном мире, поэтому подвержена многим изменениям. Законами, которые были сформированы в

результате глобализации, выступают: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ; Закон РФ «О средствах массовой информации»; Федеральный закон «О связи» и др.

Глобализация затронула и экологическую сферу, на основе которой сформировалось экологическое законодательство, а именно: Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ; Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 N 174-ФЗ; Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 N 89-ФЗ и др.

Глобализационные процессы затронули такие сферы жизнедеятельности, а соответственно законодательства, как: политическая, научно-техническая, социокультурная, организационная и другие. Но в данной работе была задачею детально разобрать каждую отрасль законодательства, которая сформировалась в результате глобализации, а отразить общие моменты и выявить наиболее интересные и самые развивающиеся на сегодняшний день.

Таким образом, проанализировав влияние глобализации на законодательную власть в РФ, как составную часть государственной власти, мы можем сказать, что в ходе работы мы рассмотрели теоретический аспект таких понятий как «государственная власть» и «законодательная власть», а также выявили основные законы, которые были приняты в результате влияния глобализации на законодательную власть. Исходя из этого, можно сказать, что при принятии законов законодательная власть играет непосредственную роль, т.к. именно от нее исходят вышеупомянутые законы. Соответственно влияние глобализации на законодательную власть выражается непосредственно в принятии определенных нормативно-правовых актов. Проанализировав законодательную базу Российской Федерации, а именно законы, которые были приняты в результате влияния глобализации, можно сказать, что она не является совершенной, т.к. глобализация – это динамичный процесс, развиваются новые

общественные отношения, а соответственно и новые институты и отрасли права, и законодательная база не должна отставать, необходимо своевременно реагировать на эти нововведения, формирующиеся под влиянием глобализации.

Список литературы:

1. Алексеев, С. С. Теория государства и права: учеб.пособие / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2005. – 283 с.
2. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учеб.пособие / Л. А. Морозова. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 464 с.
3. Книги 1, 2, 3: Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 1 / Под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1985. — 623 с.
4. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.В. Малько. - 2-е изд. - Москва : Проспект, 2016. - 1136 с.
5. Лазарев, В. В. Общая теория государства и права: учеб.пособие / В. В. Лазарев. – М. :Юрайт, 2012. – 634 с.
6. Некрасов, С. И. Конституционное право РФ: учеб.пособие / С. И. Некрасов. – М. :Юрайт, 2012. – 351 с.
7. Баранов, Н. А. Проблемы национальной безопасности и пути их разрешения: курс лекций [Электронный ресурс]/ Н. А. Баранов. – Электрон.текстовые дан. – СПб: [б. и.], 2016. – Режим доступа: <http://nicbar.ru/politology/study/kurs-problemy-natsionalnoj-bezopasnosti-i-kontrol-nad-vooruzheniyami/227-lektsiya-2-problemy-natsionalnoj-bezopasnosti-i-puti-ikh-razresheniya>, свободный.

УДК. 342

Кошман В.А.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ТИПОЛОГИЙ

Аннотация: В статье рассмотрено современное состояние подходов к решению вопроса о сущности государства. На основании работ современных российских авторов сделан вывод о превалировании теоретических подходов 20-го века в отечественной науке, также дана их краткая критика. На основе анализа ситуации в китайской науке, а также сопоставления её с упомянутыми устаревшими концепциями, сделан вывод об ошибочности некоторых теорий, не находящих эмпирического подтверждения. В заключении обоснованы перспективы максимальной объективизации подходов к типологии государств, применительно как к историческим примерам, так и к современным ситуациям.

Ключевые слова: государство, восточная деспотия, азиатский способ производства, происхождение государства

Annotation: The article gives an insight on modern situation with the state's essence problem. The conclusion about 20th century theoretical approaches domination in the Russian science is made based on actual Russian authors' works. A brief critic is also given. After a brief analysis of the Chinese historical science situation, and it's comparison with the out-of-date concepts mentioned, a decision about falsity of some theories without empirical support is made. In conclusion, the perspectives of the more objective approaches to the states typology are drawn. Those could prove useful not only in researching the ancient states, but also the modern ones, the examples of which are also given.

Key words: state, eastern despotism, asian mode of production, state origin.

В современной теории и истории государства и права вопрос о сущности государства, подходов к его пониманию остается в центре внимания ученых на

протяжении всего периода существования указанных наук. Однако вплоть до текущего момента данный вопрос далек от разрешения, а множество взаимопротиворечивых подходов остаются до сих пор. По мере накопления исторического материала менялись и концепции, объясняющие вопрос происхождения государства и подходы к его типологизации. Однако, до сих пор в отечественной науке доминирующими подходами остаются теории XIX и XX веков, преимущественно формационный и цивилизационный.

Такой пробел не могли не обойти вниманием современные российские ученые. Так, Маликов А.В.[5] и Любашиц В.Я. [3] рассмотрели указанный вопрос в своих диссертациях. Наиболее современным из подходов, представленных в их работах, являются концепты «вождества» и «раннего государства» (традиционного, архаического), позаимствованного из неоэволюционной школы политической антропологии. Данный подход появился и оформился в 60-е и 70-е годы XX века путем совместных работ таких авторов Э. Сервис, М. Салинза, Р. Карнейро, Х. Классена, П. Скальника и ряда других. Но, на текущий момент даже данный подход, по нашему мнению, является устаревшим, уступив место поискам новых путей кросскультурных сравнений. Хотя стоит признать, что пока не один из них не нашел столь широкого применения как последний.

Кроме того, указанный подход критикуется исследователями разных стран и периодов по ряду причин. Так, Голубев С.В. в своей докторской диссертации «Основания государственности: социально-философский анализ» указывает, что: «Было, в частности, продемонстрировано, что концепция вождества, специально разработанная для нахождения «промежуточного звена» между общиной, племенной организацией и государством, и установления четкого критерия государственности, не имеет достаточно определенных объективных оснований и «провести четкую грань между этими стадийными этапами («вождеством» и «ранним государством» С.Г.) социокультурной эволюции очень и очень сложно, если не невозможно»[2, с.277]. На аналогичную

проблему указывают и зарубежные исследователи. Г. Шелач и И. Яффе подчеркивают проблемность нахождения эмпирических отличий для сравнений различных политических образований и сведение всего разнообразия сообществ к перечню черт.[9, с.322-323] Д. Болгери Л.Ц. Магвайруказывают на то, что неэволюционизм допускает ошибку однолинейности истории и является метанарративом, который отражает этноцентрическую предвзятость западной мысли.[7, с.1]

Подобные ошибки, однако, были допущены не только западными исследователями, но и китайскими. Ли Лю, рассматривая во введении к своей книге «The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States (New Studies in Archaeology)» основные концепции «древнего города» и эволюционной последовательности «архаического государства» - «регионального государства» - «империи» в китайской историографии, приходит к следующему: «Явно, что этим описаниям не хватает концептуальных объяснений и логических критериев для определения государств. Эта путаница породила ряд других проблем в китайских археологических теориях». [13, с. 11-12]. Другой китайский исследователь Хунь Лин-юй указывает на семантическую природу проблемы определения первых государств на территории Китая, когда термины подгоняются под необходимые случаи.[11, с.2]

Соответственно встает вопрос о том, какие же тогда применять подходы и о том, откуда черпать соответствующий материал для исследований в области истории и теории государства. На наш взгляд, ответом является установка на максимально возможную объективизацию черт государства, которые имели бы эмпирический характер, а также на предложенный Г. Шелачем и И. Яффе подход о рассмотрении каждого случая развития государственности в длительной перспективе с учетом уникальных траекторий данного примера, что созвучно *longue durée* французской школы «Анналов». Источником же материалов могут служить в основе только лишь данные археологи, так как

письменность возникает в уже сложных обществах, и то не во всех (регион Анд, к примеру, обходился без нее). Также следует учесть, что невозможно свести определение появления государства к перечню универсальных культурных особенностей [13, с.224]. Также необходимо рассматривать множество черт во взаимосвязи, на что указывает А. Портер [6, с.76].

Примером того, почему надо аккуратно подходить к отдельным культурным особенностям, является пример монументальных сооружений и их размеров. Так Ю.Е. Березкин [1, с.23] указывает на то, что общественно-культурные центры II и III тыс до н.э., расположенные на территории Перу, по размерам превосходят, местами на порядок, крупнейших монументальных памятников Древней Месопотамии. При этом они сооружались окружающим населением, не превышавшим нескольких тысяч, рассредоточенного по деревушкам и хуторам. Данный подход предполагает ознакомление не только с наиболее актуальными данными о первичных центрах государственности, но и решение ряда вопросов, связанных с устареванием подходов. К примеру, популярная до сих пор ирригационная теория Виттфогеля не нашла своего подтверждения. К.Л. Эриксон указывает на то, что создание и поддержание крупной ирригационной сети осуществилось до появления крупных политических образований сельскими общинами.[8, с. 338]Связанная с этим модель восточной деспотии и азиатского способа производства аналогично была эмпирически опровергнута в виду существования значимого и высокоавтономного сектора специализированного неэлитного производства. При этом элиты контролировали лишь производство особо важных престижных предметов. Это позволяет говорить о наличии нескольких отличных, более или менее экономически автономных социальных секторов, каждый из которых занимался параллельным производством, с обменом лишь в нескольких четко обозначенных сферах.[10, с.338]

Еще одним примером определения критериев появления государства является факт того, что переход государственности имел место лишь там, где основным продуктом питания были растительные культуры, которые можно было хранить в течении длительного времени: «Основа питания всех основных наиболее ранних аграрных государств древности ... имеют основательное сходство. Они все являются зерновыми государствами: пшеница, ячмень, и, в случае с Хуанхэ - просо. ... В зерновых государствах один или два вида зерновых обеспечивали основной источник питания, единицу налогообложения в натуре, и базис для доминирующего агрокалендаря. Такие государства были заключены в экологические ниши, где аллювиальные почвы и доступная вода, давали им возможность появиться.» [12, с.128-129].

Следует отметить, что аналогичный подход в сторону объективизации имеет резон не только в отношении древнего периода истории, но и в современности. Имея исторически и культурно изменчивое содержание, представление о государстве тем не менее выступает важным элементом общественных отношений. К примеру, его модель находит отражение в таком аспекте как международное признание одного государства другими, что существенно влияет на его экономическую и общественную жизнь.

Смещение акцента в сторону, к примеру, таких признаков, как территория, правительство и суверенитет, позволило бы решить ряд вопросов. Но прежде чем приступить к ним, считаем необходимым привести понятие суверенитета, наилучше выраженное, по нашему мнению, Марченко М.Н.: «Во-первых, верховенство государственной власти внутри страны. И во-вторых, независимость ее на международной арене» [4, с. 109]. Соответственно, встает вопрос о признании за частично признанными государствами полной международной правосубъектности, к примеру, за Тайванем. Также это ставит под вопрос признание полноценными субъектами ряда государств Африки, которые не имеют суверенитета на своей территории, к примеру, Ливией и

Сомали, а также протекторатов вроде Пуэрто-Рико, которое является членом ООН. С другой стороны, объективизация понимания государства наиболее полно себя проявляет при решении вопроса о том – признавать ли виртуальные государства, как, к примеру, Либерленд или другие подобные образования. Вопрос именно о территории и наличии суверенитета стал основным при решении вопроса о его непризнании Польшей [14]. Стоит отметить, что подобный подход закреплен при определении понимания государства Конвенцией Монтевидео 1933 года.

Другим интересным примером выступает положение Европейского союза и входящих в него стран. Так, ЕС определяется и как федерация, и как конфедерация, и как надгосударственное образование. Исходя из того, что наивысший суверенитет признается за государствами, то если они признают верховенство другой политики, и делятся существенной долей своего суверенитета, причем куда большей, чем в международных государствах, то, на наш взгляд, — это особый вид надгосударственного образования. Историческим до некоторой степени аналогом мы можем назвать Ватикан в период XII-XIII столетия, когда он обладал властью, высшей чем любые государства в Европе, и обладал рядом своих органов власти, а также особым законодательством, которое действовало на территории всей католической Европы.

Подводя итог, отметим, что необходимость максимальной объективизации подходов к пониманию государства особо остро необходима в истории государств и в связи с вопросом о их происхождении. Аналогичное смещение акцентов, послужило бы на пользу и современным представлениям о государстве, особо в контексте преодоления европоцентристского подхода.

Литература:

1. Березкин Ю.Е. Неолит, Анды и Передняя Азия // Российский археологический ежегодник. № 4. 2014 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2014. С. 65-72.
2. Голубев С. В. Основания государственности: социально-философский анализ: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 Москва, 2005. 398 с.
3. Любашиц В. Я. Эволюция государства как политико-правового института: Дис. ... д-ра юрид. наук: 23.00.02. Ростов, 2005. 302 с.
4. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 2. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 604 с.
5. Маликов А. В. Проблемы типологии государства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Москва, 1998. 148 с.
6. Anne Porter. From Kin to Class—and Back Again! Changing Paradigms of the Early Polity: In *The Development of Pre-State Communities in the Ancient Near East*, edited by D. Bolger and L. C. Maguire, 72-78. Oxbow, Oxford
7. Diane Bolger and Louise C. Maguire. Introduction The development of pre-state communities in the ancient Near East. In *The Development of Pre-State Communities in the Ancient Near East*, edited by D. Bolger and L. C. Maguire, 1-11. Oxbow, Oxford
8. Erickson C. L. (2006). Intensification, political economy, and the farming community; Defense of a bottom-up perspective of the past. In J. Marcus & C. Stanish (Eds.), *Agricultural Strategies* (pp. 233-265). Los Angeles: Cotsen Institute.
9. Gideon Shelach, Yitzhak Jaffe. The Earliest States in China: A Long-term Trajectory Approach *Journal of Archaeological Research*. Dec2014. Vol. 22. Issue 4. p.327-364. 38p.
10. Gil J. Stein (2001) Understanding ancient state societies in the Old World. In *Archaeology at the Millennium: A Sourcebook*, edited by G. Feinman and T. D. Price. New York: Kluwer Academic Press. pp. 353-379.

11. Hung, Ling-yu. Pottery Production, Mortuary Practice, and Social Complexity in the Majiayao Culture, NW China (ca. 5300-4000 BP)" (2011). All Theses and Dissertations (ETDs). 589. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://openscholarship.wustl.edu/etd/589> 404 p.
12. James C. Scott Against the Grain: A Deep History of the Earliest States. / James C. Scott. Yale University Press, 2017. 336 p.
13. Liu, L. (2005). The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States (New Studies in Archaeology). Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 329 p. doi:10.1017/CBO9780511489624
14. Odpowiedź na interpelację ponowną nr 4903 w sprawie notyfikowania uznania niepodległości Wolnej Republiki Liberlandu [Электронный режим] – Режим доступа: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/InterpelacjaTresc.xsp?key=2B3190BC>

УДК 341.234

Харакчиева Э.Э.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО» И ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается проблема выявления четко сформулированного понятия «национальные меньшинства» в Международном и Российском законодательствах. Автором были выявлены основные попытки формулировки определения.

Ключевые слова: национальные меньшинства, этнические группы, международное право, Российское законодательство.

Abstract: the article deals with the problem of identifying clearly the formula of the concept of «national minorities» in the International and Russian Laws. The author identified the main attempts of formal definition.

Keywords: national minorities, ethnic groups, International law, Russian legislation.

Основа, на которой строится демократическое правовое государство, включает в себя различные социокультурные явления, тесно связанные с политической и правовой реальностью. Но многие из них в современном мире не имеют четкой, закреплённой за ними формулировки. Примером такого явления является проблема определения понятия «национальные меньшинства».

Для того, чтобы понять причины такой ситуации с этим термином, необходимо обратиться к истории появления данного понятия и к рассмотрению наиболее существенных попыток его формулировки в Международном и Российском законодательствах.

На сегодняшний день точное содержание понятия «национальные меньшинства» не выявлено. Одним из первых документов уточняющих правовые нормы национальных меньшинств в Европе является принятая в 1899г. Брюссельская программа по национальному вопросу [1], которая предполагала собой объединение областей с национальными меньшинствами в автономные экстерриториальные союзы [2].

Известно, что следующие попытки формулировки термина появились в трудах австрийских ученых в начале XX века. Так в своей книге «Национальный вопрос и социал-демократия» социалист О.Бауэр писал, что: «национальные меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области должны быть конституированы как публично-правовые корпорации» [3].

В ряду значительных попыток в международном праве дать определение данного понятия можно выделить работу Специального докладчика по проблемам меньшинств Подкомиссии ООН профессора Ф. Капоторти, написанную в 1979 году. Уникальность предложенной формулировки

заклучалась в том, что это понятие подразумевает, что: «национальное меньшинство – это группа, численно меньшая по отношению к населению страны, занимающая недоминантное положение, чьи члены – будучи гражданами страны – обладают этническими, религиозными или языковыми чертами, отличающими их от остального населения, и демонстрируют, хотя бы в скрытой форме, чувство солидарности, направленное на сохранение их культуры, традиций, религии или языка» [4].

Следует упомянуть, что и в сборнике предложений по определению понятия «национальное меньшинство», принятое Секретариатом ООН в 1987г. и в Рамочной конвенции Совета Европы о защите меньшинств в 1996г. подчеркивалось недоминантное положение данных социальных групп в обществе [5]. Таким образом, отсюда следует ущемление прав национальных меньшинств.

Учитывая сложность данного вопроса, в Российском законодательстве также неоднократно предпринимались попытки охарактеризовать данное социально-политическое явление.

К вопросу о проблеме определения понятия «национальные меньшинства» обращался А.В. Скоробогатов. Он предполагал под национальным меньшинством: «несколько (группу) лиц, являющихся гражданами РФ, проживающих на территории Российской Федерации, отличающихся от остальной части населения культурой, языком, устоями и другими характерными этническими чертами» [6].

Хотя понятие «национальные меньшинства» берет начало еще в дореволюционной России, но основные правовые и политические аспекты выделены в нашей стране лишь в XX веке. Подтверждением этого является принятая в 1993г. Конституция Российской Федерации, которая в своем содержании регулирует права национальных меньшинств [7].

В 1992г. была предпринята попытка определения понятия «национальные меньшинства», к которым относятся лица вне зависимости от наличия у них своего национально-территориального или национально-государственного образования на или вне территории России. Но данный законопроект не был принят.

Согласно законопроекту 1996г. к национальным меньшинствам относятся этнические общности, «обладающие устойчивым этническим характером и движимые стремлением к сохранению и развитию своего национального языка, культуры, религий и традиций», и при этом не обладающие национально-государственными и прочими образованиями на территории России и не относящиеся к коренным народам [8].

Таким образом, в силу ряда причин данная проблема является актуальной и сегодня. Но нужно отметить, что одним из главных направлений в рассмотрении вопроса о национальных меньшинствах является обеспечения и защита данной группы прав государством. Поиски наиболее точной формулировки ведутся в Международном и Российском государственном праве.

Литература:

1. Паршичева И.Е. Определение понятий «национальное меньшинство» и «коренной народ» // Ежегодник «Юридическая наука в Китае и России», М.2016.-№1.-С.290
2. Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratie in Österreich, abgehalten zu Brunn vom 24. bis 29. September 1899.W., 1899; Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партийтаге / пер. с нем. К. - П.,1906
3. Бауэр О.Национальный вопрос и социал-демократия/ пер. с нем. М.С.Панина. - СПб.: Серп., 1909

4. Capotorti F. Study on the Rights of Persons belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities...//UN Doc E/CNY/Sub.2/384/Add.1-7.UN Sales N E 78. XIV. I.,1979.
5. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств ETS N 157// Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487/>
6. Скоробогатов А.В. Понятие «национальные меньшинства в Российской Федерации»// Актуальные проблемы экономики и права.2008.№3. С.82
7. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Маркетинг, 2001. – 39 с.
8. Федеральный закон от 17 июня 1996г. N74-ФЗ «О национально-культурной автономии»// ГАРАНТ. URL : <http://base.garant.ru/135765/>

УДК. 340.5

Ефанова А.С.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ
АКТОВ ОБ ОБРАЩЕНИЯХ ГРАЖДАН ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА В
КРЫМСКОЙ АССР И ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 02 МАЯ 2006 Г.
№ 59-ФЗ «О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Аннотация: В статье проведён анализ нормативно-правовых актов, регулировавших порядок подачи и рассмотрения обращений граждан в первой трети XX века и в нашей современности, установлены сходные и

отличительные черты, рассмотрены вопросы защиты прав граждан на обращения.

Ключевые слова: обращения граждан, глобализация, Бюро жалоб, Рабоче-крестьянская инспекция, нормативно-правовые акты.

Annotation: The article analyzed regulatory legal acts which controlled the procedure of filing and consideration the citizens' appeals in the first third of 20 century and our modernity, similar and differential features were defined, issues of the protection of citizens' rights for the appeals were considered.

Keywords: citizens' appeals, globalization, complaint office, workers'-peasants' inspectorate, regulatory legal acts.

Проблема соблюдения прав и свобод человека и гражданина была и остаётся одной из приоритетных, особенно в условиях глобализации. Один из сегментов категории прав и свобод человека занимает соблюдение его прав на обращение. В обязанности органов РКИ по всей РСФСР, позже СССР, в т.ч. в Крымской АССР, входило рассмотрение жалоб и заявлений граждан, в том числе наблюдение за организацией во всех учреждениях приёма таких жалоб и заявлений и правильным их движением. С целью осуществления таких функций при наркомате РКИ существовало Бюро жалоб и заявлений.

В связи с тем, что нормативные правовые акты РСФСР и СССР распространяли своё действие на входящие в их состав территории, в т.ч. на Крымскую АССР, порядок рассмотрения жалоб и заявлений граждан Крымской АССР регулировался:

- постановлением наркома Государственного контроля от 04 мая 1919 г. «О Центральном бюро жалоб и заявлений при наркомате Государственного контроля» [1, с. 391-392] (далее – Постановление от 04 мая 1919 г.);

- циркулярным постановлением Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 30 июня 1921 г. «О порядке подачи

жалоб и заявлений» [2, ст. 7, с. 495-496](далее – Постановление от 30.06.1921), принятым в развитие Постановления от 04 мая 1919 г.

Наши современники, работающие в настоящее время с обращениями граждан, не могут не заметить очевидного сходства норм данных нормативных актов с положениями Федерального закона от 02 мая 2006 г.

№ 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» [3, ст. 12] (далее – Закон № 59-ФЗ). Общие принципы рассмотрения жалоб остались с 1921 года по настоящее время неизменными, однако есть и некоторые принципиальные различия.

Одним из отличительных критериев являются сроки рассмотрения обращений: по общему правилу Закона № 59-ФЗ – 30 дней с возможностью в исключительных случаях продления рассмотрения ещё на 30 дней (ст. 12). Согласно п. 6 Постановления от 30 июня 1921 г. все жалобы и заявления, поступающие в Бюро жалоб, должны быть рассмотрены в 3-7-дневный срок, если не требуются справки и материалы из других городов.

В качестве другой отличительной черты можно привести порядок уведомления заявителей о событиях и процессуальных действиях при рассмотрении обращений: п. 9 Постановления от 04 мая 1919 г. обязывал должностных лиц Бюро при принятии жалобы выдавать заявителю соответствующую квитанцию, а о получении жалобы, присланной по почте, – немедленно извещать отправителя, в свою очередь Закон № 59-ФЗ устанавливал лишь правило уведомления гражданина, направившего обращение, в случае продления рассмотрения его обращения (ч. 2 ст. 12).

Законом № 59-ФЗ была урегулирована процедура перенаправления обращения, конкретизирован порядок направления и регистрации письменного обращения (ст.ст. 8, 9), его рассмотрения (ст. 10), закреплены случаи, в которых ответ на обращение не даётся (ст. 11), процедура личного приёма граждан (который производился также и согласно Постановлению от 04 мая 1919 г., но

не регламентировался столь чётко), (ст. 13). В раннем законодательстве указанные положения не находили отражения.

Что касается сходных положений в правовом регулировании реализации прав граждан на обращение, таковыми являются:

- бесплатные условия для обращения (п. 2 Постановления от 04 мая 1919 г. и ч. 3 ст. 2 Закона № 59-ФЗ);

- запрет преследования гражданина в связи с его обращением (п. 10 Постановления от 04 мая 1919 г., п. 3 Постановления от 30 июня 1921 г. и ст. 6 Закона № 59-ФЗ). При этом в преамбуле Постановления от 30 июня 1921 г. отмечалось, что не все нормы Постановления от 04 мая 1919 г. соблюдались, в частности рассматриваемая норма о безопасности заявителей. Встречались случаи, когда жалобщики подвергались арестам и др. репрессиям на местах. Постановлением от 30 июня 1921 г. допускалось подвергать репрессиям только граждан, обратившихся с жалобами и заявлениями злостного или заведомо клеветнического характера, и исключительно по приговорам судебных учреждений. Современное же законодательство России репрессии запрещает;

- право граждан на возмещение убытков, причиненных незаконным действием (бездействием) при рассмотрении обращения, – в обоих случаях по решению суда (п. 8 Постановления от 04 мая 1919 г. и ст. 16 Закона № 59-ФЗ);

- право подачи жалоб не только потерпевшими, но также лицами и учреждениями, оказавшимися свидетелями незаконных действий. В раннем законодательстве это закреплялось значительно проще (одной нормой – п. 5 Постановления от 04 мая 1919 г.), в сравнении с более сложным законодательством нынешней Российской Федерации, в котором эта норма фиксируется каждой отраслью отдельно (Уголовный кодекс РФ [4, ст. 205.6], Земельный кодекс РФ [5, ст. 71.1], Трудовой кодекс РФ [6, п. 4 ч. 7 ст. 360], Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении

государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [7, ст. 10] и др.);

- права граждан, в целом оставшиеся без изменений, но расширенные, систематизированные и конкретизированные (в постановлениях смысл вытекает из текста, в Законе № 59-ФЗ закреплены в ст. 5).

Это же можно отнести и к требованиям к письменному обращению, но при этом необходимо учесть реалии времени, таких как уровень грамотности начала XX века («словесные жалобы по записи прочитываются заявителем и подписываются им, если он грамотен» (Постановление от 04 мая 1919 г.) и технические возможности современности (к обращению, поступившему в форме электронного документа, «гражданин вправе приложить необходимые документы и материалы в электронной форме» (ст. 7 Закона № 59-ФЗ).

Порядок обжалования решений Бюро по сравнению с современностью не изменился (п.п. 1, 2 Постановления от 30 июня 1921 г.).

Декретом ЦИК и СНК СССР от 06 сентября 1923 г. «Об освобождении РКИ от ряда принадлежащих ей функций» [8, с. 90-92] тематика рассматриваемых РКИ обращений была сужена.

Кроме нормативных правовых актов некоторые вопросы рассмотрения обращений граждан в Крыму регулировались внутренними актами Крымской РКИ. Например, приказ от 03 января 1922 г. № 2 [9, л. 2], согласно которому вся переписка могла исходить лишь за подписью управляющего инспекцией или его заместителя. Законом № 59-ФЗ право подписи предоставлено также должностному лицу либо уполномоченному на то лицу (ч. 3 ст. 10).

Таким образом, анализ Постановления наркома государственного контроля от 04 мая 1919 г. «О Центральном бюро жалоб и заявлений при народном комиссариате государственного контроля», циркулярного постановления Президиума ВЦИК от 30 июня 1921 г. «О порядке подачи жалоб и заявлений» и Закона № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан

Российской Федерации» позволяет сделать вывод, что нормативные акты РСФСР заложили основу современному порядку рассмотрения обращений граждан.

Литература:

1. Постановление наркома Государственного контроля от 04 мая 1919 г. «О Центральном бюро жалоб и заявлений при наркомате Государственного контроля». – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1943. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/38028>.
2. Циркулярное постановление Президиума ВЦИК от 30 июня 1921 г. «О порядке подачи жалоб и заявлений». – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1944.[Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://istmat.info/node/46228>.
3. Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
5. Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ с изменениями и дополнениями.[Электронныйресурс]. – Режимдоступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_33773/46872a8fe91357134ead27bb7eeb716ad5dcee10/.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/.

7. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/.
8. Декрет Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 06 июня 1923 г. «Об освобождении Рабоче-крестьянской инспекции от ряда принадлежащих ей функций». – Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. – Издание ЦИК СССР. Кремль. М., 1923. – № 6. – Ст. 125. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18292&fld=134&rnd=208987.775957126149456&>.
9. Приказы по КО РКИ по организационным вопросам и личному составу. – ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 219.

УДК. 341.1/8

Миронюк О. В.

студентка 4 курса юридического факультета

*«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация и ключевые слова: в данной научной статье рассматриваются понятия процессов регионализма и регионализации, проблемы их исторического развития, современное состояние и перспективы дальнейшего становления

На данный момент в мире происходят процессы глобализации. Одним из аспектов данного процесса является усиление экономического взаимодействия ни сколько между национальными экономиками, сколько между наиболее развитыми экономическими регионами, а так же иными регионами, представляющими интерес с точки зрения экономических льгот и дешевой рабочей силы. Учитывая вклад ученых, таких как И.В. Шевченко, Е.А. Алексеева, Р.С. Смищенко некоторые вопросы в сфере регионализма и регионализации все же остаются неразрешенными. В нашей статье мы ставим перед собой цель рассмотреть в исторической динамике изменения данного процесса с точки зрения его правового регулирования в рамках территории Европы.

Регионализм относится к трем различным элементам:

а) движения, требующие территориальной автономии в унитарных государствах [1, с.21];

б) организация центрального государства на региональной основе для реализации своей политики, включая политику регионального развития [2, с. 43];

в) политическая децентрализация и региональная автономия.

Первый можно рассматривать как «восходящий» регионализм, второй - «нисходящий регионализм», а третий - как ответ на первый. Первые региональные движения находятся в Европе в конце девятнадцатого века, в основном направленные против централизованного и единого национального государства. Они всегда были консервативны по ориентации, поддерживались традиционными социальными классами и религиозными группами и противостояли социальным изменениям, навязываемым современностью.

К концу XIX века в динамичных регионах были также более прогрессивные и модернизирующие регионализмы. Оба вида движения можно рассматривать как ответ на консолидацию национального государства, закрытие

границ, создание национальных рынков и усилия по культурной и социальной гомогенизации, которые оказывают неравномерное воздействие на различные сектора и территории. В некоторых случаях, как в Каталонии, Фландрии или Бретани, такие движения эволюционировали в националистические движения, участвуя в «повторном пробуждении национальностей» в конце XIX-XX вв.

В середине XX века появился «функциональный регионализм», вдохновленный самими государствами в контексте национального планирования и экономической модернизации. Региональное планирование было ответом на неудачи государства в межвоенный период и на работу ученых и практиков, которые спорили на основе функциональной эффективности. Он отличался амбициями, наиболее полно разработанным во Франции, где он был продолжением механизмов национального экономического планирования. Региональная политика была государственной политикой, направленной на обеспечение равномерного развития на всей территории страны. Они включали субсидии и налоговые льготы, а также инфраструктуру, чтобы стимулировать перемещение инвестиций в отстающие регионы. В некоторых случаях региональное планирование и региональная политика порождают новые институты, предназначенные для обеспечения эффективной реализации на местах. Региональные субъекты, в частности, жаловались на их подчинение центральным стратегиям развития. Реакция заключалась либо в кончине региональных механизмов планирования (как в Соединенном Королевстве), либо в ее эволюции в избранное региональное правительство (как во Франции и Италии).

В то же время произошло оживление региональных политических движений. В послевоенный период они не были столь консервативными, как в XIX веке, но их политический цвет варьировал. Некоторые из них были христианскими демократами в ориентации, проводили модернизацию без социальной революции и отстаивали принцип субсидиарности. Другие были

левыми, поскольку социал-демократические партии постепенно отказались от централизованных взглядов, которые они придерживались на протяжении большей части двадцатого века, и вновь открыли старые, децентрализованные традиции. Леворадикальные движения в некоторых случаях принимали региональные принципы, основывая свои аргументы на теориях внутреннего колониализма и вдохновленные борьбой за деколонизацию 1960-х годов.

С 1980-х годов появился новый регионализм. Это было обусловлено экономическими изменениями, глобализацией и европейской интеграцией, а также преобразованием государства. Глобализация, революция в области коммуникации и рост новых технологий и способов производства в определенной степени привели к детерриториализации экономики. Миграция, социальные изменения и секуляризация привели к большей однородности ценностей в пространстве. Политические партии гомогенизировали избирательный выбор внутри государств. Но в то же время произошла ретерриториализация экономической, культурной и политической жизни. Новые теории экономического развития уделяют большое внимание как глобальным тенденциям, так и местным факторам, которые регулируют адаптацию конкретных мест к этим влияниям. Экономические изменения в современной экономике реагируют на социальную конфигурацию конкретных мест. Регионы и населенные пункты стали ключевыми объектами экономических изменений и могут рассматриваться как локальные системы производства, а не просто местоположение экономической деятельности. Эти местные и региональные производственные системы конкурируют друг с другом за инвестиции, технологические преимущества и рынки. Национальные правительства больше не владеют инструментами управления своими пространственными экономиками, которые у них были в период расцвета кейнсианства. Инвесторы могут покинуть страну, а не размещать свои инвестиции в бедных регионах, тарифная защита запрещена в соответствии с международными торговыми

соглашениями, а европейские правила ограничивают вмешательство государства во имя конкуренции. Поэтому национальная политика регионального развития, в которой регионы рассматривались как взаимодополняющие, уступила место конкурентному регионализму, в котором регионы должны идти своим путем. В этом соревновании есть преимущество для тех регионов, которые имеют правильные институты для содействия социальному сотрудничеству и производства общественных благ.

Этот функционально-ориентированный регионализм был обнаружен во многих частях мира, поскольку глобальные экономические тенденции оказывают различное воздействие на территории. Это стимулировалось глобализацией, а также ростом надгосударственного регионализма, как в Европейском союзе, Североамериканской зоне свободной торговли или Меркосур, что ослабило способность государств управлять своими пространственными экономиками и увеличивать территориальную конкуренцию.

Реакция правительств в европейских государствах заключалась в создании систем регионального или мезоуровневого правительства, между центральным и муниципальным уровнями. Системы мезо-правительства сильно различаются по своим полномочиям и компетенциям, но все они занимаются управлением внедрением своих территорий на континентальный и глобальный рынки. Некоторые из них ответили неолиберальными стратегиями, стремясь снизить издержки и привлечь внутренние инвестиции. Другие уделяют больше внимания социальной солидарности и экологическим соображениям. Во всех случаях регион стал ключевым уровнем, на котором разыгрываются конкурирующие требования экономической конкурентоспособности и социальной сплоченности.

Таким образом, можно сделать вывод, что успех или неуспех тех или иных стран, регионов и корпораций в своем развитии будет в XXI веке в

решающей мере зависеть от того, насколько адекватно и комплексно они сумеют «оседлать» своими управленческими стратегиями и технологиями и объективные тенденции развития мировой экономики [3,с.12.]. В этой связи становится все более актуальным осуществление адекватного стратегического позиционирования страны, региона, корпорации в глобальном экономическом развитии и разработка на этой основе соответствующей национальной (или региональной) промышленной политики, выступающей базой для формирования и реализации соответствующих стратегий промышленных структур.

Литература:

1. Грани глобализации : Трудные вопросы современного развития. М., 2003. Евробарометр — серии опросов общественного мнения Европейской комиссии [сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 01.02.2018).
2. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. — 258 с.
3. Голков А.С. Создание конкурентоспособных промышленных кластеров как основа устойчивого регионального развития: взгляд через призму национальной экономической безопасности // Сборник материалов Первой всероссийской научно-практической конференции «Регионы России: проблемы и перспективы экономического развития» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://econference.ru/blog/conf05/153> (дата обращения: 01.02.2018)

УДК. 343.231

Луговский С. С.

студент 2-го курса магистратуры юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: В статье выводится понятие преступления в контексте современного этапа развития общества. Приведён пример явного несоответствия уголовного запрета исторической эпохе и потребностям права. Поднимается вопрос недопустимости существования запрета исключительно ради санкции.

Ключевые слова: преступление, общественные интересы, санкция.

Abstrac : The article discusses the concept of a crime according to the context of modern stage of the society development. The example of apparent discrepancy of criminal prohibition and historical epoch and the needs of law was given. The question of impermissibility of the existence of prohibition exclusively for sanction is raised.

Key words: crime, public interest, sanction.

Понятие преступления является центральным в уголовном праве. Законодательное определение понятия преступления закреплено в ч. 1 ст. 14 УК: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Тем не менее, можно утверждать, что в ряде случаев действия, перечисленные в особенной части УК, не являются общественно опасными, хотя и запрещены действующим законодательством. В таком случае можно говорить о существовании законодательного ограничения не ради защиты каких-либо общественных отношений, а исключительно ради санкции, что противоречит вообще принципам уголовного права и сегодняшней ступени развития человечества.

Прежде чем приступить к обоснованию нашего утверждения, стоит глубже разобраться в понятии преступления. Приведём слова Н. С. Таганцева [1, с. 53]: «Как показывает само наименование «преступление», такое деяние должно заключать в себе переход, преступление за какой-то предел, отклонение или разрушение чего-либо». Вероятно, подразумевается переступание за предел дозволенного, «разрушение» прав кого-либо.

В. А. Номоконов в статье [2] в большей мере отождествляет понятие преступления и преступности с духовно-нравственной сферой и, соответственно, выходом за неё, с чем нельзя согласиться. Не вызывает никаких сомнений, что то, что считается совершенно безнравственным в одной культуре, может быть всецело одобряемо в другой, например, особенно если носит религиозный характер. В индуизме корова почитается как материнская фигура «гау-мата», что совершенно не мешает гражданам РФ, не относящим себя к индусам, есть коровье мясо. Аналогично и в пределах одной культуры существует множество вариантов поведения, которое будет всячески порицаться общественным мнением, но совершенно не будет уголовно наказуемо.

В работе [3, с. 8] И. Рагимов рассматривает понятие преступления с философских позиций. Приводится утверждение Э. А. Позднякова о том, что юридический подход к преступлению и множество его определений формальны и не удовлетворяют запросы тех, кто хотел бы углубиться в суть феномена «преступление», разобраться в его глубинных основаниях и причинах. Чисто формальный характер понятия преступления, как тот, что закреплён в УК, даёт возможность законодателю, исходя из различных соображений, создавать системы и условия, требующие именно таких понятий. Следовательно, в уголовном праве криминализация и декриминализация при всём стремлении к объективности не может быть свободна от волюнтаристского подхода тех, кто непосредственно занимается законотворчеством. Кроме того, это ведёт к

намеренной криминализации деяний, которые, фактически не являясь общественно опасными, постулируются таковыми в защиту нарушения власть придержащими общественных интересов. Согласно ст. 1 Конституции РФ [4], Российская Федерация является правовым демократическим государством. Следовательно, наличие в УК подобных деяний прямо противоречит Конституции РФ, да и здравому смыслу.

Рассмотрим конкретный пример, а именно – частный случай ст. 222 УК РФ (Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение, оружия, его основных частей и боеприпасов). В России незаконным является владение частным лицом нарезным короткоствольным оружием (кроме наградного) либо основными частями оружия (ствол, затвор, рамка, ствольная коробка, барабан). Посредством постоянной пропаганды в СМИ у граждан формируется заведомо предвзятое отношение к этому вопросу. В СМИ регулярно приводятся случаи из стран, в которых нет такого запрета, где кто-то пострадал в перестрелке или оружие оказалось в руках у преступника. При этом мы можем лицезреть лишь одностороннюю подачу информации. Редко где можно встретить официальную статистику об уменьшении количества умышленных преступлений в странах, где недавно разрешили к обороту среди населения короткоствольного нарезного оружия, либо же статистику успешной самообороны в США, поскольку эти данные были бы очень эффективным контраргументом в дискуссии о нецелесообразности такого законодательного ограничения. В работе [5] утверждается, что для эффективности пропаганды, она должна быть основана на правдивых фактах, пусть и искажённых в нужном заинтересованной стороне русле. Этим и объясняется такой информационный фон в российских СМИ в вопросах относительно разрешения короткоствольного нарезного оружия для населения. Не вызывает никаких сомнений, что заряженный пистолет является источником повышенной опасности, но таким же источником является любой автомобиль, электричество,

водоёмы, дороги общего пользования и многое другое, что почему-то не запрещено уголовным законодательством и ни у кого не возникает даже мыслей о запрете. И утверждение, что оружие существует для убийства живых целей, является исключительно плодом многолетней пропагандистской работы.

Ещё более курьёзным и забавным является наличие уголовной ответственности за основные части оружия. В сопредельном государстве, Украине, эти части находятся в совершенно свободном обороте. Случаи причинения кому-либо вреда посредством основной части оружия истории до сих пор не известны.

Следовательно, этот ярчайший пример можно смело назвать либо глупым недоразумением либо чьим-то злым умыслом на криминализацию действий, которые априори не могут быть преступлением, если не сопряжены с иными действиями, преимущественно насильственного характера. Но этот запрет очень жёстко ограничивает права граждан на личную неприкосновенность, свободу, безопасность, а также оскорбляет честь и достоинство.

Последнее утверждение требует обоснования. В работе известного российского учёного А. П. Назаретяна [6, с. 59] очень подробно поднимается вопрос о соответствии существующих видов вооружений эволюционному уровню развития человечества в каждую конкретную эпоху. И приводится относительно недавнее важное наблюдение. На территории Вьетнама в 1970е годы полностью исчезло крупное первобытное племя горных кхмеров, что обнаружилось после окончания вьетнамо-американской войны. После взаимных обвинений сторон, была создана международная научная экспедиция, которая впоследствии установила, что ни одна из сторон не является прямо виновной в геноциде и истреблении племени. Как оказалось, в руки палеолитических охотников попали американские карабины. Они оценили их преимущества перед луками и копьями, за несколько лет уничтожили всю фауну, а также перестреляли друг друга. Это племя находилось на той ступени развития, когда было ещё не готово к появлению огнестрельного оружия. Иными словами, когда сегодня

представители законодателя утверждают, что получив в законное владение короткоствольное нарезное оружие, граждане РФ начнут друг в друга стрелять, данные деятели попросту приравнивают наш уровень развития к первобытному племени, что совершенно не соответствует действительности и по всем признакам является оскорблением.

Выводы. Под преступлением мы понимаем деяние, направленное против общественных интересов либо угрожающее их безопасности. Недопустимо считать преступлением действия, которые в действительности не нарушают интересы общества, не угрожают их безопасности, не наносят ущерб кому-либо или чему-либо, даже если у общества сформировано заведомо ложное мнение по данному вопросу. Тем не менее, в уголовном законодательстве всё ещё имеются подобные запреты. Мы убеждены, что такие статьи УК РФ в нынешнее время требуют анализа и пересмотра с внесением соответствующих изменений и доработок. На конкретном примере нами показано и разобрано, что такие статьи УК действительно существуют и не соответствуют ни потребностям общества, ни объективной реальности.

Литература:

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994, С. 24.
2. Номоконов В. А. «Философия преступления» или «преступная философия»? // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2014. N 4(35). С. 26 - 34.
3. Рагимов И. Философия преступления и наказания. Литрес, 2013, 350 С.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
5. Пол Майрон, Энтони Лайнбарджер. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М., 2013, 445 С.

6. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М., 2012, 256С.

УДК. 342.82

Говоркова Д.А.

*обучающаяся 3 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОРОЛЕВСТВА ШВЕЦИЯ

В настоящее время во многих государствах достаточно остро стоит проблема реформирования избирательных систем. Актуальность темы исследования обусловлена проблемами существующей избирательной системы в РФ. Как при выборах Президента РФ, так и при выборах в нижнюю палату парламента (Государственную Думу Федерального Собрания РФ), существует масса недостатков, которые в конечном итоге влияют на исход выборов. Поскольку всеобщие, равные, прямые и справедливые выборы – обязательный признак демократического государства, то необходимо принимать меры по созданию условий для наиболее полной реализации гражданами своего активного и пассивного избирательного права.

Настоящее исследование проводится в целях разработки возможных предложений по внесению изменений в законодательные акты о выборах, которые могут повысить их эффективность. Преследуются задачи проанализировать избирательную систему зарубежного государства на примере Швеции и выявить наиболее существенные её достоинства, достойные воспроизведения в национальном законодательстве.

В научной литературе необоснованно мало внимания уделяется исследованию избирательных систем скандинавских стран. Некоторый интерес представляет монография Моргуновой Н. А. «Государственное право Швеции», диссертация Рябченко А. В. «Трансформация партийно-политической системы Швеции в конце XX - начале XXI века и партия шведские демократы».

Следует отметить первую особенность, которая заключается в том, что избиратель в Швеции контактирует с членами избирательных комиссий дважды. Связано это с тем, что при отсутствии системы открепительных талонов все желающие принять участие в выборах шведы приходят на избирательный участок заранее, чтобы получить там избирательный бюллетени различных партий, специальный бланк с перфолинией и конверт. Делается это затем, чтобы голосующие были свободны в своих планах, ведь, заполнив дома бюллетени, каждый избиратель вправе не дожидаясь дня, когда на избирательных участках установят урны, законвертовать отображение своей политической воли и отправить его почтой[2, с. 54].

После закрытия избирательного участка члены комиссии проводят сначала подсчёт общего количества конвертов, а потом уже, вскрывая их содержимое, разносят полученные результаты голосования по ведомостям, одновременно с помощью современных средств связи сообщая предварительные результаты в Центральную избирательную комиссию. Ведомости также помещаются в конверты и с окончанием дня закрываются в специальном сейфе. Однако впереди будет дополнительный подсчёт, который внесёт незначительные коррективы в результаты. Действительным достижением избирательного законодательства Швеции является право каждого присутствовать на избирательном участке после, как мы теперь понимаем, его условного закрытия для того, чтобы лично понаблюдать за ходом и результатами подсчётов голосов[3, с. 321].

Примечательным является то, что избиратель имеет право голосовать за политическую партию, но внутри этого выбора он имеет возможность повлиять на порядок ранжирования кандидатов, поставив отметку напротив имени одного из них. Персональный голос может быть отдан только за одного из кандидатов.

Когда все постоянные места распределены между партиями в каждом избирательном округе, эти места агрегируются по всем округам. После этого проводится новое распределение мест, которое основано на большинстве голосов по стране. Таким образом, 349 мест распределяются, рассматривая всю Швецию как один большой избирательный округ. Затем делается сравнение результатов двух способов представительства. Партии, которые получают больше мест при втором способе, который рассматривает всю Швецию как один округ, имеют право на получение дополнительных (корректировочных) мест. Политические партии размещают корректировочные места в тех избирательных округах, где они имеют наибольшее относительное число, следующее за распределением постоянных мест. Если партия не получила ни одного дополнительного места ни в одном из избирательных округов, общее число голосов, поданных за партию, используется в качестве относительного числа в тех округах, где партия не получила мест при распределении корректировочных мест[5, с. 243].

Несмотря на давние традиции парламентаризма (Риксдаг как парламент Швеции существует с 1435 года), избирательная система Швеции в настоящее время претерпевает значительные изменения. С 1997 года у шведских избирателей появилась возможность голосовать по трём видам избирательных бюллетеней: партийный (приводятся наименование выборов и той или иной партии), партийно-именной (наименование выборов и партии, сведения о кандидатах) и незаполненный (лишь обозначение выборов).

На выборах 2010 года правом голосовать и по партийным спискам, и за конкретных кандидатов воспользовались 26% избирателей. Для лиц, внесённых в партийно-именной бюллетень, с 2011 года установлен 5% проходной барьер (ранее - 8%) на выборах в риксдаг и местные органы власти. Таким образом, в случае, если претендент набирает персональных голосов в количестве не менее 5% от общего количества голосов его партии в данном избирательном округе, то он опережает в соответствующем партийном списке кандидата, поставленного решением партийного комитета и получившего менее 5%. В свою очередь, кандидат, привлёкший больше всего личных голосов, занимает первое место в списке и т.д.

С 2011 года вступила в действие норма, по которой партийно-именные бюллетени должны содержать информацию о смысле персонального голосования и быть оформлены таким образом, чтобы облегчить избирателям подачу личного голоса за одного из приведённых в номерном порядке кандидатов. Пустой бюллетень используется, как правило, для самостоятельного вписывания избирателем названия партии или же демонстрации гражданской позиции в случае голосования «против всех», хотя в этом случае считается недействительным.

В связи с этим в октябре 2011 года шведское правительство взяло курс на совершенствование выборной системы, прежде всего с точки зрения лучшего отражения результатов голосования, а также пересмотра правил заочного и досрочного голосования, формирования избирательных округов, регистрации партий, возможности введения новых систем голосования.

В течение 2013 года специальная комиссия риксдага подготовила два экспертных заключения «Пропорциональность на выборах и предварительная регистрация партий и кандидатов» и «Электронное голосование и другие вопросы выборов». В первом отчёте содержались предложения, касающиеся введения «уравнивающих» мандатов на выборах в местные и региональные

органы власти; корректировки модели подсчёта распределения «уравнивающих» мандатов для повышения соответствия представленности партий общему волеизъявлению избирателей на выборах в риксдаг, региональные и местные органы власти; введения проходных барьеров на выборах в местные органы власти в 3% для крупных муниципалитетов и в 2% для остальных; обязательной предварительной (не позднее чем за 30 дней до выборов) регистрации на участие в выборах партий, не представленных в этих органах власти; обязательного письменного согласия (не позднее чем за два дня до выборов) персональных кандидатов с выдвижением партиями их кандидатур; возможности использования партийных символов и цветной печати названия и логотипа партии на избирательных бюллетенях.

Во втором докладе комиссия полагает целесообразным облегчить для избирателей реализацию их демократических прав. В частности, предлагается при условии нахождения оптимального технического решения и обеспечения высоких требований безопасности провести на всеобщих выборах 2018 года эксперимент с электронным голосованием через Интернет за пределами избирательных участков (в дополнение к нынешней системе). Эта мера должна упростить возможности голосования для пожилых, больных и инвалидов, за границей, досрочного голосования и повысить явку, ускорить и сделать более надёжным процесс подсчёта голосов и оглашения результатов выборов, снизить выборные издержки.

Наряду с этим, документ предусматривает введение дополнительных мер по обеспечению достоверности и эффективности избирательного процесса при досрочном голосовании (в т.ч. касающегося повышения доступности досрочного голосования для различных групп населения, «нейтрального» расположения избирательных участков, уточнения их количества и времени работы, гарантий защиты от несанкционированного воздействия или пропагандистского влияния на процесс досрочного и заочного голосования),

усилению требований к набору и подготовке избиркомов и приёмщиков голосов, к хранению и обработке досрочных голосов, а также уточнению роли представителя/попечителя при заочном голосовании.

В настоящее время выводы комиссии находятся на рассмотрении в правительстве Швеции. Несмотря на поддержку 62% населения страны, наибольшие споры вызывает идея интернет-голосования, и по ней пока не удаётся достигнуть парламентского одобрения. Среди доводов противников - риски хакерских акций, сомнения в тайне голосования и доверии к результатам выборов и др.

Проанализировав особенности избирательного права Королевства Швеции, мы можем прийти к выводу, что многие нормы заслуживают того, чтобы быть включёнными в национальное законодательство. Особенно заслуживает внимания проект, предусматривающий возможность Интернет-голосования, которая сделает процедуру выборов более доступной. Также, на наш взгляд, следует обратить внимание на то, что на избирательную кампанию в Швеции денежные средства расходуются весьма экономно. Это достойно подражания, поскольку в РФ наблюдается неоправданное завышение расходов для финансирования избирательной кампании, которое впоследствии не окупается. Внесение изменений в законодательство позволит повысить уровень политической активности граждан нашего государства, повысить уровень доверия к политической системе в целом.

Литература:

1. Куприн Н. Я. Избирательные системы стран мира. Справочник. – М., 2003. – С. 336.
2. Майфет Ю. Ю., Фролова М. А. Конституционное право зарубежных государств. – М., 2006. – С. 188.

3. Баглай М. В., Гуреева Н. П., Даниленко В. Н. Конституционное право зарубежных стран. М., 2006. С. 819.
4. Маклаков В. В. Конституционное право зарубежных стран. – М., 2006. – С. 218.
5. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М., 2006. – С. 396.
6. Кащенко М. В. Избирательные технологии в Швеции и выборы в Европарламент // Представительная власть – 21 век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2004. - № 4 (58).

СЕКЦИЯ 3
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНОГО
ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

УДК. 342.4

Кащенко С.Г.

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории
государства и права юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

КОНСТИТУЦИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Аннотация: В статье показано, что современные тенденции развития права в условиях его глобализации оказали влияние и на «Конституцию Исламской Республики Иран». Оно сказалось, прежде всего, на ее структуре и форме, а также в определенной степени на объектах конституционного регулирования. Однако процесс глобализации не оказал влияния на цели и направление конституционного регулирования.

Обоснован вывод о том, что конституция закрепила доминирующую роль ислама в государственной и общественной жизни Ирана, существующий в ней режим, режим мусульманского фундаментализма конституционной правовой системой и системой государственного управления.

Ключевые слова: конституция, глобализация, статья, властеотношения, лидер, Коран, Сунна, фетва, ислам, факиф, компетенция.

Первая в истории Ирана конституция появилась в процессе иранской революции 1905-1911 гг., направленной против реакционного шахского режима и господства в стране европейских держав, разделивших страну на свои зоны влияния.

В связи с нарастанием революционного движения, в котором принимало участие и местное мусульманское духовенство, шах был вынужден в октябре 1906 г. подписать основной закон Ирана, который состоял из 2 небольших документов.

В них основное внимание уделялось деятельности и правам двухпалатного выборного меджлиса (парламента), который провозглашался единственным законодательным органом.

Но его право на законодательную деятельность было поставлено под контроль мусульманского духовенства. Для этого основной закон предусматривал обязательное создание в меджлисе специальной коллегии не менее чем из 5 депутатов-меджтехов (авторитетных мусульманских богословов).

Эта коллегия должна была определять соответствует ли догматам ислама и мусульманскому праву принятый меджлисом новый закон и на основании этого соответствия решать его дальнейшую судьбу[1, с. 539].

Ныне действующая в Иране конституция была утверждена 15 ноября 1979 г., после свержения шахского режима, на заседании избранного населением совета экспертов.

В современном виде она включает в себя и те изменения и дополнения, которые были внесены в ее преамбулу, названия глав и в содержание 48 статей, после утверждения их Советом по охране конституции и исламских норм в 1989 г.

Современные тенденции развития права в условиях его глобализации оказали значительное влияние и на конституционное право различных стран. В

результате в них сложилась и используется в основном однотипная структура конституций. Обычно они представляют собой совокупность внутренне согласованных правовых норм, обладающих в стране наибольшей юридической силой и обязательных для исполнения. По структуре современная конституция Ирана тоже мало чем отличается от конституций других ныне существующих государств. Она состоит из преамбулы, 14 глав и 177 статей [2. с. 429-467]. Влияние глобализации сказалось и на объектах конституционного регулирования — они стали в разных странах в основном однотипными. В них нормы конституционного права, как правило, закрепляют основы государственного и общественного строя страны, регулируют важнейшие государственные и общественные отношения, управление ими, экономику и социальные отношения, политику и духовную сферу в жизни общества. В центре конституционного регулирования прежде всего властеотношения. Оно в первую очередь определяет организацию, функции, полномочия и деятельность государственной власти, различных ее органов.

В этом отношении современная иранская конституция тоже мало чем отличается от конституций других современных государств. Она также содержит в себе систему правовых норм, определяющих основы государственного и общественного строя, обязательных для исполнения и обладающих наибольшей юридической силой. Она тоже закрепляет форму государственного правления, форму государственно-территориального устройства и форму его режима. В ее компетенции и определение характера государственной власти, ее структуры, функций и полномочий различных ее органов, форм и методов осуществления властеотношений.

Обычно современные конституции устанавливают и свободу совести для граждан государства, их право на исповедание (если у них есть такая потребность) той религии, которую они считают своей.

Совсем иная ситуация имеет место в иранской конституции — она сильно отличается от других нынешних конституций по определяемым ею целям и направлению конституционного регулирования в сфере свободы совести. Она определяет статус ислама в Иране как обязательной государственной религии и много внимания уделяет регулированию взаимоотношений между государственной и религиозной властью, ставя последнюю выше первой. Доминирующая роль ислама в государственной и общественной жизни закреплена уже в самом наименовании конституции - «Конституции Исламской Республики Иран». Она конституционно закрепила те основные положения ислама, на исполнении которых она прежде всего должна строиться и функционировать. Согласно ст. 2 «Исламская республика - это система правления (государственного), основанная на вере в:

1) Единого бога (аллаха), в то, что он установил законы шариата и что человек должен покоряться его воле;

2) Божественные откровения (аллаха) и их основополагающую роль в толковании законов;

3) В страшный (загробный) суд (аллаха) над правовеерными и его конструктивную роль в человеческом совершенствовании на пути к аллаху;

4) В божественную справедливость в создании и установлении законов шариата;

5) В преемственность имамов (возглавляющих мусульманское духовенство в Иране) и их опеку и основополагающую роль в продолжении исламской революции (после свержения шахского режима) по пути ислама и его установлений».

В отличие от других современных конституций, в которых обычно подчеркивается, что высшая власть в стране принадлежит населяющему ее народу и что только он ее источник в конституции Ирана это положение отсутствует и вопрос о высшей власти в государстве трактуется по иному:

«Абсолютная власть над миром и человеком (в том числе в Иране), - говорится в конституции, - принадлежит аллаху, который дал человеку власть над своей общественной жизнью». Подчеркивается также, что аллах не просто ее дал, а одновременно определил и основные правила ее осуществления. В подтверждение этого в конституции приводятся следующие его слова из Корана (Сура Железо, аят 25): «Мы послали наших посланников (к правоверным) с ясными замечаниями и низвели вместе с ними писание и весы, чтобы люди стояли в справедливости». Поэтому согласно мусульманской государственной доктрине все важнейшие отношения, являющиеся предметом законодательной деятельности, уже урегулированы аллахом и зафиксированы в его священных книгах - Коране и Сунне. И они имеют не только религиозное, но и юридическое значение и обязательны для нормативного регулирования государственных и общественных отношений (и в Иране). Между тем шахский режим во время правления Реза Пехлеви до 1979 г. относился к нарушениям предписаний шариата государственной властью терпимо, а многовековая постоянная и устойчивая связь между государственным и религиозным регулированием ослабела, а иногда вообще прерывалась, что сопровождалось нарушением догматов ислама и предписаний мусульманского права. «А теперь народ (Ирана), - утверждается в конституции, - намерен создать образцовое исламское общество на основе исламских установлений». Поэтому новое «законотворчество, отражающее принципы социального управления, нуждается в серьезном и пристальном контроле со стороны справедливости и преданности исламских богословов». Возглавлять этот контроль и его осуществление по конституции должен духовный глава иранских мусульман. В связи с этим конституция предусмотрела учреждение новой высшей государственной должности в стране - должности ее лидера (вождя), который может занимать только глава мусульманского духовенства (ст. 107).

Одновременно конституция определила те безусловные требования, которые должны предъявляться к лидеру страны:

1) Необходимая научная исламская компетентность для вынесения своих фетв (своих толкований) по вопросу о соответствии новых законов и иных государственных нормативно-правовых актов предписаниям Корана, Сунны и фикха;

2) Справедливость и набожность (исламская) для управления исламской нацией;

3) Правильное понимание и социальное мировоззрение, распорядительность, смелость, организаторские способности и сила достаточная для управления;

4) Отвечающего всем требованиям ислама и признания в таком качестве народом. Конституция определила основное направление деятельности лидера страны и способ ее реализации: «Вождь должен гарантировать следование различных организаций (государственных, религиозных, общественных) своему истинному исламскому долгу».

Но его деятельность в этом направлении может происходить (только) «через структуру и полномочия государственных органов, установленные в статьях конституции для структуры государственного управления».

Для осуществления своей деятельности конституция предоставила лидеру высшие в стране государственные полномочия, изъяв их из правомочия меджлиса исламского совета (парламента) и других высших государственных органов и должностных лиц.

Они заключались в его праве на определение общей государственной политики Ирана после консультаций с Ассамблеей по установлению ее целесообразности, а также в его праве на осуществление постоянного контроля за правильным исполнением общей политической линии государства.

Кроме этого по конституции в высшую властную государственную компетенцию лидера Ирана входят:

- Главное командование вооруженными силами;
- Принятие решения о проведении плебисцита;
- Объявление войны, мира и мобилизации;
- Назначение и отправление в отставку факифов (мусульманских богословов), а также назначение их в состав Совета по охране конституции и исламских норм;

- Назначение главы судебной власти, председателя государственной радиовещательной организации «Голос и образ Исламской Республики Иран» и главнокомандующего корпусом стражей исламской революции;

- Разрешение споров и упорядочение отношений между ветвями государственной власти;

- Отстранение от должности избранного народом президента.

Ст. 177 допускает возможность внесения в конституцию изменений и дополнений, порядок этого и устанавливает решающую роль в этом процессе лидера страны.

Он должен после консультаций с Ассамблеей по определению их государственной целесообразности поручить президенту рассмотреть их на

Совете по охране конституции и исламских норм.

В его состав должны входить 6 человек «из числа справедливых и сведущих в делах мусульманских богословов, назначенных лидером, и 6 мусульманских специалистов в различных областях».

Этот совет обязан рассматривать предполагаемые изменения и дополнения к конституции только «с точки зрения их соответствия исламским нормам и конституции» (ст. 94).

После положительного решения этого совета и утверждения его лидером рассматриваемые изменения и дополнения могут быть внесены в конституцию.

Но не все. Ст. 177 в категорической форме запрещает вносить изменения и дополнения в статьи конституции, «относящиеся к исламскому характеру государственного строя, провозглашающих, что все законы и юридические акты основаны на исламских нормах, вере и целях Исламской Республики Иран, статей, говорящих о республиканском характере правления, «принципе имр» и правлении имама, а также с опорой на всеобщее голосование и отрицающих мусульманскую религию Ирана не могут быть изменены».

Влияние глобализации в сфере конституционного права в международном масштабе проявляется и в том, что оно обычно предусматривает разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Это присуще и иранской конституции. В Иране они могут «функционировать только под контролем абсолютного правления» лидера, но «согласно статьям конституции» (ст. 57).

Избираемый населением меджлис исламского совета конституцией уполномочивается на непростую законодательную деятельность. В ст. 4: «Все принимаемые им гражданские, экономические, административные, культурные и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах».

Для этого предусмотрено, что принятые меджлисом законы после этого должны рассматриваться на Совете по охране конституции и исламских норм на предмет соответствия их «исламским нормам и конституции» (ст. 94).

Только после положительного решения этого совета и обязательного утверждения его лидером страны принятый меджлисом закон обретает высшую юридическую силу и становится обязательным для исполнения (ст. 176).

Деятельность исполнительной власти тоже не может не соответствовать следующему содержащемуся в преамбуле конституции установлению:

«С учетом особого значения исполнительной власти (президент и правительство) для претворения в жизнь исламских законов и установления в целях достижения господства справедливых отношений в обществе... она

должна способствовать созданию исламского общества». В этом направлении должна действовать и судебная власть.

В 11 статье иранской конституции содержатся нормы, предусматривающие создание в стране системы правосудия, «основанной на исламской справедливости и состоящей из справедливых судей, владеющих исламскими нормами».

Таким образом существующий издавна в Иране теократический режим, режим мусульманского фундаментализма конституцией закреплена правовой системой и системой государственного управления.

В закреплённой мусульманской доктрине не всегда различаются мусульманское общество (мусульманская умма) и государство (халифат), правила религии и нормы права. А государство отождествляется с уммой. Есть в конституции и понятие «вселенской мусульманской уммы», к установлению которой Ирану следует стремиться.

Литература:

1. Новая история колониальных и зависимых стран. - Том первый. - Москва: Государственное социально-экономическое издательство.-1940.-784с.
2. Основные источники права мусульманских стран Африки и Азии. - Часть 1. - Автор, составитель и редактор С.Г. Кащенко. - Симферополь: Люмбер, 2014. - 467 с.

УДК 347. 999 (09)

Змерзлый Б. В.

Д.ю.н., профессор кафедры истории и теории государства и права

Таран П. Е.

К.ю.н., к.ф.н., зав. кафедрой истории и теории государства и права

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

О СУДАХ СОКРАЩЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация: Статья посвящена исследования правовых основ деятельности судов сокращенного судопроизводства, действовавших в Великобритании на основании Суда морских торговых постановлений, издания 1871 г. в области торгового мореплавания.

Ключевые слова: свод, суды, Великобритания, сокращенное производство.

Annotation: The article is devoted researches of legal frameworks of activity of courts of the brief rule-making, operating in Great Britain on founding Soda of marine trade decisions, editions 1871 in area of trade seagoing.

Keywords: vault, courts, Great Britain, curtailed production.

В отечественной и зарубежной историко-правовой науке довольно много исследований посвященных изучению организации и деятельности судебных органов, связанных с торговым мореплаванием. Значительная их часть посвящена, в частности, коммерческим судам [1–8]. На постсоветском пространстве это объясняется тем, что на территориях современной Украины и Российской Федерации в период с начала XIX по начало XX вв. были созданы и успешно работали коммерческие суды.

Как общеизвестно, прообразом эти специальных судов стали коммерческие суды Франции, опыт которых перенес изначально в Одессу Дюк де Ришелье. Сходные по задачам и организации органы действовали во многих европейских странах, однако не во всех. В частности, Великобритания пошла совсем иным путем, как в определении организации таких учреждений, так и в определении основных направлений их деятельности. Основная часть дел этих

специальных судов была направлена на пресечение преступлений в торговом мореплавании, а не на решение коммерческих, торговых споров. Лишь в специфичной форме в этой стране был использован опыт сокращенного (ускоренного) судопроизводства, как наиболее характерной черты коммерческих судов.

В данной публикации мы попытаемся разобраться более детально в этих вопросах, исходя из соответствующих норм Свода морских торговых постановлений, издания 1871 г. [9].

В этом кодифицированном акте часть XIII была посвящена именно разрешению гражданско-правовых и уголовно-правовых конфликтов, выявлению и осуждению преступлений возникающих в сфере торгового мореплавания этой страны.

В общих постановлениях указывалось, что эта часть свода называется «Общие Постановления и составляет отдельный Устав» (ст. 654), однако одновременно он был взаимосвязан и с другими уставами в этой сфере (ст. 655).

Что касается делопроизводства, то устанавливалось, что при судебных разбирательствах по гражданским и уголовным делам (упомянутым в этом уставе) о подсудности мест, следует руководствоваться такими правилами:

1) всякое озеро, река, гавань или место, осушаемое при отливе, находящееся между или на границе двух или более судебных участков, считается вполне подсудным каждому из таких участков.

2) Берег, осушаемый при отливе или затопленный приливами, или часть моря, подлежащая юрисдикции королевы, но не включенная в вышеупомянутые правила, и омывающее прилегающее или окружающее часть берега владения королевы, должны были считаться подсудными судам, созданным на тех берегах, в которых они прилежали или которые они омывали.

Отдельно устанавливалось, что в этом уставе под выражением «Высший суд» следовало понимать:

1) В Англии или Ирландии один из высших судов королевы в Вестминстере или Дублине, смотря по делу, или в Ланкастере или в Дургаме.

2) В Шотландии под этим выражением следовало понимать Судебный Съезд.

3) На острове Мэн – штаб управления того острова.

4) Во всех прочих британских владениях – высший в них суд.

5) Во всех иностранных портах, в которых королева имеет свою юрисдикцию – суд, имеющий одинаковую власть с главным судом в Вестминстере.

Выражение «Главный суд Адмиралтейства» означало:

1) в Англии и в Ирландии – Высший суд Адмиралтейства.

2) в Шотландии – Судебный Съезд или отделение его или Лорд, исполняющий обязанности судьи в вакационное время [9, с. 393].

3) Во всех английских владениях – Вице-Адмиралтейский суд или всякий иной суд и исправляющий судебную власть Адмиралтейства.

Выражение местный суд Адмиралтейства, означал:

1) В Англии любой суд, имеющий власть в силу Акт 1868 г. об окружных Адмиралтейских судах.

2) В Ирландии любой суд, имеющий судебную власть в силу Акта 1867 г. о суде Адмиралтейства в Ирландии.

3) В Шотландии – суд окружного шерифа (ст. 656).

Устав устанавливал, что выражение «суд с сокращенным судопроизводством» означало всякого судью или мировых судей, шерифа или исправляющего его должность, Лондонский полицейский магистрат, состоящий на жаловании, или всякий иной магистрат или чиновник, или какое-либо лицо, имеющее судебную власть в силу Актов о сокращенных судах, или в силу Актов, на которые они ссылались.

Однако, за короной оставалось право объявлять касательно какого-нибудь иностранного порта или места, в котором действует ее судебная власть, о том, какой суд там следует считать главным судом, какой высшим судом Адмиралтейства или какой суд считать сокращенным судом в смысле этого устава.

Выражение «Акты о сокращенном суде», означало:

Относительно Англии – Акт законодательной сессии с 11 на 12 год настоящего царствования, глава сорок третья под названием: «Акт для облегчения исполнения обязанностей мировых судей в промежуточное между съездами время в Англии и в Валлисе сокращением судопроизводства», и Акты, дополняющие его;

Относительно Шотландии – Акт сокращенного судопроизводства 1864 г.

Относительно Ирландии – в пределах полицейского округа города Дублина, Акты, определяющие власть и обязанности [9, с. 394] мировых судей для того округа, и в других местах Ирландии – Акт о малых съездах в Ирландии 1851 г, дополняющие его.

Относительно Английских владений следовало понимать законы тех владений, изданные для преследования и обнаружения тех же преступлений, и относительно мер взыскания, упомянутых в вышеназванных Актах.

Относительно иностранных портов и мест, в которых корона имела судебную власть, это выражение означало Указ Королевского совета, изданный для преследования и обнаружения тех же преступлений и относительно мер взыскания, упомянутых в вышеназванных актах (ст. 657) [9, с. 395].

Что касается непосредственно сокращенного судопроизводства, то устанавливалось, что, во-первых, правонарушения, наказываемые по этому ставу тюремным заключением до 6 месяцев с тяжкими работами или без них, или денежными взысканием не свыше 100 ф., могли быть судимы сокращенным порядком (ст. 661).

Во-вторых, правонарушения, признанные этим уставом за преступления, не влекущие за собой конфискации, подлежат денежной пене или тюремному заключению до двух лет с тяжкими работами или без них, и подлежат (если не сделано именного исключения) судебному рассмотрению в сокращенном порядке согласно этому Уставу, и за правонарушения, влекущие за собой тюремное заключение до шести месяцев с тяжкими работами или без них, или денежному взысканию не свыше 100 ф., подлежат суду сокращенному (ст. 662).

В-третьих, все правонарушения, преследуемые согласно этому Уставу и рассматриваемые в сокращенном порядке, все деньги и судебные издержки, которые должны быть взысканы сокращенным порядком, и все действия, совершаемые в сокращенном порядке, должны рассматриваться, взыскиваться и совершаться порядком, указанным в уставах о судопроизводстве в сокращенном порядке (ст. 664).

Устанавливалось, что определения сокращенного суда по этому уставу могли быть производимы в исполнение по жалобам [9, с. 396], поданным сокращенному суду, в порядке, предусмотренном уставом о сокращенном судопроизводстве.

При этом не следует упускать из виду, что в Англии суд сокращенного порядка для слушания и обсуждения следствия или жалобы следовало вести так, т.е. в малом съезде заседали двое или более мировых судей в месте, назначенном для малых съездов, или в нем участвовал один из нижеследующих должностных лиц, заседаая один или с другими в каком либо суде, или в другом месте, назначенном для отправления правосудия, а именно: голова или один из старшин Лондона, Лондонский полицейский суд, городское должностное лицо на жаловании, или иные должностные лица, временно законом уполномоченные исправлять единолично или с другими вместе то, что обыкновенно исправляют двое или более мировых судей [9, с. 397].

Срок для назначения сокращенных судопроизводств ограничивался так:

1) в сокращенном порядке не производился суд, а также не давалось предписание силой этого устава о начатии судебного процесса, если дело возбуждалось в Соединенном королевстве 12 месяцев после совершившегося правонарушения или возникшего повода к жалобе, или же когда обе стороны или одна из них находилась вне пределов страны и дело не было возбуждено по возвращении их в королевство в течение 12 месяцев;

2) в сокращенном порядке не производился суд, а также не давались предписания для начатия процесса в каком либо из английских владений или в иностранном порту или месте, где корона имела судебную власть в тех случаях, когда дело возбуждалось по истечении 12 месяцев после совершившегося правонарушения, или когда обе стороны или одна из участвующих в деле сторон находилась вне пределов ведомства того суда, которому подлежало дело, и по возвращении их в пределы этого ведомства прошло 12 месяцев до возбуждения дела.

Ни один из действовавших законов, ограничивающих срок, в течение которого можно было начать дело сокращенным порядком, не распространялся на сокращенные судопроизводства, указанные в этом уставе (ст. 665).

Относительно апелляций, допускаемых в делах сокращенного судопроизводства согласно этому уставу, в Англии действовали такие правила:

– если одна из сторон была недовольна отклонением ее жалобы или предписанием или решением суда сокращенного судопроизводства, коим сумма, присужденная к уплате, включая издержки по делу, превышала 5 фунтов или время заключения в тюрьме превышало 1 месяц (с. 398), то недовольная сторона могла подать апелляцию ближайшему четвертному съезду мировых судей в графстве, или в том месте, где повод к апелляции возник, если съезд состоялся по истечении 15 дней после решения суда, на которое приносилась апелляционная жалоба;

– суд апелляции мог откладывать апелляцию и по рассмотрению ее мог утвердить, отменить или изменить решение суда сокращенного судопроизводства, или вернуть дело в прежний суд с своим мнением, или же дать другое предписание, какое посчитает нужным (ст. 666).

Ни одно решение или постановление суда, объявленное в Англии на основании этого устава, первоначально или вследствие апелляционной жалобы, не подлежало кассации из-за формальностей ни по требованию правительства, ни частных лиц, а также не могло быть для этого переносимо в один из высших судов [9, с. 399].

Далее в уставе размещены разделы «О свидетельских показаниях» (ст. 667-669), «О судебных процессах» (ст. 670-673), «Судебные издержки» (ст. 674-675). В целом, можно отметить, что суды сокращенного судопроизводства в Англии в этот период были более направлены на рассмотрение дел связанных с самими судами и их экипажами, и только в некоторой степени касались вопросов относящихся к торговле, в коммерческих судах Российской империи на первом месте были все е споры между торговцами. Сходным же можно назвать практически полный запрет на апелляцию и кассацию на решения таких судов.

В завершение также следует указать, что в принятом 25 августа 1894 г. английском законе о торговом мореплавании Раздел IV был посвящен особым морским следствиям и судам, отдельно прописывались положения о следствии и дознаниях по морским авариям (264–283) [10].

Литература:

1. Филиппов М. А. Судебная реформа в России: Популярный исторический и теоретический обзор судоустройства. – СПб., 1871. Т. 1.: Судоустройство. Ч. 1. – 1871. – IV., 622 с.

2. Филиппов М. А. Судебная реформа в России: Популярный исторический и теоретический обзор судоустройства. – СПб., 1875 Т. 2: Судоустройство. Ч. 2 – 1875.– 332 с.
3. Туткевич Д. В. О наших коммерческих судах // Журнал Министерства Юстиции. – 1898. – №7-8. – С. 7–16.
4. Шершеневич Г. Ф. Несколько слов о коммерческих судах // Журнал Министерства Юстиции. – 1895. – №4. – С. 40–56.
5. Архипов И. В. Коммерческое судоустройство и судопроизводство в России в XIX веке / Архипов И. В. – Саратов, 1999. – 382 с.
6. Михин А. В. Возникновение и развитие коммерческих судов в Российской Империи : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 – «Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве» / А. В. Михин. – Нижний Новгород, 2005. – 31 с.
7. Цыганова Е.М. Проблемы правового регулирования организации и деятельности коммерческих третейских судов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Цыганова Елена Михайловна. – Омск, 1996. – 206 с.
8. Богатир В. В. Організація та діяльність комерційних судів Таврійської губернії (1819 – 1898 роки) / В. В. Богатир; за заг. ред. Зайчука О. В. – К. : СПД Чалчинська Н. В., 2014. – 164 с.
9. Свод морских торговых постановлений издания 1871 г. Перевел с английского лейтенант Андрей Деливорн. – СПб., 1872. – 412.
10. Английский закон о торговом мореплавании 25 августа 1894 г. Под редакцией Члена-Делопроизводителя С. П. Веселаго. – СПб., Типография В. Киршбаума, 1903. – 439 с.

УДК. 347.79

Пашнева В.А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории
государства и права юридического факультета
*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МОРСКОГО
СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ**

В данной статье рассматривается вопрос о влиянии глобализации на развитие морского страхования. Анализируются основные теоретические аспекты категорий морского страхования, содержащиеся в Кодексах торгового мореплавания Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины.

Ключевые слова: глобализация, морское страхование, кодекс торгового мореплавания.

This article discusses the impact of globalization on the development of marine insurance. The main theoretical aspects of marine insurance categories that are included in the codes of commercial navigation of the Republic of Belarus, the Russian Federation and Ukraine are reviewed.

Key words: globalization, marine insurance, codes of commercial navigation.

Российская Федерация и Украина, как морские державы обладают весьма значительной протяженностью морских границ, что позволяет государствам иметь в своем распоряжении большое число морских портов и использовать грузовые, рыболовные и пассажирские флоты.

В свою очередь, Республика Беларусь, как внутриконтинентальное государство не обладает прямым выходом к морю. Но, данный факт не умаляет возможных перспектив развития государства, как морской державы наряду с другими. Внутренние водные пути являются достаточно протяженными (Верхне-Днепровский бассейн) и имеют выход к Черному морю, а через Средиземное море у государства появляется возможность вести свободное торговое мореплавание со странами Западной Европы.

Современное законодательство в сфере мореплавания этих государств развивается и совершенствуется. Решающим этапом в развитии морского законодательства каждого из государств было принятие Кодекса торгового мореплавания – основного закона в сфере торгового мореплавания. Укажем, что они приняты были в различное время, и с учетом хронологического порядка, первым был принят Кодекс торгового мореплавания (КТМ) Украины – 1995 г., КТМ Российской Федерации – 1999 г., КТМ Республики Беларусь – 2000 г.

Анализ трех основных законов торгового мореплавания государств, особенно вопросов морского страхования, является актуальным и может быть использован с точки зрения унификации законодательства, тем более что глобализация оказывает на этот процесс активное влияние.

Фундаментальной основой кодексов послужил существовавший ранее Кодекс торгового мореплавания СССР, который был принят в 1968 г. Кроме этого, развитие рыночных отношений, международное морское сотрудничество государств также получили свое отражение в КТМ. Наряду с общими принципами международного морского права в кодексах отражено и немало принципиальных различий, которые имеют место в связи с неодинаковыми подходами государств к определенным вопросам.

Внутреннее структурирование КТМ приблизительно одинаковое, что прослеживается и в общем количестве статей: КТМ Республики Беларусь – 327 статей [1], КТМ РФ -27 глав (430 статей)[2], КТМ Украины – 11 разделов (393

ст.) [3]. Сердцевиной каждого КТМ можно указать раздел, регулирующий правовой режим грузо- и пассажиро-перевозок, объем которого является самым значительным. Также указанные кодексы содержат разделы регулирующие вопросы буксирования, общей аварии, ответственность судовладельца, морской ипотеки, рассмотрение споров и др.

Глобализация, как «необратимый процесс, неотвратимая участь мирового развития является очень многоплановой и предполагает увеличение «прозрачности» границ между различными национальными экономическими и политическими системами, что, в свою очередь, связано с необходимостью выработки более или менее общих норм поведения политических, экономических субъектов, использования общих «правил игры». Вследствие чего происходит сближение национальных правовых систем, унификация ряда отраслей и институтов права и законодательства

Происходящая в современном мире глобализация, естественным образом влияет и на формирование законодательства в сфере экономики, экологии, и конечно же, влияет на морское страхование. Как известно, морское страхование связано с многочисленными опасностями и случайностями. Ежегодно мировой флот теряет сотни судов различного типа и класса, участвующих в торговом, туристическом бизнесе, а также осуществляющих оборонные функции. Кроме этого, морское страхование дает реальные экономические гарантии всем участникам транспортного процесса на случай различных непредвиденных опасностей и случайностей, связанных с перевозкой различных грузов и пассажиров морским и речным транспортом. Морское страхование позволяет минимизировать возможные (вероятностные) риски природного и техногенного характера, сопровождающие транспортный процесс.

Правовой основой морского страхования является договор страхования и правила клубов взаимного страхования судовладельцев. Согласно ст.204 КТМ Республики Беларусь по договору морского страхования страховщик обязуется

за обусловленную плату (страховую премию) при наступлении предусмотренных в договоре опасностей или случайностей, которым подвергается объект страхования (страхового случая), возместить страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен договор морского страхования (выгодоприобретателю), причиненные убытки. Под страховым случаем понимается любое морское происшествие, оговоренное страховщиком и страхователем, включая происшествия, возникшие во внутренних реках либо на суше, но имеющие отношение к морскому судоходству. Исходя из ст.246 КТМ РФ по договору морского страхования страховщик обязуется за обусловленную плату (страховую премию) при наступлении предусмотренных договором морского страхования опасностей или случайностей, которым подвергается объект страхования (страхового случая), возместить страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен такой договор (выгодоприобретателю), понесенные убытки. Кодекс требует заключения договора морского страхования только в письменной форме (ст.248 КТМ РФ). В соответствии со ст.239 КТМ Украины по договору морского страхования страховщик обязуется за обусловленную плату (страховую премию) при наступлении предусмотренных в договоре опасностей или случайностей, которым подвергается объект страхования (страхового случая), возместить страхователю или другому лицу, в пользу которого заключен договор, понесенные убытки. Наличие и содержание договора морского страхования могут быть доведены исключительно письменными доказательствами (ст.240 КТМ Украины).

В качестве объекта страхования в трех кодексах могут выступать судно, груз, фрахт, арендная плата, плата за пассажирские билеты, ожидаемая от груза прибыль, заработная плата и иные выплаты, причитающиеся членам экипажа. Также в кодексах в качестве объекта страхования закреплены строящееся судно, требования, обеспечиваемые судном, грузом и фрахтом, ответственность

судовладельца, а также риск, принятый на себя страховщиком (ст. 206 КТМ Республики Беларусь, ст.249 КТМ РФ, ст.242 КТМ Украины) [1, 2, 3]. Исходя из вышеуказанного, можно отметить существенные сходства в форме и содержании договора морского страхования во всех трех кодексах. На столь схожие базовые положения всех трех кодексов торгового мореплавания существенное влияние оказала международная Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Отметим, что государства ратифицировали положения данной конвенции в различное время: Республика Беларусь – 2006 г., Российская Федерация – 1997 г., Украина -1999 г.

Профессор А.С. Пиголкин утверждал, что роль права в условиях глобализации существенно возрастает, в этом он видит закономерность глобального миропорядка. При этом подчеркивает, что будущее за всемерным развитием новых форм права: это законы – программы, акты – доктрины, рекомендации, прогнозы, различные законы, модельные законы. Отмечается тенденция к признанию повсеместно судебной практики в качестве источника права [4, с. 573].

Таким образом, происходящая в современном мире глобализация отражает усиление взаимозависимости государств, что наглядно выражено в международных документах, в частности, в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая и оказала влияние на развитие как морского права, так и связанного с ним морского страхования.

Литература:

1. Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. - [Электронный ресурс]- Режим доступа: <http://www.newsby.org/kodeks/ktm/str19.htm>
2. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12115482/>

3. Кодекс торгового мореплавания Украины от 23 мая 1995 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z950176.html
4. Теория государства и права: Учебник / Пиголкин А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А., Саидов А.Х. / Под ред. А.С. Пиголкина. — М.: Юрайт-Издат, 2005. — 613 с.
5. Е.Ю.Голышева. Мировой рынок страхования в процессе глобализации экономики <https://cyberleninka.ru/article/v/mirovoy-rynok-strahovaniya-v-protsesse-globalizatsii-ekonomiki> (стр.116)

УДК 342.7

Антонова О.А.

заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

О ПРИНЦИПАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Автором проведено исследование законодательства Республики Беларусь и ряда зарубежных стран, регламентирующих принципы реализации правотворческой инициативы граждан. На основе сравнительного анализа сформулированы предложения по совершенствованию правового обеспечения принципов реализации народной правотворческой инициативы.

Ключевые слова: принцип, законодательная инициатива, гражданин, равенство, свобода участия.

Annotation: The author conducted a study of the legislation of the Republic of Belarus and a number of foreign countries that regulate the principles of

implementing the law-making initiative of citizens. On the basis of a comparative analysis, proposals are formulated to improve the legal framework for the implementation of the people's law-making initiative.

Keywords: principle, legislative initiative, citizen, equality, freedom of participation.

Во многих странах мира граждане обладают правом участвовать в правотворческой деятельности путем разработки и внесения в государственный орган проектов нормативных правовых актов. При этом существуют страны, в которых право законодательной инициативы граждан закреплено на конституционном уровне (Швейцария, Испания, Италия, Андорра, Лихтенштейн, Грузия, Литва, Польша, Румыния), в других – действуют законодательные акты, в том числе и на уровне субъектов федерации, регулирующие порядок реализации гражданами такой инициативы. Кроме того, в ряде государств граждане обладают только правом разработки проектов подзаконных актов, но не являются субъектом права законодательной инициативы. В Республике Беларусь в ст. 99 Конституции среди субъектов законодательной инициативы указаны и граждане в количестве 50 тысяч для «обычных» законов и 150 тысяч – для проектов внесения изменений и дополнений в Конституцию. В Российской Федерации на федеральном уровне отсутствует закон, закрепляющий законодательную инициативу граждан, однако в более, чем 20 субъектах России предусмотрено право такой инициативы для граждан, проживающих в этих субъектах. Кроме того, как отмечает В.Н. Руденко «инициатива может быть сформированной и несформированной. Инициатива считается сформированной, если гражданами выдвинут готовый или вполне готовый проект правового акта. Несформированная инициатива, как правило, выдвигается в виде предложения представителю органу разработать необходимый законопроект, который

впоследствии может быть вынесен на всенародное голосование или рассмотрен самим представительным органом» [1, с. 305]. Безусловно, правовое регулирование принципов правотворческой инициативы граждан будет зависеть от вида правотворческой инициативы граждан. Полагаем, что наиболее полное детальное закрепление и самостоятельный характер имеют принципы реализации именно сформированной законодательной инициативы граждан.

В Республике Беларусь в развитие конституционных положений принят Закон «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь», однако в ст. 4 указанного Закона, которая посвящена принципам, закреплен только принцип свободного участия. В частности, право законодательной инициативы реализуется гражданами свободно. Гражданин лично решает, участвовать ли ему в реализации права законодательной инициативы. Никто не вправе препятствовать законному осуществлению гражданами права законодательной инициативы, ограничивать его либо принуждать к реализации этого права [2]. Некоторые гарантии обеспечения указанного принципа содержатся в иных статьях, например, касающихся запрета на участие администрации организации в сборе подписей, равно как и принуждение в процессе сбора подписей и вознаграждение граждан за внесение подписей. Конечно, исходя из анализа самого права, реализация законодательной инициативы не может быть ограничено одним указанным принципом.

Прежде всего, в связи с тем, что право законодательной инициативы принадлежит только гражданам, обладающим избирательным правом, то инициатива по внесению проекта закона основана и на ряде принципов выборов, отзыва депутатов и референдума, как наиболее близких из институтов прямой демократии. Прежде всего, граждане могут реализовать право законодательной инициативы, если они обладают правом избирать. Принцип всеобщности права законодательной инициативы означает, что правом

участвовать в разработке и внесении законопроекта в Палату представителей Национального собрания принадлежит дееспособные гражданам Республики Беларусь, достигшим 18 лет. В соответствии со ст. 64 Конституции Республики Беларусь [3] в выборах не участвуют лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. Однако в связи с этим ограничением избирательных прав необходимо обратить внимание, что «место лишения свободы» не является тождественным понятию «отбывания наказания в виде лишения свободы». Так, лица, осужденные к аресту, отбывают наказание в арестных домах, которые могут располагаться на охраняемых территориях учреждений уголовно-исполнительной системы, т.е. и на территории исправительных колоний, которые являются местом лишения свободы. Более того, практически при проведении каждой избирательной кампании Центральная комиссия по выборам и проведению республиканских референдумов вынуждена принимать по этому поводу разъяснения. Например, согласно п. 1 постановления от 24 сентября 2015 года № 78 осужденные к аресту граждане Республики Беларусь, отбывающие наказание в арестных домах, на гауптвахтах военных комендатур, принимают участие в голосовании по месту своего нахождения [4]. Кроме того, в голосовании не принимают участие лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей. В связи с сущностью самого института законодательной инициативы граждан, в котором отсутствует государственный элемент организации, полагаем, что принцип всеобщности должен быть закреплен применительно к законодательной инициативе путем указания на категории лиц, ограниченных в праве участвовать в этой процедуре (недееспособные, ограниченно дееспособные, осужденные, отбывающие наказания, связанные с изоляцией от общества).

В законодательстве некоторых субъектов Российской Федерации закреплены принципы. Например, в ст. 1 Закона Волгоградской области «»

участие граждан в осуществлении права законодательной инициативы является свободным, добровольным и равным [5]. В настоящее время в Законе «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» предусмотрено, что гражданин имеет право подписаться в поддержку предложения о внесении проекта закона в Палату представителей только один раз. Полагаем, что принцип равенства законодательной инициативы граждан означает, что каждый участник имеет один голос. Должен быть закреплен запрет дискриминации по любым признакам: пол, раса, этническое происхождение, религия или убеждения, инвалидность, возраст, социальное положение и др.

Немаловажным принципом является прямое участие: граждане участвуют в осуществлении законодательной инициативы непосредственно и лично. В соответствии со ст. 15 Закона «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» граждане участвуют в осуществлении законодательной инициативы непосредственно и лично [2].

Институт законодательной инициативы граждан, несмотря на его не востребованность во многих европейских странах, является важным инструментом выражения мнения населения страны. В связи с чем, по нашему мнению, целесообразным является выделение принципа ответственного поведения участников процедуры разработки и внесения законопроектов в Парламент, как, например, в Конституции Швейцарии: каждое лицо ответственно за себя самого и содействует по своим силам решению задач в государстве и обществе.

Литература:

1. Руденко В.Н. Институт народной правотворческой инициативы: зарубежный опыт и его значение для Российской Федерации и ее субъектов // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2001. – С. 303-342.

2. Закон Республики Беларусь от 26.11.2003 № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
4. Постановление Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов от 24.09.2015 № 78 «О разъяснении порядка участия в голосовании отдельных категорий граждан при проведении выборов Президента Республики Беларусь в 2015 году // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
5. Закон Волгоградской области от 03.06.2014 № 80-ОД «О порядке осуществления права законодательной инициативы гражданами Российской Федерации, проживающими на территории Волгоградской области» // <https://www.ipravo.info/volgograd1/act79/764.htm>.

346.26

Адельсеитова Э.Б.

к.э.н., доцент кафедры менеджмента и государственного управления
ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,

Шутаева Е.А.

к.э.н., доцент кафедры мировой экономики

Институт экономики и управления

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается малый и средний бизнес Великобритании, организационно-правовые основы его развития и роль в современной экономике.

Ключевые слова: предпринимательство, международный бизнес, малый и средний бизнес, экономическое развитие.

Annotation. The article is devoted to the small and medium business of Great Britain, the organizational and legal foundations of its development and its role in the modern economy.

Keywords: business, international business, small and medium business, economic development.

Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии — одно из крупнейших государств Европы, входящее в G7. Великобритания имеет развитую, многофункциональную и весьма эффективную систему государственной поддержки инновационного предпринимательства. Ведущую роль среди государственных органов, осуществляющих правовые, административно-организационные и финансовые меры поддержки малого и среднего бизнеса, играет министерство по делам бизнеса, инноваций и профессионального обучения (Department for Business, Innovation and Skills - BIS). Следует отметить, что в деятельности указанного министерства, основное внимание уделяется работе со средними и малыми британскими компаниями, которым оказывается не только правовая, методическая, информационно-аналитическая, консультативная помощь, но также предоставляется финансовая поддержка. Небольшие компании играют значительную роль в росте экономики. Прежде всего, они создают рабочие места. Только в

Великобритании на начало 2017 года они составляли 99,3% всего частного сектора, а 99,9% были небольшими или средними.

С другой стороны, малые предприятия и стартапы позитивно влияют на рост инноваций. Что еще более важно, они стимулируют конкуренцию, создавая новые показатели ведения бизнеса. Лучшим примером являются так называемые цифровые / инновационные разрушители, такие как Uber, Airbnb или Funding Circle, которые встряхнули свои отрасли и создали новые возможности для конкуренции и создания бизнеса.

Одной из основных задач, в рамках исследуемой темы, является рассмотрение и установление взаимосвязи организационно-правовых структур с условиями развития малого и среднего бизнеса в Великобритании; характеристика проблем и перспектив развития малых и средних предприятий (далее МСП) Великобритании, а также возможность применения новаций в законодательстве России. Вопросы становления и развития организационно-правовых форм малого и среднего бизнеса в ведущих отраслях народного хозяйства государства исследовали такие авторы как Грэм Олкотт, Росс Браун, Нил Ли, Акимов О.Ю., Фокс Джеффри Дж. и др.

Малые и средние предприятия имеют большое значение для будущего процветания Великобритании. Важно обеспечить правильный баланс между нормами, необходимыми для защиты общества и способности МСП эффективно функционировать. Однако, следует отметить что малый и средний бизнес больше подвержен бюрократии, чем крупные компании, поскольку небольшие фирмы менее разбираются в сложностях регулирования и не могут распределить затраты на соблюдение в крупномасштабных размерах. Правительство все чаще признаёт это и пытается смягчить возникающие в результате конкурентные искажения путем поощрения инициатив. Тем не менее, недавнее исследование NatWest Small Business Research Trust подсчитало, что «бюрократия» обходится экономике Великобритании 17

миллиардов фунтов стерлинга в год. В прошлом году Британские торговые палаты обновили свой Барометр Бурдена, утверждая, что общая стоимость регулирования, введенная в 1997 году, выросла до 20 миллиардов фунтов стерлинга. Правила касаются налоговых и не налоговых вопросов, законодательства о занятости, экологической политики и т.д. ОЭСР (2000 г.) классифицировала основное направление регулирования в трех областях:

1. Правила занятости охватывают найм и увольнение работников, соблюдение стандартов охраны здоровья и безопасности, предоставление объектов (например, для инвалидов), статистическую отчетность по данным о занятости, социальное обеспечение и права на пенсию и другие работники связанных с пособиями, таких как отпуск по беременности и родам и болезни.

2. Экологические нормы включают лицензирование, разрешения, планирование и оценку воздействия на окружающую среду; соблюдение правил, регулирующих опасные вещества и материалы; соблюдение стандартов качества продукции и производства; контроль загрязнения и правила продукта; и экологическую отчетность и тестирование.

3. Налоговые правила охватывают налоги на бизнес и корпоративный подоходный налог, налоги с продаж и другие налоги.

В последнее время Европейский союз признал структурные проблемы, связанные с управлением МСП. В июне 2008 года был принят «Закон о малом бизнесе» (SBA) для Европы. Этот акт направлен на поощрение более широкого круга стимулов для эффективной практики МСП с целью приведения сектора в соответствие с повесткой дня в области устойчивого развития. Великобритания является страной, где процесс выработки экономической политики в обязательном порядке включает регулярные консультации правительства с объединениями предпринимателей и неправительственными организациями. В Великобритании насчитывается около 3 тысяч различных отраслевых, торговых, профессиональных ассоциаций союзов, объединений

предпринимателей. Они представляют интересы своих членов и оказывают им помощь в работе. Такого рода организации также как и торговые палаты учреждаются как компании, создаваемые по гарантии своих членов. Британские торговые палаты отличаются от большинства палат других европейских стран отсутствием специальной законодательной базы, регламентирующей их деятельность. Палаты в Великобритании представляют интересы деловых кругов и защищают их интересы перед властными структурами и одновременно являются проводниками политики правительства на местах. Это, как правило, общественные объединения предпринимателей, существующие на членские взносы и доходы от предоставляемых оплачиваемых услуг, при этом не пользующиеся со стороны государственных организаций особой поддержкой.

Среди всех указанных выше предпринимательских структур одной из наиболее влиятельных является «Ассоциация британских торговых палат», которая выполняет роль связующего звена между органами государственного управления и деловыми кругами. Среди основных направлений деятельности Ассоциации торговых палат Великобритании следует выделить: оказание услуг и координация работы членов Ассоциации – региональных торговых палат, включая их информационную поддержку и консультативную помощь в реализации образовательных программ для профессионального обучения; лоббирование интересов британских деловых кругов в органах власти, включая активное влияние на законодательство и защиту интересов своих членов; установление и поддержка отношений с аналогичными зарубежными структурами и международными институтами. Координируя работу региональных палат, Ассоциация представляет их интересы в правительственных и законодательных органах, комиссии Евросоюза. Ассоциация выражает мнение британского бизнеса, практически, по всем, сколько-нибудь существенным вопросам экономической жизни страны, а также содействует развитию и реализации стратегических задач, стоящих перед

бизнес-сообществом. В целях обеспечения высокого качества работы британских палат Ассоциация разработала систему аккредитации региональных и местных торговых палат, в рамках которой палаты аттестуются на право выполнения определенного перечня функций, которые отвечают требованиям утвержденных правительством Великобритании стандартов (сертификация, экспортная документация, обучение и переподготовка кадров). Отдельным направлением работы является мониторинг состояния британской экономики и ежеквартальная подготовка обзоров ее состояния и прогнозов развития – The Quarterly Economic Survey. Сбор исходных данных ведется с использованием сети региональных палат, поддерживающей прямую связь с 5500 местными компаниями. В качестве одного из приоритетов деятельности Ассоциации в настоящее время является координация работы региональных палат по поддержке развития британского бизнеса в сфере внешних связей. Принятые коалиционным правительством меры по выведению национальной экономики из кризисного состояния, основными приоритетами которых являлись восстановление финансовой стабильности и сокращение государственных расходов, пока не принесли обещанных результатов [1].

Полномочиями по выработке и проведению политики в сфере малого и среднего предпринимательства в Великобритании, включая административно-организационные меры и нормотворческие функции, направленные на поддержку развития данного сектора экономики, осуществляет ряд органов исполнительной власти, основным из которых является Министерство по делам бизнеса, инноваций и профессионального образования (BIS), ведущее ведомство в экономическом блоке британского кабинета министров. Организация поддержки развития малого и среднего предпринимательства возложена на сетевую структуру министерства – Business Link, деятельность которой направлена на оказание содействия работе британских компаний.

Таким образом, в Великобритании установилась сложная и обременительная система государственного регулирования экономической деятельности, которая препятствует развитию малого и среднего предпринимательства. Существует мнение, что для нормального развития малого и среднего бизнеса, необходимо совершенствование ранее принятых нормативно правовых актов, и тщательная разработка новых, которые будут способствовать созданию благоприятных условий для дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства [2]. Россия и Великобритания активно развивают различные стратегии для поддержки малого и среднего предпринимательства. Положительным можно отметить то, что в Великобритании имеются специальные правительственные программы для бывших военнослужащих по открытию малого бизнеса, создаются специализированные площадки (например, общественное финансирование). Наша страна не отстает от европейской страны в этом плане. В России также имеются специальные программы для развития малого и среднего бизнеса. На 2017 год в России действует государственная подпрограмма «Развитие малого и среднего предпринимательства», которая направлена на помощь в развитии малым и средним предприятиям в регионах страны. Цель данной программы заключается в увеличение доли субъектов малого и среднего предпринимательства в экономике Российской Федерации. Будет происходить постепенное наращивание обязательной квоты на закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства с 18 процентов в 2016 году до 25 процентов (начиная с 2018 года). Планируется увеличить объем инвестиций в основной капитал малых предприятий в области (за исключением бюджетных средств) с 8200 млн. рублей в 2013 году до 11500 млн. рублей в 2020 году[3].

Литература:

1. Британская Торгово-промышленная палата UK [Электронный ресурс]:

сайт. - Режим доступа: <http://www.britishchambers.org.uk/>

2. Ясина Б.Г., Чепуренко А.Ю., Буева В.В. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее. - Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2003. - 220 с.

3. Дмитриенко Е.А., Захарова А.Э. Сравнительная характеристика развития малого и среднего бизнеса в РФ, США и Великобритании// Студенческий: электрон. научн. журн. 2017. № 18(18). URL: <https://sibac.info/journal/student/18/87548>.

УДК 347.455

Халецкая Т.М.

к.ю.н., доцент

УО «Белорусский государственный экономический университет»

РАСПИСКА ЗАЕМЩИКА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье проведено исследование теоретических и прикладных аспектов составления расписки заемщика. Проанализировано законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь; изучены мнения ученых и практиков по рассматриваемой теме. На основании проведенного теоретико-прикладного исследования сделаны предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: договор займа, расписка, письменная форма договора, доказательство.

Annotation. The article studies the theoretical and applied aspects of drawing up the borrower's receipt. The legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus has been analyzed; the views of scientists and practitioners on the topic

under consideration were studied. Based on the theoretical and applied research conducted, proposals were made to improve the legislation.

Keywords: loan agreement, receipt, written contract form, proof.

В статье, посвященной заключению договора займа, опубликованной в юридическом Интернет-журнале «Первый юрист» автор высказал следующее мнение: «Гражданский Кодекс РФ предусматривает составление письменной формы расписки, если объем передаваемых денежных средств одним частным субъектом другому превосходит сумму в 10 тысяч рублей» [0]. Приведенная точка зрения, на наш взгляд, не соответствует законодательству. Так, в п. 2 ст. 808 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) указано, что в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей. Норма с аналогичным содержанием закреплена и в п. 2 ст. 761 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь). Анализ содержания указанных норм позволяет сделать вывод о том, что расписка может быть выдана как в подтверждение договора займа, заключенного в письменной форме, так и в подтверждение договора займа, заключенного в устной форме. В целом следует отметить, что наличие противоречивых суждений относительно такого документа как расписка, подобных тем, которое содержится в указанной выше статье, не редко можно встретить, как в публикация ученых, так и в публикациях практикующих юристов. Например, в литературе высказывается точка зрения, согласно которой расписка заемщика самостоятельно может выступать в роли договора займа, являясь простой письменной формой сделки [0]. Аналогичного мнения придерживаются и суды Российской Федерации. В частности, рассматривая дело по иску И. о взыскании с З. суммы займа и процентов по нему Каменский

районный суд Ростовской области в своем решении от 16 октября 2017 г. указал следующее: «Согласно расписке (л.д.9), З. взял в долг у И. деньги в сумме 200 000 (двести тысяч) рублей, с уплатой за пользование денежными средствами ежемесячно 5% от суммы долга. Из содержания данной расписки следует, что все существенные условия договора в порядке, установленном статьей 432 ГК РФ, между сторонами были согласованы. Заключенный договор соответствует требованиям статей 807–811 ГК РФ, никем не оспорен» [0]. И этот пример не единственный. Так, Высший суд рассмотрел иск гражданки И. к гражданке Д. о взыскании долга по договору займа и процентов за пользование чужими денежными средствами. Суды первой и апелляционной инстанции отказали истице в удовлетворении ее требований, объясняя свое решение тем, что между указанными лицами не был заключен договор займа. При этом долговую расписку суды не посчитали подтверждением факта получения денег именно у истицы. Суды указали на то, что расписка не отражает информации о заимодавце и обязательствах заемщика по возврату средств. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ отклонила доводы судов и в кассационном порядке признала их выводы неверными. При этом, Высший суд напомнил, что сделка в письменной форме заключается путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного сторонами сделки или уполномоченными ими лицами (п. 1 ст. 160 ГК РФ) [0]. Позволим себе не согласиться с подобным подходом, поскольку полагаем, что, если бы российское (равно как и белорусское) законодательство рассматривало расписку заемщика как вариант оформления договора займа (в качестве письменной формы договора), то необходимости в отдельном указании на расписку, как документ, подтверждающий заемные отношения, в п. 2 ст. 808 ГК РФ (п. 2 ст. 761 ГК Республики Беларусь) наравне с иными документами не было бы, поскольку такой вид охватывался бы пунктом 1 статьи 808 ГК РФ (п. 1 ст. 761 ГК Республики Беларусь). В этой связи верным представляется высказывание

М.К. Абдуллаева: «...расписка по сути, являет собой специальную краткую форму договора займа» [0]. Следовательно, расписка заемщика не может заменять простой письменной формы договора займа, и выступает дополнением к простой письменной форме договора займа, подтверждающим передачу предмета договора займа займодавцем и принятия ее заемщиком согласно условиям договора.

Среди исследователей встречается также мнение о том, что, хотя законодатель и не говорит о каких-либо разновидностях расписок, де-факто их все-таки следует различать. И, в связи с этим, выделяют два вида расписок: предметный (это расписка, в которой четко прописан предмет осуществляемой сделки, указана конкретная цель передачи денежной суммы); беспредметный (расписка, не обладающая четкими формулировками) [0]. Подобная классификация также представляется противоречивой, поскольку расписка в силу своего назначения – быть подтверждением договора займа – не может содержать нечетких формулировок. Действительно, ни законодательство Российской Федерации, ни законодательство Республики Беларусь не содержит требований к содержанию расписки, но именно от того, насколько подробно она будет составлена во многих случаях зависит вопрос о том, будет ли впоследствии удовлетворено требование займодавца о взыскании переданного по договору предмета займа. «При выборе формулировок в договоре займа, – отмечает С. Баянов, – надо учитывать, что буквальное толкование является основным методом установления волеизъявления сторон» [0]. Это подтверждают и примеры судебной практики. Так, в определении Санкт-Петербургского городского суда от 5 августа 2014 г. № 33-11209/14 отмечается следующее: буквальное толкование слов и выражений в представленной истцом расписке не подтверждает факта заключения договора денежного займа между сторонами, поскольку в расписке не указано, что ответчик получил искомую сумму от истца, и не указано целевое назначение сумм, которые ответчик

обязался вернуть, что свидетельствует об отсутствии воли сторон на заключение договора займа [0]. Поскольку расписка является документом, подтверждающим заключение договора займа, полагаем, что чем больше информации она будет содержать, тем более ценным доказательством передачи суммы займа она станет. Так, по нашему мнению, расписка должна отражать сведения о заемщике и займодавце (с указанием паспортных данных); сведения о предмете договора (сумме денежных средств с указанием валюты займа или определенном количестве иного имущества, обладающего родовыми признаками); условия возврата предмета договора займа (срок возврата, процент на сумму займа). Если расписка не содержит указанных сведений, то она не будет подтверждать передачу предмета договора займа. Поэтому, если займодавец не представит иной документ, удостоверяющий передачу заемщику предмета договора займа, суд может признать договор незаключенным.

Полагаем, что недостатком как российского, так и белорусского законодательства является отсутствие указания на то, какую информацию должна содержать расписка. В этой связи считаем целесообразным дополнить п. 2 ст. 761 ГК Республики Беларусь и п. 2 ст. 808 ГК РФ частью 2 следующего содержания: *«Расписка заемщика должна содержать данные о займодавце, заемщике, предмете договора займа с указанием валюты займа или определенного количества других вещей, обладающих родовыми признаками, условия возврата предмета договора займа».*

Литература:

1.Абдуллаев М.К. Договор займа в гражданском праве России: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Махачкала, 2006. // dissercat.com URL: <http://www.dissercat.com/content/dogovor-zaima-v-grazhdanskom-prave-rossii-teoriya-i-praktika-pravovogo-regulirovaniya#ixzz5AsXmXsii>// Научная библиотека

диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/dogovor-zaima-v-grazhdanskom-prave-rossii-teoriya-i-praktika-pravovogo-regulirovaniya#ixzz5AsXTsWyv> (дата обращения: 26.03.2018).

2.Баянов С. Расписка о займе в теории и практике // отрасли-права.рф URL: <http://отрасли-права.рф/article/12305> (дата обращения: 26.03.2018).

3.Матвийчук С.Б., Шелков О.В. Правовые проблемы, возникающие при заключении и исполнении договора займа, судебной защите его сторон, пути их устранения // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Дата обращения: 23.03.2018.

4.Наличие долговой расписки у займодавца является подтверждением неисполнения обязательства со стороны заемщика // garant.ru URL: <http://www.garant.ru/news/718686/#ixzz5AmG7OjwA> (дата обращения: 25.03.2018).

5.Расписка // urist.one URL: <https://urist.one/obshhestvo/dolgi/kak-sostavit-raspisku.html> (дата обращения: 26.03.2018).

6.Решение № 2-1602/2017 2-1602/2017~М-1382/2017 М-1382/2017 от 16 октября 2017 г. по делу № 2-1602/2017 // sudact.ru URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Q3UoumXRHgP/> (дата обращения: 25.03.2018).

УДК 342.9

Телятицкая Т.В.

Заведующая кафедрой международного экономического права
«Белорусский государственный экономический университет»

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассматривается основной принцип

административно-деликтного права – принцип законности. Сделан вывод, что понятие законности трактуется неоднозначно. Требуется его четкая регламентация в законодательстве и соблюдение всеми субъектами права, в том числе законодателем.

Ключевые слова: принципы, законность, административно-деликтное право, ответственность, закон.

Abstract. The article considers the basic principle of administrative-tort law - the principle of legality. It is concluded that the concept of legality is treated ambiguously. It requires its clear regulation in the legislation and compliance with all subjects of law, including the legislator.

Keywords: principles, legality, administrative and tort law, responsibility, law

Часть 1 статьи 4.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) к принципам административной ответственности относит: законность, равенство перед законом, неотвратимость ответственности, виновную ответственность, справедливость и гуманизм, не раскрывая при этом их сущность [1, ч. 1 ст. 4.2].

Необходимо отметить, что эти принципы следует отличать от принципов административного процесса, которые касаются только процессуального порядка привлечения виновных лиц к административной ответственности. Например, принципы обеспечения защиты прав и свобод, неприкосновенности личности, уважения чести и достоинства личности, деловой репутации, неприкосновенности жилища и иных законных владений и т.п. являются принципами административного процесса.

Понятие «принцип» происходит от латинского «*principium*» – «основа», «первоначало». Наиболее часто это понятие используется в смысле основного исходного положения какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения [2, с. 960]. В правоведении категория «принцип» используется для характеристики

различных юридических явлений: принципов права, принципов правотворчества, принципов юридической ответственности и т.п.

Основным принципом административной ответственности является принцип законности. На различных этапах развития советского государства категория законность наполнялась новым содержанием и обретала новую направленность в зависимости от многих политических и идеологических факторов, законодательных границ ее установления и других обстоятельств [3, с. 409]. Это в свою очередь предопределяло появление различных теоретических концепций ее понимания от совпадающих до взаимоисключающих [4, с. 110-139; 5, с. 100].

Начиная с периода создания Советского государства и до распада Советского Союза, все сферы государственной и общественной жизни основывались на доктрине социалистического государства. В таком государстве полновластие системы Советов сверху и донизу оформлялось и гарантировалось законами. Этим были даны основания для использования в правовой науке и государственной жизни всего советского периода термина «диктатура закона», что означало его главенство во всех сферах жизни общества. В литературе постоянно подчеркивались связь и взаимозависимость законности, закона и законодательства. Советское законодательство признавалось основой советской законности. Отмечалось его особое значение для проведения законности в жизнь, поскольку считалось, что соблюдение и исполнение законов составляет ее сущность [6, с. 14]. Эта позиция поддерживалась многими советскими учеными, независимо от того аспекта, в котором они ее характеризовали.

С момента перестройки, смены политического курса и типа правопонимания в странах бывшего СССР взгляды на законность претерпели существенные изменения.

Важной предпосылкой законности в современной Беларуси явилась принятая в 1994 г. демократическая Конституция [7]. Вместе с тем, само понятие «законность» отсутствует в базовой норме – ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь, но встречается также в тексте ст. 25 Конституции. Анализ норм действующего законодательства, свидетельствует о том, что категория «законность» встречается и в других нормативных правовых актах. Но ни в одном из них ее понятие не закреплено. И именно поэтому оно до сих пор продолжает оставаться преимущественно теоретическим и во многом дискуссионным.

Анализируя различные нормативные правовые акты на предмет понятия законности, можно увидеть, что в ее понятие обычно включается: равенство перед административной ответственностью; обязанность соблюдать предписания правовых норм; единство законности; не допускается за одно правонарушение дважды привлекать к административной ответственности; освобождение от административной ответственности должно происходить на законных основаниях; закон, ухудшающий положение субъекта административной ответственности, не имеет обратной силы; закон, устраняющий ответственность или улучшающий положение субъекта административной ответственности, имеет обратную силу; вид, пределы, мера административной ответственности должны быть установлены в законе; верховенство Конституции.

Основой законности выступает обязанность (требование) неуклонного соблюдения и исполнения предписаний правовых норм. Это требование законности находит свое выражение в административной ответственности. Более того, для форм реализации ответственности обязанность выступает сущностным моментом. Для добровольной формы реализации административной ответственности – это обязанность действовать правомерно, а для государственно-принудительной обязанность подвергнуться

неблагоприятным последствиям, вытекающим из факта совершения правонарушения. Эти обязанности, с одной стороны, являются проявлением принципа законности, а с другой они сами есть результат воздействия принципа законности.

Регулирование общественных отношений должно основываться на критериях законности. Например, ч. 2 ст. 1.1 КоАП устанавливает, что «Настоящий Кодекс является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь. Нормы других законодательных актов, предусматривающие административную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». Из этого следует, что в иных законодательных актах не могут содержаться нормы об административных правонарушениях, т.к. они должны содержаться в указанном кодексе.

Однако законодатель не до конца последователен в своей идее, т.к. в настоящее время допускается принятие иных законодательных актов, предусматривающих административную ответственность, которые «подлежат включению» в КоАП. Но пока это не произойдет, они применяются непосредственно, что представляется нарушением принципа законности.

Например, в п. 6 Декрета Президента Республики Беларусь № 7 от 23 ноября 2017 г. «О развитии предпринимательства» предусматривает административную ответственность в виде штрафа в размере от десяти до двухсот базовых величин за непринятие руководителем юридического лица необходимых мер по надлежащей организации деятельности этого юридического лица в соответствии с установленными законодательством требованиями, повлекшее причинение вреда государственным или общественным интересам, окружающей среде, жизни, здоровью, правам и законным интересам граждан, если в этом деянии нет состава иного административного правонарушения или состава преступления [8] и т.д.

Таким образом, принцип законности должен воплощать в себе требования, обращенные не только к гражданам об их правомерном поведении, но к законодателю о его деятельности в соответствии с требованиями законности.

Литература:

1. Кодекс Респ. Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г., № 95-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 63. – 2/946; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь – 20.01.2018. – 2/2533.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997. – 1434 с.
3. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2013. – 512 с.
4. Рабинович, П.М. Проблемы теории законности развитого социализма / П.М. Рабинович. – Львов: Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1979. – 1979. – 204 с.
5. Румянцев, Н.В. Законность как базовый правовой режим деятельности органов внутренних дел / Н.В. Румянцев // Закон и право. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2011. – № 6. – С. 99-103.
6. Попова, В.И. Социалистическая законность в деятельности местных Советов депутатов трудящихся / В.И. Попова. - М.: Госюриздат, 1954. - 208 с.
7. Конституция Респ. Беларусь, 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004 – № 188. – 1/6032.
8. О развитии предпринимательства: Декрет Президента Респ. Беларусь, 23 нояб. 2017 г., № 7 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 25.11.2017. – 1/17364.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
КОРОЛЕВСТВА НОРВЕГИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЛЕГАЛЬНОЙ ИММИГРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты государственной политики Норвегии по борьбе с нелегальной иммиграцией. Главное внимание уделено нормативно-правовому регулированию и практическим мерам, направленным на противодействие данному негативному процессу. Отмечается, что норвежский подход к решению данной проблемы характеризуется сочетанием международного сотрудничества и осуществления эффективной политики по возврату нелегально пребывающих иммигрантов в Норвегии.

Ключевые слова: нелегальная иммиграция, нелегальный иммигрант, миграционная политика, реадмиссия, Норвегия.

Abstract. The article deals with some aspects of the state policy of Norway aimed at counteracting illegal immigration. The main attention is paid to the legal and practical measures for the counteracting this negative process. The Norwegian approach to illegal immigration is by and large the result of a combination of international cooperation and an effective return policy for those who are in Norway illegally.

Keywords: illegal immigration, illegal immigrant, migration policy, readmission, Norway.

На сегодняшний день иммиграция представляет собой весьма сложный процесс, на который глобализация оказывает значительное влияние. Наиболее острой и трудноразрешимой проблемой в сфере миграционных процессов является неуклонный рост масштабов нелегальной иммиграции, который имеет негативное влияние на обеспечение национальной безопасности государства. Несмотря на проводимую странами политику с целью предотвращения и противодействия этому негативному процессу, в последнее время его масштабы в мире не только не уменьшились, но наоборот, значительно выросли.

В настоящее время проблема нелегальной миграции является актуальной для многих стран Западной Европы, в том числе и для государств Скандинавского полуострова. Так, на протяжении своего исторического развития Норвегия представляла собой государство с преимущественно этнически гомогенным обществом. Активный иммиграционный процесс здесь начался с 1970-х годов, и на сегодняшний день Норвегия является одной из самых крупных стран-реципиентов иммигрантов.

Важным аспектом иммиграционной политики Норвегии является борьба с нелегальной миграцией. Нелегальным иммигрантом в Норвегии считается лицо, не имеющее законных оснований на пребывание в стране. К ним, в частности, относятся лица, получившие отказ в предоставлении убежища и обязанные покинуть территорию Норвегии, иностранцы, прибывшие в Норвегию с целью нелегального трудоустройства, а также лица, не имеющие законных оснований для пребывания в стране и обязанные покинуть Норвегию по иным причинам (например, за превышение срока законного пребывания, осужденные преступники и др.).

Статистические данные только подтверждают актуальность данной проблемы. Только за 2016 г. полиция Норвегии вернула более 8 000 иностранных граждан, у которых не было законных оснований для пребывания в стране. Кроме того, за 2016 г. было возвращено 516 несовершеннолетних лиц,

29 из которых следовали без сопровождения. В период с января по ноябрь 2017 г. полиция вернула около 5 000 нелегально находившихся в стране лиц [1, с. 44].

Нелегальные мигранты попадают в Норвегию как из государств – членов Шенгенской зоны, так и через российско-норвежскую границу. Используя территорию РФ в качестве перевалочного пункта, граждане Сирии и стран Ближнего Востока, Азии и Африки, прибывают в Финляндию, а оттуда направляются в иные страны Европы. Так, в 2015 г. 5,5 тысяч мигрантов из Сирии, Афганистана и Ирака прошли через г. Никель (так называемый арктический маршрут), чтобы попасть в Норвегию[2].

В реализации политики, направленной на противодействие нелегальной миграции в Норвегии, принимают участие Министерство юстиции и общественной безопасности, в подчинении которого находится Управление иммиграционной службы Норвегии (UDI), Национальная полицейская иммиграционная служба и 12 полицейских участков.

Несмотря на реализацию собственной уникальной политической позиции в качестве государства, не являющегося членом Европейского Союза, на сегодняшний день Норвегия проводит политику в области иммиграции согласованную с политикой ЕС. Также государство участвует в работе международных организаций, занимающихся вопросами пограничного контроля, возвращения нелегальных мигрантов, управления визовыми режимами, и принимает участие в Шенгенском и Дублинском сотрудничестве.

С 2010 года Норвежское Королевство является участником Европейской миграционной сети (EuropeanMigrationNetwork). Норвежский контактный пункт в EMN состоит из Министерства юстиции, Управления иммиграции и Института социальных исследований. В рамках участия в данном проекте Национальной полицейской иммиграционной службой Норвегии были разработаны Практические меры для сокращения нерегулярной миграции,

содержащие практические рекомендации по предотвращению нелегальной миграции до момента прибытия мигранта в Норвегию, меры по идентификации и выявлению незаконных мигрантов, а также положения относительно контроля нелегальной миграции на территории Норвегии[3].

Норвегия сотрудничает с государствами ЕС в рамках агентства ЕС по безопасности внешних границ («Frontex»), главными задачами которого являются мониторинг миграционных потоков, координация и организация совместных усилий государств-членов по охране внешних границ и оказание помощи в учреждении подразделений пограничных служб[4].

С 2013 года Норвегия принимает участие в ЕВРОСУР (Европейская система наблюдения за внешними границами), действующая в рамках Frontex. Деятельность ЕВРОСУР направлена на сокращение числа нелегальных иммигрантов, попадающих в ЕС необнаруженными; уменьшение количества жертв среди нелегальных иммигрантов, увеличив число спасаемых на море; укрепление внутренней безопасности ЕС в целом путем содействия предотвращению трансграничной преступности, наблюдение за внешними границами ЕС с помощью спутников, беспилотных летательных аппаратов и др. [4].

Одним из основных направлений деятельности государства с целью противодействия незаконной миграции, является повышение эффективности охраны государственной границы. Так, Еврокомиссией были предприняты беспрецедентные меры по восстановлению пограничного контроля на внутренних границах Шенгенской зоны на основании ст. 26 Шенгенского кодекса 2006 г. Помимо Норвегии, данной возможностью воспользовались Австрия, Германия, Дания, Швеция и др. [5].

В борьбе с нелегальной миграцией норвежские власти руководствуются следующими нормативно-правовыми актами: Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющим ее

Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 г., Женевской конвенцией об открытом море 1958 г. и Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., Шенгенским соглашением (Норвегия присоединилась с 1996 г.), Регламентом Дублин III (№604/2013) 2013 г., Иммиграционным актом Норвегии от 15.05.2008 г. и др.

Кроме того, к ноябрю 2017 года Норвегия заключила с 31 государством соглашения о реадмиссии или аналогичные договоры о возвращении. Подобное соглашение о реадмиссии между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия было заключено еще в 2007 году и действует до сих пор. Также, норвежские власти намерены заключить аналогичные соглашения с рядом других правительств.

Вопрос нелегальной миграции в Норвегии регулируется не только нормами международного права. Так, положениями национального законодательства предусмотрена уголовная ответственность в отношении лиц, содействующих незаконному въезду иностранных граждан на территорию Норвегии, оказывающих помощь иностранцам для въезда в страну незаконным путем, предоставляя паспорт или иной проездной документ иностранному гражданину, при этом осознавая, что данный документ будет использован иностранцем для нелегального въезда в Норвегию или иное государство.

Основным средством борьбы в отношении нелегальных мигрантов является принудительное возвращение. Если нелегальный мигрант не имеет денежных средств для приобретения обратного билета, норвежские власти могут оплатить его стоимость, которую в дальнейшем данное лицо обязано возместить. В противном случае, данному лицу будет воспрещен въезд в Норвегию. При этом принудительные меры по возвращению незаконных мигрантов являются весьма дорогостоящими. В среднем государство тратит 4000 евро на депортацию одного мигранта, половину этой суммы составляют транспортные расходы.

В рамках сотрудничества с Международной организацией по миграции (МОМ) с 2002 года Норвегия управляет программой содействия возвращению нелегальных мигрантов. Услуги, предлагаемые программой, включают информирование и консультирование потенциальных репатриантов, оказание помощи в получении действительных проездных документов, организации поездки и т. д. Кроме того, иностранные граждане, вернувшись в родную страну, имеют возможность получить поддержку от реинтеграции, которая включает финансовую помощь, временное жилье, консультирование, профессиональную подготовку и помощь в создании собственного бизнеса в стране происхождения. Наиболее распространенные пакеты реинтеграции доступны для афганских, эфиопских и сомалийских граждан.

За 2016 год 1450 мигрантов воспользовались данной программой и добровольно вернулись в страну своего происхождения. Наибольшее количество человек вернулось в Ирак, Афганистан и Иран. Однако, в первые одиннадцать месяцев 2017 года количество человек, вернувшихся с МОМ сократилось на 840 человек по сравнению с тем же периодом 2016 года [1, с. 45].

На сегодняшний день норвежский подход к решению проблемы нелегальной иммиграции можно охарактеризовать, как сочетание международного сотрудничества и осуществления эффективной политики по возврату нелегально пребывающих в Норвегии иммигрантов. Среди основных направлений деятельности норвежских властей в борьбе с нелегальной иммиграцией следует выделить: усиление контроля на государственных границах; постоянный мониторинг, позволяющий изучать и отслеживать миграционные процессы и их трансформации; международно-правовое сотрудничество, в процессе которого привлекаются к участию как государства-доноры, так и транзитные государства; эффективная политика по возврату нелегальных лиц, находящихся на территории государства.

Литература:

1. Immigration and Integration 2016-2017. Report for Norway// Norwegian Government Security and Service Organisation. – 2018. – p.180.
2. Кравченко Л. И. Миграционный кризис в Европе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/migracionnyy-krizis-v-evrope/> / (дата обращения: 03.04.2018).
3. Practical measures for reducing irregular migration - The case of Norway// Norwegian Directorate of Immigration. - 2011. – p. 74.
4. Примова Э. Н. Некоторые нормативно-правовые основы иммиграционной политики Евросоюза/ Э. Н. Примова// Власть. - 2015. - №6. – с. 181-185.
5. Самсонова Л. О. Политика Европейского союза в сфере противодействия нелегальной миграции в контексте национальной безопасности России/ Л. О. Самсонова// Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8 №4/1. с. 19-26.

УДК 374.12

Анциферова Э.Ю.

Студентка 4 курса факультета управления

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ, РАЗУМНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕ ЛЬСТВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: Статья посвящена исследованию принципов добросовестности, разумности и справедливости в римском и гражданском праве. Также проведен сравнительный анализ принципов разумности, добросовестности и справедливости в современном гражданском праве

Российской Федерации и ряда зарубежных стран. Можно говорить о схожести понятий, но и о различных их интерпретациях. На сегодняшний день ни российское, ни западное право не имеют в своем гражданском законодательстве сформулированного определения добросовестности, разумности и справедливости.

Abstract The article investigates the principles of good faith, reasonableness and fairness in the Roman and civil law. Furthermore, a comparative analysis was conducted of the principles of good faith, reasonableness and fairness in the law of the modern civil law of the Russian Federation and some others countries. We can talk about the similarity of concepts, but also about their different interpretations. Today, the Russian or Western law does not have a definition of good faith, reasonableness and fairness in civil law.

В российском гражданском праве добросовестность рассматривается: как оценочное понятие для определения поведения субъектов гражданского правоотношения. В ст. 1 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3] указано, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно и что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. В соответствии с этим можно сделать вывод, что в данной статье не закрепляется принцип добросовестности, а устанавливается обязанность добросовестного поведения. Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ [3], при исполнении обязательства стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию [3]. В свою очередь, в соответствии с п. 2 ст. 6 ч. 1 ГК РФ [3] установлено, что при невозможности

использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Кроме того, в п. 5 ст. 1 ч. 1 ГК РФ [3] закреплено еще одно важное правило: никто не вправе извлекать какие-либо преимущества из недобросовестного и незаконного поведения. Эта статья непосредственно связана с реализацией принципов добросовестности, разумности и справедливости. Принцип справедливости тесно взаимодействует с принципом добросовестности, обеспечивая добросовестное выполнение обязательств. Оба они тесно связаны с принципом разумности, так как они взаимодополняют друг друга. Принципы справедливости, добросовестности и разумности в гражданских правоотношениях имеющие субсидиарное значение в гражданском праве, находят свое отражение не только в случаях, прямо предусмотренных в гражданском кодексах, но и во всех иных случаях, когда гражданско-правовая норма допускает свободу усмотрения участников указанных правоотношений.

Анализ гражданского законодательства иных зарубежных государств показал, что «TreuundGlauben» (добрая совесть, вера и доверие) оперирует немецкое обязательственное право [80], а французскому [81] и итальянскому [82] гражданскому праву известен принцип «bonnefoi» и «buonafede». Например, В. Эбке и Б. Штейнхауэр выдвигают идею, согласно которой в договорном праве Германии доктрина добросовестности выполняет три основные функции: служит основанием правовых установлений судебной власти; формирует основания правовой защиты в конкретных судебных делах; обеспечивает правовое основание распределения рисков в конкретных договорах [83, с. 171]. Так, в ст. 242 Германского гражданского уложения устанавливается, что «должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи оборота» [80, с. 246]. При этом добросовестное исполнение характеризуется осуществлением стороной своих

обязанностей в четком соответствии со смыслом договора и духом законодательства. При этом итальянский исследователь А. Д'Анжело, говоря о договорной справедливости (*giustizia contrattuale*) и добросовестности (*buonafede*), утверждает о приоритете этических ценностей над решениями позитивного права [43, с. 11]. В свою очередь моральные категории более широко регулируют общественные отношения в сравнении с установленными нормами законодательства.

В Европейских странах принцип разумности и правовая категория «разумный срок» отождествляются и являются практически равнозначными понятиями. Кроме того, требование разумности известно и американскому праву. Так, в Единообразном торговом кодексе США содержится правило о разумном сроке исполнения обязательств [87, ст. 2–309]. Об общих обязанностях «добросовестности, заботливости, разумности и старания» закрепляется в п. 3 § 1–102 Единообразного торгового кодекса, а принцип справедливости регламентирован общими положениями § 1–103, п. 1 § 1–201 упомянутого кодекса [87]. Соответственно принципы добросовестности, разумности и справедливости в гражданском праве США имеют целью обеспечение надлежащего соблюдения прав и выполнение обязанностей контрагентов и третьих лиц в договорных отношениях.

Таким образом, проведенное исследование норм, содержащих требование о соблюдении добросовестности, позволяет сделать вывод о том, что принцип добросовестности в юридическую систему имеет различные особенности, которые можно объединить в 3 группы: 1) изменил договорное право и нормы закона, являясь обязательным принципом, включающим субъективный и объективный элементы в праве (Германия, Франция, Нидерланды, Италия); 2) не признается в качестве общего правового положения (Англия). Проанализировав принцип разумности в ряде европейских стран часто идет речь о рассмотрении данного принципа с точки зрения «разумного срока». При

этом справедливость в Европейских странах также как в Республике Беларусь и Российской Федерации представляет собой границу дозволенного, должного поведения участников гражданских правоотношений.

Таким образом, проанализировав законодательство ряда зарубежных стран, можно сделать вывод о том, что подход некоторых зарубежных законодателей не видится вполне обоснованным, поскольку принципы добросовестности, разумности и справедливости для них имеют значение общего правила лишь для исполнения обязательства. Всеобщий характер принципов добросовестности, разумности и справедливости, а также зачастую некорректное толкование на практике обуславливают необходимость закрепления данных начал в гражданские кодексы различных стран. Это позволит унифицировать практику их применения, избежать многочисленных правоприменительных ошибок и рассматривать их как «принципы-презумпции».

На основании современного состояния закрепления принципов добросовестности, разумности и справедливости и анализа законодательного опыта зарубежных стран можно сделать вывод о том, что данные принципы нашли широкое применение в правовой системе различных стран. При этом существует необходимость выработки правильного понимания сущности принципов добросовестности, разумности и справедливости, так как зачастую судебная практика указывает нам на противоречия, возникающие при вынесении судом решений по различным делам. Всеобщий характер принципов добросовестности, разумности и справедливости, а также зачастую некорректное толкование на практике обуславливают необходимость закрепления данных начал в ГК различных стран. Это позволит унифицировать практику их применения, избежать многочисленных правоприменительных ошибок и рассматривать их как «принципы-презумпции».

Литература:

- 1.Гражданский кодекс Российской Федерации : ч. 1, 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. Закона от 29.07.2017 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал. – 2017. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/10164072/>. – Дата доступа : 20.09.2017.
- 2.Германское гражданское уложение Германии (DeutschesBuergerlichesGesetzbuchmitEinfuehrungsgesetz) : ввод. закон к Гражд. уложению ; пер. с нем. В. Бергман. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. :WoltersKluwerRussia, 2008. – 246 с.
- 3.Французский гражданский кодекс [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. – 2017. – Режим доступа : <http://constitutions.ru/?p=416>. – Дата доступа : 09.10.2017.
- 4.Гражданский кодекс Итальянской Республики от 16 марта 1942 г. [Электронный ресурс] // Электронный бюллетень. – Режим доступа : http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/codciv/.– Дата доступа : 14.09.2017.
- 5.Ebke Werner, F, Bettina, St. The Doctrine of Good Faith in German Contract Law / F. Ebke Werner, St. Bettina. // Good Faith and Fault in Contract Law. Oxford. – 2002. – P.
- 6.D’Angelo, A. La BuonaFede//A. D’AngeloII / Trattato di DirittoPrivato. –Diretto M. Bessone. Torino. 2000. – P. 156.
- 7.Единообразный торговый кодекс США 1952 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://pravo.hse.ru/data/2015/10/21/1079468386/США%201952.pdf> . – Дата доступа : 10.10.2017.

УДК 340.340.5

Ротгина Е.И.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО – ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной работе речь идет о ряде особенностей и состоянии образовательных стандартов в системе образования Российской Федерации и зарубежных стран, а так же роли стандартизации в образовательном процессе.

Ключевые слова: образование, стандартизация, соответствие, глобализация, квалификационные требования.

Abstract. In this paper we are talking about a number of features and the state of educational standards in the education system of the Russian Federation and foreign countries, as well as the role of standardization in the educational process.

Key words: education, standardization, compliance, globalization, qualification requirements.

Глобализация мировой экономики предъявляет новые требования к качеству подготовки специалистов, содержанию и качеству, предоставляемых образовательных программ и присваиваемых квалификаций.

Согласно ст.2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности[1].

Суть любого обучения заключается в усвоении содержания, но в связи с современной социокультурной ситуацией прослеживается стремительный рост потока информации, который не может не отразиться на образовании.

Существенные изменения высшего образования относительно отечественных и мировых тенденций его развития, находят отражение на качестве, степени соответствия, структуре и содержании образования. Эти негативные явления органы государства стараются предотвратить путем принятия государственных образовательных стандартов(далее – ГОС).

Впервые понятие образовательного стандарта в России появилось в 1992 г. с введением Закона РФ «Об образовании в Российской Федерации», статья 7 которого была посвящена государственным образовательным стандартам. В первоначальной редакции закона стандарт общего образования принимался Верховным советом РФ, но в связи с принятием Конституции 1993 г. это положение было отменено, и функции по принятию образовательных стандартов были переданы органам исполнительной власти в определенном Правительством РФ порядке. Верховный совет РФ за период, когда у него было право утверждения образовательного стандарта, его так и не утвердил.

Обязательность принятия федерального государственного образовательного стандарта была установлена Конституцией Российской Федерации 1993 г. [4]

Этот главный нормативный документ в системе образования направлен на развитие и конкретизацию таких понятий, как содержание, уровень и форма образования, обозначает средства обучения, показывает пути и методы измерения, анализа и оценки результатов обучения. Кроме того, ГОС предъявляет минимальный перечень требований к подготовке выпускников.

В централизованных странах– Франции, Италии, Японии и ряде других– стандартизация проходит на уровне учебного плана. Распределение учебного времени по предметам или предметным областям является в этих странах

прерогативой государства. В децентрализованных странах, где отсутствует государственный учебный план, стандартизация проходит на уровне учебных предметов. Такая ситуация характерна для США, Великобритании, Австралии и ряда других стран[5, с. 131].

Существенная роль ГОС заключается, в четком нормировании минимальных требований к общеобразовательной подготовке учащихся, что способствует дифференциации преподавания.

В зарубежных странах системы образовательных стандартов высшего профессионального образования не сформированы в столь явной форме, как в Российской Федерации, хотя их определенные аналоги имеются в высшей школе каждой страны. К этим аналогам относятся нормативные параметры, определяющие условия приема и аттестации, продолжительность обучения, уровни подготовки и основные квалификационные требования. К сравнению, во Франции организация высшего образования столь же стандартизирована, как и в Российской Федерации, однако применяемая регламентация не носит название стандартов.

В Германии развита дуальная система обучения, которая отличается комплексным подходом, нет отдельных изолированных профессиональных стандартов; вместо этого применяется интегрированный принцип разработки положений о профессиональном обучении в качестве образовательного стандарта, включающего профессиональный стандарт. Общий успех данного метода образования обусловлен использованием следующих факторов, в перечень которых входят: взаимодействие между социальными партнерами, работодателями и правительством; обучение на базе производственного процесса; принятие национальных профессиональных стандартов[3, с. 65].

В странах, где вузы обладают значительной автономией, до недавнего времени стандартизацией были охвачены только организационные аспекты образования. На современном этапе, в таких странах как Великобритания и

Нидерланды, предпринимаются усилия по введению стандартов подготовки, прежде всего относительно квалификационных требований (компетенций) и частично содержания образовательных программ.

Образовательные стандарты включают в себя перечни обязательных для изучения дисциплин с перечислением их тематических разделов, распределённый по периодам баланс учебного времени, отводимого на их изучение, аттестационные требования и перечни квалификационных достижений. В Великобритании и США стандарты официально определяют обязательный минимум общего среднего образования (до 30 % общего учебного времени для изучения вариативных дисциплин). В таких странах как Франция, Германия, Япония, страны Восточной Европы регламентация учебного времени доходит до 85-90 %, а так называемые «дисциплины по выбору» ограничиваются установленными рамками, в основном к ним относятся дополнительные иностранные языки [2, с.20].

Таким образом, в работе были рассмотрены вопросы, связанные с порядком введения и ролью образовательных стандартов в Российской Федерации и зарубежных странах. В ходе изучения темы можно сделать вывод, что процесс стандартизации образования во многих странах находится на низком уровне, поскольку охватывают не всю систему образования (ее уровни). ФГОС носят рамочный характер, они не устанавливают жестких требований к содержанию образовательной программы, а применимы лишь к ее структуре, результатам освоения и условиям реализации. Стандарты позволяют, во-первых, обеспечить единство качества и уровня подготовленности выпускников разных вузов, получающих одинаковую профессию, во-вторых - избежать однообразия, предоставить вузам возможность самостоятельно решать многие образовательные и научные вопросы жизни учебного заведения.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации[Электронный ресурс] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ– Режим доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 04.03.2018)
2. Новиков, В. А., Бабыкин, С. В. Требования к содержанию образовательных программ : (государственных образовательных стандартов) среднего и высшего профессионального образования в России и за рубежом[Текст] –Москва, АСМС, 2011. – 164с.
3. Шкатулла, В.И., Образовательное право России (учебник для вузов) / В.И. Шкатулла. – 2-е изд., испр. – М.: Юстицинформ, 2016. – 774 с.
4. Энциклопедический фонд[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russika.ru/t.php?t=5142>(дата обращения: 03.03.2018)
5. Пиявский, С.А., Деятельность преподавателя при новых формах организации образовательного процесса в инновационном вузе// С.А. Пиявский, Г.П. Савельева. – Самара: СГАСУ, 2013.- 188.

УДК 340.1

Борзенко Д.В.

студентка 1 курса факультета права

«Белорусский государственный экономический университет»

**СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО МЕТОДА
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА И
СМЕЖНЫХ ОБЛАСТЕЙ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

Аннотация: Синергетический метод при исследовании явлений и

процессов различных отраслей права в целом ориентирован на поиск универсальных законов эволюции правовых систем. В сфере социологии права он применяется для изучения тенденций саморазвития социально-правовой действительности. В синергетической системе координат внимание криминологии перемещается с общественно опасных явлений на общественную безопасность как социально-философское и правовое явление. Для гражданского права важно изучение случайных факторов в процессе самоорганизации гражданских правоотношений. Продуктивность применения этого метода при исследовании административного права связана с восприятием процессов управления как государственной деятельности в многомерном сложноорганизованном мире.

Ключевые слова: синергетика, метод, право, самоорганизующаяся система, социология права, криминология, гражданское право, административное право

Annotation: The synergetic method in the study of phenomena and processes of various branches of law in general is focused on the search for universal laws of evolution and self-organization of complex legal systems. In the area of sociology of law, it is used for studying the trends of self-development of social and legal reality. In the synergetic coordinate system, the focus of attention of criminology moves from socially dangerous phenomena to public security as a socio-philosophical and legal phenomenon. For civil law, it is important to study random factors in the process of self-organization of civil legal relations. The productivity of this method in the study of administrative law is connected with the perception of management processes as a state activity in a complex world.

Keywords: synergetic, method, law, self-organizing system, sociology of law, criminology, civil law, administrative law

Сложность происходящих в мире глобализационных процессов

опосредует применение для их анализа новых междисциплинарных подходов, в том числе с учетом синергетической концепции. Возникшая первоначально как теория самоорганизации нелинейных динамических сред, довольно быстро синергетика стала рассматриваться как потенциально универсальный метод научного познания. Основными принципами, раскрывающими суть синергетического подхода, можно называть нелинейность, неустойчивость, незамкнутость (открытость), динамическую иерархичность (подчиненность). Ключевыми понятиями в рамках синергетики становятся понятия самоорганизации систем, бифуркации, аттрактора, диссипативных структур и некоторые другие.

Актуальность обращения к изучению особенностей синергетического подхода в праве обусловлена рядом факторов. К числу факторов внешних (макроуровня) относится «формирование глобального человеческого общества, как самый важный в новейшее время процесс, обозначающий переход биосферы в состояние ноосферы» [1, с. 4]. Соответственно, процессы и явления современного права в этом контексте должны изучаться как комплекс систем, находящихся во взаимосвязи и взаимовлиянии, что возможно именно в рамках синергетики. К числу факторов внутренних можно отнести сложившееся противоречие между большим методологическим потенциалом синергетики и относительно малой его востребованностью в изучении правовых явлений и процессов. Можно предположить, что специфика использования идей синергетики для исследования разных сегментов права определяется целями и задачами конкретной правовой отрасли.

Синергетический подход в праве в самом общем смысле ориентирован на поиск универсальных законов эволюции и самоорганизации сложных правовых систем. Синергетика здесь выступает в роли метода, использование которого обусловлено «системой взаимосвязанных способов познания междисциплинарного характера, применяемых сообразно принципам

самоорганизации, которые направлены на изучение связей и результатов взаимодействия между предметными областями теории права» [2, с. 102]. Основным принципом использования синергетического метода в праве является сочетание общезначимости ключевых идей синергетики и учёта специфических функций и задач различных отраслей права.

Так, *социология права* имеет свой методологический инструментарий. Однако социальные объекты со сложным содержанием с большими ограничениями описываются в рамках механистической модели причинности, принятой в позитивной социологии. Социально-правовая реальность с позиций синергетики является самоорганизующейся системой. Это определяет многовекторность применения синергетического подхода к ее исследованиям, а именно: 1) изучение тенденций саморазвития социально-правовой действительности для проектирования резонансных воздействий на систему и прогнозирования их эффекта; 2) анализ неопределенностей в социально-правовой сферах, нацеленный на понимание соотношения социального порядка и социального хаоса как двух модусов «единого социального тела» (В.А. Бачинин); 3) исследование энтропийных процессов в их динамике и влиянии на социальные структуры (правовые, семейные, религиозные и т.д.) [3].

В середине 1990-х гг. В.А. Номоконов полагал, что для *криминологии* синергетика приобретает статус новой парадигмы. По его мнению, синергетические идеи были бы полезны в криминологии как для объяснения причин преступного поведения, так и для организации систем профилактического и правового воздействия на преступность [4]. Сегодня перспективы применения синергетического подхода в криминологии связываются с новым – синергетическим – пониманием проблемы преступности и противодействия ей: «Хаос выступает антиподом правопорядка... Правопорядок противостоит анархии, неорганизованности. Преступность, следовательно, рассматривается как частное проявление и последствие процесса

социальной дезорганизации, аномии. <...> ...учение о социальной дезорганизации как объяснительная основа общественно опасного поведения формирует системное понимание процессов обеспечения общественной безопасности и правопорядка в социуме» [5]. В синергетической системе координат фокус внимания криминологии, таким образом, как бы перемещается с общественно опасных явлений (действий) на общественную безопасность как социально-философское и правовое явление.

По мнению В.В. Залесского, для *гражданского права* чрезвычайно важен процесс самоорганизации гражданских правоотношений, в значительной степени подверженных действию случайных факторов [6]. Действующим началом процесса самоорганизации выступает юридический факт. Указывая на то, что идеальных правовых норм не бывает, иначе не было бы необходимости в постоянном совершенствовании законодательства, он приходит к выводу о том, что в придании свойств юридического факта есть элемент случайности.

Продуктивность применения синергетического подхода в изучении явлений *административного права* связана, с одной стороны, с восприятием процессов управления как государственной деятельности в многомерном сложноорганизованном мире, а с другой стороны – с пониманием правовых явлений как нестабильных сложноорганизованных систем. Проектирование и реализация трансформаций в сфере административного права предполагает сложное взаимодействие и учет принципов заимствования и сочетаемости отдельных правовых элементов или институтов. Так, например, «прошлое и настоящее состояние системы определяют реальность наступления того или иного сценария развития событий. Это означает, что возможны не любые варианты развития событий, а только те, которые определены прошлым данной системы, уровнем ее развития, готовности для внедрения с помощью сознательного управления тех или иных правовых механизмов» [7]. Таким образом, применение синергетического метода в административном праве

позволяет спроектировать желаемый результат и предусмотреть его воздействие на явления и процессы других отраслей права.

Синергетический метод в исследованиях правовых явлений и процессов может применяться в целом ряде аспектов, в том числе в плане прогностическом, т.е. с целью проектирования концептуальных моделей перехода современного состояния исследуемого в будущее состояние. Это приобретает особое значение в период так называемой ускоряющейся глобализации, характеризующийся усложнением мироустройства в целом и системы его правового регулирования в частности.

Литература:

1. Иванов О.П., Снакин В.В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. – 2016. – № 4. – С. 3–12.
2. Петров А. В., Зырянов А.В. Синергетический подход в современных юридических исследованиях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2017. – Т. 17. – № 4. – С. 102–106.
3. Бачинин В.А. Синергетическая методология и социология права // Серия «Symposium», Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Выпуск 12 / К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г., СПб, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/bachinin-va/sinergeticheskaya-metodologiya-i-sociologiya-prava>. – Дата доступа: 21.03.2018.
4. Номоконов В. А. Парадигмы криминологии [Электронный ресурс]: Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=151818>. – Дата доступа: 22.03.2018.
5. Тюгашев, Е.А. Криминология и синергетика [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/7228/%D0%A2%D1%8E%D0%B3%D0%>

B0%D1%88%D0%B5%D0%B2.pdf. – Дата доступа: 20.03.2018.

6. Залесский В. В. Вероятность и самоорганизация в гражданском праве // Журнал российского права. – 2005. – № 10. – С. 85–92.

7. Мицкевич Л. А. Очерки теории административного права. Современное наполнение: Монография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.by/books?id=ODTzBgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – Дата доступа: 19.03.2018.

УДК 346.26

Шило М.А.

студент магистратуры кафедры гражданско-правовых дисциплин
«Белорусский государственный экономический университет»
Институт магистерской подготовки (структурное подразделение)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос имущественной ответственности индивидуальных предпринимателей в Республике Беларусь и Российской Федерации. Законодатель устанавливает более строгую ответственность для граждан, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, как по сравнению с гражданами, которые не осуществляют предпринимательскую деятельность, так и в сравнении с учредителями (участниками) или собственниками имущества юридического лица. Такое положение, по нашему мнению, является необоснованным.

Ключевые слова: Индивидуальный предприниматель, имущественная ответственность, имущество индивидуального предпринимателя, пределы имущественной ответственности.

Abstract: The article deals with the issue of property liability of individual entrepreneurs in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The legislator strengthened the responsibility for the citizens registered as individual entrepreneurs, as compared to citizens who do not engage in business activities, and compared to the founders (participants) or the property owners of the legal entity. Such a provision, in our view, is unfounded.

Keywords: Solo trader, property liability, property of an solo trader, limits of property liability.

ГК Республики Беларусь, ГК Российской Федерации не содержат специальных норм, регулирующих вопросы ответственности индивидуальных предпринимателей.

Однако ГК содержат положения, касающиеся размера ответственности граждан (ст. 23 ГК Республики Беларусь, ст. 24 ГК РФ) и юридических лиц (52 ГК Республики Беларусь, ст. 56 ГК РФ) [1], [2].

По общему правилу, приведенному в ст. 23 ГК Республики Беларусь, ст. 24 ГК РФ гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. На отдельное имущество не может быть обращено взыскание в соответствии с нормами законодательства [1], [2].

Законодатель не делает различий между имущественной ответственностью по обязательствам, возникшим в результате осуществления гражданином предпринимательской деятельности, и ответственностью по иным обязательствам.

М.Д. Шапсугова в своем диссертационном исследовании предлагает следующим образом решить данную проблему: создать предпринимательский фонд, в котором будет отображаться учет имущества от предпринимательской деятельности. Данный фонд, по мнению ученого, будет представлять собой учетную категорию. В случае его отсутствия, предприниматель подлежит

обязательному страхованию ответственности индивидуального предпринимателя [3].

Мы придерживаемся иного взгляда на решение данной проблемы. Предлагаем разграничить деятельность физических лиц, осуществляемую ими в процессе обычной жизнедеятельности от, предпринимательской деятельности и внести изменения в ст. 22 ГК Республики Беларусь и ст. 23 ГК Российской Федерации и добавить п. 4 и п. 6 соответственно следующего содержания:

– имущество индивидуального предпринимателя – объекты гражданских прав, приобретенные в процессе осуществления им предпринимательской деятельности без образования юридического лица;

– закрепить пределы ответственности индивидуального предпринимателя: при заключении сделок, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, индивидуальный предприниматель несет ответственность в пределах имущества, приобретенного им в процессе осуществления им такой деятельности; по сделкам, не связанным с осуществлением предпринимательской деятельности (бытовым сделкам), индивидуальный предприниматель несет ответственность по основаниям, установленным ст. 23 ГК Республики Беларусь, ст. 24 ГК Российской Федерации.

По общему правилу, согласно п. 1 ст. 372 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее либо исполнившее обязательство ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности) [1], [2]. Из смысла норм ГК следует, что договорная ответственность индивидуальных предпринимателей в Республике Беларусь и Российской Федерации возникает независимо от вины.

Некоторые исследователи предлагают исключить ответственность индивидуального предпринимателя при отсутствии вины последнего [4, с. 70]. По нашему мнению, с одной стороны, реализация данного предложения нарушит систему повышенной ответственности субъектов

предпринимательской деятельности, с другой стороны, в отдельных случаях индивидуальный предприниматель может быть освобожден от ответственности при отсутствии вины.

По отдельным видам предпринимательских обязательств возможна ограниченная ответственность индивидуального предпринимателя (в пределах возмещения реального ущерба) (п. 1 ст. 371 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 400 ГК Российской Федерации) [1], [2].

О.С. Иоффе отмечал, что законодательное ограничение права на полное возмещение убытков (п. 1 ст. 400 ГК РФ, п. 1 ст. 371 ГК Республики Беларусь), не может относиться к предпринимательской деятельности, как деятельности, предполагающей повышенную ответственность [5, с. 167].

По нашему мнению, норма об ограниченной ответственности индивидуальных предпринимателей вполне обоснованна. Связано это с рисками при осуществлении предпринимательской деятельности, индивидуальным характером ее осуществления.

Данные изменения обусловлены следующим: сегодня ответственность граждан, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, более строга по сравнению с гражданами, не занимающимися предпринимательством, и в сравнении с учредителями (участниками) или собственниками имущества юридического лица. Такое положение, по нашему мнению, является необоснованным.

Подводя итог исследования, отметим:

1. Целесообразно разграничить деятельность физических лиц, осуществляемую ими в процессе обычной жизнедеятельности от, предпринимательской деятельности и внести изменения в ст. 22 ГК Республики Беларусь и ст. 23 ГК Российской Федерации и добавить п. 4 и п. 6 соответственно;

2. В отдельных случаях индивидуальный предприниматель может быть освобожден от ответственности при отсутствии вины. Каждый случай должен быть рассмотрен конкретно;

3. Норма об ограниченной ответственности индивидуальных предпринимателей вполне обоснованна.

Литература:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 07.12.1998 № 218-З (ред. от 09.01.2017). - Минск: Амалфея, 2018. - 625 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая, вторая, третья и четвертая. - М.: Омега-Л, 2018. - 622 с.
3. Шапсугова М.Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / М.Д. Шапсугова; Ин-т государства и права РАН. - М., 2012. - 205 с.
4. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации: учеб. пособие / О.Н. Садиков. - М.: Статут, 2009. - 133 с.
5. Иоффе О.С. Обязательственное право: учеб. / О.С. Иоффе. - М.: Норма, 1975. - 880 с.

УДК 347.53

Гавриков А.В.

Младший научный сотрудник.

*ГНУ Института социологии НАН Беларуси. Отдел политической
социологии*

ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ БЕЛАРУСИ 1990-Н.В. (ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: В статье рассматривается становление и эволюция законодательства, регламентирующего деятельность политических партий. Показываются законодательные изменения в отношении партий в период 1990-н.в.

Ключевые слова: Институционализация, политическая партия, декрет, закон, политическая трансформация.

Annotation: The article deals with the formation and evolution of the legislative regulating the activities of political parties. The legislative changes regarding the parties during the period from 1990 to the present are shown.

Keywords: Institutionalization, political party, decree, law, political transformation.

Как заметил немецкий исследователь Х. Тринель, западные демократии прошли четыре этапа отношениям партиям со стороны государства:

- борьба с партиями;
- игнорирование их;
- легализация партий;
- инкорпорирование в конституционную систему.

Республика Беларусь на сегодняшний день является многопартийной страной, где осуществляют свою деятельность 15 политических партий разной идеологии и политической ориентации[1].

Конституция БССР 1978г. закрепляла ведущую роль КПСС как руководящей и направляющей политической силы страны, что на официальном уровне устанавливало однопартийность в стране. Изменения произошли только

к концу перестройки: демократизация политического режима и рост политической активности населения привели к тому, что 28 июля 1990г. в Конституцию БССР были внесены изменения, связанные с отменой принципа руководящей роли КПСС и однопартийной системы. Статья 49 Конституции была изложена в новой редакции, гласившей: «Граждане БССР имеют право объединяться в политические партии, общественные организации, участвовать в массовых движениях»[2, с. 34].

Первыми нормативно-правовыми актами, регламентирующими создание и деятельность политических партий в Республике Беларусь, стали Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 28 июля 1990 г. №222-ХІІ «О регистрации общественных объединений в Белорусской Советской Социалистической Республике», Постановление № 255 Совета министров БССР «Об утверждении Временного положения о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан», Закон «Об общественных объединениях в Белорусской Советской Социалистической Республике». Постановления определяли членство в политической партии, ее деятельность и минимальное число учредителей (не менее 100), уплату государственных пошлин в размере 10 минимальных окладов. Запрещалось отказывать в регистрации общественного объединения по мотивам нецелесообразности его создания, закреплялась возможность обжалования отказа в регистрации в Верховном Суде[2, с. 35].

Важным шагом стало принятие 27 февраля 1991 г. Закона «Об основных принципах народовластия в БССР», который установил запрет на принятие совместных актов органами государственной власти, управления и общественными объединениями, запрет на вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц и наоборот, а также запрет на финансирование государством деятельности

политических партий. Многие эти положения были реализованы в Законе Республики Беларусь «О политических партиях» 5 октября 1994 года [3].

Конституция Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями 1996 г. и 2004 г. содержит важные положения о роли политических партий в обществе, закрепляет главные условия создания и деятельности политических партий. Действуя в рамках Конституции и законов Республики Беларусь, политические партии содействуют выявлению и выражению политической воли граждан, участвуют в выборах (ст.5)[4]. На данный момент правовое положение политических партий в Республике Беларусь регулируется Законом Республики Беларусь «О политических партиях» от 5 октября 1994 г. №3266-ХІІ в редакции 2013г.

Беларусь выбрала регистрационный порядок политических партий, что является разумным балансом интересов граждан и государства. Данный подход закреплен в Законе о политических партиях Республики Беларусь в статье 7 части 3.

В 1995г. произошла первая политическая перерегистрация организаций и политических партий Беларуси. Решение о перерегистрации было принято Кабинетом Министров Республики Беларусь с последующим постановлением от 3 февраля 1995г. № 76«О политических партиях». Перерегистрацию прошли 34 политические партии [5].

Для продолжения упорядочивания деятельности политических партий Президентом был принят Декрет от 13 июля 1999 г. № 26 «О внесении изменений и дополнений в Декрет от 26 января 1999 г. №2», который увеличивал численность учредителей политических партий до 1000 человек [6]. К 1 января 1998г. в Республике Беларусь была зарегистрирована 41 политическая партия.

По причинам не соответствия документов, несвоевременной подачи документов, недостаточного количества учредителей, бойкота перерегистрации

и др., перерегистрацию в 1999г. прошли только 18 политических партий, что было по-разному воспринято разными политическими лагерями. Оппозицией данные меры рассматривались как попытка устранить их в качестве политических оппонентов, правительством – как упорядочение политических партий.

Следует особо подчеркнуть, что белорусское законодательство не способствует усилению роли партий в политической жизни общества. Для преодоления кризиса современной белорусской многопартийности необходимо провести в стране целый ряд законодательных изменений, которые дадут возможность политическим партиям стать реальной политической силой. Среди них некоторые аналитики называют следующие: введение пропорциональной избирательной системы или выборов «по партийным спискам», формирование избирательных комиссий из представителей политических партий, получивших на предыдущих выборах определенный законом минимум голосов избирателей; предоставление политическим партиям права выдвижения на должности в системе исполнительной власти; введение государственного финансирования политических партий, получивших на выборах определенный законом минимум голосов избирателей и т. д.

Для белорусской политической системы характерна апартийность, то есть законодательство предусматривает все возможности для создания и деятельности политических партий, но при этом их влияние на общественно-политические процессы в стране крайне невелико.

Таким образом, политические партии Беларуси прошли несколько этапов правовой институционализации, что с одной стороны упорядочило их деятельность, а с другой несколько снизило активность политических партий и привело к фактическому исчезновению части из них. Для увеличения активности политических партий необходимо провести ряд действий по

либерализации законодательства в отношении правовой институционализации политических партий.

Литература:

1. Общество [Электронный ресурс] : Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/society_ru/. – Дата доступа: 21.03.2018.
2. Слижевский, О. Изменения в законодательстве об общественных объединениях политических партиях / О. Слижевский. – Юстыцыя Беларусі. – 2005. – №9. – С.34–39.
3. О политических партиях: Закон Респ. Беларусь, 5 окт. 1994г, № 3266-ХІІ: В ред. Законов Респ. Беларусь от 29.11.1999 г., от 13.12.1999 г., от 22.06.2001 г., от 26.06.2003 г., от 19.07.2005 г. //Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]/ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2006. – Дата доступа: 28.03.2018.
4. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г.: с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2016.
5. О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь от 26 января 1999 г. № 2 [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь от 13 июля 1999 г. №26. – Режим доступа: <http://laws.newsby.org/documents/dekretp/dek00126.htm>. – Дата доступа 03.29.2018.
6. О некоторых мерах по совершенствованию порядка получения и использования иностранной безвозмездной помощи [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь от 12 марта 2001 г. №8. – Режим

доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org459/sbor4/text3729.htm>. – Дата доступа: 03.30.2018.

УДК 340.13

Гринько Ю.А.

студентка 3 курса факультета права

«Белорусский государственный экономический университет»

**ПРАВОЗАЩИТНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ
ПРАВОВЫХ АКТОВ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ**

Аннотация. В статье автор обосновывает необходимость внедрения института правозащитной экспертизы проектов нормативных правовых актов в Республике Беларусь. Рассмотрен механизм и результаты осуществления указанной процедуры в Республике Казахстан и Кыргызской Республики.

Ключевые слова: правозащитная экспертиза, правотворческий процесс, нормативный правовой акт, защита прав и свобод граждан.

Abstract. In the article the author substantiates the necessity of integration human rights expertise of draft normative legal acts in the Republic of Belarus. Considers mechanism and results this procedure in the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic.

Key words: human rights expertise, normative legal act, law-making process, protection of rights and freedoms of citizens.

Уважение прав, свобод и законных интересов граждан, их охрана от любого рода противоправных посягательств является приоритетной задачей любого демократического государства. Данное положение нашло отражение в преамбулах следующих фундаментальных международных актов: Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1], Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2], Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [3] и др.

В ст. 2 Конституции Республики Беларусь содержится указание, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [4]. Данную обязанность государство в лице государственных органов и должностных лиц выполняет, прежде всего, путем принятия нормативных правовых актов, которые не только закрепляют правовые возможности граждан, но и детально регламентируют механизмы их реализации.

В соответствии со ст. 49 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон) [5] проект нормативного правового акта подлежит обязательной юридической экспертизе. Указанная статья содержит также исчерпывающий список актов законодательства, проходящих через данную правовую процедуру.

Как представляется, при проведении обязательной юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, содержащих положения в той или иной степени затрагивающие вопросы обеспечения прав и свобод человека, особое внимание следует уделять их соответствию требованиям международных договоров Республики Беларусь и принципам международного права. Подобная практика способна обеспечить не только подготовку проекта нормативного правового акта, соответствующего национальному законодательству, но и обеспечить его согласованность с современными тенденциями развития права в условиях глобализации.

Кроме того, в ст. 49 Закона упоминаются другие возможные виды экспертиз проектов нормативных правовых актов – финансовой, экономической, экологической, криминологической и др. [5]. Несомненно, при проведении данных экспертиз в определенной мере анализируется правозащитная направленность проекта нормативного правового акта, однако, как представляется, он должен более детально проверяться на предмет содержания в нем норм, которые ограничивают права и свободы человека и гражданина.

Для решения указанной проблемы считаем целесообразным обратиться к опыту Республики Кыргызстан. В 2010 г. в данной стране на законодательном уровне был урегулирован порядок проведения правозащитной экспертизы проектов подзаконных правовых актов, в т.ч. проектов актов Президента Кыргызской Республики и Правительства Кыргызской Республики. Целью данной процедуры является оценка соответствия проекта подзаконного акта установленным стандартам защиты прав человека. В соответствии с п. 15 постановления Правительства Кыргызской Республики от 8 декабря 2010 г. № 319 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения правовой, правозащитной, гендерной, экологической, антикоррупционной экспертиз проектов подзаконных актов Кыргызской Республики» правозащитный анализ предполагает: анализ состояния нормативного регулирования в сфере защиты прав и свобод человека; оценку возможного воздействия проекта (позитивного или негативного) на общественные отношения в сфере защиты прав человека; оценку проекта на предмет наличия эффективного механизма реализации прав и свобод человека; оценку проекта на предмет соблюдения защиты прав человека; оценка влияния проекта на права социально уязвимых групп и др. [7]. Подобная практика позволяет избежать вероятности появления в правовом акте норм, ущемляющих правовые возможности как отдельного лица, так и определенных социальных групп населения.

Интерес вызывает также анализ практики Республики Казахстан по указанной проблематике. Так, в 2013 г. в данной стране были опубликованы результаты масштабной правозащитной экспертизы всего законодательства, проведенной в рамках проекта «Мониторинг выполнения Республикой Казахстан Национального плана действий в области прав человека на 2009-2012 гг.». Подобная экспертиза была реализована Казахстанским Международным бюро по правам человека и соблюдению законности (КМБПЧиСЗ), Центром исследования правовой политики (LPRC) и Международным центром журналистики MediaNet. В результате данной процедуры были выявлены положения действующего на тот момент законодательства, которые прямым или косвенным образом нарушают личные, политические и социально-культурные права человека [8]. Участие общественных объединений и средств массовой информации позволило разработать практические рекомендации, которые были отражены в следующем Национальном плане действий в области прав человека на 2015-2020 гг. Республики Казахстан.

Таким образом, изученный опыт Республики Кыргызстан и Республики Казахстан по исследуемой тематике, позволяет сделать вывод о целесообразности внедрения в практику нормотворчества Республики Беларусь такого правового механизма, как правозащитная экспертиза проектов нормативных правовых актов. Для реализации указанного предложения не потребуется внесения изменений и дополнений в действующий Закон, т.к. перечень экспертиз, которым может быть подвергнут проект нормативного правового акта, является открытым.

Правозащитная экспертиза проектов правовых актов способна стать эффективным средством защиты общепризнанных прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь, способствовать повышению эффективности нормотворческой деятельности.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2018. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 22.03.2018.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2018. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 22.03.2018.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2018. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа: 22.03.2018.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> – Дата доступа: 28.03.2018.
5. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 января 2000 г., № 361-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10000361>. – Дата доступа: 26.03.2018.
6. О мерах совершенствования нормотворческой деятельности [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 августа 2003 г., № 359 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30300359>. – Дата доступа: 26.03.2018.
7. Об утверждении Инструкции о порядке проведения правовой,

правозащитной, гендерной, экологической, антикоррупционной экспертиз проектов подзаконных актов Кыргызской Республики [Электронный ресурс: постановление Правительства Кыргызской Республики, 8 декабря 2010 г., № 319 // М-во юстиции Кыргызской Республики. – 2018. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/92342?cl=ru-ru>. – Дата доступа: 24.03.2018.

8. Правозащитная экспертиза. Мониторинг выполнения Республикой Казахстан рекомендаций Национального плана действий в области прав человека на 2009-2012 гг. [Электронный ресурс] // Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности. – 2018. – Режим доступа: <https://bureau.kz/news/download/361.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2018.

УДК. 340.5

Сухова М.И.

студентка 2 курса магистратуры юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ

В статье рассмотрена роль судебного прецедента в романо-германской и англо-саксонской правовых семьях. Проанализированы особенности решений судов различных стран, охарактеризовано значение прецедента в судебной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: *правовая семья, судебный прецедент, решение суда, источник права*

This article examines the role of judicial precedent in the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families. The peculiarities of the decisions of the courts of different countries are analyzed, including the significance of the precedent in the Russian Federation's judicial system.

Key words: *legal family, judicial precedent, the decision of the court, the source of law*

Романо-германская и англо-саксонская правовые семьи являются самыми распространёнными правовыми семьями в мире, поэтому вопрос об их соотношении является актуальным для многих ученых.

Для англо-саксонской правовой семьи (Великобритания, США, Канада и др.) судебный прецедент является основным источником права. В англо-саксонской правовой семье отсутствует кодифицированные отрасли права, как в романо-германской правовой семье, но существуют сборники прецедентов, хотя в США есть Конституция.

В Англии судебный прецедент может быть установлен только Высоким судом правосудия, Высшим судом и Палатой Лордов. Такие решения имеют свою иерархию. Главенствующими являются решения Палаты лордов, они обязательны для всех судов. Далее по иерархии идут решения Высшего суда, они также обязательны для всех судов, кроме Палаты лордов. Решения Высокого суда, являются обязательными только для судов низших инстанций. Все решения обязательны для публикации, именно это превращает решение в судебный прецедент [7 с. 38].

В романо-германской правовой семье, в отличии от англо-саксонской, судебный прецедент является второстепенным, зачастую не официальным источником права. Вопрос о роли судебного прецедента в романо-германской правовой семье является дискуссионным. А.Х. Саидов считает, что по вопросу о судебной практике как источнике романо-германского права позиция доктрины

весьма противоречива. Несмотря на это можно сделать вывод о возможности отнесения судебной практики к числу вспомогательных источников [5, с.161].

Романо-германская правовая семья существует в большинстве европейских стран, например, в Германии, Франции, Италии и других, а также в бывших социалистических странах, например, в Российской Федерации.

В большинстве стран, относящихся к романо-германской правовой семье, считается, что любая ситуация, которая может возникнуть, регулируется нормами права, поэтому судебный прецедент несет только процессуальный характер и не относится к источникам права.

Так, в романо-германской правовой семье считается, что судебный прецедент в ряде случаев может только толковать закон. В Греции, например, также действует романо-германская правовая семья, но практики утверждают, что в этой стране судебный прецедент действует как источник права. Это проявляется, с одной стороны, в том, что Верховный Суд страны принимает весьма важные по своему характеру решения, фактически приравняемые к прецеденту, а с другой – в том, что в своей деятельности нижестоящие суды Греции обычно приспособляются к решениям вышестоящих судов, хотя технически они никак не связаны этими решениями [5, с. 45].

Обязательный характер судебным прецедентам, придается в других странах романо-германской правовой системы. Так, в Швейцарии при определенных условиях судебные решения выступают источником права, прежде всего, вынесенные Федеральным судом. Гражданский кодекс статья 1 допускает, что при наличии пробелов в законе судьи вправе «замещать» законодателя. Решения пленума Верховного суда Португалии являются судебными прецедентами, они официально публикуются в «Диариу да Република». Правотворческая роль судебной практики официально признана также в Испании за Верховным судом.

В Российской Федерации вопрос роли судебного прецедента является дискуссионным. Например, М.Н. Марченко в своем учебном пособии утверждает, что для российской правовой системы судебный прецедент является источником права [3, с. 393], противоположную позицию в данном вопросе занимает Д.А. Туманов[6, с. 9-10]

Конституционный Суд РФ наделен правом толкования Конституции РФ и проверки соответствия ей законов, данное положение предусмотрено в статье 46 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ, устраняет неточности и неопределенные моменты в конституционных положений, таким образом, занимается конкретизацией Конституции РФ. Но Конституционный суд своим толкованием не выполняет роль законодателя. В этой связи необходимо скорейшее внесение соответствующих уточнений в конституционный закон о Конституционном Суде РФ[2, с. 422-424].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Предлагается внести изменения в статью 198 ГПК РФ, а именно: «В мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации»[4, с. 22]; в пункт 5 части четвертой статьи 392 ГПК РФ, а именно:«Определение либо изменение практики применения правовой нормы, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской

Федерации, постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по результатам рассмотрения конкретного дела в порядке надзора, или в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, если в соответствующем акте Верховного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства» [4, с. 35].

Данные изменения процессуального законодательства РФ наделяют постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации силой судебного прецедента. Так как данные изменения дают право судьям ссылаться не только на нормы права, а так же на решения высших судов. Принятие данного проекта Госдумой, даст новое правоприменение судебного прецедент в законодательстве Российской Федерации.

В заключение можно сказать, что в англо-саксонской правовой семье судебный прецедент является одним из основных источников права, а в романо-германской правовой семье судебный прецедент официально не является источником права, но выступает в роли источника права для решений Верховных и Конституционных судов.

Таким образом, анализ роли судебного прецедента в романо-германской и англо-саксонской правовых семьях позволяет сделать вывод о том, что в сравнении с англо-саксонской правовой системой, где судебный прецедент является основным источником права, в романо-германской правовой системе он, не является источником права, в настоящее время получает все большее распространение в судебной практике большинства стран этой правовой системы, в том числе в Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Лапкович А. В. Судебный прецедент в российской правовой системе / Молодой ученый. — 2014. — №19. — С. 422-424.
3. Марченко М.Н. Источники права : учеб. Пособие. М., 2005. С. 393
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 октября 2017 года.
5. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. С. 161.
6. Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве :автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2007, С. 9-10.
7. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. – М.: Юристъ, 1997, 568 с.

УДК 340.15:338

Полгар М.А.

студент 1 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**ВЛИЯНИЕ НОВОГО КУРСА РУЗВЕЛЬТА НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
США**

Аннотация. В данной статье речь идет об особенностях проводимой политики Франклина Рузвельта под названием «Новый курс», ее роли и влиянии на современное законодательство США.

Ключевые слова: политика, «Новый курс», реформирование.

Annotation. In this article we are talking about the features of Franklin Roosevelt's policy called "New deal", its role and impact on modern U.S. law.

Key words: politics, "New deal", reformation.

Оценка «Нового курса» Ф. Рузвельта, его роли в истории США до сих пор остается предметом массовых споров и дискуссий, потому что реформы, проведенные им в начале 30-х годов, стали решающими для развития Соединенных Штатов.

До 1932 г., а именно до вступления Ф. Рузвельта на пост главы государства, политическая и экономическая ситуация в США была очень напряженной. Кризис, поглотивший в себя практически все сферы деятельности, с каждым днем углублялся все больше и больше.

В ноябре 1932 г. на президентских выборах, демократы во главе с губернатором штата Нью-Йорк Ф. Д. Рузвельтом, одержали победу. Он и его команда предложили в целях выхода страны из кризиса быстро провести социально-либеральные реформы, так называемый «Новый курс» [2. с.33].

Сама программа «Новый курс» была направлена на изменение внутренней и внешней политики США и уделяла особое внимание роли федерального законодательства в регулировании всех сфер деятельности, которых коснулась «Великая депрессия».

Рузвельт действовал весьма энергично. В своей реформаторской деятельности он опирался на конгресс, работавший в тот период с повышенной нагрузкой. За

короткий срок было принято 70 законов, часть из них прошла без дебатов. Именно они усилили роль государства в жизни американского общества [3,с.630].

Первыми и основными нормативно-правовыми актами, в стабилизации экономической деятельности были приняты такие как: «Закон о банковской деятельности, об отмене золотого стандарта», «Закон об обращении ценных бумаг», «Закон о восстановлении национальной экономики». Именно они помогли в стабилизации и укреплении финансово-экономической системы Соединенных Штатов и дали толчок к развитию новой экономической политики.

Также новым законом для США стал «Закон о трудовых отношениях», который впервые за всю историю Штатов легализировал и поощрял деятельность профсоюзов. Данным законом устанавливалось табу на уголовное преследование трудящихся за создание профсоюзов, признавалось право на забастовки, был введен новый орган контроля – Национальное управление по трудовым отношениям[1,с.208].

Благодаря ему в США зародилась основа системы социальной политики в заключении трудовых договоров, которые обеспечивали права рабочих на оплату труда и был запрещен детский труд.

В 1935 г. был принят первый за всю историю Соединенных Штатов «Закон о социальном страховании», который предусматривал социальную помощь престарелым, а также людям, оставшимся без работы. Впервые был создан Пенсионный фонд за счет налогов предпринимателей и рабочих. Нововведением стала выплата трудовой пенсии по достижении 65 лет.

Все действия Ф. Рузвельта по реформированию и преобразованию США того времени ставили во главу укрепление экономики, что не реализовалось бы им, без вмешательства в законодательную сферу.

Каждый элемент «Нового Курса» имел достаточно разные последствия для развития Соединенных Штатов. Но именно радикальные реформы Ф. Рузвельта отгородили США от хаоса и угнетения. Он подал нам решение глобальных проблем,

которые на сегодняшний день определяют сердцевину политики и общественной жизни.

Подводя итог вышеизложенному, нельзя согласиться с тем, что «Новый Курс» великого реформатора не оказал никакого влияния на законодательство США того времени и настоящего. Ведь именно в те годы зародилась некая концепция преобразования «потухающей» во всех смыслах державы в более мощную, самодостаточную, а самое главное правовую державу. На основе реформ, принятых Ф. Рузвельтом, построена полувековая практика применения законов и воплощения их реальность. Именно в его правильной и верной тактике построения политики того времени были закреплены основы действующего законодательства США.

Литература:

1. Андреева О.А. История государства и права зарубежных стран: Учебное пособие. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2011. – 311с.
2. Космач, Г. А. Всемирная история Новейшего времени: 1918 – 1945 гг.: Учебное пособие / Г. А. Космач, В. С. Кошелев, М. А. Краснова; под ред. Г. А. Космача. — Минск: Нар.асвета, 2012. – 214 с.
3. Прудников, М. Н. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров / М. Н. Прудников. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2013. – 811 с.

УДК. 342.7

Майшева К.В.

студентка 3 курса бакалавриата

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО РОССИИ

Аннотация: В статье оценен эффект глобальных процессов и сближения национального права, а также обозначены проблемы имплементации международных стандартов в сфере прав человека в России.

Ключевые слова: глобализация, международные стандарты в области прав человека, права человека, защита прав человека, тенденции развития права, Европейский суд по правам человека, международный договор.

Abstract: The article evaluates the effect of global processes and convergence of national law. As well as the issues of the implementation of the international human rights standards in Russia are outlined.

Keywords: globalization, international human rights standards, human rights, human rights protection, the European Court of Human Rights, international treaty.

В современном мире рост межгосударственных связей и углубление процессов глобализации многих стран приводит к изменениям в праве, влекущим сокращение национального компонента [1, с. 163].

Сближение национального законодательства — целенаправленная деятельность по введению в действие правовых инструментов, обеспечивающих единое или единообразное регулирование разнообразных правоотношений, устраняющее различия в их разнонациональной правовой политике. Так сближение в обеих его формах (унификации и гармонизации) порождает к планомерное замещение норм национального законодательства.

Упрощение, унификация правил, к примеру, международной торговли, облегчает оборот товаров, то есть это целесообразно. Независимо от отрасли унификация права обоснована и эффективна, когда она обеспечивает общий

интерес для всех участвующих государств, она результативна. Если сталкиваются разнонаправленные интересы разных стран, то единые правила могут быть бесполезными [1, с. 164].

В качестве яркого примера можно привести Европейский Союз, высокий уровень интеграции привёл к появлению права ЕС (европейского права), оказывающего колоссальное влияние на национальное право стран-участниц. Итоговый результат продолжающихся процессов унификации права неоднозначен.

Обратимся к понятию международных стандартов в области прав человека. Доктрина определяет их как нормы современного международного права, которые предусматривают общедемократические требования и обязанностей по признанию и защите прав человека государствами путём воплощения своих законодательных системах, с учётом своего общественного строя и национального развития [2, с. 164]. Большую часть стандартов в области прав человека составляют права человека первого и второго поколения [3, с. 44].

Положения Всеобщей декларации прав человека [4] и других универсальных актов [5, 6] с течением времени государства стали учитывать в конституционном праве и законотворчестве, связанном с правами человека и их правовой защитой. Международные стандарты служат эталоном прав человека, к которому теперь стремятся государства.

Конституция РФ [7] может быть названа первым актом в отечественной практике, сформировавшимся под влиянием международных стандартов в области прав человека и закрепившим достаточно широкий их перечень [8, с. XV].

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [7], общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. Однако нормативно-правовой статус

Конституции и международных договоров прямо не закреплён ни в одном законодательном акте РФ [9, с. 62].

Статья 6 Федерального закона «О международных договорах РФ» [1010] закрепляет способы выражения согласия РФ на обязательность для нее международного договора. Примечательно разъяснение Пленума Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 5 Постановления от 31.10.1995 N 8 [11]: суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для РФ международным договором, решение о согласии на обязательность которого для РФ было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. Таким образом, в ст. 15 Конституции РФ [7] понятие международный договор следует понимать как ратифицированный международный договор.

Обратимся к Европейской конвенции прав человека [5]. Она ратифицирована Россией. Контроль исполнения и толкование положений этого международного договора осуществляет Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Его статус как суда в общеправовом смысле часто подвергается сомнению.

Статус решений ЕСПЧ по конкретным делам оценивается так же неоднозначно. Относительно обязательности решений Конституционный суд РФ выразил следующую позицию [12]: участие РФ обусловлено задачей надлежащей реализации фундаментального положения о правах и свободах человека как высшей ценности в демократическом правовом государстве, гармонизация российского права с конвенционным, толкование и применение которого осуществляются ЕСПЧ в процессе рассмотрения конкретных дел, допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с Конституцией РФ.

На примере права на неприкосновенность частной жизни сравним международные стандарты и положения российских нормативных актов. Это право закреплено в ст. ст. 23, 24, 25 Конституции РФ [7], ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека [4].

Конституция РФ [7] разделяет неприкосновенность частной жизни на несколько различных прав, природа которых схожа, а содержание отличается и зависит от сферы. В ст. 8 Конвенции [75] они объединены и считаются элементами одного и того же права.

Частная жизнь обычно трактуется как сфера, имеющая непосредственное отношение к человеку, которая раскрывается в двух аспектах: личный мир человека и его взаимодействие с окружающим миром. Согласно практике ЕСПЧ частной жизнью охватывается: физическая и психологическая целостность отдельного лица, личность индивидуума и его имя; право на развитие личности, а также право на установление и развитие отношений с другими людьми и внешним миром; право на конфиденциальное общение; личные отношения фидуциарного характера.

Право на неприкосновенность частной жизни известно всем правовым порядкам, но отличается формулировками и их трактовке. Несмотря на некоторые различия в изложении норм, Конституционный Суд РФ, формулируя правовую позицию, периодически ссылается на решения ЕСПЧ по конкретным делам, содержащие толкование прав человека. Следование международным стандартам в сфере прав человека необходимо для гарантии прав человека во всём мире. Однозначное толкование обеспечит их равенство и защиту прав и свобод человека.

Международная интеграция оказывает положительное воздействие, позволяя реагировать на вызовы современности: смягчать негативные последствия глобализации, создавать безопасное пространство [13, с. 45].

Литература:

1. Вознесенская Н. Н. Юридические лица в международном частном праве России и ЕС // Правоведение. 2009. N 3. С. 163-186.
2. Курс международного права в 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права. / гл. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1989. 240 с.
3. Бахин С.В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. N 2. С. 43-48.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Рим 04.11.1950).
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).
7. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
8. Картишкин В.А., Лукашева Е.А. Вступительная статья // Международные акты о правах человека : сборник документов. М., 1999. 784 с.
9. Иваненко В.С. Международные договоры и Конституция России в российской правовой системе: проблемные вопросы правового статуса и взаимодействия // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. N 6. С.54-72.
10. Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации».
11. Постановление Пленума Верховного Суда от 31.10.1995 N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П.

13. Садовникова Г. Д. Международные стандарты прав человека: проблемы реализации в новых субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 11 (60), ноябрь. С. 42-53.

УДК. 342.729

Холодов М.В.

Студент 2 курса

Крымский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры

**СВОБОДА СОБРАНИЙ: ПРАВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.**

Аннотация: В статье анализируются законодательные условия и ограничения проведения публичных мероприятий в РФ, США, Франции, Швеции, ФРГ и других государствах. В заключение подводится, что ни в одном государстве мира свобода публичных мероприятий не регламентируется только лишь положениями основного закона страны и ограничена специальными законами, нарушение которых предусматривает довольно суровые виды наказания вплоть до тюремного заключения.

Ключевые слова: Конституция РФ, мирные сборы, публичные мероприятия, ограничение права, зарубежные государства, ответственность.
Abstract In article legislative conditions and restrictions of holding public actions in the Russian Federation, the USA, France, Sweden, Germany and other states are analyzed. It is in conclusion brought that in one state of the world freedom of public actions isn't regulated only by provisions of the country constitution and it is limited to special laws which violation provides quite severe types of punishment up to imprisonment.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, peaceful collecting, public actions, right restriction, foreign states, responsibility.

Конституция Российской Федерации в статье 31 закрепила одно из немаловажных прав человека в условиях демократического государственного строя - право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования.

Положения данной статьи при буквальном толковании подразумевают полную свободу гражданина реализовывать вышеперечисленные формы публичных мероприятий, однако, Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ

«О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» существенно ограничивает это право обязательностью уведомления и главное - обязательностью согласования проведения публичных мероприятий с органом исполнительной власти или органом местного самоуправления. Пункт 5 статьи 5 данного Федерального закона регламентирует: «Организатор публичного мероприятия не вправе проводить его, если уведомление о проведении публичного мероприятия не было подано в срок либо если с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия».

Таким образом, можно заметить, что проведение собраний в России происходит при условии не только уведомления компетентных органов власти, но и согласования с ними. Данный факт говорит о том, что по сути государство может заблокировать проведение того или иного публичного мероприятия, указав место для проведения, несоответствующее его целям и смыслу.

Именно поэтому данная процедура согласования порождает многочисленные проблемы, и существует мнение, что это ограничивает демократическое право граждан собираться мирно, однако, по-нашему мнению,

государство в целях общественной безопасности совершенно целесообразно определило условия реализации такой формы народовластия. К тому же законодательство европейских стран, США, Японии и других государств также устанавливает схожий порядок проведения публичных акций.

Например, в США помимо согласия муниципалитета организаторам мероприятия предварительно необходимо получить разрешение от пожарной и транспортной служб, а также полиции. При этом за муниципальными властями остается право «приостановить» использование городской территории, если, по их мнению, она необходима для нормального продвижения транспорта или для других общественных нужд. В случае отсутствия разрешения или нарушения одного из его положений местные власти вправе пресечь мероприятие, вплоть до использования в этих целях спецсредств, и задержать его участников. Данное право местных властей основывается на многочисленных судебных прецедентах. основополагающим является решение Верховного суда 1965 года по делу «Кокс против Луизианы», в котором указано, что при желании открыто высказать свои идеи и взгляды граждане не могут использовать любое место или любое время.

В ФРГ любое массовое мероприятие, собрание или демонстрация в обязательном порядке должны быть санкционированы властями. Практически в каждом крупном городе ФРГ запрещено проведение уличных выступлений в кварталах, где размещаются высшие земельные и городские органы власти. Сами же власти наделены правом запрещать дальнейшее проведение демонстрации, если, по их мнению, в ходе ее создается угроза причинения ущерба, как людям, так и материальным ценностям. Соответственно, действующее законодательство предоставляет полиции широкие права при разгоне демонстраций: она имеет право применять силу и меры физического воздействия: резиновые дубинки, слезоточивый газ, водометы, а при необходимости, по усмотрению самих полицейских, и огнестрельное оружие.

Во Франции действуют специальные нормативные акты, отличающие «демонстрации» от «сборищ». Под последними подразумевается любое скопление людей в каком-либо общественно месте, способное нарушить общественный порядок. При этом «сборище» может быть рассеяно публичными силовыми ведомствами после двух требований разойтись, оставшихся без результата.

Необходимо также сравнить институт ответственности за проведение незаконных акций в России и иных странах.

В РФ за нарушения порядка проведения собрания, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований, и порядка участия в них наступает административная ответственность, предусмотренная Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 5.38, 20.2). Среди мер наказания можно выделить: административный штраф (для граждан в размере до 300 тысяч рублей), административный арест и обязательные работы.

Необходимо отметить, что законодатель идет по пути ужесточения ответственности за нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях. Внесенными изменениями в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в 2012 году виды административных наказаний дополнены новым наказанием в виде обязательных работ, размеры штрафов были увеличены для всех категорий лиц, статья 20.2 установила 7 составов правонарушений в данной сфере.

Уголовной ответственности за нарушение законодательства о собраниях в России не предусмотрено.

Спектр наказаний для организаторов и участников незаконных акций в странах Европы достаточно широк, но вместе с тем отличается суровостью.

В Италии, лица отказывающиеся подчиниться приказу полиции о прекращении демонстрации, подвергаются наказанию в виде лишения свободы на срок от 1 месяца до 1 года и обязаны заплатить крупный штраф.

В ФРГ согласно уголовному законодательству лицо, виновное в «нарушении мира в регионе», карается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом. Поправками 1987 года предусмотрено уголовное наказание за маскировку лица - лишение свободы на срок до 1 года.

Таким образом, считаем, что западное законодательство отличается более конкретным и более жестким (по сравнению с российским) набором требований к порядку проведения демонстраций и шествий. Во-первых, более длительный срок рассмотрения заявок в крупных городах (США), право запрещать любые демонстрации по усмотрению местных властей (Франция) и другие.

То же самое касается ответственности граждан различных стран за злоупотребление правом на свободу собраний, включающую, к примеру, лишение свободы. При этом законодательство некоторых государств проводит различия между видами публичных мероприятий – от «мирных шествий» до «сборищ», «незаконных собраний» и «публичных беспорядков». Такая классификация позволяет оперативно выбирать на месте, без длинной цепочки согласований методику действий органов правопорядка.

Некоторый зарубежный опыт был уже использован Россией, например, установление запрета для участников акций на маскировку, но еще многое можно позаимствовать. В частности, считаем целесообразным разграничить в законодательстве РФ понятия «мирные собрания» и «публичные беспорядки», установив соответствующий состав правонарушения.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что ни в одном государстве мира свобода публичных мероприятий не регламентируется только лишь положениями основного закона страны и ограничена специальными законами, конкретизирующими условия реализации этих свобод. Причём злоупотребление этими свободами предусматривает довольно суровые виды наказания вплоть до тюремного заключения. Поэтому считаем неуместными любые сомнения в конституционности ограничений права на собрания в России. Данная мера

свободы должна заканчиваться там, где начинается свобода другого человека, его право на общественную безопасность, охраняемую государством!

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ (ред. от 07.06.2017) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».
3. Экспертный доклад «Обзор зарубежного законодательства, регулирующего проведение публичных собраний и шествий граждан» Национальная лаборатория внешней политики // (Москва, 2010).
4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.03.2018).

УДК 340.15

Коваль А. В.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

УПРАВЛЕНИЕ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО СВОДУ МОСРКИХ ТОРГОВЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ 1871 Г.

Аннотация: В публикации рассмотрены основные положения свода морских торговых постановлений 1871 г., относящиеся к правовому регулированию деятельности гаваней, портов, доков и молв. Указано, что государство в этих вопросах лишь осуществляло общий контроль за их

организацией и работой. Основное же регулирование производилось учредителями, собственниками таких торговых предприятий.

Ключевые слова: свод, морской торговый порт, правовое регулирование.

Abstract: Koval. A. The substantive provisions of vault of marine trade decisions 1871, related to the legal adjusting of activity of harbours, ports, docks and breakwaters, are considered in a publication. It is indicated that the state in these questions only carried out general control after their organization and work. The basic adjusting was produced by founders, owners of such trade enterprises.

Keywords: vault, marine trade port, legal adjusting.

Как справедливо отмечал Хамбрэ, «До самого новейшего времени не было принято в Англии ничего такого для торгового мореплавания, что бы можно было признать собственно за его кодекс или устав» [1, с. 5]. Все имеющиеся в Англии парламентские акты, относящиеся к коммерческим узаконения по морскому праву были собраны в один общий свод под названием «Marchent Sippibg Act» и изданы лишь в 1854 г. а последующий в 1871 г. [2].

Впрочем, Великобритания, с ее системой права, мало отличалась в этом вопросе от многих других государств Европы. Так, в частности, Шведский морской коммерческий устав был издан при Карле 11 12 июня 1667 г, а 23 февраля 1864 г. был заменен новым уставом [1, с. 8].

Норвежский морской торговый устав был издан 24 марта 1860 г. [3]. В 1861 г. был издан общий торговый устав для Германии, под названием «Allhemeines Deutsches Handelsgesetzbuch», в пятую часть которого вошли все узаконения по морской торговле [4]. А вот Итальянское уложение о торговом флоте было издано в 1877 г. [5–6].

В Своде морских торговых постановлений издания 1871 г. в Части X размещен «Устав о гаванях». Этот документ содержит в себе такие основные части: Особые акты о гаванях; Об отчетности; О чинах, служащих в

распоряжении портовых властей; Портовые правила; О магазинах, кранах и других приспособлениях; О ссудах портовым и охранительным властям; о портовых сигналах; О спасательных лодках; О фут-штовах и барометре; о повреждениях в гаванях; О Королевских таможнях; О местах для батарей, защищающих порт; Определение о том, кто должен считаться представителем портовой власти; Освобождение судов военного флота Ее Величества от подчинения действиям этого Устава. В приложении к Уставу о гаванях находим «О сигналах в портах».

Следует указать, что в особых актах о гаванях устанавливалось, что любая портовая власть, учрежденная или постановленная далее особым актом, должна подчиняться таким уложениям:

1) Она обязана в течение месяца со дня введения в силу относящаяся к ней особого повеления, один экземпляр этого повеления, напечатанный одним из привилегированных типографщиков королевы, передать на хранение в Англии или в Ирландии клерку мирового судьи, а если в Шотландии, то клерку областного суда того графства, в котором состояла та гавань или часть ее [2, с. 351].

2) Она обязана постоянно и в любое время после введения в силу этого повеления хранить один печатный экземпляр его в своей канцелярии или конторе и обязывалась позволять в любое время всякому желающему за плату 1 шиллинга прочитывать, просматривать его или делать из него выписки.

3) Если какой либо представитель портовой власти не выполнял которого либо из требований этой статьи, то он подлежал за каждое такое упущение уплате штрафа в размере не свыше 20 ф. стер., и по 5 ф. стер. добавочного штрафа за каждый день, в который продолжалось несоблюдение этих требований (ст. 676).

Постановление об отчуждении земель следовало вставлять во всех тех особых повелениях, которыми далее будет учреждаться какая либо портовая

власть и должно относиться ко всем сооружениям, которые должны быть купленными той портовой властью, и в таких случаях для применения к этому Уставу в Постановлении об отчуждении земель, выражения – «попечитель предприятия» и «особое Повеление», где они встретятся, следовало заменять выражениями «портовая власть» и «особое повеление, которым учреждена та портовая власть»; но уложения постановлений об отчуждении земель, касающиеся покупки земли или приобретения земли не по обоюдному условию, не должны были относиться к землям, которых в силу особого повеления не разрешалось портовым властям покупать или приобретать, без обоюдного согласия, и не давали портовой власти права отчуждать в свою пользу каких бы то ни было земель иначе, как покупкой по взаимному условию, если в том особом повелении не было разрешено приобрести те земли иным каким либо путем, кроме покупки по взаимному условию (ст. 677) [2, с. 352].

Подчиненная действию какого либо постановления, не отмененного в текущую сессию Парламента и находящегося в законной силе во время введения Устава, также как и уложениям Свода морских торговых постановлений (Устав о пошлинных сборах) изд. 1871 г. всякая портовая власть, учрежденная до или после введения этого положения, может время от времени по своему усмотрению повышать или уменьшать размер пошлин взимаемых ими, но в такой степени, чтобы взимаемые ими пошлины не превышали максимум пошлины, разрешенной им для взимания (ст. 579) [2, с. 353].

За исключением случаев и ограничений, предусмотренных законом, находящимся в действии при введении этого Устава и не отмененным в текущей сессии, всякая гавань с ее входами и прилежащим к ней рейдом должна быть открыта любому лицу, заплатившему установленную пошлину, для загрузки и выгрузки товаров и амбаркации и высадки пассажиров; и эти лица также как и пассажиры должны во всякое время пользоваться свободным входом в нее, выходом из нее и проходом чрез нее (ст. 580).

Всякой портовой власти позволялось принять вперед за год или иной сложный период пошлины, следующие в уплату от какого-нибудь лица за пассажиров или за их багаж, перевозимых на судне, принадлежащем тому лицу; но с тем условием, чтобы и всякое другое лицо при подобных же обстоятельствах могло бы пользоваться таким же правом уплаты зараз и на тех же точно основаниях (ст. 581).

Всем портовым властям позволялось выдавать прогуливающимся и другого рода пассажирам проходные билеты для пользования пристанью, молотом или другими сооружениями на таких условиях и на такой период, но не свыше 1 года, на какой было выговорено в условии, но с тем чтобы никакому лицу не отдавалось предпочтения перед другими.

Такой проходной билет не мог быть передаваем другому лицу, и никто кроме того лица, которому он был выдан, не имел права им пользоваться; а имеющие билет не могли им пользоваться по истечении срока, означенного в билете. Нарушители постановлений этой статьи или подделавшего фальшивый билет или попытавшегося воспользоваться фальшивым или поддельным билетом, подлежали уплате штрафа не свыше 20 шиллингов (ст. 582).

Никакие портовые власти, установленные или действующие в силу особого повеления, не имели права собирать пошлины до тех пор, покуда гавань не будет окончена до степени, указанной в том повелении [2, с. 354], или (если в нем не была означена степень готовности) совсем окончена постройкой и как в том, так и в другом случае до тех пор, пока не будут устроены все приспособления для принятия судов или для иных целей, для которых это сооружение предназначено.

Свидетельство, подписанное в Англии или Ирландии председателем трехмесячной сессии, а в Шотландии областным судьей, служило окончательным удостоверением в готовности сооружения; но как председатель,

так и областной судья обязаны были до подписания такого свидетельства лично удостовериться в степени готовности сооружения (ст. 583).

Всякая портовая власть была обязана предварительно до взимания пошлин вывесить и иметь в любое время выставленными на фасаде своей главной конторы и на каком-нибудь видном месте своей гавани доски с надписанною на них крупными буквами таксы собираемых ими повелений.

Портовая власть за несоблюдение требований этой статьи подлежала уплате штрафа не свыше 5 ф. стер. за каждый день, по время которого продолжалось несоблюдение закона (ст. 584).

Каждой портовой власти давалось право добавочными уложениями, издаваемыми в силу этого Устава, по временам производить все следующие дела или некоторые из них касающиеся собираемых ими или принадлежащих им пошлин и относительно сбора их в самой гавани, а именно:

1) уполномочивать сборщика пошлин одного или вместе с другими лицами входить на судно для проверки товаров, за которые должна быть уплачена пошлина;

2) требовать от шкиперов всех судов, входящих в гавань, чтобы они доносили о своем прибытии в порт в определенный срок (не более 24 часов);

3) требовать, чтобы шкипер каждого Английского судна предъявлял сборщику пошлин, по его востребованию, регистрационное свидетельство [2, с. 355];

4) требовать, чтобы шкипер каждого судна представлял копию с накладной или декларации о грузе, или какой-нибудь другой точный отчет о товарах, которые должны быть выгружены, с показанием имени лица, которому тот товар адресован или должен быть передан;

5) требовать, чтобы шкипер каждого судна сообщал сборщику, если этот потребует, извещение о сроке предполагаемой выгрузки;

6) требовать от погрузчиков точных отчетов о товарах, предназначенных к погрузке;

7) регулировать срок платежа пошлин за нагружаемые и выгружаемые товары (ст. 585).

Если судно, за которое рейсовые, гаванские и портовые пошлины уже были оплачены, но выход в море будет вынуждено в следствие полученных им повреждений, в следствие противного или свежего ветра, или по другой уважительной причине, возвратится в тот же порт с тем же грузом (если на нем был какой-нибудь), не вскрыв люков или товаров, то за такое судно не платились вторично портовые пошлины (ст. 586).

Если между сборщиком пошлин и шкипером или собственником товара возникал спор или недоразумение касательно веса, мерил или количества товаров, подлежащих уплате пошлин,

1) то сборщик мог велеть перевесить, перемерять или пересчитать тот товар, и для этой цели был вправе задержать судно;

2) если вес, мера или счет товаров всего груза по проверке оказывалась больше количества, показанного шкипером или владельцем, то все расходы на перевешивание или перемеривание следовало уплатить портовым властям;

3) если вес, мера и счет товаров не превышают количество, показанное шкипером или собственником товара, то расходы за перевешивание и перемеривание вместе с потерями, происшедшими от задержания судна, уплачивались портовой властью и взыскивались через суд низшей инстанции (ст. 587).

Сборщик или иной офицер Королевских таможен того округа, в котором находится какой либо порт, мог с согласия Главного таможенного управления отказаться принять прошение о впуске для очищения товара или выдать свидетельство о выпуске в море, или принять уведомление о входе или выходе судна, подлежащего уплате портовых пошлин до тех пор, пока шкипер того судна не предъявит свидетельства за подписью сборщика портовых пошлин о том, что все следуемые в уплату портовые пошлины как за само судно, так и за

товары, ввозимые или вывозимые на нем, уплачены, или если было какое-нибудь недоразумение относительно следующих в уплату пошлин, то до тех пор, пока не будет тому сборщику или таможенному офицеру выдан залог, обеспечивающий как уплату пошлин по разрешении недоразумений, так и покрытие всех издержек в случае решения не в пользу шкипера или судовладельца (ст. 588).

Если в порту, заведуемом портовой властью с целью приобретения выгод, Торговый Совет находил, что чистый годовой доход, разложенный на затраченный той портовой властью капитал последней средней трехлетней сложности, доходил до 10 или более процентов в год на затраченный капитал, то Торговый Совет мог по своему усмотрению потребовать, чтобы те портовые власти снизили размер собираемых ими пошлин в такой степени, как будет указано Торговым Советом.

Но если со временем выгоды и доходы снижались ниже размера десяти процентов в год, то портовые власти могли снова испросить у Торгового Совета увеличить собираемые ими пошлины [2, с. 357], однако настолько, чтобы те пошлины не превышали наибольшей разрешенной нормы пошлин и т. п. (ст. 589).

Что касается чинов, служащих в распоряжении портовых властей, то законом предусматривалось, что любая местная портовая власть имела право назначать и смещать начальников гавани (а также смотрителей доков и смотрителей пристаней или молов) и сборщиков пошлин, мерильщиков и весовщиков, смотрителей набережных и других необходимых чинов и служителей, и определять им вознаграждение; портовая власть могла также давать привилегии дрягилям и носильщикам для исключительной службы в границах того порта, пристани или набережной; и могла давать каждому из этих лиц такие права и обязанности, какие сама считала за необходимое (ст. 593).

В тоже время устанавливалось, что начальник гавани может руководить и распоряжаться в следующих пределах:

1) распределять, когда и в каком порядке каждое судно может входить в порт, выходит из него и где или в каком месте гавани оно должно стать; указывать место для ошвартовливания; размещать и переставлять суда по своему усмотрению;

2) указывать, где какое судно должно погрузить или выгрузить весь товар или его часть, где принимать или ссаживать пассажиров и где принимать или сгружать балласт в гавани;

3) требовать, чтобы всякое судно, входящее в гавань на столько разгружалось или убирало выдающийся рангоут, насколько это нужно для предупреждения помехи или повреждения других судов и самой гавани; и

4) определять количество балласта, которое каждое из судов должно иметь в трюме при выгрузке товаров или после выгрузки их (ст. 594).

Кроме того, если в порту было достаточное число привилегированных весовщиков и мерильщиков, назначенных в силу этого Устава, то шкипер всякого судна, также как и владелец товаров, погружаемых, выгружаемых или сдаваемых в порту, обязывался не использовать никого иного для перемеривания или перевешивания тех товаров, кроме мерильщиков или весовщиков, назначенных в силу этого Устава или же мерильщиков или весовщиков Королевской таможни (ст. 595) [2, с. 360] .

Отдельно устанавливалось, что тот, кто дает или предложит какие-нибудь деньги в виде вознаграждения или взятки начальнику гавани, сборщику пошлин или какому-нибудь другому лицу, служащему в гавани для получения не следующего ему преимущества при исполнении обязанности, или с целью убедить его пропустить что-нибудь незаконное или сделать что-нибудь противозаконное, касающееся обязанности, подлежит за каждую такую вину уплате штрафа в размере не свыше 20 ф. стер. (ст. 596).

Не была забыта и служба порядка. Уставом предусматривалось, что портовые власти имели право избирать двух лиц исполнять обязанность констеблей в гавани, но эти констебли должны быть одобрены и утверждены в должности двумя судьями. Всякий назначенный в констебли приводился к присяге судьей и затем пользовался теми же правами, привилегиями и покровительством закона во время исполнения обязанности в определенных ему границах, которыми пользовались по закону констебли вообще. Двое судей могли предписать увольнение любого такого констебля от должности (ст. 597).

Важным следует считать и то, что каждой портовой власти давалось право дополнительными уложениями, издаваемыми в силу этого Устава, делать такие распоряжения в пределах своего порта:

- 1) Относительно правильного и однообразного пользования гаванью.
- 2) Относительно определения срока и порядка впуска судов в гавань и разоружения или уборки парусов на входящих судах, способа и порядка установки судов на якорь или швартовы и относительно правил управления судами в гавани, и о съёмке с якорей или с швартовов для выхода из гавани.
- 3) Относительно утверждения за начальником гавани права требовать точного соблюдения и исполнения этих уложений, разрешая ему для этой цели (в случае несоблюдения их) переставлять и передвигать суда, швартовить и отдавать швартовы и концы и расклепывать канаты, которыми суда держатся (помещая предварительно на то судно достаточное число своих людей для управления судном, если на нем не было никого или достаточной силы для выполнения таких работ).
- 4) Относительно определения необходимой перестановки судов в гавани с целью очистки или приведения в порядок частей гавани.
- 5) Для определения сроков, мест, порядка и правил нагрузки, выгрузки и переноски в магазины, укладки и передачи товаров (с особенными правилами и

предосторожностями в обращении с опасными товарами), высадки с парома пассажиров и приема и сдачи балласта.

6) Относительно определения порядка пользования огнем, хранения и употребления пороха, легко воспламеняющихся и взрывчатых веществ и опасных товаров, заряженных ружей как на судах, так и в других местах гавани, и относительно права начальника гавани посещать в любое время суда для проверки, не имеется ли на них огней, запрещенных уложениями, и тушить их, где такие окажутся.

7) Относительно уполномочения начальника гавани некоторой властью и правами.

8) Относительно предупреждения помехи начальника гавани при исполнении им своей обязанности или при употреблении им данной ему власти.

9) Относительно указания каждому из чинов или лиц портового управления или занимающихся делами в гавани (кроме чинов таможни) их обязанностей и поведения.

10) Относительно указания обязанностей и должного поведения носильщиков и дрягилей, занимающихся в гавани и определения таксы за переноску ими кладей и багажа в гавань и из гавани; и наконец –

11) Относительно определения прав пользования кранами, весами, мерами и другими приспособлениями и машинами, принадлежащими портовым властям [2, с. 361–363].

Литература:

1. Приватное морское коммерческое право на основании существующего шведского законодательства. Сочинение Хамбрэ. 1870 года. Перевел Коллежский советник Головачов. – СПб.: типография Морского министерства, 1872. – 209 с.

2. Свод морских торговых постановлений издания 1871 г. Перевел с английского лейтенант Андрей Деливорн. – СПб., 1872. – 412.
3. Норвежский закон о мореплавании (Nersk Lov om Sjøfarten). 20 июля 1893 г. Под редакцией Члена Сопещения В. С. Садовского. – С.-Петербург, типография В. Киршбаума, 1902. – 149 с.
4. Германские законы о торговом мореплавании. Под редакцией В. С. Садовского. – СПб.: типография Т-ва «Народная польза», 1902. – 248 с.
5. Устав Торгового мореплавания итальянского королевства. – СПб.: Печатано в типографии морского министерства, в Главном Адмиралтействе, 1877. – 196 с.
6. Итальянские законы о торговом мореплавании. – С.-Петербург, типография В. Киршбаума, 1903. – 350 с.
7. Английский закон о торговом мореплавании 25 августа 1894 г. Под редакцией Члена-Делопроизводителя С. П. Веселаго. – СПб., Типография В. Киршбаума, 1903. – 439 с.

УДК 340:15

Любинецкий А. Н.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВЫМИ
МОРСКИМИ ПОРТАМИ ИТАЛИИ ПО УСТАВУ ТОРГОВОГО
МОРЕПЛАВАНИЯ 1865 Г.**

Аннотация: В публикации рассмотрены основные устава торгового мореплавания Итальянского королевства 1865 г., относящиеся к правовому регулированию деятельности портов. Указано, что итальянское государство

осуществляло общий и частный административный контроль за их организацией и работой. Портовые управления создавались и контролировались государством посредством морских отделов и округов, подчиненных морскому министерству.

Ключевые слова: устав, морской торговый порт, правовое регулирование.

Annotation: In a publication the basic are considered charter the maritime seagoings of the Italian kingdom 1865, related to the legal adjusting of activity of ports. It is indicated that the Italian state carried out general and private administrative control after their organization and work. Port managements were created and controlled by the state by means of marine departments and districts, inferiors to the marine ministry.

Keywords: charter, marine trade port, legal adjusting.

Правовое регулирование деятельности торгового мореплавания в Италии имело древнюю традицию, однако в новейшее время, в силу политической и территориальной раздробленности длительное время находилось в упадке.

Как известно, Устав торгового мореплавания Итальянского королевства обнародован 25 июня 1865 г. и получил обязательную силу с 1 января следующего года, одновременно с новыми гражданскими и торговыми уложениями незадолго перед тем объединенной Италии.

В его части 1, «Постановления административные», размещался раздел 1 «Об административном заведывании торговым мореплаванием», первая глава которого была посвящена административной подведомственности торгового мореплавания. В ней устанавливалось, что управление торговым мореплаванием состоит в ведении специального морского министерства. Кроме того, в управление торговым мореплаванием входило в заведывание портами и морскими берегами.

Правила же для судоходства и полиции на озерах, реках и каналах королевства устанавливались особым законом (ст. 1) [1, с. 1].

Морские берега королевства разделялись на морские отделы, которые, в свою очередь, подразделялись на округа. Число морских отделов и округов, их границы и главные города определялись в специальной таблице, размещенной в приложении к Уставу (ст. 2).

Для заведывания торговым мореплаванием в отношении техническом и административном создавалось особое ведомство, под названием Портового управления, состоящее: из капитанов порта; портовых чиновников, причисленных к порту (ст. 3).

В каждом главном городе морского отдела определялся капитан порта.

В каждом главном городе морского округа, кроме того, который составлял главные порт морского отдела, размещался портовый чиновник.

В каждой из остальных значительных по движению судоходства пристаней размещался портовый чиновник, подчиненный окружному портовому чиновнику (ст. 3).

В тех приморских пристанях, в которых не было морского начальства, заведыванием торговым мореплаванием могло быть поручено таможенным чиновникам, в качестве агентов портового управления [1, с. 2], с ежегодным вознаграждением не свыше 200 лир каждому (ст. 5).

Причисленные к порту и все высшие чиновники морской торговой администрации определялись королем, по представлению морского министра. А вот назначение их на различные должности зависело от морского министра (ст. 6).

Должностные лица по управлению торговым мореплаванием имели название портовых должностных лиц; в распоряжение их назначалась портовая прислуга, портовые стражники и матросы, на основании регламента (ст. 7).

Согласно уставу, стражники и матросы, служащие в порту, находились на обязательной службе, срок которой равнялся сроку, специально установленному для действительной службы во флоте. Способ и условия найма на эту службу устанавливались регламентом, который также определял дисциплинарные правила для упомянутых лиц (ст. 8).

Заведывание торговым мореплаванием за границей, по установившейся мировой практике, вверялось королевским консулам и консульским агентам [1, с. 3].

Глава 2 этого раздела посвящалась личному составу портового управления. В ней устанавливалось, что на обязанность капитана порта возлагались исполнительная часть морской торговой администрации; заведывание портами, бухтами, рейдами, берегами, пристанями, молами и прибрежными пунктами, расположенными в пределах подведомственных им отделов, также как и каналами, составляющими часть этих отделов.

Портовые чиновники в своих округах несли все те административные обязанности, которые возлагались законом на капитанов порта (ст. 10).

Капитаны порта получили право исполнять нотариальные обязанности по совершению и засвидетельствованию тех актов, составление и удостоверение которых было предоставлено им этим уставом.

Акты, явленные у них, признавались актами публичными относительно гражданских и уголовных последствий [1, с. 4]. Это постановление распространялось также на портовых чиновников и причисленных к порту, когда они были поставлены во главе округов и исполняли обязанности капитанов порта (ст. 11).

Агенты портового управления (см. ст. 5) исполняли в своих участках обязанности, возложенные на них регламентами (ст. 12). Кроме того, на капитанах порта и портовых чиновниках возлагались судебно-полицейские обязанности, предоставленные этим уставом. При исполнении этих

обязанностей они имели право непосредственного призыва вооруженной силы (ст. 13).

Капитан порта в округе, в котором находился главный округ подведомственного ему морского отдела, и портовый чиновник в своем округе объявлялись обязательными посредниками по искам, не превышающим ценой 200 лир:

а) об убытках, причиненных одним судном другому столкновением, бросанием якорей или каким либо другим движением судна внутри порта, гавани или каналов участка;

б) о возмещении и вознаграждении, следующем за [1, с. 5] помощь, оказанную погибавшему или потерпевшему крушение судну;

в) о вознаграждении и сборах, следующих практическим лоцманам, хозяевам буксирных судов, лодочникам и хозяевам балластных судов в порту; также о фрахте или о плате за наем понтонов для килевания судов, мостов и всякого рода приспособлений для килевания, конопачения, починки, вооружения и разоружения судов (ст. 14).

Во всех этих исках капитаны судов и портовые чиновники, без обрядностей судопроизводства, по выслушивании сторон и даже в отсутствие той из них, которая не явится, делали постановление о надлежащем по делу взыскании.

О каждом деле они составляли протокол, после которого излагалось надлежащее решение, служащее исполнительным по делу документом. Против этого решения не допускались ни возражение, ни апелляция (ст. 15).

В исках же ценой свыше 200 лир, капитаны и чиновники порта должны были стараться склонять стороны к полюбовному соглашению. В тех случаях, когда нельзя было привести стороны к соглашению, они составляли об этом протокол и предавали его в надлежащий суд, с приложением к нему

исследования, которое они признали нужным произвести для выяснения обстоятельств дела, а также своего мнения (ст. 16) [1, с. 6].

Раздел 3 Устава был посвящен заведованию портами и берегами, а его глава 1, соответственно, морскому побережью и берегам. Устанавливалось, что постоянное использование и занятие морского побережья, портов, бухт и вообще морских берегов как и всякой другой принадлежности общественного имущества, должны быть разрешены законом. Эти места подчинялись администрации во всем, что относилось к пользе, нуждам и к полиции морского промысла.

Во всем, что относилось к военной защите границ королевства, к земельной собственности, таможенной линии и к управлению общественными работами, эти места подчинялись, по принадлежности, тем административным управлениям, в ведении которых были эти вопросы (ст. 157).

Временное занятие местностей, упомянутых в предыдущей статье, которое на влечет за собой производство постоянных в них работ, могло быть дозволено для предприятий, существенно полезных мореплаванию, морским промыслам и торговле [2, с. 71]. Однако, такое разрешение могло быть в любое время отменено силой королевского декрета (ст. 158).

Что касается административной полиции и благочиния в портах (гл. 2), то устанавливалось, что капитаны порта и портовые чиновники в подведомственных им местах должны иметь попечение о судоходстве и наблюдение за порядком и благочинием как в этих местах, так и на стоящих в них судах. Обязанности же этих властей по отношению к коммерческим докам определялись особыми соглашениями (ст. 163).

Набережные, пристани, молы, в которых начиналась или имела свои разветвления какая либо железная дорога, подчинялись ведению портового начальства и подлежали надзору администрации путей сообщения лишь относительно того, что касалось движения по железной дороге (ст. 164).

В тех портах, где муниципальным управлением, торговой палатой или другими учреждениями были поставлены на набережных, пристанях или молах подъемные машины [1, с. 73], краны или какие либо иные механизмы для нагрузки и выгрузки товаров, порядок пользования ими определялся с согласия портового начальства, на которое возлагался также полицейский надзор как за этими машинами, так и за людьми, назначенными для приведения их в действие (ст. 165).

Все лица, причастные к судоходству, балластовщики, переводчики и торговцы съестными припасами, в то время, как они работали в портах, на берегу, в бухтах и каналах, подчинялись местной морской власти и обязаны были соблюдать постановления относящихся к ним регламентов (ст. 166).

Правила о всем, что касалось постановки судов на якорь или на швартовах у пристаней [1, с. 74], нагрузки разгрузки балласта, использования огня на судах, и вообще правила благочиния и административного надзора за стоянкой определялись регламентом (ст. 169).

В случае крайней необходимости или неисполнения сделанных на этот счет приказаний, портовое начальство имело право распорядится о постановке собственной властью на якорь или снятия с якоря судов, об усилении их якорного крепления и о производстве других подобных действий за счет этих судов (ст. 170).

Кроме того, никакое судно не могло поднять якоря для отхода от порта или прибрежного места, в котором оно стояло, не получив от морского начальства отпускного билета.

Этот билет выдавался не иначе, как по удостоверении в платеже судном наложенных на него денежных взысканий за нарушения постановлений этого устава, а также сборов, следующих в казну, и в соблюдении им всех полицейских формальностей и предписаний (ст. 173) [1, с. 76].

Кроме того, на портовое начальство возлагалось наблюдение за тем, чтобы не делалось повреждений пристаням, молам, набережным, плотинам, маякам, кабанам, буям и вообще мертвым якорям или другим сооружениям, принадлежащим государству.

В случае какого либо повреждения по вине капитанов, патронов или других лиц, морское начальство удостоверяло такое посредством заведывания и принимало меры к возмещению убытков.

Возражения против постановлений об этом морского начальства не останавливали уплаты, причем сохранялось право искать возвращения уплаченного в подлежащем суде (ст. 177).

Также запрещалось складывать товары или другие предметы на молах, пристанях, набережных или других местах, в портах и рейдах, без дозволения морского начальства и без взноса установленных сборов (ст. 178) (с. 78). Запрещалось производить и рыбную ловлю внутри портов, бухт и каналов, без разрешения портового начальства (ст. 180).

Что касается судебной полиции портах и на рейдах, то судебно-полицейские обязанности по общим преступлениям в тех портах, где были общеполицейские установления, возлагались на них. В местах, где не было этих установлений, портовое начальство принимало необходимые предварительные меры, извещая о них немедленно судебную власть. То же касалось и беспорядков на иностранных судах, стоящих на рейде или в каналах (ст. 184) [1, с. 79].

Обходы агентов портового начальства имели право, как днем так и ночью, производить осмотры судна или другого плавучего средства, сараев, барачков и других огороженных мест, находящихся в портах или на берегу.

Никто не вправе был отказать им в сообщении, по их требованию, своего имени, прозвища или каких либо других указаний. Они также имели право арестовывать лиц, задерживаемых ими при совершении преступления.

Сопротивление обходам агентов портового начальства и оскорбление их считались действиями, совершенными против агентов правительственной власти (ст. 185) [1, с. 80].

Отдельная глава была посвящена баркам и другим плавучим средствам, предназначенных для употребления в портах [1, с. 81–82].

И, наконец, Раздел 4 Устава был посвящен дисциплинарной власти. В нем указывалось, что дисциплинарная власть принадлежит:

1) капитанам порта и портовым чиновникам:

а) над всеми лицами, вписанными в реестры моряков, со дня внесения их в экипажный список какого либо судна со дня, в который они будут включены в него;

б) над прибрежными рыбаками, вписанными в соответствующий реестр морского отдела или округа;

в) над лицами, состоящими в портах для портовых работ;

г) над лодочниками в портах или на берегу;

д) над практическими лоцманами и над лицами, указанными в ст. 166 (ст. 451) [1, с. 185].

Данный нормативный акт был лишь первой пробой законодателя упорядочить на всей территории Италии деятельность торгового мореплавания вообще и торговых портов в частности. В дальнейшем итальянское законодательство в этой области активно развивалось, так был издан специальный закон в 1877 г, измененный затем в 1886 г. Внесло определенные изменения в эту отрасль права и итальянское уголовное уложение 1889 г. [2, с. 1]. Очевидно, следует также указать, что и в остальной Европе также происходил бурный процесс создания и совершенствования специальных консолидированных нормативных актов, призванных урегулировать национальное морское право [3–7].

Литература:

1. Устав торгового мореплавания итальянского королевства с указанием соответствующих постановлений русского законодательства. – СПб., печатано в типографии морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1877.– 196 с.
2. Итальянские законы о торговом мореплавании. – СПб., 1903. – 350 с.
3. Приватное морское коммерческое право на основании существующего шведского законодательства. Сочинение Хамбрэ. 1870 года. Перевел Коллежский советник Головачов. – СПб.: типография Морского министерства, 1872. – 209 с.
4. Свод морских торговых постановлений издания 1871 г. Перевел с английского лейтенант Андрей Деливорн. – СПб., 1872. – 412.
5. Норвежский закон о мореплавании (Nersk Lov om SjÖfarten). 20 июля 1893 г. Под редакцией Члена Совещания В. С. Садовского. – С.-Петербург, типография В. Киршбаума, 1902. – 149 с.
6. Германские законы о торговом мореплавании. Под редакцией В. С. Садовского. – СПб.: типография Т-ва «Народная польза», 1902. – 248 с.
7. Английский закон о торговом мореплавании 25 августа 1894 г. Под редакцией Члена-Делопроизводителя С. П. Веселаго. – СПб., Типография В. Киршбаума, 1903. – 439 с.

УДК 342.726

Умерова В.Э.

студентка 3 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В САУДОВСКОЙ АРАВИИ**

Аннотация: в работе анализируются проблемные вопросы реализации прав человека в Саудовской Аравии. Уделяется внимание некоторым современным актуальным проблемам, связанным с нарушением основных прав граждан в религиозном государстве.

Ключевые слова: религия, права человека, защита, идеология, правоотношение.

Abstract: The paper analyzes the problematic issues of the realization of human rights in Saudi Arabia. Attention is paid to some of the current topical problems related to the violation of the basic rights of citizens in a religious state.

Keywords: religion, human rights, protection, ideology, legal relationship.

Вопрос соотношения прав человека и религии является весьма сложным, при этом имеет огромное значение. Общеизвестным является тот факт, что религия выполняет не только лишь мировоззренческо-регулятивную функцию, объясняя закономерности природы, общества, человека и мира в целом, однако является и коммуникативно-интеграционным обстоятельством, консолидируя людей по их мировоззрению, идеологическим и ментальным ценностям, неким эталонам, началам нравственности и этики.

Вместе с тем, религия контролирует действия и поступки человека, поддерживает национальный настрой и идеи, накладывает некий след на культуру конкретного народа, выражая тем самым его отношение к тому или иному типу цивилизации. Относительно института прав человека – явление преимущественно XX в., однако усилия по защите отдельных прав человека предпринимались давно.

К сожалению, до XX в. отсутствовало международное право прав человека как отрасль общего международного права. Именно в XX в. получили

правовое оформление международных документы о правах человека, в том числе Всеобщая декларация прав человека 1948 г., два международных пакта 1966 г.: о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Данные документы содержали в себе не только основные принципы, регламентирующие обеспечение прав человека, но процессы уважения человеческой личности и верховенства права. В них также отражены обязанности государств и их властных структур создавать условия для поддержания этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств, установлен запрет на любые формы дискриминации по религиозным, идеологическим, политическим и иным мотивам. Вместе с тем реализация демократического по своей природе и сущности института прав человека встречается в современном мире многочисленные проблемы и, прежде всего, по религиозному признаку. Иными словами, успехи осуществления прав человека во многом зависят от типа государственно-конфессиональных отношений, сложившихся в той или иной стране.

Во многих мусульманских государствах ислам объявлен государственной религией. Это обуславливает их существенные особенности. Например, общепризнанные принципы и нормы международного права соотносятся с Кораном, достоинство и свобода людей тоже не должны противоречить нормам ислама. Отношение исламских государств к международным документам по правам человека неоднозначно. Но в интересах интеграции в мировое сообщество, исламские организации создали собственные документы для мусульманского мира и проповедуют идею о том, что понятие прав человека заложено в Коране.

Всеобщая исламская декларация прав человека была принята Международным исламским Советом в 1981 г. В настоящее время действует

новая Исламская Декларация прав человека 2006 г., целиком основанная на положениях Корана. Вместе с тем в Декларации провозглашены демократические права и свободы, например, право на жизнь, свободу, равенство, установлен запрет на дискриминацию по признакам расы, пола, происхождения и языка.

Среди демократических прав и свобод названы право на правосудие, на защиту от пыток, защиту чести и репутации, право на убежище, на защиту собственности, право на социальное обеспечение, на образование, свободу передвижения и место жительства. Что касается свободы религии, то в Декларации закреплено право каждого человека на свободу совести и поклонения в соответствии с его религиозным верованием. Однако подчеркивается, что выбор религии должен согласовываться с исламскими законами.

В литературе отмечается, что «идеологией ислама считается неприемлемой для мусульман западная цивилизация, которая не позволяет выполнять в полном объеме религиозные предписания Корана».

Одновременно делается вывод о том, что мусульманские государства занимают двойственную позицию относительно прав человека: соглашаясь с международными демократическими принципами в этой сфере, они в то же время трактуют их в духе ислама и идей влиятельных исламских религиозных деятелей. Например, о том, что конечная цель ислама – «всемирное государство, в котором не будет расовых и национальных предрассудков и все человечество объединится в систему с равными для всех правами. Но основано это государство будет на религиозных принципах Корана» [2, с. 81].

Особенно неблагоприятным в плане соблюдения и реализации прав человека считается Королевство Саудовская Аравия, где, согласно принятой в 1992 г. Конституции [3, с. 494], ислам является государственной религией. При этом не допускается распространение какой-либо другой религии или атеизма.

Государство обязано защищать исламскую веру и права человека в соответствии с шариатом. Власти разрешают въезд в страну людям другого вероисповедания, но служить своему культу запрещено. В Саудовской Аравии действует религиозная полиция, которая патрулирует улицы и общественные заведения с целью пресечения попыток нарушения норм ислама.

Неоднократные обещания, которые давала Саудовская Аравия Организации объединенных наций (далее – ООН) в отношении изменения ситуации с правами человека в стране не принесла никаких положительных результатов. Власти в Саудовской Аравии не сумели выполнить ни одну из общих рекомендаций, полученных по итогам последнего периодического обзора положения в стране, выполненного Советом ООН по правам человека.

«Четыре года назад саудовские дипломаты прибыли в Женеву и приняли целый ряд рекомендаций, необходимых для улучшения ситуации с правами человека в стране. С тех пор власти страны не только ничего не предприняли, напротив они ужесточили репрессии», заявил Филипп Лютер. «У международного сообщества есть долг перед всеми мирными активистами Саудовской Аравии, которых с тех пор незаконно арестовали, пытали и бросили в тюрьму. Международное сообщество обязано призвать власти страны к ответственности» [4, с. 54].

Пытки и другие формы жестокого обращения во время содержания под стражей широко и безнаказанно применяются в Саудовской Аравии. Наиболее распространённые методы пыток и жестокого обращения включают в себя: избиение руками и палками, подвешивание к потолку или дверям тюремной камеры за лодыжки или запястья, пытки электрическим разрядом, длительное лишение сна и помещение в холодную камеру.

Безоговорочное доверие судов к «признательным показаниям», которые зачастую выбиты под пытками либо получены под давлением или обманным путём, только укрепляют такое положение дел.

Многие из подобных нарушений прав человека по отношению к правозащитникам, демонстрантам, мусульманам-шиитам, мужчинам и женщинам совершались под предлогом обеспечения безопасности или контртеррористических мер.

В докладе Amnesty International [1, с. 21] зафиксированы и другие нарушения прав человека властями Саудовской Аравии:

- Систематическая дискриминация женщин, де-юре и де-факто: женщинам требуется разрешение от мужчины-опекуна, чтобы выйти замуж, отправиться в поездку, получить высшее образование, а также на определённые виды хирургического вмешательства. Женщинам до сих пор не разрешено водить машину.

- Нарушение прав рабочих мигрантов: одна из самых уязвимых групп населения в стране не защищена трудовым законодательством и беззащитна перед эксплуатацией и произволом со стороны частных или государственных нанимателей.

- Дискриминация меньшинств: мусульмане-шииты в восточной провинции часто становятся жертвами незаконных арестов и взятия под стражу на основании подозрений в участии или поддержке демонстраций, либо критики в адрес государства.

- Смертные приговоры, принимаемые с помощью упрощённого судопроизводства и «признательные показания», полученные под пытками: Саудовская Аравия входит в первую пятёрку стран мира по количеству смертных казней. Смертная казнь является наказанием за широкий спектр преступлений, которые не повлекли чьей-либо смерти, таких как измена, вооружённый грабёж, вероотступничество, контрабанда наркотиков, похищение, изнасилование, «чёрная магия» и «колдовство».

- Пытки и другие виды жестокого обращения: в Саудовской Аравии широко распространены телесные наказания, включая порку и ампутацию. В

некоторых случаях за воровство приговаривают к отсечению правой руки, а за грабёж на большой дороге – к «перекрестному отсечению» (ампутации правой руки и левой ноги). Порка является обязательным наказанием за многие виды правонарушений и приговорить могут как к дюжине, так и десяткам тысяч ударов.

Литература:

1. Ат-Турки, Абдаллах ибн Абдель Мухсен. Ислам и права человека на примере Королевства Саудовская Аравия. Эр-Рияд, 1997. – С.21.
2. Володина Н. В. Отношения государства и религиозных объединений: опыт правового регулирования. С.-Пб.: Изд-во Юридического института, 2010. – С.81.
3. Конституции государств Азии: в 3 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 1. М.: Норма, 2010. С. 492-500.
4. Косач Г. Г. Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ». М., 2007. – С.54.

УДК 341:347

Хлыстова П. Н.

Студентка магистратуры факультета права

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МЕСТО ДОКТРИНЫ ЭСТОППЕЛЬ В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена основным вопросам, связанным с применением принципа эстоппель в рамках зарубежного и отечественного

законодательства в качестве нового механизма защиты от злоупотребления правом.

Ключевые слова: эстоппель, добросовестность, злоупотребление правом.

Abstract: The article is devoted to the main issues related to the application of the estoppel principle in the frames of foreign and domestic legislation as a new protection mechanism against abuse of law.

Keywords: estoppel, good faith, abuse of law.

На современном этапе принцип добросовестности является одним из основополагающих начал частного и публичного права. Этот принцип широко применялся ещё в римском праве. Римские преторы – должностные лица, которые были наделены властью разрешать споры, не укладывающиеся в рамки архаичного гражданского права, руководствуясь принципом «доброй совести» [1, с.13]. Сейчас этот принцип нормативно закреплён и красной нитью пронизывает гражданское законодательство. Одним из проявлений принципа добросовестности является эстоппель.

Эстоппель общепризнан как принцип международного права, куда исторически пришёл из английского общего права, где он применяется к частноправовым отношениям. Со временем данный принцип нашёл обширную сферу применения во всем мире, в том числе в международном публичном праве, но долгое время оставался за рамками российской правоприменительной практики. Вместе с тем потребность в признании и нормативном закреплении идеи, лежащей в основе данного принципа, была очевидна по мнению представителей научного юридического сообщества [2, с.81].

Согласно Словарю международного права эстоппель – это «международно-правовая норма, означающая утрату государством права ссылаться на основания прекращения, приостановления или

недействительности международных договоров. Государство утрачивает право ссылаться на эти основания, если оно, после того как ему стало известно о фактах, на которые оно ссылается, определенно согласилось или должно считаться молчаливо согласившимся (в силу своего поведения) с тем, что договор в зависимости от случая действителен, сохраняет силу или остается в действии» [3, с. 390].

В ряде развитых правовых систем уже длительное время активно применяется доктрина, согласно которой сторона лишается права в дальнейшем отрицать то, что она ранее признала и с чем ранее согласилось. Хотя идея правовой доктрины едина, но в разных странах она имела различные названия: в Германии это «доктрина утраты права», в Италии – концепция «защиты легальных ожиданий» [4, с.70]. В Бельгии, где действует правило о запрете противоречивого поведения как вида злоупотребления правом, в силу принципа добросовестности запрещается осуществление своих прав по договору в противоречии с разумными ожиданиями контрагента по сделке. Исключением является Франция, так как там суды занимают консервативную позицию в отношении ограничения осуществления прав из договора из-за сделанных стороной сделки обещаний. Поскольку само устное заявление или поведение стороны зачастую не порождает во Франции юридических последствий.

Будучи самостоятельным правовым принципом, эстоппель нашел свое закрепление в статье 45 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и был отражен в Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. [5, 6].

Зачастую эстоппель применяется в случаях, когда имеются существенные расхождения между предшествующей и нынешней позицией государства к какому-либо вопросу. Например, в 1962 году Международный суд ООН в многолетнем споре о храме Преа Вихеар, участниками которого были

Камбоджа и Тайланд, сослался на принцип эстоппель, отклонив ссылку Таиланда на некорректность границ в районе храма, установленных на карте. Суд указал, что на протяжении 15 лет Тайланд не заявлял об этом и, более того, пользовался преимуществами, которые это ему давало [7, с.24].

Аналогичная логика прослеживается в решении Постоянной палаты международного правосудия от 1933 г. по спору о правовом статусе Восточной Гренландии между Данией и Норвегией. Позиция суда основывается на том факте, что так как Норвегия подтвердила, что она признает всю Гренландию принадлежащей Дании, то подобным заявлением она окончательно лишила себя права оспаривать датский суверенитет в отношении всей Гренландии. По сути в данном случае судьи применили принцип эстоппель при разрешении спора, хотя прямо об этом в вынесенном решении и не упоминается. [8]

Таким образом, можно проследить цели, достижению которых служит эстоппель: стимулирование последовательного и добросовестного поведения в правоотношениях. Учитывая большое многообразие правовых ситуаций, допускающих в себе наличие конструкции эстоппель, практически любая отрасль права не исключает возможности применения данного принципа.

В ГК РФ принцип эстоппель прямого выражения не находит и может быть выведен лишь посредством толкования принципа добросовестности. В то же время реформа ГК РФ в свое время закрепила ряд новелл, объединенных идеей запрета противоречивого поведения, – п. 2ст. 431.1, п. 3 ст. 432 и п. 5 ст.

450.1. При этом актуальность принципа эстоппель этими нормами не исчерпывается, так как, будучи частным случаем принципа добросовестности, он имеет общее значение для всех гражданских правоотношений. Смысл выделения данного принципа состоит в том, что он помогает конкретизировать принцип добросовестности, зачастую критикуемый за свою абстрактность и отсутствие ясных критериев применения. Этот принцип предоставляет судам

широкую дискрецию, однако наличие определенных условий его применения устанавливает рамки для судебного усмотрения [9, с.147].

Условия применения эстоппеля судами можно представить в виде совокупности следующих требований: 1) выражение субъектом ясной и недвусмысленной позиции по вопросу факта или права; 2) другой субъект предпринял определенные позитивные действия или же воздержался от них, добросовестным образом пожившись на позицию субъекта, создавшего ситуацию эстоппель; 3) изменение первым субъектом своей первоначальной позиции; 4) наличие у второго субъекта реального ущерба в результате непоследовательного поведения первого субъекта [10, с.16].

В отечественной судебной практике встречаются примеры использования доктрины эстоппель не только в процессуальном, но и в материальном аспекте. Примером использования этого принципа в материальном аспекте является правовая позиция, согласно которой сторона не может ссылаться на незаключенность договора после его исполнения, так как своими действиями она уже подтвердила наличие собственной воли на его исполнение. Запрет предъявлять возражения по причине предшествующего поведения наиболее часто применяется в российских судах в процессуальном аспекте. К примеру, одно из дел пересматривалось в порядке апелляции и кассации, где изначально ответчик признавал свой процессуальный статус, однако потом заявил, что является ненадлежащим ответчиком. Верховный суд отметил, что в целях оценки статуса корпорации и ее поведения важно также учитывать, что довод об отсутствии статуса ответчика по настоящему требованию корпорация заявила только при новом рассмотрении дела, что свидетельствует о недобросовестном процессуальном поведении [11].

Однако не все попытки судей увидеть эстоппель можно назвать успешными. Примером выступает резонансное Постановление Президиума ВАС РФ № 13903/10 от 22.03.2011, в котором судьи решили, что невключение в текст

мирового соглашения условий о необходимости выполнения каких-либо дополнительных обязательств (уплате процентов) означает соглашение сторон о полном прекращении спора и влечет за собой потерю права сторон на выдвижение как новых требований, вытекающих как из основного обязательства, так и из дополнительных по отношению к основному обязательств [12]. Нельзя не согласиться с особым мнением судьи С.В. Сарбаша, который критически отнёсся к столь вольной интерпретации намерений сторон. С его точки зрения, обнаружение здесь волеизъявления кредитора на прощение долга в виде процентов вступает в противоречие с принципом осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе.

На современном этапе использование нашими судами

принципа эстоппель демонстрирует, что он имеет интернациональный характер и не содержит каких-то специфических элементов англосаксонского права, делающих невозможным его использование в правовом поле стран романо-германской правовой семьи. Однако мнения об источниках появления доктрины эстоппель в российском праве расходятся. Одни ученые придерживаются мнения о необходимости рецепции доктрины на примерах из английского права в нашу правовую систему [13, с.219]. В то же время по мнению других, российское право не пытается перенять доктрину, а лишь запрещает противоречивое поведение путем отсылки к общим положениям о добросовестности [14, с.111]. Какими бы ни были истоки зарождения этой доктрины в российском правовом порядке, со всей очевидностью проступает тот факт, что распространение доктрины эстоппель необходимо и способствует более эффективной борьбе со злоупотреблением правом. По мнению бывшего председателя ВАС РФ, ныне преподавателя факультета права НИУ ВШЭ А.А. Иванова, массовое злоупотребление процессуальными правами это одна из главных проблем, которая является социальным явлением, дестабилизирующим правосудие.

В заключение можно отметить, что применение в российской судебной практике принципа эстоппель еще находится на стадии формирования, но уже сейчас наблюдается влияние данного феномена на повышение юридической культуры правовых отношений. Использование судьями рассматриваемого института повлечет возрастание у субъектов гражданского оборота мотивации честного и добросовестного поведения, что крайне важно для утверждения доверительных взаимоотношений участников экономических отношений.

Литература:

1. Земскова П.Е. Принцип добросовестности и принцип справедливости как общие принципы права, признанные цивилизованными нациями // Юриспруденция. 2009. № 4 (16). С. 13-15.
2. Черных И.И. Эстоппель в гражданском судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика № 12, 2015, С. 81-88.
3. Авдеева Т.Г., Алешин В.В., Ашавский Б.М. и др. Словарь международного права /под ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб.и доп.– М.:Статут, 2014. – 495 с.
4. А. Н. Воднев. К вопросу о доктрине эстоппель в российском праве. // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2017. № 2. С. 70–80.
5. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 10.09.1986. № 37.
6. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права. 1996. С. 372-409.
7. Рачков И.В. Решения Международного суда по делу о храме Преа Вихеар // Международное правосудие. 2015. № 4. С. 24 - 34.

8. Permanent Court of International Justice.1933. Series A/B. № 53. С. 70.
9. Федоров Д.В. Принцип эстоппель в свете реформы общей части Обязательственного права // Образование и право. 2015. № 11–12.С. 146-151
10. Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. – М.: Статут.2014 – 149 с.
- 11.Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делу № 303-ЭС14-31 от 09.10.2014 // СПС «КонсультантПлюс».
- 12.Постановление Президиума ВАС РФ № 13903/10 от 22.03.2011 // СПС «КонсультантПлюс».
- 13.Коблов А.С. Правило эстоппель в российском праве: проблемы и перспективы развития // Закон. 2012. № 5. С. 212-219.
- 14.Лашков Н.С. Критический анализ возможности заимствования английских доктрин waiver и estoppel российским правом // Закон. 2016. № 7. С. 106-116.

УДК 349.6

Данько Т. Г.

студент 1 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В современном мире глобализация является всеобъемлющим процессом, оказывавшим влияние на все сферы общественной жизни. Это в

том числе касается и состояния окружающей среды, следовательно, и экологической политики стран.

Ключевые слова: глобализация, экологическая политика, Индия и Китай

In the modern world the globalization is an all-embracing process, which affects each sphere of the social life. It also includes the state of the environment, and consequently, the environmental policies of the countries.

Ключевые слова: the globalization, environmental policy, India and China

Одним из масштабных процессов, протекающих в нашей жизни, является глобализация. Глобализация - весьма многогранное,разностороннее и всеобъемлющее явление. Существуют различные трактовки данного понятия. Во взаимосвязи с целью данной работы, под глобализацией понимается качественно новая ступень начавшегося давно процесса интернационализации экономических, политических, культурных,правовых и других аспектов общественной жизни, когда взаимозависимость национальных обществ постепенно превращает мировое сообщество в целостный общественный организм. Данный процесс оказывает влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и экологическую. Загрязнение окружающей среды –одна из глобальных проблем современности, требующая незамедлительного коллективного участия стран в ее решении. Целью данной работы является рассмотреть влияние глобальной экологической политики на страны с критическим экологическим положением и анализ принятых правовых мер данных стран с целью улучшения экологической ситуации.

На данный момент две страны находятся в критическом экологическом положении - Китай и Индия. К сожалению, любое государство в той или иной степени ставит под угрозу состояние окружающей среды. Игнорирование экологических последствий промышленного развития связано с необходимостью развития мировой торговли, в связи с чем в политике ценообразования страны игнорируют экологические издержки. Низкая

стоимость услуг и труда делают рынки этих стран привлекательными для иностранных инвестиций. Данные страны получают сравнительные преимущества в экологически опасных видах деятельности[1, с.106]. Тем не менее, экологические последствия наносят глобальный урон экологии. Многие страны требуют от Индии с Китаем повышения экологических стандартов. Китай и Индия являются государствами-участниками ООН и принимают непосредственное участие в мировой экологической политике, в связи с чем регулирующее воздействие на правовую систему этих стран оказывают международные соглашения в сфере экологии. Необходимо обратить внимание на основные из них:

1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году. Данная декларация является опорой для многих других последующих конвенций, соглашений, протоколов и т.д. Главной целью данной декларации является усовершенствование положений декларации конференции ООН по окружающей среде. Рио-де-Жанейрская декларация состоит из 27 принципов корректного экологического поведения государств-участников Генеральной Ассамблеи [4].

2. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 года. Основополагающей целью данной конвенции является охрана окружающей среды и здоровья человека от органических загрязнителей. Теперь государства – участники обязуются ликвидировать производство и использование химических веществ, экспорт и импорт химических веществ, перечисленных в положениях данной конвенции, а также ограничить производство и использование других органических загрязнителей, менее опасных, перечисленных в положении конвенции и т.д.[5].

3. Картахенский протокол по биобезопасности к конвенции о биологическом разнообразии 2000 года. Цель настоящего Протокола

заключается в содействии обеспечению надлежащего уровня защиты в области безопасной передачи, обработки и использования живых измененных организмов, являющихся результатом применения современной биотехнологии и способных оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия, с учетом также рисков для здоровья человека и с уделением особого внимания трансграничному перемещению [6].

Это лишь некоторые соглашения, направленные на регулирование экологической ситуации в мире. Стоит обратить внимание, что Китай и Индия являются непосредственными участниками данных соглашений, а также Киотского протокола, Монреальского протокола и др. ООН и государства-участники наблюдают за тем, как Китай и Индия исполняют условия конвенций, а также занимаются реабилитацией экополитики внутри своих стран. Необходимо отметить, что Китай и Индия также не останавливаются на международной политике. Страны усиленно реформируют экологическую национальную политику. Правительство Китая осуществляет некоторую деятельность по борьбе с экологической ситуацией, например, в Китае организовано свыше 3 тыс. административных органов, отвечающих за охрану окружающей среды. Общее количество персонала в данных органах составляет около 167 тыс. человек. Ежегодно Китай выпускает журнал об изменениях экологического состояния страны. О результатах проделанной работы за год. Также правительство Китая запустило в ход политику по производству «экологически чистой продукции», данная продукция должна получить сертификат Китайского центра сертификации, прежде чем попасть на рынок. В Университете Цинхуа в Пекине начали проводить мастер – курс в области экологии и дальнейшего развития для мэров китайских городов [3.с.61]. Характерной чертой экополитики Китая является возникновение большого количества независимых негосударственных экологических организаций.

Объединение простых граждан, студентов, стремящихся спасти положение страны. К сожалению, государство не всегда рассматривает данные организации всерьез, поэтому многие из них и поныне являются неофициальными негосударственными.

Китай стремится к усовершенствованию экологического состояния. И уже много было выполнено по международным соглашениям. Государство вводило штрафы и санкции частным предпринимателям, если они нарушали каким-либо образом состояние окружающей среды либо выпускали не «экологически чистый продукт». Так же в перспективе правительство Китая намерено отказываться от переработки мусора, а электронного мусора особенно. Так как при переработке данного мусора, появляется другой неуничтожаемый мусор, который становится объектом для образования очередных свалок.

В Индии процесс борьбы с деградацией окружающей среды идет медленнее, так как тут зачастую обращаются к традиционной этике. Граждане, ученые и политики зачастую обращаются к словам известного мыслителя Махатмы Ганди: «Земли достаточно для того, чтобы удовлетворить нужды каждого, но ее недостаточно для удовлетворения жадности каждого». Государственная политика Индии также занимается разработкой проектов по преодолению экологического кризиса в стране. Например, ученые активно занимаются разработками биологических аналогов химикатам, так как в сельском хозяйстве использование химикатов находится за гранью. Правительство рассматривает вопросы органического фермерства (в Китае так же поднимается данный вопрос). Также Индия наравне с Китаем рассматривает вопрос о утилизации и переработке мусора, в частности электронного. Правительство предлагает переложить издержки по утилизации мусора непосредственно на производителя, так как состав и содержимое товара зависит именно от них. А производители, чувствуя свою безнаказанность, производят товар, не придерживаясь экологических стандартов. Правительство Индии

делает упор на переход от технологий к «биотехнологиям», которые подразумевают более широкое использование биоразлагающихся материалов, например, бамбука в строительстве. Так же Индия предлагает гражданам отказаться от использования риса, так как для его выращивания необходимо много воды, а в Индии и так наблюдается ее дефицит, поэтому, чтоб не усугублять положение в стране, необходимо прибегнуть к такой мере, как отказ от выращивания риса. Необходимо отметить, одним из направлений деятельности является отказ от кожаной обуви, так как ее производство засоряет реки.[2.с.206] А как отмечено выше, ситуация с водой в Индии желает быть лучшей.

Таким образом, были рассмотрены основные аспекты политики Индии и Китая в преодолении критического экологического состояния. Можно сделать вывод, что данные страны не отрицают того, что они являются на данный момент крупнейшими источниками загрязнения в мире. Китай и Индия прделывают колоссальную работу по улучшению положения в стране и в мире в целом. Проценты повышения экологического уровня растут с каждым годом. Но ведь не только Индия и Китай засоряют окружающую среду, поэтому все страны должны оказывать влияние на преодоление экологической ситуации в условиях глобализации.

Можно сделать вывод, что глобализация открывает для нас много нового, помогает развиваться странам и нам самим в лучшую сторону. Посредством глобализации страны мира объединяют усилия в борьбе за коллективную безопасность, а безопасность окружающей среды – одно из важнейших условий жизни человечества в XXI веке. Напрямую и непосредственно такой проблеме подвергается Индия и Китая, но преимуществом является то, что правительство этих стран осознает всю критичность ситуации и реализует программы по предотвращению данной проблемы.

Литература:

1. Саблин, И. В. Глобализация и окружающая среда: экологическая политика Индии и Китая / И. В. Саблин // Век глобализации. – 2014. – С. 105-118.
2. Саблин, И. В. Отражение экологической политики Индии и Китая в научном и общественном политическом дискурсе / И. В. Саблин // Среда обитания. – С. 204-208.
3. Чернышева, В. В. Состояние природной среды, техносфера и экологическая политика Китая / В. В. Чернышева // Вестник ТГЭУ.- 2008. - №2.- С. 60-77.
4. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года) [Электронный ресурс] // Режим доступа : URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (дата обращения 25.03.2018 г.)
5. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях от 22 мая 2001г. [Электронный ресурс] // Режим доступа : URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pollutants.pdf (дата обращения 25.03.2018г.)
- 6) Картахенский протокол по биобезопасности к конвенции о биологическом разнообразии от 2000 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа : URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения 25.03.2018г.)

УДК 341.231.1

Бессмертная А.И.

студентка 4-го курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА ПРАВ РЕБЕНКА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В данной работе исследован процесс становления современной доктрины прав ребенка в конституционном праве. Особое внимание уделено сравнительному анализу конституционных норм, закрепляющих правовой статус детей в некоторых зарубежных странах.

Ключевые слова: права и свободы детей, обязанности ребенка, правовой статус ребенка.

Annotation. In the given work the process of formation of the modern doctrine of the rights of the child in the constitutional law is investigated. Particular attention is paid to a comparative analysis of constitutional norms that establish the legal status of children in some foreign countries.
Key words: children's rights and freedoms, child's responsibilities, legal status of the child.

Актуальность исследования прав ребенка, как с точки зрения их генезиса, институционализации системы этих прав, так и в аспекте их реализации, обусловлена рядом факторов, среди которых прежде всего отсутствие реального механизма защиты прав детей.

По нашему мнению, решению многих проблем, возникающих в правоотношениях с участием детей, будет способствовать изучение положительного зарубежного опыта и учета его в конституционной практике Российской Федерации.

В начале XX в. права детей впервые были задекларированы в конституционных текстах западноевропейских стран. Так, Конституция Германской империи (Веймарская) от 11 марта 1913 в статье 7 к полномочиям парламента относилa политику заботы о материнстве, новорожденных, детство и юность (п. 7); заботу об участниках войны и сирот (п. 11) [1, с. 303]. То есть дети фактически были признаны отдельным субъектом конституционного

урегулирования в Германии. Эта редакция Основного Закона содержала прогрессивные конституционные нормы, в частности, нормы статьи 121 едва ли не впервые на высшем конституционном уровне гарантировала равные условия физического, духовного и общественного развития для внебрачных детей и детей, рожденных в браке; нормы статьи 145 вводила общеобязательное бесплатное школьное образование [1, с. 303].

Большинство европейских конституционных актов первой половины XX в. также содержали нормы, определявшие правовое положение детей в государстве. Конституция Австрийской республики, в редакции от 1929, давала право Федеральному президенту признавать внебрачных детей по ходатайству их родителей, такими, как рожденных в браке (ст. 66) [2, Т. 1, с. 66]. То есть гарантированный объем прав и свобод детей зависел от происхождения и воли родителей; ребенок, по сути, не признавалась равноправным субъектом права по сравнению со взрослым лицом; а законодатель наделял государственные структуры и других физических лиц реальными полномочиями по установлению юридического положения конкретного ребенка или группы детей.

Сейчас, в условиях господства западноевропейской либеральной доктрины прав человека, в конституциях большинства демократических стран мира закреплено либеральное правопонимание прав и свобод человека, в том числе прав детей. В конституционной и судебной практике зарубежных стран наблюдается смягчение противостояния естественно-правовых и позитивистских подходов, существует практика положительного закрепления естественных прав и принципов. Считаем, что конституционная регламентация правового статуса детей в зарубежных странах развивается в условиях существования протекционистской и автономистской доктрин ювенального права (Крестовская Н. М. употребляет термины патерналистская и персоналистские доктрины [4, с. 83-90]).

Регламентируя правовое положение детей, конституционное законодательство зарубежных стран значительное внимание уделяет реализации общего правового принципа – равенства (ст. 121 Конституции Германской империи (Веймарской) 1913, ст. 66 Конституция Австрийской республики 1929, ст. 3, ст. 6 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949, ст. 15 Конституция Индии 1950). Очень важно, что большинство современных действующих конституций зарубежных стран содержат императивные нормы, которые запрещают дискриминацию лица из различных условий; причем в некоторых предписаниях перечень условий является исчерпывающим (Албания, Андорра, Словения, Сан-Марино), а в некоторых – расширенным (Босния и Герцеговина, Чехия, Нидерланды, Андорра, Испания, Кипр, Словакия), что позволит продолжить перечень условий недискриминации, например, по происхождению или возрастом.

Особое внимание при решении проблем, связанных с нормативно-правовым воплощением принципа равенства и равноправия лиц, уделено в Конституции Финляндии от 11 июня 1999, в частности ст. 6 провозглашает равенство всех перед законом; содержит запрет занимать особое положение в зависимости от пола, возраста, происхождения, языка, религии, взглядов, состояния здоровья, дееспособности или любой другой причине; с детьми стоит вести себя как с равными индивидами и они должны иметь право влиять на решение вопросов, которые касаются их соответственно их развитию. Эта прогрессивная конституционная норма отражает принцип автономии личности ребенка, закрепленная в ст. 12 Конвенции о правах ребенка 1989 г.. Раскрытие ее правового содержания требует дополнительного исследования, в частности, не понятно, что определял законодатель как «соответственно развитие ребенка» в решении конкретных проблем ребенка. Конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 п. 2 ст. 8 «Равноправие» также содержит запрет дискриминации личности по возрасту.

Большинство конституционных актов государств, образованных после распада тоталитарных государств, закрепили правовые нормы о государственной защите семьи, материнства, отцовства, детства. Конституция Македонии от 17 ноября 1991 содержит правовую норму, предусматривающую особую защиту материнства, детей и несовершеннолетних (ст. 42), то есть законодатель сознательно разделил социальную группу «дети» и «несовершеннолетние».

В некоторых современных конституциях особая государственная материальная или нематериальная забота гарантируется детям-инвалидам; детям, оставшимся без родительской опеки или пострадавшим от насилия (Латвии, Исландия, Ирландии, Германии, Польши, Словении, Хорватии и др.).

Особое место в конституциях зарубежных стран занимает институт гражданства. Одним из первых нормативно-правовых актов европейских стран регулировал вопросы гражданства детей, был Закон о праве гражданства и право пребывания от 7 июня 1929 [2, Т. 1, с. 472-477] города-государства Ватикан. Право гражданства ребенка, родители которого находились в гражданстве города-государства, было ограничено в соответствии с законодательством по территориальным и родственным признакам, то есть таким образом юридически закреплялись ограничения прав ребенка на гражданство Ватикана в целом.

Современные конституционные тексты зарубежных стран особое внимание уделяют вопросу гражданства детей, гарантируют различные способы вступления в гражданство и тому подобное. Для большинства стран характерна практика приобретения гражданства ребенком по рождению на территории определенного государства, причем в конституционных текстах некоторых стран лишить такое лицо гражданства невозможно (п. 3 ст. 25 Конституции Болгарии от 12 июля 1991, ст. 11 Конституции Испании от 27 Декабрь 1978, ст. 12 Конституции Литвы от 25 октября 1992 и др.). В Албании гарантируется

автоматическое получение гражданства ребенком, если его родители являются гражданами страны (п. 1 ст. 19 Конституции Албании от 21 октября 1998), утрата гражданства возможна только в случае личного отказа от него. Конституция Швейцарии от 18 апреля 1999 устанавливает упрощенную процедуру натурализации для детей-апатридов (ст. 38).

Объем конституционных прав и свобод, специальными субъектами которых выступают дети, неодинаков в разных зарубежных странах. И хотя дети являются носителями большинства конституционных прав и свобод, гарантированных человеку одновременно установлены определенные ограничения по реализации отдельных видов прав. Так, конституционная практика большинства стран устанавливает политическую правосубъектность лица с достижением 18 лет (избирательное право), одновременно реализация других политических прав ребенка (свобода слова, мирных собраний, объединений и т.д.) носит, по нашему мнению, социальный, а не политический характер.

Особое внимание уделено реализации ребенком социальных, культурных прав и свобод - права на образование, развитие личности, права на труд. Уточним, что субъектом данных видов прав и свобод могут выступать не только дети, но и другие лица, однако в конституциях многих современных государств для детей предусмотрен особый механизм реализации. Например, право детей на образование имеет императивный (ст. 10 Конституции Мальты от 1964, ст. 41 Конституции Литвы от 25 октября 1992) или диспозитивный характер (ст. 76 Конституции Королевства Дания от 5 июня 1953, ст. 27 Конституции Монако от 17 декабря 1962), в конституционной практике настоящее право на образование (начальное, среднее или общее) выступает обязанностью ребенка.

Также, по общему правилу, современные государства гарантируют ребенку бесплатное начальное и среднее образование, государственное развитие дошкольного воспитания, общего начального обучения, среднего,

профессионального и высшего образования, создают условия для создания учебных заведений различных форм собственности, осуществление контроля за их деятельностью и тому подобное. Кроме того, в Конституции Венгрии закреплены права, связанные с правом на образование, а именно: свобода интеллектуальной деятельности и право на максимально высокий уровень физического и духовного здоровья.

Конституционные нормы современных государств гарантируют особую защиту и условия труда несовершеннолетних, достойную заработную плату, устанавливают возрастные ограничения в реализации этого права (ст. 37 Конституции Италии 1947, ст. 16 Конституции Республики Мальта от 1964, ст. 42 Конституции Республики Македония от 17 ноября 1991, ст. 45 Конституции Литовской Республики от 25 октября 1992 г., ст. 65 Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997).

Современная доктрина прав ребенка исходит из принципа единства прав и обязанностей ребенка. Скажем, Конституция Литовской Республики в ч. 6 ст. 38 вспоминает об обязанностях детей – уважать родителей, заботиться о них в старости, уважительно относиться к отцовскому наследству; в этой же части конституционной статьи содержатся права и обязанности родителей в отношении детей, в частности, правом и обязанностью родителей является воспитание детей честными людьми и верными гражданами, содержание детей до совершеннолетия. Конституция Ирландии от 29 декабря 1937 нормой, закрепленной в ст. 42, гарантирует уважение к неотъемлемому праву и обязанности родителей предоставлять своим детям религиозное, нравственное, интеллектуальное, физическое и социальное воспитание. Таким образом законодатель закрепил приоритетность родительской воли над свободой воли ребенка, в отдельных случаях государство выполняет родительские обязанности.

В Основном Законе ФРГ от 23 мая 1949 (ст. 6) воспитательная деятельность контролируется общественностью, предусмотрена возможность отделения детей от семьи или лиц, их воспитывающих, если эти лица не выполняют своих обязанностей или существует угроза для детей остаться без присмотра.

Часто конституционные нормы о правах человека в целом и права ребенка в частности обеспечиваются принятыми на основе Конституции законами, большинство из которых, по сути, являются рецепцией международно-правовых документов, среди которых Конвенция о правах ребенка (Конституция Финляндии от 11 июня 1999).

Особое внимание в конституционном законодательстве зарубежных стран уделено функционированию социально-экономических и правовых институтов защиты прав и законных интересов детей: создание разветвленной системы социального обеспечения, обеспечения судебной защиты прав и свобод (в некоторых странах из-за существования ювенальной юстиции), функционирование института детского омбудсмена (Норвегия Польша, Россия) или же выполнение этих функций национальными омбудсменами, наличие развитых институтов гражданского общества, осуществляющих контроль за соблюдением прав детей.

Таким образом, поскольку Конституция является основой отраслевого законодательства любой страны, а забота о будущих поколениях одной из главнейших задач государства, то решение проблем, связанных с правами детей, должно происходить на самом высоком конституционном уровне. Права ребенка были закреплены в конституционных текстах большинства государств мира лишь в начале XX в., поэтому процесс становления прав ребенка в современном мире как объекта конституционно-правового регулирования сложный и в целом еще не завершен. Важнейшую роль в признании правового

статуса ребенка на конституционном уровне сыграли прежде всего международно-правовые акты.

Литература:

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 т. / Московский гос. ун; т им. М. В. Ломоносова / Сост. А. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз; под ред. Н. А. Крашенинниковой. - Т. 2 Современное государство и право. - М.: Норма, 2003;

2. Конституции государств Европы: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Окунькова. - М.: НОРМА, 2001;

3. Енгибарян Р. В. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие. - М.: Юрист, 2005;

4. Крестовская Н. Н. Теоретические и прикладные перспективы сравнительного метода в исследовании ювенального права // Сравнительно; правовые исследования. - 2008. - № 2.

УДК. 342

Ярлова Анастасия Александровна

Магистр 1-го года обучения

Юридический Институт

Российский Университет Дружбы Народов г. Москва

ИМЕЕТ ЛИ КАТАЛОНИЯ ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ?

Аннотация: В статье рассматривается возможность реализации права на самоопределение на примере Каталонии с точки зрения национального и международного права.

Ключевые слова: самоопределение, право народов на самоопределение, народ, сецессия, формы реализации права на самоопределение

Abstract: The article examines the possibility of realizing the right to self-determination on the example of Catalonia from the point of view of national and international law.

Key words: self-determination, right of the peoples for self-determination people, secession, forms of implementation of the right for self-determination

В 2014 году Министерство иностранных дел Испании подготовило доклад с конкретной целью отрицать, что Каталония имеет право на самоопределение.

[1] Право, которое может узаконить возможное объявление независимости. Этот отчет основан на предпосылке, что это право имеют только колониальные территории. Эта теория не нова, но содержит значительные ошибки и искажения фактов, которые мы сейчас рассмотрим.

В международном праве самоопределение является правом «всех народов» «свободно определять свой политический статус и свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие». [2] Это определение кажется очень понятным, однако, долгое время обсуждалось, кто именно является субъектом данного права, каковы его масштабы, как оно реализуется и каким образом и в какой части включать его в национальное законодательство. В международном праве не говорится, что только колониальные территории имеют право на самоопределение. Понятно, что это право всех народов, хотя определение этих самых «народов» неясно. Другим народам не отказывают в праве на самоопределение – международное право лишь утверждает, что предпочтительно, чтобы самоопределение было внутренним.

Иными словами, политическое единство и территориальная целостность не всех государств защищены, как следует из отчета испанского правительства,

а только единство и целостность тех государств, которые уважают право на самоопределение и имеют представительное и справедливое правительство.

Право на самоопределение не всегда связано с сецессией (отделением). Сецессия – всего лишь еще один способ осуществления этого права, но даже не главный. По сравнению с тем, что известно как внутреннее самоопределение, сецессия – это внешнее самоопределение. Право на сецессию не запрещено вообще и не ограничивается колониальными территориями. Фактически, Международный Суд утверждает, что в соответствии с обычаем (одной из основ международного права) отделение не запрещено. Это объединяет теорию о том, что отделение является допустимым, когда внутреннее самоопределение невозможно или потерпело неудачу.

Легитимность сецессии народов зависит от того, имеет ли этот народ право на самоопределение в своем актуальном фактическом состоянии. Подобное толкование использовал, например, в своем постановлении Верховный суд Канады относительно отделения Квебека. [3] Это постановление не отрицает, что квебекцы являются «народом», равно как и не отрицает их право на самоопределение. Напротив, в постановлении делается вывод о том, что конституционная система Канады допускает осуществление этого права, и поэтому Квебек не может ссылаться на право на самоопределение при сецессии в одностороннем порядке.

Несмотря на огромные усилия испанского истеблишмента и, в частности, Конституционного суда, отказаться от признания того, что Каталония является нацией и имеет какие-либо характеристики суверенитета, факт состоит в том, что «народ Каталонии» признан отдельным политическим коллективом. Сама Конституция Испании одной из своих целей ставит защиту всех «народов Испании» в осуществлении их прав личности, культур и традиций, языков и образований. Каталонский Статут об автономии также определяет Каталонию

как «национальность» и заявляет, что полномочия каталонских общественных учреждений исходят непосредственно от каталонского народа.

Также важно отметить резолюции, одобренные каталонским парламентом, которые торжественно возвращают право каталонского народа на самоопределение – например, резолюции 1989, 1998, 2010 и 2011 годов. Эти решения никогда не оспаривались и, согласно последним доктринам Конституционного суда Испании, подвержены политическим и юридическим последствиям.

С этой точки зрения вопрос заключается не в том, является ли Каталония народом, а скорее в том, что значит быть им. Дело не в том, имеет ли Каталония право на самоопределение, а в том, как они могут реализовать это право. В этом смысле стоит помнить, что в Конституции Испании говорится, что государство является неделимым и связывает гарантию самоуправления с такими национальностями, как Каталония. Имеет ли Испания полностью представительное правительство, которое относится к жителям Каталонии с равным вниманием и уважением? Существенно ли испанская институциональная структура отражает пожелания большинства каталонцев? Тот факт, что территориальная структура государства являлась предметом спора во всех современных конституционных процессах и постоянным источником политической неудовлетворенности как в демократическом, так и в недемократическом периодах, дает ключ к ответам на эти вопросы.

Похоже, что Испания не является и не хочет быть государством, которое представляет, управляет и защищает в равной степени все народы, которые ее населяют, как было обещано в Конституции 1978 года. Жесткость Конституции и произвольное и ограничительное ее чтение препятствуют каталонскому народу реализовать свое право на внутреннее самоопределение. Этот аргумент можно разделить на три части: самоуправление, представительство и инклюзивность, а также возможности для выражения.

Что касается вопросов самоуправления, то политический пакт, который позволил утвердить Испанскую Конституцию в 1978 году при активном участии политического «каталанизма», продолжался немногим более двух лет. Территориальная модель, которая возникла, была перенаправлена после неудавшегося государственного переворота в Испании в 1981 году. С тех пор она была сформирована испанским истеблишментом и государственными учреждениями. Недовольство Каталонии этой ситуацией в конечном итоге привело к разработке нового Статута об автономии в 2006 году. Это было одобрено в парламенте Каталонии, а затем и в парламенте Испании после некоторых изменений и сокращений полномочий Каталонии. Затем он был принят референдумом в Каталонии. Тем не менее, Конституционный суд Испании переписал или отменил многие свои статьи в 2010 году, что в основном значительно урезало Статут и его значимость. Фактически, решение 2010 года оставило Каталонию с менее реальной и эффективной властью (с меньшим количеством гарантий самоуправления), чем до реформы Статута.

Представительство каталонцев в государственных органах не соответствует демографии Каталонии, равно как ее социальному и политическому динамизму. Верховный суд Канады дал пример Квебека, возглавляющего различные федеральные учреждения, чтобы показать их представительный характер. В Испании же ни одна из государственных должностей и государственных органов в Испании не возглавлялись каталонцами почти 150 лет. На более низких уровнях это недостаточное представительство не только четко видно, но и список причин, по которым каталонцы чувствуют себя ущемленными, подвергающимися дискриминации или даже преследуются испанскими властями, будет бесконечным.

Особенно после того, как Конституционный суд вынес постановление о Статуте – решение, отклоненное 86% от каталонского парламента, стали появляться инициативы, направленные на то, чтобы найти решение для

требований о самоопределении в Каталонии. До сих пор испанские власти отказывались рассматривать любые предложения. Напротив, они фактически преследовали в судебном порядке выражение политической воли каталонцев; воли, выраженной либо через своих избранных представителей, либо посредством инструментов прямой демократии, таких как референдум.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что Каталония могла бы законно воспользоваться правом на самоопределение, чтобы объявить независимость, оправдывая это тем фактом, что ее политический статус является навязанным и что она не может свободно развиваться в пределах Испании. Дебаты относительно каталонской проблемы были основаны на этих аргументах в течение некоторого времени, хотя обычно подобные дискуссии не преподносятся как вопрос о внутреннем самоопределении или сепарации. На наш взгляд, трудно представить ситуацию с большим количеством аргументов в пользу внешнего самоопределения, чем у Каталонии, в любой современной западной демократии.

Литература:

1. Отчет МИД Испании “Sobre la eventual declaración unilateral de independencia de Cataluña y el Derecho Internacional”
URL:http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/Actualidad/Paginas/Articulos/20140517_ACTUALIDAD1.aspx (дата обращения - 10 марта 2018 года)
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года
URL:<http://www.ohchr.org/RU/ProfessionalInterest/Pages/CCPR.aspx> (дата обращения - 17 марта 2018 года)
3. Решение Верховного Суда Канады от 20 августа 1998 года № 25506
URL:<https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (дата обращения - 15 марта 2018 года)

УДК 34.096

Нестеренко А. А.

*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И РФ

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования криптовалют на сегодняшний день. Проблемы, связанные с использованием криптовалюты, становятся актуальнее с каждым днем. Целью данной работы является рассмотрение возможных вариантов правового регулирования криптовалюты в ближайшем будущем в таких странах, как Россия, США, Австралия, Япония, а также в государствах Евросоюза. В работе рассматриваются сущность криптовалюты, ее правовой режим в различных странах и необходимые меры для реализации правового регулирования криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюта, Биткоин, закон, эмиссия, электронный рубль, денежное средство.

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of crypto currency for today. The problems associated with the use of crypto currency are becoming more important every day. The purpose of this work is to consider possible options for legal regulation of the crypto currency in the near future in countries such as Russia, the United States, Australia, Japan, and also in the countries of the European Union. The article deals with the essence of the crypto currency, the regulation of its position in various countries and the necessary measures for the implementation of legal regulation of the crypto currency.

Keywords: crypto-currency, Bitcoin, law, emission, electronic ruble, cash.

На сегодняшний день вопрос регулирования криптовалют является одним из наиболее актуальных. Прежде всего, необходимо установить понятие криптовалюты.

В целом под криптовалютой подразумевается цифровая валюта, основанная на криптологических методах. Как правило, криптовалюта действует на анонимных принципах и ее учет сильно децентрализован, однако, существуют разновидности прозрачной криптовалюты.

Поскольку на сегодняшний день не существует определенно продуманного законодательства, регулирующего аспекты использования криптовалюты, с точки зрения юридической деятельности возникает ряд вопросов [1, с.555]. Один из наиболее серьезных вопросов – это какой специальный орган будет контролировать криптовалютный рынок в РФ.

Следующий открытый вопрос – это налогообложение. Несмотря на то, что налогообложение может быть перспективно прибыльным для государства, на сегодняшний день не существует даже примерных разработок или проектов, дающих возможность обложить налогами криптовалюту. В связи с этим возникает вопрос, возможно ли в принципе ввести налог на криптовалюту.

Если затрагивать юридическую природу Биткоина в Российской Федерации, на сегодняшний день Биткоин не считается валютной ценностью или иностранной валютой с точки зрения российского законодательства [2, с.33].

В официальном письме ФНС РФ указано, что с позиции закона № 173-ФЗ «О валютном контроле и валютном регулировании» запрещено использование криптовалюты. В законе предусмотрено, что поскольку криптовалюта не может считаться валютной ценностью, то привлечение к ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 15.25 КоАП не является возможным. Для привлечения к

ответственности необходимо, чтобы криптовалюта была признана валютной ценностью и распространялась с нарушением валютного законодательства.

На сегодняшний день ни в одной стране не выработано законодательство, регулирующее криптовалютный рынок. Решения относительно криптовалюты в разных странах носят хаотичный и непостоянный характер. Поэтому чем скорее Россия решит проблему с законодательным регулированием, тем более положительно это отразится на ее экономике.

Также следует отметить, что в разных странах отношение государства к криптовалютам значительно отличается. В юрисдикции многих стран Евросоюза Биткоин считается валютой, и также существуют идеи о его налогообложении. В США и Австралии криптовалюта рассматривается как финансовый актив. В Японии, в свою очередь, существует промежуточный подход, согласно которому Биткоин является носителем стоимости, приравненным к активу.

Что касается аргумента в пользу государственного регулирования, на сегодняшний день инвестиционная деятельность в криптовалюты все больше привлекает предпринимателей, и регулирование этого рынка обеспечит безопасность его использования для предпринимателя.

Помимо того, существование государственного регулирования в этой области будет способствовать дальнейшему развитию ICO. По причине отсутствия ясной позиции со стороны государства на сегодняшний день Россия теряет большое количество инвестиций.

Обеспечение государственного мониторинга над криптовалютными операциями потенциально может увеличить приток инвестиций и рост ВВП благодаря особенностям и потенциалу Биткоина и другой цифровой валюты, однако, для этого необходимо хорошо продуманное законодательство, обеспечивающее прозрачность, мониторинг и налогообложение, способное пополнять бюджет.

Без законодательного урегулирования криптовалюты государство может остаться без дополнительного дохода от налогов, а большинство финтех-пилотов(проектов по использованию инноваций и технологий для улучшения работы Биткоин) могут остаться локальными. При международной интеграции валют можно создать такие бизнес-цепочки, которые способны в 10 раз увеличить скорость бизнес-процессов [3, с.45].

Если приравнять криптовалюту к недокументарным ценным бумагам согласно ст. 149 ГК РФ, то необходимо внести соответствующие поправки в закон № 39-ФЗ от 22.04.1996 г. «О рынке ценных бумаг». Однако на сегодняшний день это является невозможным, поскольку полноценное описание термина «криптовалюта» отсутствует [4, с.150].

Тем не менее, в российском законодательстве существуют тенденции, в которых высказывается идея со стороны регулирующих органов полностью запретить использование криптовалюты и установить уголовную ответственность за ее распространение.

Помимо того, высказываются идеи о приравнивании Биткоина к ценным бумагам и запрете проведения операций с ними без лицензии. Также существует проблема с определением понятия криптовалюты, без решения которой невозможна разработка специализированного законодательства и подзаконных актов, толкующих понятие криптовалюты в соответствии с законом.

Сегодня цифровая валюта обладает статусом имущества, недокументарной ценной бумаги, объекта иных правоотношений, но не денежного средства.

В Гражданском кодексе РФ отсутствует регулирование криптовалюты, поскольку многие правоведы высказываются о необходимости разработки специализированного законодательства, которое будет учитывать все

особенности криптовалюты и давать ей наиболее полный и точный правовой статус, и индивидуальное определение.

В Российской Федерации разработка отдельного закона, регулирующего обращение криптовалюты в экономике, – процесс, который обещает затянуться на ближайшие годы. Спрос на частные деньги, а точнее – их цифровой аналог, в скором времени может снизиться [5].

Анализируя последние тенденции, следует сказать, что на практике государство собирается использовать технологию Блокчейн(цепочка блоков, данных о транзакциях, сделках внутри системы, представленная в криптографической форме) для эмиссии национальной цифровой валюты[6, с.4].

Уже на сегодняшний день существуют правовые и экономические концепции электронного рубля, которые в последующем потенциально могут стать причиной уголовного запрета на использование денежных суррогатов.

Тем не менее, в данный момент тяжело спрогнозировать дальнейшее правовое развитие статуса криптовалюты, поскольку до сегодняшнего дня существует много разногласий относительно понятия, правового статуса и места криптовалюты в российской экономике и предпринимательской практике.

Литература:

1. Бабкин А.В. – Анализ развития регулирования криптовалют, российский и зарубежный опыт//Мир. Модернизация. Развитие/ А.В. Бабкин. - М.: Издательский дом "Наука", №4 (32). – 2017. - С. 554-565
2. Пшеничников В.В., Бабкин А.В. Электронные деньги как фактор развития цифровой экономики// Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки.. 2017. Т. 10, № 1. С. 32—42.

3. Буркальцева Д.Д., Тюлин А.С. Bitcoin: теория и практика для Российской Федерации// Перспективы науки — 2016: матер. III Междунар. заоч. конкурса научно-исслед. работ / науч. ред. А.В. Гумеров. С. 41—49
4. Вертакова Ю.В., Толстых Т.О., Шкарупета Е.В., Дмитриева Е.В. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики: моногр. Курск: Юго-западный гос. ун-т, 2017. 147 с
5. «Расширенное заседание Правительства» 31 января 2013 года, 13:45 Москва, Кремль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17396>(дата обращения: 06.02.2015).
6. Струков В.М. – Становление и регулирование обращения криптовалют: мировой и российский опыт// Теория и практика общественного развития/ В.М. Струков. – М.: Издательский дом “Хорс”. –С. 1-5

СЕКЦИЯ 4
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК. 343.57

Скворцова О.В.

доцент кафедры уголовного права и криминологии
«Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: В статье исследуются основы уголовно-правовой политики по противодействию незаконному обороту наркотических средств в Российской Федерации. Анализируется соотношение положений национального и международного законодательства в данном направлении. Формулируются предложения по приведению национальных нормативно-правовых актов в соответствие с международными и совершенствованию уголовного законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: противодействие наркопреступности; международное законодательство; национальное законодательство; оборот наркотических средств; наркопреступность; таможенный контроль.

Note: The article studies the foundations of the criminal legal policy to counteract illegal trafficking of narcotic drugs in Russian Federation. The co-relation of the statutes of national and international legislation in this direction is analyzed. The motions on bringing national normative legal acts in coherence with

international and improving criminal legislation in the field under investigation are formulated.

Key words: counteraction of drug crime; international law; national law; traffic in narcotic drugs; drug crime; customs control.

Борьба с современным наркобизнесом и наркоманией является одной из важнейших общемировых задач, от эффективности решения которой зависит не только национальная безопасность государств, стабильность и здоровье общества, но и в целом процесс устойчивого развития человеческого сообщества на планете, генофонд и будущее всей Земли.

Существующая на данный момент в России криминогенная ситуация в сфере незаконного оборота наркотических средств и растущие объемы контрабандного ввозимого и вывозимого наркотика, судебная статистика фактов осуждения за совершение рассматриваемых деяний, требуют немедленного вмешательства в правовое регулирование сферы оборота данных предметов, что невозможно без усиления контроля таможенных и пограничных органов за соблюдением законности транспортировки запрещенных или ограниченных в обороте наркотических средств, инструментов и оборудования, используемых для их производства и переработки, через государственную границу Российской Федерации (далее — РФ) или таможенную границу Европейского экономического союза (далее — ЕАЭС).

Национальное законодательство по предотвращению наркомании и немедицинскому потреблению наркотических средств и приравненных к ним предметов, по их незаконному обращению и перемещению через таможенную границу развивалось в соответствии с положениями международных соглашений. Так, ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» 1998 г. устанавливает «правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ в области

противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности» [1]. А принимался он с учетом рекомендаций Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. [2], Венской конвенции о психотропных веществах 1971 г. [3], Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [4]. В ст. 3 данного Закона сказано, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим ФЗ, то применяются правила международного договора.

На законодательном уровне в РФ основы уголовно-правовой политики по противодействию незаконному обороту наркотических средств закреплены в Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. N 690 [5]. Отметим, что данной Стратегией определяются и организационные, и правоохранные меры по противодействию наркомании в России, а также закреплены основные положения совершенствования нормативно-правовой базы по борьбе с наркопреступностью. Особенно следует подчеркнуть стратегические цели антинаркотической политики РФ, закрепленные в п. 13:

- «а) создание эффективной системы защиты территории Российской Федерации от нелегального ввоза наркотиков из-за рубежа;
- б) уничтожение инфраструктуры нелегального производства, транспортировки и распространения наркотиков внутри страны;
- в) ликвидация сырьевой базы незаконного наркопроизводства на территории Российской Федерации;
- г) недопущение поступления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также сильнодействующих веществ из легального в незаконный оборот;
- д) подрыв экономических основ наркопреступности;
- е) пресечение преступных связей с международным наркобизнесом;

ж) разрушение коррупционных связей, способствующих незаконному обороту наркотиков и их прекурсоров;

з) пресечение оборота новых видов наркотиков, а также неконтролируемых психоактивных средств и веществ, используемых для немедицинского потребления» [5].

В продолжение этого законодателем определяется приоритетность защиты государственных границ от незаконного ввоза на территорию РФ наркотических средств и приравненных к ним предметов. Но на практике положения Стратегии не осуществляются и слабо приближены к реальности, слишком обобщены и носят лишь декларативный характер. Достигнуть поставленных целей возможно путем последовательного все планового осуществления промежуточных задач, среди которых приведение действующего национального уголовного, таможенного и отраслевого законодательства в сфере оборота наркотических средств в соответствие с международными нормативно-правовыми актами и договорами; совершенствование законодательства об уголовной ответственности за правонарушения в исследуемой сфере и иное.

Так, в первую очередь, отметим, что при подписании Конвенции ООН о психотропных веществах 1971 г. Россия брала на себя обязательства о признании всех веществ, перечисленных в списках к данной Конвенции, психотропными. При этом анализ национальных нормативно-правовых актов позволяет выявить некоторое несоответствие международным. Также, следует внести соответствующие изменения в нормативно-правовые акты с целью установления их соответствия международным договорам. Это позволит избежать разночтения норм в законодательстве государств-членов ЕАЭС.

Что касается уголовно-правовых норм и санкций за нарушения правил оборота наркотических средств, то здесь есть некоторые спорные моменты.

Так, мы не поддерживаем позицию тех ученых, которые настаивают на закреплении в диспозиции ст. 229.1 Уголовного кодекса (далее — УК) РФ перечня возможных способов перемещения наркотиков через границу. Во-первых, способом совершения преступления является единственно «незаконное перемещение через границу». Во-вторых, такое закрепление будет необоснованно нагромождать диспозицию, что усложнит ее применение. Также, как справедливо отмечают практически все ученые-криминалисты, наркоконтрабандисты постоянно находят новые пути незаконного перемещения наркотиков через границы.

С другой стороны, на наш взгляд, положительными и требующими внесения в диспозицию являются следующие предложения:

- изменение названия ст. 229.1 УК РФ на «контрабанду наркотических средств и приравненных к ним предметов». Это исключит тавтологию в наименовании нормы и ее диспозиции;

- дополнение диспозиции статьи таким признаком инструментов и орудий, как «предназначенных для производства наркотических средств». Такое изменение позволит расширить перечень ограниченных в обороте средств, способствующих процветанию наркобизнеса;

- дополнение п. «в» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ после слов «применение насилия» словами «или угрозой применения насилия», что позволит более эффективно обеспечивать уголовно-правовую охрану оборота наркотиков на границах путем защиты таможенных органов и иных должностных лиц от внешнего противозаконного воздействия на их профессиональную деятельность;

- следует более детально разработать «инструменты адекватной квалифицированной оценки форм соучастия» [6, с. 60] при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и

приравненных к ним предметов, и разграничивать ответственность организаторов, руководителей, пособников, исполнителей, перевозчиков и пр.

Что касается санкций за совершение преступлений в сфере оборота наркотических средств, то мы не разделяем мнение о целесообразности усиления мер наказания. Здесь справедливо замечание Л.В. Готчиной[7, с. 85] о том, что наказание за совершение преступлений в рассматриваемой сфере и без того адекватно тяжкому и особо тяжкому преступлению, а эффективность противодействия наркопреступности должна достигаться совершенствованием организационных и процессуальных мероприятий.

Разделяя позицию А.Я. Кромовой и П.Н. Кобец, считаем необходимым в целях усиления эффективности борьбы с наркобизнесом наркотических средств дополнительно расследовать факты легализации доходов, полученных при совершении производства, переработки, реализации и сбыта наркотических средств, особенно в случае выявления наркогруппировок и их преступной деятельности, по ст. 174, 174.1 УК РФ [8, с. 178; 9, с. 102].

Еще одним пробелом уголовно-правового законодательства РФ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и приравненных к ним предметов является отсутствие обобщенной судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков и их контрабанды.

В.В.Бобырев отмечает, что «при этом суды зачастую применяют мягкие виды наказаний либо ограничиваются условными наказаниями, которые явно не соответствуют тяжести совершенных деяний» [10].

Таким образом, несмотря на положительные изменения уголовного законодательства в сфере противодействия наркопреступности, существует ряд пробелов, требующих разрешения, что, на наш взгляд, будет способствовать борьбе с наркобизнесом и наркоманией, как и, в целом, дальнейшее урегулирование вопроса о приведении национального законодательства в исследуемой сфере в соответствие с международным.

Литература:

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон РФ от 08.01.98 г. N 3-ФЗ// Российская газета. — 1998. — 15 января.
2. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесёнными в неё в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. Бюллетень международных договоров. N 8. 200. С. 15-50.
3. Конвенция о психотропных веществах. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. М. 1981. С. 416-434.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М. 1994. С. 133-157.
5. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. N 690 // Российская газета. 2010. 15 июня.
6. Сергеева А.А. Контрабанда наркотических средств и психотропных веществ: криминологическая характеристика и предупреждение. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск. 2006. 193 с.
7. Готчина Л.В. О наркоконтрабанде и некоторых других аспектах законодательного закрепления в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. N 3. С.83-85.
8. Криминология: учебник для вузов / под общ.ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Долговой. — М.: Издательство НОРМА, 2013. — С. 247.
9. Кобец П.Н. Анализ противодействия наркопреступности в России // Инновационная наука. 2016. N8-3. С.101-102.

10. Бобырев В.В. Актуальные проблемы и концептуальные подходы нормативно-правового обеспечения противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Право и безопасность. 2015. № 1(14). URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_11_10.htm (дата обращения: 05. 04.2018).

УДК. 341.171

Макриди Д.А.

Студент 2 курса магистратуры

ФГАОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Крымский юридический институт (филиал)

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ В
СТРАНАХ СНГ**

Аннотация: В исследовании рассмотрены основные концепции об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов. А так же отмечены наиболее характерные признаки коррупциогенности и проблемные вопросы рассматриваемого направления.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупция.

Annotation: The article examines the main concepts of the anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts. The most characteristic signs of corruptibility and questions of a corruption component are noted.

Keywords: anti-corruption expertise, corruption.

В большинстве европейских стран порядок и правила оценки проектов правовых актов на коррупциогенность специально не регулируются ни в регламентах парламентов, ни в постановлениях правительства, ни тем более в

актах правоохранительных органов. В ряде стран (Испания, Португалия, Польша) в регламентах упоминается лишь возможность юридической экспертизы. Так, в ч. 3 ст. 34 Регламента польского Сейма предусмотрена возможность направления проекта на экспертизу, если в пояснительной записке нет упоминания о проведении таковой в период подготовки проекта к рассмотрению в Сейме. В рамках этой экспертизы может быть полностью или частично проведена и оценка проекта на коррупциогенность. В подтверждение вышесказанного приведем следующее заявление эксперта Совета Европы Саймона Годдарда (Великобритания) на круглом столе в Государственной Думе в июне 2008 г.: «В Великобритании ничего подобного не существует, нет ничего такого, о чем Вы рассказывали в области оценки рисков при разработке законодательства. Скажу так даже названия такого нет. Но все же существуют процессы, которые помогают идентифицировать риски коррупции». Данное обстоятельство объясняется тем, что антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов проводится в странах с высоким уровнем коррупции с целью устранения и предотвращения первичных причин ее проявления. Именно поэтому, антикоррупционная экспертиза получила развитие в странах постсоветского пространства страны СНГ и Прибалтики, ряде бывших социалистических стран Европы, а также в странах третьего мира в Азии и Африке. Россия по уровню восприятия коррупции оказалась на 143 месте из 183 возможных. Соседями России по рейтингу стали Азербайджан, Беларусь. Немного лучше дела обстоят в Молдове 112 место, Казахстане 120 место и Армении 129 место. Украина и Таджикистан занимают 152 место, Киргизия 164 место, а Туркменистан и Узбекистан поделили 177 строчку рейтинга¹. Изучение вопроса формирования института антикоррупционной экспертизы в странах СНГ с целью перенимания опыта в данной области представляется интересным по нескольким причинам. Во-первых, как уже было отмечено выше в странах СНГ, в том числе и в России, высокий уровень

коррупции и одним из способов противодействия данному явлению выступает антикоррупционная экспертиза. Во-вторых, развитие правовых систем данных стран основывалось на законодательстве и юридической практике бывшего СССР, а, следовательно, эти государства имеют схожие правовые проблемы во многом являющиеся причинами возникновения коррупционных рисков. В-третьих, странами-участниками Межпарламентской ассамблеи стран СНГ принимались модельные законы, регламентирующие вопросы антикоррупционной экспертизы, которые хотя и имеют форму рекомендаций, однако же свидетельствуют об общности интересов союзных стран в борьбе с коррупционными проявлениями в нормативных правовых актах и их проектах. Рассмотрение вопроса становления антикоррупционной экспертизы в странах СНГ показало, что хотя в этих государствах и идет активное формирование данного института, однако этот процесс неравномерен, что можно объяснить особенностями развития национальных правовых систем и наличием внутриполитических проблем в этих государствах. В частности об этом свидетельствуют мониторинговые отчеты об антикоррупционной деятельности, предоставляемые странами для Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в рамках Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией. Системный анализ данных мониторинга и законодательства стран СНГ позволяет выделить три группы стран по уровню развития антикоррупционной экспертизы в национальном законодательстве. К первой группе относятся государства, которые только формируют институт антикоррупционной экспертизы («на стадии становления») Азербайджан, Таджикистан, Украина, Армения. Ко второй группе страны, которые восполняют пробелы правового регулирования антикоррупционной экспертизы («развивающиеся») Узбекистан и Киргизия. Третья же включает государства, которые оттачивают механизм проведения экспертизы, стремясь сделать антикоррупционную экспертизу наиболее эффективной мерой противодействия

коррупции («развитые») Казахстан, Молдова. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ и России по вопросам проведения и организации антикоррупционной экспертизы свидетельствует, что Россия может быть отнесена ко второй группе стран к «развивающимся». России необходимы существенные изменения в законодательстве, регулирующем антикоррупционную экспертизу для того, чтобы попасть в ряды «ведущих стран». В настоящее время необходимо соотнести накопленный отечественный опыт с опытом стран СНГ по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы для того, чтобы выявить какие конкретно приемы могут быть имплементированы в российское законодательство. Более того, по мнению Е.И. Семенович такой гибкий подход позволит определить смогут ли данные новации эффективно работать в рамках нашей правовой системы.

Основываясь на анализе законодательства стран СНГ по вопросам антикоррупционной экспертизы и вышеуказанных мониторинговых отчетах для ОЭСР охарактеризуем каждую из указанных групп. Итак, для государств СНГ находящихся на стадии становления характерны следующие особенности правового регулирования антикоррупционной экспертизы: Закрепление в различных актах необходимости проведения такой экспертизы. В Таджикистане необходимость проверки действующих правовых актов на коррупциогенность отмечается в Стратегии по борьбе с коррупцией на период 2008-2012 гг., в указе Президента Республики Таджикистан № 864 «О дополнительных мерах по борьбе с коррупцией» и постановлении Правительства от 2 сентября 2010 г. «Об утверждении Плана мероприятий по обеспечению исполнения дополнительных мер по усилению противодействия коррупции в Республике Таджикистан на 2010 2012 годы». В Национальной антикоррупционной стратегии Украины на 2011 2015 годы, утвержденной указом от 21 октября 2011 года № 1001, предусмотрено усовершенствование антикоррупционной экспертизы путем внедрения многоступенчатой методики оценки коррупционных рисков в

законодательстве. Так же одним из мероприятий Государственной программы по предотвращению и противодействию коррупции на 2011 2015 годы, утверждённой постановлением Кабинета Министров Украины от 28 ноября 2011 года № 1240 является обеспечение доступа общественности для ознакомления к проектам нормативно-правовых актов, усовершенствование механизма организации проведения общественной антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов.

Литература:

1. Данные Международной неправительственной организации Transparency International <http://cpi.transparency.org/cpi2011/results/>
2. Семенова Е.И. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов// Правовая информатика № 1 / 2013// Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz>
3. Социология: россияне почувствовали позитивные сдвиги в борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newstes.ru/2015/10/26/sociologiya-rossiyane-pochuvstvovali-pozitivnyesdvigi-v-borbe-s-korruptsией.html>
4. Юрковский А. В. Правовые основы противодействия коррупции : учебное пособие / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, В. М. Деревскова. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2012. – 199 с.

УДК 343.25

Антрушина Д.А.

Студентка 1 курса

*Северный (Арктический) федеральный университет
им М.В. Ломоносова
Высшая школа экономики, управления и права (структурное
подразделение)*

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные моменты современной правовой регламентации смертной казни в России в связи с её международно-правовыми обязательствами, обращено внимание на отечественный исторический опыт и опыт современного зарубежного законодательства.

Ключевые слова: глобализация; смертная казнь; мораторий; международно-правовые обязательства; зарубежное законодательство.

Abstract: the article raises the problematic aspects of modern legal regulation of death penalty in Russia in accordance with international juridical obligations. The author pays attention to national historical experience and practice of modern foreign legislation

Keywords: globalization, death penalty, moratorium, international juridical obligations, international legislation

В современном мире глобализационные процессы охватывают все сферы общественной жизни, в том числе и правовую. Следствием этих процессов стало возникновение двух уровней права, выделяемых по территориальному признаку: национальный и наднациональный [8, с.34-36]. Причем последний оказывает сильное влияние на самобытные правовые системы государств, вызывая их трансформацию. В юридической литературе присутствуют

полярные оценки данного явления. Однако наличие серьезных изменений всех современных национальных правовых систем, в том числе и российской, под влиянием международного права, неоспоримо.

Одним из наиболее значимых правовых событий конца XX столетия для России явилась фактическая отмена смертной казни, произошедшая как по причинам общей либерализации и гуманизации уголовного права, так и под влиянием новых международно-правовых обязательств, принятых на себя Российской Федерацией при вступлении в Совет Европы [1]. При этом государство воздержалось от полного изъятия исключительной меры наказания из действующего законодательства, хотя о вероятности такого изъятия в будущем заявлено в ст. 20 Конституции РФ. 16 апреля 1997 г. Россия подписала Протокол № 6 об отмене смертной казни, однако документ не был ратифицирован. Отказ от исполнения смертных приговоров поначалу реализовывался через процедуру помилования с заменой смертной казни пожизненным заключением. Коллизия между национальным и международным правом была в 1999 г. временно разрешена Конституционным Судом, увязавшим отмену смертной казни с поэтапным введением в регионах России суда присяжных [2]. Спустя 10 лет КС РФ своим Определением от 19 ноября 2009 г. признал за нератифицированным Протоколом № 6 статус акта, вполне достаточного для фактического прекращения вынесения и исполнения смертных приговоров, до возможного выхода РФ из данного соглашения [3]. Столь осторожная позиция в отношении принятия Россией на себя обязательства отмены смертной казни имеет глубокие исторические корни.

Смертная казнь, корни которой историки права обнаруживают в практике кровной мести, описанной еще Русской Правдой [9, с.15-16], получает свое формальное закрепление в Двинской уставной грамоте 1397 года [6, с.63], где она назначалась за третье воровство. Своего максимального распространения практика смертной казни достигает в Соборном Уложении, в котором С.И.

Викторский насчитал 95 составов преступлений, за которые она могла быть применена [7, с.111]. Лишь эпоха Просвещения породила политическую волю верховной власти к ограничению и конечной отмене «смертной экзекуции», ясно сформулированную императрицей Елизаветой Петровной [7, с.216-219], и, с разной долей успешности, осуществлявшейся при Екатерине II, Павле I и в начале правления Александра I. Однако Свод Законов 1832 г., как и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., вновь отверг эту гуманистическую идею. Ряд попыток отмены смертной казни был предпринят в России в XX веке, однако все они оканчивались возвращением смертной казни за отдельные преступления: от акта Временного правительства 1917 г. до Указа Президиума Верховного Совета СССР 1950 г., которым разрешалась смертная казнь к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам [4].

Как видно, смертная казнь в истории отечественного законодательства начиная с XVIII столетия всегда воспринималась как явление нежелательное, чрезвычайное, подверженное периодическим ограничениям. К концу XX в. круг преступлений, за которые она может быть назначена, стал минимальным. Вместе с тем требование об окончательной её отмене вовсе не разделяется большинством российских граждан, о чем свидетельствуют социологические опросы 2012 [11] и 2015 [12] гг. Современная ситуация позволяет России оставлять за собой право принятия окончательного решения по данному чувствительному вопросу, не оспаривая право Совета Европы выдвигать общие цели развития национальных правовых систем государств-участников.

Далеко не все государства сегодня придерживаются сходной гибкой позиции в вопросе ограничения и отмены смертной казни. Так, по данным Amnesty International в Китае за 2016 год зафиксировано наибольшее количество казней в мире. США по этому показателю занимают седьмое место, хотя в предыдущие годы входили в пятерку [13]. На законодательном уровне в Китае смертная казнь закреплена в четверти статей Особенной части

Уголовного кодекса, только за наиболее тяжкие преступления. При этом УК КНР в ст. 48 – 51 своеобразно регулирует возможность исполнения или смягчения смертных приговоров. Преступления, за которые предусмотрена смертная казнь, делятся на те, за которые исполнение приговора производится немедленно, и те, приговор за которые может исполняться с отсрочкой на два года. По истечении отсрочки проводится пересмотр дела, во время которого оценивается поведение осужденного за прошедший срок. По итогам пересмотра смертная казнь может быть осуществлена, либо заменена пожизненным заключением, либо заключением на срок 15-20 лет [5, с.156-158]. В США каждый штат может по-своему регулировать вопрос о смертной казни, что затрудняет общий анализ американского законодательства. В настоящий момент возможность смертной казни сохраняется в законодательстве 31 штата из 50. По данным 2016 г. фактическое осуществление казней происходило лишь в 5 штатах. Ежегодное число приведенных в исполнение смертных приговоров в последнее десятилетие сокращается (в 2016 г. – 20 казней, при том, что в «камерах смертников» содержалось 2832 осужденных). Ряд штатов объявили об отмене смертной казни в последнее десятилетие (Нью-Мексико - в 2009 г., Иллинойс - в 2011 г., Коннектикут - в 2012 г., Мэрилэнд - в 2013 г., Небраска - в 2015 г.). Федеральные власти, руководствуясь Гл. 228 Титула 18 Свода законов США, регламентируют вопросы общей гуманизации уголовного наказания через введение смягчающих вину обстоятельств, и факторов, исключающих возможность назначения смертной казни. Периодически Верховный Суд США выносит решения, ограничивающие круг преступлений, за которые она может назначаться [5, с.156-158].

Очевидно, что окончательная отмена смертной казни вовсе не является универсальным трендом уголовного права во всем мире. Некоторые страны сохраняют её, хотя бы в потенциальной возможности, даже на фоне давления международного сообщества. При этом совершенствование правовых норм идет

по пути обеспечения справедливости, правомерности и гуманности наказания, исключения возможности судебной ошибки, введению альтернативных форм наказания. В последнее время, с возрастанием опасности терроризма и иных особо тяжких преступлений, в обществе активизируются дискуссии вокруг возможности применения смертной казни. Затрагивают они и студенческое сообщество [10, с.127-135]. Мнение студентов-юристов сегодня склоняется к сохранению возможности смертной казни в законодательстве хотя бы в качестве общей превенции. При этом сохранение сложившегося моратория на ее применение – достаточная мера для соблюдения Российской Федерацией своих международных обязательств на данном этапе.

Литература:

1. По заявке России на вступление в Совет Европы – ст.10. – п. 2 [Электронный ресурс]: заключение № 193 Парламентской ассамблеи Совета Европы от 25.01.1996 № 193. Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П // Российская газета. – 1999. – № 25.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р // Собрание законодательства РФ. – 2009. – 30 нояб. – № 48. – ст. 5867.
4. Указ Президиума ВС СССР от 12.01.1950 (с изм. от 30.04.1954) «О применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1950. – № 3.
5. Агаев Д.О. Современные тенденции развития института смертной казни // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 156-158.
6. Буйанский С.Г. Смертная казнь: все «за» и «против» // Общественные науки и современность. – 2000. – № 5. – С.62-72.

7. Викторский С.И. История смертной казни в России и ее современное состояние. – М.: Тип. Имп. Моск. Ун-та, 1912. – 387 с.
8. Еремин А.Р. Ефремова А.С. Глобализация как тенденция развития современного права // Социально-политические науки. – 2014. – № 4. – С. 34-36.
9. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – 103 с.
10. Сибиряков С.Л., Куликов Я.А., Качурин А.В. Проблема смертной казни: «за» и «против» (информационно-аналитический обзор выборочного опроса студенческой молодежи) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1. – С. 127-135.
11. О смертной казни; опрос 24-25 марта 2012 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГК ФОМ. – Режим доступа: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10378/>, (дата обращения: 19.03.2018).
12. Отношение россиян к смертной казни; опрос 11-12 апреля 2015 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГК ФОМ. – Режим доступа: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128/>, (дата обращения: 19.03.2018).
13. Смертные приговоры и казни в 2016: факты и цифры. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Amnesty International. – Режим доступа: <https://amnesty.org.ru/ru/2017-04-11-kazni-statistika/>, (дата обращения: 19.03.2018).

УДК. 341.172

Астафьева А.С.

студентка 2 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы
(юридический факультет)

ЗНАЧЕНИЕ МОДЕЛЬНЫХ ЗАКОНОВ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СНГ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Модельные законы, принятые Межпарламентской Ассамблеей СНГ, имеют большое значение для правотворческой деятельности, поскольку сближают российское законодательство и законодательство стран Содружества на основе лучших образцов европейского права. Вместе с тем, автор приходит к выводу, что применение модельного закона в судебной практике не всегда соответствует его рекомендательному характеру.

Abstract: Model laws adopted by the CIS Interparliamentary Assembly are of great importance for law-making activities, since they bring together the Russian legislation and the legislation of the Commonwealth countries on the basis of the best examples of the European law. At the same time, the author comes to the conclusion that the application of the model law in the judicial practice does not always correspond to its recommendatory nature.

Ключевые слова: мягкое право, модельный закон Содружества Независимых Государств; суд; юридическая сила.

Keywords: soft law, model law of the Commonwealth of Independent States; court; legal force.

В 1991 году была образована международная организация Содружество Независимых Государств (далее СНГ), в которую вошел ряд бывших республик СССР. В следующем 1992 году была учреждена Межпарламентская Ассамблея государств - участников Содружества Независимых Государств (МПА СНГ),

как консультативный орган для гармонизации законодательств государств – стран Содружества, разрабатывающий и принимающей модельные законы.

Модельный закон – это законодательный акт рекомендательного, типового характера, содержащий нормативные рекомендации, а так же варианты возможных правовых решений (иногда и пояснения к возможным вариантам, примеры) тех или иных вопросов определенной сферы общественных отношений[1, с. 458]. По состоянию на март 2018 года было принято 384 модельных кодексов и законов, что свидетельствует об активной нормотворческой деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ, цель которой – сближение национального законодательства стран участниц СНГ. Важнейшее преимущество модельных норм состоит в том, что они рассчитаны на опережающее регулирование вопросов, не разработанных в достаточной степени в национальных законодательствах стран СНГ, адаптируют для стран Содружества лучшие образцы европейского права.

«Положение о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств»[2] устанавливает две возможности использования модельного закона: разработку и принятие на его основе парламентами государств-участников внутригосударственных нормативно-правовых актов и внесение изменений и дополнений в нормативно-правовые акты государств – участников.

Среди примеров воздействия «мягкого права» (softlaw), созданного МПА СНГ, на правовое регулирование РФ приведем несколько случаев из самых разных областей: Модельный закон о прокуратуре 2006 года рекомендовал развивать международное сотрудничество, что нашло отражение в Приказе Генпрокурора России 2009 года «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации»[3, с.223]; Модельный закон о лизинге 2005 года оказал решающее влияние на процесс обновления российского

лизингового законодательства[4, с.166]; Модельный закон об отходах производства и потребления 2007 года повлиял на изменение соответствующего ГОСТ Р 51769-2001[5].

МПА анализирует информацию об использовании модельных законодательных актов в нормотворческой деятельности парламентов с указанием формы их использования или причин, по которым использование модельных законодательных актов представляется нецелесообразным. Анализ позволяет контролировать процесс унификации законодательства, не нарушая суверенитет стран участников.

Если использование модельных законов в нормотворческой деятельности можно только приветствовать, то их применение российской судебной системой вызывает обоснованные возражения[6, с.9].

Изучение судебной практики показывает, что в судебных постановлениях могут использоваться дефиниции модельного закона. Например, понятие «доменное имя» было конкретизировано судом через Модельный закон об основах регулирования Интернета[7]. В другом деле суд дал определение научной деятельности со ссылкой на Модельный закон о статусе ученого и научного работника[8]. Очевидно, что в этих случаях стороны и суды применяют их для дополнительного обоснования своей позиции, что вполне допустимо.

Совершенно недопустимо применение модельного закона для обоснования законности судебного решения. Например, рассматривая договорный спор между предпринимателем и администрацией района арбитражный суд пришел к выводу о ненадлежащем исполнении предпринимателем контракта об отлове и умерщвлении безнадзорных животных сославшись на статью 35 Модельного закона об обращении с животными 2007 года[9]. При этом суд сделал ошибочное заключение, что применение модельного закона укладывается в рамки части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, в которой

говорится, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Очевидно, что использование модельного законодательства судами Российской Федерации показывает пробелы в законодательном регулировании, но при этом не является способом их преодоления.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) Модельные законы МПА СНГ способствуют унификации и развитию законодательства стран Содружества, согласно Перспективному плану модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2016–2020 годы они составят «мягкое право» Содружества. Модельные законы активно комментируются российскими учеными и практиками, влияют на развитие российского законодательства;

2) Модельные законы нельзя отнести к международно-правовым документам, имеющим юридическую силу и занимающим определённое в статье 15 Конституции Российской Федерации место в системе нормативных актов, ввиду чего их применение судами при разрешении конкретных правовых споров является неправильным.

Литература:

1. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. Серия Профессиональные справочники и энциклопедии. М.: Книжный мир, 2010. 685с.
2. Положение о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств" (Принято в г. Санкт-Петербурге 14.04.2005 Постановлением 25-8 на 25-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) (с изм. и доп. от 25.11.2008)//URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 28.03.2018).

- 3.Зюбанов Ю.А. Комментарий к Федеральному закону "О прокуратуре Российской Федерации" (постатейный). М.: Проспект, 2018. 400 с.
- 4.Отдельные виды обязательств в международном частном праве: монография. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.Г. Доронина, И.О. Хлестова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ИНФРА-М, 2014. 352 с.//URL: <http://base.consultant.ru>.
- 5.Изменение № 1 ГОСТ Р 51769-2001. Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Документирование и регулирование деятельности по обращению с отходами производства и потребления. Основные положения(утв. и введено в действие Приказом Росстандарта от 30.11.2010 № 755-ст)//URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 28.03.2018).
6. Антонова Л.И. Юридическая природа модельных законов Межпарламентской Ассамблеи государств -участников Содружества Независимых Государств //Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017 №3(63). С. 4-10.
7. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13 января 2016 г. по делу № 33а-392/2016 //URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 28.03.2018).
8. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 8 июля 2015 г. № 33-10816/2015 //URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 28.03.2018).
9. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 28 июля 2017 г. по делу № А33-25040/2016 // URL: <http://base.consultant.ru>. (Дата обращения 28.03.2018).

Кошкин А.С.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

**ПРОБЛЕМА РАЗНОРОДНОСТИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ О ПРИМЕНЕНИИ РАЗНОНАЦИОНАЛЬНЫХ
ЗАКОНОВ К ДОГОВОРАМ ФРАХТОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА**

Аннотация: Тезисы посвящены значению судебной практики западноевропейских государств для решения споров и претензий при столкновении разнонационального законодательства. В работе рассмотрены вопросы и критерии применения коллизионных норм, а также причины и последствия отсутствия однородности судебной практики для внешнеторговых чартерных перевозок середины XX века.

Ключевые слова: Чартер, фрахт, коллизионная норма, судебная практика, Западная Европа.

Annotation: The theses are devoted to the significance of the judicial practice of Western European states for resolving disputes and claims in the face of multinational legislation. The article considers issues and criteria for the application of conflict rules, as well as the causes and consequences of the lack of uniformity of judicial practice for foreign trade charter flights of the mid-twentieth century.

Keywords: Charter, freight, conflict of laws, judicial practice, Western Europe.

При фрахтовании иностранного тоннажа неизбежно наступает вопрос о том, нормы права какой страны должны быть применены для разрешения спора в случае столкновения разнонациональных законов. Например, если возникает

претензия при фрахтовании советского угля из Англии в Германию на датском судне, нормы законов какого государства должны быть применены? Причем нередко оказывается, что подобный спор по-разному разрешается, в зависимости от законодательства определенных государств.

В таких случаях происходит столкновение разнонациональных законов, которое должно быть разрешено с помощью коллизионной нормы, определяющей, какой закон должен быть применен к возникшей претензии.

Соответственно в различных государствах применяются разные коллизионные нормы, часто противоречащие друг другу. Государства с сильным торговым флотом, обслуживающие перевозки иностранного тоннажа, придерживаются, как правило, коллизионной нормы, устанавливающей применение закона страны флага судна, поскольку такая норма дает возможность требовать применения своих законов на претензии и споры, возникающие на территории иностранных государств. И, наоборот, государства, не обладающие соответствующими ресурсами и использующие для своих внешнеторговых перевозок иностранные морские суда, строят свою коллизионную норму на иных основаниях, таких как принцип закона места исполнения сделки, что позволит распространять на возникшие претензии их внутригосударственное законодательство [1, с. 59].

Так, к примеру, в 1928 году по вопросу о коллизионной норме было вынесено решение германского Рейхсгерихта по делу парохода «Мария-Амелия» [2, с. 82]. Обстоятельства данного дела заключались в следующем: на английском судне «Мария-Амелия», шедшем с грузом жмыхов из советских портов Черного моря в Гамбург, вспыхнул пожар, в результате которого вследствие подмочки при тушении жмыхи превратились в сплошную массу.

Выгрузка этой сплошной массы в Гамбурге вызвала значительные дополнительные расходы по сравнению с обычными расходами по выгрузке жмыхов. Грузополучатель отказался оплатить судовладельцу данные расходы

по выгрузке, ссылаясь на то, что выгрузка лежит на его обязанности. Гамбургский суд удовлетворил иск судовладельца, но Высший ганзеатический суд отменил решение суда первой инстанции, и дело по апелляции судовладельца перешло в Рейхсгерихт, который отклонил апелляцию судовладельца и тем самым решил дело в пользу грузополучателя. Из мотивов решения Рейхсгерихта следовало, что центральным вопросом судебного решения являлся вопрос о коллизионной норме, то есть вопрос о том, нормы какого государства подлежат применению: Англии или Германии.

Значение коллизионной нормы заключалось в том, что нормы английского и германского права об оплате экстрарасходов по выгрузке диаметрально противоположны. Высший ганзеатический суд применил нормы английского права и пришел к выводу, что судовладелец, взявший на себя оплату расходов по выгрузке груза, не вправе перекладывать на грузополучателя экстрарасходы по выгрузке груза. Судовладелец же в своей апелляции на решение Высшего ганзеатического суда указывал, что обязанность грузополучателя – возместить ему экстрарасходы основывается на коносаменте, выданном капитаном, согласно чартера. К коносаменту же должны быть применены нормы права страны порта назначения, то есть германского права, поскольку портом назначения был Гамбург. Согласно же подлежащих применению гамбургских обычаев, экстрарасходы по выгрузке оплачиваются грузополучателем.

Рейхсгерихт не согласился с доводами судовладельца и признал подлежащими применению нормы английского права. В заключении фрахтовой сделки с английским судовладельцем в Лондоне и ее оформлении в стандартной форме английского права Рейхсгерихт усмотрел намерение сторон подчинить сделку нормам английского права. Включенная же в коносамент отсылка к чартеру означала подчинение коносамента тем же нормам права, которым подчиняется чартер, то есть нормам английского права.

Другое решение по вопросу о коллизионной норме было вынесено Гамбургским судом первой инстанции в 1932 году по делу парохода «Эффи Мерск» [3, с. 31]. Данное судно было зафрахтовано в Германии для Экспортхлеба у датского судовладельца, причем договор фрахтования был заключен в Дании. Фрахтовка была совершена для перевозки груза жмыхов из Ленинграда в Антверпен и по обыкновению была оформлена заключением типового чартера на английском языке. Вследствие плохой штивки груз прибыл в Антверпен в поврежденном состоянии. Грузополучателем был предъявлен иск, основанный на коносаменте, содержащем в себе прямое условие об ответственности судовладельцев за вред и убытки, причиненные грузу плохой штивкой.

Бельгийский суд, в котором рассматривалось дело признал судовладельцев ответственными перед грузополучателями, но первые, проиграв дело, предъявили регрессный иск к фрахтователям в Гамбургском суде, основывая свои требования на том, что штивка была произведена стивидорами фрахтователей, а по условиям чартера, судовладельцы освобождаются от ответственности за штивку, произведенную таким образом. При рассмотрении регрессного иска возник вопрос: по нормам какого права — английского или немецкого — должно определяться значение коносамента во взаимоотношениях между судовладельцами и фрахтователями при наличии чартера. Поставленный вопрос был решен в пользу применения германского права.

Суд исходил из того, что применение сторонами английских стандартных форм чартеров не может рассматриваться как намерение сторон подчинить заключаемый договор английскому праву. Применение английских стандартных форм обуславливается по большей части техническими причинами. Более вероятным, по мнению суда, являлось намерение сторон подчинить свою фрахтовую сделку нормам германского права. Хотя фрахтовая сделка была заключена в Дании, и судовладелец является гражданином данной

страны, но фрахтователем состоит германское торговое представительство СССР. Кроме того, в чартере предусматривается, что расчеты по общей аварии подлежат урегулированию в Гамбурге. Также и аварийные взносы по общей аварии, согласно чартера, должны уплачиваться германским страховым обществом. Наконец, стороны избрали местом подсудности Гамбург. Все это привело суд к выводу, что стороны молчаливо согласились применять германское право. Однако независимо даже от этого, к возникшему спору подлежит применение норм германского права, так как при отсутствии специального соглашения сторон каждое обязательство, вытекающее из договора, подчиняется нормам права места исполнения. Для регрессного же обязательства ответчика местом исполнения является Гамбург. Из обстоятельств дела вытекает, что в намерение сторон входило, чтобы деловое выполнение договора осуществлялось со стороны ответчика его гамбургским представительством. Следовательно, и вытекающие из договора обязательства, в том числе и регрессное, подлежат исполнению в Гамбурге.

По этим соображениям суд признал подлежащими применению нормы германского права, а применив немецкое законодательство к вопросу о значении коносамента для взаимоотношений между судовладельцами и фрахтователями при наличии чартера, суд признал, что взаимоотношения сторон определяются содержанием чартера даже при выдаче капитаном коносамента.

Итак, если сопоставить два вышеуказанных решения мы можем заметить, что если по первому делу Рейхсгерихт признал подлежащими применению нормы английского права, основываясь на том, что чартер был заключен в Лондоне, а судовладельцем являлась английская фирма. Однако во втором случае Гамбургский суд признал подлежащими применению нормы германского права лишь в силу того, что фрахтователь находился в Гамбурге, и, помимо этого, стороны избрали Гамбург местом подсудности, несмотря на то,

что чартер был заключен в Дании и судовладелец являлся датским гражданином.

Это сравнение решений по идентичным ситуациям показывает, с одной стороны, шаткость критериев при разрешении коллизий разнонациональных законов, а с другой — определенную склонность суда видеть в соглашении сторон намерение подчинять свои взаимоотношения именно нормам права страны суда.

Как видим, западноевропейские суды не имеют однородной практики по решению вопросов столкновения разнонациональных законов и, соответственно, не ставят перед собой проблемы коллизионных норм. По-видимому, они исходят лишь из предположения, которое законно не обосновано. В вышеуказанных делах коллизия решается помощью правила преимущества специальной нормы (*Lex specialis derogat generali*), которая прописывается в коносаменте, поскольку в обоих случаях заключен типовой чартер, то есть договор присоединения, условия которого конкретизируются как раз в коносаменте. Решения же судов основаны на предположении о намерении сторон решить претензии или споры путем применения норм права определенного государства. Но данное предположение никак не аргументируется законодательно, отсюда разные решения в идентичных правоотношениях и, как следствие, отсутствие однородности судебной практики, что, несомненно, негативно сказывалось на правоприменительной деятельности по урегулированию внешнеторговых чартерных перевозок.

Литература:

1. Ripert Georges, *Droit Maritime*, 1922 г., т. 1, стр. 59
2. Ripert Georges, *Revue de Droit Maritime Compaе*, 1929 г., т. 20, стр. 82
3. Труды комиссии торгового мореплавания и морского права под ред. Э.Ф. Розенталя // Внешторгиздат, Москва 1934 г.

УДК. 341.162

Фирсов В.В.

студент юридического факультета

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Соболев Д.В.

студент юридического факультета

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОВЕТА ЕВРОПЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: В статье приводятся факты, указывающие на возможный выход России из Совета Европы, проанализированы его возможные последствия.

Ключевые слова: Российская Федерация, Совет Европы, присоединение Крыма, Европейский суд по правам человека, предпосылки и последствия выхода России из Совета Европы.

Abstract: The article contains facts pointing to Russia's possible withdrawal from the Council of Europe, its possible consequences are analyzed.

Keywords: the Russian Federation, the Council of Europe, the accession of the Crimea, the European Court of Human Rights, the prerequisites and consequences of Russia's withdrawal from the Council of Europe.

С древнейших времен государства, для преследования общезначимых единых целей, для обеспечения благополучия населения и его защиты объединяются в различные группы, такие как конфедерации, международные

организации. Одной из таких организаций, созданной в 1949 г., является Совет Европы.

Идея создания «Соединенных Штатов Европы» была озвучена Уинстоном Черчиллем в выступлении в Цюрихском университете в 1946 году, в котором он указал на необходимость существования в Европе аналога США.

Основным документом, регулирующим деятельность Совета Европы, является его Устав («Лондонское соглашение» 1949 года), который закрепил ряд основных целей создания данной организации.

Одним из наиболее значимых и прогрессивных достижений Совета Европы является принятие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Российская Федерация ратифицировала данную конвенцию 30.03.1998 г. [1].

В настоящее время в состав Совета Европы входит 47 государств. Российская Федерация официально считается членом Совета Европы с 28.02.1996 г., когда был принят Федеральный закон «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» [2]. Отметим, что присоединение России к СЕ сопровождалось рядом трудностей. В связи с усложненной внутривнутриполитической обстановкой в стране, обусловленной чеченским вооруженным конфликтом, Парламентская Ассамблея СЕ в феврале 1995 года приостановила рассмотрение заявки России о присоединении к организации. Необходимо указать, что с момента присоединения к Совету Европы, а также ратификации ряда международных договоров Россия неоднократно подвергалась жесткой критике. В частности, СЕ обвинял Россию в ущемлении прав человека войной в Чечне, притеснении СМИ и т.д. [3].

Присоединение России к Уставу СЕ с последующей ратификацией Европейской конвенции 1950 г. ознаменовало признание государством юрисдикции Европейского суда по правам человека в качестве международного

органа по защите прав и свобод человека, решения которого обязательны к исполнению [4].

Вступление Российской Федерации в Совет Европы во многом предопределило дальнейшее развитие правовой сферы государства, что подтверждает практика взаимодействия длительностью свыше 20 лет [5].

Однако, политическая ситуация, сложившаяся в крайние годы, свидетельствует о возрастании недопонимания, возникновении противоречий между Российской Федерацией, как государством в целом, и Советом Европы.

Следует вспомнить события 2014 года, в ходе которых к Российской Федерации были присоединены новые субъекты. Легитимность присоединения полуострова Крым была оспорена целым рядом государств, и как следствие, они приняли ряд мер по воздействию на Российскую Федерацию. Присоединение Крыма вызвало определенную реакцию и со стороны Совета Европы. России был предъявлен ультиматум о возврате полуострова Крым, который она отказалась выполнять, и, в свою очередь, российская делегация в Парламентской ассамблее Совета Европы была лишена права голоса. С тех пор Российская Федерация не направляет документы для аккредитации на сессии Ассамблеи СЕ.

Также нельзя не сказать о явном противоречии, возникающем на практике между Конституционным Судом РФ и Европейским судом по правам человека.

Конституционный Суд в результате рассмотрения запроса депутатов Государственной Думы РФ принял 14 июля 2015 г. Постановление N 21-П, которым, по сути, признал право России не исполнять решения ЕСПЧ в случае несоответствия их положений Конституции РФ. Президент РФ 15.12.2015 г. подписал закон [6], предоставляющий Конституционному Суду РФ право признавать решения ЕСПЧ неисполнимыми.

Так, руководствуясь указанными выше документами, Конституционный суд вынес ряд решений, в которых указал на невозможность исполнения

Российской Федерацией обязательств, возложенных на неё решениями Европейского суда по правам человека. Таковыми являются: Постановление КС РФ в связи с запросом Министерства юстиции по делу «Анчугов и Гладков против России»; Постановление КС РФ в связи с запросом Министерства юстиции по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Вышеперечисленное предопределяет возникновение определенных вопросов касательно соблюдения Российской Федерацией норм Европейской конвенции 1950 года. На данный момент представители государственной власти РФ изучают возможность прекращения сотрудничества с Европейским судом по правам человека. С учетом сложившихся реалий нельзя исключить возможность выхода России из Состава СЕ, что, в свою очередь, повлечет в соответствии со ст. 65 Конвенции и прекращение участия России в ней [7].

Возникает вопрос, какие в этом случае последствия возникнут?

1) Россия официально прекратит вносить взносы в бюджет Совета Европы. На 2016 г. её взнос в бюджет СЕ составил свыше 30 миллионов евро. На данный момент выплаты приостановлены. 2) Россия фактически перестанет выплачивать суммы по решениям Европейского Суда по правам человека. За 2017 год государство выплатило 900 миллионов рублей. 3) Выход России из СЕ подразумевает денонсацию ряда конвенций, в которых закреплены фундаментальные принципы демократии. Также необходимо указать, что выход из СЕ сделает возможной отмену моратория на смертную казнь. 4) Следствием выхода из СЕ может быть ужесточение внутригосударственного порядка, что, как считают многие политики и ученые, может привести к возведению нового «железного занавеса». 5) Необходимо сказать о главном аспекте выхода России из Совета Европы. Многие правозащитники серьезно опасаются того факта, что после выхода из СЕ граждане России утратят право обращаться в Европейский суд по правам человека. Отметим, что за 2016 г. Европейским судом по правам человека было вынесено 993 решения, 829 из

которых связаны с нарушениями Европейской конвенции по защите прав человека. При этом свыше 220 решений, что примерно равно 20% от их общего числа, вынесено против России. Вслед за Россией идут Турция, Румыния, Украина, Греция, Венгрия.

Данные статистики показывают, что граждане Российской Федерации активно пользуются правом на обращение в Европейский суд по правам человека. Выход же России из Совета Европы с денонсацией Конвенции 1950 г., по сути, значительно уменьшит возможности обеспечения прав и свобод человека на территории страны.

Итак, отношения России и Совета Европы в настоящий момент имеют сложный характер. Нельзя отрицать наличие практической возможности выхода Российской Федерации из Совета Европы, что повлечет за собой целый комплекс правовых и политических последствий.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.03.1998 N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" // "Российская газета", N 67, 07.04.1998.
2. Федеральный закон от 23.02.1996 N 19-ФЗ "О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы" // "Российская газета", N 38, 24.02.1996.
- [3]. Бодрова А.Е. Россия в Совете Европы // Мониторинг правоприменения. 2012. №1.
4. Капитанова Ю.С. Стандарты совета Европы и внутригосударственное законодательство России в области защиты личных прав человека // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №10-1.
5. Кирсанова К.А. Россия и Совет Европы: 20лет вместе // Актуальные проблемы российского права. 2016. №2 (63).

6. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 N 7-ФКЗ "О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 21.12.2015, N 51 (часть I), ст. 7229

7. РИА новости. Россия сегодня. Россия рассматривает возможность выхода из Совета Европы из-за ЕСПЧ (01.03.2018) // Электронный ресурс: <https://ria.ru/politics/20180301/1515506788.html> (дата обращения 30.03.2018)

УДК 341.641

Алания Н.А.

Магистрант 1 курса (101-Г)

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**AMICUS CURIAE В МЕЖДУНАРОДНОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В данной статье рассматривается институт amicus curiae и реализация в международном праве и российском. Также автор обращает внимание на правовое регулирование и проблемы реализации данного института.

Ключевые слова. Amicus curiae, третьи лица, независимое мнение.

Annotation. This article discusses the institute amicus curiae and its implementation in international and russian law. The author also pays attention to legal regulation and problems of realization this institute.

Key words. Amicus curiae, third party, independent opinion.

В современном мире в условиях растущей глобализации все чаще используются различного рода демократические институты, деятельность которых направлена на строительство гражданского общества. Одним из таких институтов является *amicus curiae*. С точки зрения этимологии данный юридический термин римского частного права, дословно переводится с латинского как «друг суда». *Amicus curiae* также широко применяется в сфере инвестиционного арбитража. Интересно то, что в том виде, в котором данный термин применяется на данный момент, он рассматривается как новый феномен.

Следует отметить, что вышеназванный институт не достаточно изучен в юридической наукой. Если обратиться к понятию, то доктор юридических наук Артур Гамбарян дает следующее определение «*amicus curiae*»: «физическое или юридическое лицо, которое не являясь участником судебного процесса, наделено правом на добровольных началах, предоставлять информацию либо давать заключения о вопросе, который обсуждается в суде, до принятия судебного акта» [1].

Функция *amicus curiae* описана британским судьей Сирилом Салмоном в связи с делом *Allen v. Sir Alfred McAlpine & Sons Ltd.* 1968 года: «Как я всегда полагал, функцией *amicus curiae* является помощь суду в беспристрастном толковании закона, или, в случае, когда одна из сторон не представлена в процессе, в выдвижении законных доводов в ее пользу» [2]. Помимо вышеперечисленных ученых, проблему *amicus curiae* в своих трудах рассматривал исследователь американского лоббизма Н. Г. Зяблюк.

Amicus curiae известен российскому праву – он применяется в конституционном судопроизводстве. В частности, решением Конституционного Суда РФ 10 октября 2017 года внесены изменения в Регламент КС РФ: документ был дополнен параграфом 34.1, согласно которому, научные организации, осуществляющие деятельность

в сфере права, граждане, осуществляющие научную деятельность в сфере права, вправе представить в Конституционный Суд инициативное научное заключение по делу, рассматриваемому Конституционным Судом [3]. Закрепление этого правила позволяет суду обратить внимание на позицию ученых-теоретиков и рассмотреть вопрос о применении нормы с разных сторон. Вместе с предоставлением научной инициативы, в процесс правоприменения включаются теоретики, что, несомненно, способствует всестороннему толкованию норм права, и спорных отношений.

В международном праве «друг суда» получил распространение в связи с глобальным развитием прав человека. Так, В Грузии институт *amicus curiae* был введен в уголовный процесс — принятый в 2009 Уголовно-процессуальный кодекс (ст.55). Заинтересованное лицо (не сторона в рассматриваемом деле) вправе не позднее, чем за пять дней до рассмотрения дела по существу представить суду свои письменные соображения или заключение по данному делу [4].

Рассмотрим применение данного института на примере международного инвестиционного арбитража. Правовое регулирование сосредоточено на трех актах: Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (the ICSID International Settlement of Investment Disputes [5], правила ЮНСИТРАЛ (UNCITRAL- United Nations Commission on International Trade law) [6], и правила Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма (the SCCthe rules of thearbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce) [7]. Помимо вышеперечисленных актов, участие *amicus curiae* может быть предусмотрено в типовых инвестиционных соглашениях.

THE ICSID вскользь упоминает о третьих лицах в ст. 21, их вступление в процесс возможно исключительно с согласия сторон спора. В тоже время, конвенция не предусматривает возможности направления трибуналу

письменных представлений *amicus curiae*. То есть, регламентация в данном акте представляется нам весьма расплывчатой.

Правила ЮНИСТРАЛ содержат подробное описание алгоритма участия *amicus curiae*. В них указывается, что письменное представление со стороны третьих лиц может быть подано исключительно после консультации со сторонами. К представлению предъявляется ряд таких требований, как, например, применение языка арбитража и объем страниц документа.

Также, представления *amicus curiae* не должны ущемлять интересов сторон спора либо усложнять ход разбирательства, а стороны спора вправе делать замечания относительно содержания такого представления.

Правилами Торговой Палаты также предусмотрена возможность подачи письменного представления третьими лицами, суд также наделен правом делать запрос на такие представления по правовым либо же фактическим вопросам и деталям судебного разбирательства.

Какова же цель непосредственного участия «друга суда» в инвестиционном арбитраже? Смысл его применения заключается в том, что суд не может знать абсолютно все и какая-либо информация о спорных правоотношениях, рассматриваемым им в процессе может быть ему неизвестна ввиду их специфики, особенно, если речь идет о довольно узкой сфере общественных отношений.

Смысл его применения заключается в том, что суд не может знать абсолютно все и какая-либо информация о спорных правоотношениях, рассматриваемым им в процессе может быть ему неизвестна ввиду их специфики, особенно, если речь идет о довольно узкой сфере общественных отношений. То есть, на «друга суда» возлагается обязанность по донесению компетентного мнения, которое, предположительно, может повлиять на благоприятный исход дела, а принимать его к сведению или нет – остается на усмотрение суда. Ведь мнение специалиста, имевшего тот или иной опыт в

каком-то поле деятельности, может способствовать правильному толкованию специфики правоотношений.

С одной стороны, «друг суда» выступает своего рода экспертом, сведущим лицом, и его ценность состоит в том, что он способен предоставить суду такую информацию, которую последний не получил бы ни от сторон спора, ни самостоятельно.

С другой стороны «друг суда» выполняет важную функцию выражения мнения той или иной части общества по тем важным, общественно значимым вопросам, которые являются предметом судебного разбирательства. В этой роли *amicus curiae* приближается по своему процессуальному положению к стороне спора, однако не сливается с ней: в то время как сторона по делу отстаивает свой частный интерес, непосредственно затрагиваемый исходом дела, «друг суда» действует в публичном интересе, отстаивая ту или иную общественно-политическую точку зрения.

Необходимость института выражается в возможности третьих лиц, не участвующих в споре, присутствовать на слушаниях или отслеживать их проведение, принимать участие в рассмотрении спора посредством внесения представлений.

Применение института на ранних этапах не совсем целесообразно, поскольку существует вероятность злоупотребления данным институтом и перенасыщения судебного разбирательства независимыми мнениями.

Важно отметить, что данный институт имеет тесную связь с принципом прозрачности или транспарентности. Данный термин обозначает доступность информации и возможность доступа к последней. В рамках ЮНСИТРАЛ-принцип прозрачности подразумевает опубликование представлений третьих лиц и сторон международного договора, не участвующих в деле.

Таким образом, можно заключить, *amicus curiae* является своеобразной формой взаимодействия суда и гражданского общества. Значение данного

института *amicus curiae* действительно выражается в его переводе (друг суда), так как при помощи представлений Суду (Трибуналу) не только оказывается помощь в разрешении спора, но и дается возможность понять, насколько исход дела может повлиять на интересы общественности.

Литература:

1. Гамбарян А. С. Институт «Amicus Curiae» как средство обеспечения эффективности судебной политики Республики Армения // [Электронный ресурс] URL: <http://www.iuaj.net/node/1323>
2. *Saha, Tushar Kanti*. Textbook on Legal Methods, Legal Systems & Research. — Universal Law Publishing, New Dehli, 2010. — P. 94.
3. Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 10.10.2017) // Правовая система «Консультант плюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии // [Электронный ресурс] URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/90034/48/ru/pdf>
5. Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (the ICSID- International Centre for Settlement of Investment Disputes). // [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902243>
6. Правила ЮНСИТРАЛ (UNCITRAL- United Nations Commission on International Trade law.) // [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/10135203/>
7. Правила Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма (the SCC rules of the arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce.) // [Электронный ресурс] URL: <http://arbitrations.ru/press-centr/news/arbitrazhnyy-reglament-torgovoy-palaty-stokgolma/>

Имамов А.А.

*Башкирский Государственный Университет, Стерлитамакский филиал
Кафедра теории и истории государства и права*

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: В данной научной работе рассматривается проблема соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права в условиях глобализации.

Annotation: In the given scientific work the problem of correlation and interaction of international and domestic law is considered in the conditions of globalization

Ключевые слова : международное право, внутригосударственное право, глобализация, правовое регулирование

Keywords: international law, domestic law, globalization, legal regulation

Проблема соотношения международного и внутригосударственного правового регулирования является одним из дискуссионных вопросов в сфере юриспруденции. Актуальность данной проблемы обусловлена усложнением структуры, расширением круга действия и дифференциацией субъектов в сфере международных отношений.

Значимость исследований в сфере правового регулирования обуславливаются процессами глобализации. Весьма очевидно, что при осуществлении своих функций современное развитое государство связано как с внутренними факторами социального характера, так и с их влиянием в мировом масштабе. Будет верным утверждать, что глобализация, в современном мире, является одним из ключевых факторов, которые определяют содержание

современного права. [1] Эти процессы в большой степени коснулись уровня национальных правовых систем, в той же мере, что и международное право.

Взаимодействие международного и внутригосударственного правового регулирования обуславливается международной интеграцией и развивающейся интернационализацией общественных отношений на основе взаимодействия различных государств. Думается, что в современном мире появляется все больше оснований для констатации факта об ослаблении статуса международного права, как в целом, так и в частном правовом регулировании.

Правовое регулирование – одно из важных оснований возникновения и поддержания стабильного правопорядка, его наличие обусловлено необходимостью обеспечения, а самое главное, гарантирования свободы в обществе. В современной науке принято выделять следующие виды правового регулирования: национально-правовое, объектом которого являются внутригосударственные общественные отношения и международно-правовое, объектом которого являются международные общественные отношения. Второе в зависимости от источника распадется на следующие виды: многостороннее, которое выражает общую согласованную волю объединения государств и двустороннее, которое, соответственно, выражает волю двух государств.

Множество различных международных общественных отношений способствует невозможности урегулирования их нормами какой-либо конкретной одной правовой системой: регулирование международного права, в котором объектом являются публичные (межвластные) отношения, инкорпорируется внутригосударственным регулированием.

На сегодняшний день, продуктивное правовое регулирование внутригосударственных отношений всё в большей степени становится подвержено зависимости от согласованности норм международного права и национального права.

Взаимодействие внутригосударственного и международного права вытекает в форме взаимного влияния друг на друга. Однако ряд исследователей придерживается точки зрения о первичности внутригосударственного права, акцентируя внимание на том, что государства формируют международное право, а не наоборот. [2] При формировании международно-правовых норм государства ориентируются на собственный существующий правопорядок, основы политического и социального строя, которые закреплены в законах.

Внутригосударственное правовое регулирование, в свою очередь, может служить образцом международного универсального правопорядка когда эффективность первого закреплена действующей практикой. В качестве примера может служить создание международных норм в области права международной купли-продажи, вексельного права, права интеллектуальной собственности.

На основе правового регулирования осуществляется согласование внутригосударственного и международного права. Данная необходимость обусловлена тем, что внутригосударственное право обязательно для реализации положений международного права. Вместе с тем, внутригосударственное право в ходе такого согласования будет всегда определяющим: закрепленные на его основе принципы общественного и государственного строя будут устанавливать условия взаимодействия между собой этих двух правовых систем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внутригосударственное правовое регулирование, которое связано с реализацией норм международного права, является неотъемлемым элементом механизма регулирования международных общественных отношений в международно-правовой сфере. В связи с этим, можно утверждать, что национальное и международное право целостно реализуют правовое регулирование международных общественных отношений, дополняя и взаимодействуя друг с другом. Нормы

внутригосударственного права влияют на международную государственную позицию, а международно-правовые нормы оказывают воздействие на реорганизацию внутригосударственного правопорядка.

Литература:

1. Вагина Н.М. Принципы публичного права. – Самара, 2004. - С. 164.
2. Тункин Г.И. Международное право. - М., 1982. - С. 7

УДК. 343.163

Котолупова Е.И.

магистрант 1 курса

*Крымский юридический институт (филиал) Академии Генеральной
Прокуратуры Российской Федерации*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ

Аннотация: в статье рассмотрена международная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации как инструмент поддержания гражданского мира и межнационального согласия.

Ключевые слова: прокуратура, международные организации, межнациональное согласие, международное взаимодействие.

Annotation: the article examines the international activities of the prosecution authorities of the Russian Federation as an instrument for maintaining civil peace and interethnic harmony.

Keywords: prosecutor's office, international organizations, international consent, international cooperation.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день современное государство сталкивается с рядом проблем и угроз, непосредственно связанных с эскалацией межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Как известно, одним из главных условий успешного развития любого государства является его внутривнутриполитическая стабильность, гражданский мир и межнациональное согласие. Таким образом, учитывая ежедневное стремительное изменение обстановки в мире и государстве, проблема обеспечения и поддержания межнационального согласия в обществе является особо значимой.

Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что системные проблемы общества часто находят выход именно в форме межнациональной напряженности [1]. Не следует забывать, что между нерешенными социально-экономическими проблемами, неэффективностью власти и конфликтами на национальной почве существует прямая зависимость.

Юрий Воробьев, заместитель Председателя Совета Федерации, также подчеркнул, что: «Для нашей страны — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос и межнациональные отношения носят фундаментальный характер. В России живут более 190 наций и народностей, используется 277 языков и диалектов, при этом в системе образования используется 89 языков, поэтому одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие» [2].

Следует подчеркнуть, что международная деятельность органов прокуратуры по противодействию экстремизму и терроризму тесно взаимосвязана с поддержанием согласия и гармонии в обществе, поскольку

малейшие противоречия в нем могут быть использованы для распространения экстремистской и террористической идеологии.

Не стоит забывать о том, что экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия.

При этом особую опасность представляют международные экстремистские и террористические организации, деятельность которых распространяется по различным регионам Российской Федерации. Вследствие этого в последние годы во всем мире и, в частности, в Российской Федерации, заметно вырос интерес к профилактике экстремизма, в первую очередь, в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений. Являясь участником ряда международных организаций (ШОС, БРИКС, МАП, контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН), деятельность которых направлена на борьбу с международным терроризмом, Генеральная прокуратура Российской Федерации способствует обеспечению мира и согласия, как на территории государства, так и за его пределами.

Создание и применение эффективной системы мер, направленных на гармонизацию национальных и религиозных отношений в стране, развитию и поддержанию толерантного сознания, а также профилактике экстремизма в обществе является комплексной задачей, решение которой требует скоординированных усилий государственных органов и национально-культурных, религиозных и межгосударственных объединений. Так, например, прокуратурой республики систематически обеспечивается участие в заседаниях Комитета Государственного Совета Республики Крым по межнациональным отношениям.

Роль органов государственной власти, в том числе органов прокуратуры Российской Федерации, в развитие и поддержание межнациональных

отношений, имеет свои особенности. Следует сказать, что данную цель преследуют все направления деятельности органов прокуратуры, в том числе деятельность по обеспечению международного взаимодействия. Участие прокуратуры Российской Федерации в противодействии распространению экстремистской и террористической идеологии на международном уровне способствует укреплению межнационального согласия как в государстве, так и вне его.

На сегодняшний день на региональном уровне федеральные законы Российской Федерации развиваются и конкретизируются с учетом местных особенностей. К настоящему времени разработаны и действуют множество региональных нормативных правовых актов, регулирующих профилактику экстремизма в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений. Однако, справедливо будет заметить, что этого недостаточно. Кроме этого, на современном этапе развития общества и государства правозащитная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации не может ограничиваться исключительно пределами государства, что приводит к необходимости углубления и расширения сферы международного сотрудничества.

Учет особенностей и основных тенденций в сфере межнациональных отношений играет сегодня важнейшую роль в реализации национальной политики любого государства.

Многонациональность Российской Федерации диктует необходимость государственного вмешательства в урегулирование межнациональных конфликтов [3]. Активное взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации с различными международными организациями способствует полноценной реализации и всесторонней защите прав и свобод человека и гражданина. Более того, на сегодняшний день крайне важно принимать во

внимание не только интересы нации в целом, но и каждого народа в отдельности.

Таким образом, будучи участником ряда международных сообществ и организаций, а соответственно участником международных отношений, прокуратура Российской Федерации способствует поддержанию равновесия в межнациональных отношениях. Кроме этого, активное противодействие распространению экстремизма и терроризма, которые, как известно, являются основой для разжигания межнациональных конфликтов, также является одним из направлений международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации.

Литература:

6. В.В. Путин. «Россия: национальный вопрос» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

7. Обеспечение межнационального мира и согласия — это обеспечение национальной безопасности России [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/obespechenie-mezhnacionalnogo-mira-i-soglasiya-eto-obespechenie-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html>

8. Урегулирование межнациональных конфликтов — первоочередная государственная задача [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.pechenga51.ru/news/?d=27-11-2015_11:24

УДК 341.1/8

Калугин Д.А.

студент 3 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

РОССИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье анализируются надгосударственные интеграционные образования как своеобразные формы существования государств в условиях глобализации, выявляются их особенности, проблемы и перспективы функционирования.

Ключевые слова: интеграция, глобализация, национальное право, международное право.

Abstract

The article analyzes supra-state integration formations as peculiar forms of existence of the States in the conditions of globalization, reveals their features, problems and prospects of functioning.

Key words: integration, globalization, national law, international law.

Современное общество как в национальном, так и в общемировом масштабе на сегодняшний день – это динамично развивающаяся система, которая имеет сложные взаимообусловленные связи, выраженные во взаимодействии различного рода. Комплекс механизмов распределения экономически благ, взаимопроникновение культурных сфер, корреспондирующее влияние мировоззрений и ценностей, общность политических процессов и взаимность современных вызовов – всё это ничто иное как единая, пусть и не стройная система мирового «взаимного действия», именуемая глобализацией.

Российское государство в рамках данной системы является активным актором вышеуказанных процессов, однако, опираясь на характеристику составных элементов глобализации как комплексного явления, мы можем говорить о том, что Российская Федерация не только влияет, но и поддается внешнему влиянию

во всех сферах своей общественно-государственной жизни, в том числе и правовой [1, с. 212].

Правовая система России не является обособленной и так или иначе, как субъект международных отношений, наша страна приобретает дополнительные обязательства и права в отношении своих граждан и в отношении иных публично-правовых образований, однако, можно говорить о воплощении в подобных действиях воли государства, но есть и иной феномен – передача суверенитета на наднациональный уровень и формирование интеграционного или формально-организационного (что является дискуссионным [2]) институционального выражения совокупности суверенитетов ряда государств, формирование нового субъекта, нового уровня правовой системы.

В связи с активизацией оформления многополярного, взаимосвязанного мира, активной внешней политики России и растущего количества международных организаций и иных форм объединения и взаимодействия государств, в которых принимает участие Российская Федерация, нами был определен предмет исследования – интеграционные институты России. Данное явление с помощью общеправовых методов, приемов формального юридического анализа, исторической ретроспективы и комплексного подхода было изучено с позиций состоятельности современных, наиболее динамично развивающихся интеграционных объединений, в которые входит Российская Федерация, их влиянию на национальное право и формирование единого пространства с перспективой на функциональный и концептуальный переход к качественно новому формату существования. Подобная позиция и поставленные задачи позволили достичь цели исследования – изучить интеграционную политику России как фактор влияния на правовые внутригосударственные процессы.

На сегодняшний день глобалистика уверенно ищет точку невозврата, а акцент международного взаимодействия стремительно переходит к региональным процессам, институциональным и временным площадкам, как концентрации

ресурсов, возможностей и суверенных притязаний, что позволяет подобным общностям государств и их форменным выражениям играть более существенную роль в современном мире тенденциозной глобализации [3]. Россия участвует в десятках региональных объединений, среди которых ведущую роль играют: СНГ, ЕАЭС, Союзное Государство России и Беларуси, ОДКБ, а также более глобальные объединения (БРИКС, ШОС, организации Тихоокеанского региона).

Обобщая тенденции, которые наблюдаются в рамках «постсоветского взаимодействия» и которые наглядно прослеживаются в мировых векторах функционирования интеграционных объединений (нежелание элит формировать подлинное единство надгосударственного пространства; волатильность центров всеобъемлющего развития; центробежность как основа формирования интеграции в противовес идентичности – номинальному равенству статуса участников, рассматривается как губительный подход), мы можем говорить о противоречивости явлений на надгосударственном уровне, что ведет к фрагментарности, недостижению результатов, фиктивному существованию таких образований и деформации правовой системы и содержаний национального суверенитета [4, с. 44].

К сожалению, эти тенденции прослеживаются и в вышеуказанных наднациональных образованиях (международными их нередко нельзя назвать в силу ментальной и национально-исторической общности и единства народов и наций, которые разделены линиями границ государств). Эффективность таких разновекторных платформ как СНГ постепенно падает, несмотря на успехи в ряде сфер взаимодействия, к примеру уголовно-правового сотрудничества [5]. Связано это, в первую очередь, с формированием губительной системы планового целеполагания и абсолютизации суверенитета как формальной ценности без оглядки на интересы граждан этих государств. Нет комплексной программы взаимодействия в рамках столь универсальных площадок. Нет

видения дальнейшего преобразования и конечной цели как сущности существования. Сотрудничество как самоцель, гармонизация как самоцель просто несбыточны ввиду отсутствия, что называется, мотивационной составляющей.

Подобное «взаимодействие» деструктивно и ведет к устареванию, в том числе и правовой базы, что со временем лишь затрудняет взаимодействие, отдаляет возможности от повестки дня, а в последствии и ставит вопрос о необходимости существования таких объединений.

Обращаясь к опыту более современных объединений – Евразийскому Экономическому Союзу, мы говорим о принципе не концептуального консенсуса, а абсолютного. Это значит, что для решения вопросов и осуществления внутренних процессов требуется согласие всех государств на высоком уровне. Надгосударственная надстройка не имеет возможности функционировать автономно от воли субъектов-членов, что в итоге является триумфом сторонников суверенитета как высшей ценности, но полностью нивелирует цели данного объединения [6, с. 107].

Как ни странно, решение проблемы состоятельности интеграционных объединений лежит в конституционной плоскости. Нет необходимости описывать весь изученный нами опыт российской интеграции, чтобы прийти к выводу, что институциональные объединения, воля таковых акторов просто отсутствует в виду не столько не системности внешнего курса и политических патологий, сколько ввиду конструкций, заложенных в национальном законодательстве, в основах, предопределяющих конституционный строй. Нет возможности говорить об эффективных интеграциях, о возникновении предвестников сложных федераций и конфедеративных форм, когда нет общности институтов местной власти, когда нет единого пространства и понимания единства наций и народов как носителя не только национального суверенитета, но и суверенитета более высокого уровня.

Умение выйти за рамки национального мышления продемонстрировано в различных конституциях мира, особенно наиболее новых [7]. Что же касается российской конституции, то примат международного права до сих пор категория спорная не только в части правильности как таковой, но и содержания: примат ратифицированных положений или положений общепризнанных, устоявшихся, всеобщих. Основа российского конституционализма, государства – права и свободы человека, как высшая ценность. Однако видится, что подобная ценность плавно трансформируется в суверенитет, которые уже не имеет возможности воплотиться в волю по созданию суверенного союза, как добровольного объединения государств. Невозможность сделать шаг в сторону перехода от суверенитета государственного к суверенитету народа как общности людей, наций и этносов, выражающая их общую судьбу на определенной территории пусть и посредством объединений государств [8, с.60].

Не менее важным является и внешний фактор идентичности статусов государств в рамках интеграционного объединения, в частности России и других участников. Именно пагубность идентичности статусов не позволяет перейти к равенству, к учету исторических ролей и сути России как консолидирующего ядра, как основы экономического и культурного существования, правовой системы.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, Россия ограничила себя внутренними правовыми и мировоззренческими установками касательно взаимодействия с государствами. Нет возможности говорить о подлинной гармонизации законодательства, за исключением отдельных примеров, как подтверждение принципа фрагментарности интеграции – «сотрудничества», а не «всеобъемлющего сближения» (примером может послужить Таможенный кодекс ЕАЭС). Во-вторых, конституционная концепция суверенного нередко противоречит высшей ценности государства. В-

третьих, декларируемые цели не соотносятся с реальными действиями, что в свою очередь, вносит дисбаланс не только в международное право, но и отягощает национальное. Таким образом, необходимо говорить о перезапуске понимания явления «интеграция» как о будущем российского народа, как о форме не просто взаимодействия государств, а их существовании.

Литература:

1. Захаров В. К. Россия между Западом и Китаем. Может ли евразийская интеграция преуспеть без создания третьего центра силы? // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. — Т. 1 из 1. — ИНИОН РАН Москва, 2018. — С. 210–216.
2. Щеголева Н. Г., Терентьева О. И. Валютная интеграция в ЕАЭС: тестирование на соответствие критериям оптимальной валютной зоны // Вестник Академии (Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы). — 2017. — № 3. — С. 17–23.
3. Леонова О. Г., Ильин И. В. Глобализация, интеграция и устойчивое развитие. Международный форум g7 // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2017. — Т. 2, № 9. — С. 66–71.
4. Ковалев А. А. Евразийская интеграция как пример современного интеграционного процесса в условиях нестабильности // Управленческое консультирование. — 2017. — № 6. — С. 40–46.
5. Сидорович А. В., Шокаманов Ю. К. Евразийский экономический союз и евразийская экономическая интеграция // Национальная экономика : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А. В. Сидорович [и др.] ; под ред. А. В. Сидоровича. — Юрайт Москва, 2017. — С. 446–469.

6. Паламарчук А. В., Рыбакова М. В. Евразийская интеграция: теоретический аспект интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. — 2017. — № 2. — С. 103–110.
7. Барсенков А. С. Интеграция России в мировое сообщество: основные этапы // Геополитический журнал. — 2017. — Т. 1, № 17. — С. 54–68.
8. Казакова В. А., Иншаков С. М. Межотраслевая интеграция как предпосылка эффективности права // ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 57–68.

СЕКЦИЯ 5
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

УДК. 342.25 (81)

Шевченко В.И.

кандидат юридических наук, доцент

Доцент кафедры истории и теории государства и права
юридического факультета

*«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ШТАТОВ И МЕСТНОЕ
САМОУПРАВЛЕНИЕ В БРАЗИЛИИ

Аннотация. Федеративные государства, независимо от места нахождения региона, всегда представляли и представляют неподдельный научный интерес, связанный с распределением полномочий между федеральными органами власти, субъектами федерации и органами местного самоуправления. Именно эти вопросы автор рассматривает в статье на примере Бразилии.

Ключевые слова: федеральное государства, штаты, муниципалитет, местное самоуправление.

Abstract. Federal States, regardless of the location of the region, have always represented and represent a genuine scientific interest associated with the distribution of powers between Federal authorities, subjects of the Federation and

local governments. It is these issues that the author considers in the article on the example of Brazil.

Key words: Federal States, States, municipalities, local governments.

Глубокие изменения, происходящие в разнообразных структурах мирового сообщества и трансформации социально-политических систем, дают основания говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития.

В современную эпоху перед человечеством стоит целый комплекс нерешенных проблем, от которых во многом зависит не только установление нового международного правопорядка, учитывающего все глобальные исторические перемены, но и новую международную обстановку, возникшую вначале XXI в.

Совершенствование государства и его аппарата с учетом активной роли гражданского общества - задача номер один во всех развитых странах. К этому глобальному процессу приобщена и Бразилия.

Бразилия как суверенное государство появилась на политической карте мира в 1822 г. Исторические условия страны способствовали превращению из колонии в метрополию. На протяжении 67 лет независимости Бразилия представляла собой монархию и только в 1899 году была провозглашена республикой.[1]

В истории государственного устройства Бразилии известны периоды усиления централизации и децентрализации власти. Во времена Первой республики (1889-1930) важная роль в системе управления страны принадлежала штатам. Президент страны мог быть избранным только после одобрения его кандидатуры губернаторами штатов. В 1930-1945 гг. в период "Нового государства" усиливается роль центральной власти. Во времена демократических перемен (1946-1964) роль штатов во внутривластной

жизни страны возросла. Но после установления военного режима с (1964 - 1985) влияние штатов на политическую жизнь страны было ограничено.[2]

За всю историю Бразилии в стране действовало семь конституций. Действующая Конституция Бразилии принята 5 октября 1988 года. В работе над ней приняла участие специально созванная Конституционная ассамблея, а также значительная часть населения страны.

Новый Основной закон включает в себя 250 статей, а также преамбулу и переходные положения. В ней появились новаторские политические концепции, начиная с охраны окружающей среды и заканчивая усилением контрольных функций законодательной власти над деятельностью исполнительной.[2]

После двадцати летнего правления военного режима в Конституции 1988 г. закреплены демократические изменения в стране, и Бразилия была объявлена федеративной республикой.

В состав федерации вошли 26 штатов федеральный округ, на территории которого расположена столица — Бразилиа, в которой находятся центральные органы трех ветвей власти.

Политическая система, возникшая после восстановления в стране гражданских форм правления, получила название Новой республики. Конституция 1988 (с поправками 1994 и 1997) провозгласила Бразилию демократическим правовым государством, основанным на принципах суверенитета, гражданства, человеческого достоинства, социальных ценностей труда, свободного предпринимательства и политического плюрализма. 21 апреля 1993 г., на референдуме, в качестве модели территориального и государственного устройства страны принята федеративная президентская республика.

Избирательная система регламентируется Конституцией 1988 (с поправками 1994 и 1997) и законом 1997. Основной закон предоставил право голоса неграмотным, возрастной ценз снижен с 18 до 16 лет.[3]

Кроме всего прочего поправки наделили политической автономией штаты и муниципии.

Следует так же отметить, что современная Конституция Бразилии — одна из немногих в мире, которая предусматривает процедуру формирования государственного регулирования и планирования развития социально-экономических районов.

Каждый штат имеет свою конституцию экономические и политические права, однако не имеет права выхода из федерации. Участие штатов в органах центральной власти реализуется на основе принципа партийного представительства. Всем штатам гарантируется равное представительство в верхней палате конгресса — сенате.

По законам Бразилии, каждый субъект федерации независимо от количества его населения представлен в сената тремя депутатами.

Выборы в палату депутатов осуществляется на основе пропорционального представительства. В Конституции установлена норма, согласно которой штаты должны быть представлены в нижней палате не менее чем восьмью депутатами, а максимальная их численность не должна превышать 70 человек. В результате штаты Севера и Центрального Запада имеют широкое представительство, нежели штаты Юго-Востока. [3]

Бразильская федеративная система, оставляя за центральными органами всю полноту власти, предоставляет штатам только автономию. Однако реальные возможности штатов Бразилии по обеспечению известной независимости самоуправления не следует недооценивать. Экономическая разобщенность штатов и традиционное стремление к самостоятельности привели к тому, что органы власти штатов многие вопросы своей внутренней жизни стали решать сами.

Система органов власти и управления в штатах во многом копирует федеральную систему. Каждый штат имеет свое однопалатное, а в крупных

штатах — двухпалатное законодательное собрание. Число депутатов в них первоначально было установлено федеральной конституцией главным образом в зависимости от численности населения.

Избираются законодательные собрания штатов каждые четыре года путем прямых выборов по пропорциональной системе.

Законодательное собрание штата принимает законы и вводит внутренние налоги в пределах компетенции, предоставленной федеральной конституцией. Законодательной инициативой пользуются депутаты, губернатор, муниципальные советы и суд правосудия штата. Губернатор имеет право вето. Порядок принятия законов в собраниях штатов в основном аналогичен федеральному.

Федеральная конституция не определяет общие права штатов или, как в ней говорится, сохраняет за ними «все полномочия, которые прямо или косвенно не запрещены» ею, но она строго регламентирует права штатов устанавливать налоги.

Штаты могут вводить налоги: на земельную собственность, за исключением городской, на переход собственности по наследству, на переход недвижимого имущества по сделкам и на включение его в капитал акционерных обществ, на экспорт товаров своего производства при условии, что налог не превысит пяти процентов стоимости товара.

Главой исполнительной власти штата является губернатор. Он избирается прямым голосованием сроком на четыре года. Переизбрание губернатора конституцией запрещается. Кроме того, губернаторами не могут быть избраны секретари штатов, командующие военными округами, начальники и высшие офицеры полиции, федеральные судьи и судьи штатов, руководители прокуратуры, если все они осуществляют свои функции в течение установленного законом срока, непосредственно предшествующего выборам.

Полномочия губернатора весьма широки. Формально он наделен, в пределах своего штата, правами президента. Губернатор — глава штата и руководитель правительства штата. Он командует войсками полиции и руководит полицейской службой муниципалитетов. Ему принадлежит право выработки бюджета, разработки законопроектов о введении налогов и непосредственного распоряжения финансовыми средствами штата. Губернатор назначает и смещает членов своего кабинета (секретарей), начальников полиции и других должностных лиц.

Вся деятельность губернатора протекает в тесном контакте с федеральным правительством. Президент Бразилии часто вызывает губернаторов для личного отчета перед ним. Кроме того, губернаторы поддерживают непосредственную связь с командующими военными округами.

В Конституции Бразилии 1988 года муниципалитеты рассматриваются как часть Федерации, а не просто как зависимые подразделения Штатов. Каждый муниципалитет имеет автономное местное правительство, состоящее из мэра (префейто) и законодательного органа, называемого муниципальной палатой (камара).

Муниципалитетам предоставляется право самостоятельного управления делами, касающимися их интересов. Они могут вводить и собирать налоги, пользоваться своими доходами и организовывать работу предприятий общественного назначения. Основные доходы муниципалитетов — налоги на городскую земельную собственность и городские строения, на зрелищные мероприятия, на лицензии, а также на прибыли от коммунальных и иных предприятий общественного назначения.

Муниципалитеты в соответствии с конституцией пользуются автономией. Члены муниципального совета (советники), а также префекты избираются населением. Число членов совета колеблется в зависимости от величины

населения муниципалитета. В Рио-де-Жанейро, например, в муниципальном совете 50 членов.[4]

Муниципалитеты делятся на муниципальные округа, которые образуются по решениям законодательных собраний штатов. В муниципальных округах имеются свои муниципальные советы. Управляются округа в одних штатах специальными должностными лицами, назначаемыми советами, в других — супрефектами, назначаемыми префектами муниципалитетов. При супрефектах, как правило, существуют постоянные окружные советы, избираемые местными муниципальными палатами.

Центральной фигурой местного управления является префект. Полномочия его часто шире, чем полномочия муниципального совета. При префекте существует аппарат чиновников, который и осуществляет повседневное управление муниципалитетом. Аппарат этот делится на секретариаты префектуры, число которых неодинаково. В федеральном округе Рио-де-Жанейро префектура имеет 6 секретариатов: секретариат префекта, секретариат образования и культуры, финансов, внутренних дел и безопасности, здравоохранения и социального обеспечения, транспорта и общественных работ. Префектам подчиняется местная полиция.[5]

Муниципальная автономия, особенно в промышленных центрах, способствует расширению участия народных масс в самоуправлении. Именно поэтому правящие классы всячески ее ограничивают. Губернаторы штатов вмешиваются в дела муниципалитетов, отменяют решения муниципальных органов и без большого труда добиваются смещения негодных им должностных лиц.

Наиболее эффективным средством ущемления муниципальной автономии в Бразилии является право губернаторов штатов и территорий назначать префектов в тех административных центрах, которые имеют особое

экономическое значение. По существу это означает, что префекты назначаются во многих важных муниципалитетах Бразилии.

События последних лет в Бразилии показали, что силы, защищающие конституцию и добивающиеся независимого и прогрессивного развития страны, способны противостоять внешней и внутренней реакции. Вместе с тем опыт бразильской политической жизни показывает, что успехи в условиях глобализации могут быть достигнуты лишь при создании, укреплении и защите демократических свобод, и национальной независимости.

Литература

- 1 Еремян В.В. Местное самоуправление и муниципальное управление в Латинской Америке. Исторический опыт генезиса: Монография. М.: Грамота, 1999
2. Гладкий Ю.Н. Общая экономическая и социальная география зарубежных стран. - М.: Издательство Academia, 2006. - 444с.
3. Конституция Бразилии 1988 г.
Мартынов Б.Ф. Бразилия - «тропический гигант» на подъеме М.: ИЛА РАН, серия «Саммит», 2011. 120 с.
4. Мартынов В. Л. Социально-экономическая география современного мира. - М.: Издательство Академия, 2010. - 248с.
5. Окунева Л.С. Бразильский опыт социальной модернизации в начале XXI века//Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 2.
6. Олейник А.П. Страны в цифрах, 2011. - Электронное издание, 2011., 2-е изд. - 62 с.
7. Родионова И.А. Экономическая и социальная география.- М.: Издательство Юрайт, 2012.-693 с.

УДК. 342.25

Сибилева А.Ю.

к.ю.н., ст. преподаватель кафедры истории и теории государства и права

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ИНСТИТУТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции развития местного самоуправления в России в контексте современных глобализационных процессов, а также влияние на них международных санкций в отношении государства. Автор отмечает, что на фоне геополитического кризиса контакты между регионами РФ и зарубежья становятся фактором глобализации, при этом местное самоуправление как институт выступает субъектом таких процессов, а сами муниципалитеты и их население являются объектом глобализации.

Ключевые слова: местное самоуправление, глобализация, санкции, муниципалитет.

Annotation: The article examines the tendencies of the development of local self-government in Russia in the context of modern globalization processes, as well as the impact of international sanctions on the state's entry into them. The author notes that against the backdrop of the geopolitical crisis between globalization, while local government as an institution of prostitution, and municipalities and their population are the object of globalization.

Key words: local government, globalization, sanctions. municipalities

В условиях кризиса международных отношений и геополитической

напряженности последних лет глобализация зачастую воспринимается едва ли не как посягательство на государственный суверенитет. В любом случае это процесс ослабления территориальных, культурных, социальных, правовых барьеров, что не может не сказываться на местном самоуправлении, как первичном уровне публичной власти.

Вполне уместно допустить, что усиление международных санкций в отношении России отразится на тех глобализационных процессах, в которых так или иначе участвуют институты государственной и публичной власти.

Несмотря на очевидный кризис глобализации, который практически единодушно констатируют и политики, и эксперты, и ученые, она продолжает оказывать влияние в том числе и на российское общество, его институты и государственность.

Глобализация происходит на разных уровнях и в разных сферах – как в политической, социальной, экономической плоскостях, так и в информационно-коммуникативной. Динамичное развитие последней сферы за последние десятилетия сделало решающий вклад в усиление процессов глобализации во всем мире.

При этом такое усиление взаимной зависимости стран, народов, общностей может быть как фактором прогресса и процветания, новых возможностей, так и нести новые угрозы и конфликты. Необходимо разграничивать глобализацию как объективное явление, обусловленное развитием информационных технологий, и механизм воздействия на внутренние процессы в государстве. Именно поэтому крайне важен правовой анализ этих процессов.

Институт местного самоуправления, хотя и является одним из старейших, эволюционирует и продолжает оставаться полем для юридических дискуссий: коллективно или индивидуально право на местное самоуправление; является ли это право правом человека или гражданина и пр.

Очевидно, что местное самоуправление в условиях глобализации также играет свою роль, определение которой представляет научный интерес. Тем более важно понять, насколько на этот процесс повлияли международные санкции против России. И если политическая оценка санкционному режиму даётся регулярно и обозначается как официальная позиция российской власти, то правовой статус санкций против Российской Федерации внутри страны в настоящее время только формируется. Это же касается и нормативно-правовой базы в данной сфере. Более того, правовой режим санкций внутри страны только становится предметом научного интереса в рамках юридических наук.

Ведущие российские исследователи А.В.Малько и А.Ю.Саломатин справедливо отмечают, что глобализация оказывает мощное воздействие на правовую систему [6].

Она также объективно способствует развитию местных сообществ, соответственно, не может не влиять на институт местного самоуправления. Как отмечает Т.И.Макогон, на уровне муниципальных образований глобализация сегодня часто предстает таким процессом социальной трансформации, который даже не оставляет выбора возможностей и вариантов развития отдельных местных сообществ в системе местного самоуправления. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить все ступени вертикальной иерархии социальной структуры, чтобы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом на своем уровне, посредством демонстрации новых форм участия в глобальных структурах. При этом именно система местного самоуправления, где главный актер – это муниципальное общество, может не позволить доминировать только глобальным ценностям и ориентирам. Отечественная культура обладает своими традициями, правилами, привычками, местными ремеслами, местным фольклором. Поэтому с помощью муниципальных сообществ создаётся

возможность сохранить своеобразие [7].

Опыт зарубежных стран говорит о том, что проблемы, которые решаются в рамках муниципальных реформ за рубежом, очень похожи на наши, и опыт их решения не просто полезен, он действительно перенимается Россией, что является ярким примером глобализационных процессов.

Анализ изменений в законодательстве зарубежных стран, касающемся участия граждан в местном управлении, говорит о том, что практически во всех развитых демократиях в начале 2000-х годов были нормативно внедрены такие новшества: увеличение числа форм непосредственной демократии, усиление гласности в деятельности местных властей (в том числе с использованием Интернета), закрепляющие проведение регулярных встреч с мэром и членами местного совета, открытие специальных телефонных линий для связи с представителями местной администрации, вовлечение потребителей в процесс оказания услуг и установления соответствующих местных стандартов (так называемое интерактивное управление). Активизируется институт народной инициативы на местном уровне (в том числе посредством подачи петиций). Проводятся местные референдумы, которые могут носить как консультативный (Нидерланды, Скандинавские страны), так и императивный (земли ФРГ) характер. В Канаде местные плебисциты имеют большое распространение: жители приглашаются для решения местных вопросов – от закрытия/открытия местного аэропорта до часов работы магазинов [9].

Практически все формы участия граждан в местных делах переняла Россия. Это предусмотрено и Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", реализуется и в правоприменительной практике.

Хорошо иллюстрирует эту тенденцию практика проведения местных референдумов. В 2017 году в Единый день голосования по всей стране состоялось более 240 местных плебисцитов. Например, в республике Карелия

в Беломорском районе на местный референдум был вынесен вопрос "согласны ли вы со строительством нефтеперерабатывающего завода в границах муниципального образования"[10].

Местные референдумы проходили и в день выборов президента РФ 18 марта 2018 года, хотя Центризбирком рекомендовал регионам "осторожно"подходить к такому совмещению [11]. Тем не менее в этот день жители Волгоградской области решали на референдуме вопрос о переносе времени на час назад, а в Кировской области прошло 128 местных референдумов – здесь уже жители каждого поселения согласовывали самообложение в 2019 году разовым платежом (в сумме 200 или 100 рублей в разных населенных пунктах) на решение вопросов местного значения. Причем в каждом поселении обозначались конкретные работы, на который будут направлены средства: в селе Елгань – на содержание уличного освещения, в населенных пунктах Стрельского сельского поселения – на ремонт и содержание системы водоснабжения, уличного освещения, мест захоронения и т.п. И будет справедливо отметить, что такие современные форматы участия российских граждан в управлении своими населенными пунктами – это результат в том числе и глобализации.

Серьёзным аргументом в пользу того, что институт местного самоуправления в любом случае тесно связан с процессом глобализации, является ратификация Российской Федерацией Европейской хартии о местном самоуправлении. С 1998 года этот документ, призванный сблизить стандарты местного самоуправления и устанавливающий базовые его принципы, является частью правовой системы России [4].

Парадоксально, но в условиях международных санкций, которые направлены на ослабление государственной власти в нашей стране, институты местного самоуправления остаются полноценными субъектами глобализации. Именно на местном уровне межгосударственный диалог продолжается в

максимально адекватном формате, причем, скорее, на уровне муниципалитетов. Продолжают свою деятельность еврорегионы с участием российских субъектов федерации и регионов Европейского Союза, среди наиболее эффективных – еврорегионы "Балтика" и "Карелия". Политический уровень этого сотрудничества с 2014-2015 года объективно снизился – главы субъектов публично в нём не участвуют, акцент сместился в сторону муниципалитетов.

Больше того, реализации разных аспектов глобализации на уровне местного самоуправления способствует принятый в 2017 году Федеральный закон № 179-ФЗ "Об основах приграничного сотрудничества", который наряду с государством обозначает субъектами такого сотрудничества приграничные субъекты Российской Федерации и муниципальные образования приграничных субъектов Российской Федерации[3].

Институты местного самоуправления, муниципальные образования функционируют в открытой глобальной среде. Международные санкции в отношении России сделали эти процессы более заметными.

Литература:

- 1) Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)
- 2) Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"
- 3) Федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ "Об основах приграничного сотрудничества"
- 4) Европейская хартия местного самоуправления от 15.10.1985 ETS №122
- 5) Устав Конгресса местных и региональных властей Совета Европы. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJso/content/id/136442

- 6) Правовая жизнь российского общества в условиях глобализации. Монография / Под ред. А.Малько. Издательство:"Проспект". Москва, 2017.
- 7) Макогон Т.И. Местное самоуправление как ресурс ограничения глобализации // Вестник Томского государственного университета, 2008. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-kak-resurs-ogranicheniya-globalizatsii>
- 8) Малеев Ю.Н., Рачков И.В., Ярышев С.Н. Санкции в международном праве: точка не поставлена. // Московский журнал международного права. 2016(2). С. 81-95.
- 9) Капустян Л.А. Муниципальная реформа: зарубежный опыт и возможность его использования для России // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург : Азбука, 2016.
- 10) Более 240 местных референдумов проходят в шести российских регионах // РИА Новости. Режим доступа:<https://ria.ru/politics/20170910/1502164462.html>
- 11) В ЦИК призвали регионы осторожно подходить к совмещению референдумов с выборами президента // ТАСС. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4788213>
- 12) О 34-й сессии Конгресса местных и региональных властей Совета Европы // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: https://coe.mid.ru/sotrudnicestvo-v-pase/-/asset_publisher/FpKkD18f4l4G/content/o-34-j-sessii-kongressa-mestnyh-i-regional-nyh-vlastej-soveta-evropy-kmrvse-?inheritRedirect=false

УДК.342

Татьянина А.Н.

студентка

«Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

Юридический институт

ПРОБЛЕМА УЧЕТА МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ПРЕОБРАЗОВАНИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: Анализируются вопросы, связанные с реформированием законодательства о местном самоуправлении в части изменения формы участия гражданина в преобразовании муниципальных образований. Выявлена проблема отсутствия четко регламентированной процедуры преобразования некоторых муниципальных образований, а также проблема использования различных форм участия граждан в трансформации муниципального образования на примере судебной практики Калининградской области.

Ключевые слова: местное самоуправление, преобразование, голосование, муниципальное образование.

Annotation: The issues devoted to the modifications of the federal law regarding modifications of the citizen's participation form in the transformation of the municipal entities are analyzed. The problem the lack of a clearly regulated procedure for the transformation of some municipal entities also the problem of the use of different forms of citizens' participation in the transformation of the municipal entity on the example of judicial practice in the Kaliningrad region were identified.

Key words: local government home rule, transformation, voting, municipal entities.

В 2017 году в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [1] (далее – ФЗ) были внесены изменения, которые касались, в частности, статьи 13, регулирующей вопросы преобразования

муниципальных образований (далее – МО). Ранее при преобразовании некоторых видов МО необходимым условием было получение согласия населения путем проведения голосования в соответствии с требованиями, установленными в ст. 24 ФЗ. В соответствии с новой редакцией форма учета мнения граждан была изменена на согласие населения, выраженного представительным органом.

Считаем необходимым дать оценку указанным изменениям. Голосование по вопросам местного значения и согласие населения, выраженное представительным органом МО – это две разных формы участия граждан в осуществлении местного самоуправления. В предыдущей редакции ФЗ речь шла о прямом волеизъявлении граждан, теперь же мнение населения выражается опосредованным способом. На наш взгляд, в данном случае присутствует ограничение права граждан на осуществление местного самоуправления. Решение, принятое путем проведения голосования, носит обязательный характер, а согласие населения, которое получает представительный орган, носит скорее рекомендательный характер.

Отметим и иные формы участия граждан в решении вопросов о преобразовании МО, которые могут быть классифицированы по характеру волеизъявления граждан. К прямым формам относятся голосование и сход граждан, а к опосредованным – согласие и учет мнения населения, выраженные представительным органом МО и учет мнения представительного органа МО.

В.Д. Зорькин подчеркивает, что “особенности непосредственных и представительных форм муниципальной демократии определяются главным образом особой природой института местного самоуправления, его местом в конституционной системе народовластия [2, с. 985]”. Для того чтобы шире применялись формы прямой демократии, важно не просто их определить, но и выработать механизмы и правила, не позволяющие исказить подлинную волю граждан, участвующих в решении вопросов местной жизни.

В рамках рассмотрения поставленной проблемы обратимся также к зарубежному опыту. В Финляндии, при объединении коммун, представление подготавливается совместно советами уполномоченных данных коммун [3, с. 32]. По вопросу объединения совет уполномоченных может организовать всеобщее голосование, результаты которого будут иметь в контексте обсуждения консультативный характер [3, с. 64]. Инициатива о проведении голосования может исходить и от жителей муниципалитета, если её поддержат 5% лиц, имеющих право голоса. Для выявления мнения населения могут применяться и альтернативные формы участия граждан. Согласно части первой статьи 133 Конституции Итальянской Республики [4] создание новых провинций устанавливается законами Республики по инициативе коммун с учетом мнения областей. Вторая часть статьи предусматривает, что создание новых коммун и изменение их территорий и наименований осуществляется с помощью областных законов, с учетом мнения заинтересованного населения [5]. Напрашивается вывод, что в зарубежных странах мнение населения чаще носит рекомендательный, нежели обязательный характер.

При анализе форм участия граждан в преобразованиях МО стоит также обратить внимание на вопрос разграничения понятий «мнение населения» и «согласие населения». Как справедливо отмечает Е.П. Забелина, в ФЗ нет никаких гарантий того, что мнение населения будет учтено при принятии решения, и эта неопределенность рождает споры по поводу юридической силы подобных решений [6]. Как отмечает В.Д. Зорькин, вопрос об учете мнения населения при преобразовании МО является принципиально важным [2, с. 998]. В научной литературе также отмечается, что существует обязательность выявления мнения населения, но допускается возможность принятия решения, не соответствующего данному мнению [7]. Мы склонны согласиться в данном вопросе с позицией И.Ф. Фасеева: «нет смысла в установлении требования выявления мнения населения и его обязательном учете, если полагать, что

решение может быть принятым вопреки этому мнению» [8].

В различных субъектах РФ территориальные изменения происходят с учетом мнения населения, выраженного представительным органом МО по результатам проведения публичных слушаний. В связи с этим возникает немалое количество судебных споров. Подобная практика имела место, в частности, в Калининградской области. Законом Калининградской области № 229 от 29 мая 2013 года [9], который был оспорен в судебном порядке, было образовано МО «Гурьевский городской округ» путем объединения одного городского и семи сельских поселений в одно городское поселение, и наделения этого городского поселения статусом городского округа. Объединение было проведено без изменения границ иных МО, а мнение населения было выражено путем принятия решения представительными органами указанных поселений. На территории муниципального района были проведены публичные слушания с учетом которых представительные органы поселений, расположенных на территории указанного муниципального района, выразили такое согласие [10]. Областной суд решил, ссылаясь на определение Верховного Суда РФ [11], что перечень форм преобразований МО в ФЗ не является исчерпывающим; также, оспариваемым законом не регулируется выделение городского поселения из состава района, поэтому требование по проведению голосования стало необязательным. Данные выводы позднее получили подтверждение в определении Верховного суда [12].

Нами также была выявлена проблема отсутствия процедуры преобразования муниципального района в городской округ, благодаря чему суды трактуют требования статьи 13 достаточно вольно. На примере Шаховского района Московской области Е.С. Шугрина и Р.В. Петухов детально разбирают, благодаря каким процедурам происходит преобразование муниципального района в городской округ, и какие проблемы возникают при данном преобразовании на практике [13].

Таким образом, правоприменительная практика демонстрирует нам, что ФЗ не предусматривает процедуры преобразования муниципального района в городской округ, благодаря чему суды трактуют требования статьи 13 достаточно вольно. Полагаем, действующее законодательство в сфере местного самоуправления нуждается в дополнении его более четких критериев для разграничения каждой из форм участия граждан в преобразовании МО, а также легальном закреплении понятий «мнение населения» и «согласие населения».

Литература:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина – 3-е издание, пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 985.
3. Объединение муниципальных образований: опыт Финляндии и основы российского законодательства/ Под общей ред. В. Скоробогатова, И. Макарова; пер. с финского Е. Богданова. – СПб, ИПК «Вести», 2011, 128 с.
4. Конституция Итальянской Республики / Пер. с итал. Л. П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / Под общ.ред. Л. А. Окунькова. — М.: Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1997. — С. 423—450.
5. Пешин Н.Л. Конституционно-правовые аспекты изменения границ территорий муниципальных образований в России и Италии / Н.Л. Пешин, В.М. Никитина // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - № 1. - с. 59-66.
6. Забелина Е.П. Регулирование процесса преобразования муниципальных образований: состояние, перспективы совершенствования // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 72-76.

7. Комментарий к ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. / Под общей ред. проф. В.И. Шкатулла – 2-е изд. – “Юстицинформ”, 2006.
8. Фасеев И.Ф. Конституционно-правовые принципы регулирования учета мнения населения при изменении территорий местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 13. С. 15-23.
9. Об объединении поселений, входящих в состав Гурьевского муниципального района, и организации местного самоуправления на объединенной территории: закон Калининградской области от 29 мая 2013 года № 229 // Калининградская правда. 2013. № 91.
10. Решение Калининградского областного суда от 05.07.2013 г. по делу № 3-29/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного суда РФ от 06.06.2012 г. N 9-АПГ12-3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного суда РФ от 16.10.2013 г. N 71-АПГ13-8 // http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=563302
13. Шугрина Е.С., Петухов Р.В. Об особенностях изменения территориальных основ местного самоуправления в Московской области на примере Шаховского района // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. N 2. С. 42 - 46.

УДК 342.553

Коропова А.А.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты организации местного самоуправления в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Также анализируется влияние глобализации на систему местного самоуправления и предлагаются поправки к законодательству, которые будут способствовать развитию местного самоуправления в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: «глобализация», «местное самоуправление», «обособленность», «демократический централизм»

Annotation. The article examines some aspects of the organization of local government in the Russian Federation and the People's Republic of China. The influence of globalization on the system of local self-government is also analyzed, and amendments to legislation are proposed that will promote the development of local self-government in the People's Republic of China.

Keywords: «globalization», «local self-government», «apartness», «democratic centralism».

Вопрос о влиянии глобализации на развитие местного самоуправления на сегодняшний день является актуальным и противоречивым. Это объясняется наличием различных точек зрения по поводу влияния глобализации на государство и общество в целом. Согласно одной точке зрения (Ю.В. Шишков, А.А. Моисеев и др.) рост взаимозависимости государств и стремление приспособить свои национальные интересы к интересам международного сообщества позволяет добиваться целей, которые самостоятельно достичь государству весьма затруднительно [1, с. 9]. Другая точка зрения (Джозеф

Стиглиц и др.) отстаивает положение, что глобализация негативно влияет на государства, так как этот процесс способствует росту безработицы, тормозит научно-технический прогресс, а также может стереть уникальные культурные особенности многих народов мира.

Целью данного исследования является анализ некоторых аспектов организации местного самоуправления в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, а также выявление возможностей создания единой модели организации местного самоуправления в государствах на примере Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Предметом исследования, в свою очередь, является законодательство в части установления общих принципов местного самоуправления в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

Местное самоуправление в Российской Федерации понимается как форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [2].

Согласно статье 12 Конституции Российской Федерации местное самоуправление в Российской Федерации признается и гарантируется, оно самостоятельно в пределах своих полномочий. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [3].

В законодательстве Китайской Народной Республики отсутствует определение понятия «местное самоуправление». Статья 96 Конституции КНР 1982 г. закрепляет: «Местные собрания народных представителей являются органами государственной власти на местах» [4].

Система, принципы организации и функционирования местных органов власти Китайской Народной Республики и Российской Федерации коренным образом различаются. Это объясняется тем, что в начале 90-х гг. в Российской Федерации начался переход от старой советской системы организации власти на местах к организации местного самоуправления. Местное самоуправление теперь представляет собой первичный уровень власти в государстве, особенностью которого является обособленность от органов государственной власти и полная самостоятельность в решении вопросов местного значения [5, с. 45-46].

Китайская Народная Республика, в свою очередь, пошла по пути развития советской модели организации власти на местах. В частности, Конституция КНР 1982 года определяет Китай как «социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян. Социалистический строй является основным строем Китайской Народной Республики. Запрещается любым организациям или частным лицам подрывать социалистический строй» [4]. Местные органы власти в Китае строятся наподобие высших органов государственной власти и включают в себя местные собрания народных представителей и местные правительства.

Основным принципом организации местного самоуправления в КНР является «демократический централизм», который подразумевает:

1. выборность всех руководящих органов снизу доверху;
2. периодическую отчетность местных органов перед вышестоящими;
3. строгую дисциплину и подчинение меньшинства большинству;
4. безусловную обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих [6, с. 524-529].

В Российской Федерации, согласно статье 131 Конституции и статье 1 ФЗ от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного

самоуправления в Российской Федерации» местное самоуправление осуществляется с учетом исторических и иных местных традиций. Учет этих традиций необходим, чтобы обеспечить максимальную эффективность местного самоуправления, о которой не может быть и речи, если реализация муниципальной власти не будет отражать местную специфику.

Статья 99 Конституции КНР 1982 года также закрепляет положение об учете национальных особенностей и традиций при осуществлении собраниями местных народных представителей конкретных мероприятий [4].

Возможность приведения местного самоуправления в единообразную систему, в условиях глобализации, является трудновыполнимой, так как каждое государство имеет свои особенности в развитии местного самоуправления. В частности, речь идет об исторических, национальных и иных местных традициях. Как уже указывалось выше, глобализации может стереть уникальные культурные особенности народов, что негативно скажется на развитии культуры в целом. Однако, с целью повышения эффективности местного самоуправления в своем государстве, возникает необходимость заимствования некоторых элементов местного самоуправления у других государств.

Так как в Российской Федерации одним из важнейших принципов местного самоуправления является организационная обособленность местного самоуправления в системе публичной власти, можно предложить Китайской Народной Республике перенять данный принцип. Это позволит обеспечить самостоятельность местного самоуправления и обеспечит защиту от вмешательства в деятельность органов местного самоуправления со стороны органов государственной власти.

Целесообразно также предложить Китайской Народной Республике закрепить в Конституции КНР 1982 года определение понятия «местное

самоуправление», которое, как указывалось ранее, отсутствует в законодательстве Китайской Народной Республики.

Таким образом, рассмотрев основные черты местного самоуправления в Российской Федерации и в Китайской Народной Республике можно сделать вывод, что в государствах имеются свои особенности развития и функционирования органов местного самоуправления. К общим же чертам можно отнести учет исторических, национальных и иных традиций при осуществлении местного самоуправления.

Литература:

1. Рассказов Л.П. Глобализация и ее влияние на современное российское право / Л.П. Рассказов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского ГАУ. – 2015. - №111(07). – С. 1-19.
2. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос.Думой 16 сентября 2003 г. ; одобр. Советом Федерации 24 сентября 2003 г.] // Российская газета. – 2003. - №202.
3. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М. : Маркетинг, 2001. – 39 с.
4. Китайская Народная Республика. Конституция (1982). Конституция Китайской Народной Республики [электронный ресурс] / (электронные текстовые данные). – Режим доступа : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
5. Муниципальное право : учебник для бакалавров / отв.ред. В.И. Фадеев. – Москва : Проспект, 2014. – 336 с.
6. Маркс К. Сочинения [электронный ресурс]: в 39 т. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – (электронные текстовые данные). – М. : Государственное

издательство политической литературы, 1955. – 638 с. – Режим доступа :
<https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t04.pdf>

УДК 342.553

Лановенко Ю.С.

студентка 2 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА МУНИЦИПАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные направления муниципальной реформы в зарубежных странах. Изучается опыт реформирования территориальных основ местного самоуправления и возможность его использования для России. Также рассматривается положительный опыт зарубежных стран по вовлечению населения в работу местных органов власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная реформа, объединение муниципальных образований, укрупнение территориальных единиц.

Annotation: The article deals with actual directions of municipal reforms in foreign countries. We study the experience of reforming the territorial foundations of local self-government and the possibility of its use for Russia. Also, the article discusses the positive experience of foreign countries in involving people in local authorities.

Keywords: local self-government, municipal reform, the merger of municipalities, consolidation of administrative-territorial units.

Изучение вопроса влияния глобализации на местное самоуправление является сегодня одной из актуальных тем. Специалисты расходятся во мнениях о будущем муниципалитетов в новых политических, экономических, социальных условиях, которые задает концентрация власти и наднациональный уровень глобализации, а также технический и информационный прогрессы. Исследуемая проблематика актуализируется также ввиду того, что в процессе глобализации реформируются многие структуры, которые не соответствуют в полной мере нынешним условиям развития государства и общества. Органы местного самоуправления не стали исключением, анализ процесса проведения реформ и основных достижений в этой связи играет важную роль. Так как Россия не единственное государство в мире, ведущее поиск форм и методов разумного соединения интересов государства и его территориальных сообществ.

С учетом того, что система правовых норм, регулирующих местное самоуправление, развивается медленно, российское законодательство еще сохраняет ряд недостатков, поэтому важно изучать и анализировать международный опыт муниципального управления с точки зрения возможности его применения в России.

Кардинальные реформы в недавнем прошлом были проведены в Италии с необходимостью создания новой избирательной системы на местном уровне. Цель реформы заключалась в том, чтобы объединить депутатов и избирателей напрямую, сократив роль партий как посредников. Предусматривалось условие, в соответствии с которым избранным сразу будет считаться кандидат, набравший не менее 65 % голосов в данном округе. При этом в городах с населением до 20 тыс. жителей получивший большинство голосов кандидат в мэры и поддерживающий его партийный список наделяются 2/3 мест в муниципальном совете. В городах большего размера предусмотрен второй тур

голосования (если ни один из списков не получит абсолютного большинства), в результате которого победитель становится обладателем 60% мандатов в муниципальном совете[5].

Реформы, проведенные в Италии, могут являться опытом для России. Поскольку деятельность избирательной системы можно изучить и воспринять только во взаимосвязи с формой правления в данной стране (характер власти, тип и структура ее органов), а, с другой стороны, с ее политической культурой, и устройством ее политических партий, этот опыт позволяет проследить, как и отчего "исправные" электоральные законы перестают соответствовать заданным целям, вступают с ними в противоречие по мере того, как эволюционируют другие институты общества и государства.

В процессе проведения реформы идет поиск всего наиболее ценного не только в правовых актах и практике проведения выборов в зарубежных странах, но и в их подходах и методах реформирования собственных избирательных систем.

Представляют интерес и те конкретные решения и порядок, которые предпринимаются с целью совершенствования избирательной системы на муниципальном уровне, установление балансов справедливости и рациональности, демократии и эффективности. В процессе этих поисков проявляются и те пределы, за которые не может выйти пересмотр избирательной системы в высокоразвитом обществе, считающем своими демократическими устоями[3].

Масштабная муниципальная реформа была проведена в 2016 году в Норвегии, которая была ориентирована на изменение размеров муниципальных образований в целях оптимизации выполнения полномочий органами местного самоуправления, улучшения управления и финансовой стойкости коммун, которых насчитывается 428. Ключевая задача реформы сводится к укрупнению муниципалитетов и расширению их возможностей, обеспечение доступности и

равного качества услуг общественности, создание условий для всеохватывающего и скоординированного становления общества. Ожидается, что они возьмут на себя прямые обязанности при получении большей автономии. Также по мнению правительства, ослабление контроля над муниципалитетами приведет к укреплению демократии на низовом уровне[1].

Еще одной задачей реформы являлось формирование доходов муниципальных бюджетов и их распределении в интересах местных жителей. Муниципалитеты, где налоговые поступления на душу населения превышают средний по стране уровень, 40% разницы оставляет у себя, а 60% передает государству для дальнейшего перераспределения в интересах менее успешных в этом отношении органов самоуправления. Если же муниципалитет находится в пределах 90-100% от среднего уровня, то дельта возмещается в размере 60%. Муниципалитет, демонстрирующий собираемость налогов менее 90%, получает компенсацию в размере 60% до 100% величины и 35% до 90% [1].

Российскую Федерацию, напротив, отличает крайне невысокий уровень безопасности муниципальных бюджетов. Серьезной проблемой остается дефицитность партнерских отношений между регионами и муниципалитетами. В соответствии с федеральным законодательством, как раз муниципалитеты отвечают за решение местных проблем. Но в данном случае денежные ресурсы сконцентрированы на региональном уровне при отсутствии механизма перераспределения их в пользу местного самоуправления.

В Дании границы муниципальных образований обозначаются с учетом экономических и промышленных связей в области. Было определено минимальное количество жителей для разных видов муниципалитетов. Данная реформа определила максимально точную картину различных «зон» с учетом их особенностей: «торговые зоны» (44 зоны), «зоны концентрации трудовых ресурсов» (123 «центра притяжения»). Такое деление и соблюдение новых принципов местного самоуправления (например, округа охватывают сельские

муниципалитеты и города; «один город - один муниципалитет», что обеспечивает город территорией для промышленного и другого развития), сделало местное самоуправление в стране более совершенным.

Также в Дании жалобы граждан, касающиеся местных вопросов, решаются в особых административных судах, что делает данный процесс быстрым и недорогим.

В ходе проведения данной реформы, решение об объединении территорий принималось населением самостоятельно, однако государством были предоставлены конкретные предложения, чтобы население муниципалитета могло опираться на данную информацию при выборе.

В Финляндии в недавнем времени была предпринята реформа, направленная на уменьшение число муниципалитетов с государственного уровня. Однако в результате обсуждения данной территориальной реформы победил принцип добровольности объединения. Параллельно была создана система государственных субсидий для исполнения государственных полномочий – предоставления услуг в области школьного образования, ухода за детьми и т.п. Государство поощряет объединение муниципалитетов через предоставление дополнительных субсидий, то есть реформа проходит не административным путем, а стимулируется экономически [3].

В отдельных странах (в Ирландии, Польше и пр.) по определенным направлениям деятельности местных властей создаются советы потребителей, мнение которых должно учитываться при принятии тех или иных решений. Такие выработанные советы считаются важным дополнительным источником для вовлечения населения в местные дела и позволяют осуществлять децентрализацию не только между государством и муниципалитетами, но и в рамках самих муниципалитетов[4].

В Ирландии в рамках реформы формировались стратегические политические комитеты, в целях воплощения консультаций по более

необходимым задачам местной жизни и вовлечения населения в процесс принятия определенных решений. В их состав входят районные советники (2/3 его членов) и представители всевозможных групп интересов. Председатель назначается местным советом из числа своих членов. Каждый комитет занимается разработкой услуг по конкретным направлениям муниципальной деятельности (жилищное строительство, планирование и финансовое становление, культура и т. п.) [6].

Институт консультаций с народом при принятии отдельных решений на муниципальном уровне устанавливается и в других странах. Так, в Польше консультации обязательны при принятии планов землепользования и должны быть проведены до итогового голосования в муниципальном совете. В Бельгии консультации с населением (напоминающие консультативный референдум) проводятся по инициативе местного совета или не менее 10% жителей соответствующей коммуны, обладающих правом голоса. После того как решение принято, действуют различные механизмы отчетности перед населением о его реализации.

Таким образом, мы видим, что проблемы, которые решаются в рамках муниципальных реформ за рубежом, очень схожи с нашими правовыми проблемами, и пути их решения для России были бы очень полезны.

Литература:

- 1.Макаров И.И. Правовое регулирование организации местного самоуправления в Норвегии // Государство и право. 2009. №3. С.72-76
- 2.Местное самоуправление. Национальная ассоциация местных властей Дании и Союз российский городов. Москва, 1995
- 3.Лауринмяки Ю, Линкола Т., Прятта К. Местное и региональное управление в Финляндии. Союз местных органов самоуправления Финляндии, 1996

- 4.Черкасов А.И Местное самоуправление в зарубежных странах: реформы и тенденции развития // Российский юридический журнал.2013. №1.
- 5.Ковачев, Д.А. Конституционная регламентация избирательной системы в зарубежных государствах / Д.А. Ковачев // Журнал российского права. — 1999. — №7. — С. 37.
- 6.Как проходят выборы в местные органы власти. Министерство окружающей среды, общин и местного самоуправления Ирландии. Февраль 2014.19с.URL:<http://www.environ.ie/en/Publications/LocalGovernment/Voting/FileDownload,19964,en.pdf> (дата обращения: 23.03.2018).

УДК 342

Тансыкова А.Ш., Долгова Н.М.

*«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Челябинский филиал*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам противодействия коррупции, проявляющейся в деятельности лиц, которые замещают государственные и муниципальные должности РФ и субъектов РФ. В ней содержатся рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: коррупция, государственные должности, муниципальные должности, органы власти, противодействие коррупции.

Abstract: This article is devoted to the problems of resistance to corruption appeared in activities of person who hold state and municipal positions of the Russian Federation and its subjects. It contains recommendations for improving legal system.

Keywords: corruption, state positions, municipal positions, authorities, resistance to corruption.

В настоящее время одной из важнейших целей демократического государства является достижение эффективности в функционировании органов власти. Но при этом, существует большое количество факторов, оказывающих негативное воздействие на функционирование государства. Одна из наиболее серьёзных проблем — коррупция. В мире на данный момент не существует ни одной страны, полностью свободной от коррупции. Однако её уровень везде разный. Она оказывает глобальное воздействие на государство, снижает эффективность функционирования и развития политических институтов и социально-экономических отношений. Государство и общество прикладывают огромные силы для борьбы с ней.

Борьба с коррупцией в сфере государственного и муниципального управления началась после принятия Национального плана противодействия коррупции. Законодательной основой послужили Федеральный закон «О противодействии коррупции», Федеральный закон «О государственной гражданской службе РФ», Федеральный закон «О муниципальной службе в РФ» и др. Также немаловажным значением обладает Указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции». Нормативные правовые акты, которые касаются противодействия коррупции в сфере государственного и муниципального управления, принимаются также на региональном и местном уровнях. На муниципальном уровне создаются целевые программы, коллегиальные совещательные органы для противодействия коррупции и обеспечения защиты прав и законных интересов граждан.

В соответствии с законом, муниципальные служащие должны следовать законодательным нормам, исполнять должностные обязанности, поддерживать тот уровень квалификации, который необходим, не разглашать государственную, служебную и иную охраняемую законом тайну, представлять информацию о себе и членах своей семьи, а также о полученных доходах, принадлежащем на праве собственности имуществе, об обязательствах имущественного характера. Кроме этого, муниципальные служащие обязаны соблюдать ограничения, выполнять обязательства и не нарушать запреты, которые установлены законом. В случае возникновения личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, они обязаны сообщать об этом представителю нанимателя, чтобы избежать конфликта интересов. Под последним подразумевается ситуация, при которой личная заинтересованность государственного или муниципального служащего может повлиять на объективное исполнение им своих обязанностей, привести к противоречию законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта РФ. Личная заинтересованность заключается в возможности получения служащим при исполнении должностных обязанностей дополнительных доходов (неосновательного обогащения).

В связи с прохождением службы служащему запрещено являться членом органа управления коммерческой организации, заниматься предпринимательской деятельностью. Также в соответствии с должностным положением либо с исполнением обязанностей запрещено получать вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, деньги, услуги, оплату отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения). Подарки, которые муниципальный служащий получил в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, признаются муниципальной собственностью и передаются им по акту в орган местного самоуправления, избирательную комиссию

муниципального образования, в которых он замещает должность муниципальной службы, за исключением случаев, указанных в Гражданском кодексе РФ.

В статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» [1] содержится определение противодействия коррупции как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. Органы местного самоуправления не обладают функциями дознания, у них нет полномочий уголовного преследования за коррупцию. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] является главным законом, который регулирует деятельность органов местного самоуправления. В перечне вопросов, которые осуществляет местное самоуправление согласно данному Закону, не предусмотрено противодействие коррупции. Он предусматривает, что вопросы, не отнесённые к ведению местного значения, являются отдельными государственными полномочиями, которые передаются органам местного самоуправления.

К сожалению, на данный момент Федеральный закон от 25 декабря 2008г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» не содержит определение «коррупционное правонарушение», что является значительным пробелом в законодательстве. Законодательное закрепление данного понятия является важной практической необходимостью, потому как сложно вести борьбу с явлением, не имеющим состава, состоящего из объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Понятие «коррупция», данное в Законе «О противодействии коррупции», ограничивается несколькими коррупционными деяниями, которые предусмотрены статьями 204, 289, 290, 291 Уголовного Кодекса РФ.

Некоторые юристы считают, что целесообразно было бы систематизировать составы административных правонарушений, которые связаны с коррупцией, в отдельную главу Кодекса об административных правонарушениях. Данный вопрос не раз встречался в юридической литературе. Так, к примеру, Ю.В.Ростовцев считает, что «перспективы совершенствования административного законодательства должны состоять в оптимизации международного опыта борьбы с коррупцией и во внедрении новых составов административных правонарушений» [3, с. 48]. К тому же, закрепление данных составов способствовало бы развитию перспективного направления правового регулирования борьбы с коррупцией.

На данный момент в России противодействие коррупции находится в компетенции сразу нескольких органов, что приводит к тому, что за результат антикоррупционной политики никто не отвечает. Так, ей противодействует больше десяти правоохранительных и контролирующих ведомств, но всё безрезультатно.

Таким образом, необходимо провести совершенствование общественного контроля как способа противодействия коррупции: следует разработать и принять комплекс мер для защиты заявителей о фактах коррупции, который бы распространялся на все лица; проинформировать граждан о функционировании общественно-государственных органов, к примеру, размещение информации на интернет ресурсах; также следует провести образовательные и пропагандистские мероприятия, направленные на повышение уровня гражданского правосознания и антикоррупционной активности населения.

Если же говорить о борьбе с коррупцией на муниципальном уровне, то стоит помнить о важнейшем основании муниципальной власти — самоуправлении. В таком случае необходимо вовлечение граждан в антикоррупционную работу. По мнению Е.А. Чичерова, «для муниципального уровня обязаны учитываться особенности, которые связаны с возможностью и

доступностью вовлечения граждан в сферу антикоррупционных мероприятий, создания механизмов, в которых население муниципальных образований выступает как важнейший субъект формирования и осуществления антикоррупционной политики и разработанных на её основе программ и планов» [4, с. 690].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что коррупция — сложное явление, проявляющееся в различных формах. На данный момент можно указать такие специфические черты коррупции, как латентный, противоправный и нелегальный характер, наличие личной заинтересованности и возможности получения личной выгоды.

Литература:

- 1.Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция)
- 2.Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 06.10.2003 N 131-ФЗ (последняя редакция)
- 3.Ростовцева Ю. В. Административная ответственность за коррупционные правонарушения в системе государственной службы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 47–52.
- 4.Чичеров Е. А. Рецепция римского права // Научное обозрение. 2014. № 12. С. 689–692.

СЕКЦИЯ 6
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В
ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

УДК 341.01

Севостьянова И.Е.

Доктор политических наук, профессор кафедры «Трудовое право, право
социального обеспечения и профсоюзных дисциплин»

Институт экономики и права (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

г. Севастополь

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В
КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье проанализированы отдельные аспекты универсализации прав человека, рассмотрены различные научные подходы к сущности и механизмам обеспечения универсальных прав человека в современных условиях.

Ключевые слова: глобализация, универсализация прав человека, международно-правовые акты, механизмы гарантий универсальных прав, глобальные тенденции социального развития.

Annotation: The article analyzes certain aspects of the universalization of human rights, various scientific approaches to the essence and mechanisms of ensuring universal human rights in modern conditions.

Keywords: globalization, universalization of human rights, international legal acts, mechanisms for guaranteeing universal rights, global trends in social development.

В условиях процессов глобализации постановка проблемы относительно универсализации прав человека требует ответа на целый ряд вопросов и, в частности, ответов о сущности самого понятия «универсальные права», механизмах их обеспечения и защиты, соотношении универсальных (общечеловеческих) прав с национальными правами.

Необходимо отметить, что на современном этапе, отсутствует единый подход к сущности и механизмам обеспечения универсальных прав человека в современных условиях. Такое положение объясняется различным смыслом, который вкладывают исследователи в понятие «универсальные права человека». Если отталкиваться от существующей объективной реальности во времени и пространстве, то в отношении прав человека это будет означать всеобъемлющий характер применения их к каждому человеку в социуме, независимо от их национальности, религии, ментальности, культурных традиций.

Как известно, базовым международным актом, который фиксирует такие права, является Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Для Европы – Европейская конвенция по защите основных прав и свобод человека 1950 года, Хартия фундаментальных прав Европейского Союза 2004 года.

Исходя из этих международных правовых актов, к таким правам, относятся, прежде всего, право на гражданство, право на справедливое правосудие, право на участие в управлении государством, право на труд и предпринимательство, право на образование, право на доступ к культурным ценностям своего народа и всего человечества и другие права.

Будучи объективным следствием глобализма, универсализм прав человека объективно и закономерно определяет основу общих стандартов прав. В то же время, требуется не только определение стандартов, но и универсализации механизмов их обеспечения. Мало определить универсальные стандарты – необходимо обеспечить эффективные механизмы гарантий таких прав. Только в

этом случае универсальные права будут не формально-юридической констатацией, а реальным правомочием субъектов этих прав. Именно поэтому, в современной научной литературе, исследующей данную проблему, диапазон мыслей расходится. Одни считают, что универсальные права являются реальным фактом современности [1, с. 227-228], другие же, наоборот, – что эти права определяют лишь общую основу стандартов прав человека [2, с. 186].

Далеко не все члены мирового сообщества ратифицировали базовые международно-правовые акты, определяющие и закрепляющие общепризнанные права человека. Логично констатировать, что такие права не являются универсальными в планетарном масштабе. Более того, когда мы говорим, что универсальное право – это не только стандарт, но и механизм обеспечения гарантий их реализации, то очевиден вопрос: есть ли на сегодня механизмы международной ответственности за нарушение универсальных прав? Представляется, что ответ на этот вопрос далеко неоднозначен. Взять во внимание хотя бы тот факт, что большинство стран, где доминирующей идеологией является ислам, не принимают универсальные права априори, рассматривая их как навязывание западных традиций права, посягательство на суверенитет.

С другой стороны, можно не согласиться с позицией отдельных исследователей, которые склонны видеть в универсальных правах человека попытку экспансии планетарной цивилизации западными социальными ценностями. [3] Во-первых, заложенные в универсальных правах человека, социальные ценности апробированы практикой многовекового государственно-правового развития и показали свою социальную привлекательность. Во-вторых, очевидным фактом является то, что значительная часть социума, который проживает на других территориях, в частности там, где доминирующей идеологией является ислам, эмигрирует в тот самый западный мир, желая воспринять его ценности, заложенные, в том числе, в универсальных правах.

Поднимая вопрос о механизмах обеспечения гарантий универсальных прав, закономерно возникает и целый ряд других вопросов, в частности: где граница ответственности национальных и наднациональных институтов в области гарантий обеспечения универсальных прав? Когда и при каких условиях международные институты имеют законное право вмешиваться в суверенное право страны в части универсальных прав?

Известный политик Маргарет Тэтчер в своей книге «Искусство управления государством», опираясь на Хартию фундаментальных прав Европейского Союза, указывает, что нельзя не заметить определенную цель, которая: «заключается в подчинении суверенных государств, демократических процедур принятия решения и национального законодательства международным институтам и группам давления» [4, с. 311]. Можно по-разному относиться к позиции известного политика, но фактом остается то, что: 1) Хартия фундаментальных прав Европейского Союза является волей каждого члена Европейского Союза и собственно Европейского Союза; 2) одним из основных принципов права Европейского Союза является принцип уважения основных прав человека в национальном и международном праве [5, с. 167].

Отсюда следует, что право вмешиваться наднациональным институтам Европейского Союза предоставлено им суверенной волей каждого из его членов.

Отвечая на вопрос, где граница ответственности национальных и наднациональных институтов в части обеспечения и гарантий универсальных прав можно утверждать, что при условии взаимной суверенной воли указанных институтов ответственность будет общей.

Проблема универсализации прав человека в современных условиях ставит на повестку дня еще ряд вопросов, и в частности – насколько эти права учитывают особенности конкретной цивилизационной среды? Можно ли вообще объединить разные по своим культурным, этническим и другим критериям цивилизационные среды определенной универсализацией прав?

В научной литературе, посвященной данной проблематике, четко прослеживаются два подхода. Первый из них заключается в том, что человечество даже в условиях современных масштабных глобализационных процессов, в силу локальной и региональной цивилизационной специфики, все еще не готово к установлению универсальных подходов в отношении прав человека [6].

Другой подход сводится к тому, что глобализация является очевидным доминантным фактором, который формирует общечеловеческие интересы и ценности, и на этой основе объективно возникает необходимость создать единые для всего человечества универсальные права [1, с. 184].

В ходе анализа истории формирования правовых культур, очевидна их многополярность. Например, правовая культура Китая рассматривает позитивные права человека под углом их социализации, а западноевропейская и американская правовые культуры – с позиций индивидуализации. Однако, учитывая формально-юридическую специфику, есть общее, которое состоит, прежде всего, в том, что позитивные права призваны обеспечить социальную гармонию, в основе которой взаимная ответственность различных социальных слоев друг перед другом – с одной стороны, государства и общества – с другой. Все это вполне вписывается как с позиции их социализации, так и с позиции их индивидуализации.

В то же время нельзя не видеть, что в условиях глобализации в современном мире имеют место внутренние особенности правовых культур, в которых доминантными являются национальные, религиозные и другие компоненты. Это проявляется в национальных конфликтах. Примером может быть иудейско-мусульманское противостояние. Поэтому, игнорирование этих факторов, а тем более навязывание подобным регионам универсальных прав, представляется преждевременным.

Проблема влияния процессов глобализации на универсализацию прав человека в сложна и многогранна как в теоретическом, так и практическом плане. Этим, в частности, объясняются и разные подходы к их сущности и перспектив реализации. Очевидным является то, что, навязывание и ускорение этого процесса является недопустимым в силу существующих сегодня особенностей локальных цивилизационных сред. Главная задача заключается в том, чтобы глобальные тенденции социального развития, локальные социальные среды и соответствующий им механизм реализации прав и свобод, осмысление их высокой ценности, умение правильно использовать и защищать, уважение прав окружающих не только не противопоставлялись, а взаимно дополняли и обогащали друг друга.

Литература:

1. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире / Л.И.Глухарева. – М.: Юристь, 2003. – 304 с.
2. Ан-Наим А. На пути к исламской реформации / А. Ан-Наим. – М.: Полиинформ-Талбури, 1999. – 288 с.
3. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. - М.: Проспект, 2011. – 399 с.
4. Тетчер М., Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / Пер. с англ. – 2-е изд. / М.Тетчер – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 503 с.
5. Кэрен Дэйвис. Право Европейского Союза / Дэйвис Кэрен. – К.: Знания, 2005. – 406 с.
6. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. – М.: 1998. – 224 с.

УДК 341.2

Гарчева Л.П.

д.и.н, профессор

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются влияния экономической глобализации на права человека. Указывается, что наряду с обширными возможностями, которые предоставляет человеку экономическая глобализация, она несет и определенные опасности для реализации его прав и свобод. Эффективными способами международной защиты прав человека в условиях экономической глобализации является усиление влияния международных юридических механизмов защиты прав человека не только на правительства государств, но и на глобальные экономические институты.

Ключевые слова: экономическая глобализация, права человека, защита прав человека, международный механизм защиты прав человека.

Annotation: .ГарчеваЛ.П.The problem of human rights protection in the context of economic globalization.

The article analyzes the impact of economic globalization on human rights. It states that along with the vast opportunities that economic globalization provides for a person, it also carries certain dangers to the realization of its rights and freedoms. Effective ways of international protection of human rights in the context of economic globalization is the strengthening of the influence of international legal mechanisms for the protection of human rights, not only on the governments of states, but also on global economic institutions.

Key words: economic globalization, human rights, the protection of human rights, international mechanism for the protection of human rights.

Положение о том, что глобализация, включая возможности и опасности, которые она создает, напрямую влияет на права человека, их реализацию и защиту, уже ни у кого не вызывает сомнения. Защита прав человека, как и все общественные процессы в условиях глобализации, вышла за территориальные пределы государства и не контролируется уже только государством, отношение государства к своим гражданам уже не является исключительно внутренней государственной юрисдикцией. Ныне это законное дело международного уровня, предмет обсуждения мирового сообщества. Это объясняется тем, что субъектами современной глобализации являются не только (и даже не столько) государства, сколько транснациональные корпорации (ТНК), межправительственные институты, которые могут иметь намного большее влияние на отдельных лиц и на мировые события.

Цель статьи – рассмотреть влияние экономических глобализационных процессов на права человека, проанализировать сформированные в современном мире механизмы, оказывающие воздействие на права человека, способы их осуществления и защиты.

Рассматривая проблему защиты прав человека, следует исходить из того, что институт защиты прав человека довольно многосторонний. Он включает в себя не только момент нарушения прав (наказание виновного за нарушение или восстановление нарушенных прав), но и обширный процесс, связанный с нормативным закреплением прав (чтобы были основания, что защищать), обеспечением реализации (осуществления) прав и их охрану. Защита прав человека – это «комплекс организационно правовых средств, обеспечивающих право человека на правовую защиту, предназначенных для устранения препятствий на пути осуществления прав человека, а также восстановления нарушенных прав и наказания виновных в их нарушении и гарантированных государством и международным сообществом» [7].

Права человека сегодня глобализированы. Являясь частью глобализации, они выступают в контексте политических, экономических, социальных и культурных отношений во всем мире и их защита напрямую связана с развитием экономики, политическими процессами, происходящими в мире, с развитием глобальной информационной сети, с уровнем развития права не только в отдельном государстве, но и в планетарном масштабе.

Под глобализацией мы в первую очередь понимаем экономическую интеграцию и экономический прогресс: прогресс технологического способа производства, эволюцию типов и форм экономической собственности, совершенствование процесса управления предприятием, маркетинговых исследований, эволюцию рыночных рычагов управления экономикой и т.п., происходящие на основе транснационализации и регионализации. Экономический рост, вызванный глобализацией, усиливает защиту экономических и иных прав более широкого круга людей, так как он расширяет возможности обеспечения работой, повышения доходов, доступа к таким благам цивилизации, как охрана здоровья, продуктам питания и жилья, получения образования, права на соответствующий уровень жизни и права на развитие (когда «каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами» [1,ст.1.1]. В большинстве развивающихся стран «экономический рост часто осуществляется благодаря внешним инвестициям со стороны глобализированных экономических институтов и международных финансовых организаций, таких как Всемирный Банк и МВФ, и транснациональные корпорации» [3, с. 104].

Экономический рост, обусловленный глобализацией, может вести и к нарушению прав человека. Если инвестиции предоставляются только под определенные проекты, выгодные инвесторам (например, строительство

широкомасштабных ирригационных систем, дамб), они могут нанести серьезный ущерб жителям этих районов, лишив их земли, возможности заниматься привычным делом и всем вытекающим из этого последствиям; когда в бедные малонаселенные районы Африки (учитывая низкий уровень заработной платы в этих районах) переносятся грязные производства, нарушая тем самым экологические права граждан. Примером вредного экономического роста является также ситуация, когда зерно в стране выращивают на экспорт с целью получения прибыли в иностранной валюте, в то время как сами граждане страны-экспортёра лишены основных продуктов питания. Экономический рост, вызванный процессами глобализации, «может даже содействовать нарушению прав человека за пределами государственной границы, когда создает экономические стимулы торговли товарами, вредными для людей, например военным оружием» [3, с. 109-110.]. Эти нарушенные права государство не в силах восстановить самостоятельно. Они являются серьезными сигналами международным правозащитным организациям, всему мировому сообществу, идущему по пути глобализации, для активизации деятельности в защиту прав человека от произвола экономических глобальных процессов.

Экономическая глобализация тесно связана и с защитой политических прав человека, развитием демократии. Исследователь политических процессов глобализации Роберт Барро отмечал, что «страны с низким уровнем экономического развития обычно не могут поддерживать демократию», «рост уровня жизни по различным показателям, конечно, приводит к постепенному возникновению демократии» [4, с.52, 62], демократическая же форма правления способствует долгосрочному экономическому росту. В силу этого глобальные экономические институты, принимая инвестиционные решения, стали учитывать такие неэкономические факторы как права человека, состояние окружающей среды и таким образом влиять на реформирование политических условий в государствах. В последнее время, прежде чем осуществлять

инвестиционную деятельность, глобальные экономические институты склонны требовать, чтобы в государстве существовали определенные условия, которые обеспечивают, помимо остального, защиту политических прав [3, с.113]. Эти инвестиционные условия могут включать признание верховенства права, требовать четкой и прозрачной деятельности правительства и местных органов, решения международных споров. Кроме того, ТНК могут также как и государства в значительной степени содействовать эффективности международных санкций в отношении недемократических государств, тем самым усиливая защиту прав человека в этих странах.

Экономическая интеграция, влияя на состояние прав отдельного человека, коллектива людей и целых народов, «бросает вызов международной юридической защите прав человека»[3, с. 125]. Юридические способы защиты прав человека в условиях глобализации основаны на международных конвенциях. В мире принято множество актов - Хартии, Декларации, Пакты и Конвенции,- в которых сформулированы и рекомендованы для осуществления во всех странах основные права и свободы человека, имеющие универсальный характер; предусмотрены определенные меры по их защите, которые должны признать и реализовывать государства-участники договора. Стандарты этих прав стали образцами для соответствующих национальных юридических документов. Об этом уже написано много. Но закрепить права, даже на самом высоком уровне– еще не значит реализовать и защитить. Всем известно высказывание «не существует права без защиты», то есть, другими словами не существует закона о правах человека без способов реализации и защиты.

Международные договоры, как правило, предусматривают обязательства государств соблюдать те или иные нормы в отношениях друг с другом. Но они не устанавливают обязательств в отношениях между государствами, а определяют единые стандарты соотношения полномочий государств, с одной стороны, а с другой стороны, - прав и свобод частных лиц [6].

Механизм международной защиты прав человека представлен довольно обширной системой международных (межгосударственных) органов и организаций, действующих с целью осуществления международных стандартов прав и свобод человека, их защиты или восстановления в случае нарушения. Формирование международных механизмов защиты прав человека связывают с Организацией Объединенных Наций. Прежде всего, это созданный в рамках ООН механизм международного сотрудничества, система соответствующих органов во исполнение вступивших в силу международно-правовых актов, выполняющие контрольные функции. Вторым важнейшим элементом международного механизма защиты прав человека является региональные правозащитные организации. На сегодня в мире существует три дееспособные региональные системы защиты прав человека: Межамериканская, Африканская и Европейская.

В настоящий момент международные отношения характеризуются возрастанием количества неправительственных правозащитных организаций (НПО), усилением их роли в современном мире, международном сотрудничестве, определением места в международном праве.

К сожалению, большинство международных механизмов защиты являются лишь вспомогательными государственным системам, которые охраняют права человека, «могут непосредственно реагировать только на массовые или систематические нарушения прав теми или иными государствами, жалобы же на единичные случаи нарушений учитываются лишь как еще один штрих к общей ситуации защиты прав человека в отдельных странах. То есть, они действуют в рамках процедур "жалоб к размышлению", когда соответствующий орган не стремится к исправлению каждого нарушения прав человека, о которых ему сообщают» [5]. Чаще всего деятельность этих органов носит скорее политический, чем юридический характер.

В системе международного контроля за соблюдением прав человека наиболее эффективным является судебный механизм контроля. «Использование этой формы рассмотрения индивидуальных и коллективных жалоб, положенное в основу Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, признается наиболее эффективной системой защиты. Более того, решения Европейского суда по правам человека создают прецедентное право и оказывают положительное воздействие на судебную практику государств - членов Совета Европы» [2, с. 4].

Таким образом, экономическая глобализация создает обширные возможности для осуществления и защиты прав человека. Однако неконтролируемая деятельность глобальных экономических структур может приводить и серьезным злоупотреблением и нарушениям прав человека. Эффективными способами международной защиты прав человека в условиях экономической глобализации является усиление влияния международных юридических механизмов защиты прав человека не только на правительства государств, но и на глобальные экономические институты (ТНК, МВФ Всемирный банк и т. д.).

Литература:

1. Декларация о праве на развитие Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года. Ст.1.1
2. НизарАюб. Взаимодействие внутригосударственных и международных юридических механизмов защиты прав человека. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М.,1998. - 23 с.
3. Роберт Маккоркводейл, РічардФеарбразерГлобалізація та права людини / Права людини: Концепції, підходи, реалізація. Пер. З англ. //Під ред. Б.Зізік. – К.:вид-во «Ай Бі», 2003. – 263 с

4. Robert J. Barro. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. XII + 145 pp.

5. Ліщина І. Міжнародні механізми захисту прав людини // Громадянське суспільство - Україна 2001.
<http://www.ji.lviv.ua/n21texts/lischyna.htm>

6. Самое простое о международно-правовой защите прав человека [Электронный ресурс] <https://lawbook.online/zaschita-prav-semya/samoe-prostoe-mejdunarodno-pravovoy-zaschite-17248.html> Дата обращения 02.04.2018

7. Международное гуманитарное право «Женевские конвенции...» [Электронный ресурс] Сайт: Present5. <http://present5.com/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-zhenevskie-konvencii-prodolzhayut-nastoyatelno/>

УДК 341.213.5

Адельсеитова А.Б.

к.ю.н., доцент кафедры истории и теории государства и права,
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАНИНА В СТРАНАХ ЕС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается правовой статус гражданина Европейского Союза как субъекта наднациональной организации публичной власти Европейского Союза. Раскрывается ряд проблем, связанных с недостаточной правовой регламентацией данного института.

Ключевые слова: правовой статус, гражданин, Европейский Союз, глобализация

Annotation: This article deals with the legal status of a citizen of the European Union as a subject of supranational organization of public power of the European Union. Author discloses a number of problems, connected with insufficient legal regulation of this Institute.

Key words: legal status, citizen, the European Union, globalization.

Формирование глобального права и интеграция всех национальных правовых систем в современных реалиях глобализационных процессов это объективная необходимость и закономерность. Существенная геополитическая трансформация в обществе оказывает влияние и на общепризнанные институты права, каковым является и институт прав гражданина. Наднациональная организация публичной власти в Европе свидетельствует о появлении новой разновидности гражданства и определяет иное восприятие института гражданства. Неоднократное обращение исследователей к такому феномену как правовой статус гражданина Европейского Союза подтверждает необходимость надлежащего теоретического осмысления. Появление гражданства Европейского Союза вызвано необходимостью глубокой интеграции государств — членов Европейского экономического сообщества и реализацией конкретных экономических и политических программ. В частности, программ по миграции квалифицированной рабочей силы в пределах государств-членов и ранее существовавшей необходимости очередной трансформации европейских сообществ — создание Европейского Союза.

Поскольку гражданство Европейского Союза является качественно иным правовым институтом, призванным регулировать вопросы правосубъектности физических лиц на наднациональном уровне, возникает ряд проблем, связанных с недостаточной правовой регламентацией данного института и с не совершенством механизма его имплементации. Целый ряд проблем, порожаемых единым гражданством Европейского Союза, лежит в плоскости

философского понимания понятия гражданства и его соотношения с государством. Положение о европейском гражданстве было закреплено в одном из разделов Маастрихтского договора, другой документ – Лиссабонский договор подтвердил понятие гражданства Европейского Союза (далее ЕС), следует отметить, что и один и второй документ определял граждан ЕС, а не сообществ. Традиционно гражданство рассматривается как устойчивая правовая связь человека с конкретным государством, выражающаяся в совокупности взаимных прав и обязанностей. Толковый словарь Ефремовой Т. Ф. даёт следующее определение понятию гражданин - это лицо, принадлежащее к населению какого-либо государства, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все обязанности, установленные законами этого государства; подданный какого-либо государства [1]. Такая формулировка понятия гражданин позволяет выделить 2 аспекта понятия гражданин:

- во-первых, это лицо, принадлежащее к населению какого-либо государства;

-во-вторых, это лицо, пользующееся всеми правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющее все обязанности, установленные законами этого государства. Исходя из этого, можно выделить следующие противоречия введения союзного гражданства в Европейском Союзе.

Первый из аспектов статуса гражданина – это его принадлежность к населению определённого государства. Исторически гражданство неразрывно связано с государством. Общность народа на отдельной географической территории, предопределённая единством быта, культуры, обычаев, иными признаками национальной самобытности на каком-то историческом этапе сформировала государство и являлась «человеческой» основой его существования, естественной предпосылкой его создания. Можно с определённой долей вероятности утверждать, что нация создала государство для

самоидентификации и упрочнения связей внутри народности, а на следующем этапе самоопределения ввела понятие «гражданин» для разграничения «своих» и «чужих». Таким образом, нация, государство и гражданство являются взаимосвязанными и отчасти родственными понятиями, обуславливающими друг друга.

С этой точки зрения не ясным представляется вопрос, кого следует относить к гражданам Европейского Союза. На наш взгляд, теоретически обоснованной представляется проблема, поставленная Н. Лукшей в своей работе «Гражданство Европейского Союза: содержание, проблемы, перспективы развития», а именно: что является основой гражданства Европы не в формально – правовом смысле, а в концептуальном, идеологическом аспекте [2]. В тексте Маастрихтского договора имеется упоминание о том, что основой будущей солидарности народов Европы должно служить единство культурного наследия и общечеловеческих ценностей европейцев. Однако гражданство ЕС не распространяется на граждан исключительно всех стран континента Европы; в то же время отнесение к европейским гражданам только граждан государств-членов ЕС страдает концептуальной необоснованностью и нелогичностью, особенно в разрезе неотвратимой тенденции к расширению Европейского Союза.

Внедрение в Западной Европе единого гражданства является наглядным примером противоборства двух тенденций в реалиях современной международной жизни - глобализации и борьбы за самоопределение. С одной стороны, очевидно стремление государств к отказу от ряда политических прав в пользу наднациональных организаций и институтов. С другой стороны, как отмечает А. Румянцев, усиление интеграционных процессов в рамках ЕС способствуют также усилению регионалистских тенденций и тенденций «малого национализма». Наглядным примером того служит стран противостояние валлонов и фламандцев в Бельгии, протестантов и католиков в Северной

Ирландии, терроризм басков и корсиканцев, национализм жителей севера Италии [3, с. 25]. Такие случаи не являются исключением из правил, а являются следствием неразрешённых противоречий политического, этико-культурного, социально - экономического и конфессионального характера.

Второй неотъемлемый признак гражданства – наличие у лица прав, обеспеченных законами этого государства, и обязанностей, установленные законами этого государства. Краеугольной проблемой введения гражданства ЕС является отсутствие единого нормативного документа, содержащего основы правового статуса гражданина Европейского Союза: субъекты гражданства ЕС, их права, порядок реализация этих прав, взаимные обязанности граждан ЕС и Союза по отношению к своим гражданам, механизм защиты нарушенных прав и т.д. В Договоре о Европейском Союзе отмечается, что Союз присоединяется к Хартии Европейского Союза об основных правах от 7 декабря 2000 г., а также к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Таким образом, если за гражданами Союза и признаются определённые права, то вопрос обязанностей граждан ЕС, как необходимой составляющей статуса гражданина, не нашёл отражения ни в одном документе. Так, например, не предусмотрено, какие обязанности должен исполнять гражданин Финляндии, постоянно проживающий в Испании, по отношению к властям Испании. Например, должен ли он проходить воинскую службу в Испании, если союзное законодательство не возлагает на него такой обязанности? Ст. 30 Конституции Испании закрепляет обязанность проходить воинскую службу исключительно за испанцами [4, ст. 30]. Теоретически все лица, не имеющие гражданства Испании, попадают либо под статус иностранцев, либо лиц без гражданства. На наш взгляд, единственным признаком «гражданства Испании» у гражданина Финляндии будет возможность его свободного трудоустройства и право участия в муниципальных выборах. Следовательно, возникает вопрос «неполноты» статуса гражданина Евросоюза.

Другая проблема существования гражданства ЕС связана с отсутствием правового механизма защиты прав и свобод граждан ЕС. Так, при разрешении дела на наднациональном уровне велика вероятность столкновения компетенций Суда сообществ и Европейского суда по правам человека. Непонятно также, какое право следует применять: право Сообществ, национальное или международное право.

Маастрихтский договор предусматривает в качестве основного принципа осуществления власти в ЕС принцип subsidiarity, согласно которому принятие решений в максимально возможной степени приближено к гражданам. Таким образом, принцип предусматривает делегирование властных полномочий от органов власти более высокого уровня к нижестоящим органам, обеспечивая децентрализацию власти, как способ наиболее эффективного принятия властных решений. При этом не следует забывать, что такое делегирование на уровне государства и на уровне ЕС - государства-члены имеет некоторые различия. Как справедливо отмечает Н. Лукша, когда государство передаёт часть своих полномочий муниципалитетам, граждане разных областей имеют не только одинаковые права, но и, что важно, в едином порядке реализуют их. Например, жители Баварии и Саксонии в Германии обладают одинаковыми правами по отношению к властям региона и в одинаковом порядке реализуют их.

При передаче же полномочий от ЕС к государствам-членам изменяется качественный характер этой компетенции. Так, например, гражданин Франции, проживающий в Ирландии, реализует своё право на участие в муниципальных выборах в соответствии с процедурой, предусмотренной законодательством Ирландии, которая отличается от соответствующей процедуры во Франции [2].

Аналогичная ситуация возникает и при реализации целого ряда других прав, связанных с социальным обеспечением, осуществлением прав собственности, семейными отношениями и др.

Таким образом, дальнейшее развитие интеграционных процессов в Европе в условиях глобализации неизбежно выдвинет на первый план вопрос сближения законодательства государств – членов ЕС по всем областям права. Такое сближение хоть в целом и представляется возможным и согласуется с целями Договора, однако его осуществление на практике неизбежно приведёт к ограничению суверенитета государств-членов в законодательной сфере, и как следствие, будет воспринято ими враждебно. Само дальнейшее углубление интеграции в рамках ЕС неизбежно без ослабления компетенции национальных органов власти и расширения полномочий органов Союза.

Таким образом, гражданство ЕС, как и сказано в Договоре о Европейском союзе, лишь дополняет национальное гражданство, оно не создаёт пространства единых прав и обязанностей для всех граждан государств – участников ЕС. Следовательно, происходит либо размытие понятия «гражданство», либо это совершенно иной институт регулирования правового статуса физического лица, который хотя и имеет некоторые признаки гражданства, но, по сути, им не является. В конечном счете, его можно было бы назвать чем-то вроде установления привилегий для граждан государств-участников Европейского Союза. Введение же «гражданства Европы» носит чисто политический характер и направлено на укрепление стабильности Союза за счет декларируемой общности народов Европы.

Литература:

1. Ефремова Т. Ф. «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный». // М.: Дрофа, Русский язык, 2000. - 1233 с.
2. Лукша Н. «Гражданство Европейского Союза: содержание, проблемы, тенденции развития». Режим доступа: <http://loukcha.com/stati-europe-3.html>; Дата обращения 1.04.2018

3. Румянцев А. «Современное государство и вызовы постиндустриального общества», 67 с., Режим доступа: <http://www.law.net.ru>. Дата обращения 1.04.2018
4. Конституция Испании от 29.12.1978г. // Конституции государств Европейского Союза / Под ред. Л.А. Окунькова. - М.: ИНФРА-М: 19

УДК. 343.2/7

Тимохин А.М.

*к.филос.н., доцент кафедры философии социально-гуманитарного
профиля*

*«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
Таврическая академия (структурное подразделение)*

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В исследовании рассматриваются тенденции формирования юридического понятия «экстремизм» в национальном законодательстве и международном праве. В качестве существенной указывается тенденция истолкования понятия об экстремизме с правом толерантности.

Ключевые слова: экстремизм, толерантность, верховенство право, международное право.

Annotation: In the papers the development of the legal concept «extremism» is examined in national legislation and international law. It is assumed, there is a necessity of interpretation of «extremism» as legal concept in the context of toleration.

Keywords: extremism, toleration, rule of law, international law.

Термин экстремизм впервые появляется на страницах англоязычных газет в 40-е годы XIX века. Особую популярность он приобрел в американской прессе в конце гражданской войны, когда журналисты стали называть так непримиримых сторонников ее продолжения[1, 2]. В середине XX века термин стали использоваться для характеристики тоталитарных идеологий, рассматривающих террор как инструмент обретения и удержания политической власти (фашизм, коммунизм). Тогда же возник и правовой прецедент признания международным преступлением не просто конкретных действий, а идеологии. Прецедент довольно спорный, заставивший говорить о парадоксальном характере права толерантности, утверждающего неограниченную свободу убеждений, с одной стороны, но объявляющего отдельные мнения недопустимыми и заслуживающими преследования, в том числе и уголовного. Такие мнения стали называть радикальными или экстремистскими

Термин «экстремизм» получил широкое распространение в послевоенной политической публицистике для обозначения противозаконной деятельности религиозных, этнических и культурных меньшинств в государствах, где правительство и большинство отказывали таким меньшинствам в признании, равенстве прав, а порой их дискриминировали или даже преследовали. Несмотря на то, что термин «экстремизм» имеет не очень долгую историю, явление, которое им обозначается в той или иной степени осознавалось и подвергалось рефлексии в контексте западной традиции политической мысли, начиная с античности. Новшеством последних десятилетий можно считать стремление выработать научное понимание экстремизма в рамках политической теории, учитывающей его социальные и психологические корни данного явления, а также предпринимаемые в последние десятилетия попытки дать экстремизму правовое определение, учитывающее особенности современного международного права в глобализирующемся мире.

Некоторые авторы предлагают следующую интерпретацию экстремизма как правового явления. «С позиции права экстремизм рассматривается как агрессивное, социально негативное, общественно опасное явление, которое служит олицетворением определенного рода негативных проявлений, имеющих своей целью породить у членов мирового сообщества сомнения в возможности поддержания стабильности в мире на принципах демократии, уважения прав и свобод человека и гражданина... и направлено на изменение основ конституционного строя страны, возбуждение политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды через применение насилия (угрозу его применения), причинение имущественного либо физического вреда, а равно призывы к указанным действиям» [3]. Принципиальным недостатком такого понимания экстремизма как «общественно опасного явления» становится то, что его сложно использовать для того, чтобы сформулировать уголовные нормы, объявляющие экстремизм преступлением и устанавливающие меры наказания, устраняющие и предотвращающие его последствия.

Некоторые государства, в том числе Российская Федерация, попробовали включить понятие экстремизма в свое законодательство. Однако подобные попытки вызвали критику, поскольку данные в нормах определения экстремизма оказались слишком расплывчатыми. С одной стороны, понятие экстремизма сложно отделить от понятия о терроризме [4]. С другой стороны, под даваемое экстремизму определения могут подпадать действия, являющиеся неотъемлемой частью реализации прав и свобод человека в демократическом обществе, на что и указала Европейская комиссия против расизма и нетерпимости, говоря, что «имеется не только широкое поле для злоупотребления этим законом, но и тем, что закон используется чрезмерно широко (см. раздел ниже) и иногда по вопросам, которые не должны относиться к его сфере действия» [5]. Поэтому многие эксперты считают, что определение

экстремизма в Федеральном законе о противодействии экстремистской деятельности должно быть пересмотрено таким образом, чтобы оно распространялось лишь на серьезные случаи, связанные с ненавистью и насилием.

Опыт различных государств-членов Совета Европы, США, Канады, Австралии и других стран, отстаивающих верховенство права, свидетельствует о том, что они не смогли или не посчитали нужным включить определение экстремизма в свое законодательство. Похоже, что ни в настоящий момент, ни в ближайшем будущем нельзя рассчитывать на появление более-менее стандартного международно-правового определения экстремизма.

Не только расплывчатость используемых в национальном законодательстве правовых формулировок сущности экстремизма или их отсутствие мешают формированию общепринятой правовой оценки рассматриваемого явления. Еще одна важная причина критики подобного законодательства заключается в том, что оно заставляет забыть о толерантности как правовом условии осуществления свободы совести и позволяет объявить любую позицию, отличную от государственной, экстремистской, если ее сторонники убеждены в необходимости политических изменений в стране. Попытка дать правовое определение экстремизма вне контекста института свободы совести и права толерантности представляется неперспективной.

Между тем, определенные шаги, направленные на то, чтобы уточнить значение термина экстремизм все-таки предпринимаются и связаны они, прежде всего, с желанием уйти от многочисленных политических и религиозных коннотаций, сосредоточившись на выявлении правовой сути явления. Свидетельством этого процесса можно считать появление в международном праве понятия «насильственный экстремизм» [6]. Одно из первых определений насильственного экстремизма как всего, что «относится к пропаганде, привлечению и подготовке или иной поддержке идеологически

мотивированного или оправданного насилия для достижения в дальнейшем социальных, экономических и политических целей»[7] было предложено в 2011 году. С тех пор термин прочно вошел в дискурс международного права, появившись на страницах многих нормативно-правовых актов. В 2015 году были представлены три важных международных документа, раскрывающих суть этого понятия: Резолюция 30/15, принятая Советом по правам человека 2 октября 2015 года “Права человека и предупреждение насильственного экстремизма и борьба с ним”, Резолюция 70/109. “Мир против насилия и насильственного экстремизма”, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 2015 года, и План действий по предупреждению насильственного экстремизма, предложенный Генеральным секретарем ООН 24 декабря 2015.

Важно отметить, что этими международными документами не только определяется природа насильственного экстремизма, но и устанавливается соотношение насильственного экстремизма и толерантности. В них находит свое понимание то, что толерантность и насильственный экстремизм являются противостоящими друг другу принципами. «Проявление терпимости является одним из принципов, которых необходимо придерживаться для достижения целей предотвращения войны и поддержания мира... насильственный экстремизм является противоположностью толерантности, поскольку он основывается на ее отрицании, распространяя идеи нетерпимости — религиозной, культурной, социальной»[8]. Как подчеркивается в Плане действий, «воинствующие экстремисты создают прямую угрозу для осуществления прав человека — от права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность до права на свободу выражения мнений, ассоциации, мысли, совести и вероисповедания».

Следует признать, что сегодня с юридических позиций уместно говорить не об экстремизме вообще, а именно о насильственном экстремизме, понимая под ним преступление, совершаемое против толерантности как гарантии

безопасности и соблюдения основоположных прав и свобод человека в демократическом правовом государстве. Такой насильственный экстремизм представляет собой преследующее антигуманные цели оправдание и распространение практики противоправного применения силы или угроз применения силы, основанное на отрицании или ограничении прав человека, демократии и основоположных свобод, продиктованное нетерпимостью и ненавистью.

Само по себе отрицание прав человека, демократии и основоположных свобод не является экстремизмом и может быть связано с временным или непреодолимым непониманием, предрассудками, культурными и интеллектуальными различиями. Экстремизмом оно становится лишь тогда, когда превращается религиозными, социальными или этническими группами и их представителями в инструмент для достижения политических целей, противоречащих принципу толерантности и несовместимых с правами и свободами других людей. Насильственный экстремизм является чаще всего позицией меньшинства. Случаи, когда большинство склонно к отрицанию свобод и демократических процедур принятия значимых решений, встречаются довольно редко. Тем не менее, тоталитарные общества служат наиболее типичным примером того, что большинство может поддерживать теорию и практику экстремизма. Развитие практик толерантности и распространение политики мультикультурализма могло бы было привести к устранению почвы для экстремизма при условии, что все члены международного сообщества будут действовать в интересах верховенства права.

Литература:

1. Backes U. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elementeeiner normativen Rahmentheorie. - Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH., 1989. – 385 p.

2. Backes U. Political Extremes: A Conceptual History from Antiquity to the Present. London: Routledge, 2010. – 312 p.
3. Бикеев И.И., Никитин А.Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. –Казань: Познание, 2011. - 320 с.
4. Устинов В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. - М.: Юрид. лит., 2002, № 5. - С. 34-36
5. <https://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Russia/RUS-CьC-IV-2013-040-RUS.pdf>
6. Абашидзе А.Х. Борьба с экстремизмом: актуальная проблема повестки дня ООН // Евразийский юридический журнал. - 2016. - №2. - С. 32-37.
7. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency // https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pdacs400.pdf
8. План действий по предупреждению воинствующего экстремизма// <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/24/PDF/N1545624.pdf?OpenElement>

УДК. 343.1

Кузьмина Е.А.

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

**ОБЖАЛОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: Статья посвящена вопросам обжалования действий и решений органов предварительного расследования в контексте соблюдения

прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве как воплощения международных стандартов в области прав человека. Обращается внимание на значение права обжалования как принципа уголовного судопроизводства для реализации и защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: международные стандарты, права и свободы, уголовный процесс, право на обжалование, обжалование действий.

Annotation: The article is devoted to the issues of appealing the actions and decisions of preliminary investigation bodies in the context of observance of human rights and freedoms in criminal proceedings as an embodiment of international human rights standards. Attention is drawn to the importance of the right of appeal as a principle of criminal justice for the implementation and protection of citizens' rights and freedoms.

Key words: international standards, rights and freedoms, criminal procedure, right to appeal, appeal of actions.

Право на обжалование действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц установлено ст.ст. 46 и 50 Конституции Российской Федерации. В уголовном судопроизводстве Российской Федерации указанное положение является одним из его принципов.

Важность и неоспоримая необходимость обеспечения данного принципа закреплена в международных правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека (ст. 8) [1], Международный Пакт о гражданских и политических правах (п.п. а, в ч. 3 ст. 2) [2], Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 13) [3].

Развитие международных стандартов об эффективном восстановлении человека в правах и свободах при их нарушении, установленных указанными выше документами, получило свое продолжение в Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26.05.1995 г. Согласно ст. 19 данного

международного документа, каждый, чьи права и свободы нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, включая случаи совершения нарушения лицами, действовавшими в официальном качестве государственного служащего [4].

Обжалованию действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, в каждой составной части уголовного процесса присущи свои отличительные особенности. Особое значение обжалованию указанных действий (бездействия) и решений как гарантии прав и свобод человека и гражданина, вовлекаемого в производство по уголовному делу, придается в досудебном производстве, где преимущественно применяются меры процессуального принуждения, а действие принципа состязательности проявляется ограниченно.

Исследователями данной правовой категории в науке уголовного процесса России подчеркивается, что право на обжалование действий и решений органов государственной власти и управления, нарушающих права и законные интересы человека и гражданина, относится к числу основополагающих и закреплено международным правом как одно из наиболее эффективных средств защиты прав и свобод граждан, компенсирующих их фактическое неравенство с государством, как один из способов их борьбы за свои права и свободы, неотъемлемая составляющая правового статуса личности в государстве [5, с.65]. Значение права обжалования для защиты прав и свобод гражданина в уголовном судопроизводстве, воплотилось в закреплении его в качестве одного из принципов, распространяющих свое применение на все стадии. Говоря о принципах, нельзя не отметить, что они выступают центральными идеями для всего уголовного процесса и затрагивают как правовые нормы, так и практику их применения. В отличие от иных норм права, принципы уголовного судопроизводства лежат в основе формирования уголовно-процессуального законодательства, имеют более высокую юридическую силу [6, с.19].

Принцип права на обжалование прямо закреплен в статье 19 УПК РФ. Общие положения данного права раскрываются и конкретизируются в главе 16 УПК РФ, которая определяет механизм обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, применительно к конкретной стадии процесса.

Значение этого принципа состоит в признанной законодателем необходимости усиления контроля за законностью, обоснованностью и справедливостью процессуальных действий (бездействия) и решений суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя посредством их обжалования в порядке, установленном УПК РФ [6, с.17-18].

Принцип права обжалования процессуальных действий и решений поддерживает и развивает действие таких принципов, как законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ), состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), и иных, равно обуславливая их взаимосвязь [7, с.17].

Фундаментальное значение, необходимое для отнесения к принципам уголовного судопроизводства, право на обжалование приобретает за счет таких его характеристик, как широта и свобода [6, с.22]. Указанные категории нередко дают почву для недобросовестного использования имеющегося субъективного права, противоречащего его смыслу, цели и назначению, которое выражается в злоупотреблении недобросовестными гражданами рассматриваемым правом. Представляется необходимым определение некоторых границ широты и свободы принципа права обжалования. Одним из возможных ограничений может являться установление ограничительного срока для подачи жалобы, что исключает возможность обжалования действий (бездействия) и решений

органов предварительного расследования, исходя из недобросовестных побуждений граждан, по прошествии объективно достаточно большого срока после вынесения процессуального решения.

Принцип права обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений, существующий в действующем уголовно-процессуальном законе, безусловно, развивается и совершенствуется в соответствии с назначением уголовного судопроизводства, т.е. создает условия для восстановления нарушенных, неправомерно ограниченных либо находящихся под угрозой нарушения или неправомерного ограничения прав, свобод и законных интересов лиц-участников уголовного судопроизводства [7, с.20].

Представляется несомненной постоянная необходимость в анализе динамики изменяющихся правовых реалий, заключающихся в потребности внесения изменений в существующие уголовно-процессуальные нормы.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. // Рос. газ. 1995. 5 апреля. № 67.
2. Международный Пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 г. Ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 18.09.1973 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // Собр. законодательства РФ. – 2001. № 2. Ст. 163.
4. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: заключена 26.05.1995 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М., 2002. 860 с.

5. Белобородов, С.В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Белобородов Сергей Владимирович. – Н. Новгород, 2006. – 250 с.
6. Горак Н.В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Горак Нелли Викторовна. – Краснодар., 2017. – 253 с.
7. Лалиев, А.И. Проблемы судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лалиев Аслан Иванович. – Краснодар, 2011. – 208 с.

УДК 349.2; 341.9

Толочко О.Н.

заведующий кафедрой международного права

Частное учреждение образования «БИП-Институт правоведения»

(Республика Беларусь)

КОНТРАКТНАЯ ФОРМА НАЙМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ТРУДОВОГО ПРАВА

Аннотация: В статье, посвященной актуальным проблемам правового регулирования трудовых отношений в Республике Беларусь, анализируется трудовой контракт как особая разновидность срочного трудового договора. В результате исследования сделан вывод о том, что срочный характер трудовых отношений, принятый как общее правило, не соответствует международным трудовым стандартам и мировой практике, поскольку ставит работника в неравноправное положение как на рынке труда, так и в процессе осуществления трудовой деятельности.

Трудовой контракт, Конвенция МОТ, принудительный труд, срочный трудовой договор, международные стандарты труда

Annotation: The article is devoted to topical problems of legal regulation of labor in the Republic of Belarus. The author analyzes the employment contract as a special type of fixed-term employment contract. The study concluded that the temporality of the employment contract as general rule does not comply with international labor standards and world practice, since it puts the employee in an unequal position in the labor market and in the process of performing labor activity.

Employment contract, ILO Convention, forced labor, fixed-term employment contract, international labor standards

Институт трудового контракта появился в Республике Беларусь почти 20 лет тому назад. Декретом Президента 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» нанимателям было предоставлено право заключать с работниками контракты на срок не менее одного года. Термин «контракты» определен в Декрете как «трудовые договоры, заключаемые в письменной форме на определенный в них срок и содержащие особенности по сравнению с общими нормами законодательства о труде» [1].

Право заключать контракты предоставлено всем без исключения нанимателям. Таким образом, трудовой контракт не является исключением из правил: нормы Декрета № 29 распространяются на всех работников и работодателей, и он уже почти двадцать лет существует в форме параллельной Трудовому кодексу Республики Беларусь правовой реальности. Суть контрактной формы найма, введенной Декретом, состоит в двух моментах: 1) повсеместный переход на *срочный* характер трудовых отношений и 2)

дополнительные в сравнении с нормами Трудового кодекса основания для расторжения контракта по инициативе нанимателя.

В Трудовом кодексе (так же как ранее в советском законодательстве и сейчас в законодательстве соседней России, других государств, т.е. в соответствии со сложившейся традицией трудового права), срочный трудовой договор трактуется как исключение из общего правила: «Срочный трудовой договор заключается в случаях, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, а также в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» (ст. 17)[4]. Декрет же № 29 предоставляет нанимателю ничем не ограниченное право заключать срочные контракты со всеми работниками, даже с теми, кто до этого работал по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок. При отказе работника от заключения контракта, согласно п. 1 Декрета, трудовой договор с ним прекращается. Таким образом, Декрет № 29 перевёл срочные трудовые отношения из разряда исключений в правило.

Немаловажно отметить при этом, что Трудовой кодекс Республики Беларусь, в отличие от, например, российского, ограничивает право работника по срочному трудовому договору на увольнение по собственному желанию. Срочный трудовой договор (следовательно, и «декретный» контракт как его разновидность) может быть расторгнут по соглашению сторон (ст. 37), однако если согласия нанимателя нет, то для увольнения необходимы специальные основания: болезнь или инвалидность работника, иные уважительные причины, препятствующие выполнению работы, или нарушение нанимателем законодательства о труде, коллективного договора, трудового договора» (ст. 41 ТК)[4]. Таким образом, в отсутствие «уважительных» причин работник фактически лишается права уволиться, и для прекращения трудовых отношений по его инициативе есть только «Юрьев день» истечения срока контракта.

Ситуация, в которой наниматель желает продолжения трудовых отношений, а работник – нет, является принудительным трудом. Правовой запрет на принудительный труд существует уже давно: Конвенция МОТ № 29 действует с 1930 года[2], с 1957 года действует Конвенция МОТ № 105 «Об упразднении принудительного труда» [3]. Беларусь участвует в обеих этих фундаментальных Конвенциях, и тем не менее, факт остается фактом.

Современные международные трудовые стандарты базируются на общем принципе стабильности, постоянного характера трудовых отношений, который по определению отвечает интересам и работника, и работодателя, и государства. Постоянный характер трудовых отношений как общая норма с некоторыми строго установленными ограничениями – международный трудово-правовой обычай, нашедший отражение в законодательстве большинства стран мира. Срочный характер трудовых отношений, принятый в качестве общего правила, сводит на нет нормы о защите трудящихся при увольнениях по экономическим причинам. Так, при сокращении штатов работодатель согласно статьям 43, 45 и 48 Трудового кодекса несет целый ряд обязательств; контракт же его фактически от них освобождает. Неопределенность в отношении продолжения трудовых отношений и необходимость периодического (чаще всего – ежегодного) перезаключения контракта делает работника уязвимым и вынуждает его соглашаться, например, на неоплачиваемую сверхурочную работу, на выполнение не предусмотренных функциональными обязанностями работ, на отказ от своих прав в случае болезни, обучения или ухода за детьми, на несоблюдение работодателем норм безопасности труда и т.д. Таким образом, социальные функции трудового права во многих случаях не выполняются.

Таким образом, принятая Беларусии система найма по трудовому контракту не соответствует международным стандартам труда и идет вразрез с практикой большинства государств, ограничивающих применение нанимателями срочного

трудового договора конкретными и строго оговоренными в законе обстоятельствами.

Литература:

1. Декрет Президента Республики Беларусь 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/01-decret-29.do. – Дата доступа: 10.03.2018.
2. Конвенция МОТ № 29 «О принудительном или обязательном труде» 1930 г. // International Labor Organization. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c029_ru.htm. – Date of access: 10.03.2018.
3. Конвенция МОТ № 105 «Об упразднении принудительного труда» 1957 г. // International Labor Organization. – Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c105_ru.htm. – Date of access: 10.03.2018.
4. Трудовой кодекс Республики Беларусь 26 июля 1999 г. № 296-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900296#scrollInto#&Article=8>. – Дата доступа: 10.03.2018.

Паршичева И.Е.

ст. преподаватель кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Таврическая академия(структурное подразделение)

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ
МЕНЬШИНСТВ**

Аннотация: в статье рассматривается процесс формирования международной системы охраны и защиты прав национальных меньшинств, проводится анализ международно-правовых актов, регулирующих права национальных меньшинств, а также проводится анализ российского законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: национальное меньшинство, права человека и гражданина, международно-правовые акты, реализация прав человека, охрана и защита прав.

Abstract: The article examines the process of forming an international system for the protection and protection of the rights of national minorities, analyzes international legal acts that regulate the rights of national minorities, and analyzes Russian legislation in this field.

Key words: national minority, human and citizen rights, international legal acts, realization of human rights, protection of rights.

Трудность правового регулирования и охраны прав и интересов национальных меньшинств исторически появилась и формировалась одновременно с проблемой о гарантиях обеспечения прав как отдельно взятого

человека, так и коллективных прав групп людей, прежде всего народов. История становления и развития международно-правовых гарантий охраны национальных меньшинств насчитывает чуть более 300 лет, но научные исследователи в сфере международной истории права обычно акцентируют внимание, что так называемая современная «система международной защиты прав меньшинств» оформилась сразу после окончания первой мировой войны, и стала неотъемлемой частью всей Версальской мирной системы [1].

Современным историкам права известно, что в средние века эта система становится важным предметом международной политики. Факты подписания международных договоров, касающихся внутренней политики одного из договаривающегося государства в сфере гражданских прав отдельных этнических общностей, известны науки истории международных отношений уже в XVII столетие. Однако в этот период времени наиболее обычными «меньшинствами», права которых подлежали международной защите и охране, являлись, в первую очередь, религиозные меньшинства, и договоры главным образом касались, преимущественно права граждан на свободное вероисповедание. Именно такие документы рассматриваются историками в качестве самых ранних исторических прецедентов применения международных механизмов регулирования правовых вопросов, стоящих перед отдельными группами населения внутри того или иного государства [2].

Одновременно с этим шло закрепление прав религиозных меньшинств и во внутренних законодательствах. Крестовые походы дали толчок к развитию подобного процесса в некоторых странах Ближнего Востока.

В начале XIX века под воздействием идей о гражданских правах и свободах, провозглашенных французской и американской гражданскими революциями, объем вопросов, входящих в проблему об охране прав национальных меньшинств начинает заметно увеличиваться. Теперь в нее входит и этнический аспект. Национально-освободительные движения,

перешедшие на Европу в первой половине XIX столетия, усилили проблему национальных (этнических) меньшинств. По этой причине в целом ряде международных договоров предусматривалась охрана прав и свобод этнических групп, которые в данном государстве не занимали господствующее положение по своей численности [3].

Проблема государственного равенства малочисленных народов стала ключевой во внешних политиках, проводимых Великими державами, во многих регионах мира после окончания первой мировой войны. В качестве примера можно привести призыв к объединению польских территорий в рамках российской государственности; вооружение немцами ирландцев, фенгов и фламандцев и поддержка ими сепаратистских националистических движений и т.п.

Еще одной основой, повлиявшей на формирование основополагающих принципов в сфере защиты прав национальных меньшинств, стали документы отдельных международных организаций, намеренно посвященные проблемам национальных меньшинств. В связи с этим необходимо отметить «Проект декларации прав национальностей», разработанный международным Бюро национальностей Конференции национальностей, состоявшимся в Париже и Лозанне в 1915 году и в 1916 годах соответственно. Согласно этим документам европейские народы должны были иметь право создания федеративного или унитарного государства, а национальным меньшинствам предоставлялось право на местную, муниципальную, учебно-культурную и религиозную автономию [4].

Очередным этапом развития системы международной охраны национальных меньшинств стало создание системы международных коллективных гарантий разработанных в рамках Лиги наций, созданной после окончания первой мировой войны. Анализу этого этапа развития сферы защиты прав и свобод не только человека и гражданина, но и отдельных национальных

групп, посвящено много научных работ различных ученых. Среди европейских международно-правовых исследователей можно отметить работу Н. Лернера – «От защиты меньшинств к групповым правам» [5], а среди азиатских – работу С. Чандра «Международная защита меньшинств» [6], в которой автор приводит список международных актов по защите меньшинств, гарантом которых являлась Лига наций.

Под эгидой Лиги Наций была разработана целая система международных нормативных актов, создавших международно-правовой механизм по защите меньшинств.

Однако, основным документ Лиги Наций – Устав – не содержал в себе никаких положений об обязательствах государств – членов Лиги охранять реализацию прав меньшинств или осуществлять совместное сотрудничество в формировании уважения к правам человека не зависимо от цвета кожи, расы, вероисповедания, а также об обеспечении хотя бы элементарных гражданских, политических, экономических или социальных прав. Члены Лиги брали на себя лишь обязанности «прилагать усилия» к обеспечению «справедливых и гуманных условий труда» (ст.23).

Государства - члены Лиги Наций даже не попытались поставить перед собой цель выработать единый универсальный международный нормативный акт, который содержал бы в себе основные нормы и принципы об уважении и соблюдении, хотя бы самых основных прав и свобод человека.

Второй период обострения интереса международного сообщества к вопросу национальных меньшинств начинается с окончанием Второй мировой войны. Центром обострения данной проблемы вновь оказывается Европа, а центром правового реагирования и предупреждения, защиты и охраны стала Организация Объединенных Наций. В ходе второй мировой войны со всей очевидностью обнаружались минусы и пробелы в системе международного регулирования прав и свобод человека, сформированной Лигой Наций.

Формирование ООН и утверждение Устава положили начало качественно новому этапу межгосударственных отношений в этой сфере. Одной из основных целей ООН стала реализация международного сотрудничества в сфере разрешения международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера для поощрения и развития уважения к правам человека и основным свободам для всех, вне зависимости от расы, пола, языка и религии, что нашло закрепление в пункте 3 статьи 1 Устава ООН.

Во время разработки Устава ООН, в него вносился целый ряд предложений, содержащий перечень основных прав и свобод, которые должны подлежать всеобщему уважению и соблюдению со стороны всех. Однако Конференция в Сан-Франциско, на которой шел процесс обсуждения Устава ООН, передала этот вопрос в работу компетентных органов Организации Объединенных Наций. Так началась разработка и принятие основополагающего документа – Международного Билля о правах человека [7].

Одним из наиболее важных актов стала Всеобщая декларация прав человека. Она признает естественный характер прав человека, что подтверждается в содержащейся в статье 1 правила о том, что «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» [8]. «Создание и принятие Всеобщей декларации прав человека проходили в сложной международной обстановке, и ее принятие стало результатом рассмотрения и согласования различных мнений и точек зрения» [9].

Значительная роль в охране прав национальных меньшинств принадлежит Международной организации труда (МОТ). С момента своего создания в 1919 году МОТ защищает социальные и экономические права групп населения, обычаи, традиции, организация жизни или язык которого противопоставляет их по отношению к другим группам граждан. В 1953 году МОТ опубликовала

исследования по проблеме коренных народов, а 26 июня 1957 года приняла Конвенцию №107 «О коренном и племенном населении» и рекомендацию №104 «О защите коренного и иного населения, которое ведет племенной образ жизни». Это были первые международно-правовые документы, разработанные специально с целью защиты прав народов, условия жизни и само существование которых, как и когда-то, остаются под угрозой со стороны доминирующих культур [10].

1 февраля 1995 года была открыта для подписания Рамочная конвенция, к настоящему времени ее подписали более двадцати государств, а для ее вступления в силу необходима ратификация двенадцатью государствами-членами [11]. Но и на этом международному сообществу не стоит останавливаться.

Что касается правовой системы Российского законодательства, то с момента принятия Конституции РФ действует ряд нормативно-правовых актов в сфере защиты прав национальных меньшинств. Некоторые из них декларируют общие гарантии защиты языковой и культурной «самобытности» национальных меньшинств [12], другие – аспекты реализации политических прав [13]. Но в целом, защита и охрана прав национальных меньшинств не охвачена и не урегулирована. Следовательно, необходимо, с учетом общепризнанных принципов всеобщего уважения прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации, совершенствовать российское законодательство, тем самым обеспечить всестороннее регулирование прав человека и, в частности, прав национальных меньшинств.

Литература:

1. Жвания Г.Е. Международные гарантии защиты национальных меньшинств. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР.- 1959.

2. Тузмухамедов Р.А. Национальные меньшинства под защитой международного права // Государство и право.- М. «Наука».- РАН, Институт государства и права.- №2.- 1996.
3. Берлинский трактат от 13.07.1878 // Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952, с. 204.
4. Macartney C.A. National states and national minorities. - L.: Oxford University Press, 1934.
5. Lerner N., From protection of minorities to group rights.- In: Israel Book on Human Rights; vol.18. London.- 1988.- P.101-120.
6. Chandra Satish. International protection of minorities.- Delhi.- 1986.
7. Documents of the United Nations Conference on International Organizations. San-Francisco,1945.- Vol. VI.- London-New York.- 1945.- P.1705.
8. Всеобщая декларация прав человека, ст. I. Международная защита прав человека. Документы и материалы.- Харьков.- 1998
9. Карташкин В.А. Всеобщая декларация прав человека в современном мире// Советский ежегодник международного права.- 1988.- М.- С.39-50.
10. Конвенция 1957 года о коренном и племенном населении - Сборник договоров Организации Объединенных Наций.- т.328.- С.248-266
11. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г. ETS N 157 (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1999. - № 11. - Ст. 1256.
12. Закон Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»// Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 1991 г.- N 50, ст. 1740.
13. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г.- N 25, ст. 2965.

Аблаева Д.С.

*Студентка 3 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЛИЯНИЕ
ИНФОРМАЦИИ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: В данной статье рассматривается проблемный аспект глобализации, её влияние на информационную сферу и как следствие, негативные аспекты, выражающиеся в практически бесконтрольной деятельности недоброжелателей в сети Интернет. Воздействие негативных явлений на сознание и правосознание человека, в своей совокупности влияющее на общество и государство. Проведён анализ законодательства, выявлены проблемные моменты. Приведены в пример события, являющиеся следствием информационного воздействия. Предложены пути решения проблемы.

Ключевые слова: глобализация, информационные ресурсы, интернет, сознание, киберпреступность.

Annotation: This article examines the problematic aspect of globalization, its impact on the information sphere and, as a consequence, negative aspects, expressed in the practically uncontrolled activity of ill-wishers on the Internet. The impact of negative phenomena on a person's consciousness, which in its totality influences society and the state. The analysis of legislation is carried out, problem points are revealed. Examples are given of the events that are the result of information impact. Suggested ways to solve the problem.

Key words: globalization, information resources, the Internet, consciousness, cybercrime.

21 век характеризуется усиленным влиянием глобализации на все сферы жизнедеятельности общества. Само понятие «глобализация» конкретно не определено, что является причиной дискуссий среди деятелей в данной сфере. Так, Н.М. Мамедов определяет глобализацию как «проявление экономической, технологической, политической, информационной интеграции современного мира и ее отображение в жизнедеятельности каждого человека» [8]. М.Г. Делягин считает, что глобализация - это «процесс формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий» [6]. В общем понимании глобализация — это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена на социальную действительность в отдельных странах.

Неоспорим тот факт, что мы вступили в стадию информационно-технологического прогресса, где движущей силой стал именно информационный обмен и его воздействие не только на сознание отдельного человека, но и на общество и государство в целом. Стремительное ускорение глобальных информационных процессов и их влияние на мировое развитие в условиях глобализации заставляют по-новому взглянуть на развитие тенденций и проблем этого процесса. Основной проблемой являются вопросы информационной безопасности. Понятие «информационная безопасность» также однозначно не определено, но в общем смысле под ним понимается состояние защищенности потребностей государства, общества, личности, когда обеспечивается их прогрессивное развитие и существование вне зависимости от внешних и внутренних информационных угроз. Другими словами, речь идет о совокупности сведений, составляющих информационную безопасность и путях

ее обеспечения. На состояние информационной безопасности безусловно влияют как внутренние так и внешние факторы.

Одним из средств информации, наряду с телевидением, радиовещанием, является глобальная сеть «Интернет», которая в современном мире получила масштабное распространение. Интернет является всемирной информационной сетью, в которой помимо доступа к различным видам информации имеются и всевозможные коммуникационные сферы общения – социальные сети. Появление такой глобальной информационной базы стало причиной открытости, доступности данных, а также преодоления пространственных пробелов при общении. Безусловно, это является прогрессом и мир не представляет своё существование без интернета, о чём свидетельствуют положения Окинавской хартии Глобального информационного общества, принятой в 2002 г. [3], однако всё большее вовлечение людей в данную сетевую «паутину» стало причиной возникновения угроз, которые воздействуют на человеческое сознание и часто служат рычагами управления человеческим поведением [11]. Наиболее актуальными проблемами стало появление хакеризма, кибертерроризма и иной киберпреступности, массовое создание групп, порождающих национальную, религиозную нетерпимость, создание групп, привлекающих несовершеннолетних для воздействия на их психику, результатом чего становится доведение их до самоубийства либо принуждения совершать различные преступные деяния. Не стоит забывать о распространении запретной информации, об осуществлении вербовки через социальные сети, а также попытки взламывать информацию, составляющую государственную тайну, что может поставить под угрозу государственный суверенитет. Как известно общественное сознание трансформируется в правосознание под влиянием существующих правовых норм и благодаря этому существует правопорядок, однако негативное информационное воздействие на сознание людей неконформистского склада, а также людей, подверженных к

восприятию негативной информации (в основном касается детей, людей без образования, толкующих право и различные явления на бытовом уровне), мы получаем деформацию правосознания и подмену понятий[4]. Все эти явления не являются исчерпывающими, так как развитие информационного обмена корреспондирует появлению новых видов преступной деятельности в сети Интернет и соответственно появляются новые витки негативного воздействия. Распространение негативной информации, вовлечение людей в данные группы, управление их сознанием становится причиной распространения терроризма, транснациональной преступности, подрывающих общественную безопасность и порядок, посягая на жизненно важные ценности и уменьшая роль права[5].

Данная проблема актуальна и государства уже озадачены её решением, вопросы международного сотрудничества в области информационной безопасности приобретают особую значимость. Сегодня можно утверждать, что международное сообщество выработало общее представление об источниках угроз международной информационной безопасности. Так, были приняты Европейская Конвенция о киберпреступности, резолюция ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», документ «Принципы, касающиеся международной информационной безопасности» и др.

Однако ещё одной проблемой в данной сфере стало то, что любое государственное вмешательство в сферу информации не должно нарушать основные права граждан на информацию, свободу слова, регламентируемые Конституцией РФ, международными актами. В пример можно привести: Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» (2005 г.), Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [2]. Закон содержит запрет на злоупотребление

свободой массовой информации, однако перечень таких злоупотреблений неоправданно узок, а эффективного механизма контроля Закон не закрепляет. Конституция Российской Федерации в статье 29 гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру. При этом ч. 3 статьи 17, ч. 2 статьи 29 и ч. 3 статьи 55 устанавливают допустимые ограничения данной свободы [1]. Из этих предписаний, в частности, следует, что свобода слова и свобода массовой информации не должны использоваться во вред основам конституционного строя, нравственности, правам и законным интересам других лиц, безопасности государства. Вместе с тем, отсутствие четких, закрепленных федеральным законом ограничений этой свободы, направленных на защиту нравственности и т. п., а также мер ответственности и механизма привлечения к ответственности, не позволяет в должной степени реализовывать конституционные нормы. Таким образом, анализируя существующие акты можно сказать, что право на свободу мысли, на информацию, безусловно, защищается, однако не исключается возможность вмешиваться в данную сферу для защиты безопасности государства и общества[10]. Для более полного понимания масштаба существующих угроз и необходимости государственного регулирования сферы информации приведем несколько примеров:

1. По некоторым данным, 11 сентября 2001 года во время атаки террористов-камикадзе на крупнейшие города США – Нью-Йорк и Вашингтон – система противовоздушной обороны США была выведена из строя компьютерными хакерами. Скорее всего, это первый факт тесного сотрудничества террористов с компьютерными хакерами, который привел к многочисленным человеческим жертвам[7].

2. В Великобритании студент за размещение запрещенной литературы в глобальной сети был осужден на восемь лет тюремного заключения. Этот 21-летний юноша распространял по Интернету инструкцию по изготовлению бомбы.

3. На примере России также существует множество зафиксированных моментов, когда осуществлялась вербовка граждан, вынуждение их совершать преступные действия. А также на шумевшая история об интернет-группе «Синий кит». Данная группа включала в себя игру, в которую вовлекались в основном дети. Им навязывались определённые действия, которые они должны были совершать, игра состояла из 50 уровней и конечным уровнем было совершение самоубийства. По данным расследования «Новой газеты», в период с конца 2015 по начало 2016 года произошло 130 детских суицидов, совершенных под воздействием игры[9].

Таким образом, мы видим, что действия недоброжелателей в сети Интернет могут повлечь непоправимые масштабные негативные последствия.

На наш взгляд необходимо усилить контроль за данной сферой путём пересмотра законодательства об информации. Предлагается ввести следующие нововведения и закрепить их в статье 15.3 (Порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона) Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации".

1. Во-первых, ввести обязанность создания отдельных категорий сайтов в интернет-пространстве, направленных на распространение информационных сообщений об опасных организациях и личностях в сети Интернет и в случае возникновения подозрительных недоброжелательных сайтов, распространять в данных группах информацию, включая наименование сайта и описание возможной угрозы. Это необходимо в целях информирования людей и недопущения вовлечения их в данные группы.

2. Во-вторых, закрепить обязанность операторов связи, провайдеров, организовать информационные компании, сообщения, уведомления, направленные на разъяснение целесообразности введения контрольных мер в сети «Интернет». Осуществлять контроль за вновь созданными сайтами, за

группами и в случае выявления запрещённых материалов, безотлагательно блокировать подозрительные сайты, передавая информацию для проверки соответствующему федеральному органу.

Также необходимо определить цели государственного контроля за компьютерной сетью в преамбулах и пояснительных записках к нормативным правовым актам, которыми регулируются данные общественные отношения.

Вышеуказанные меры будут способствовать выявлению и пресечению фактов вербовки подростков и молодежи посредством сети Интернет в ряды экстремистских и иных организаций. Также необходимо осуществлять просвещение школьников, студентов о возможных явлениях, проводить лекции, классные часы с приведением наглядных примеров для того, чтобы обезопасить их от попадания в «ловушку» не порядочных лиц. Для этого возможно необходимо принять Постановление Правительства «Об информационном воспитании», в котором будет прописан график проведения классных часов, лекций которые будут проводиться на базе образовательных учреждений. Они должны будут содержать в себе сведения о нормативно-правовых актах в сфере информации, разъяснения прав и свобод, внедрение существующих нововведений и обоснования их необходимости, а также приведение примеров различных групп и сайтов, в которых может содержаться негативная информация и ответственность за распространение такой информации. Тем самым это будет способствовать недопущению деформации правосознания и школьников, и студентов, которые больше всего подвержены информационному воздействию.

Таким образом, грамотное использование названных мер, на наш взгляд, позволит более детально регламентировать данную сферу, при этом, не нарушая основных законных прав граждан. Главной целью государства является безопасность общества, защита прав личности и гарантии такой защитой. Необходимо принять меры для защиты настоящего и будущего поколений.

Задачей является: не позволить распространяться данным явлениям и приобретать всё более масштабный характер, ведь информационная безопасность государства находится на одном уровне с национальной, военной безопасностью и требует большего внимания со стороны органов власти, ведь упущения в данной сфере могут повлечь непоправимые последствия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), Справочно-правовая система «Консультант Плюс 2014».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации».
3. Хартия Глобального информационного общества (Окинава) от 22 июля 2000 года.
4. Будник Г. И. Кибертерроризм как угроза основам конституционного строя Российской Федерации: понятие, сущность и проблемы противодействия // Молодой ученый. — 2016, № 8. — С. 725–728.
5. Бородин К.В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях информационной войны // Право и кибербезопасность. 2014. N 1.
6. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. ИНФРА-М., 2003
7. Кравченко, А. В. Интернет и компьютерный терроризм / А. В. Кравченко // URL: [http:// www.crime-research.ru/library/kravch.htm](http://www.crime-research.ru/library/kravch.htm)
8. Мамедов Н.М. Глобализация как современное состояние общественного развития / Н.М. Мамедов // Эпоха глобальных перемен (опыт философского осмысления). М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 41-49.
9. Мурсалиева Г. Группы смерти // Информационный портал «Новая газета». URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/> (дата обращения 17.05.2018).

10. Телешина Н.Н. Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Владимир, 2011.
11. Хлобустов О. М. Некоторые актуальные вопросы информационно-пропагандистского противодействия экстремизму и терроризму // Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Комплексный подход к формированию и функционированию системы противодействия распространению идеологии терроризма : материалы III всероссийск. науч. практ. конф. Т. 2. М, 2012. – 181 с.

УДК 342

Фетгаева С.Ф.

студентка 3 курса юридического факультета

*Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского»*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В рамках данной работы автором проанализирован вопрос влияния ускоренных процессов глобализации на современное состояние высшего образования. Рассмотрены позитивные и негативные аспекты влияния глобализационных процессов на образование. Автор акцентирует внимание на том, что процесс глобализации высшего образования с каждым годом все активнее развивается, что в конечном итоге может привести к утрате государствами своих национальных особенностей. Более того, создание единой образовательной системы способствует переходу системы образования к рыночной системе отношений.

Ключевые слова: глобализация, высшее образование, интеграция, единые стандарты, культура, национальные особенности.

Annotation: In the framework of this paper, the analyzed question of accelerating the processes of globalization on the current state of higher education. Positive and negative aspects of the influence of globalization processes on education are considered. The author draws attention to the fact that the process of globalization of higher education is developing more and more actively every year, which in the end can lead to the loss of the state of its national characteristics. Moreover, the creation of a unified educational system helps the transition of the education system to a market system of relations.

Key words: globalization, higher education, integration, common standards, culture, national characteristics.

Становление мира на современном этапе развития общества характеризуется наличием ряда проблем мирового значения, в решении которых заинтересовано все человеческое сообщество. Одной из таких проблем, на наш взгляд, является ускоренное развитие процессов глобализации. С одной стороны, глобализация должна положительно оказывать влияние на развитие взаимоотношений государств в различных сферах жизнедеятельности: наука и техника, медицина и образование, экономика и право, а также в иных сферах. Однако с другой стороны, ускоренное развитие глобализации может способствовать развитию ряда проблем в указанных сферах. Так, в рамках данной работы, мы рассмотрим положительные и негативные аспекты влияния глобализации на систему высшего образования.

Ученые, отмечают что глобализация – это тенденция мирового развития. Автором данного понятия является американский ученый Р. Робертсон. Согласно его представлению понятие «глобализация» – это процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных

стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена [4]. Посредством создания единого экономического пространства происходит интеграция не только в экономике и торговле, но и в сфере права, культуры, и, в частности, в системе высшего образования.

Так, сближение и взаимозависимость национальных систем образования – это характерные черты системы высшего образования под воздействием процессов глобализации. Основная же цель глобализации – повысить производительность и сделать образовательную систему инструментом подготовки студентов, которые смогут конкурировать на мировых рынках как продуктивные члены общества. Следовательно, глобализация образования предполагает необходимость обучения студентов, стажировки профессорско-преподавательского состава в различных странах, с целью повышения потенциала, а также обмена опыта и навыками. На первый взгляд, влияние процесса глобализации на образовательную сферу – это однозначно позитивное явление. Однако, более внимательное изучение данной темы, позволяет акцентировать внимание на существовании и негативных аспектов. Возникает вопрос, какие именно негативные явления влечет за собой влияние глобализации в сфере образования? Отвечая на данный вопрос, считаем целесообразным отметить, что для достижения всемирной системы образования, то есть единых стандартов (подходов) к организации образования, государствам придется пожертвовать своими национальными особенностями. Благодаря тому, что на сегодняшний день существуют ряд преград: языковой барьер, национальные и культурные традиции, быт, а также менталитет народов, негативный аспект глобализационных процессов не проявляется в полном объеме [1 с. 162]. Следовательно, внедрение единых стандартов образования, в конечном итоге приведет к разрушению данных барьеров, к развитию массовой

культуры, а также утрате государствами своих традиций и культурных особенностей.

Кроме этого, глобализация высшего образования направлена на создание единого образовательного рынка и основным его инструментом является конкурентная борьба за потребителя образовательных продуктов и услуг[1 с. 162]. Следовательно, внедрив единые стандарты образования, государства окажут содействие началу вышеуказанной борьбы. На наш взгляд, впоследствии это приведет к тому, что более слабые государства обретут статус аутсайдеров в единой международной системе образования. Более сильные же государства вследствие конкуренции будут рассматривать формирование нравственных устоев молодого поколения страны, сохранение национальной культуры как серьезные барьеры для привлечения иностранных студентов на обучение в их университеты. При этом полагаем, важно акцентировать внимание на том, что внедрение единой системы образования в мире будет основываться на предоставлении платных образовательных услуг. Так как развитие глобализационных процессов приводят к росту капитализма и переходу университетов к рыночной системе отношений. Следовательно, те страны, где все еще сохранилось бесплатное высшее образование, в частности, постсоветские страны, обязаны будут перейти на новые стандарты, которые будут основываться на платности высшего образования.

Кроме этого, считаем целесообразным отметить, об интегрировании в единое образовательное пространство в рамках отдельного региона. В качестве примера, рассмотрим Болонскую систему образования 1999 года. Двадцать девять государств объединились с целью сближения и гармонизации систем образования. В частности Российская Федерация присоединилась к данному соглашению в 2003 году[1 с. 163]. Так, целью данного соглашения было построение единой европейской зоны высшего образования как ключевого направления развития мобильности граждан с возможностью трудоустройства, а

также обеспечение конкурентоспособности европейских вузов с другими системами образования. Важной особенностью данной системы образования является договоренность участников данного соглашения о сохранении существующего разнообразия национальных систем, типов учебных учреждений, направлений и видов подготовки, содержания учебных программ[3]. Присоединение России к Болонской образовательной системе позволили ей вступить на новый уровень, в частности, открылись дополнительные возможности для участия российских студентов в программах, финансируемых Европейской комиссией. Однако, не смотря на вышеуказанные положительные аспекты, дискуссии относительно отрицательного влияния Болонской системы образования на государств-участников, в частности на Российскую Федерацию, не прекратились и по сей день. Так, по оценкам российских экспертов в области образования, негативным моментом является то, что система бакалавриата продолжает восприниматься как неполное высшее образование и поэтому получение диплома магистра считается обязательным для избежания в будущем проблем в трудоустройстве. По нашему мнению, связано это с тем, что российские граждане, получавшие образование во времена СССР не ознакомлены с новыми стандартами и поэтому продолжают воспринимать четырехлетнее образование как неполное. Тем не менее, присоединение России к данной системе не повлекло за собой утрату национальных особенностей. Следовательно, мы можем сделать вывод, что существование региональных систем образования является целесообразней существования единой мировой системы образования.

Кроме этого, сегодня в России внедряются новые стандарты начального, среднего и высшего образования. Так, Министр образования и науки РФ О.Ю.Васильева на одном из последних заседаний рассказала о перспективах развития российского образования и о внедрении единых образовательных стандартов. Она заявила, что изменения в системе образования будут носить

исключительно эволюционный характер. Никаких «резких поворотов не будет, так как система образования это не приемлет». Одним из важных направлений работы Министерства образования и науки является развитие университетской науки. Васильева О. Ю. считает, что «вузы должны стать центром экономической, социальной и культурной жизни региона». При университетах будут создаваться научно-технические центры и малые инвестиционные предприятия. Более того, министр отметила, что студенческое предпринимательство получит поддержку государства[5].

Таким образом, исследовав вопрос о влиянии глобализации на систему высшего образования, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, глобализация оказывает многомасштабное воздействие на систему образования. Вместе с тем она подчеркнула необходимость реформ в системе образования с особым упором на более широкое использование информационных технологий.

Во-вторых, соответствие международным стандартам в системе образования не должно пренебрегать значением национальных интересов. Это является существенным фактором, прежде всего, потому, что государства имеют разный уровень развития в разных областях жизнедеятельности, следовательно, потребность в тех или иных специалистах у каждого государства разная. Приведение же к единым стандартам, приведет к отставанию ряда государств в образовательной сфере, а впоследствии, из-за дефицита квалифицированных кадров и в иных сферах.

В-третьих, ускоренное развитие глобализации постепенно способствует интеграции национальных рынков труда в единый мировой рынок, что, в свою очередь, способствует эмиграции талантливых и высококвалифицированных специалистов в страны, где есть возможность получать более высокий доход и необходимые условия для работы.

Литература:

1. Воейкова О.Б. Лукьянова А.А. Глобализация образовательного пространства и ее влияние на национальные системы высшего образования // Вестник УрФУ. № 3/2013. С. 159-167
2. GLOBALIZATION AND ITS IMPACT ON EDUCATION (A Challenge and an Opportunity) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://ru.scribd.com/doc/48392155/Globalization-and-Its-Impact-on-Education> (дата обращения 17.03.2018)
3. Нечаев В.Я. Параметры глобализации и факторы Болонского процесса // Вестн. Моск. ун-та. 2004. № 4. С. 27–34.
4. Robertson R. Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review. 1987, Vol. 17
5. Блог инспектора народного образования // [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://eduinspector.ru/2017/08/22/ministr-obrazovaniya-i-nauki-rf-o-perspektivah-razvitiya-rossijskogo-obrazovaniya/> (дата обращения 31.03.2018)

УДК 314.7.044

Евдокимова И.С.

Студентка 3 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассмотрены современные проблемы и тенденции развития трудовой миграции в мире. Проведен анализ причин и последствий трудовой миграции населения в условиях мировой глобализации. Указывается на

двойственный характер правового регулирования миграционных потоков. Отмечаются существующие недостатки законодательства и миграционной политики Российской Федерации. По результатам исследования, высказано мнение о дальнейших перспективах развития системы регулирования миграции квалифицированных кадров.

Ключевые слова: глобализация, миграция, трудовая миграция, миграционные потоки, мировой рынок труда, миграция квалифицированных кадров.

Annotation: In the article modern problems and tendencies of development of labor migration in the world are considered. The analysis of the causes and consequences of labor migration of the population in the conditions of global globalization is carried out. It points to the dual nature of the legal regulation of migration flows. The main drawbacks of the legislation and the migration policy of the Russian Federation are noted. According to the results of the study, was expressed the opinion about the further prospects of development of the system of regulation of migration of qualified personnel.

Key words: globalization, migration, labor migration, migration flows, world labor market, migration of qualified personnel.

Проблемы глобализации являются актуальной темой обсуждения мирового сообщества вот уже не одно десятилетие. Глобализация представляет собой не однолинейный, а разнонаправленный процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Одним из наиболее животрепещущих аспектов рассмотрения феномена глобализации являются вопросы международной трудовой миграции. Интернационализация экономик, с одной стороны, и неравномерность развития стран, с другой, привели к тому, что в современном мире миграция рабочих кадров приобрела беспрецедентное социально-экономическое и политическое значение, превратившись в глобальное явление. Несомненно, трудовая миграция

имеет множество как положительных, так и негативных проявлений и обусловлена рядом объективно существующих факторов.

Среди главных причин активизации миграционных потоков в мире современные исследователи выделяют такие как: экономическое неравенство между развитыми и развивающимися странами, устранение правовых и национальных барьеров, войны и резкие смены политических режимов. Дж. Мосес [1] рассматривает данный феномен с точки зрения реализации человеком права на передвижение и права на труд, а профессор К. Косер [2] связывает миграционные процессы с развитием информационно-телекоммуникационных систем, благодаря которым работники обрели возможность сравнивать условия жизни и труда в своей стране и за рубежом. Более того, как отмечает П.Е. Морозов без внимания нельзя оставить и такое философское течение как инструментализм, провозглашающий ответственность богатых перед бедными, что в рамках исследования вопросов миграции означает обязанность развитых стран трудоустраивать работников из экономически депрессивных регионов мира [3, с. 152]. Многочисленное признание обрела концепция профессора Э. Ли [4] о взаимосвязанных факторах притяжения и отторжения, согласно которой факторами притяжения являются позитивные условия жизни и труда в стране-реципиенте, а факторами отторжения – соответственного негативные условия в стране-доноре. Актуальность в последнее время обрели концепции анализа причин миграции как последствия ухудшения экологической ситуации в стране эмиграции.

Каковы же последствия трудовой миграции населения в условиях мировой глобализации? Сложно не согласиться с мнением таких ученых как П.Е. Морозов, И.А. Алешковский, П. Таран, Т.В. Черевичко, А.Н. Рывкина, Е.Г. Гущина о том, что экономический эффект трудовой миграции имеет двойкий характер, то есть имеет ряд положительных сторон и одновременно корреспондирующих им негативных. С одной стороны, перемещение трудовых

ресурсов способствует росту национальной экономики, обогащение квалифицированными кадрами, совершенствованию государственной политики и правового регулирования в данной области, развитию конкурентоспособности на рынке труда, устранению безработицы и обеспечению занятости. Однако, в то же время, увеличиваются случаи незаконной миграции, эксплуатации дешевого труда мигрантов, дискриминации и гендерного неравенства (сегодня во всем мире более 91 млн. женщин-мигрантов, что составляет примерно половину всех международных мигрантов [5, с.3]), а также миграция может негативно сказаться в виде сегментации рынка труда (как правило, мигранты готовы браться за любую работу, даже тяжелую и низкооплачиваемую), «утечке умов» и налогоплательщиков из страны-донора, угрозы национальной безопасности страны-реципиента, социальных волнений вследствие вытеснения мигрантами коренных жителей с рабочих мест, трудностей государства по предоставлению социального обеспечения, уменьшения заработных плат. И.А. Алешковский в ряде своих научных трудов указывает, что такая двойственность имеет место, не только на национальном уровне, но касается и мирового, и регионального регулирования вопросов миграции. Зачастую интересы международных акторов системы международных отношений входят в противоречие друг с другом. Как следствие, многие подписанные на международных конференциях документы и соглашения долгие годы, вследствие их ратификации незначительным количеством стран, остаются не вступившими в силу или применяются в ограниченном количестве стран. Так, Конвенция Международной организации труда (далее – МОТ) 1949 года №97 «О трудящихся мигрантах» ратифицирована всего лишь 26% стран, Конвенция МОТ 1975 года №143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся мигрантам равенства возможностей и обращения» - 12% стран, а Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая в 1990 году, вступила в силу только в 2003 и

ратифицирована 24% стран [6, с. 127]. Что касается регионального регулирования миграционных процессов, то ярким примером является ЕС, граждане стран-членов которого могут беспрепятственно перемещаться внутри европейского пространства в том числе с целью трудоустройства. Однако, наряду с такой либерализацией миграционной политики «для своих» наблюдается ее ужесточение в отношении «третьих стран».

Современная Россия в условиях глобализации столкнулась с растущей проблемой утечки кадров и эмиграции молодых ученых и специалистов в развитые страны запада. По статистическим данным, приведенным МВД РФ [7] и Федеральной службой государственной статистики [8] за последние три года (2016 – 2018 гг.) увеличилось количество эмигрантов среди лиц от 14 лет и старше в развитые страны запада. Самой распространенной причиной переезда стала учеба и получение высшего образования. Нынешняя молодежь при выборе будущей профессии все чаще отдает предпочтение таким образовательным направлениям как, например, юриспруденция, экономика и финансы, политология и туризм, гостиничный сервис и управление. Как правило, такой выбор связан с существующим в обществе мнением о престижности и высокооплачиваемости данных видов работ, высоком уровне подготовки студентов этих направлений в учебных заведениях страны. Как следствие, в стороне остаются такие непопулярные и, действительно, низкооплачиваемые профессии как, к примеру, медик, строитель, инженер, учитель. В то же время в западных странах данные профессии являются намного более выгодными в материальном вопросе. Зарубежные страны имеют возможность обеспечить благоприятный уровень оплаты труда даже таких редких в России профессий как няня, фермер, домашняя прислуга, аниматор, водитель-дальнобойщик [9], поэтому логическим следствием является желание россиян эмигрировать в поисках лучшей жизни и заработка. Несомненно, в РФ существуют различные программы поддержки молодых специалистов (лиц до 35 лет),

предусматривающие установление различных льгот и выплату так называемых «подъемных пособий», однако анализ данных программ позволяет сделать вывод о их бюрократичности и несоответствию реальным потребностям (в т.ч. финансовым) современного общества. Решение проблемы видится в совершенствовании политики государства в области установления минимального размера оплаты труда, увеличении количества рабочих мест и активной поддержки и финансировании проектов и творческих инициатив молодежи. В частности, интересными представляются предложения по совершенствованию университетской науки Министра образования и науки РФ О.Ю. Васильевой, данные на встрече с журналистами в 2017 году: «Вузы должны стать центром экономической, социальной и культурной жизни региона. При университетах будут создаваться научно-технические центры и малые инвестиционные предприятия, получит поддержку со стороны государства и студенческое предпринимательство» [10].

С другой стороны, динамично развивающаяся экономика России делает ее привлекательным местом заработка и проживания для миллионов граждан новых независимых государств. Основным источником иммиграционного потока в Россию являются страны СНГ и Балтии, из которых за последние 10 лет прибыло порядка 7 млрд долгосрочных мигрантов и переселенцев. В то же время в обратном направлении выбыло порядка 2.2 млрд человек [11, с. 62]. Тем не менее, некоторые исследователи приходят к выводу, что в настоящее время в России отсутствует эффективный правовой механизм использования внешней и внутренней трудовой миграции. В частности, такой позиции придерживается Т.В. Логвинова, которая считает, что решением проблем трудовой миграции, в особенности нелегальных ее проявлений, станет систематизация имеющегося законодательства в этой области и совершенствование миграционной политики государства [12, с. 63]. И.А. Алешковский отмечает: «Двойственность миграционной политики России проявляется в том, что на высшем

государственном уровне (в частности, в Посланиях Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации, Концепции миграционной политики Российской Федерации) провозглашается тезис о необходимости проведения осмысленной иммиграционной политики, привлечения из-за рубежа наших соотечественников и квалифицированных легальных трудовых ресурсов, тогда как на «исполнительном» уровне отношение государства к управлению миграционными процессами остается во многом полицейским, а сама миграция рассматривается, прежде всего, как процесс, угрожающей национальной безопасности России. Сохранение такой ситуации идет вразрез с интересами экономического и демографического развития России. Таким образом, сохраняется потребность в совершенствовании миграционной политики России».

На наш взгляд, целесообразно решать вопросы трудовой миграции в России в соответствии с существующим подходом на основе прав человека. Сутью подхода к миграции на основе прав человека является включение единых всемирно признанных прав человека, определенных соответствующими международными документами, в национальные миграционные законодательства всех стран, национальную миграционную политику и практику, основывающиеся на нормах права [13, с.248]. Первым шагом на пути к совершенствованию законодательства и государственной политики области трудовой миграции должна стать ратификация ранее упомянутых международных конвенций, содержащих основополагающие принципы правового регулирования и приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами. За этим шагом должны последовать систематизация миграционного законодательства, признание возможностей достойного труда для всех, противодействие дискриминации и обеспечение эффективного международного сотрудничества. Определяющую роль в мотивации иммигрантов играют социально-экономические условия и уровень

жизни в России: по уровню валового национального дохода на душу населения и индексу развития человеческого потенциала Россия опережает другие страны СНГ, особенно существенен разрыв между Россией и такими государствами, как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Молдова, Грузия, Азербайджан [14, с. 23]. Обмен высококвалифицированными специалистами и развитие транснациональной деятельности обуславливают тесную взаимосвязь трудовой миграции и развития экономики страны и в целом России как социального и правового государства.

Литература:

1. J.Moses, International migration. Zed Books, 2006[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:https://books.google.com/books?id=5_Gyr8dZUT0C&printsec=frontcover&hl=r u&source=gbs_ViewAPI#v=onepage&q&f=false (18.03.2018)
2. K.Koser, International migration. OUN, 2008, P.34.
3. Морозов П.Е., Научно-теоретические аспекты правового регулирования международной трудовой миграции в условиях глобализации// Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал, № 4. – Москва, 2011. – с. 152-157
4. Everett S. Lee, A Theory of Migration Demography , Vol. 3, No. 1. 3, № 1. (1966), pp. 47-57.
5. Абдуразакова Н.Г., Женская трудовая миграция в контексте глобализации: Автореф... дис. канд. социологич. наук. — Казань, 2008. — с. 25
6. Алешковский И.А., "Управление процессами международной миграции в условиях глобализации" // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика № 1. – Москва, 2015. – с. 119-137
7. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - февраль 2018 года [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12537785/> (01.04.2018)

8. Бюллетень "Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году" - выпуск 2017 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (01.04.2018)
9. Статья «15 профессий для миграции за границу – какие профессии пользуются спросом за рубежом?» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://www.colady.ru/15-professij-dlya-migracii-za-granicu-kakie-professii-polzuyutsya-sprosom-za-rubezhom.html> (01.04.2018)
10. Интервью Министра образования и науки РФ о перспективах развития российского образования [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://eduinspector.ru/2017/08/22/ministr-obrazovaniya-i-nauki-rf-o-perspektivah-razvitiya-rossijskogo-obrazovaniya/> (01.04.2018)
11. Голенкова З.Т., Вон Ч.Ч., Трудовая миграция в Россию в условиях глобализации // Общество и право, №3. – Москва, 2006. – с. 59-65
12. Логвинова Т.В., Государственная политика в сфере регулирования трудовых миграционных процессов в России // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ, № 3. – Тамбов, 2015. – с. 66-70
13. Таран П., Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // сборник статей. под редакцией Чумакова А.Н., Гринина Л.Е.. – Волгоград, 2014. – с. 238-261
14. Лихацкий В.И., Андронов И.С., Трудовая миграция в условиях глобализации рынка и ее социально-экономические последствия // Журнал правовых и экономических исследований, №2. – Гатчина, 2013. – с. 20-23

УДК 340.12

Туркина Т.Г.

Институт экономики и права ОУП ВО «АТиСО» в г. Севастополе

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы международной защиты прав и свобод человека и гражданина в современных условиях глобализации, проанализированы источники международного права по вопросам защиты прав человека, выявлен объем обязанностей по обеспечению реализации прав, перечисленных в основных международно-правовых актах.

Ключевые слова: права человека, глобализация, глобальный конституционализм, международно-правовые акты, конституционализм, международное прав.

Annotation: The article deals with the issues of international protection of human and civil rights and freedoms in the modern conditions of globalization, analyzes the sources of international law on the protection of human rights, reveals the scope of responsibilities to ensure the realization of the rights listed in the main international legal acts.

Keywords: human rights, globalization, global constitutionalism, international legal acts, constitutionalism, international rights.

В условиях глобализации одной из приоритетных остается проблема соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Глобализация представляет собой процесс динамичного формирования современного общемирового финансово-экономического и информационного пространства на основе технологической революции в области индустрии, транспорта и связи. Существующие сегодня угрозы миру и безопасности, а также причины социально-экономических кризисных явлений, в частности террористические акты, вооруженные конфликты, войны, экологические проблемы, и как следствие – мировой миграционный кризис, придают новый смысл вопросу

совершенствования международных стандартов и государственно-правовых средств защиты прав человека и гражданина.

С начала XXI века развитие государства мира четко определили систему защиты и укрепления прав человека как приоритетное направление и элемент дальнейшего развития государственности. Например, известный конституционалист А. Кассезе определяет иерархическую позицию прав человека. По его мнению, абсолютные международные нормы по вопросам защиты прав человека находятся на вершине международного правопорядка и являются передовым учредительным конституционным принципом международного сотрудничества [1, с.138]. Сегодня этот факт признается большинством представителей международно-правовой доктрины.

Чрезвычайно интересным и продуктивным в контексте современных мировых кризисных явлений считается исследования немецкого ученого С. Гардбаума, который, используя критерий иерархии, выражает тезис о конституционализации международно-правовой деятельности по вопросам защиты международных прав человека. По мнению С. Гардбаума, международная система защиты прав человека, во-первых, создавая системы-близнецы национального и международного конституционного права, защищает основные права. Таким образом, в каждой из систем юридический статус защищенных прав является одинаковым. Во-вторых, учитывая ее четкий правовой статус, система прав человека характеризуется как конституированный режим международного права. В-третьих, развитие международного права человека является серьезной чертой ситуации отказа от традиционной, горизонтальной парадигмы международного права, основанного на суверенном равенстве государств и замены ее на более вертикальную, конституционалистскую парадигму [2, с. 752]. В этом С. Гардбаум усматривает параллель с национальной ситуацией, в которой национальное законодательство о правах человека конституирует всю правовую систему в целом.

Выдвижение прав и интересов человека на первый план межгосударственного сотрудничества предопределило существенные изменения в правовом статусе человека. Если ранее его правовой статус определялся исключительно нормами отечественного права, то сейчас, благодаря развитию международного гуманитарного права, возникновению большого количества занимающихся защитой прав человека международных органов, человек получил возможность от собственного имени выступать на международной арене в защиту своих нарушенных прав.

Общеизвестным является то, что международная система прав человека состоит из норм-принципов, которые защищают основы отрасли, конкретных норм материального права, процессуальных норм, а также механизмов защиты человеческих прав.

Объем обязанностей по обеспечению реализации прав, перечисленных в основных международно-правовых актах, можно представить следующим образом:

а) обязанности, содержащиеся в либеральных международно-правовых кодифицированных актах, таких как:

– Международный пакт о гражданских и политических правах 1996 г. (Гражданская конвенция ООН, в основу которой положена Всеобщая декларация прав человека (1948 г.);

– Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Европейская конвенция по правам человека);

б) обязанности, содержащиеся в социальных международно-правовых кодифицированных актах, например:

– Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (Социальная конвенция ООН);

– Международная конвенция о правах инвалидов 2006 г. (Конвенция ООН о правах инвалидов);

– Европейская социальная хартия 1961 г.;

в) обязанности, предусмотренные нормами обычного права, и др.

Самым авторитетным источником международного права по вопросам защиты прав человека остается Всеобщая декларация прав человека. Хотя этот документ имеет форму резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и носит по Уставу ООН (далее – ГА ООН) рекомендательный характер, его положения являются универсальными и заложены в основу современной международной системы защиты прав человека.

Отдельную группу актов, содержащих обязанности государств по защите прав человека, составляют акты, относятся к так называемого мягкого права (soft law). Использование в международной практике этого термина относительно норм, имеющих рекомендательный характер, обязано принятием ГА ООН большого количества резолюций, имеющих в соответствии с Уставом ООН рекомендательный характер и не являющихся нормами международного права. Чаще всего документы такого рода принимаются в рамках региональных международных учреждений, в частности в рамках ЕС. Региональные международно-правовые акты последовательно продолжают гуманистические идеи, утверждая, что государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность, поощрять и защищать права и свободы человека.

Общеизвестно, что права и свободы человека и гражданина являются основой конституционализма. Конституционализм рассматривается в нескольких аспектах, как: политико-правовая идеология, исторически связана с феноменом конституции; интеллектуальное обобщение, присущее определенному этапу исторического развития; общественно-политическое движение, направленное на реализацию соответствующих конституционных идей; государственное правление в широком смысле этого слова и практика конституции регулирования общественных отношений.

В этом контексте очевидным является то, что процесс глобализации прав человека требует глобализации усилий по их соблюдению, исполнению, контролю, так как разрешение конфликтов, прекращение войн и насилия требует объединения сил, исповедующих гуманизм и ценность человеческой личности.

Стоит отметить, что развитие прав человека и гражданина происходит одновременно с развитием концепции глобального конституционализма. Глобальный конституционализм – это актуальная концепция развития современного конституционализма. Необходимость изменений понимают все члены международного сообщества, и именно глобальный конституционализм представлен как доктрина, нуждается в применении конституционных принципов международно-правовой сферы с целью установления нового унифицированного механизма глобального управления.

Современный конституционализм предусматривает признание и реализацию на практике широкого перечня прав и свобод человека, приоритет прав человека перед государственными интересами, равноправие граждан. Другим существенным элементом современного конституционализма является наличие особых процессуальных и институциональных механизмов защиты конституции и обеспечения ее верховенства над другими актами, реализация конституционных норм и защита конституционных ценностей.

Формирование международного конституционного права имеет важное значение для совершенствования международно-правовых механизмов обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Анализ международно-правовых актов защиты прав человека и гражданина предоставил возможность сделать вывод о том, что глобализация обострила не только вопрос гармонизации правовых систем, но и порядок деятельности государств по обеспечению общих гарантий прав и свобод человека. Правовая глобализация и становление глобального

конституционализма несомненно положительно влияет на правовую систему. Сегодня обеспечение наивысших ценностей человека и гражданина приобретает особую значимость.

Литература:

1. Cassese, Antonio. A Plea for a Global Community Grounded in a Core of Human Rights. In *Realizing Utopia / Antonio Cassese*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 136–143.
2. Gardbaum, Stephen. Human Rights as International Constitutional Rights./S. Gardbaum // *European Journal of International Law* – 2008 – P. 749–768. [doi: 10.1093/ejil/chn042]

УДК. 341.231.14

Латышева Ю. Я.

Студентка 2 курса магистратуры

ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

Крымский юридический институт (филиал)

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация: Исследование посвящено проблематике изучения международно-правовых норм в сфере защиты прав человека. В работе также анализируются международные акты, регулирующие деятельность по обеспечению прав человека и основных свобод. Автор подчеркивает, что международное право как средство обеспечения прав граждан требует акцентуализации особого внимания.

Ключевые слова: права и свободы человека, международное право, защита прав человека.

Annotation: The article is devoted to the problem of international law in the sphere of human right defense. In article also analyzed international acts regulating the activities to ensure the human rights and fundamental freedoms. The author underlines that international law as a mean of citizens right deference asks for additional attention.

Keywords: human rights and freedoms, international law, protection of human rights.

Права человека – одна из высших ценностей современного цивилизационного развития человечества. Большинство государств современности было признано, что права человека являются определяющей составляющей демократического гражданского общества.

Проблемы прав и свобод человека имеют первостепенное значение в социальной практике, сознании и правовой культуре граждан нашего государства. Это обусловлено тем, что права и свободы человека и их гарантии определяются в Российской Федерации наивысшей социальной ценностью, определяют содержание и направленность деятельности государства. Права человека стали тем ценностным вектором, который позволяет гуманизировать не только государство, законодательство, правопорядок, но и гражданское общество.

Законность, равенство всех перед законом, приоритет закона в правовом регулировании полномочий и порядка деятельности государственных органов, их должностных лиц, судебная защита прав и свобод человека - являются ведущими конституционными принципами, которые создают идеологический фундамент государственно-правовой реформы.

Права человека защищены международным правом и национальным законодательством. Такого рода юридическая защита влияет на все без исключения аспекты правоохранительной деятельности. По сути,

конституционные права и свободы человека и гражданина представляют собой ключевой элемент функционирования правоохранительных органов, поскольку от них требуется не только уважение к правам человека при исполнении своих служебных обязанностей, но и активная защита указанных прав.

Международное законодательство, в той или иной степени регламентирующее вопросы соблюдения прав и свобод человека и гражданина, достаточно обширно. Все международные акты в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина могут быть классифицированы на четыре группы: 1) правовые акты Организации Объединенных Наций; 2) правовые акты Совета Европы; 3) правовые акты Содружества Независимых Государств; 4) двусторонние правовые акты. [1]

Рассматривая международные акты, отметим, что на сегодня в сфере определения международно-правовых стандартов обеспечения прав и свобод человека и гражданина выделяют международных актов, нормы которых регулируют общественные отношения в данной сфере: 1) международные акты, которые подписываются между государствами, которые регулируют общественные отношения в сфере обеспечения прав и свобод человека. Данные акты подписываются и действуют параллельно с национальной конституцией, законами и иными актами, нормы которых регулируют общественные отношения в данной сфере; 2) нормы международных актов, которые устанавливают общеправовые принципы и в последующей практике государства признаются ими (государствами) в качестве обязательных.

В сфере международно-правового регулирования обеспечения прав и свобод человека и гражданина выделяют два вида актов: 1) многосторонние - базовые международно-правовые акты, нормы которых закрепляют базовые положения, принципы, на основе которых стороны участники разрабатывают свое внутреннее законодательство в данной сфере;

2) двухсторонние - международно-правовые акты, нормы которых регулируют определенную группу общественных отношений между государствами в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в частности договоры о взаимном признании образования, об исключении двойного налогообложения, о признании двойного гражданства.[2]

Начиная с момента принятия этого документа, государства стремятся конкретизировать существующую нормативную правовую базу в данной сфере. С наибольшей полнотой и универсальностью это сделано во Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.

В соответствии со ст. 1 Декларации: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Ст. 2 закрепляет, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого-либо различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, религии, языка, политических и иных убеждений, национального и социального происхождения...» .

Важно подчеркнуть, что Всеобщая декларация, кроме определения общечеловеческих ценностей в сфере прав и свобод человека, впервые определила исчерпывающий перечень прав и свобод человека, которые подлежат безусловному соблюдению и защите всеми государствами. Всеобщая декларация была принята в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, и в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций имеет рекомендательный характер. В тоже время, осуществляя оценку юридической силы положений Декларации необходимо учесть, что в международном праве вместе с договорами в нормотворческом процессе существенной значение занимает обычай, который формируется как результат международной практики государств и постепенно признается ими в качестве обязательной правовой нормы. В течении 60 лет, после принятия Всеобщей

декларации, разработаны и принято значительное количество международно-правовых актов, нормы которых регулируют общественные отношения в области обеспечения прав и свобод человека. Таким образом, закрепленные во Всеобщей декларации права и свободы в настоящее время признаются участниками международных отношений в качестве обязательных обычных или договорных юридических норм.

Отметим, что Всеобщая Декларация является базовым документом для дальнейшей разработки значительного количества международных правовых актов в сфере обеспечения, прав и свобод человека, а в частности: международных пактов о правах человека (1966 г.); Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), а также значительного количества иных актов, которые являются обязательными для государств-участников, которые их подписали и ратифицировали.

С принятием Устава ООН, а затем Всеобщей декларации прав человека начинается качественно новый этап в международно-правовой регламентации этих прав.[3] Прежде всего, речь идет о принятии международных документов, носящих юридически обязательный характер.

К числу таковых относится Международный пакт о гражданских и политических правах, одобренный Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., содержащий широкий перечень основных прав и свобод, которые должны быть предоставлены каждым государством-участником всем лицам, «находившимся в пределах его территории и под его юрисдикцией», без каких-либо различий (п. 1 ст. 2) .

Некоторые положения Пакта касаются вопросов, регулируемых также Пактом об экономических, социальных и культурных правах. К таким положениям относится право каждого человека на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в них (ст. 22), а также ст. 23 и 24 о семье, браке и детях, провозгласившие равенство прав и

обязанностей супругов и право каждого ребенка «на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства» [4].

Пакт о гражданских и политических правах закрепил принцип современного международного права, согласно которому определенные фундаментальные права и свободы должны соблюдаться в любой ситуации, включая периоды вооруженных конфликтов.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что нормы международно-правовых актов составляют правовой фундамент для разработки и принятия норм национального законодательства в области обеспечения прав и свобод человека, создания государственного механизма в данной области, а в частности осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

- 1.Международное право /под ред. проф. Г.И. Тункина.-М.,2004.- С.285.;
- 2.Ковалев А.А. Международная защита прав человека.- М.: Статут, 2013. - С. 261.;
- 3.Дудков А.М. Национальная безопасность как конституционно-правовая ценность // Пробелы в российском законодательстве. - 2013, №3.-С.33-35.
- 4.Бирюков П.Н. Международное право.- М.: Юрист, 2000.- С.115.

УДК. 342.7

Денисенко Н. В.

студентка 2 курса юридического факультета специальности

«Правоведение»

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВ РЕБЕНКА

Аннотация: В статье рассматриваются подходы к определению понятия прав ребенка, проводится анализ значения этого понятия, а также выделяются особенности прав ребенка. На основе проведенного анализа делается вывод об отсутствии единого понятия прав ребенка в науке. Предлагается определение данной правовой категории.

Ключевые слова: права ребенка, научное определение прав ребенка, особенности прав ребенка, свободы и возможности, разработка понятия прав ребенка.

Annotation: The approaches to the definition of the concept of child rights are examined in the article, the meaning of this concept is analyzed, and the peculiarities of the rights of the child are picked out. On the basis of the analysis, a conclusion that there is no single concept of the rights of the child in science is made. The definition of this legal category is proposed.

Keywords: the rights of the child, the scientific definition of the rights of the child, the features of the rights of the child, freedoms and opportunities, the development of the concept of the rights of the child.

До второй половины XX века понятие «права ребенка» и понятие «права человека» были неразрывно связаны между собой. И только со времени Женевской декларации прав ребенка, подписанной в 1924 году на пятой Ассамблее Лиги наций, дети официально получают все права, которые даны взрослому человеку. Ратификация Конвенции прав ребенка законодательными органами практически всех стран мира (за исключением Сомали и США) привело к тому, что сегодня права ребенка находятся под надежной защитой государства. Права и свободы ребенка считаются на современном этапе

развития общества самыми ценными, самыми важными [1, с. 53]. По мнению А.Я. Азарова «вся философия прав ребенка основана на одной несомненной ценности – достоинство ребенка» [2, с. 135].

Понятие «права ребенка» в настоящее время разрабатывается. Несмотря на множество литературы по этой теме, исследователи (С.С. Бубен, В. Гайсенюк, Л.И. Смагина и др.) не дают конкретного определения этого термина. Вместе с тем, существуют различные подходы к определению этого понятия.

Представляется возможным рассмотреть «права ребенка» с позиций всеобщего, особенного, единичного.

На уровне всеобщего, «права ребенка» – это права, присущие природе человека, без которых он не может существовать как полноценное человеческое существо. В общем виде, они представляют собой комплекс прав и свобод, существенных для характеристики правового статуса личности. Они предоставляются индивидам государствами через их внутреннее право.

На уровне особенного, «права ребенка» рассматриваются как права детей, особой социально-демографической группы, имеющей свои интересы и потребности, но в силу своего возраста не имеющей возможности их реализовывать и защищать. В силу этой особенности ко всем правам человека добавляются права, наличие которых необходимо только этой группе: право на проживание в семье, право на начальное образование, право на игру и т. д. Необходимость выработки специальных норм, регламентирующих международное сотрудничество в этой области, обусловлена особым положением детей, прежде всего тем, что они не обладают всеми правами, которые имеют совершеннолетние, и, кроме того, в ряде случаев обладают или должны обладать специфическими правами, связанными с их возрастом, положением в семье.

На уровне единичного «права ребенка» – это права конкретного ребенка, живущего в конкретном государстве, которое через национальное

законодательство гарантирует создание условий для нормального развития данного, конкретного ребенка.

Права ребенка, А.Я. Азаров определяет «как установленные и гарантируемые государством возможности, правомочия, потенциал действий ребенка в сфере, указанной законом». В отличие от понятия «свобода», в «правах» фиксируется конкретная сфера, направление деятельности индивида. Государство обязуется обеспечить и защитить действия ребенка в указанной законом области. Здесь уже не предлагается возможности выбора, варианта действия внутри данного права. Этим правом можно воспользоваться, реализовать его, либо нет, ведь право не обязанность». [2, с. 136]. По мнению этого исследователя, «в международно-правовых нормах права и свободы идентичны». Он определяет права и свободы ребенка, как и права человека, в объективном смысле слова как систему международных и национальных правовых норм, устанавливающих правовой статус личности, закрепляющих ее положения, правила взаимоотношений между людьми, между ребенком и взрослым, ребенком и государством. В субъективном смысле права и обязанности ребенка — это принадлежащая конкретному лицу возможность (правомочие) предусмотренного правовой нормой и защищаемого государством действия, поступка, поведения[2, с. 137].

Таким образом, права ребенка – это установленные и гарантируемые государством возможности, правомочия лица, не достигшего возраста совершеннолетия.

Как и любая правовая категория, права ребенка имеют свои особенности, которые сводятся к следующему:

- они имеют естественный характер, неотчуждаемы, неотъемлемы, признаются высшей социальной ценностью;
- права детей опосредуют отношения личности с государством и международным сообществом;

– права ребенка зафиксированы в нормах внутригосударственного и международного права;

– механизм защиты прав ребенка охватывает средства не только внутригосударственной, но и международной защиты[3, с. 19].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что конкретного определения понятия прав ребенка в науке нет. Это связано с тем, что при выявлении значения понятия прав ребенка каждый ученый делает акцент на каком-то отдельном признаке этого понятия. Стоит отметить, что права ребенка имеют свои особенности, которые связаны с их естественным характером, с их ролью в отношениях между государством и обществом, с закреплением прав ребенка в нормах права, а также с механизмом их защиты.

Разработка понятия прав ребенка необходима и является важнейшей задачей исследователей в этой области.

Литература:

1 Права ребенка: обучение, реализация, защита: пособие для организаторов занятий по реализации и защите прав ребенка /[авторы-составители:Т. М. Степанова, А. М. Маханько]. – Минск :ФУАинформ, 2007. – 285 с.

2 Азаров, А. Я. Права человека: новое знание. – М., 1995. – 255 с.

3 Носова, И. Ю. О понятии и классификации прав человека // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – №4. – С. 18-22.

УДК 349.3

Ковалева Н.П.

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
*Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Ф.Скорины» Республика Беларусь*

СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: система стандартов в области социального обеспечения устанавливается государством исходя из условий экономического характера. Автор проводит анализ норм национального и международного законодательства в области установления минимальных социальных стандартов и вносит предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой области.

Ключевые слова: социальный стандарт, минимальная пенсия, социальная пенсия, уровень жизни, бюджет прожиточного минимума

Abstract: The system of standards in the field of social security is established by the state on the basis of economic conditions. The author analyzes the norms of national and international legislation in the field of establishing minimum social standards and makes proposals for improving legislation in the field under study.

Key words: social standard, minimum pension, social pension, living standard, subsistence minimum budget

Модельный Закон от 19 апреля 2001 г. «О государственных социальных стандартах» предусматривает, что государственные социальные стандарты в области пенсионного обеспечения предусматривают установление возраста, продолжительности трудового стажа и сроков наступления других страховых случаев для назначения пенсий различным категориям граждан, порядка определения и изменения минимальных размеров государственных социальных пенсий, порядка индексации пенсий в случае превышения определенного уровня (порога) инфляции и порядка организации и деятельности негосударственных пенсионных фондов [1, ст.13]. Согласно статье 7 Закона Республики Беларусь от

13 ноября 1999 г. (в ред. от 24 декабря 2015 г.) «О государственных минимальных социальных стандартах» государственными минимальными социальными стандартами в области пенсионного обеспечения являются минимальные размеры пенсий по возрасту, инвалидности и по случаю потери кормильца [2]. В Республике Беларусь исчисление и определение размера пенсий (в т.ч. минимальных) производится согласно Закону Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. «О пенсионном обеспечении». Надо отметить, что показатели минимального размера трудовых пенсий должны регулироваться на национальном уровне, поскольку они определяют один из отраслевых принципов права социального обеспечения.

По своей природе пенсия предназначена для предоставления нетрудоспособным гражданам средств к их достойному существованию. Конечно понятие достойного человеческого существования для каждого лица, должна определяться с учетом эффективности его трудовой деятельности. В соответствии со статье 23 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. «О пенсионном обеспечении» минимальный размер трудовой пенсии по возрасту установлен в размере 25 процентов наибольшей величины бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения, утвержденного Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь за два последних квартала [3]. Также с целью увеличения размера минимальных пенсий постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 декабря 1999 г. № 1976 к трудовым пенсиям, исчисленным в минимальном размере, установлена доплата в размере 20 процентов средней заработной платы работников в республике, применяемой для корректировки фактического заработка пенсионера при назначении и перерасчете пенсий в связи с ростом средней заработной платы.

В зависимости от положений статьи 23 определяются иные минимальные пенсии, а именно: пенсии по инвалидности по I и II группам инвалидности – 100

процентов, по III группе инвалидности – 50 процентов, матерям-героиням (независимо от группы инвалидности) – 100 процентов минимального размера пенсии по возрасту (статья 31), пенсии по случаю потери кормильца назначаются на каждого нетрудоспособного члена семьи в размере не менее 100 процентов минимального размера пенсии по возрасту (статья 38) и пенсии за выслугу лет в размере 100 процентов минимальной пенсии по возрасту (статья 50) [3]. Следовательно, все минимальные пенсии предусмотренные законодательством одинаковые для различных категорий получателей и находятся только в зависимости от бюджета прожиточного минимума.

Можно указать, что на 1 февраля 2018 г. бюджет прожиточного минимума в среднем на душу населения установлен в размере – 199,32 руб., соответственно минимальный размер пенсии по возрасту – 45,96 руб. (25 % бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения (статья 23) и доплата к минимальным размерам пенсий 131,11 руб. (20 процентов средней заработной платы, применяемой для корректировки фактического заработка пенсионера при назначении и перерасчёте трудовых пенсий) и соответственно общий размер минимальной пенсии по возрасту составляет - 181,94 руб.

На наш взгляд данные размеры не отражают минимального уровня жизни получателя, под которым принято понимать показатель, характеризующий количество и качество товаров и услуг, потребляемых в стране. Уровень жизни является одной из важнейших социальных категорий, которая характеризует структуру потребностей человека и возможности их удовлетворения. Для определения степени удовлетворения потребностей фактическое потребление товаров и услуг соотносят с минимальными и рациональными стандартами их потребления [4, с. 178]. Основными компонентами стандарта уровня жизни является: здоровье, питание и доходы населения, жилищные условия, домашнее имущество, платные услуги, культурный уровень населения, условия труда и отдыха, а так же социальные гарантии и социальная защита граждан.

Как нами ранее было отмечено прожиточный минимум – необходимые для сохранения здоровья человека, обеспечения его жизнедеятельности минимальный набор продуктов питания и непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется как фиксированная доля от стоимости минимального набора продуктов питания [4 с. 126].

Руководствуясь положениями Конвенции МОТ № 128. «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца» и Рекомендациями МОТ № 131 «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца» в соответствии с которыми национальным законодательством должны устанавливаться минимальные размеры пособий по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца, с тем, чтобы гарантировать минимальный уровень жизни [5, п.23], необходимо привести нормы Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г «О пенсионном обеспечении» в соответствии с международными стандартами, предусмотрев размер минимального размера пенсии по возрасту не ниже бюджета прожиточного минимума.

Согласно ст. 72 Закона Республики Беларусь от 17 апреля 1992 г. «О пенсионном обеспечении», социальные пенсии назначаются гражданам, не получающим трудовую пенсию. Если у гражданина страховой стаж составит менее 17 лет (для отдельных категорий менее 5 лет), то данный гражданин может обратиться за социальной пенсией только по достижению 65 лет (мужчины) и с 60 лет (женщины). Согласно официальным комментариям Главного управления пенсионного обеспечения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь сделано это было с целью усиления мотивации работников к более длительной легальной трудовой деятельности и ограничения иждивенческих установок. Размер социальной пенсии обусловлен бюджетом прожиточного минимума пенсионера, степенью утраты им трудоспособности (фактической или условной): инвалидам I группы, в том

числе инвалидам с детства, – 110 процентов, инвалидам с детства II группы – 95 процентов, инвалидам II группы (кроме инвалидов с детства), детям в случае потери кормильца на каждого ребенка – 85 процентов, инвалидам III группы, в том числе инвалидам с детства, – 75 процентов, лицам, достигшим возраста: мужчины – 65 лет, женщины – 60 лет, – 50 процентов, детям-инвалидам в возрасте до 18 лет при степени утраты здоровья: первой – 80 процентов, второй – 85 процентов, третьей – 95 процентов, четвертой – 110 процентов [63, ст.73].

Таким образом, анализ социальных стандартов в области пенсионного обеспечения позволят сделать вывод, о том, что для отдельных категорий их размер не соответствует минимальному уровню жизни и международным нормам.

Литература:

- 1 О модельном законе «О государственных социальных стандартах»: постановление Межпарламентского комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан, 19 апреля 2001 г. - № 12-16. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи СНГ. – 2001. - № 27-пр.
- 2 О государственных минимальных социальных стандартах: Закон Республики Беларусь, 13 ноября 1999 г. № 322-З: в ред. от 24 декабря 2015 г.// Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. –1999. – № 89. – 2/97.
- 3 О пенсионном обеспечении: Закон Республики Беларусь, 17 апр.1992 г., №1596 — XII: в ред. от 14 июля 2014 г. // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь.–2012. – №43. – 2/1986.
- 4 Социальная политика, уровень и качество жизни: Учебник. / Под ред. Б.А. Райзбсрга. –601 с.

5 О пособиях по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца: Рекомендация № 131 (1967 года) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Т.П. Женева: Международное бюро труда, – 1991. – С. 1531-1557.

УДК 342.9:342.7 (476)

Трушко К.М.

студент Белорусского государственного экономического университета

Шерстобитов А.В.

кандидат юридических наук, доцент

Белорусский государственный экономический университет

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИСКРИМИНАЦИЮ В
АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация: в данной статье рассмотрено правовое регулирование вопросов гендерного равенства в Республике Беларусь с целью выявления обязательств по предотвращению дискриминации в отношении граждан, разработке и внедрению механизмов защиты от нее. Выявлена проблематика, обусловленная неполнотой регулирования общественных отношений в данной сфере. Автором предложены пути совершенствования норм административно-деликтного законодательства Республики Беларусь с целью ликвидации всех форм дискриминации во всех сферах общественных отношений.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, гендерное равенство, дискриминация, механизмы защиты.

Abstract: this article examines the legal regulation of gender equality in the

Republic of Belarus with a view to identifying obligations to prevent discrimination against citizens, and to develop and implement mechanisms for protection against it. The problems caused by incompleteness of regulation of public relations in this sphere are revealed. The author suggests ways to improve the norms of the administrative and tort legislation of the Republic of Belarus with the aim of eliminating all forms of discrimination in all spheres of public relations.

Key words: administrative and tort legislation, gender equality, discrimination, protection mechanisms.

Конституция Республики Беларусь в ст. 22 закрепляет равенство всех граждан перед законом и право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов[1]. Данное конституционное положение находит свое отражение в участии Республикой Беларусь в значительном количестве международных правовых актов, направленных на защиту человека от дискриминации, таких как Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Декларация о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. На территории государства реализуется уже пятый Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства, положения которого направлены на установление равных прав и гарантий для всех граждан и недопущение дискриминации по половому признаку[2]. Реализация Национального плана должна улучшить положения мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества и выполнить международные обязательства Республики Беларусь в сфере обеспечения гендерного равенства.

Кроме этого, Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 860 24 октября 2016 года был принят Межведомственный план по реализации рекомендаций, принятых Республикой Беларусь по итогам прохождения второго цикла универсального периодического обзора в Совете Организации Объединенных Наций по правам человека, и рекомендаций, адресованных

Республике Беларусь договорными органами по правам человека, на 2016 - 2019 годы [3]. Этот программный документ направлен на содействие выполнению Республикой Беларусь взятых международных обязательств в области прав человека, включая совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Дальнейшее укрепление национального потенциала в осуществлении международных обязательств Республики Беларусь в области прав человека закреплено целью этого правительственного нормативного правового акта.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что Республика Беларусь приняла на себя высокое обязательство по предотвращению дискриминации в отношении граждан, разработке и внедрению механизмов защиты от нее.

Помимо конституционного закрепления принцип равноправия граждан нашел свое отражение и в других нормативных правовых актах Республики Беларусь. На сегодняшний день меры ответственности за нарушение равноправия содержатся в ст. 190 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Нарушение равноправия граждан»[4]. Однако в большинстве случаев характер совершаемых деяний, посягающих на равноправие участников общественных отношений, не может квалифицироваться как преступление. Соответственно это не предполагает применения уголовной ответственности к виновным в силу чрезмерной строгости санкции, которая не соответствует степени общественной вредности, заключающуюся в «дискриминационном проступке». Следовательно, должен существовать иной механизм реагирования на нарушения прав человека, охраняемых нормами международного права.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) совершение правонарушения по мотивам расовой, национальной или религиозной розни закреплено в ст. 7.3в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, однако названный перечень

форм дискриминации не является исчерпывающим [5]. Закрепления в виде отдельного состава административного правонарушения в КоАП данное деяние не получило.

Необходимость внесения дополнений в административное законодательство в виде расширенного перечня форм дискриминации в п. 6 ст. 7.3 обусловлена сложившейся на современном этапе развития общественных отношений ситуацией. В социально-экономической сфере прослеживается гендерный дисбаланс, то есть существует значительный разрыв в позициях мужчин и женщин в вопросах занятия ключевых государственных должностей, приема на работу, равного вознаграждения за равный труд, участия в предпринимательской деятельности [6].

Полагаем целесообразным усовершенствовать механизм защиты прав человека от предвзятого и несправедливого отношения к определенным социальным группам, что обусловлено рекомендациями международного сообщества, полученные в рамках Универсального периодического обзора, проводимого Советом по правам человека ООН в отношении Республики Беларусь [7].

На основании вышеназванных факторов, включающих определенный гендерный дисбаланс, рекомендации международного сообщества и наличие у Республики Беларусь обязательств по разработке механизмов защиты от дискриминации, можно сделать вывод о целесообразности внесения изменений в действующее административное законодательство, а именно расширения перечня форм дискриминации в ст. 7.3 КоАП, содержащую обстоятельства, отягчающие административную ответственность.

Целесообразным будет дополнение ст. 7.3 следующими формами дискриминации: дискриминацией по полу, религиозным и иным убеждениям, должностному или имущественному положению, языку, происхождению, месту

жительства, принадлежности к общественным объединениям или религиозным организациям.

Полагаем, что сложной для реализации международных обязательств, но необходимой для совершенствования является сфера трудовых правоотношений. Трудовое законодательство в ст. 14 запрещает дискриминацию в сфере трудовых отношений как ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального происхождения, языка, религиозных или политических воззрений и иным основаниям [8].

В п. 4 ст. 9.19 КоАП установлена ответственность за нарушение законодательства о труде, однако отсутствие четко разработанного механизма доказывания совершения «дискриминационных» проступков в сфере трудовых отношений, позволяет предположить сложность реализации вышеназванной нормы.

Таким образом, внесение изменений в действующий КоАП обосновывается как международным опытом, так и существующей в современном белорусском обществе потребностью совершенствования национального законодательства. Представляется, что расширение перечня форм дискриминации в КоАП упростит механизм защиты для граждан, чьи права были нарушены, и станет серьезным шагом на пути к ликвидации дискриминации во всех сферах общественных отношений.

Литература:

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.02.2017 № 149 «Об утверждении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017 - 2020 годы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24.10.2016 N 860 "Об утверждении Межведомственного плана по реализации рекомендаций, принятых Республикой Беларусь по итогам прохождения второго цикла универсального периодического обзора в Совете Организации Объединенных Наций по правам человека, и рекомендаций, адресованных Республике Беларусь договорными органами по правам человека, на 2016 - 2019 годы"[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 (ред. от 19.07.2016) «Уголовный кодекс Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. Кодекс Республики Беларусь от 21.04.2003 N 194-3 (ред. от 19.07.2016) «Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. Саванович, Н.А. Гендерная экспертиза законодательства Республики Беларусь. Обзор нормативных правовых актов, регулирующих вопрос о равенстве мужчин и женщин [Электронный ресурс] / Н.А. Саванович // UNFPA Belarus. – Режим доступа: <http://unfpa.by/ru/resources/gendernoe-ravenstvo/issledovaniya>. – Дата доступа: 16.05.2017.
7. Яновский, И. Визуализация рекомендаций правительству Республики Беларусь, данных государствами-членами Совета ООН по правам человека в

рамках второго цикла Универсального периодического обзора [Электронный ресурс] / И. Яновский // РПОО «Белорусский Хельсинкский Комитет». – Режим доступа: <http://upr.belhelcom.org/>. – Дата доступа: 17.05.2017.

8. Кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 N 296-3 (ред. от 15.07.2015) "Трудовой кодекс Республики Беларусь" (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.07.2016) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017

УДК 342.726

Сильванович Ю.Н.

Студентка 3 курса, юридический факультет

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ МИГРАНТОВ

Аннотация: данная статья раскрывает проблему реализации мигрантами своих прав и свобод на территории Российской Федерации. На сегодняшний день одним из наиболее надежных правовых институтов, способных оказать помощь мигрантам, является институт Уполномоченного по правам человека. Ежегодно уполномоченному поступает огромное количество жалоб, большая часть из которых содержит претензии на реализацию миграционного законодательства. В статье рассмотрены наиболее существенные проблемы, а также предложены возможные пути их решения.

ключевые слова: глобализация, миграция, Уполномоченный по правам человека, Многофункциональный миграционный центр, особый правовой статус, международное сотрудничество

Abstract: this article reveals the problem of migrants ' realization of their rights and freedoms on the territory of Russian Federation. Today, one of the most reliable legal institutions capable of assisting migrants is the institution of the Commissioner for human rights. Every year, the Commissioner receives a huge number of complaints, most of which contain claims to the implementation of migration legislation. The article focuses on the most significant problems and suggests possible ways to solve them.

Keywords: globalization, migration, the Commissioner for human rights, Multifunctional migration center, special legal status, international cooperation

На современном этапе развития общества, направленного, прежде всего, на реализацию прав и свобод человека и гражданина, возникает множество правовых концепций. Одной из ведущих среди них является концепция «глобализации». Этому вопросу уделялось достаточно много внимания как российских, так и зарубежных ученых, которые предпринимали попытки комплексного раскрытия сути данного явления. Так, известный американский социолог И. Валлерстайн «создал теорию глобалистского представления о современном обществе. Человечество понимается им как взаимосвязанная общность. Такой целостный подход отличает миросистемную теорию от цивилизационных теорий, в которых внимание исследователей акцентируется на разделенности и самобытности региональных систем мирового сообщества» [1, с.21]. Из данного положения можно сделать вывод, что глобализация – это неизбежный процесс современной цивилизации. В соответствии с имеющимися реалиями современного общества возникает необходимость осуществления подбора соответствующих методов, способствующих развитию общества в целом, и функционированию в его рамках отдельных социальных групп, в том числе мигрантов.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем фактом, что на сегодняшний день Российская Федерация продолжает оставаться одним из центров «притяжения» мигрантов. К сожалению, большой процент среди них составляют вынужденные мигранты, подвергшиеся тому или иному негативному воздействию в месте своего постоянного проживания. Данная категория лиц мигрирует в поисках защиты и помощи, в том числе, от иностранного государства. Безусловно, в рамках данного явления особое внимание следует уделить правовому регулированию института защиты прав и свобод мигрантов, которое влечет за собой демонстрацию наличия законодательных либо правоприменительных пробелов.

Рассматривая правовой статус мигрантов, следует определить, какую категорию лиц можно отнести к мигрантам. Вопросы миграции неоднократно рассматривались такими учеными как В.А. Ионцев, рассматривавший «определение сущности миграционной политики в контексте международных миграций» [8], а также К. Колпаков и А.В. Кузьменко. Слово «миграция» происходит от латинского слова «migratio», что в переводе означает перемещение, переселение. Экономический и социальный Совет при ООН в своем итоговом докладе от 2012 года акцентировал свое внимание на том, что «международный мигрант определяется как любое лицо, которое меняет страну своего обычного проживания... Временные выезды за границу для отдыха, на каникулы или в отпуск, для медицинского лечения или религиозного паломничества не влекут за собой изменения страны обычного проживания» [2, с. 4].

Законодательство Российской Федерации определяет правовой статус мигрантов на основе международной практики, конвенций, международных договоров РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативно-правовых актов. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод в части 1 статьи 8 закрепила: «Каждый имеет право на

уважение его личной и семейной жизни ...» [4]. Согласно части 1 статьи 17 Конституции РФ: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права...» [3]. Также большое значение при регулировании данных вопросов имеют: Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115, Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 N 109 и т.д. Однако, к сожалению, нормативно закрепленные положения нередко ронзятся с правоприменительной сферой. Данный проблемный аспект свойственен и институту миграции, самим мигрантам, которые, как известно, характеризуются особым правовым статусом.

Говоря о защите прав и свобод мигрантов, особое внимание следует обратить на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Данный институт согласно одноименному Федеральному Конституционному закону «учреждается в соответствии с Конституцией Российской Федерации в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами» [5, ст. 1]. Наряду с Уполномоченным по правам человека вопросами правового статуса мигрантов в РФ занимается Главное управление по вопросам миграции РФ, подведомственное Министерству внутренних дел РФ. Одними из основных нормативно-правовых актов, которыми руководствуется данное Управление, является «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», а также Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Проблематику защиты прав мигрантов можно назвать приоритетной для Уполномоченного по правам человека. Причиной тому послужила необходимость и действительная возможность реализации для последнего процесса налаживания международного контакта с рядом зарубежных государств. Сотрудничество с Уполномоченным в указанной сфере осуществляют Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), ОБСЕ, Международная организация по миграции. Все эти субъекты международного права осуществляют обмен информацией и оказывают содействие своим государствам-членам.

В компетенцию Уполномоченного по правам человека входит рассмотрение жалоб граждан РФ, а также иностранцев и лиц без гражданства «на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих» [5]. Ежегодно Уполномоченный выступает с Докладом, который подлежит официальному опубликованию. При более детальном анализе указанных докладов, а также ознакомившись со статистикой содержания жалоб, можно заметить, что практически в каждой жалобе заявителя отмечается критика законодательства в области миграции, которое не всегда способно реализовать те или иные социальные нужды с учетом возникающих (хотя и не часто) чрезвычайных ситуаций.

Институт Уполномоченного по правам человека характеризуется наличием особого механизма организационно-правовых форм осуществления его деятельности. Так, Уполномоченный издает распоряжения по вопросам, связанным с руководством рабочим аппаратом. По окончании календарного года Уполномоченный издает доклад о своей деятельности. По отдельным вопросам соблюдения прав и свобод граждан в Российской Федерации Уполномоченный может направлять в Государственную Думу специальные доклады. Также он вправе направлять государственным органам, органам

местного самоуправления и должностным лицам свои замечания и предложения общего характера, относящиеся к обеспечению прав и свобод граждан; обращаться в суд с административным иском (иском) в защиту прав и свобод; обращаться в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела; обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой и т.д.

Граждане, обращаясь за помощью к Уполномоченному, чаще всего задают подобные вопросы: возможность реализации права на убежище, политическое убежище, принятие статуса беженца и вынужденного переселенца, обоснованность административного выдворения, меры социальной поддержки для вынужденных мигрантов, миграционный учет и т.д.

Стоит отметить, что с появлением центров миграции (т.н. «Многофункциональный миграционный центр») количество проблем с трудовой миграцией значительно снизилось. Однако все еще остается проблема нелегальной трудовой миграции. По данным на 2017 год «в Российской Федерации находится от 8 до 10 млн. нелегальных мигрантов, что не может не породить, с одной стороны, социальной напряженности среди российского населения, а с другой - нарушения прав самих мигрантов» [7].

Зачастую вопрос миграции непосредственно затрагивает процедуру дальнейшего приобретения гражданства государства пребывания. В Конституции РФ, являющейся основным законом государства, нормы, регулирующие вопросы гражданства, закреплены в главе Основы конституционного строя. Подразумевалось, что реализация данного права будет осуществляться с учетом международного законодательства. Однако на практике вопрос получения гражданства довольно часто осуществляется не самым удачным образом, что также неоднократно прослеживается в Докладах Уполномоченного. «В 2016 году к Уполномоченному поступило 801 письмо по

вопросам гражданства. Это почти в два раза больше, чем в 2015 году - 402.... В наиболее сложном положении оказались социально слабо защищенные категории населения» [7]. Ощутимый процент обращений связан с возникшей политической ситуацией на территории Украины, направленной на игнорирование ходатайств о выходе из гражданства Украины [6].

Довольно затруднительной процедурой является выход из гражданства Республики Узбекистан. Последние хотя и не отказывают в данной процедуре, однако предупреждают, что выход может продлиться около трех лет. Подобная ситуация объясняется усложненным и затянутым процессом выхода из гражданства: гражданин может подать заявление исключительно лично (без использования почтовых и иных средств связи), а затем ожидает подписания Указа Президента Республики Узбекистан о выходе из гражданства с поименным списком (что на практике может реализоваться порядка двух лет).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что механизм защиты прав мигрантов на территории РФ на сегодняшний день не совершенен и нуждается в усовершенствовании. Мы хотим предложить следующие пути решения проблемы:

1. В целях оптимизации деятельности органов в вопросах миграции минимизировать императивно-карательный метод регулирования вопросов миграции. На сегодняшний день большая часть миграционных процессов регулируется МВД РФ. На наш взгляд, более целесообразно передать полномочия в данной области специально созданному органу, например, Министерству регионального развития РФ, что позволит равномерно распределить нагрузку на государственные органы.

2. Кодифицировать весь нормативно-правовой массив по вопросам миграции. На сегодняшний день в РФ действует огромное количество ФЗ, ФЗ и иных нормативно-правовых актов, нацеленных на регулирование данного вопроса. Такой объем значительно затрудняет правоприменение и наталкивает

на необходимость кодификации. Исходя из этого, необходимо принять Миграционный кодекс РФ. Подобная законодательная инициатива была озвучена МВД РФ еще в 2015 году. Однако, практической реализации данного предложения так и не последовало.

По нашему мнению, внесение всех вышеупомянутых коррективов позволит значительно улучшить ситуацию на территории РФ как центра «притяжения» мигрантов.

Литература:

1. География, общество, окружающая среда. Том V: География социально - экономического развития / Под ред. проф. А.И. Алексеева и проф. Н.С. Мироненко. М.: “Издательский Дом “Городец”, 2004. – 672 с.
2. Итоговый доклад Целевой группы Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций по анализу оценок международной миграции, рассчитанных с использованием различных определений по продолжительности пребывания// [Электронный ресурс] – Режим доступа .– URL http://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2012/7_R_-_TF_migration_estimates.pdf (12 марта 2018 года)
3. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // [Электронный ресурс] – Режим доступа .– URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (12 марта 2018 года)
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод" (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // [Электронный ресурс] – Режим доступа .– URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (12 марта 2018 года)
5. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации"// [Электронный ресурс] – Режим доступа .–

URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (12 марта 2018 года)

6. Сведения о количестве и тематике обращений граждан (по годам)// [Электронный ресурс] – Режим доступа .–

URL <http://old.ombudsmanrf.org/statistika> (12 марта 2018 года)

7. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год (по годам - 2012)// [Электронный ресурс] – Режим доступа .– URL <http://docs.cntd.ru/document/456064533> (12 марта 2018 года)

8. Адельсеитова Айсель Бекмамбетовна, Миграционная политика: вопросы правового регулирования в контексте влияния на формировании национального права государства;

Сборник тезисов участников III научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. 2017 г.

УДК 342.7

Сулименко Н. С.

обучающийся 1 курса магистратуры (101-Г группы)

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделения)

ПРОЦЕСС УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье раскрываются понятие и сущность универсализации прав человека и гражданина в современную эпоху

глобализации; приведен анализ отдельных аспектов проблемы универсализации прав человека в современных условиях.

Ключевые слова: права человека; универсальные права; универсализация; глобализация.

Annotation: The article reveals the concept and essence of the universalization of human and civil rights in the modern era of globalization; the analysis of certain aspects of the problem of the universalization of human rights in modern conditions.

Keywords: human rights; universal rights; universalization; globalization.

Постановка вопроса относительно универсализации прав человека в условиях современной глобализации требует ответов на целый ряд вопросов и, в частности, ответов о сущности самого понятия «универсальные права», механизмов их обеспечения и защиты, соотношение универсальных прав с национальными правами и тому подобное.

Нужно отметить, что в современной науке, посвященной данной проблематике, отсутствует единый подход относительно сущности и механизмов обеспечения универсальных прав человека в современных условиях. Такой плюрализм объясняется разным смыслом, который вкладывают исследователи в само понятие «универсальные права человека».

Как известно, базовым международным актом, который фиксирует такие права, является Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Для Европы – Европейская конвенция по защите основополагающих прав и свобод человека 1950 г., Хартия фундаментальных прав Европейского Союза 2004 г.

Исходя из этих международно-правовых актов, к универсальным правам, прежде всего, относятся право на гражданство, право на справедливое правосудие, право на участие в управлении государством, право на труд и предпринимательство, право на образование, право на доступ к культурным ценностям своего народа и всего человечества и тому подобное [1, с. 27].

Нужно отметить, что универсализм, будучи объективным следствием глобализма, в части прав человека объективно и закономерно определяет основу общих стандартов этих прав. В то же время он требует не только определения стандартов, а и универсализации механизмов их обеспечения. Мало определить универсальные стандарты – необходимо обеспечить универсальные механизмы гарантий таких прав. Только в таком случае универсальные права будут не формально-юридической констатацией, а реальной правомочностью субъектов этих прав.

Именно поэтому в современной научной литературе, посвященной данной проблеме, диапазон мнений расходится. Одни считают, что универсальные права являются реальным фактом современности, другие же, наоборот, – что эти права определяют лишь общую основу стандартов прав человека и гражданина [2, с. 235].

Если исходить из того, что на сегодняшний день далеко не все члены мирового сообщества ратифицировали базовые международно-правовые акты, которые определяют универсальные права человека, то логично будет констатировать, что такие права не являются универсальными в планетарном масштабе.

Более того, когда мы говорим, что универсальное право – это не только стандарт, но и механизм реализации и гарантии его, то очевидно возникает вопрос: есть ли на сегодня транснациональные механизмы обеспечения и ответственности за нарушение универсальных прав? Ответ на этот вопрос является неоднозначным. В пользу такого мнения свидетельствует хотя бы тот факт, что большинство стран, где доминирующей идеологией является ислам, рассматривают универсальные права, как навязывание им западных традиций права, посягательством на их суверенитет, что в итоге приводит к непринятию их априори [2, с. 239].

Ставя вопрос о механизмах гарантий универсальных прав, закономерно возникает и целый ряд других вопросов, в частности: где граница ответственности национальных и наднациональных институтов в части обеспечения и гарантий универсальных прав? Когда и при каких условиях международные институты имеют законное право вмешиваться в суверенное право страны в части универсальных прав?

Известный политик Маргарет Тэтчер в своей книге «Искусство управления государством», отвечая на один из этих вопросов и опираясь на Хартию фундаментальных прав Европейского Союза, указывает, что, восхищаясь каждой статьей этого документа, нельзя не заметить определенную цель: «цель заключается в подчинении суверенных государств, демократических процедур принятия решений и национального законодательства международным институтам и группам давления» [3, с. 317-318].

Можно по-разному относиться к позиции политика, но фактом является то, что, во-первых, Хартия фундаментальных прав Европейского Союза является волей каждого члена Европейского Союза. Во-вторых, одним из основных принципов права Европейского Союза является принцип уважения основных прав человека в национальном и международном праве [1, с. 28]. Отсюда следует, что право вмешиваться наднациональным институтам Европейского Союза предоставленное им суверенной волей каждого из его членов.

Отвечая на вопрос, где граница ответственности национальных и наднациональных институтов в части обеспечения и гарантирования универсальных прав, можно утверждать, что эта ответственность является общей при условии, если это является взаимной суверенной волей этих институтов.

Проблема универсализации прав человека в современных условиях ставит на повестку дня еще ряд вопросов, и в частности – насколько эти права учитывают особенности той или иной цивилизационной среды? Можно ли вообще объединить разные по своим культурным, этническим и другим критериям цивилизационные среды определенным гибридом универсальных прав?

В научной литературе, которая посвящена этой проблеме, четко прослеживаются два подхода. Первый из них заключается в том, что человечество даже в условиях современных масштабных глобализационных процессов, в силу локальной и региональной цивилизационной специфики, все еще не готово к установлению универсальных подходов в отношении прав человека [4, с. 118].

Другой подход сводится к тому, что глобализация является очевидным доминантным фактором, который формирует общечеловеческие интересы и ценности, и на этой основе объективно возникает необходимость создать единые для всего человечества универсальные права [5, с. 80].

К примеру, правовая культура Китая рассматривает позитивные права человека под углом их социализации. В то же время, западноевропейская и американская правовые культуры видят эти права с позиций индивидуализации. Однако по формально-юридическим критериям есть много общего. Эта общность, прежде всего, в том, что все они призваны обеспечить социальную гармонию, в основе которой взаимная ответственность различных социальных слоев друг перед другом – с одной стороны; государства и общества – с другой [5, с. 82]. Все это вполне вписывается в позитивные права человека как с позиции их социализации, так и с позиции их индивидуализации. В то же время нельзя не проследить (это свидетельствует современная государственно-правовая практика), что в современном глобализированном мире имеют место радикальные внутренние особенности правовых культур, в которых

национальные, религиозные и другие компоненты являются доминантными. Это проявляется в национальных конфликтах. Примером может быть иудейско-мусульманское противостояние. Поэтому, игнорирование этим фактором, а тем более навязывание подобным регионам универсальных прав, представляется преждевременным.

Очевидным является то, что, с одной стороны, процесс универсализации прав человека, как в части нормативной, так и в части институциональной, имеет место. С другой стороны – искусственное ускорение этого процесса является недопустимым в силу все еще существующих сегодня особенностей локальных и региональных цивилизационных сред.

Главная задача заключается в том, чтобы глобальные и локальные социальные среды и соответствующие им права и свободы не только не противопоставлялись, а взаимно дополняли и обогащали друг друга.

Литература:

1. Безбородов Ю. С. Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации / Ю. С. Безбородов // Российский юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 26 – 30.
2. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 399 с.
3. Маргарет Тэтчер. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. – М.: Алыгана Паблишер, 2003. – 504 с.
4. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире / Л. И. Глухарева. – М.: Юрист, 2003. – 304 с.
5. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев – М.: 1998. – 224 с.

УДК 341.231.14

Шереметьева Т. С.

студентка 2 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИМПЛЕМЕНТАЦИЮ
НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН**

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния глобализации на жизнь женщин в развивающихся странах и анализу документов, принятых с целью расширения прав и свобод женщин.

Ключевые слова: глобализация, гендерное неравенство, права женщин, Организация Объединённых Наций.

Abstract: The article is devoted to studying of the influence of globalization on the life of women in the developing countries and to analysis of the documents adopted for the empowerment of women.

Keywords: globalization, gender inequality, women's rights, United Nations.

Глобализацию, по нашему мнению, можно определить как процесс повышения взаимозависимости государств, унификации в сфере социальных и культурных норм, а также интеграции экономики и общества государств. Глобализация связана с важными политическими изменениями нынешней эпохи – политика идентичности, транснациональное гражданское общество, новые формы управления, универсализация прав человека и пр.

За последние десятилетия глобализация оказала значительное влияние на жизнь женщин (к примеру, в Индонезии и Таиланде процесс глобализации

обеспечил женщинам возможность стать экономически независимыми от мужчин, а также обладать большей свободой выбора в своей жизни).

Тем не менее, существует и противоположная сторона глобализации, оказывающая негативное воздействие на обеспечение защиты прав женщин и детей. Например, в связи с установлением международной политики свободной торговли (фритрейдерства) в рамках выполнения государствами обязательств по Североамериканскому соглашению о свободной торговле [1] не исключается, к сожалению, возможность максимизации прибыли транснациональных корпораций путём использования в развивающихся странах дешёвого женского труда (ТНК предпочитают сегодня женский труд мужскому, поскольку женщины также считаются более «послушными» работниками) – в итоге, сговор правительств государств пребывания с ТНК позволяет последним эксплуатировать женщин [2, с. 2]. Такая феминизация рабочей силы, с одной стороны, способствует развитию экономической самостоятельности женщин, что позволяет им делать более самостоятельный выбор своего профессионального будущего, а с другой стороны, женщины сталкиваются с необходимостью согласования карьерного роста с их ролью в семье. Жизнь женщин-трудящихся весьма трудна, поскольку они пытаются совместить работу и семейную жизнь – для некоторых из них присоединение к глобальной рабочей силе угрожает их праву когда-либо иметь детей, а для других создаёт опасные предпосылки для пренебрежения интересами своих детей в угоду профессиональной (трудовой) деятельности.

Статистика Агентства США по международному развитию (USAID), свидетельствует, что из общего числа (72 миллионов) учеников начальной школы 57% девочек её не посещают вообще. Во многих частях земного шара по-прежнему отсутствует практика обеспечения ухода за женщинами во время беременности и родов. Около 529 000 женщин ежегодно умирают во время беременности и родов (наиболее высокие показатели смертности наблюдаются в

Чаде, Сомали и Сьерра-Леоне, а самая низкая материнская смертность – в Эстонии, Сингапуре и Греции) [3, с. 2].

С целью содействия устранению глобальных гендерных диспропорций в разработанных в рамках ООН «Целях развития тысячелетия» упоминалась важность гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин [4]. В качестве *основных показателей гендерного равенства*, используемых ООН, можно назвать *уровень охвата женщин школьным образованием, степень участия женщин в трудовой деятельности, а также общий процент женщин, пребывающих на руководящих должностях.*

В 1985 г. в рамках «Десятилетия женщин Организации Объединённых Наций» с целью координации осуществления глобальных действий по достижению равенства женщин к 2000 году были разработаны *Найробийские перспективные стратегии по улучшению положения женщин* (Nairobi Forward-looking Strategies for the Advancement of Women) [5]. А десять лет спустя, в 1995 году, в Пекине состоялась четвёртая *Всемирная конференция по положению женщин* [6].

В 2000 г. в документе «Пекин +5» в рамках ООН был детально проанализирован прогресс, достигнутый после Пекинской конференции по положению женщин 1995 г. Обзор пятилетнего периода имплементации норм *Пекинской Декларации и Платформы Действий* 1995 г. [7] подчёркивал, что:

- 1) глобализация открывает возможности для некоторых женщин, но также приводит к маргинализации многих других;
- 2) глобализация затрагивает различные группы женщин в различных местах земного шара по-разному;
- 3) появление глобальных сетей и усиление межкультурного обмена приводят к изменению статуса женщин, но в незначительной степени. Глобализация действительно способствовала развитию идей и разработке норм по вопросам равенства женщин, которые стали катализатором борьбы женщин всего мира за справедливость, а также равные права и возможности, но, в свою очередь, она

способна усугубить гендерное неравенство в патриархальном обществе, особенно в развивающихся странах (странах «третьего мира») [8, пар. 2].

Постоянная активная работа международных межправительственных организаций (особенно ООН) способствует более глубокому пониманию тех проблем, с которыми женщины сталкиваются во всём мире, и содействует их эффективному решению. К примеру, *Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* 1979 г. предусматривает гарантии равных прав женщин и мужчин во всех сферах жизни, включая образование, занятость, здравоохранение, избирательное право, гражданство и брак [9].

Таким образом, глобализация оказывает двоякое воздействие на жизнь женщин – предоставляет определённые возможности и создаёт уникальные проблемы. Активная работа по устранению гендерного неравенства в рамках имплементации норм Пекинской Платформы Действий 1995 г. продолжает существенно способствовать расширению прав и возможностей женщин. Как свидетельствует *обзор последующей деятельности по итогам четвертой Всемирной конференции по положению женщин и специальной сессии Генеральной Ассамблеи под названием «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке»* [10, с. 69–109], на повестке дня международного сообщества всё ещё находятся следующие проблемы, связанные с защитой прав женщин: ● насилие в отношении женщин; ● женщины, девочки и ВИЧ и СПИД; ● прекращение калечащих операций на женских половых органах; ● ликвидация предотвратимой материнской смертности и заболеваемости; ● расширение экономических прав и возможностей женщин в условиях мирового экономического и финансового кризиса; а также ● освобождение женщин и детей, захваченных в качестве заложников, включая тех, кто впоследствии подвергся тюремному заключению, в ходе вооружённых конфликтов.

Литература:

1. North American Free Trade Agreement. URL: [http://www.italaw.com/sites/default/files/laws/italaw6187\(27\).pdf](http://www.italaw.com/sites/default/files/laws/italaw6187(27).pdf) (дата посещения: 01.03.2018).
2. Bacchus N. The Effects of Globalization on Women in Developing Nations / Honors College Theses. Pace University, 2005. 36 p.
3. Women and Globalization. URL: <http://www.globalization101.org> (дата посещения: 02.03.2018).
4. UN Doc. A/RES/55/2; 18 September 2000. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация тысячелетия Организации Объединённых Наций» (8 сентября 2000 г.).
5. Report of the World Conference to Review and Appraise the Achievements of the United Nations Decade for Women: Equality, Development and Peace (Nairobi, 15-26 July 1985). New York: United Nations, 1986. URL: <http://www.un.org/womenwatch/confer/nfls/Nairobi1985report.txt> (дата посещения: 05.03.2018).
6. Beijing Declaration and Platform for Action. The Fourth World Conference on Women, Having met in Beijing from 4 to 15 September 1995. Adopted at the 16th plenary meeting, on 15 September 1995. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20E.pdf> (дата посещения: 07.03.2018).
7. Five-year Review of the implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action (Beijing + 5) held in the General Assembly, 5-9 June 2000. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/followup/beijing+5.htm> (дата посещения: 10.03.2018).
8. Chhibber B. Globalization and its Impact on Women: A Critical Assessment // Mainstream. 2009. Vol. XLVII, No. 21 (Wednesday, 13 May 2009). URL: <https://www.mainstreamweekly.net/article1351.html> (дата посещения: 12.03.2018).

9. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. (Извлечение) // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 461–466.
10. UN Doc. E/2010/27-E/CN.6/2010/11. Комиссия по положению женщин. Доклад о работе пятьдесят четвертой сессии (13 марта и 14 октября 2009 года). Экономический и Социальный Совет. Официальные отчеты, 2010 год. Дополнение № 7.

УДК 342.723

Раменская А.А.

аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной
деятельности

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

**МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И
ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ**

Аннотация: Право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь являются личными правами каждого человека, гарантию на соблюдение такого права в силу основного закона берет на себя государство. Внутригосударственное право ни в коем случае не должно противоречить нормам международных актов. В статье раскрывается необходимость принятия закона о правах пациентов на федеральном уровне.

Ключевые слова: пациент, медицинская помощь, охрана здоровья.

Abstract: The right of citizens to protection of health and medical care are personal rights of every person, the state takes responsibility for the guarantee of

observance of this right by virtue of the fundamental law. In no case should domestic law contradict the norms of international acts. The article reveals the need to adopt a law on patients' rights at the federal level.

Keywords: patient, medical care, health care.

Конституция РФ закрепляет право на жизнь (ч.1 ст. 20) , а также право граждан на охрану здоровья и право на получение медицинской помощи (ст. 41) [1]. На основании данных положений в Уголовном кодексе РФ содержится ряд статей, которые говорят об уголовной ответственности при нарушении указанных конституционных положений. В нормах международного права также регламентируются право на жизнь и медицинскую помощь: Европейская конвенция по правам человека в ст. 2 закрепляет право каждого лица на жизнь, которое охраняется законом [2]; Всеобщая декларация прав человека в ст. 3 говорит, что каждый имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность [3], Международный пакт о гражданских и политических правах в ст. 6 закрепляет право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека, которое охраняется законом [4], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в ст. 12 закрепляет право человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья для обеспечения этого права одно из мероприятий является создание условий, которые смогли бы обеспечить всем гражданам медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни [5].

На сегодняшний день права пациентов в России закреплены лишь в некоторых актах. Например, Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья [6]; Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» закрепляет права лиц, которые страдают психическими расстройствами [7];

Федеральный закон от 18.06.2001 N 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» закрепляет права лиц, находящихся под диспансерным наблюдением в связи с туберкулезом, и больных туберкулезом [8]. На региональном уровне можно выделить Закон Карачаево-Черкесской Республики от 15 апреля 2002 года N 18-РЗ «О правах пациента», который, по сути, объединил многие нормы, которые касаются оказания медицинской помощи, в один закон, что на наш взгляд является наиболее правильным шагом для соблюдения гарантий граждан в сфере здравоохранения, которые закреплены в Конституции РФ [9].

Стоит отметить, что в Государственную думу РФ неоднократно вносился закон о правах пациента. Первым был законопроект № 96700403-2 от 19.03.1996 «О правах и безопасности пациентов в сфере здравоохранения», однако данный проект был снят с рассмотрения самими инициаторами [10]. В последующем был законопроект № 97802398-2 «О правах пациентов» от 08.09.1997, данный законопроект был отклонен, поскольку в нем имелись существенные противоречия с Конституцией РФ [11]. И последний внесенный проект закона № 97120-3 «О правах пациентов» от 30.05.2001 данный проект был снят с рассмотрения, поскольку был признан несоответствующим ст. 104 Конституции РФ [12].

На сегодняшний день в РФ отсутствует закон, который бы полностью регулировал права и обязанности пациентов и предусматривал порядок защиты, это свидетельствует о том, что не в полной мере соблюдаются права граждан как пациентов на право получения и оказание медицинской помощи, что умаляет права пациентов.

Нормы международного законодательства в отношении прав пациентов, лишь определяют вектор развития национального права и не должны всецело отсылать к каким-либо международным актам. Многие медицинские учреждения в своих внутренних документах (регламентах, правилах)

определяют круг прав пациента, но зачастую такое закрепление не соответствует ни Конституции РФ, ни действующему законодательству в целом. Создание и принятие такого закона четко обозначило бы права пациента, его обязанности, защиту таких прав.

Литература:

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (с изм. от 30 дек. 2008 г.) // Рос. газ. 1993. 25 декабря.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950// Бюллетень международных договоров, N 3, 2001.
3. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948//Российская газета, N 67, 05.04.1995.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН// Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994.
5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН//Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994.
6. Об основах охраны здоровья граждан в РФ: Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ//Российская газета. №263.23.11.2011.
7. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1//Ведомости СНД и ВС РФ, 20.08.1992, N 33, ст. 1913.
8. О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.06.2001 N 77-ФЗ//Парламентская газета, N 114-115, 23.06.2001.

9. О правах пациента: Закон Карачаево-Черкесской Республики от 15.04.2002 N 18-РЗ//[Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/459907538> (дата обращения: 05.02.2018).
10. О правах и безопасности пациентов в сфере здравоохранения: проект Федерального закона от 19.03.1996 № 96700403-2//[Электронный ресурс] URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/97120-3> (дата обращения: 05.02.2018).
11. О правах пациентов: проект Федерального закона от 08.09.1997 № 97802398-2//[Электронный ресурс] URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/97802398-2> (дата обращения: 05.02.2018).
12. О правах пациентов: проект Федерального закона от 30.05.2001 № 97120-3//[Электронный ресурс] URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/96700403-2> (дата обращения: 05.02.2018).

УДК 341:314.15

Рогтина Е.И.

обучающаяся 1 курса магистратуры

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ

Аннотация. В данной работе излагаются вопросы международного сотрудничества государств в области защиты прав вынужденных мигрантов на разных уровнях регулирования, а также перечислены основные организации, созданные для решения проблем в сфере миграции.

Ключевые слова: право на свободу перемещения, глобализация, миграция, безработица, Организация Объединенных Наций.

Abstract. This paper outlines the issues of international cooperation of states in the field of protection of the rights of forced migrants at different levels of regulation, as well as lists the main organizations created to solve problems in the field of migration.

Key words: the right to freedom of movement, globalization, migration, unemployment, the United Nations.

В сфере внимания международного сообщества вопросы решения проблем, связанных с миграцией населения встали особенно остро относительно недавно, несмотря на долгое существование института миграции. Причины, по которым мигранты покидают свою страну, являются самыми разнообразными: вооруженные конфликты, насилие и террор (Сирия, Афганистан, Пакистан, Ирак), упадок экономики и нищета (государства Африки), дестабилизация политической ситуации (Украина) – эти и другие причины подчеркивают актуальность темы исследования.

Всеобщая декларация прав человека 1948 года в ст.13 закрепляет, что каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства. Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну[1].

Глобальная миграция вызвана такими проблемами, как непрерывный дефицит высококвалифицированных специалистов, процессы «утечки мозгов» в научно-образовательной, медицинской, промышленной и культурной среде. Очевидно, что самостоятельно с данными сложностями государства справиться не удастся. Понимая это, международное сообщество едино во мнении, что проблемы миграции населения должны быть четко и эффективно урегулированы международно – правовыми нормами. Стоит отметить, что

вопросы вынужденной и трудовой миграции населения урегулированы как на универсальном, так и на региональном и международном уровнях.

Данную проблематику рассматривали такие ученые – К.А. Бекяшев, И.И. Лукашук, М.Н. Руденко, А.В. Дмитриева, В.А. Тишкова, О.С. Чудиновских и другие.

Вторая мировая война резко ухудшила ситуацию в области вынужденной миграции, число беженцев и перемещенных лиц стало превышать 21 млн. человек. В связи с этим, в Организации Объединенных Наций остро стоял вопрос о процедуре возвращения нескольких миллионов человек в страны и регионы их происхождения.

В 1947 году было создано первое учреждение, которое всесторонне рассматривало все аспекты международной защиты беженцев – Международная организация по делам беженцев (далее - МОБ). Ее деятельность была направлена на регистрацию, определение статуса, репатриацию, переселение, правовую и политическую защиту беженцев.

МОБ продолжала осуществлять свою деятельность вплоть до учреждения в 1951 г. Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН). В 1950 г. на своей очередной сессии Генеральная Ассамблея ООН приняла Устав УВКБ ООН как приложение к Резолюции 428 (V). Управление было создано в качестве вспомогательного учреждения Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии со ст. 22 Устава ООН.

В 2001 году Генеральная Ассамблея ООН в который раз подтвердила основополагающее значение и сугубо гуманитарный и неполитический характер деятельности УВКБ ООН по обеспечению международной защиты беженцев и поиску долговременных решений проблем беженцев, подчеркивая, что эти решения включают исключительно добровольную репатриацию. К примеру, УВКБ ООН способствовала оказанию помощи репатриантам и перемещенным

лицам в Ираке в рамках Межучережденческой гуманитарной программы ООН после кризиса в Персидском заливе в 1991 году.

Следует отметить, УВКБ ООН ведет активную деятельность на территории России. Правовым фундаментом этой деятельности является Соглашение между Правительством РФ и Управлением Верховного комиссара ООН по беженцам от 06.10.1992 года [2, с.15].

Наиболее важное место в глобальной системе международной защиты беженцев занимают международные межправительственные организации. Такой является созданная в 1951 году Международная организация по миграции (далее - МОМ). В МОМ входят 146 государств-членов, еще 13 стран имеют статус наблюдателей. Отделения организации действуют более чем в 100 странах. Задача МОМ – содействовать гуманизации и упорядочению процессов миграции ради всеобщего блага. Для решения этой задачи МОМ оказывает услуги и предоставляет консультации правительствам и мигрантам[3].

За время своего существования МОМ оказала помощь около 10 млн. беженцев и лиц, перемещенных внутри страны. В марте 1992 года между Россией и МОМ было подписано Соглашение о сотрудничестве, согласно которому в Москве было учреждено Бюро этой организации.

Активную деятельность и свежие новости можно проследить на официальном сайте организации. Например, 21.02.2018 года была размещена новость о том, что порядка 50 тысяч афганских беженцев добровольно вернулись на родину или были депортированы из Пакистана и Ирана в январе 2018 года, говорится в докладе Международной организации по миграции (МОМ)[4].

Также, с середины 1970 – х годов, была создана Система постоянного наблюдения за миграцией (далее – СОПЕМИ) при Организации экономического сотрудничества и развития, которая координирует деятельность национальных иммиграционных управлений.

Стоит отметить значимость международного сотрудничества на региональном уровне. Региональные международные организации являются важным звеном в глобальной системе международной защиты беженцев. Среди них Африканский Союз (ранее – Организация Африканского Единства(далее – ОАЕ), Организация Американских государств, Содружество Независимых Государств и другие.

При управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев созданы следующие комиссии: Экономическая комиссия для Африки (ЭКА) рассматривает региональную экономическую интеграцию в качестве ключевого условия использования преимуществ международной миграции во благо развития, Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна, действуя через Латиноамериканско-карибский демографический центр (СЕЛАДЕ), осуществляет деятельность по вопросам международной миграции, прав человека и развития в рамках своей регулярной программы деятельности и при поддержке Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА), Экономическая и социальная комиссия для Западной Азии (ЭСКЗА) принимает меры по учету международной миграции и развития в национальных стратегиях в области развития и обеспечению рассмотрения потребностей трудящихся-мигрантов в ходе разработки социальной политики.

В 1969 году в рамках ОАЕ была принята Конвенция, регулирующая конкретные аспекты проблем беженцев в Африке.

Самым ярким примером региональной организации является созданное в 1949 году по решению Генеральной Ассамблеи ООН Ближневосточное агентство ООН для помощи беженцам и организации работ (далее – БАПОР). БАПОР имеет статус вспомогательного учреждения Генеральной Ассамблеи. Причиной создания послужил рост количества палестинских беженцев –

вынужденных мигрантов, которые были вынуждены покинуть территорию Палестины в связи с арабо – израильскими войнами.

Целью БАПОР является проведение сотрудничества с местными властями, однако преимущественное направление работы – предоставление услуг беженцам в сфере образования, путем предоставления беженцам соответствующих знаний и навыков посредством всеобщего начального обучения. На сегодняшний день под мандатом БАПОР находится приблизительно 4,8 млн. человек[2, с.37].

Таким образом, развитая система международных организаций по миграции обеспечит эффективность политики и оперативного реагирования Организации Объединенных Наций и международного сообщества на открывающиеся возможности и вызовы, создаваемые международной миграцией. В целях решения проблем, связанных с миграционной ситуацией, государствам необходимо сосредоточиться на выработке эффективной миграционной политики, создании комплекса мер, таких как: нормативное урегулирование, различную помощь странам Ближнего Востока и Африки, решение проблем данных регионов политическим путем, а также изменение политических курсов ведущих государств относительно миграции.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека // [Электронный ресурс] Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948 – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.03.2018)
2. Бекашев, Д.К., Международно – правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография// Д.К. Бекашев, Д.В. Иванов. – Москва: Проспект, 2015. – 392 с.

3. Международная организация по миграции // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-po-migratsii-mom> (дата обращения: 23.03.2018)
4. Лента новостей. Международная организация по миграции [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ria.ru/lenta/organization_459/

УДК. 341.231.14

Гринёва О.И.

Студентка 1 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПО СОБЛЮДЕНИЮ ОСНОВНЫХ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОДЫ ОБОСТРЕНИЙ СИТУАЦИИ НА
БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

Аннотация: В данной работе речь идет о правах человека в условиях вооруженного конфликта на Ближнем Востоке. Исследуется теоретическая вероятность его разрешения в эпоху глобализации. Проводится анализ отдельных аспектов проблемы.

Ключевые слова: права человека, вооруженный конфликт, международное сообщество, арабо-израильское противостояние.

Annotation: In this paper we are talking about human rights in the conditions of the armed conflict on Middle East. Theoretical probability of his permission is researched in the epoch of globalization. The analysis of separate aspects of problem is conducted.

Key words: human rights, armed conflict, international community, Arab-Israeli confrontation.

Права человека - это правила поведения, которые обеспечивают с помощью государства защиту достоинства и свободы каждого человека и образуют основу правового статуса личности. Это общепринятые принципы и нормы, поддерживающие высокий уровень нравственности и позволяющие каждому человеку жить в атмосфере свободы, справедливости и мира. Право на жизнь - основополагающее право человека, не допускающее никаких отступлений, даже во время войн или вооруженных конфликтов. В международном праве самый известный документ, закрепляющий права человека - это Всеобщая декларация прав человека ООН(10 декабря 1948 года)[1]. Впервые понятие «права человека» встречается во французской «Декларации прав человека и гражданина» от 1789 года[2], но до этого сама идея прав человека прошла долгий и сложный путь развития. Важными вехами на её пути была английская Великая хартия вольностей (1215 год)[3], английский Билль о правах (1689 год) и, позже, американский Билль о правах. Рассмотрим «права и свободы человека» и их нарушения через призму обычного состояния человечества - войн и вооружённых конфликтов. Ярким примером тому служит тот факт, что за последние 3,5 тысячи лет истории человечества без кровопролитий было лишь пару столетий.

Одним из самых сложных и продолжительных конфликтов в современной истории является «Ближневосточный (Арабо-израильский) конфликт», сложность которого заключается, на мой взгляд, в наличии политических, идеологических, территориальных, исторических, экономических и религиозных противоречий между евреями и арабами. А также интересами глобальных и региональных игроков в этом важном регионе.

Ближневосточный конфликт состоит из 4 основных этапов:

- Первый этап (до мая 1948 года) – локальный характер
- Второй этап (1948 – 1973 гг.) – «ядро противостояния»

-Третий этап (1973-1993 гг.) – процесс мирного урегулирования

-Четвертый этап (с 1994 – по н.в.) – фаза терроризма и антитеррористических операций.

С точки зрения актуальности в отношении прав человека представляется важнейшим именно четвертый этап Ближневосточного противостояния, так как терроризм сегодня имеет не только локальный, но и глобальный характер.

Итак, основная задача и, по сути, смысл создания ООН как раз и состоит в том, чтобы решить главную проблему международного сообщества – предотвращения войн и конфликтов, а также соблюдения и защиты прав человека в эпоху глобализации. В этой связи мне представляется крайне значимым и актуальным с точки зрения прав человека разрешение Ближневосточного конфликта (именно фазы терроризма).

Главное и основное право человека – право на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность [1,ст.3]. Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию [1,ст.5]. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества [1,ст.17].

Вопрос: как эти и другие права человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, должны соблюдаться в этой болевой точке планеты?

Думаю, что «права человека» и «вооруженный конфликт» понятия взаимоисключающие. Представляется невозможным соблюдение прав человека в зоне вооруженного конфликта. Следовательно, проблему реализации прав человека не решить без устранения самого факта наличия «вооруженного конфликта». В современной истории Ближневосточного конфликта с постоянной периодичностью проводятся мирные переговоры, но их результативность пока не велика, чтобы войну можно было бы прекратить. Разрешение конфликта сегодня стало глобальной задачей и вовлекло в ее

разрешение множество посредников. Все участники противостояния (кроме наиболее радикальных террористических группировок) осознали необходимость мирного урегулирования конфликта, есть понимание необходимости соблюдения основополагающих прав человека. Особая сложность в области соблюдения прав человека в указанном конфликте состоит в том, что противоборствующие стороны относятся к различным этническим, культурным и религиозным течениям, с различными взглядами на общепринятые стандарты в области соблюдения прав человека. Кроме того, лежащие в основе конфликта территориальные притязания двух народов сегодня играют роль политического инструмента в международных отношениях. Соответственно, мировые державы и региональные игроки имеют высокую заинтересованность в исходе указанного конфликта, а, возможно даже, в его перманентном продолжении.

Итак, спорной территорией является зона к югу от Израиля, Сектор Газа, Голландские высоты, побережье реки Иордан и часть города Иерусалим. И, начиная с 1948 года по настоящее время, между сторонами регулярно происходят локальные войны, в которых гибнет мирное население. Например, в ходе операции «Литой свинец» в декабре 2008 года погибло около полутора тысяч палестинцев, из которых более тысячи гражданские лица. А в Израиле ежегодно из-за ракетных обстрелов и атак смертников гибнут сотни мирных людей. Понятно, что о главном праве человека – праве на жизнь не может идти речи. Многие десятилетия, да и сегодня стороны конфликта не соглашаются на поиск компромисса, в результате чего применение вооруженных сил становится неизбежной составляющей политического противостояния, что делает весьма условным, а под час невозможным соблюдение прав и свобод человека.

Если рассматривать проблему прав человека в зоне Ближневосточного противостояния с точки зрения религиозной составляющей конфликта, то в отличие от других подобных случаев (например, конфликт между католиками и протестантами в Северной Ирландии с 1960 по 1998 гг., который, как известно,

закончился подписанием Белфастского соглашения), в арабо-израильском конфликте сторонами являются разные национальности относящиеся к разным религиозным пространствам. Евреи являются носителями европейских ценностей (права человека), а палестинские арабы – сторонники Исламского Халифата (законы Шариата).

Непреодолимым препятствием на пути к разрешению указанного конфликта миром является радикальное отличие взглядов арабов и израильтян по всем перечисленным проблемам (прежде всего - территориальным). Кроме того, острые противоречия взглядов между арабами и израильтянами препятствуют проведению анализа юридического аспекта проблемы для разрешения этого конфликта. Сторонами игнорируются резолюции ООН №№194 и 242[4], в которых идет речь об ущемлении прав палестинских беженцев.

Мощный удар по процессу мирного урегулирования на Ближнем Востоке произошел в 1987 году в Секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Это событие получило название «Интифада». С момента начала «Интифады» палестинским арабами неоднократно поднимались вопросы ущемления прав человека со стороны Израиля. 22 декабря 1987 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию №605[4], в которой осуждаются нарушения прав человека на оккупированных Израилем территориях, в том числе применение оружия против мирного населения и убийства беззащитных людей.

В резолюции №446 от 22 марта 1979 года Совет Безопасности ООН[4] постановил, что действия Израиля на территориях, оккупированных с 1967 года, не имеют законной силы и являются препятствием на пути к установлению мира на Ближнем Востоке (вопрос о Палестине и ООН. 2008).

Маловероятно, что арабо-израильский конфликт может быть разрешен в ближайшей перспективе. И более того, сегодня стоит быть готовыми к еще большему обострению противостояния. Этому способствует ряд факторов.

Прежде всего, война в Сирии и события вокруг нее. В настоящее время повсеместно на Ближнем Востоке идет укрепление террористических группировок, таких как Хамас, Хезболла и другие. Радикальные исламские группировки по-прежнему отказываются признавать какие-либо права Израиля на его существование, продолжая террористическую деятельность, особенно после войн в Ираке, Ливии и Сирии. Проблема беженцев превратилась в неразрешаемую. Арабо-израильский конфликт остается самым неразрешимым и острым из всех конфликтов нашего времени.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что данный конфликт далек от разрешения и устранения проблем с соблюдением прав человека. А данная работа – это лишь попытка принять участие в дискуссиях по проблемам соблюдения Прав человека на Ближнем Востоке в эпоху глобализации. А есть ли решение проблем с соблюдением прав человека на Ближнем Востоке, особенно в периоды обострений? Мне представляется наиболее рациональным развитие событий в этой области следующим путем:

1. Необходимо сконцентрировать усилия ООН (Совет Безопасности) по более эффективному привлечению глобальных игроков: США, Россия, Китай и влиятельные государства стран арабского мира;
2. Введение миротворческих сил ООН в зону конфликта (по примеру Кипра);
3. Локализация и заморозка конфликта путем ослабления влияния радикальных экстремистских сил с последующим восстановлением верховенства права в этом регионе.

В этом случае и тогда, есть надежда, что неотъемлемые права человека, провозглашенные ООН, в этом сложнейшем регионе будут соблюдаться.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] /. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr
2. Декларация прав человека и гражданина, 1789 [Электронный ресурс] /. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://diletant.media/document/37033615/>
3. Великая хартия вольностей (1215 год) [Электронный ресурс] /. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://diletant.media/articles/36104858/>
4. Резолюции Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс] /. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/>

УДК. 342.7

Чудесенко А. В.

Студент 1 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ АБСОЛЮТНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о влиянии глобализации на права человека в Российской Федерации, а именно трансформацию концепции абсолютных прав. Рассматриваются основные

теоретические аспекты, а также результат деятельности органов государственной власти по обеспечению наиболее широкого спектра прав и свобод человека и их соответствия нормам естественного права.

Ключевые слова: глобализация, естественное право, абсолютные права, ратификация.

Annotation: This article discusses the impact of globalization on rights and freedoms of human in Russian Federation, namely, how the conception of absolute right and laws is being transformed. The article deals with the main theoretical aspects, as well as the result of the public authority's action for ensuring the widest range of right and freedoms and their compliance with norms of natural law.

Key words: globalization, natural law, absolute rights and freedoms, ratification

Современное развитие институтов государственности предполагает задействование различных ресурсов. Помимо внутренних механизмов оптимизации работы государственного аппарата, действуют различные международные механизмы. Объединение, установление единых правил и норм, развитие международных корпораций- все это является проявлением процесса глобализации.

Глобализация - усиление процессов взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности экономических, политических, правовых, идеологических, культурных компонентов мирового сообщества. Этот процесс пронизывает все сферы жизни общества, придавая им единую многообразную форму. Развитие норм естественного современного права и их дальнейшее отражение в позитивном праве напрямую зависит от влияния данного процесса[4, с.189].

Актуальность данной темы обусловлена, прежде всего тем, что глобализация через естественное право и социальные нормы непосредственно

воздействует на концепцию прав человека, из которых и формируются абсолютные права и свободы личности.

Идеи естественного права наиболее интенсивно стали звучать в научных трудах политических мыслителей Нового времени, представителей теории права – Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, А.Н. Радищева и др.

Составляющие концепцию естественного права нравственные и правовые идеи, принципы, идеалы, требования сами по себе ещё не являются правом в юридическом смысле, а представляют собой мораль, правосознание, демократические устремления, то есть ближайшую и необходимую предпосылку и основу собственно позитивного права.

В мировой практике идеи естественного права впервые получили законодательное закрепление с принятием Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) и основанной на ней французской Конституции (1791 г.), а также со вступлением в законную силу первых десяти поправок к Конституции США (Билль о правах, 1791 г.). Начиная с этого времени и вплоть до середины XX в. шел медленный процесс сближения действующего законодательства и стандартов естественного права. После принятия Генеральной Ассамблеей ООН (1948 г.) Всеобщей декларации прав человека, в подавляющее большинство национальных конституций был включен перечень фундаментальных прав, воспроизводящих положения Декларации[3].

Статья 2 Всеобщей декларации прав человека гласит, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения[1].

Таким образом, Всеобщая декларация прав человека положила начало полному законодательному закреплению фундаментальных прав человека через отражения в нормах национального права конкретных государств. Российская Федерация также не стала исключением. Идеи свободы, гарантии реализации нематериальных благ, различное закрепление иных прав и свобод – все эти процессы нашли свое отражение в Конституции государства.

Согласно ст.2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью и государство провозглашает своей обязанностью признание всех прав и свобод[2].

Данная норма является основополагающей в определении механизма закрепления и реализации абсолютных прав и свобод человека. Глава 2 Конституции наиболее точно определяет спектр прав, которые могут быть реализованы людьми и гражданами в целом. Важно отметить, что поправки в данную главу могут быть внесены исключительно через всеобщий референдум, что свидетельствует не только об относительной жесткости Конституции, но и о важности регулирования прав и свобод в рамках демократического развития.

К абсолютным правам человека непосредственно относятся основные естественные и социальные права: право на жизнь, личное достоинство, неприкосновенность частной жизни, собственность и другие. Их значение крайне важно для реализации идей естественного права. Фактически данные нормы применимы не только для граждан РФ, но и для любых лиц, находящихся на территории государства. Ни один субъект не в праве нарушить охрану данного спектра прав.

Наиболее зримо тенденция универсализации и унификации права проявляется на глобальном и региональном уровнях в таких сферах правового регулирования, как торговля, бизнес, финансовая сфера и другие [5].

Разумеется, степень развития глобализации в пределах разных регионов в силу целого ряда объективных причин не является и не может быть одинаковой.

В частности, она не может быть одинаковой уже в силу того, что в них имеет место различный уровень интеграции, понимаемой как сознательное и активное участия группы стран в процессах стратификации мира. Так, если в пределах Европейского Союза интеграция права, экономики, финансов и других направлений практически во всех сферах жизни данного сообщества достигла весьма высокого уровня, то в пределах других регионов, включая Содружество Независимых Государств (СНГ), она находится на весьма незначительном уровне.

Процесс глобализации несомненно связан и развитием экономики, международных отношений, дипломатии, информационных технологий. Данный процесс очень многогранен. Стремление к всеобщему объединению, созданию единых принципов отправления правосудия, регламентации основных сфер жизни – все эти положения являются основополагающими для процесса глобализации в целом. Очагом начала глобализации принято считать Европу. Даже создание такого объединения как ЕС является прямым проявлением процесса глобализации. Россия присоединилась к данному процессу несколько позднее и на данный момент активно участвует в его развитии.

В настоящее время все более четко проступает тенденция углубления взаимосвязи международного права с региональным и национальным правом, все более широкого проникновения международного права (через признание государствами международно-правовых стандартов, общепризнанных принципов, международных соглашений, конвенций и т. п.) в систему регионального и национального права; тенденция социализации права, суть которой заключается в интенсивном развитии в послевоенный период на разных уровнях человеческого сообщества социального законодательства. Данная социализация проявляется и в институте абсолютных прав и свобод человека, который закрепляется на глобальном и региональном уровне. Новые социальные нормы и естественное право несомненно отличаются от принятых ранее

положений. Под влиянием глобализации изменилось и само отношение к личности, его свободе, правам, которые все больше расширяются под влиянием различных факторов, в частности политики, развития общественной мысли, гражданского общества, экономики и др.

Россия является демократическим государством, стремящимся обеспечить возможность реализации все большего количества прав и свобод. Несомненно, разработка новых положений базируется и на социальных нормах (мораль, общественные процессы), и на нормах естественного права. Концепция основных норм, понятий неустанно меняется и возможно очень скоро будут реализованы новые взгляды на регламентацию прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

- 1.Всеобщая декларация прав человека[Электронный ресурс]: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948.: ратифицирована Российской Федерацией 5 мая 1998 г]. -Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2.Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Омега-Л,2014. – 64 с.
- 3.Краснослободцева Н. К. Соотношение понятий «свобода» и «права человека»[Электронный ресурс]/ Н. К. Краснослободцева/ Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-svoboda-i-prava-cheloveka>
- 4.Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н.Социология права : учеб.пособие для студен. высш. учеб. заведений / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко/. - Ростов н/Д: Феникс, 2001. — 480 с. (Серия «Учебники «Феникса»»). – С.189
- 5.Влияние процесса глобализации на развитие права[Электронный ресурс]. – Электрон.дан. –Режим доступа :<https://refdb.ru/look/1105354-pall.html>

Медведева А.М.

*Студентка 3 курса юридического факультета
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Аннотация: данная статья посвящена проблеме обеспечения конституционного права граждан на социальное обеспечение. В статье раскрываются проблемные аспекты реализации данного права в РФ, выявлены причины, а также предложены пути ее решения.

Ключевые слова: Социальное обеспечение, конституционное право, социальное государство, социальное благополучие.

Abstract: this article is devoted to the problem of ensuring the constitutional right of citizens to social security. The article reveals the problematic aspects of the implementation of this right in the Russian Federation, identifies the reasons and proposes ways to solve it.

Keywords: Social security, constitutional law, social state, social well-being.

Социальное обеспечение всегда было одной из главных форм поддержки государством общества. С развитием государства эти стандарты менялись и усовершенствовались. Изменялись требования к ним и их статус. После распада Советского союза и образовании нового государства — Российской Федерации, резко возник вопрос об улучшении уровня жизни населения и установления новых требований к социальному обеспечению граждан, которые могут привести к повышению рождаемости, увеличению продолжительности жизни и уменьшению количества совершаемых преступлений. Большое значения на

реализации этих целей оказало принятие в 1993 году Конституции РФ, которая закрепила и сформулировала концепцию формирования Российской Федерации как социального государства, что закрепляется в статье 7 указанной Конституции. В первую очередь, вся политика Российской Федерации, как нового государства, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в обществе. Эта позиция раскрывается в распоряжении Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», которая создана для создания стратегии развития социально-экономического уровня жизни общества[1].

Развитие Российской Федерации, как правового государства и гражданского общества требует реализации конституционных норм в сфере гарантирования социального обеспечения наших граждан, что отображено в статье 39 Конституции РФ, в которой устанавливается, что «каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом» [2].

Закрепление данной статьи в Конституции Российской Федерации прямо указывает на то, что социальное обеспечение и благополучие населения государства должно быть одной из главнейших целей и задач.

Также, конституционное законодательство закрепляет основополагающие права и свободы человека и гражданина, устанавливает принципы реализации и защиты их прав и законных интересов.

Указанные принципы легли в основу Конституции РФ из международного законодательства, а именно:

- Конвенция N 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения», заключена в г. Женеве 28.06.1952;

- Конвенция N 128 Международной организации труда «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца», заключена в г. Женеве 29.06.1967;

- Европейский кодекс социального обеспечения (ETS N 48), принят в г. Страсбурге 16.04.1964.

Указанные международные акты, оказали огромную роль на саму концепцию формирования социальных прав и гарантий граждан, а также их конституционное закрепление и защиту.

Механизм реализации конституционных прав на социальное обеспечение в нашем государстве представляет собой систему средств, которые обеспечивают необходимые условия жизни нуждающимся гражданам в установленных законом случаях и порядке. При этом, главной целью функционирования этого механизма является защита субъективного права человека и гражданина на получение социального обеспечения в виде определенных гарантий, льгот и материальной поддержки. В связи с этим, блага социального обеспечения предоставляются в различных формах и видах. Данные средства социального обеспечения закреплены действующим законодательством.

К данным средствам социальной поддержки можно отнести:

– денежные выплаты (пенсии по старости, инвалидности, за выслугу лет пособия по временной нетрудоспособности) закреплены в Федеральном законе от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях»;

– льготы на проезд в общественном транспорте, на оплату коммунальных услуг регулируются, в частности, Федеральным законом «О ветеранах» от 12.01.1995 N 5-ФЗ;

– ипотечная программа на более выгодных процентных условиях (военная ипотека) закреплена в Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 N 102-ФЗ;

– предоставление социального жилья и улучшение жилищных условий урегулировано Федеральным законом от 24.11.1995 N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Интенсивный процесс развития законодательства, регулирующего отдельные виды социального обеспечения, свидетельствуют об особой важности социального благополучия граждан в современном мире. Однако, рассматривая действующее законодательство Российской Федерации о социальном можно прийти к выводу о том, что в данном законодательстве существует много противоречивых моментов, что существенно усложняет процесс развития общества и улучшения уровня социальной жизни граждан [3].

В настоящее время в Российской Федерации действуют более 130 федеральных законов в сфере социального обеспечения, а количество подзаконных нормативных актов превышает 1000. Такое количество нормативного материала на сегодняшний день затрудняет реализацию гражданами своих прав на благосостояние и соответствующий уровень социального обеспечения и защиты со стороны государства. Таким образом предлагается усовершенствовать законодательную базу в данной сфере, в частности, одним из лучших способов приведения данных социальных законов к единому виду путем кодификации. Эта процедура приведет к единообразной форме подходов к данной сфере, будет способствовать актуализации, приведет к уменьшению противоречий и в целом улучшит всю концепцию развития прав

социального обеспечения. Кроме того, это поможет обеспечить надлежащий контроль по их реализации [3].

Кроме того, на сегодняшний момент одной из ключевых проблем в данной сфере является бюрократизм со стороны должностных лиц государства на всех уровнях власти.

Так, в начале, нуждающееся лицо должно обратиться в соответствующий орган с заявлениями о предоставлении определенных социальных гарантий, и предоставить все необходимые документами, подтверждающие его право на получения того или иного вида социального обеспечения, на которое он претендует. Как правило данная процедура требует достаточно большого количества потраченного времени, а также большого пакета документов, без которых заявленные требования не могут быть удовлетворены (например, ст. 8 Федерального закона от 17.07.1999 N 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», регламентирующая порядок назначения государственной социальной помощи) [4]. Этот механизм существенно усложняет работу данных органах, обеспечивающих реализацию социальных гарантий среди населения.

Например, чтобы подтвердить свой статус инвалида, лицо должно проходить обязательное ежегодное оформление индивидуальной программы реабилитации, тем самым подтверждать свой статус. Для некоторых категорий граждан разработка индивидуальной программы реабилитации превратилась в невыполнимую задачу. В первую очередь это связано с большим количеством инстанций, которые должен пройти инвалид. Кроме того, это оказывает и большое моральное давление на нуждающегося, связанное с регулярной необходимостью подтверждения своих травм и/или болезней (этот порядок предусмотрен Федеральным законом от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [5].

Таким образом в нашем государстве для более интенсивного улучшения уровня социальной жизни населения необходимо внести существенные

изменения в процедуру подтверждения того или иного вида социального обеспечения.

Также одной из ключевых проблем остается проблема низкого уровня социального обеспечения в Российской Федерации. Уровень пенсий и компенсационных выплат нетрудоспособным гражданам значительно не велик, что существенно затрудняет реализацию данного права. Основной задачей государства является создание условий, при котором гражданское общество и отдельные его члены смогут обеспечить себя всем необходимым для здоровой, полноценной и главной счастливой жизни. Но к сожалению, сегодня это слабо реализуется [3].

Специфика конституционных социальных прав граждан Российской Федерации заключается в том, что именно посредством данных прав достигается достойный уровень жизни тех граждан, кто самостоятельно в силу различных обстоятельств не могут приблизиться к нему. В связи с чем, предполагается что для укрепления гарантий права граждан на достойное социальное обеспечение необходимо усовершенствовать способы внесудебной защиты прав и свобод человека, то есть урегулировать деятельность Уполномоченного по правам человека, Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации путем расширения их полномочий.

Кроме совершенствования действующих социальных программ необходимо развитие дополнительных государственных проектов, основанных на добровольном социальном страховании. Исходя из смысла ч. 3 ст. 39 Конституции Российской Федерации — добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность поощряются в нашем государстве. В целях реализации данной нормы требуется введение механизмов стимулирования работодателей и застрахованных лиц к участию в добровольном социальном страховании, в том числе установление налоговых льгот организациям, имеющим корпоративные пенсионные системы. Дополнительное негосударственное пенсионное страхование направлено на усиление пенсионного обеспечения и может осуществляться в рамках целостной пенсионной системы как в форме профессиональных пенсионных систем отдельных организаций, так и в форме личного пенсионного страхования граждан в страховых компаниях или негосударственных пенсионных фондах, что четко регламентируется Федеральным закон «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 N 75-ФЗ [6].

Реализация всего вышесказанного, а также создание новых программ по улучшению уровня жизни населения позволит создать в границах нашего государства страну, которая по уровню своей социальной жизни ничем не будет отставать от других стран с высоким уровнем социального обеспечения, а в некоторых вопросах сможет и обойти их. Это приведет к увеличению рождаемости, возвращению в страну эмигрантов, покинувших нашу державу в поисках более качественной жизни. Для этого также необходимо укреплять экономику государства и правосознание населения. Это тот костяк, который позволит обеспечить всем гражданам Российской Федерации достойный уровень обеспечения на всех этапах их жизни вне зависимости от их социального уровня, образования, возраста или состояния здоровья.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [электронный ресурс] (дата обращения — 17.03.2018);
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, N 15; 3.
3. Байматов П.Н. О некоторых элементах конституционно-правового механизма реализации права граждан РФ на социальное обеспечение / П.Н. Батманов. – М.: Академия, 2014. 129 – 138 с.
4. Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 N 178-ФЗ // Собрание законодательства. – от 19 июля 1999 г. N 29 ст. 3699
5. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ // Собрание законодательства. – от 24 ноября 1995 г. N 48 ст.4563
6. Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах» от 07.05.1998 N 75-ФЗ // Собрание законодательства. – от 7 мая 1998 г. N 19 ст.207

УДК. 341.231.14

Милых Э.В.

студентка 3 курса юридического факультета

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Сочинский государственный университет»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН

Аннотация: Статья посвящена проблеме защиты прав женщин. Автором названы и проанализированы основные международно-правовые акты, направленные на обеспечение реализации прав женщин, а также предложены меры по популяризации женского вопроса на международном пространстве.

Ключевые слова: права женщин, дискриминация, гендерное равенство, Комиссия по положению женщин, ООН-Женщины.

Annotation: The article is devoted to the problem of protection of women's right. The author named and analyzed the main international legal acts and suggested measures to popularize the women's issue in the international space.

Key words: women's rights, discrimination, gender equality, Commission on the Status of Women, UN Women.

В настоящее время соблюдение и защита прав человека является одним из приоритетных направлений в сфере международного права. Деятельность Организации Объединенных Наций и иных авторитетных международных организаций направлена на защиту социально-уязвимых групп населения: детей, инвалидов, гражданского населения, находящихся в местах вооруженных конфликтов, беженцев. Американский политолог Ч. Тилли отмечал, что наличие социального неравенства существенно подрывает демократию и задерживает процессы демократизации общества [1, с. 40]

Несмотря на популяризацию феминистского движения к числу социально-уязвимых групп продолжают относиться женщины. Так, в частности:

8. несмотря на принятие ООН 28 ноября 2012 г. резолюции о запрете женского обрезания, согласно исследованиям ЮНИСЕФ, названную процедуру перенесли около 200 миллионов женщин в 30 странах мира, 44 миллиона из

которых — девочки в возрасте до 15 лет [2];

9. каждая третья женщина (35%) в течение жизни подвергается физическому или сексуальному насилию [3];

10. ни в одной стране мира заработная плата женщин не равна заработной плате мужчин [4];

11. из 192 стран-членов ООН только в 24 пост главы государства либо правительства занимают женщины [5].

С началом деятельности ООН после Второй Мировой войны при данной организации стали создаваться различные подразделения и структурные органы, основной целью которых являлось достижение гендерного равенства. В 1946 г. при Экономическом и социальном совете ООН была создана Комиссия по положению женщин, которая на сегодняшний день является глобальным межправительственным органом в области защиты прав женщин.

В 2010 г. решением Генеральной Ассамблеи ООН была создана Структура ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин - «ООН-Женщины», которая объединила в себе четыре самостоятельные структуры (Канцелярия Специального советника Генерального секретаря по гендерным вопросам и улучшению положения женщин; Отдел по улучшению положения женщин; ЮНИФЕМ; Международный научно-исследовательский и учебный институт ООН по улучшению положения женщин). В Исполнительный Совет Структуры входят представители разных государств, в том числе Российской Федерации.

За время существования ООН были приняты различные международно-правовые акты и документы, направленные на обеспечение реализации прав женщин, в частности:

1) Всеобщая декларация прав человека от 1948 г., провозглашающая равные права и свободы независимо от пола [6];

2) Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении

женщин от 1979 г. (Женский билль о правах), раскрывающая основные права женщин во всех сферах жизни общества (экономической, политической, социальной) [7];

3) Декларация об искоренении насилия в отношении женщин от 1993 г., разработанная в качестве дополнения и укрепления положений Конвенции 1979 г. [8];

4) Конвенции Международной Организации труда, в частности Конвенция №45 от 1935 г. о применении труда женщин на подземных работах; Конвенция №100 от 1951 г. о равном вознаграждении; Конвенция №111 от 1958 г. о дискриминации в области труда и занятий;

5) Цели развития тысячелетия, в частности цель №3 «Поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин» и цель №5 «Сокращение на три четверти коэффициента материнской смертности»;

6) Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 об увеличении представительства женщин на всех уровнях принятия решений для предотвращения, регулирования и разрешения конфликтов.

Кроме того, вне рамок ООН Советом Европы принят ряд документов, касающихся вопросов положения пострадавшей в рамках уголовного законодательства, насилия в семье, поддержки пострадавших, профилактики виктимизации и некоторые другие.

Следует отметить, что международно-правовая база строится на основе принципа равенства мужчин и женщин, закрепляет основные права женщин и направлена на искоренение любых форм дискриминации в отношении женщин. Вместе с тем, на наш взгляд, помимо разработки и принятия международных документов необходимо межгосударственное сотрудничество по данной проблеме. Также для достижения положительного результата представляется необходимым привлекать внимание к проблеме защиты прав женщин, вовлекать

в процессы как можно большее количество людей, особенно мужчин. Для этого необходимо разрабатывать различные программы и проекты, проводить мероприятия, направленные на привлечение внимания к проблеме дискриминации женщин и ущемления их прав.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день «женский вопрос» по-прежнему остается одним из самых актуальных в международном пространстве. На наш взгляд, необходимо предпринять следующие меры, направленные на популяризацию проблемы защиты прав женщин и борьбу с дискриминацией:

- расширение возможностей женщин и их всестороннее участие во всех сферах жизни общества, основанное на принципе равенства;
- искоренение «культуры насилия» в отношении женщины;
- разработка действенных, эффективных и взаимодополняющих стратегий и программ;
- вовлечение в деятельность международного движения по защите прав женщин государств;
- уважение и соблюдение норм международного права;
- привлечение мужчин к участию в реализации целей по достижению гендерного равенства.

Литература:

1. Тилли Ч. Демократия. М. 2007.
2. United Nations Children's Fund. Female Genital Mutilation/Cutting: A Global Concern. [Электронный ресурс] // URL: https://www.unicef.org/media/files/FGMC_2016_brochure_final_UNICEF_SPREAD.pdf (Дата обращения: 01.04.2018).
3. Глобальные и региональные оценки насилия в отношении женщин: распространенность и последствия для здоровья в связи с насилием со стороны

- интимного партнера и сексуального насилия со стороны лица, не являющегося партнером [Электронный ресурс] // URL: <http://www.who.int/reproductivehealth/publications/violence/9789241564625/ru/> (Дата обращения: 01.04.2018).
4. Заработная плата в мире в 2016-2017 гг.: неравенство в оплате труда на предприятиях [Электронный ресурс] // URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_544096.pdf (Дата обращения: 01.04.2018 г).
5. Доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «The World's Women 2010: Trends and Statistics» [Электронный ресурс] // <https://unstats.un.org/unsd/demographicsocial/products/worldswomen/ww2010pub.cshtml> (Дата обращения 01.04.2018)
6. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Действующее международное право. Т. 2.
7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. // Международная защита прав и свобод человека. М., Юр. Лит-ра. 1990.
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №48-104 «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин» от 20 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «Гарант».

УДК 340.5(532)

Сеитбекирова Улькер Эльдар Къызы

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРАВА ЖЕНЩИН В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние глобализации на права женщин в Саудовской Аравии, которое проявляется в изменении их прав на основе европейских ценностей. Затрагиваются вопросы как личных, так и политических прав женщин. Для проведения анализа используются статьи новостных сайтов, таких, как BBC, Судебно-юридическая газета и пр.

Ключевые слова: права женщин, избирательные права женщин в Саудовской Аравии, влияние глобализации на права женщин, система опеки, право женщин Саудовской Аравии на вождение автомобиля

Annotation: In the article is considered the question of the influence of the globalization on the women's rights in the Kingdom of Saudi Arabia, that is manifested in changing their rights on the basis of European values. There were used for analysis such news sites, as BBC, Sudebno-yuridicheskaya gazeta etc.

Key words: women rights, election rights of women in Saudi Arabia, driving licence for women in Saudi Arabia.

Глобализация – это процесс объединения или сближения экономических, культурных, социальных и иных принципов и связей стран, которые ранее обладали ярко выраженными национальными чертами и привычками. В современном мире глобализация играет все более значительную роль, тем самым размывая национально–культурные рамки. Вряд ли найдется такое государство, которое хоть в малой степени не подлежало бы воздействию со стороны глобализации. [5, с. 4]

Саудовская Аравия считается одним из наиболее консервативных мусульманских государств, однако даже в нем с конца XX века начали происходить изменения. Одним из важных аспектов влияния глобализации на

правовую систему и общественную жизнь Саудовской Аравии является изменение прав женщин.

Вопрос о правах женщин в настоящее время является актуальным и значимым, поскольку женщина, которая, как известно, занимает второстепенное, подчиненное положение по отношению к мужчине, стала постепенно расширять свои права. Так, с конца XX века стала усиливаться борьба женщин за равноправие и отмену половой сегрегации. Целью данной работы является выявление результатов влияния процессов глобализации на положение женщин в Саудовской Аравии. Объект исследования – правовая система Саудовской Аравии. Предметом исследования являются права женщин в Саудовской Аравии и их изменения.

Еще в 1979 году была принята Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, основанная на охране и защите естественных прав человека, и вступила в силу в 1981 году. Саудовская Аравия ратифицировала данную конвенцию 28 августа 2000-го года. Данную конвенцию можно считать малым шагом консервативного исламского государства на пути к модернизации правовой системы. Однако стоит отметить, что многие положения Декларации не соблюдаются властями до сих пор. Так, Декларация провозглашает принцип равноправия мужчин и женщин, который должен быть закреплен в конституциях стран–участниц. [12] Однако в Конституции Саудовской Аравии нет статьи, указывающей на данный принцип, да и на практике он не соблюдается. [11]

Сегодня женщина занимает более высокое положение, хотя и недостаточно свободное. В Саудовской Аравии до сих пор действует система опекунов, согласно которой, женщина не может свободно передвигаться, получать образование, совершать сделки, самостоятельно выйти замуж или подать на развод, устроиться на работу и даже сделать операцию по медицинским показаниям, поскольку для этого ей необходимо согласие опекуна

– махрама, которым является муж или близкий родственник мужского пола. [6]

В 2016 году более 14000 женщин подписали петицию об отмене опеки и передали ее правительству страны, еще 2500 женщин отправили письма в офис короля. В ходе данной акции в социальных сетях стал популярен хэштег «саудовские женщины хотят отменить правило мужчин-опекунов», девушки стали снимать различные ролики в поддержку движения и публиковать их, также были созданы резиновые браслеты с надписью «Я сама себе опекун». [3]

17 апреля 2017 года король Салман бен Абдель–Азиза Аль–Сауда издал указ, согласно которому, было решено пересмотреть систему опекунства. Так, государственные органы должны издать законы, по которым система опеки упраздняется и предоставляется упрощенная процедура, при которой, однако, требуется согласие мужчины. [4]

До недавнего времени женщины были лишены избирательных прав, но в 2015 году король Абдулла предоставил им право голосовать и быть избранными. Также, теперь женщины могут быть назначены монархом в Консультативный совет – совещательный орган при короле. [6]

Король Салман в сентябре 2017 года заявил о том, что с июня 2018 года женщины получают право на вождение автомобиля, причем для этого им не понадобится разрешение махрама и его присутствие при вождении. Монарх объясняет снятие запрета тем, что ученые пришли к выводу, что исламское правило о вождении автомобилей женщинами является необоснованным. [4]

Движение за разрешение женщинам водить транспорт началось еще в 1990-е годы. На протяжении этого времени под влиянием опыта зарубежных стран девушки совершали попытки садиться за руль, однако после этого они были подвергнуты аресту и штрафам. Летом 2017 года Маналь Аль–Шариф опубликовала свою книгу «Отважиться на вождение: Молодая саудовская женщина, бросившая вызов королевству мужчин». Незадолго до этого девушка

села за руль автомобиля и выложила видео на Youtube, после чего была арестована на девять дней. [6]

Известно, что в Саудовской Аравии женщины должны носить специальную одежду – абайи, бурки, хиджаб, гишву и проч. Однако, несмотря на эти правила, женщины под влиянием мировых стандартов добавляют в свой гардероб современные элементы. Ярким примером является принцесса Дина Абулазиз Аль–Сауд, которая стала экспериментировать со своей одеждой, добавляя яркие цвета и новые фасоны в повседневной жизни. Недавно принцесса возглавила *Vogue Arabia*. [4]

В Саудовской Аравии существует половая сегрегация. Предусмотрены специальные зоны - для женщин, для мужчин и семейные зоны. Например, такие международные компании, как McDonald's и Starbucks имеют отдельные помещения, где женщины могут свободно общаться. [4] Достаточно разговора девушки с незнакомым мужчиной, чтобы она была подвергнута наказанию. Известен случай, когда в 2007 году отец убил свою дочь за то, что она общалась с парнем через Facebook. [6] Также, в стране действует религиозная полиция – Комиссия по поощрению добродетели и предотвращению порока, следящая за тем, как жители соблюдают нормы шариата, которая состоит из 3500 мутавинов и добровольцев. [9] Девушки и парни получают образование в отдельных университетах. Важно отметить, что мужчинам запрещено преподавать в женских учреждениях. На сегодняшний день можно выявить улучшения в данной сфере. В 2009 году впервые в Саудовской Аравии был открыт королем Абдаллой совместный университет науки и технологии для мужчин и женщин, а в последнее время социальные сети стали более распространенными, что позволяет девушкам выражать свои мысли и общаться с другими мужчинами. Также, Интернет позволяет дамам пользоваться видео-уроками, которые ведут мужчины. Данные новшества можно отнести к результатам влияния глобализации на жизнь женщин в Саудовской Аравии. [4]

Долгое время женщины не имели доступа к занятиям спортом, а также не допускались к участию в олимпийских играх, поскольку это противоречило нормам ислама. Однако в 2012 году саудовские девушки представляли свою страну на играх в Лондоне. Блогер Эман аль-Нафжан в 2012 году писал, что школы не обеспечивают девушек возможностью заниматься спортом, а сами женщины не имеют доступ к спортивным сооружениям. В стране действовал строгий запрет для девушек на катание на велосипедах и мотоциклах. В 2013 году им разрешили пользоваться этими видами транспорта, однако только в парках и зонах отдыха в присутствии опекуна и обязательно в абайе. [4] В январе 2018 года женщины получили право присутствовать на футбольных матчах, до этого же только мужчины могли ходить на стадионы и в концертные залы. Для женщин отвели специальные зоны, где они могут сидеть с детьми. Кроме того, в ноябре 2017 года прошел матч между женскими командами по баскетболу. [1]

Изменения прав женщин произошли в различных сферах общественной жизни, даже в политической, однако стоит отметить, что работа женщин в правовой системе до 2012 года была запрещена, что объяснялось непостоянством женского ума. Интересно, что девушкам–юристам разрешили работать даже с клиентами мужского пола. Но существует одно ограничение – для того чтобы женщина могла занимать какую–либо должность, необходимо согласие махрама. [7]

Исследовав изменения в правовой системе и общественном укладе Саудовской Аравии, можно заметить, что до 11 сентября 2001 года в стране проводилась политика исламского фундаментализма. Однако после того, как стало известно, что 9 из 11 террористов, разрушивших Всемирный торговый центр, были жители Саудовской Аравии, этот стратегический курс был подвергнут критике. Когда к власти пришел король Абдалла, он провел ряд реформ, которые были направлены на предоставление женщинам больших прав

и возможностей. Нынешний принц Мухаммед ибн Салман Аль Сауд также проводит либеральную политику. Именно ему принадлежит часть заслуг по снятию некоторых запретов. Так, недавно он анонсировал программу «Видение: 2030», которая должна привести государство к современной экономической модели, для чего, по мнению принца, необходимо модернизировать менталитет и уклад жизни подданных. Эта программа предполагает расширение прав женщин. [6]

Итак, изучив соответствующие материалы по данной теме, можно сделать вывод, что под влиянием глобализации меняются цели и задачи государства, поскольку для того, чтобы быть конкурентоспособной, страна должна соответствовать современным требованиям и стандартам, а также развивать свою экономику. Однако развитие экономики невозможно без создания условий, при которых все граждане или подданные государства обладают равными правами и возможностями, ведь женщины тоже предоставляют квалифицированную рабочую силу.

Также, глобализация оказала влияние и на сознание самих женщин, поскольку теперь они, зная и видя, что в других странах представительницы женского пола обладают широкими правами, не смогут спокойно мириться со своим, можно сказать, бесправием. Хотя, конечно, есть девушки, которые не хотят, чтобы в их привычном укладе происходили резкие изменения.

Учитывая то, что Саудовская Аравия – консервативное мусульманское государство, изменения под влиянием глобализации возможны в тех пределах, которые допускает шариат. Приняв во внимание политику нынешних принца и короля Саудовской Аравии, можно сделать вывод, что страну ждут новые реформы, однако на сегодняшний день нельзя судить о том, насколько быстро они будут введены и восприняты народом. Доктор Маха Альмучиф говорит следующее: «Сейчас предпринимаются малые шаги, но в будущем они станут

огромными. Большинство саудовцев воспитаны в старых традициях, невозможно просто изменить весь социальный порядок сразу».

Литература:

1. Женщин в Саудовской Аравии пустят на матчи [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – BBC, 2018. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-42653139>, свободный.
2. Как саудовские женщины нарушают запреты и борются за свои права [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – BBC, 2017. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/news-40644253>, свободный.
3. Саудовские женщины требуют отменить опеку со стороны мужчин [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – BBC, 2016. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/news-37473647>, свободный.
4. Женщины в Саудовской Аравии: борьба с запретами [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Клуб «Моя планета», 2017. – Режим доступа: https://www.moya-planeta.ru/travel/view/zhenshhiny_i_ih_borba_s_zapretami_v_saudovskoj_aravii_33312/, свободный.
5. Глобализация : учебное пособие / под ред. В. А. Михайлова, В. С. Буянова. – М. : Москва, 2008. – 543 с. – (Учебники Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации).
6. В Саудовской Аравии женщин признали животными. Раньше они считались предметами [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Русское Агентство Новостей, 2017. – Режим доступа: <http://новости-мира.ru-an.info/новости/в-саудовской-аравии-женщин-признали-животными-раньше-они-считались-предметами/>
Женщины Саудовской Аравии смогут работать адвокатами [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Судебно-юридическая газета, 2012. – Режим

доступа: <https://sud.ua/ru/news/publication/43931-zhenshchini-saydovskoj-aravii-smogyt-rabotat-advokatami>, свободный.

7. Саудовским женщинам разрешили кататься на велосипедах [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Lenta.ru, 2013. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2013/04/01/saudis/>, свободный.

8. Мутава – религиозная полиция Саудовской Аравии [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Pikabu, 2015. – Режим доступа: https://pikabu.ru/story/mutavva_religioznaya_politsiya_saudovskoy_aravii_3793416, свободный.

9. Жестче не бывает: 10 запретов для женщин из Саудовской Аравии [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Офигенно, 2017. – Режим доступа: <https://ofigenno.com/zaprety-dlya-zhenshin-v-saudovskoy-aravii>, свободный.

10. Основы системы власти Королевства Саудовская Аравия 1992 [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=86>, свободный.

11. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml, свободный.

УДК 34.343.42

Логманова Э. Л.

студентка 2 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. Статья посвящена феномену подросткового экстремизма в условиях глобализации. На основании конкретных примеров и мнений, автор устанавливает основные причины подросткового экстремизма как проблемы мирового правопорядка, а также указывает наиболее успешные пути её решения.

Ключевые слова: подростковый экстремизм, мировое сообщество, международное сотрудничество, глобализация.

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of teenage extremism in globalization conditions. Based on specific examples and opinions, the author establishes the main causes of teenage extremism as a problem of the world order and also indicates the most successful ways to solve it.

Keywords: teenage extremism, international community, international cooperation, globalization.

Проблема подросткового экстремизма является одной из самых важных и актуальных в мировом сообществе. Для выявления надлежащей правовой оценки, и, как следствие, необходимых мер по её предупреждению, ученые и правоведы достаточно объективно анализируют данное явление, выявляя его сущность, природу, основные причины.

Так, на основе теории поколений американских социологов Нейли Хоув и Уильям Штрауса, к важнейшим факторам, определяющих мировоззрение и действия поколений, является не возраст, а среда, в которой человек рос до 10-12 лет и нормы воспитания в семье, принимаемые ребенком как абсолютно адекватные. Еще одно мнение: председатель правления республиканского «Союза ветеранов Афганистана» Станислав Хахалкин к проявлениям

экстремизма в Республике Коми (в принципе, и в других регионах страны) приводит отсутствие национальной идеи в молодёжной культуре. Также он отмечает, что почву для проявлений экстремизма дает и экономическая ситуация в стране в целом [2].

Однако на наш взгляд, к одной из самых важных причин экстремизма подростков относится глобализационный процесс. Об этом косвенно было отмечено на VIII-м Международном конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками (Гавана, 1990 г.), в которой к коренным причинам терроризма отнесли «негативные последствия миграции, разрушение культурной самобытности, распространение средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости» [3]. Получается, что подростковый экстремизм – побочный эффект глобализации? Рассмотрим данный вопрос на конкретном примере.

20 апреля 1999 года – дата массового убийства в школе «Колумбайн», совершенного Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом. В своём онлайн-дневнике они рассказывали о самодельных бомбах и об изготовлении оружия. Всё это находилось в открытом доступе в сети Интернет. Социолог Ральф Ларкин долго время изучал самые громкие случаи нападения на школы после «Колумбайна» и обнаружил, что в 8 из 12 нападений есть явные отсылки к Харрису и Клиболду. Самые яркие примеры: 16 апреля 2007 год – стрельба студента Южной Кореи Чо Сын Хи, который в своем прощальном видео-обращении упомянул Клиболда и Харриса; сентябрь 2017 года – нападение на школу в Ивантеевке 15-летним Михаилом Пивневым, который достаточно долго изучал дело «Колумбайн», просматривая всевозможные видео и записи; январь 2018 года – массовое убийство школьниками в средней школе города Пермь, в котором также прослеживается связь с делом в школе «Колумбайн». Здесь следует отметить, что практически каждый из них уже проявлял явные признаки агрессии и жестокости, рассказывал о своих намерениях в социальных сетях. Но

никакой ответной реакции, кроме унижения и презрения, не последовало.

Ввиду этого, по нашему мнению, необходима грамотная превентивная политика по борьбе с подростковым экстремизмом. В условиях глобализации мировых процессов борьба с подростковым экстремизмом требует участия всех стран мирового сообщества, разработки комплексных международных подходов и единых методик противостояния различным террористическим проявлениям[3]. Так, в Указе Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» делается упор на основные направления развития России в сфере международных отношений, проводится подробный анализ текущих тенденций в мировом сообществе, акцентируется внимание на стремлении к глобализации[1]. Однако на сегодняшний день, реальные решения по борьбе с терроризмом объединяет лишь их опрометчивость.

Известный российский политик Николай Стариков отметил: «Хотите прекратить нападения в школах? Первое, что надо сделать – перестать об этом рассказывать»[4]. На сегодняшний день каждый подросток и школьник имеет свободный доступ к сети Интернет. И даже если подобные «нападения» не будут освещены в российских СМИ, об этом обязательно будет сказано на иностранном форуме или зарубежном канале, в противном случае – в социальной сети Вконтакте или Facebook. Ввиду того, что молодежная среда, в силу остроты восприятия окружающей обстановки, является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление негативного протестного потенциала, о данной проблеме необходимо рассказывать, но с правильной превентивной стороны. Мы считаем, что следует указывать на возможные и реальные последствия подобных экстремистских действий, акцентировать на этом внимание и, тем самым, препятствовать формированию у молодого поколения безнравственности, влекущей вред интересам отдельных лиц и целого общества.

Президент США Дональд Трамп для решения проблемы подросткового экстремизма предложил разрешить учителям американских школ носить при себе оружие для самообороны, чтобы подобные трагедии «могли закончиться очень быстро и менее плачевно» [5]. Во-первых, мы считаем, что лучшим «оружием» для предотвращения таких трагедий является своевременная помощь со стороны учителей и, в первую очередь, школьного психолога. В каждой школе в обязательном порядке должен присутствовать специалист, который будет заниматься не только школьным воспитанием, но и следить за склонностями подрастающего поколения, проводить различные профилактические беседы и мероприятия на тему подросткового терроризма и так же акцентировать внимание на негативных последствиях подобных экстремистских действий (подобные процедуры, как показывает практика, была явно необходима некоторым школьникам и подросткам). Во-вторых, подобное заявление никак не решает проблему экстремизма среди подростков, так как направлено лишь на её последствия, а не на причину.

Что касается теоретической составляющей решения поставленной проблемы, то необходимо также проведение научных исследований по проблеме подросткового экстремизма, с учетом современных тенденций развития мирового сообщения, также привлекать специалистов различных областей знания: юристов, политологов, психологов в особенности, медиков и других. Более того, необходимо дальнейшее консолидированное международное сотрудничество государств-членов мирового сообщества в целях борьбы с подростковой агрессией и выработки мер ее предупреждения. Чем ближе будут правовые оценки терроризма со стороны различных стран, чем единообразнее подход к вопросам его предупреждения, тем больше будет вероятность предотвратить подобные ситуации в каждой отдельной стране и в мировом сообществе в целом в условиях прогрессивных глобализационных процессов [3].

Литература:

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года
2. Попов О.В. Причины и особенности экстремизма в молодёжной среде. Меры противодействия молодёжному экстремизму [Текст] / Научные ведомости. - 2008. - №4. - С. 110-117.
3. Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение // Владивостокский центр исследований организованной преступности. - 78с.
4. Стариков Н. Социальная сеть Twitter [Электронный ресурс] // URL: <https://twitter.com/nstarikov/status/954284828232441857>. – 2018. (дата обращения: 19.02.2018)
5. Трамп предложил вооружить учителей американских школ. Новостной портал Meduza Project [Электронный ресурс] // URL: <https://meduza.io/news/2018/02/22/tramp-predlozhil-vooruzhit-uchiteley-amerikanskih-shkol> , (дата обращения: 22.03.2018)

УДК. 341.231.14

Никитин Ф. И.

магистрант кафедры международного и европейского права

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,

юридический факультет

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о формировании ключевых международных стандартов защиты прав коренных народов, происходящих в условиях глобализации.

Анализируя особенности данного процесса, автором раскрывается влияние, оказываемое глобализацией на развитие стандартов защиты прав коренных народов, в результате чего он приходит к выводу о том, что развитие последних переживает настоящее время новый расцвет.

Ключевые слова: Глобализация, коренные народы, международные стандарты защиты прав человека.

Annotation: This article discusses the formation of the main international standards for the protection of the rights of indigenous peoples occurring in the context of globalization

Analyzing the specifics of this process, the author reveals the impact of globalization on the development of standards for the protection of the rights of indigenous peoples, as a result of which he comes to the conclusion that the development of the latter is currently experiencing a new heyday.

Keywords: Globalization, indigenous peoples, international standards for the protection of human rights.

Рассуждая о развитии современного мира, полного противоречий и условностей, ровным счетом, как и человеческого общества, невольно наталкиваешься на мысль о существовании в последнем определенных закономерностей, обуславливающих течение этого процессов настоящим времени.

Таковой, в частности стала глобализация, истоки которой прослеживаются буквально с архаических времен [1, с. 47], сделавшаяся сегодня, поистине всеобъемлющей и охватывающей различные стороны жизни многих государств и народов.

Не исключением явились и те народы, которые, как и столетия назад, продолжают, тихо и уединенно, вдали от основных центров мировой политики, экономики и культуры, вести свое традиционное существование. Народы, за

которыми в практике международных отношений и праве, довольно давно закрепилось название «коренных», чье положение, все чаще становится объектом более пристального внимания со стороны ведущих правозащитных и международных организаций, правительств государств, но даже и Папы Римского [2], вследствие продолжения сохранения у данных этнических общностей значительных проблем, связанных с отсутствием возможности осуществлять свои традиционные права.

Существующее положение, бесспорно, явившееся результатом, господствовавшей в прошлом колониальной политики великих держав, сегодня, уступило место политики интеграции и глобализации, как уже было замечено ранее, успевшей отразиться на судьбах миллионов людей в разных частях света.

Так, в современных условиях, предопределивших углубление различных интеграционных процессов, все чаще, до нас доносятся суждения об опасности последствий, оказываемых глобализацией, сторонники которых, уверенно заявляют о «размытии традиций и обычаев» народов, но также и об «отступлении национальных культур перед миром, где доминируют западные ценности и символы» [3, с. 103].

По этой причине, не имея возможности, более останавливаться на перечислении лишь одних негативных факторов данного процесса, все же, необходимым было бы обратить внимание и на то, что именно последний, явился основанием для формирования ключевых международных стандартов защиты прав коренных народов, как наиболее уязвимых социальных групп [4, с. 34], начало которому, было положено принятием выдающихся документов, из когда-либо созданных человечеством, а именно Всеобщей Декларации о правах человека, совместно с Пактами 1966 года и Уставом ООН, образовавших, тем самым фундамент всей правозащитной деятельности.

Применительно же к проблемам коренного населения, показательной, стала разработка МОТ специализированных документов, направленных на

защиту их исконных прав, особое место среди которых, традиционно отводится двум конвенциям, принятым в 1957 и 1989 годах, впервые закрепивших за данными народами самостоятельные права.

Так, благодаря Конвенции МОТ №107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах» в международно-правовом лексиконе было зафиксировано понятие «коренное население» [5, с. 65]. Однако, вопреки этому, ее содержание подменяло понятие «интеграция», употребляемое в ней фактически, сводя его к «ассимиляции» [6, с. 11], спровоцировав, тем самым ее категорическое неприятие многими коренными народами, что, в определенной степени и явилось поводом для ее пересмотра и принятия в 1989 году Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», положения которой, стали носить, более, юридически-обязательный характер, так как содержали основные стандарты защиты их прав, что по справедливому замечанию Р. Ш. Гарипова придало последней, особое, системообразующее правовое значение [5, с. 204].

Наряду с этим, отметим, что наиболее значимым документом, преимущественно комплексного характера, явилась Декларация ООН о правах коренных народов, принятая в 2007 году, позволившая более существенно повысить статус данных этнических образований, возведя проблему их сохранения и развития в ранг задач общемирового значения [7, с. 114].

В подтверждение, этому, следовало бы указать, на довольно обширный перечень прав, употребляемых в данном документе, таких, в частности, как право на самоопределение, право на ресурсы и территории исконного проживания [8], создавшие условия для обеспечения подлинного равенства этих народов с другими народами государств в которых они проживают [9, с. 133].

В действительности же, существующее ныне современное международное право располагает и рядом других, не уступающих по значению указанным

документам актов, посвященных, в большей степени специфическим правам данных народов, рассматривая их, в контексте существующих глобальных проблем, связанных с изменением климата, миграцией и прочими вызовами, стоящими перед человечеством, к примеру, как Декларация Кари-Ока, Хартия аборигенных народов мира 1992 года [10, с. 88], но и ряд других документов.

Таким образом, перечислив и охарактеризовав основные международные акты, посвященные защите прав коренных народов, можно констатировать, что, сегодня, развитие прав данных народов, как и выработка стандартов по их защите, как никогда ранее переживает бурный расцвет, не прекращая своего позитивного развития.

В контексте сказанного, следовало бы также отметить, что формирование указанных стандартов создало великолепные предпосылки для выработки и развития специальных международных механизмов и процедур разрешения споров, периодически возникающих между представителями коренных народов и государствами в которых они проживают, что было бы, отнюдь невозможно без влияния, оказываемого процессом глобализации, значение которой на рассматриваемый вопрос, продолжает оставаться крайне неоспоримым, по той простой причине, что позволило вывести их требования на качественно новый уровень, отразив их в пяти положениях международного права, а именно в уважении индивидуальных прав и недискриминации; провозглашении прав меньшинств; закреплении за коренными народами права на самоопределение; искоренении колониализма, но и признания, в качестве международных, соглашений, заключенных с данными народами, в период захвата их территорий. [11, с. 190].

Литература:

1. Martell L. The Sociology of Globalization. 1st Edition. – Polity, 2010. – 304p.

2. Papa Francisco en Perú: «Los pueblos amazónicos nunca han estado tan amenazados» // https://www.clarin.com/mundo/papa-francisco-peru-bergoglio-llego-amazonia-encuentro-indigenas_0_BySRutyrM.html
3. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 328 с.
4. Покровский Н.Е. Горячее дыхание глобализации // Вестник института Кеннана в России. – 2007. – №12. – С. 27-43.
5. Гарипов Р. Ш. Защита коренных народов в международном праве. Монография. – Казань: Центр Инновационных технологий, 2012. – 256 с.
6. Ulfstein G. Indigenous Peoples' Right to Land // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – Vol.8. – 2004. – pp. 1-47.
7. Попков Ю.В. Коренные народы Севера в условиях глобализации. // Век глобализации. – 2014. – №1. – С. 111-123.
8. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights
9. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве / В. А. Кряжков. – М.: Норма, 2010. – 560 с.
10. Харючи А.С. Права коренных малочисленных народов Севера: реализация международно-правовых стандартов в Российской Федерации // Права коренных народов Севера: реализация международно-правовых стандартов в Российской Федерации: Сборник научных статей / Под ред. акад. РАО Г.А. Бордовского, проф. С.А. Гончарова. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 265 с.
11. Kingsbury B. Reconciling Five Competing Conceptual Structures of Indigenous Peoples' Claim in International and Comparative Law // New York University Journal of International Law and Politics. – Vol. 34. – №1. – 2001. – pp. 189-250.

СЕКЦИЯ 7
ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО (ГЛОБАЛЬНОГО) ПРАВОПОРЯДКА

УДК 341:613.846

Клименко Е. П.

ассистент кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

Клименко П. М.

профессор кафедры детской хирургии с курсом урологии
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Медицинская академия (структурное подразделение)

**ГЛОБАЛЬНАЯ ТАБАЧНАЯ ЭПИДЕМИЯ:
МЕРЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Аннотация: Настоящее исследование направлено на изучение вопросов международного сотрудничества в рамках борьбы с табакокурением. Авторы приводят примеры различных форм развития межгосударственной деятельности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: табак, курение, международное сотрудничество, конвенция.

Annotation: This study aims to examine issues of international cooperation in tobacco control. The authors give examples of various development forms of interstate activity in the considered sphere.

Keywords: tobacco, smoking, international cooperation, convention.

Россия занимает пятое место в мире по числу курящих, их в стране более 45 млн человек (данные за 2017 г.) [1]. По данным ВОЗ табак убивает до половины употребляющих его людей. Ежегодно он приводит к 7 миллионам случаев смерти [2]. Курильщики знают о вреде, который несет никотин, и все равно продолжают курить. Их не останавливает ничего, даже устрашающие фотографии на пачках сигарет. Ничего, кроме собственной тяжелой болезни или болезни своего родственника, связанной с курением, и то не всегда.

Вопрос о борьбе с табакокурением является приоритетным для представителей мирового сообщества. В принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. обозначена цель 3 – Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. В дополнение цель 3.4 обязует к 2030 г. уменьшить на треть преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения и поддержания психического здоровья и благополучия. Кроме того, цель 3.a предписывает активизировать при необходимости осуществление Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака во всех странах [3].

Закрепление данного вопроса на мировом уровне способствовало дальнейшей разработке ряда международных соглашений, детализирующих направления по борьбе с курением.

Однако, обратимся к истории вопроса, ибо, как сказал писатель Ирек Биккин, кто не знает своего прошлого, тот лишен будущего.

Развитие международного сотрудничества по контролю за курением началось в середине XX в. Самой значительной международной инициативой по борьбе против табака в этот период была организация Американским обществом по борьбе с раковыми заболеваниями первых трех Всемирных конференций «Табак или здоровье». Они состоялись в Нью-Йорке в 1967 г., в

Лондоне в 1971 г. и вновь в Нью-Йорке в 1975 г. За конференциями последовали еще две важные инициативы. Первой было признание ВОЗ курения центральной проблемой в 1970-х гг. и разработка Организацией здравоохранения ряда резолюций и двух докладов, в которых подтверждается опасность использования табака и призывается к действиям со стороны государств-членов. Вторая инициатива заключалась в разработке программы Международного противоракового союза по курению и лечению рака легких [4].

Всемирные конференции «Табак или здоровье» в качестве пространства для обмена информацией и опытом сыграли решающую роль в создании условий для зарождающегося всемирного движения против курения.

Следующим этапом международного сотрудничества по борьбе с курением и его последствиями стала разработка и подписание первого в истории международного соглашения, связанного с табакокурением, и его дальнейшая ратификация. А именно Рамочной конвенции по борьбе против табака (далее – РКБТ). Она была принята ВОЗ 21 мая 2003 г. и вступила в силу 27 февраля 2005 г. С тех пор она стала одним из наиболее стремительно и широко поддержанных договоров в истории ООН [5].

Это первое международное соглашение, разработанное по инициативе ВОЗ. Данный документ регулирует рекламу табачных изделий, порядок их налогообложения, требования к оформлению упаковок и меры по борьбе с контрабандой сигарет [6]. Первым свою подпись под текстом Конвенции поставил представитель Бангладеш [7].

В настоящее время Конвенция насчитывает 181 сторону, на которые приходится 90 % населения планеты [8].

Подписание Конвенции ознаменовало начало проведения новых международных конференций, в которых принимают участие стороны конвенции. Они проводятся раз в два года. Конференция следит за полным

осуществлением Конвенции. Представители сторон принимают решения, имеющие значение для совместных действий в сфере обеспечения контроля над курением и разрабатывают руководящие принципы. Так, например, были приняты Руководящие принципы осуществления ст. 8 РКБТ ВОЗ – Защита от воздействия табачного дыма и др.

В 2008 г. Россия ратифицировала Рамочную конвенцию ВОЗ по борьбе против табака [9]. С тех пор в стране были укреплены меры по борьбе с курением. Это помогло добиться значительного сокращения курильщиков.

В 2013 г. Россия приняла один из самых жестких антитабачных законов в мире. Этот закон предусматривает полный запрет на курение в общественных местах, запрет на рекламу табака и ежегодное увеличение цен на табачные изделия [10].

Протокол о ликвидации незаконной торговли табачными изделиями является первым протоколом к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака и новым самостоятельным международным договором. Он был принят на основе консенсуса 12 ноября 2012 г. пятой сессией Конференции Сторон РКБТ ВОЗ в Сеуле. Документ подписали 53 государства и Европейский Союз. Протокол еще не вступил в силу. Это запланировано на 30 сентября 2018 г. Он призван обеспечить надежность цепи поставок табачных изделий. Протокол касается вопросов лицензирования, надлежащей проверки, ведения учета, а также мер в отношении продаж табака через Интернет или с использованием телекоммуникационных средств[11].

Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что Рамочная конвенция по борьбе против табака стала правовым фундаментом для дальнейшего заключения договоров между государствами. Например, в 2013 г. министрами здравоохранения государств-членов Европейского региона ВОЗ была заключена Ашхабадская декларация по профилактике и борьбе с

неинфекционными заболеваниями, направленная на активизацию деятельности по защите от последствий потребления табака и др.

Литература:

1. ВОЗ: Россия занимает пятое место в мире по числу курящих [Электронный ресурс] // офиц. сайт ИТАР-ТАСС. – URL: <http://tass.ru/obschestvo/3930708> (дата обращения: 27.03.2018)
2. Табак. Информационный бюллетень. Май 2017 [Электронный ресурс] // офиц. сайт ВОЗ. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs339/ru/> (дата обращения: 27.03.2018)
3. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс] // офиц. сайт ООН. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.03.2018)
4. David Reubi, Virginia Berridge. The Internationalisation of Tobacco Control, 1950 – 2010 // Medical History. – 2016. – V. 60 (4). – P. 453 – 472 [Электронный ресурс] // офиц. сайт Национальной библиотеки медицины США. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5058405/> (дата обращения: 28.03.2018)
5. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака [Электронный ресурс] // офиц. сайт ВОЗ. – URL: <http://www.who.int/fctc/cop/about/ru/> (дата обращения: 28.03.2018)
6. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака [Электронный ресурс] // офиц. сайт ВОЗ. – URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/42811/9789244591017_rus.pdf?sequence=4 (дата обращения: 29.03.2018)

7. Двадцать восемь государств и Евросоюз подписали первую в истории конвенцию по контролю над табаком [Электронный ресурс] // офиц. сайт ООН. – URL:<https://news.un.org/ru/story/2003/06/1039681> (дата обращения: 29.03.2018)
8. Стороны Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака [Электронный ресурс] // офиц. сайт ВОЗ. – URL: <http://www.who.int/fctc/cop/about/ru/> (дата обращения: 29.03.2018)
9. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 51-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/12160035/> (дата обращения: 29.03.2018)
10. Федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака от 23.02.2013 № 15-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142515/ (дата обращения: 29.03.2018)
11. Протокол о ликвидации незаконной торговли табачными изделиями [Электронный ресурс] // офиц. сайт ВОЗ. – URL: <http://www.who.int/fctc/protocol/Protocol-to-Eliminate-Illicit-Trade-in-Tobacco-Products-RU.pdf?ua=1> (дата обращения: 29.03.2018)

УДК: 327

Зацева Е.И.

*студентка кафедры государственного и муниципального управления
«Южно - Российский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»*

**СТРЕМЛЕНИЕ США К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ:
ИДЕИ И ПРАКТИКА
(НА ПРИМЕРЕ СТРАН СРЕДНЕГО ВОСТОКА)**

Аннотация: В США широко распространены представления о собственной внешней политике, как об истории блистательных побед на мировой арене и реализации «американской миссии» по трансформации международного сообщества в соответствие с «единственно правильной» демократической моделью. В данной статье проанализированы планы и предварительные результаты внешней политики США в отношении государств Среднего Востока.

Ключевые слова: США, америкоцентризм, гегемонизм, демократизация, Средний Восток.

Annotation: America has very strong ideas about its own foreign policy, like the history of brilliant victories in the world and the implementation of the "American mission" to transform the regions of the Middle East into conformity with the "only correct" democratic model. This article analyzes plans and preliminary results of USA foreign policy towards the states of the Middle East.

Key words: USA, American centrism, hegemonism, democratization, Middle East.

Говоря о зарождении утопической идеологии развития мира во главе с американскими ценностями, стоит сказать, что Америка изначально создавалась не просто как органично существующая страна, а как политико-идеологический проект, ориентированный на трансформацию внешнего мира и на распространение тех базовых идей, которые были заложены отцами-основателями американского государства. Данный идеологический проект в лице Соединенных штатов Америки преследовал цель распространения универсальных (по мнению США) ценностей, в частности, свободы и

демократии во всех регионах мира. Причем, демократия являлась так называемой «правильной» политической системой защищающей идею «свободы», необходимую для построения однополярного мира во главе с западом. По мнению Америки, весь мир должен был стремиться к развитию демократии. С этого началось проявление американского мессианства, которое пронизывало красной нитью всю историю американской внешней политики. Развитие США предполагало укоренение идеи о том, что весь мир в итоге должен прийти к демократии, посредством чего должна была сформироваться универсальная международная система, которая придерживалась бы американских ценностей[1]. Иными словами, Америка хотела сформировать универсальный миропорядок, основанный на правилах, институтах и ценностях западного мира.

На протяжении последних двухсот лет история международных отношений вместе с американской историей, казалось бы, подтверждала рациональность данного тезиса. Это было обусловлено тем, что американская история длительный период являлась примером усиления влияния и экспансии во всем мире. Но что же послужило столь стремительному расширению влияния США в мире?

Дело в том, что Соединенные штаты Америки менее чем за сто лет из крошечной полоски земли на Восточном побережье превратились в крупный экономический рынок, занявший лидирующую позицию на мировой арене. Уже в начале XX в. эта самая «полоска» стала крупнейшей экономикой мира, которая смогла обойти свою бывшую метрополию – Великобританию. Помимо этого, США – это единственная страна в мире, которая за 200 лет превратилась из колонии в сверхдержаву. Страна, которая свято верила в идею мирового лидерства и господства над всеми существующими международными политическими институтами.

Исторически сложилось так, что США всегда существовали в исключительно благоприятных условиях для развития: выгодное географическое положение, богатые природные ресурсы, естественная безопасность. Выгодное географическое положение отдаляло Америку от потенциальных соперников, которые могли бы представлять реальную угрозу американским интересам. Помимо этого, Америка была окружена достаточно слабыми соседями, что играло ей на руку. Это обуславливало могущество и непревзойденность Америки в ближайшем ее окружении, как фактор выстраивания нового миропорядка.

Усилению Американского лидерства также способствовала нестабильная обстановка на международной арене, которая лишь укрепила присутствие Соединенных штатов в центре политических изменений. Следствием увеличения американского влияния стало ослабление «величия» соперников и создание новых условий для роста самопровозглашенной «сверхдержавы». Но как «крошечная полоска земли» смогла перерасти в державу и склонить к своей идеологии соперников, попробуем разобраться. В первую очередь, стоит отметить, что Америка в одностороннем порядке провозгласила якобы свою «победу» в «холодной войне» в 1945 – 1991 гг. с Советским союзом. Америка продолжает утверждать об успешности проводимой внешней политики, закончившейся победой демократии над тоталитаризмом и сокрушительным развалом СССР в 1991 г. Тем самым, Америка утверждает успешность последнего шага к реализации американской универсальной миссии об америкоцентризме.

Во-вторых, многочисленные утверждения (достаточно спорные) американцев о том, что именно они создали современный миропорядок и поэтому они, как никто другой, заслуживают признания со стороны других государств. С американской точки зрения, международный мировой порядок представляет собой совокупность таких правил и институтов, которые

существовали в рамках Западного сообщества после 1945 г. в лице НАТО, Американской глобальной системы союзов.

После окончания «Холодной войны» основным направлением дипломатии США стало внедрение американского миропорядка во всем мире посредством трансформации отдельных государств в американизированные центры распространения западной идеологии. Однако, начиная с 1990-х годов, многие народы стали отвергать американские идеологические представления об устройстве мира.

Наглядным примером данного отторжения стали трудности, с которыми США столкнулись на Среднем Востоке. К примеру, несмотря на весьма успешные военные операции США в Афганистане в 2001-2004 гг., Америке не удалось окончательно стабилизировать данную страну и взять ее под свой «демократический» контроль. Негативные результаты американской политики в данном регионе проанализированы в работах Н.А. Цветковой [2].

Почему так произошло, что Американские механизмы давления не сработали в восточных странах? Дело в том, что Американские вооруженные силы столкнулись с сильным противостоянием со стороны этих государств. Если ранее США ставили одной из задач в публичной дипломатии распространение демократизации на восточные государства, то впоследствии данная программа не просто не прижилась, а, напротив, породила негативное восприятие американской политики среди восточного населения. Это привело к использованию новых форм борьбы с американизмом: радиостанций, социальных сетей и печатных изданий. Достаточно ярким примером является выпуск журнала «Inspire: почему мы должны начать войну против США» (Афганистан).

С целью нейтрализации негативных антиамериканских настроений в марте 2009 г. США приняли новую стратегию «Стабилизации районов Афганистана и Пакистана». Приоритетными задачами новой стратегии стали:

поиск умеренных голосов среди населения афганцев и пакистанцев; разработка идей о будущих элитах Афганистана и Пакистана; поиск единомышленников среди восточного населения для дальнейшего сотрудничества посредством реализации масштабных программ обучения. Другое направление внешней политики США с 2009 г. – создание новых теле– и радио каналов вещания с целью захвата медийного поля и выталкивание из него движений Талибан и Аль-Каиды.

Несмотря на все усилия, США не удалось трансформировать два политически важных для региона государства в «процветающие демократии» по своему образцу. Как и не удалось запустить так называемый «эффект домино»: планировалось, что американские ценности по примеру стран Среднего Востока восторжествуют в государствах Ближнего Востока, а затем и в других регионах планеты. Но всего этого не произошло.

Литература:

1) Д. Суслов. США становятся для России крайне опасным и сложным партнером// официальный сайт международного дискуссионного клуба «Валдай». Электронный ресурс [режим доступа: свободный] URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ssha-rossiya-vvs-siriya/>;

2) Цветкова Н.А. Образовательная политика США в странах Ближнего Востока в 2001- 2007 гг.// Вестник Санкт- Петербургского университета. 2009. №1.- С. 128-132.

УДК 341.01

Сулименко Н. С.

обучающийся 1 курса магистратуры (101-Г группы)

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделения)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению отдельных теоретических аспектов по проблематике международного правопорядка. Оговариваются предпосылки, способствующие формированию современного состояния международного правопорядка.

Ключевые аспекты: международное сообщество; международный правопорядок; международное право; формирование правопорядка.

The article is devoted to the consideration of certain theoretical aspects of the problems of international law and order. The prerequisites that contribute to the formation of the current state of international law and order are discussed.

Key aspects: international community; international law; international law; rule of law.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что на сегодняшний день международно-политические процессы приобрели особую роль, как для государств, так и для отдельного гражданина. Проблематика международного правопорядка была и остается одной из сложных и дискуссионных в современной юридической науке. Внимание к этому вопросу, начиная с шестидесятых годов двадцатого столетия и до сегодня, обусловлена целым рядом потребностей и интересов не только науки международного права, но и других наук, направленных на исследование международных отношений и внешней политики. Многочисленные подходы к феномену международного правопорядка вызывают интерес и к его отдельным аспектам.

На сегодняшний день, одними из актуальных возникают вопросы, касающиеся целого комплекса теоретических аспектов, характеризующих феномен современного международного правопорядка.

Предпосылками становления международного правопорядка выступают несколько составляющих, которые определяют существующее состояние и способствуют его формированию. В доктрине обращается внимание на то, что в каждую конкретную историческую эпоху правовой порядок в международных отношениях формируется на основе действующих в эту эпоху принципов и норм международного права, и, соответственно, неизбежно отражает, как юридическое содержание этих принципов и норм, так и социально-политическую сущность и направленность предписаний международного права данного исторического периода [1, с. 23-24]. Основываясь на этом, стоит согласиться с мнением И. И. Лукашука о том, что в каждую эпоху международный правопорядок является исторически обусловленным [2, с. 76].

Учитывая, что взгляды на этот вопрос в значительной степени совпадают то, обобщая, в качестве составляющих становления современного международного правопорядка, можно отметить следующие предпосылки: социально-политические; социально-экономические; юридические (специально-юридические, правовые).

Такое доктринальное видение предпосылок становления международного правопорядка может обосновываться одинаковыми взглядами на возникновение, становление и развитие международного права, на которое в свою очередь влияют международно-правовые позиции государств. В частности, А. П. Мовчан объясняет это такими тенденциями в позициях государств, как их стремление к взаимному сотрудничеству, что продиктовано различными конкретными причинами экономического, политического и другого характера, а также постоянной заботой об охране своего суверенитета и свою политико-экономическую независимость от иностранных посягательств и претензий [1, с. 27].

Учитывая, что в подавляющем большинстве научных работ содержание предпосылок не раскрываются авторами, а также принимая во внимание то, что

формированию современного состояния международного правопорядка способствуют свои предпосылки, по нашему мнению, их следует определить следующим образом:

- социально-экономические предпосылки, которые формируются на основании глобализация и последующие потребности, и интересы мирового сообщества; экономизация международных отношений и вызванные ими процессы; международные экологические потребности и интересы мирового сообщества; развитие информационно-коммуникационных технологий и их всестороннее влияние на потребности и интересы мирового сообщества;

- политические предпосылки, которые характеризуются международными политическими потребностями; потребности в упорядочении международной жизни, поведения государств, народов, международных организаций [3, с. 78];

- специальные юридические предпосылки, которые заключаются в необходимости правовой упорядоченности межгосударственных отношений. Наличие международного права как совокупности норм и правил поведения, которые образуют стройную систему и наличие субъектов международного права как возможных участников правового порядка и их определенный юридический статус; международно-правовых отношений, которые объединяются в целостную, упорядоченную систему; международно-правовые методы установления и поддержания международно-правового порядка. В данном процессе возникают такие проблемы, как фрагментация современного международного права и регионализм современного международного права.

Анализируя вышесказанное, можно отметить, что в качестве предпосылок становления международного правопорядка выступают несколько составляющих, определяющих его существующее состояние, и способствуют его формированию, взгляды на которые в доктрине международного права в основном совпадают. В доктрине обращается внимание на то, что с научной

точки зрения является необходимым достаточно четко отличать понятие «мировое сообщество» и «международное сообщество государств».

Современное мировое сообщество, представляет собой форму существования, способ организации достаточно целостной совокупности взаимодействующих между собой участников международного общения» В то же время, международное сообщество государств – определяется как «институционализируемая структура с вертикальными и горизонтальными уровнями связей» [4, с. 54-55].

Справедливо отмечает Н. Е. Тюрина, что международный правопорядок устанавливается в международном сообществе суверенных государств и обеспечивает условия существования и функционирования данного сообщества [5, с. 32]. При этом, внимание акцентируется на том, что главным для международного правопорядка является обеспечение условий существования и функционирования сообщества государств.

Появление фактора мирового сообщества и новых задач перед международным правом вызывают и соответствующие требования в отношении изменений в международном правопорядке. Учитывая указанное, для международного правопорядка, который базируется на основе международного сообщества, необходимо выработать и новые принципы правотворчества (международные стандарты, «мягкое» право) и правоприменения, применять новые подходы к регулированию международных отношений, в т. ч. конфликтных ситуациях.

Вместе с тем, стоит отметить, что развитие такой категории: «мировое сообщество», может стать весомым фактором не только в развитии международного права, но и значимым фактором в формировании современного международного правопорядка XXI века, поскольку, высказываются идеи от признания такого сообщества новым весомым фактором международных отношений. Американский философ Фрэнсис Фукуяма в своей

книге «Конец истории и последний человек» высказал идею о возможности установления нового международного порядка, характеризующегося отсутствием войн, вооруженных столкновений, противоречивых интересов и торжеством общепризнанных идеалов и универсальных ценностей [6, с. 348].

Таким образом, исследовав вопрос относительно предпосылок становления международного правопорядка, следует отметить следующее, что в качестве предпосылок становления международного правопорядка выступают несколько составляющих, определяющих его существующее состояние, и способствующих его формированию. Тенденция, которая наметилась в юридической науке, относительно постепенного перехода от категории «международное сообщество» к новой категории – «мировое сообщество», повлияет значительным образом на формирование международного правопорядка XXI века, в частности, в вопросе сферы его установки и действия.

Литература:

1. Мовчан А. П. Международный правопорядок / А. П. Мовчан. – М.: РАН, 1996. – 102 с.
2. Лукашук И. И. Функционирование международного права / И. И. Лукашук. – М.: Наука, 1992. – 224 с.
3. Березовская Е.В. Международное и внутригосударственное правовое регулирование. Проблемы соотношения / Е.В. Березовская // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 2 (8). – С. 77-81.
4. Евинтов В. И. Международное сообщество и правопорядок (анализ современных концепций) / В. И. Евинтов. – К.: Наук.думка, 1990. – 128 с.
5. Тюрина Н. Е. Международный правопорядок (современные проекты совершенствования и преобразования) / Н. Е. Тюрина. – Казань: Издательство казанского университета, 1991. – 96 с.

6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2015. – 600 с.

УДК 341.1/.8 (470)

Ковалева И.Н.

«Белорусский государственный экономический университет»

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА СУБЪЕКТАМИ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАТАЛОНИИ)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема взаимодействия международных правовых принципов, внутригосударственного права и права народов на самоопределение. Автор анализирует ситуацию в Испании, возникшую в связи с референдумом о независимости Каталонии.

Ключевые слова: международное право, право на самоопределение, автономия, референдум, независимость, субъект федерации.

Annotation. This article deals with the problem of interaction of international legal principles, domestic law and the right of nations to self-determination. The author analyzes the situation in Spain which arose because of the referendum on the independence of Catalonia.

Keywords: international law, right to self-determination, autonomy, referendum, independence, subject of the federation.

1 октября 2017 года в Каталонии состоялся референдум о приобретении ей статуса полноценного субъекта международных правоотношений и отделения от Испании в качестве республики. Это событие вызвало негативную реакцию правительства Испании, несогласного с отчуждением территории Каталонии, заявившей о своем праве на самоопределение. Для того, чтобы

подробнее разобраться в данной ситуации необходимо определить значимость самого принципа на самоопределение.

Принцип народов на самоопределение является одним из основных в международном праве и создает благоприятные условия народам для свободного установления своего политического статуса, культурного и экономического развития. Данный принцип закреплен в Уставе ООН и его цельсогласно п.2 ст.1 «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов» [1]. По мнению В.А. Романова, принцип права на самоопределение является одним из самых противоречивых [2, с.85]. Полагаем, что характерным признаком данного принципа является не противоречивость, а различное его толкование, вытекающее из интересов определенной социальной группы. Особенно актуальным он стал после Второй мировой войны и толковался как политико-правовое обоснование колониальной борьбы за независимость. Однако, на примере Каталонии можно увидеть, что принцип приобрел сепаратистский характер. Несмотря на то, что данный принцип был закреплен не только в Уставе ООН, но и в иных источниках международного права: Декларации о принципах международного права 1970 г.; Заключительном акте СБСЕ 1975 г.; Итоговом документе Венской встречи 1986г. и т.п., ни один из них не установил рамки осуществления и действия права на самоопределение, не определил субъекты, на которые данное право распространяется.

Борьба Каталонии за независимость осуществляется с 1469 г., с момента ее присоединения к Арагонскому королевству путем заключения брака арагонским королем Фердинандом и Изабеллой Кастильской, королевой Кастилии и Леона. Из этого следует, что Каталония не была захвачена военным путем. Помимо этого она никогда не была колонией под властью Метрополии, а в рамках последующей истории территория Каталонии не подвергалась аннексии после Второй мировой войны и принятия Устава ООН. А в 1979г.

каталонцы достигли статуса автономии и официального статуса валенсийского языка, что является вполне приемлемым способом обеспечения мирного существования народов в границах одного государства.

Таким образом, референдум о приобретении независимости, после проверок Конституционным судом Испании, был признан незаконным в связи с тем, что решение референдума должно быть от всей страны, а не от отдельной территории, то есть всенародным. В связи с этим, бывшее правительство автономной области, проигнорировавшее предупреждение испанского правительства о применении 155-й статьи, которая дает право на приостановление действие автономии и делегирования всех органов региональной администрации в центральное подчинение, было отправлено в отставку.

В ходе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что право на самоопределение отдельных территорий любого государства отсутствует, либо принимает форму сепаратизма, направленного на нарушение территориальной целостности государства, примером которого является Каталония. Полагаем целесообразным изменить концептуальный подход к пониманию права народов на самоопределение и считаем, что правом на самоопределение обладают колониально зависимые территории, а иные народы обладают правом на развитие некоторых форм государственности в качестве автономных образований.

В результате вышесказанного следует отметить, что современное состояние международных отношений воздействует на изменение, казалось бы, нерушимых принципов международного права. В то же время, история современной России показывает, что путем всенародного референдума можно признать право народа на самоопределение как самоопределение особой формы, а именно переход из одного государства в другое.

Литература:

1. Устав ООН. // Официальное издание ООН. - Нью-Йорк, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.un.org — Дата доступа: 29.03.2018.
2. Романов, В.А. Принцип самоопределения и территориальной целостности государств/ В.А. Романов // Дипломатический вестник. — 2000. — №9.— С. 85

УДК 341

Шимко И. Н.

студент 2 курса юридического факультета

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

СИСТЕМА ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА С ПОЗИЦИЙ «THIRD WORLD APPROACHES TO INTERNATIONAL LAW»

Аннотация: Статья посвящена исследованию истории формирования движения «Third World Approaches to International Law» («TWAIL») и основных идей его представителей. Особое внимание уделено анализу взглядов учёных-сторонников «TWAIL» на систему основных принципов современного международного права. Кроме этого, в статье освещается и критика концепции «Third World Approaches to International Law».

Ключевые слова: международное право, страны третьего мира, подходы стран третьего мира к международному праву, TWAIL.

Abstract: The article is devoted to studying of the history of the formation of the movement of scientists «Third World Approaches to International Law» («TWAIL») and of the main ideas of the scientists of this movement. A special attention is paid to the analysis of the views of representatives of TWAIL on the system of general

principles of modern international law. In addition, the article also highlights the criticism of the concept of «Third World Approaches to International Law».

Keywords: international law, third world, third world approaches to international law, TWAAIL.

«Third World Approaches to International Law» или «TWAAIL» (в пер. с англ. «подходы стран третьего мира к международному праву») – это свободное движение, охватывающее как учёных, так и практиков международного права и политики, занимающихся вопросами, связанными с развивающимися странами [1, с. 1946]. Учёные-сторонники «TWAAIL» выступают категорически против классических доктрин международного права и утверждают, что на самом деле международное право под влиянием «прозападной политики» пренебрегает интересами стран «третьего мира» и поэтому не является универсальным инструментом регулирования межгосударственных отношений. Начиная с конца 1990-х годов, движение «Third World Approaches to International Law» развивалось как критическая научная сеть, существующая во всем мире. В рамках «TWAAIL» не стремились создать единый свод правил и норм – вместо этого активно проводились бурные дискуссии о проблемах колониальной истории, власти и различных оценок значения международного права.

Следует отметить, что не существует единого теоретического подхода, объединяющего учёных движения. Именно поэтому, «Third World Approaches to International Law» – не столько метод, сколько объединение учёных из разных стран, определяемое общностью проблем. Как правило, сторонники «TWAAIL» сосредотачивают усилия на попытках направить действие международного права на темы, которые традиционно игнорировались международным правом, а именно – проблемы стран «третьего мира» (развивающихся стран).

Причина такого внимания «Third World Approaches to International Law» к постколониальному характеру современного международного права заключена

в острой необходимости выявить и устранить широкий спектр политических, экономических и социальных несправедливостей, которые возникли в процессе колонизации и распространились по всему миру [2, с. 196-199].

Движение «ТWAIL» появилось после деколонизации как аналитический инструмент оценки отношения международного права к странам «третьего мира». [3, с. 35] Таким образом, концепция «Third World Approaches to International Law» стала альтернативным повествованием в международном праве, стремящимся вытеснить то, что приверженцы «ТWAIL» называют «доминированием Запада».

Основным поводом для критики системы основных принципов международного права учёными, разделяющими взгляды движения «ТWAIL», является тот факт, что международное право активно развивалось в то время, когда страны современного «третьего мира» являлись колониями, поэтому не принимали участия в развитии международного права [3, с. 35] и не могли отстаивать свои интересы на основании принципов суверенного равенства государств, а также невмешательства во внутренние дела государств. При этом сторонники «ТWAIL» обращают внимание на то, что система международного права в действительности является двухуровневой, направлена на поддержку действий стран «первого мира» и признание противоправными действий стран «третьего мира». Представители «Third World Approaches to International Law» предполагают, что современная система международного права подкрепляет и усиливает глобальные процессы, нацеленные на маргинализацию и господство «Западных стран» над народами «третьего мира» [4, с. 28].

Из вышесказанного следует, что международное право характеризуется угнетающими для «третьего мира» практиками. В то же время международное право обладает потенциалом, позволяющим обеспечить суверенное равенство его первичных субъектов и предотвратить злоупотребление более развитыми государствами их положением на международно-правовой арене (обеспечить

соблюдение развитыми государствами принципа добросовестного выполнения обязательств по международному праву). В итоге, можно понять основную задачу «ТWAIL» в целом: его приверженцы противостоят несправедливому, по их мнению, глобальному порядку и добиваются существенных качественных изменений в международном праве. В настоящее время главная цель движения «ТWAIL» состоит в том, чтобы сделать международное право действительно универсальным, добившись признания международно-правовым сообществом бедственного положения развивающихся стран.

Однако, несмотря на то, что концепцию «ТWAIL» можно считать в более или менее достаточной степени сформированной, чтобы можно было говорить о каких-либо даже самых незначительных изменениях, ни о каких фактических действиях речь пока не идёт. Быстрый рост числа книг, статей и документов, посвящённых проблематике «Third World Approaches to International Law», свидетельствует о том, что движение приобретает всё большую известность. Тем не менее, само движение остаётся в большей мере теоретическим. Многие научные деятели критикуют сегодня «ТWAIL» именно за то, что, *подвергая современное международное право критике, учёные-сторонники «ТWAIL» в то же самое время не предлагают применимых на практике вариантов решения, затрагиваемых «ТWAIL» проблем.*

Помимо этого, основанием для критики «подходов стран третьего мира к международному праву» является то, что «ТWAIL» страдает от парадокса: его аргументационная логика, в конечном счёте, основана на тех же предпосылках, которые она стремится преодолеть: по мнению Дж. Хаскелла, литература по вопросам «ТWAIL» свидетельствует, что, с одной стороны, по мере развития международное право укрепляло колониальный опыт, а с другой, как полагают сторонники «ТWAIL», именно современное международное право является источником будущей эмансипации стран «третьего мира» [5, с. 383].

Безусловно, озвученная приверженцами «TWAİL» «несправедливость» системы международного права в отношении развивающихся государств действительно существует, однако в данный момент у сторонников «Third World Approaches to International Law» отсутствуют какие-либо применимые на практике действительно полезные идеи, которые помогли бы устранить возникшую в системе международного права «несправедливость».

Наконец, следует подчеркнуть, что основополагающие стремления движения «Third World Approaches to International Law», которые М. Мутуа выделял в своём научном труде «What Is TWAİL?» [6], спустя 18 лет так и остались стремлениями, хотя прогресс в развитии концепции однозначно присутствует.

Литература:

1. Natarajan U., Reynolds J., Bhatia A., Xavier S. Introduction: TWAİL – on praxis and the intellectual // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37, No. 11. P. 1946–1956.
2. Eslava L., Pahuja S. Beyond the (Post)Colonial: TWAİL and the Everyday Life of International Law // *Journal of Law and Politics in Africa, Asia and Latin America*. 2012. Vol. 45, No. 2. P. 195–221.
3. Hippolyte A. Correcting TWAİL’s Blind Spots: A Plea for a Pragmatic Approach to International Economic Governance // *International Community Law Review*. 2016. Vol. 18, No. 1. P. 34–52.
4. Özdemir A., Uğurlu G., Aykut E. The Globalization of Third Worldism?: Changing Criticism of International Regulation // *TODAİE’s Review of Public Administration*. 2012. Vol. 6, No. 1. P. 27–68.
5. Haskell J. TRAIL-ing TWAİL: Arguments and Blind Spots in Third World Approaches to International Law // *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. 2014. Vol. 27, No. 2. P. 383–414.

6. Mutua M. What is TWAAIL? // ASIL Proceedings of the 94th Annual Meeting. 2000. April 5-8. P. 31–39.

УДК 341.1

Шумиленко А. П.

доцент кафедры истории и теории государства и права, к.ю.н., доц.

«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

«ПОДРАЗУМЕВАЕМАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ»

МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация: В статье исследуются теоретические проблемы компетенции международных межправительственных организаций (ММПО). Основное внимание уделено анализу концепции «подразумеваемой компетенции» ММПО.

Ключевые слова: международная межправительственная организация, компетенция, «подразумеваемая компетенция», принцип эффективности, принцип специализации, функциональная необходимость.

Abstract: The article contains the research of theoretical problems of the competence of international intergovernmental organizations (IIGO). The main attention is paid to the analysis of the concept of «implied powers» of IIGO.

Keywords: international intergovernmental organization, competence, «implied powers», principle of efficiency, principle of specialization, functional necessity.

Существенное возрастание роли международных межправительственных организаций (ММПО) в обеспечении эффективного сотрудничества государств в различных сферах регулирования стало характерной тенденцией развития международного права в конце XX – начале XXI в., что не могло не сказаться на

развитии международной правосубъектности ММПО – наличие автономной воли ММПО, а также рост их международного авторитета побуждали ММПО к неоднократному совершению действий, выходящих за пределы компетенции этих ММПО, но якобы способствовавших достижению целей, определённых в их учредительных актах. Как следствие, на повестку дня международного сообщества для обсуждения был вынесен вопрос границ компетенции ММПО и началось активное обсуждение концепции их «*подразумеваемой компетенции*».

Компетенция ММПО – это круг проблем, которыми она будет заниматься (сфера её предметной деятельности), а также комплекс полномочий, которыми ММПО наделена для выполнения возложенных на неё задач [1, с. 252]. В западной доктрине для обозначения «подразумеваемой компетенции» ММПО применяется термин «*implied powers*» – «*подразумеваемые полномочия*». По мнению Нешатаевой Т. Н., полномочия ММПО определяются положениями основной части её учредительного акта, а также её целями и принципами, что позволяет ММПО осуществлять деятельность, необходимую для достижения целей, ради которых она была создана, не отставая от реалий международных отношений [2, с. 75]. Как отмечают Шермерс Х. и Блоккер Н., ММПО должна всегда иметь правовую основу для деятельности (в соответствии с принципом «*предоставленных полномочий*» (пер. с англ. «*attributed powers*»)), но закрепить в её учредительном акте в момент создания ММПО исчерпывающий перечень необходимых ей полномочий с учётом всех последующих новых тенденций развития межгосударственного сотрудничества невозможно. Следовательно, ММПО обязана обладать *полномочиями* как *обычными* (сформированными практикой ММПО и на которые её государства-члены дали согласие), так и *подразумеваемыми* (выведенными из полномочий, предоставленных ММПО государствами «для обеспечения осуществления того, на что они согласились, когда стали участниками учредительного акта» [3, с. 856–857, 860], а не для расширения объёма их обязательств) [4, с. 175–176].

Основные этапы эволюционного развития концепции «подразумеваемой компетенции» ММПО характеризуют следующие консультативные заключения Международного Суда ООН (МС ООН):

1) Консультативное заключение *«Возмещение за увечья, понесённые на службе Организации Объединённых Наций»* от 11 апреля 1949 г. («Reparation for Injuries»): отмечалось, что именно ООН правомочна предъявлять претензии в международном порядке с целью получения возмещения за причинённый ущерб; хотя отношения гражданства и не связывают ООН и её представителей, ООН правомочна гарантировать им ограниченную защиту; «эти правомочия, которые являются существенными для реализации функций ООН, должны рассматриваться как необходимое предположение, проистекающее из Устава» [5, с. 10]; «по международному праву должно предполагаться, что Организация имеет такие полномочия, которые, хотя они прямо и не предусмотрены Уставом, предоставлены ей в силу логики вещей как существенно необходимые для выполнения её обязанностей» [6, с. 292];

2) Консультативное заключение *«Присуждение компенсаций Административным трибуналом Организации Объединённых Наций»* от 13 июля 1954 г. («Effect of Awards»): МС ООН устанавливалось, что, «несмотря на отсутствие явно выраженных положений на этот счёт в Уставе, из самого Устава вытекает», что Генеральной Ассамблее ООН даны полномочия «создавать трибунал, наделённый компетенцией выносить решения, имеющие обязательный характер» для ООН, поскольку «это необходимо для обеспечения эффективной работы Секретариата ...» [5, с. 39];

3) Консультативное заключение *«Определённые расходы Организации Объединённых Наций (пункт 2 статьи 17 Устава)»* от 20 июля 1962 г. («Certain Expenses»): отмечалось, что когда ООН «предпринимает действие, оправдывающее утверждение о том, что оно необходимо для достижения одной

из целей ..., изложенных в статье 1 Устава, предполагается, что такое действие не выходит за рамки компетенции Организации» [5, с. 77];

4) Консультативное заключение «Законность применения государством ядерного оружия в вооружённом конфликте» от 8 июля 1996 г. («Legality of the Use»): «Полномочия, которыми наделяются международные организации, должны быть, как правило, чётко закреплены в их учредительных документах. Тем не менее, настоятельные потребности международной жизни свидетельствуют о том, что организациям, для того, чтобы они могли выполнять свои задачи, необходимы дополнительные полномочия, которые конкретно не предусмотрены в основных документах, регулирующих их деятельность. Считается общепринятым, что международные организации могут иметь такие полномочия, которые называют «подразумеваемыми» [7, с. 103]; отдельно подчеркивалось, что, поскольку «международные организации в отличие от государств не обладают общей компетенцией» (учреждающие ММПО государства наделяют их полномочиями, объём которых определяется кругом обязанностей, выполняемых ММПО в общих интересах) [7, с. 101], приписание «подразумеваемой компетенции» ММПО не должно приводить к игнорированию «принципа специализации» ММПО [7, с. 103; 8, с. 154].

В доктрине международного права существование «подразумеваемой компетенции» ММПО допускается большинством учёных, как правило, при соблюдении следующих условий: **а)** подразумеваемые полномочия не могут стимулировать возложение на ММПО новых задач; «речь может идти только о дополнительных полномочиях», которые направлены на выполнение задач, предусмотренных учредительным договором ММПО [9, с. 450]; **б)** в контексте «подразумеваемой компетенции» речь идёт о вспомогательных полномочиях, которые либо «могут быть разумно выведены из целей и функций» ММПО [10, с. 342], либо «вытекают из явно предоставленных организации или её органу полномочий и функций и необходимы для их осуществления» [1, с. 253];

в) осуществление ММПО подразумеваемых полномочий не должно приводить к перераспределению функций внутри самой международной организации или к нарушению фундаментальных норм и принципов международного права; при этом не должен причиняться ущерб осуществлению чётко предоставленных полномочий ММПО или преуменьшаться их роль [11, с. 548–549].

В любом случае, Тункин Г. И. справедливо акцентирует внимание на том, что определение наличия и объёма «подразумеваемой компетенции» ММПО – это всегда вопрос толкования учредительного акта ММПО. При этом, речь идёт о компетенции действовать на основании устава, а не о компетенции изменять устав ММПО [12, с. 16; 6, с. 296].

Анализ доктрины международного права и соответствующей практики ММПО и международных судебных органов позволяет утверждать: концепция «подразумеваемой компетенции» ММПО не должна использоваться в качестве средства ограничения суверенитета их государств-членов; чрезмерно широкая формулировка целей и задач ММПО, а также применение телеологического толкования норм учредительных актов ММПО способны создать предпосылки для злоупотребления концепцией «подразумеваемой компетенции» ММПО; произвольное перераспределение полномочий органов ММПО ведёт к подрыву их авторитета как стабильной формы межгосударственного сотрудничества.

Литература:

1. Кривчикова Э. С. Международные организации (Глава X) / Международное право: учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 2005. С. 242–323.
2. Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1998. 272 с.

3. Skubiszewski K. Implied Powers of International Organizations / Dinstein Y. (ed.). *International Law at a Time of Perplexity. Essays in honour of Shabtai Rosenne*. Dordrecht, London: Martinus Nijhof, 1989. P. 855–868.
4. *Schermers H. G., Blokker N. M. International Institutional Law: Unity within diversity. Fourth Revised Edition*. Boston, Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2003. 1302 p.
5. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1993. 286 с.
6. Тункин Г. И. Теория международного права / Тункин Г. И.; Под общ. ред. проф. Л. Н. Шестакова. М.: Издательство «Зерцало», 2006. 416 с.
7. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1992–1996 годы. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 1998. 132 с.
8. Engström V. *Understanding Powers of International Organization: A Study of the Doctrines of Attributed Powers, Implied Powers and Constitutionalism – with a Special Focus on the Human Rights Committee*. Åbo Akademis Förlag, 2009. LXXI, 287 p.
9. Кляйн Э. Международные и наднациональные организации / Эккарт Кляйн / *Международное право = Völkerrecht* / Вольфганг Граф Витцтум [и др.]; пер. с нем. / [В. Бергман, пред., сост.]; [науч. ред. и сост. указ. Т. Ф. Яковлева]. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 341–492.
10. Bowett D. W. *The Law of International Institutions*. 4th ed. London: Stevens, 1982. XV, 431 p.
11. Blokker N. Is the Authorization Authorized? Powers and Practice of the UN Security Council to Authorize the Use of Force by «Coalitions of the Able and Willing» // *European Journal of International Law*. 2000. Vol. 11, No. 3. P. 541–568.

12.Тункин Г. И. Вступительная статья // Хименес де Аречага Э. Современное международное право. Перевод с испанского / Под ред.: Тункин Г. И. (вступ. ст.); Пер.: Папченко Ю. И. М.: Прогресс, 1983. 480 с.

УДК. 34.096

Аблязова Ф.М.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Миграционное управление в своей основе должно содержать особую миграционную политику, представляющую комплекс мер, индивидуальный для государств. Данная статья посвящена анализу особенностей миграционной политики в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, миграция, миграционная политика, миграционное законодательство.

Annotation: Migration management in its core must contain a special political policy, representing a set of measures, individual for states. This article is devoted to the analysis of migration policy peculiarities in the conditions of globalization.

Key words: globalization, migration, migration policy, migration legislation.

В условиях глобализации государство нуждается в такой миграционной политике, которая при сохранении оптимальных социальных отношений и минимизации увеличения политической напряженности внутри государства и за его пределами позволяла бы поддерживать и приумножить ресурсный

потенциал страны для устойчивого, эффективного развития. А также для реализации национальных интересов при обеспечении национальной безопасности и повышения конкурентоспособности страны на глобальном уровне.

Регулирование миграции населения осуществляется на международном и национальном уровнях. Учитывая современные тенденции, государственное регулирование включает в себя нормативно-правовую базу, к которой относится Конституция, национальное миграционное законодательство, нормативные акты административного, таможенного, налогового и других законодательств. Также разрабатываются целевые государственные миграционные программы, создаются государственные службы, контролирующие миграцию населения и многосторонние международные соглашения в области миграции.

Миграционная политика должна стать мощной структурной составляющей современной правовой политики России. Мнение профессора А.В. Малько, о том, что «правовая политика – это, прежде всего, системная деятельность по оптимизации юридического ресурса, это набор мер и действий, которые должны отвечать на проблемы и вызовы юридической жизни общества» однозначно подчеркивают взаимодополняемость политики и права [2, с. 10].

Сегодня миграция населения продолжает оставаться одним из приоритетных направлений политической стратегии России. Проблемы правового регулирования процессов миграции тесно связаны с вопросами обеспечения законного въезда и пребывания на территории РФ.

К настоящему моменту правовая сфера иммиграции в России включает в себя федеральные законы о беженцах и о вынужденных переселенцах, о правовом положении иностранных граждан № 115-ФЗ и о миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства № 109-ФЗ с соответствующими

подзаконными актами. Нужно констатировать, что термин «незаконная иммиграция» во всех этих нормативных документах отсутствует. В ст. 2 Федерального закона о правовом положении иностранных граждан содержится определение законно находящегося в РФ иностранного гражданина. Это лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные документы, подтверждающие его право на пребывание или проживание в РФ [3, с. 59].

Следует отметить, что глобализация заставляет постоянно двигаться вперед и законодательство в области миграции не является исключением. Как известно в России нет миграционного кодекса, однако в ближайшем будущем законодатель представит первый в истории России миграционный кодекс, который, возможно и станет тем рычагом, которого так не хватает в этой области права.

При формировании нормативно-правовой базы каждое государство опирается на свой вектор миграционной политики. Государства-доноры способствуют выезду своих граждан из страны, а государства-реципиенты наоборот, создают целый спектр критериев для въезда и постоянного нахождения на их территории. Также государства-реципиенты создают программы по противодействию незаконной миграции, в отличие от государств-доноров, которые могут даже ей способствовать[1, с.11].

В период глобальных изменений вместе с возрастанием роли международной миграции все более сложным становится вопрос о её последствиях самой миграции, особенно для стран, принимающих мигрантов. Массовый приток помогает многим развитым странам удовлетворять спрос на дешевую рабочую силу, осуществляя трудоустройство в тех отраслях экономики, которые для местного населения привлекательными не являются. Однако социальная и политическая сторона массовой иммиграции превышает выгоду от дешевой рабочей силы, что выражается в конфликтах.

Помимо организации мер противодействия незаконной миграции населения, государства принимающие мигрантов используют также меры и по ограничению легальной миграции. К таким мерам можно отнести введение и ужесточение визового режима, сокращение социальных выплат и пособий. Изменение толкования лиц, считавшихся беженцами. Действительной мерой по ограничению легальной миграции является и угроза задержания, которую используют правительства некоторых государств.

Таким образом, последствиям миграции населения уделяется большое внимание, как на мировом, так и на национальном уровне, так как ей присущи сложные взаимодействия различных факторов, среди которых социальные, политические и экономические. Поэтому процессы глобализации, происходящие в мировом масштабе, требуют современного понимания правовых основ и механизмов управления миграцией на межгосударственном и национальном уровне.

Литература:

1. Мировой опыт миграционной политики: ретроспектива и новейшие тенденции / Под ред. Г. Витковской. –М.: Гендальф, 2016. С.11-12.
2. Правовая политика: учебное пособие / под ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова. Тамбов:, 2012. С. 10.
3. Шерстобоев О.Н. Законодательство о правовом положении иностранных граждан // Российский юридический журнал. -2017. -№5. –С.59-63

УДК 343.431

Данько Т.Г.

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ КАК ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. В данной статье речь идет об основных причинах возникновения и распространения преступных группировок, деятельность которых направлена на торговлю людьми. Также рассматриваются основные формы траффинга и анализируются несколько базовых мировых конвенций, направленных на борьбу с этим негативным явлением.

Ключевые слова: торговля людьми, траффинг, транснациональные преступные группировки, мировые конвенции и соглашения, ООН.

Annotation. In this article we are talking about the main reasons for the emergence and spreading of the criminal groups whose activities are aimed at trafficking. Also, the main forms of trafficking are examined and several basic world conventions which aimed at counteracting this negative phenomenon are analyzed.

Key words: trafficking, transnational criminal groups, world conventions and agreements, UN.

Одним из масштабных мировых процессов является глобализация, которая представляет собой весьма сложное и многогранное явление, воздействующее на все сферы общественной жизни. В целом, глобализация-это исторический процесс, порождающий мировую экономическую, религиозную, политическую унификацию, который оказывает влияние в том числе на преступность. Среди наиболее острых и трудноразрешимых проблем, на которые влияет глобализация, следует выделить проблему торговли людьми.

Торговля людьми - это купля-продажа человека либо его вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации. С каждым годом масштабы траффинга все более увеличиваются. По официальным данным в период с 2012 по 2014 годы в 106 странах было обнаружено приблизительно 63251 пострадавших. В 2014 году в

85 странах было обнаружено 17752 жертвы, и, что характерно, наибольший процент среди жертв занимают женщины и девушки. Преступники используют их в целях сексуальной эксплуатации, попрошайничества, домашнего рабства и т.п. Хотя процент пропажи мужчин и мальчиков ниже, нежели женщин, они все равно пропадают и подвергаются издевательствам со стороны преступных деятелей. Например, в Восточной Европе и Центральной Азии доля мужчин превысила 50 процентов, а в странах Ближнего Востока доля пропавших мужчин достигла средней глобальной отметки. Это связано с эксплуатацией принудительного труда мужчин и мальчиков. Стоит отметить, что после женщин чаще всего пропадают дети. В период с 2012 по 2014 гг. процент исчезновения детей составил от 25 до 30 процентов от общего количества потерпевших от данного преступления. Причем статистика пропажи детей в мире различны. Например, наибольшее количество детей пропало в странах Африки к Югу от Сахары (приблизительно 64 процента от общего числа пропавших лиц в данном регионе), в странах Центральной Америки и Карибского бассейна. В государствах Северной Америки, Европы и Ближнего Востока сообщают обычно лишь о 20-25 процентах пропавших детей. В основном детей воруют в целях сексуальной, трудовой эксплуатации и т.д. [1].

Почему же глобализация так сильно влияет на данный процесс? Рассмотрим основные причины:

1)В связи с тем, что глобализация порождает интернационализацию преступности, то есть преступные группировки больше не удерживаются в рамках одной страны, а становятся транснациональными и развивают свою деятельность на территории одного или нескольких зарубежных стран, все преступные организации стремятся поставить под контроль уже сложившиеся транснациональные корпорации, что обеспечивает переливание капитала по всему миру[2,с.157].

2) Также необходимо отметить, что преступные группировки внедряют свой опыт незаконного проникновения на рынки различных государств, промышленного шпионажа, поставок запрещенной продукции и т. д. Они используют методы запугивания и насилия для устранения конкуренции.

3) Бедность. По официальным данным именно по социально-экономическим причинам люди попадают в ситуации, связанные с траффикингом. А женщины также могут столкнуться с подобной ситуацией в связи с гендерной дискриминацией – отсутствием возможности получения образования и трудоустройства по половой принадлежности.

4) Среди наиболее значимых факторов следует назвать спрос: спрос на проституцию, спрос на трансплантацию человеческих органов, спрос на рабочую силу и т.д.[3]. На данный момент публичные дома, спасение жизни посредством чужих органов и бесплатная рабочая сила лишь набирают обороты. Это является очень большим источником доходов. Ведь не стоит забывать, что люди способны на многое, чтобы спасти жизнь себе либо близкому человеку, вследствие чего они не задаются вопросом законно, незаконно и за какие деньги это происходит.

5) Также необходимо отметить прибыльность данной преступной деятельности, ведь по официальным источникам доходы от эксплуатации жертв траффикинга составляют более 150 млрд. долл. и выше.

Эти и еще многие другие причины сопутствуют развитию торговли людьми в условиях глобализации. Причем стоит обратить внимание на различные формы проявления траффикинга, такие как: торговля людьми в целях эксплуатации; эксплуатация в связи с долговой зависимостью; принудительный труд; эксплуатация детского труда; принуждение к участию в войне; торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации (в особенности женщин и детей); торговля людьми в целях продажи и трансплантации человеческих органов [4].

С целью пресечения торговли людьми, различные государства сотрудничают и подписывают мировые конвенции. Основными международно-правовыми актами, направленными на урегулирование данной проблемы, являются:

- 1) Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [Конвенция 182] 1999 г.;
- 2) Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г.;
- 3) Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г.;
- 4) Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г.;
- 5) Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми 2010 г. и т. д.

Помимо этого, по данным ООН существуют неофициальные методы по борьбе с торговлей людьми, например, ООН высказала инициативу по обучению членов экипажей самолетов для распознавания жертв траффинга. Представитель Управления ООН по правам человека Юла Хаддинг в своем интервью сообщила, что составлены инструкции о том, как определить жертву траффинга. Например, данное лицо может не знать пункта назначения либо отвечать заученными фразами, а также им вовсе могут не разрешать разговаривать с членами экипажа. В связи с полученными навыками и с возможностью постоянно наблюдать за пассажирами, стюардессы могут определить жертву траффинга. Подготовленные инструкции находятся на

финальной стадии согласования в ИКАО и Управлении ООН по правам человека и в скором времени будут направлены в авиакомпании[5].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что на сегодняшний день торговля людьми под воздействием глобализации является весьма масштабной и трудноразрешимой проблемой. Транснациональные преступные группировки развиваются и распространяют свою деятельность по всему миру, в связи, с чем необходима борьба с ними как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

Литература:

1. Global Report on Trafficking in Persons 2016 (United Nations publication, Sales No. E.16.IV.6) [electronic resource] // URL : https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2016_Global_Report_on_Trafficking_in_Persons.pdf (датаобращения 30.03.2018 г.).
- 2) Губанова Е. В. Проблема актуализации торговли людьми в условиях глобализации / Е. В. Губанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2015.- №1. – С. 157-161.
- 3) Пранчук Н. Торговля людьми как глобальная проблема современности: [Электронный ресурс] / Н. Пранчук. – URL: <http://www.proza.ru/2011/12/22/1808>.
- 4) Павленко, К. В. Торговля людьми как вид транснациональной преступности: [Электронный ресурс] / К. В. Павленко// ЭГО: Экономика. Государство. Общество. –2012 – Вып. №1 – Режим доступа: <http://ego.uara.ru/ru-ru/issue/2012/01/02/> .

5) В ООН научат членов экипажей самолетов распознавать жертв торговли людьми[Электронный ресурс] // Новости ООН. – Режим доступа:<https://news.un.org/ru/story/2018/01/1321072>(дата обращения 30.03.2018г.).

УДК. 343

Юсупов А.Л.

*«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)*

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Тема глобализации является одной из самых важных и обсуждаемых в современной науке. В рамках данной темы представляется важным констатация и обсуждение нескольких проблем, связанных с последствиями глобализации, а именно - глобализацией преступности, как одной из важнейших проблем современного мира.

Ключевые слова: глобализация, девиантное поведение, технологический скачок, торговля людьми, наркоторговля, терроризм.

Annotation. The theme of globalization is one of the most important and discussed in modern social sciences. Within the framework of this topic, it is important to state and discuss several problems related to the consequences of globalization, namely, the globalization of crime as a global problem of the modern world.

Keywords: globalization, deviant behavior, technological leap, human trafficking, drug trafficking, terrorism.

Глобализация- это процесс интеграции разных стран и народов в экономической, социальной, культурной, религиозной и иных сферах жизни. В современном мире не существует государств, полностью избежавших воздействия со стороны других стран. Хотя глобализация неразрывно связана со всей историей человечества, этот процесс приобретает особенно большие масштабы именно последние десятилетия, с появлением современных средств коммуникации.

Глобализация - важная часть развития общества, однако, необходимо отметить и отрицательные стороны данного явления. Среди негативных последствий данного процесса следует назвать глобализацию форм девиантности: организованную преступность, проституцию, терроризм, распространение наркотиков и торговлю людьми. Это очевидно, ведь любые формы девиантности и преступности зависят от экономических, социальных, политических, демографических и иных факторов. Это лишь подтверждает слова З. Баумана: «Глобализация касается не того, что все мы... хотим или надеемся совершить. Она означает то, что со всеми нами происходит»[1].

Известным примером взаимосвязи глобализации и девиантности служит появление наркотической зависимости Китая еще в XVII веке. После того, как европейские торговые компании стали поставлять табак в Южный Китай, обычай курения табака с добавлением опиума становится в Китае национальной проблемой.

Прежде всего, нужно установить причину негативного воздействия глобализации. Её можно отследить в нехитрой цепочке: обмен информации между государствами приводит к технологическому скачку, после чего начинается процесс модернизации и «отсеивания» населения. Появляются люди и социальные группы, исключённые из функциональной системы общества. Люди которые не являются личностями и просто проживают свою жизнь. Эта

часть населения является социально опасной, поскольку служит основной базой преступности, алкоголизации и терроризма[2].

Одной из главных проблем XXI века в большинстве стран мира является незаконный оборот наркотических веществ, а также оружия. Данный процесс невозможен без наращивания транснациональных связей, в отношении которых наблюдаются тенденции по улучшению их эффективности. Что, в свою очередь, опирается на коммуникационную революцию, которая сейчас позволяет людям и организациям по всему миру быстро обмениваться товарами и сообщениями.

Оборот наркобизнеса достиг примерно 8% мировой торговли. За последние десятилетия нелегальное производство опиума увеличилось на одну треть, мировое производство кокаина выросло на 30%, диапазон контрабандных наркотиков обогащался сильнодействующими препаратами типа "экстази". Только изъятая таможенными службами масса контрабандного кокаина возросла в 132 раза – это лишь видимая часть айсберга контрабанды, жертвами которой стали более 200 млн. человек[3].

Ежегодный мировой оборот наркотиков составляет около 500-800 миллиардов долларов. По мнению экспертов из Национального антикоррупционного комитета, до 30 процентов этой суммы тратится на подкуп государственных чиновников, что делает наркобизнес ещё более беспрецедентным[4].

Процветающим преступным бизнесом в мировой экономике стали различные формы торговли людьми. Работоторговля стала источником финансирования многих преступных организаций. В этой связи интересно замечание Посла доброй воли Управления ООН по наркотикам и преступности, американской актрисы М. Сорвино, сделанное в апреле 2012 г.: «Транснациональные преступные группировки просто включают людей в список товаров, которые можно продать. Спутниковые снимки показывают, что маршруты торговли людьми – те же, что и в случае контрабанды наркотиков и

оружия. К тому же торговцы живым товаром гораздо реже попадают в руки правосудия, а если это и случается, то наказание, как правило, несоизмеримо меньше»[5].

Одной из наиболее острых и трудноразрешимых проблем современного мира стал международный терроризм. Члены террористических группировок пытаются добиться политических, экономических или социальных изменений внутри отдельных государств, а также подрыва международных отношений и международного правопорядка. Актуальным остаётся стремление террористов к обладанию оружием массового поражения, что позволит им сеять панику среди населения любых государств. По мнению многих ученых, международный терроризм относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, которое приобретает все более разнообразные формы и угрожающие масштабы [6].

Также под воздействием глобализации существенно растет роль информационного превосходства. Относительно новым видом преступности является киберпреступность. Используемые в глобальных сетях информационно-коммуникационные технологии становятся важной составляющей развития мировой экономики, изменяют ее структуру, механизмы функционирования многих социальных институтов, в том числе институтов государственной власти. Экономическая и информационная безопасность ведущих государств мира все в большей степени зависит от нормального функционирования компьютерных сетей. Нарушение их работоспособности может повлечь серьезные последствия, при этом национальные и международные правовые институты и организационные структуры практически не готовы к адекватному противодействию новым угрозам.

14 декабря 1990 года была принята Резолюция 45/123 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций «О международном

сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью». Указанный нормативно-правовой акт, в частности, установил, что координация деятельности соответствующих национальных правоохранительных структур осуществляется посредством Интерпола. Главным недостатком резолюции, который предопределил отсутствие значимых результатов, было то, что ее содержание касалось только решения технических проблем и не устанавливало общих принципов борьбы с транснациональными преступными группировками. Данный факт предопределил отсутствие единого подхода к установлению признаков самостоятельных форм совместной преступной деятельности, что в свою очередь обусловило различные подходы к видовой дифференциации наиболее развитых форм соучастия в отдельных странах и как следствие неэффективное сотрудничество в борьбе с ними [7].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что глобализация – это явление, которое затрагивает все сферы общественных отношений. Последствия данного процесса могут иметь как положительный, так и отрицательный характер. К негативным последствиям данного явления относится, в частности, девиантное поведение, которое может проявляться совершенно по-разному, начиная от распространения наркотических веществ и оружия и заканчивая проституцией и человеческим рабством. Таким образом, глобализация создаёт необходимые условия для процветания преступности. Естественно, мировое сообщество обеспокоено данным вопросом, однако, анализируя статистику, можно сделать вывод, что рассматриваемая проблема имеет глобальные масштабы.

Литература:

1. Гишинский Я. И. Глобализация и преступность / Я. И. Гишинский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2008. – № 2(15). – С. 23-32. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-prestupnost-1> (дата обращения 04.04.2018).

2. Девиантность в обществе потребления / под ред. Я. И. Гилинского, Т. В. Шипуновой. — Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. — 464 с. Режим доступа: <http://testlib.meta.ua/book/312872/read/> (дата обращения: 05.04.2018).
3. Всемирный доклад о наркотиках 2017[Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. —unodc.org, 2017. —Режим доступа: https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2017/June/world-drug-report-2017_-29-5-million-people-globally-suffer-from-drug-use-disorders--opioids-the-most-harmful.html (дата обращения: 05.04.2018).
4. Халилова, Ф. Р. Глобализация экономики и преступность / Ф.Р. Халилова // Сборник конференций ниц социосфера. —2011. - № 30. —С. 109-111. Режим доступа: <https://finlit.online/mirovaya-ekonomika-kniga/globalizatsiya-ekonomiki-prestupnost-halilova-15921.html> (дата обращения: 04.04.2018).
5. Губанова, Е. В. Проблема актуализации торговли людьми в условиях глобализации / Е. В. Губанова // Юридические науки. — 2015.— № 1. — С. 157 – 161. Режим доступа: <http://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2015/12/021-gubanova.pdf> (дата обращения: 05.04.2018).
6. Иванов, В. И. Международный терроризм как глобальная проблема в современном мире // В. И. Иванов, Я. А. Лубенец // Территория науки. — 2014. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-kak-globalnaya-problema-v-sovremennom-mire> (дата обращения 05.05.2018).
7. Петров, С. В. Преступность в условиях глобализации: тенденции развития и направления профилактики / С. В. Петров // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 4. — С. 151-153.Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-usloviyah-globalizatsii-tendentsii-razvitiya-i-napravleniya-profilaktiki> (дата обращения: 05.04.2018).

Питолин В.А.

студент

*«Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова»*

Высшая школа экономики, управления и права

**О НЕОБХОДИМОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВИРТУАЛЬНЫХ ВАЛЮТ (КРИПТОВАЛЮТ)
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: В рамках настоящего исследования рассмотрено использование виртуальной валюты в преступной среде. Основной акцент сделан на определении масштабов применения криптовалют вне рамок правового поля, а также сформулированы выводы о необходимости правового регулирования с учетом имеющегося опыта иностранных государств.

Ключевые слова: виртуальная валюта, криптовалюта, биткоин, цифровая экономика.

Annotation: In the framework of this study, the use of virtual currency in a criminal environment is considered. The main focus is on determining the scope of application of crypto-currency outside the legal framework, and also conclusions on the need for legal regulation, taking into account the experience of foreign countries.

Keywords: virtual currency, cryptocurrency, Bitcoin, digital economy.

В настоящее время информационные технологии становятся все более востребованными. Они позволяют сокращать сроки предоставления услуг, обеспечивают оперативный доступ к различным ресурсам. Информационные технологии вводят революционные изменения и в современные платежные

системы, распространенные по всему миру, предоставляя возможность применения криптовалют.

Криптовалюта является уникальным финансовым инструментом, сочетающая в себе такие параметры как анонимность, децентрализованность эмиссии, неподверженность инфляции, отсутствие лимитов транзакций, прозрачность, отсутствие комиссионных, доступ из любой точки мира, необратимость транзакции и другие.

Однако, все эти качественные характеристики делают криптовалюты привлекательными не только в рамках легального использования, но и пополняет арсеналы преступного сообщества, предоставляя новое средство расчета, обеспечивающее относительную анонимность и безопасность преступников.

Широко известны случаи использования криптовалют в организации продаж запрещенных товаров, наркотиков, оружия, отмывания денег, хакерства, в качестве предмета взятки, а также для оплаты заказных убийств.

Наиболее ярким примером является функционирование анонимного крипторынка «Шелковый путь» (SilkRoad) с 2011 по 2013 годы к оплате в котором принималась только наиболее популярная из криптовалют – Биткоин (Bitcoin). Годовой оборот такого рынка составлял по различным данным до 2 миллиардов долларов США. Его основатель Росс Ульбрихт приговорен к 2 пожизненным срокам заключения [1].

Криптовалюты используются в сфере оборота порнографических материалов или предметов в отношении несовершеннолетних, также включая и прямые трансляции путем использования децентрализованных систем, таких как Tor(TheOnionRouter) – Программное обеспечение, предоставляющее луковую маршрутизацию, обеспечивающую анонимное сетевое соединение. Особенностью использования таких систем является отсутствие возможности идентификации пользователя по IP-адресу, что затрудняет уже отработанную

правоохранительными органами техническую возможность обнаружения преступного деяния.

В.А. Ализаде, А.Г. Волеводз анализируя имеющуюся в РФ судебную практику, пришли к выводу, что подавляющее число преступлений совершенных с использованием криптовалют, на территории нашего государства, относятся к незаконному обороту наркотических средств [2, с.282].

Помимо этого, криптовалюты используются для финансирования терроризма. В 2016 году Медиа центр Ибн Таймия (ITMC) являющееся онлайн подразделением джихадистской пропаганды, осуществляет сбор средств в различных социальных сетях таких как Telegram и Twitter. Также имеется практика применения QR-кодов, которые содержат ссылку на биткоин-адрес, что впервые подтвердило использование биткоина радикальной террористической группировкой. Однако в полной мере говорить о развернувшемся полномасштабном финансировании терроризма, путем использования биткоина нельзя, поскольку технология криптовалют построена на использовании блокчейна, который позволяет отслеживать транзакции, пусть и оставляя в анонимности человека стоящего за ними.

Именно возможность отслеживания транзакции говорит о том, почему по-прежнему преимущественное финансирование терроризма осуществляется традиционной фиатной валютой.

Более того, обращаясь к зарубежной практике, стоит обратить внимание на прошедшее в 2013 году слушание комитета Сената США по внутренней безопасности и правительственным отношениям, на котором главный правовой советник BitcoinFoundationInc., Патрик Мерк обратил внимание на готовность сотрудничества в борьбе с преступностью не только с правоохранительными органами США, но и других стран [3, с.25].

Отметим, что положительная динамика в сторону урегулирования данной сферы прослеживается, поскольку еще недавно ЦБ РФ, Росфинмониторинг,

Генеральная прокуратура РФ любые операции связанные с криптовалютами относили к финансированию терроризма или легализации доходов полученных преступным путем [4, с.31]. Напротив, осенью 2017 года, Глава государства поручил объединить усилия Правительства и ЦБ РФ для подготовки поправки к законодательству, регулирующему процедуру размещения криптовалют к 1 июля 2018 года [5].

В целях создания эффективного механизма противодействия криминального оборота криптовалют, международное сообщество должно следовать следующим векторам:

- определить юридическую природу криптовалюты, в частности, чем она является (финансовым инструментом, валютой, приравненной к ценным бумагам или чем-то другим);

- обеспечить реальное международное сотрудничество в рамках программы отслеживания финансирования терроризма;

- расширить информированность подразделений финансовой разведки, упростить доступ к транзакциям, осуществляемым с использованием криптовалют.

В заключение, необходимо отметить, что современные информационные технологии имеют огромный потенциал в различных сферах борьбы с преступностью, в частности противодействия коррупции, поскольку платформа блокчейн предоставляет прозрачный контроль каждому участнику распределенного реестра. Следовательно, законодателю предстоит при регулировании данной сферы, учитывая опыт зарубежных стран, достичь баланса между жестким регулированием, тормозящим развитие цифровой экономики и возможностью совершать обезличенные расчеты в доступных целях.

Литература:

1. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/29/narkomag/> (дата обращения: 27.03.2018).
2. Ализаде В.А. Судебная практика по делам о преступлениях преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты. // Библиотека криминалиста. - 2017. -№6. - С.281-300.
3. Бондаренко Д.Д. Виртуальные валюты: сущность и борьба с их использованием в преступных целях (на примере США) // Международное уголовное право и международная юстиция. -2015. -№ 6. С. 23 - 25.
4. Рягузова Д.А. Понятие, гражданско-правовой статус и теоретическая модель уголовно-правовой охраны виртуальной валюты (криптовалюты) нормами главы 21 УК РФ // Международное уголовное право и международная юстиция. -2018. -№ 1. С. 29 - 32.
5. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 28.03.2018).

УДК. 341.231.14

Василевич Г.А.

доктор юридических наук, профессор

Белорусский государственный университет

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ
ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ДОГОВОРОВ ОРГАНАМИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. В статье анализируются законодательство и практика реализации общепризнанных принципов международного права и международных договоров Республики Беларусь в условиях ее национальной правовой системы. Отражено место международных договоров Республики Беларусь среди иных правовых актов. Подчеркивается необходимость добросовестного исполнения заключенных международных договоров. Обращается внимание на позитивный опыт Российской Федерации. Подчеркивается требование Конституции Беларусь в адрес судов обеспечивать верховенство Конституции и взаимодействовать в этом направлении с Конституционным Судом.

Ключевые слова. Общепризнанные принципы международного права, международные договоры, Конституция, специальный закон.

Annotation. The article is based on the principles of international law and international treaties of the Republic of Belarus in the context of its national legal system. The place of international treaties of the Republic of Belarus among other legal acts is reflected. The necessity of conscientious fulfillment. Attention is drawn to the experience of the Russian Federation. The requirement of the Constitution of Belarus to address the courts to ensure the supremacy of the Constitution and to cooperate in this direction with the Constitutional Court is underlined.

Keywords. The universally recognized principles of international law, international treaties, the Constitution, a special law.

С принятием в 1994 г. новой Конституции правовая система Беларуси подверглась серьезному реформированию на принципах демократического и социального устройства жизни общества, введения рыночных правовых механизмов регулирования экономической деятельности, повышения социальных гарантий жизнеобеспечения граждан, гарантий защиты их прав и свобод на достойную и безопасную жизнь и иных законных интересов.

Благодаря эволюционному подходу к формированию национальной правовой системы нашему обществу и государству удалось избежать очевидных и нежелательных провалов экономического характера, связанных с переустройством экономики, ее модернизацией на рыночных принципах регулирования, не допустить широкомасштабного расслоения на бедных и богатых, обеспечить с учетом экономического развития общества равенство всех граждан в получении социальных услуг и условий для гармонического развития человека. В развитии правовой системы мы сохранили национальные традиции, историческую преемственность, что позволяет сегодня уверенно с учетом наших достижений говорить о путях дальнейшего совершенствования национальной правовой системы.

Наибольшую долю среди источников национального права составляют нормативные правовые акты. Их совокупность и составляет понятие «законодательство», как это определено в ст.1 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». В ст.33 закона «О международных договорах Республики Беларусь» указано, что международные договоры являются частью законодательства Республики Беларусь. Благодаря актам национального уровня (закону о ратификации, указу Президента об утверждении (принятии) международных договоров, соответствующему постановлению Совета Министров и др.), они «включаются» в законодательство.

Что касается международных договоров, то законодательство Республики Беларусь различает следующие их виды: международный договор Республики Беларусь, межправительственный договор, международный договор межведомственного характера. Все они занимают свое место в правовой пирамиде актов. В представленной выше иерархии актов выделены международные договоры Республики Беларусь. Иерархия договоров предопределяется статусом органа его заключившим. Межправительственный

международный договор не может противоречить международному договору Республики Беларусь, соответственно международный договор межведомственного характера не может противоречить упомянутым выше договорам. Пока договор действует, он обладает приоритетом по отношению к одноуровневым актам, т.е. принятым (изданным) ранее или позднее тем же органом, который заключил международный договор. Здесь не может применяться закрепленный в законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» принцип юридического верховенства нового акта по отношению к ранее принятому. Это же касается и соответствия актов по нисходящей вертикали международным договорам, заключенным субъектом более высокого уровня. Для всех договоров присуще требование добросовестного их исполнения (см. ст.33 закона «О международных договорах Республики Беларусь»).

Таким образом, даже в случае расхождения норм международных договоров и новых законов общепринятое правило о том, что новый закон отменяет старый, не применяется, т.е. в случае расхождения данных актов приоритетом пользуются нормы международных договоров. По существу, здесь должен действовать принцип *lex specialis*. Указанный принцип должен быть соблюден, даже если в новом законе прямо сказано о его верховенстве по отношению к международному договору. Исключение, на наш взгляд, возможно при установлении в законе большего объема гарантий.

Согласно ст.33 закона «О международных договорах Республики Беларусь» нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются не только частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, но также подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) внутригосударственного нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым

выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

Тем самым выделяются так называемые самоисполнимые международные договоры и международные договоры, в развитие которых необходимо принятие актов компетентных органов (не исключаем, что и наднационального характера). К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

Основной Закон Республики Беларусь, прежде всего статьи 7, 8, 112, 116, 137 и др., обязывают государственные органы, в том числе суды, должностных лиц исполнять международные договоры, отдавая их нормам предпочтение по отношению к нормам подконституционных актов. Поэтому речь уже идет о применении права, что является обязанностью всех органов государственной власти, должностных лиц. Применение есть одна из форм реализации права. Известный российский ученый Р. З. Лившиц полагал, что реализовать право можно только применяя его. По его справедливому замечанию применение права – это процесс претворения правовых норм в общественную практику [1, с. 129]. Другими словами, правоприменение есть государственно-властный способ организации осуществления норм права» [2, с. 357 – 358]. Профессор А.А.Аверин совершенно справедливо полагает, что «стержнем правоприменительной деятельности любого государства, без сомнения, следует признать судебное правоприменение». По его мнению, правосудие не является синонимом судопроизводства. Главное, что характерно для правосудия, главенство права в деятельности суда. Недопустим судебный произвол, «когда разрешение судебных дел не будет прямо вытекать из права, а будет зависеть от иных факторов» (конъюнктурных соображений, предвзятого подхода,

сиюминутных интересов) [3, с. 99].

На применение конституционных норм нацеливает ст. 137, а также часть вторая ст. 112 Конституции Республики Беларусь. Согласно части второй ст. 112, если суд при рассмотрении конкретного дела придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он принимает решение в соответствии с Конституцией и должен в установленном порядке поставить перед Конституционным Судом вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным. Обратим внимание, что в упомянутой статье закреплён важнейший правовой принцип – субординации актов по юридической силе. Суд обязан руководствоваться тем нормативным правовым актом, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора. При этом «отделить» такой акт от международного договора невозможно, оно единое целое, тем более, что по закону международные договоры составляют «законодательство».

При рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно должен применяться такой международный договор Республики Беларусь, который вступил в силу и стал обязательным. Конечно, как уже отмечалось выше, речь идет о самоисполнимых договорах, т.е. не требующих принятия нормативных правовых актов в их развитие.

Международный договор подлежит применению, если Республика Беларусь в лице компетентных органов государственной власти выразила согласие на обязательность для нее международного договора посредством действий, перечисленных в закона "О международных договорах Республики Беларусь", т.е. путем подписания договора; обмена документами, его образующими; ратификации договора; утверждения договора и др.).

Полагаем разумной сложившуюся в Российской Федерации практику, согласно которой международные договоры, имеющие прямое и

непосредственное действие в правовой системе при разрешении гражданских, уголовных и административных дел

Согласно судебной практике России, с чем, безусловно, следует согласиться, международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года).

Литература:

1. Лившиц Р.З. Теория права. Учебник для вузов. --М.: Юнити, 2004.—402 с.
2. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С. С. Алексеева. – М. : Юрид. лит, – 1987. – 448 с.
3. См.: Малько А.В., Шафиров В.М. Правовая политика и развитие российского законодательства в условиях модернизации (обзор «круглого стола» журналов «Государство и право», «правовая политика и правовая жизнь», «Журнала сибирского федерального университета» / А.В.Малько, В.М.Шафиров //– Государство и право. – 2013. – №11. – С.98-114.

УДК 341:347

Струнский А.Д.

аспирант кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Таврическая академия (структурное подразделение)

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФОРМУЛЫ РАДБРУХА В ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ

Статья посвящена анализу идей немецкого юриста теоретика и философа права Густава Радбруха, их применению судами при толковании законов и принятии судебных решений. Рассмотрен исторический контекст повлиявший на появление формулы Радбруха. Также уделено внимание судебной практики национальных судов Германии и Европейского суда по правам человека, которые в своей деятельности поддержали концептуальные разработки Густава Радбруха.

Ключевые слова: судебное толкование, формула Радбруха, правопонимание, естественно-правовая концепция

The article is sanctified to the analysis of the ideas of German lawyer theorist and philosopher Gustav Radbruch, their application by courts in the interpretation of legislation and adjudication. The historical context in which Radbruch formula was developed is considered. Decisions of German courts and The European Court of Human Rights in which Radbruch formula was supported is also examined.

Key words: judicial interpretation, Radbruch's formula, legal understanding, natural law conception

Деятельность судебных органов не всегда сводится лишь к логическому истолкованию действующего законодательства, иногда от судей требуется

оценка «правовой» сущности закона, его соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права. В разных государствах подобной компетенцией наделены не все судебные инстанции, однако, как правило, хотя бы высшие суды наделены такими полномочиями. Кроме того, подобную оценку проводят и международно-правовые судебные инстанции, например, Европейский суд по правам человека.

Темой исследования выступила формула Радбруха, которая является, с одной стороны, концепцией о сущности права, а с другой, инструкцией по оценке судами «правовой» сущности законов, то есть является ли закон по своей природе правом или он по своей сущности является произволом власти. При этом следует сначала рассмотреть те исторические условия, в которых эта идея возникла. На XIX и п.п. XX вв. пришелся расцвет позитивистского подхода к правопониманию. Особенно сильны позиции позитивистов были в Германии, а среди немецких юристов господствовал принцип «Закон есть закон». Этот принцип также стал одним из основополагающих принципов национал-социализма, наряду с принципом «Приказ есть приказ». И если «приказ» был ограничен в силу Военно-уголовного кодекса, который предписывал не подчиняться приказам, отданным с преступной целью, то «закон» никаких ограничений не имел [1, с. 228].

Трагические последствия правления национал-социалистического режима в Германии и последующее его осуждение повлияло и на теоретические взгляды немецких юристов. Значительный вклад в восстановление позиций естественно-правовой концепции правопонимания внес немецкий юрист теоретик и философ права Густав Радбрух.

В предвоенное время им была сформулирована концепция сущности права, которая включает в себя: справедливость, целесообразности и правовую стабильность, при чем последней отводилась решающая роль. Подобная оценка роли правовой стабильности как цели закона явно указывала на позитивистские

взгляды юриста. Однако в статье «Законное неправо и надзаконное право» от 1946 г. ученый сместил акцент с правовой стабильности и поставил в основу сущности права справедливость. В иерархии аспектов сущности права целесообразность права, то есть стремление к общему благу, поставлена на последнее место. Вслед за целесообразностью идет правовая стабильность, которая в конечном счете и обеспечивает общее благо. А самой целью и главным аспектом права является справедливость [1, с. 233].

В своей работе Густав Радбрух раскритиковал позитивистские взгляды немецких юристов, которые сделали их «беззащитными перед законами преступного содержания и диктуемыми произволом». Кроме того им был выдвинут тезис, впоследствии названный формулой Радбруха: «Конфликт между справедливостью и правовой стабильностью мог бы быть разрешен в том смысле, что позитивное право, охраняемое законодательством и обеспеченно силой государственного принуждения, имеет приоритет даже тогда, когда оно по содержанию несправедливо и нецелесообразно. Исключение составляют лишь ситуации, когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как «несправедливое право» отрицает справедливость». Кроме того закон, который даже не стремится к справедливости, не является лишь «несправедливым правом», а вовсе не является правовым по своей природе [1, с. 233-234].

Формула Радбруха была выведена через концептуальное утверждение о природе права и выступает ценностным ориентиром для судей при толковании и оценки ими законов. В подтверждение своих слов Густав Радбрух привел несколько судебных решений, которые показывают начавшуюся в Германии борьбу с «законным неправом». Впоследствии подобной позиции придерживались и высшие судебные инстанции ФРГ. Естественно-правовая направленность прослеживается в решениях Федерального Верховного суда [2] и Федерального Конституционного суда [3], которые ссылались на формулу

Радбруха.

Также после воссоединения ГДР и ФРГ формула Радбруха использовалась при вынесении судебных решений против должностных лиц ГДР. Примером может служить практика уничтожения лиц, незаконно пересекающих государственную границу ГДР, с помощью огнестрельного оружия, систем автоматической стрельбы и противопехотных мин. Подобная практика основывалась на решениях Национального совета обороны ГДР, впоследствии члены этого совета были осуждены судами ФРГ за совершения преступлений. В своих решениях и Суд Земли Берлин и Федеральный Конституционный суд признали, что такая государственная практика «является вопиющим и недопустимым нарушением норм правосудия и прав человека, защищаемых международным правом» и сделали прямые отсылки к формуле Радбруха.

В последствие их позиция была поддержана Европейским судом по правам человека. Это подтверждает актуальность применения формулы Радбруха не только на национальном уровне, но и на уровне международного права, которое со времен Густава Радбруха было дополнено более конкретными оценочными критериями, которые позволяют определить когда государство нарушает права и свободы человека путем издания и применения «неправовых» законов [4].

Также можно предположить, что формула Радбруха применима к теории разделения властей, как инструмент недопущения применения «несправедливых» законов. Разработанная Густавом Радбрухом доктрина правопонимания является важной основой правоприменительной и интерпретационной деятельности судей в рамках предоставленной им компетенции.

Анализ концепции Густава Радбруха приводит к логическому вопросу о возможности применения формулы Радбруха в России. Доктринальное обоснование такой возможности содержится в самом понимании права «как

порядка и совокупности законов, призванных по сути своей служить справедливости». Однако для реального ее применения необходимо обоснование с точки зрения позитивного права.

Подобное обоснование необходимо искать в идеи верховенства права и требований правовой законности, которые нашли свое отражение в действующей Конституции России. Конституция закрепляет обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека (ст. 2) и при этом обозначает их в качестве ценностного ориентира применительно к смыслу, содержанию и применению законов (ст. 18). Эти требования не только постулируют требования к правовому содержанию закона, но и явно указывают на установления режима правовой законности в государстве. Также Конституция ч. 2 ст. 55 содержит и прямой запрет на принятие «неправовых» законов, которые отменяют или умаляют права и свободы человека и гражданина [5].

Подводя итог, можно отметить, что идеи Густава Радбруха ознаменовали новую эру расцвета естественно-правовых взглядов на право в XX в. и при этом еще раз акцентировали внимание на роли суда в системе разделения властей. Формула Радбруха дала ценностный ориентир судам при истолковании и оценки ими законов. Она позволяет национальным судам, в пределах их конкретной компетенции, осуществлять судебный контроль за содержанием законов и их соответствием принципу верховенства права и правовой законности. Также формула Радбруха актуальна для международно-правовых судебных инстанций с учетом тех оценочных критериев, которые были закреплены в международном праве в области прав человека после Второй мировой войны.

Литература:

1. Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право// Радбрух Г. Философия

права. М., 2004.

2. BGHZ (Decisions of the Federal Supreme Court in Civil Matters), vol. 16 (1955), 350, 353f.

3. BverfGE (Decisions of the Constitutional Court of the Federal Republic of Germany), vol. 23 (1968), 98, 106

4. Streletz, Kessler and Krenz v. Germany [GC], nos. 34044/96, 35532/97 and 44801/98, § 50, ECHR 2001-II

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).